

**ВЕСТНИК
ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия «ЭКОНОМИКА»**

**HERALD
OF OMSK UNIVERSITY
Series «ECONOMICS»**

*Редакционный совет
Editorial board*

Г.Д. Адеев (G.D. Adeev), д-р физ.-мат. наук, профессор
С.В. Белим (S.V. Belim, vicechairman), д-р физ.-мат. наук,
профессор, зам. председателя
В.И. Вершинин (V.I. Vershinin), д-р хим. наук, профессор
Г.И. Геринг (G.I. Gering), д-р физ.-мат. наук, профессор
А.К. Гуц (A.K. Guts), д-р физ.-мат. наук, профессор
Б.И. Осипов (B.I. Osipov), д-р филол. наук, профессор
В.А. Романьков (V.A. Roman'kov), д-р физ.-мат. наук, профессор
Н.А. Томилов (N.A. Tomilov), д-р ист. наук, профессор
А.В. Якуб (A.V. Yakoub, chairman), д-р ист. наук, профессор,
председатель

*Редколлегия журнала
Editorial staff*

Н.А. Волгин (N.A. Volgin), д-р экон. наук, профессор РАГС
Х. Вольман (H. Wollmann), профессор (в отставке) социально-
экономического института Берлинского университета
им. Гумбольдта (Германия)
Н. Вуняк (N. Vunjak), профессор экономического факультета
г. Суботица Университета г. Нови Сад (Сербия)
С.А. Дятлов (S.A. Dyatlov), д-р экон. наук, профессор СПбГЭУ
В.П. Иваницкий (V.P. Ivanitsky), д-р экон. наук, профессор УрГЭУ
А.Б. Крутик (A.B. Krutik), д-р экон. наук, профессор СПбГЭУ
О. Кубли (O. Kubli), директор Высшей школы менеджмента
г. Невшатель (Швейцария)
Т.А. Лапина (T.A. Larina), канд. экон. наук, доцент ОмГУ,
отв. редактор
С.А. Мамонтов (S.A. Mamontov), д-р экон. наук, профессор ОмЭИ
А.Е. Миллер (A.Ye. Miller), д-р экон. наук, профессор ОмГУ
Ю.Г. Одегов (Yu.G. Odegov), д-р экон. наук, профессор
РЭУ им. Г.В. Плеханова
В.С. Половинко (V.S. Polovinko), д-р экон. наук, профессор ОмГУ,
гл. редактор
Л.А. Трофимова (L.A. Trofimova), д-р экон. наук, профессор СПбГЭУ
Х. Хануш (H. Hanusch), профессор Университета Аугсбурга
(Германия)
В.А. Шабашев (V.A. Shabashev), д-р экон. наук, профессор КемГУ

© ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2015

*Ежеквартальный
научный журнал
ОСНОВАН В 2003 г.*

2015. № 3

*Quarterly
academic periodical
FOUNDED IN 2003*

**Включен
в перечень ВАК**

*Учредитель
ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского»*

*Адрес редакции и издателя:
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а,
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

*тел. (3812) 26-82-36
vestnik@omeco.ru*

*Гл. редактор
Владимир Семёнович Половинко*

Редактор Г.Н. Орлов

Технический редактор Н.В. Москвичёва

Дизайн обложки З.Н. Образова

*Редактор английского текста
О.С. Бурцева*

*Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21983*

от 21 сентября 2005 г.

*выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного наследия*

*Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 35915*

*Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах
научных электронных библиотек
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
С 2007 г. журнал включен в Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ)*

*Издательство ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*

*Дата выхода в свет 30.09.2015
Ризография. Формат 60x84 1/8
Печ. л. 51,5. Усл. печ. л. 47,9.
Уч.-изд. л. 50,2.*

*Тираж 500 экз. (1-й завод 1–130).
Заказ 200*

*Отпечатано
на полиграфической базе
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*

***Посвящается светлой памяти
Владимира Александровича Ядова –
учителя и стратега современной
русской социологии***

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурные факторы новой индустриализации регионов России: вызовы, возможности, проекты» в рамках исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» Омск, 26–29 октября 2015 г.

Половинко В.С. Модернизация социально-трудовых отношений в период неоиндустриализации 9

Пленарное заседание «К новой индустриализации России, ее регионов, муниципальных образований: социокультурные проблемы и факторы»

Латин Н.И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства..... 14

Тарасов В.Т. Интегрирующая модернизация регионов России и сбалансированность ее составляющих..... 20

Ромашкина Г.Ф., Вылегжанина А.О. Предпосылки для формирования информационного общества, или Окно возможностей для новой индустриализации..... 29

Лавренюк Н.М. Модернизация муниципальных образований в Республике Башкортостан: методология измерения 38

Мартышкин С.А., Прохоров Д.В., Цлаф В.М. Местные сообщества как фактор социокультурного развития территории (на примере г.о. Самара)..... 45

Беляева Л.А. Субъекты модернизации в России: практики постсоветского периода и современные проблемы..... 51

Круглый стол «Регион как социокультурное целое»

Бойко И.И., Тарасов В.Т., Харитонов В.Г. Социокультурное развитие Чувашской республики на фоне модернизационных процессов в регионе 59

Салахутдинова Р.Х., Лебединцева Л.А. Воспроизводство социального потенциала: перспективы развития Санкт-Петербурга 65

Арбуз А.В. Социально-экономическое положение населения Омской области в новых экономических условиях 71

Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. Опыт становления новой индустриализации в Тюменской области: социокультурный и социоэкономический контексты 79

Сергеев С.А. Основные вехи социокультурной эволюции Татарстана: от суверенитета к универсиаде и иннополису (1990–2015)..... 89

Галактионова Н.А. Соотношение центра и периферии в провинциальной идентичности..... 94

Беляев В.А. Тенденции эволюции интеллигенции региона 99

Кудинова Г.Э. Информационные технологии в экомодернизации и обеспечении устойчивого развития экономико-экологических систем региона бассейна крупной реки..... 104

Круглый стол «Приграничные территории»

Драчева М.В., Чигрин В.А. Система «берег-море» как сложное социальное образование..... 113

Юсупов М.М. Доверие как индикатор социокультурного состояния региональной общности 118

Винокуров А.И. Социокультурный портрет кросс-культурных взаимодействий в зоне российско-белорусского приграничья: методика описания 124

Колтакова Т.В. Проблемы социокультурной модернизации Забайкальского края в контексте его приграничной специфики 129

Круглый стол «Ценности населения как фактор модернизации региона»

Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С. Модернизационный потенциал в структуре ценностей жителей Пермского края 135

Ласточкина М.А. Жизненные ценности населения региона в социокультурном контексте 141

Петросян Д.И. Баланс ксенофобии и толерантности в ориентациях жителей Владимирской области как фактор социокультурной модернизации 147

<i>Апенко С.Н., Попова О.В., Романенко М.А.</i> Ценностно-нормативные основы развития проектного управления в регионе.....	154
--	-----

Круглый стол «Активность населения, гражданское участие, молодежь, семья»

<i>Булавка-Бузгалина Л.А.</i> Новая индустриализация в России: социокультурные императивы	160
<i>Когай Е.А.</i> Социальные практики гражданского участия в развитии регионов Центрального Черноземья	167
<i>Дергунова Н.В.</i> Социальное отторжение оппозиции как ограничение возможностей развития	174
<i>Пасовец Ю.М.</i> Специфика готовности населения российских регионов к принятию модернизационных преобразований.....	183
<i>Галкина Е.П., Кадничанская М.И.</i> Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов.....	193
<i>Коломенская А.С.</i> Социальное самочувствие студенческой молодежи в условиях модернизации российского общества.....	201
<i>Котельникова О.В.</i> Модернизационный потенциал молодёжи (региональный аспект).....	208

Круглый стол «Социальная инфраструктура, благополучие, здоровье населения»

<i>Кох И.А.</i> Социальная инфраструктура как форма институционализации процессов модернизации.....	213
<i>Мостовая Е.Б.</i> Величина и структура сферы услуг в контексте реиндустриализации и модернизации экономики.....	220
<i>Архипова Е.Б., Панкова С.Н.</i> Информатизация социальной сферы в условиях современных модернизационных процессов	226
<i>Ануфриев Д.П., Каргаполова Е.В., Потапова И.И.</i> Материальное благополучие как индикатор качества жизни населения (на примере Астраханской области)	232
<i>Немировский В.Г., Немировская А.В.</i> Динамика субъективного социального благополучия населения в контексте социокультурной модернизации крупного сибирского региона (на материалах исследований в Красноярском крае в 2010–2014 гг.).....	238
<i>Кульсеева Т.Г.</i> Роль социальных клубов в развитии сферы жизнеобеспечения региона.....	244
<i>Ловчев В.М.</i> Утверждение общественного здоровья в Татарстане: межрегиональное и международное измерения	249

Круглый стол «Наука и образование»

<i>Мостовая Е.Б., Дьячкова Ю.А.</i> Российские наука и образование и перспективы развития страны.....	254
<i>Касавина Н.А.</i> Развитие науки в контексте новой индустриализации.....	259
<i>Мажитова А.Р.</i> Научный потенциал и его современное состояние на примере Республики Башкортостан.....	265
<i>Мосин В.И.</i> Наука и инновации в Тульской области в современных условиях	270

Круглый стол «Модернизация, инновации и проектирование, корпорации, предпринимательство»

<i>Шабунин Д.М.</i> Инновационная активность организаций в условиях зависимой модернизации	277
<i>Плеханов Е.А.</i> Состояние и динамика инновационного потенциала региона	285
<i>Апенко С.Н., Еременко Е.И.</i> Подготовка и повышение квалификации управленческих кадров инновационных проектов в контексте социокультурной среды региона.....	290
<i>Чилимова Т.А., Иваницкий В.П.</i> Действенность отношений государства и корпорации в развитии инновационной экономики.....	296
<i>Петухов К.А., Германов И.А.</i> Корпоративная социальная ответственность как фактор модернизации российского общества.....	302

Выступления участников конференции

<i>Бальчиндоржиева О.Б.</i> Проблема личностной модернизации в Китае	307
--	-----

<i>Ганопольский М.Г.</i> Тюменский индустриальный эксперимент: нравственная история и социальная реконструкция	313
<i>Исупов А.М.</i> Образовательный потенциал как основа модернизации социально-экономической системы Самарской области.....	319
<i>Крупчатникова В.В.</i> Внешняя торговля Новосибирской области как фактор новой индустриализации регионов России	326
<i>Кубикова Н.В.</i> Состояние предпринимательской среды в Центральном Черноземье: поиск ответов на новые вызовы	332
<i>Кучинская Т.Н.</i> Форсайт социокультурного пространства российско-китайского трансграничья в процессе региональной модернизации	338
<i>Мочалова Л.А.</i> Основные условия и этапы формирования экономики устойчивого развития	345
<i>Мурзина Д.Ш.</i> Роль регионального мифотворчества в определении стратегии развития территорий (на примере Республики Татарстан).....	353
<i>Нестерова С.И.</i> Здоровье без денег – миссия невыполнима?	358
<i>Прокопчук Т.Л.</i> Особенности ценностных предпочтений учащейся молодежи Курского региона.....	366
<i>Семедова-Полупан Н.Г.</i> Некоторые аспекты социокультурной модернизации Чувашии.....	372
<i>Слобожанин А.В.</i> Высшее образование и наука в Тульской области и соседних регионах: сравнительный анализ.....	382
<i>Скворцова О.В.</i> Социокультурные изменения в сознании новосибирских школьников (2007–2015 гг.)	388
<i>Юрина В.С.</i> Опыт, проблемы разработки среднесрочных программ развития регионов, итоги их реализации (на примере Приволжского федерального округа).....	395
<i>Яцкова Д.С.</i> Потенциал модернизации университетов Центрального Черноземья	402
Сведения об авторах	408
Информация для авторов	412

CONTENTS

XI scientific-practical conference proceedings «Socio-cultural factors of the new industrialization in the russian regions: challenges, opportunities, projects» in the framework of the research program «Socio-cultural evolution of Russia and its regions» Omsk, 26–29 of October, 2015

Polovinko V.S. Modernisation of sozial-labor relations during neoindustrial period.....9

Plenary session «To the new industrialization of Russia, its regions, municipalities: socio-cultural issues and factors»

<i>Lapin N.I.</i> New industrialization of Russia: the regional and municipal levels of socio-cultural space.....	14
<i>Tarasov V.T.</i> Integrating modernization of Russia's regions and the balance of its components.....	20
<i>Romashkina G.F., Vylegzhanina A.O.</i> The prerequisites for the emergence of the information society or the window of opportunity for new industrialization.....	29
<i>Lavrenyuk N.M.</i> Modernization of municipalities in the Republic of Bashkortostan: measurement methodology.....	38
<i>Martyshkin S.A., Prokhorov D.V., Tslaf V.M.</i> Local communities as a factor of the socio-cultural development of the territory (on the example of Samara city).....	45
<i>Belyaeva L.A.</i> Subjects of modernization in Russia: the practice of post-soviet period and modern problems.....	51

Round table «Region as a socio-cultural integrity»

<i>Boyko I.I., Tarasov V.T., Kharitonova V.G.</i> Socio-cultural development of the Chuvash republic amid modernization processes in the region.....	59
<i>Salakhutdinova R.H., Lebedintseva L.A.</i> Reproduction of social potential: prospects for the development of St. Petersburg.....	65
<i>Arbuz A.V.</i> Socio-economic status of the population of the Omsk region in the new economic environment.....	71
<i>Davydenko V.A., Romashkina G.F.</i> The experience of the formation of the new industrialization in the Tyumen region: socio-cultural and socio-economic contexts.....	79
<i>Sergeev S.A.</i> Main milestones of sociocultural evolution of Tatarstan: from the sovereignty to universiade and innopolis (1990–2015).....	89
<i>Galaktionova N.A.</i> Ratio of the center and the periphery in provincial identit.....	94
<i>Belyaev V.A.</i> Trends in evolution of the regional intelligence.....	99
<i>Kudinova G.E.</i> The role of information technology in ecomaterial and sustainable development of economic-ecological systems in the basin major rivers.....	104

Round table «Border area»

<i>Dracheva M.V., Chigrin V.A.</i> System «shore-sea» as a complex social formation.....	113
<i>Yusupov M.M.</i> Trust as an indicator of socio-cultural status of the regional community.....	118
<i>Vinokurov A.I.</i> Sociocultural portrait of cross-cultural interactions in the region of the russian-belarusian border area: description technique.....	124
<i>Kolpakova T.V.</i> Problems of socio cultural modernization of Transbaikal region in terms of its cross border specific.....	129

Round table «Values of population as a factor of regional modernization»

<i>Plotnikova E.B., Markova Iu.S.</i> Modernization potential in the value structure of Perm region residents.....	135
<i>Lastochkina M.A.</i> Vital values of the population of the region in the sociocultural context.....	141
<i>Petrosyan D.</i> The balance of xenophobia and tolerance in Vladimir region as the factor of socio-cultural modernisation.....	147
<i>Apenko S.N., Popova O.V., Romanenko M.A.</i> Value-normative basis for the development of project management in the region.....	154

Round table «Activity of population, civic participation: youth and family»

<i>Bulavka-Buzgalina L.A.</i> New industrialization in Russia: sociocultural imperatives	160
<i>Kogay E.A.</i> Social practices of civic engagement in development of the regions of the central Chernozem region.....	167
<i>Dergunova N.V.</i> Social rejection of opposition as a restriction for development.....	174
<i>Pasovets Yu.M.</i> Specifics of russian regions population's readiness to acceptance of modernization transformations	183
<i>Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I.</i> Transformation of the institution of family in today's modernization process	193
<i>Kolomenskaya A.S.</i> Social well-being of student's youth in the conditions of modernization of russian society	201
<i>Kotelnikova O.V.</i> Modernization potential of youth (regional aspect).....	208

Round table «Social infrastructure, welfare and health of population»

<i>Kokh I.A.</i> Social infrastructure as a form of the modernization process institutionalization.....	213
<i>Mostovaya E.B.</i> The volume and structure of services in conditions of reindustrialization and modernization of economy.....	220
<i>Arhipova E.B., Pankova S.N.</i> Informatization of the social sphere in the conditions of modern modernization processes	226
<i>Anufriev D.P., Kargapolova E.V., Potapova I.I.</i> Material wealth as an indicator of the life quality of population (on the example of the Astrakhan region)	232
<i>Nemirovskiy V.G., Nemirovskaya A.V.</i> The dynamics of social well-being of population in the context of socio-cultural modernization of a large siberian region (on the basis of empirical research in the krasnoyarsk territory in 2010–2014).....	238
<i>Kulseeva T.G.</i> Role of social clubs in development of the sphere of regionlife support.....	244
<i>Lovchev V.M.</i> Adoption of public health in Tatarstan: interregional and international dimensions...	249

Round table «Science and education»

<i>Mostovaya E.B., Dyachkova Y.A.</i> Russian science and education and the country's development prospects	254
<i>Kasavina N.A.</i> The development of science in the context of new industrialization.....	259
<i>Mazhitova A.R.</i> Scientific potential and its current status on the example of the republic of Bashkortostan	265
<i>Mosin V.I.</i> Science and innovations in Tula region in modern conditions	270

Round table «Modernization, innovation and design, corporations, entrepreneurship»

<i>Shabunin D.M.</i> Innovative activity of organizations in terms of dependent modernization	277
<i>Plekhanov E.A.</i> State and dynamics of innovative potential of regio.....	285
<i>Apenko S.N., Eremenko E.I.</i> Preparation and advanced training of managerial personnel of innovative projects in the context of socio-cultural environment of the region	290
<i>Tchilimova T.A., Ivanitskiy V.P.</i> The role of state and corporations in developing the innovative economy.....	296
<i>Petukhov K.A., Germanov I.A.</i> Corporate social responsibility as factor of russian society modernization	302

The performances of the participants of the conference

<i>Balchindorzhiyeva O.B.</i> The problem of personal modernization in China.....	307
<i>Ganopolsky M.G.</i> Tyumen industrial experiment: moral history and social reconstruction	313
<i>Isupov A.M.</i> Educational potential as a basis of modernization of the socio-economic system in the samara region.....	319
<i>Krupchatnikova V.V.</i> Foreign trade of novosibirsk region as a factor of new industrialialization in Russian regions.....	326
<i>Kubikova N.V.</i> The business environment in the Central Chernozem region: the search for answers to new challenges.....	332
<i>Kuchinskaya T.N.</i> Foresight of russian-chinese cross-border area sociocultural space in the process of regional modernization	338

<i>Mochalova L.A.</i> Basic conditions and stages of formation the economics of sustainable development	345
<i>Murzina D.Sh.</i> The role of regional myth creation in strategy of territorial development's definition (case of Republic of Tatarstan)	353
<i>Nesterova S.I.</i> Health without money – mission impossible?	358
<i>Prokopchuk T.L.</i> Specificity of value preferences of the studying youth in the Kursk region.....	366
<i>Semedova-Polupan N.G.</i> Some aspects of socio-cultural modernization of Chuvashia	372
<i>Slobozhanin A.V.</i> Higher education and science in the Tula region and the neighboring regions: a comparative analysis.....	382
<i>Skvortsova O.V.</i> Sociocultural changes in the consciousness of novosibirsk schoolchildren (2007–2015 years).....	388
<i>Yurina V.S.</i> Experience and problems of development of medium-term programs of development of regions and first results of their realization (on the example of the Volga federal district)	395
<i>Iatskova D.S.</i> The potential of modernization of the universities in the Central Chernozem region.....	402
<i>Information about authors</i>	408
<i>Information for authors</i>	412

МАТЕРИАЛЫ
XI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
РЕГИОНОВ РОССИИ: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОЕКТЫ»¹
в рамках исследовательской программы
«Социокультурная эволюция России и ее регионов»
Омск, 26–29 октября 2015 г.

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 9–13.

УДК 330.34

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

MODERNISATION OF SOCIAL-LABOR RELATIONS DURING NEOINDUSTRIAL PERIOD

В.С. Половинко

V.S. Polovinko

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В статье рассматриваются вопросы влияния новых неоиндустриальных принципов развития экономики на изменение социально-трудовых отношений. Проблема исследуется через призму модернизационных процессов, осуществляющихся в регионах России, и является продолжением десятилетних исследований социокультурного портрета России и ее регионов. В качестве объекта исследования и иллюстрации приводятся примеры по Омской области как типичному региону. Особое внимание уделяется проблемам рынка труда как основного источника человеческих ресурсов для организаций региона. Рынок труда характеризуется диспропорциями, порожденными трансформацией отраслевой структуры. Преобладание пассивных методов регулирования не способно обеспечить потребности предприятий региона в человеческих ресурсах соответствующей квалификации. В статье доказывается, что ключевые проблемы лежат в плоскости миграционных процессов. Отток человеческих ресурсов из регионов является не только причиной регионального характера. На миграцию существенно влияет экономическая, образовательная и социокультурная политика государства. В качестве фактора оптимизации социально-трудовых отношений выделены модернизационные процессы в системе образования региона и России в целом. Важной составляющей для гармонизации социально-трудовых отношений автор видит профориентационную работу, которая в период неоиндустриализации должна осуществляться на новых принципах, отражающих перспективные изменения в структуре профессий и особенности поведения молодежи на рынке труда.

The article discusses the influence of new neo-industrial principles of economic development on the changing socio-labour relations. The problem is studied through the prism of modernization processes taking place in the regions of Russia, and it is a continuation of a decade of research on socio-cultural portrait of Russia and its regions. The object of study is the Omsk region. Special attention is paid to the problems of the labour market as the main source of human resources for organizations in the region. The labor market is characterized by distortions caused by the transformation of industrial structure. The predominance of passive methods of regulation are not sufficient to meet the needs of regional enterprises in human resources with appropriate skills. The paper argues that the key problems lie in the plane of migration processes. The outflow of human resources from the regions is not only the cause of a regional nature. Migration is significantly influenced the economic, educational and socio-cultural policy of the state. Modernization processes in the education system of the regions and Russia in general are a factor of optimization of social and labour relations. Career guidance is, in the author's opinion, important for the harmonization of social and labour relations. In the period neoindustrialization it should be based on new principles that reflect prospective changes in the structure of occupations and behaviors of youth in the labour market.

Ключевые слова: модернизация, неоиндустриализация, социально-трудовые отношения, рынок труда, производительность труда, человеческие ресурсы, профориентация, миграция, система образования.

Key words: modernization, neoindustrialization, social and labor relations, labor market, labor productivity, human resources, career guidance, migration, education system.

¹ Конференция осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-14059).

Актуальность. Переориентация принципов развития экономики как системы объективно обуславливает аудит принципов развития её элементов. Таким образом, и неоиндустриализация должна сопровождаться пересмотром в том числе принципов развития социально-трудовых отношений. Не вдаваясь в тонкости терминологии, можно заключить что неоиндустриальная экономика представляет собой наукоёмкую экономику, нацеленную на трудосбережение, рециркуляцию ресурсов и безотходность, замещение трудоёмкого труда машиноёмким, превращение общественного труда в творческий, изобретательский, научный, организационный [1]. При этом очевидно, что социально-трудовая сфера становится ключевой в процессе модернизации, поскольку именно качество человеческого ресурса становится и фактором, и условием неоиндустриализации.

Социально-трудовые отношения (СТО) можно разделить на 3 группы:

– отношения подготовки к занятости (формируют потенциал человеческих ресурсов: количество и качество компетенций, необходимых для общества, региона, организаций, человека). В эту группу можно отнести отношения в рамках системы профориентации, отношения миграции, структуру и качество системы образования и др.;

– отношения занятости в народном хозяйстве (определяют процесс и результат/эффективность использования человеческих ресурсов). В большей степени это отношения управления человеческими ресурсами (HRM) и описываются, регулируются в рамках соответствующей проблематики систем управления персоналом;

– отношения инфраструктуры занятости (формируют рекреационные и организационные условия). К ним относятся вопросы высвобождения персонала, пенсионные отношения, отношения вторичной занятости, вопросы организации управления и развития.

Неоиндустриальная революция кардинально меняет всё общество, начиная с характера труда и структуры трудового баланса, или распределения общественного труда. Человек занимается созданием новых машин, ещё более эффективных с точки зрения экономии труда, трудосбережения, увеличения свободного времени. С помощью неоиндустриальных, технотронных машин экономика добывается постоянно возрастающей экономии труда. И, разумеется, экономия труда достигается не ради самой себя. Такая эконо-

мия направляется на то, чтобы свести к минимуму монотонные режимы рабочего времени, расширив сферу приложения творческого и организационного труда [2]. Неоиндустриальным замещением трудоёмкого труда машиноёмким диктуется также совершенно новое отношение к человеку труда. В частности, неоиндустриализация даёт установку на общество не с дешевой рабочей силой, а, наоборот, с дорогостоящей рабочей силой. Тем самым предполагается совершенно иная трактовка конкурентоспособности. Дорогостоящая рабочая сила – это не только высокая квалификация, не только высшее образование. Это ещё высшая производительность труда и колоссальное сокращение сроков окупаемости вложений в человеческий капитал.

Коротко остановимся только на некоторых аспектах СТО с позиции неоиндустриализации. В частности, на таких элементах отношений подготовки к занятости, как миграционные процессы и профориентация. На высочайшую актуальность этих вопросов обращалось внимание и ранее [3; 4].

Результаты исследования. Согласно результатам исследования ВЦИОМ 2012 г., благоприятную обстановку на Востоке России видят лишь по 10 % населения во всех целевых группах. 40 % жителей регионов Сибири и Дальнего Востока рассматривают возможность покинуть эти территории. (Эти данные подтверждаются и результатами исследований кафедры экономики и социологии труда ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (2012–2015 гг.). Субъективные предпочтения людей материализовались в конкретных статистических данных (см. табл. 1, 2) [5].

Отрицательное сальдо миграции стало характерно в 2015 г. для Красноярской и Томской областей, где ранее наблюдался небольшой (на уровне статистической погрешности) миграционный прирост. Уверенный миграционный прирост в Новосибирской области соответствует и тенденциям в других федеральных округах. Это отражает положение нашей основной гипотезы в рамках исследования модернизации в регионах: административная политика, в том числе формирование федеральных центров, даёт импульс для их развития и предопределяет положительный рост показателей до 20 %.

Основной миграционный отток омичей направлен в центральные регионы [6], а в последние годы также в Екатеринбург, Тюмень.

Таблица 1

Миграция населения в I полугодии 2015 г.

Регион	Число прибывших в регион, чел.	Число выбывших из региона, чел.	Миграц. прирост (+), убыль (-), чел.
Сибирский федеральный округ	276 871	284 531	-7660
Республика Алтай	5503	5028	475
Республика Бурятия	19 084	19 311	-227
Республика Тыва	4523	4781	-227
Республика Хакасия	11 239	10 639	600
Алтайский край	36 471	37 247	-778
Забайкальский край	12 946	15 247	-2301
Красноярский край	51 082	51 839	-757
Иркутская область	27 890	30 873	-2983
Кемеровская область	32 236	32 586	-350
Новосибирская область	35 394	33 030	2364
Омская область	25 567	27 568	-2001
Томская область	14 936	16 380	-1444

Источник: <http://www.omskinform.ru/news/84793> [5].

Таблица 2

Общие итоги миграции

Миграция	Январь-июнь 2015 г.		Справочно январь-июнь 2014 г.	
	чел.	на 1000 чел.	чел.	на 1000 чел.
Всего				
прибывшие	25567	26,1	26052	26,6
выбывшие	27568	28,1	25512	26,1
миграционный прирост (+), снижение (-)	-2001	-2,0	+540	+0,5
в том числе:				
в пределах России				
прибывшие	21089	21,5	21275	21,7
выбывшие	25340	25,8	24216	24,7
миграционный прирост (+), снижение (-)	-4251	-4,3	-2941	-3,0
в том числе:				
межрегиональная				
прибывшие	6877	7,0	7329	7,5
выбывшие	11128	11,3	10270	10,5
миграционный прирост (+), снижение (-)	-4251	-4,3	-2941	-3,0
внутриобластная				
прибывшие	14212	14,5	13946	14,2
выбывшие	14212	14,5	13946	14,2
миграционный прирост (+), снижение (-)	-	-	-	-
международная				
прибывшие	4478	4,6	4777	4,9
выбывшие	2228	2,3	1296	1,4
миграционный прирост (+), снижение (-)	+2250	+2,3	+3481	+3,5
в том числе:				
с государствами-участниками СНГ				
прибывшие	4068	4,2	4156	4,3
выбывшие	1650	1,7	1086	1,2
миграционный прирост (+), снижение (-)	+2418	+2,5	+3070	+3,1
со странами дальнего зарубежья				
прибывшие	410	0,4	621	0,6
выбывшие	578	0,6	210	0,2
миграционный прирост (+), снижение (-)	-168	-0,2	+411	+0,4

Источник: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/statistics/ [6].

На миграционные процессы существенно влияют положения экономической и социальной политики современной России. В частности, модернизация системы образования (внедрение ЕГЭ, укрупнение вузов, формирование крупных федеральных и научно-исследовательских университетов и пр.) стимулирует отток выпускников школ из регионов в «центр». По нашим предварительным оценкам число выпускников общеобразовательных школ, желающих переехать для обучения в «центральные вузы» за последние 4 года увеличилось в 3 раза (с 15 до 45 %). Примерно такие же тенденции и среди выпускников вузов, которые по окончании обучения «хотели бы работать в других городах».

В экономике России все более усиливается роль крупных госкорпораций, холдингов и консорциумов с центром управления в Москве, Санкт-Петербурге, столицах федеральных округов. Именно в этих структурах формируется кадровая политика, туда направлены карьерные траектории развития персонала регионов. В этих центрах создаются более привлекательные рабочие места, что стимулирует отток высококвалифицированных человеческих ресурсов из регионов.

В результате практически каждый регион Сибири сталкивается с проблемой обеспечения планов экономического развития соответствующими трудовыми ресурсами. Требуется формирование современной модели управления миграционными процессами, которые отражают объективность процессов и их усиление в контексте глобализации и межрегиональной интеграции, с одной стороны, и позволяют выработать эффективную миграционную политику в регионе, необходимую для повышения привлекательности регионов в экономическом и социокультурном контексте, с другой стороны. Считаем, что необходимо в рамках вопросов модернизации регионов особо проанализировать положения экономической и социальной политики России, влияющие на миграционные процессы.

Еще одним вопросом, требующим радикально нового подхода является профориентация, которая непосредственно влияет на формирование трудового потенциала региона. Анализ научных источников и практики профориентации показывает, что до сих пор реализуются мероприятия в принципах, которые выработаны в 1970-е гг. Традиционные методы профориентации недостаточно эффективны. Проведенные исследования со школьниками показали, что по результатам

опроса абитуриентов 2014 г. 34 % меняют свой выбор при подаче заявлений в вуз, 41 % при выборе альтернатив поступления указывают несогласовывающиеся друг с другом направления подготовки (с учетом набора ЕГЭ), 63 % не смогли ответить на вопрос о специфике направления подготовки.

Разработанная нами концепция строится на радикально новых принципах, отражающих принципы неоиндустриализации:

1. «Выбирай профессию будущего». В профориентации должны быть смещены временные ориентиры. В настоящее время точкой анализа является фактически сложившаяся профессиональное разделение труда. Вместе с тем, выбор профессии должен основываться на прогнозе в 10–12 лет, когда школьник выйдет в активную фазу профессионального развития и трудоустройства. Для этого могут быть применены принципы, которые заложены Агентством стратегических инициатив при разработке «Атласа профессий будущего» [7].

2. «Попробуй себя в профессии». Наиболее эффективными являются методы, позволяющие наряду с профинформированием, осуществить диагностику предрасположенности в методах с пробами профессии. Это могут быть не только игровые ситуации, но и тренинги, включение в производственные задания, выполнение тестовых ситуаций и пр.

3. «Формирование надпрофессиональных компетенций». Тенденция стирания межпрофессиональных различий и формирование рабочих мест под компетенции персонала активно обсуждаются в литературе. Все это актуализирует необходимость формирования компетенций, которые могут быть применены в разных группах профессий (аналитические способности, лидерство, коммуникабельность, способности к саморазвитию и пр.)

4. Методы должны ориентироваться на восприятие поколений «Y» и «Z». Новые поколения имеют особенности восприятия внешних стимулов и мотивационные предпочтения. Это нельзя не учитывать при профориентации, методы которой должны стать проактивными, игровыми, многовариантными, включенные в личность, содержать структурированную информацию с глобальными сетями.

5. Матрицы индивидуальных траекторий развития. Расширение временных горизонтов и динамичность развития профессий должны опираться на многовариантность выбора и развития. Такими инструментами

могут стать матрицы профессионального самоопределения.

При разработке вопросов формирования СТО по подготовке к занятости на уровне региона нельзя не опираться на стратегические программы развития регионов и Рос-

сии. Так, например, диспропорции на рынке труда в Омской области в значительно степени связаны с тем, что динамика отраслевой структуры (табл. 3) не сопряжена с системой подготовки соответствующей рабочей силы.

Таблица 3

Изменения отраслевой структуры экономики омской области [6]

Показатель	Год	
	1985	2014
Машиностроение и металлообработка (доля в объеме промышленности), %	32	8
Нефтепереработка, химия, нефтехимия (доля в объеме промышленности), %	35	63
Легкая промышленность (доля в объеме промышленности), %	10	3
Сельское хозяйство (доля в объеме ВРП), %	12	8
Место Омской области по ВРП на душу населения (в РФ)	24	29
Занято в промышленности, тыс. чел	222	124

Заключение. В рамках статьи мы рассмотрели лишь незначительные фрагменты, которые иллюстрируют необходимость изменения подходов к анализу СТО с позиций новой индустриализации. При этом модернизационные процессы должны основываться на системных факторах, к которым относятся миграционные процессы, система профориентации. От управления этими системами зависит количество и качество человеческих ресурсов региона, т. е. ресурсов, предопределяющих успехи экономики и возможности реализации стратегии развития.

1. Губанов С. С. Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3(33). – С. 22–26.

2. Новая индустриализация. – URL : <http://www.sverxnova.ru/Onas/chitat-6/novaja-industrializacija/> (дата обращения: 14.04.2014).

3. Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 5–10.

4. Немировский В. Г., Половинко В. С. Возможности модернизации регионов Сибирского федерального округа // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 27–34.

5. Половинко В. С. Омскую область покидают из-за низкого качества жизни. – URL : <http://www.omskinform.ru/news/84793> (дата обращения: 25.11.2014).

6. Общая характеристика Омской области. – URL : http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/statistics/ (дата обращения: 25.11.2014).

7. Атлас новых профессий. – URL : http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
«К новой индустриализации России, ее регионов,
муниципальных образований: социокультурные проблемы и факторы»

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 14–19.

УДК 330.34

**НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ:
НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА¹**

**NEW INDUSTRIALIZATION OF RUSSIA:
THE REGIONAL AND MUNICIPAL LEVELS OF SOCIO-CULTURAL SPACE**

Н.И. Лапин

N.I. Lapin

Институт философии РАН, Москва

Institute of Philosophy RAS, Moscow

Статья поступила в редакцию 20 июня 2015 г.

Рассмотрены два аспекта исследований социокультурных факторов новой индустриализации России. Во-первых, показан комплексный характер ее объектов и акцентировано значение сферы жизнеобеспечения как одного из основных ее объектов. Важно выявить, какие используются средства и технологии новой индустриализации объектов этой сферы, способствуют ли они повышению качества жизни россиян к тем стандартам, на которые ориентируется большинство российских регионов. Также задача новой индустриализации актуальна не только в России, но и в глобальном масштабе, с учетом особенностей различных гео-регионов. Во-вторых, обоснована целесообразность углубления исследований, проводимых по программе социокультурной эволюции регионов, путем включения в их предмет первичных структур региона – муниципальных образований. Первичные структуры региона особенно значимы во взаимоотношениях государства и гражданина как человека – это пограничная область между ними, которая позволяет гражданину лично, по своему жизненному опыту, судить о деятельности государства, но на которую государство может влиять лишь косвенно, через законодательное определение основных полномочий органов местного самоуправления. Предложены направления экспериментальных поисков инструментария для решения этой задачи. Так, на уровне муниципальных образований возрастает роль качественных методов исследования, таких как экспертные опросы, наблюдение (в том числе включенное), контент-анализ СМИ, нарративы. Важна также визуализация, в том числе фото «простых людей», типовых сценок на улицах и в жилищах, культурного ландшафта и т. п. Все это сделает результаты исследований ближе к жизненным мирам населения, к его потребностям, интересам, ценностям и позволит региональным и муниципальным органам повысить эффективность управления регионами и их муниципальными образованиями.

Two aspects of the studies the sociocultural factors new industrialization of Russia are considered in the article. Firstly, it shows the integrated nature of its objects and accented with life support scope as one of its main objects. It is important to identify what are the tools and technologies of the new industrialization of the objects of this sphere, whether they contribute to the improvement of the quality of life of Russians to the standards, which caters for the majority of Russian regions. Also, the new industrialization is relevant not only in Russia but also globally, taking into account peculiarities of different geo-regions. Secondly, the expedience of the deepening of research conducted under the program of social and cultural evolution of regions, by including the subject of the primary structures of the region – municipalities. The primary structure of the region is particularly significant in the relationship between state and citizen. This border region between them, which allows the citizen to judge the activities of the state, but on which the government can influence only indirectly, through the legislative definition of the main powers of local governments. The article suggests areas of experimental searches for tools for this task. So, at the level of municipalities, the role of qualitative research methods such as interviews, observation (including enabled), content analysis of media narratives increases. Visualization is also important, including photos of "ordinary people", typical scenes on the streets and in homes, cultural landscape, etc. All this will make the research results closer to the life worlds of population, its needs, interests, values and will allow regional and municipal authorities to improve the efficiency of management of regions and their municipalities.

Ключевые слова: приоритетность новой индустриализации, качество жизни, комплексность его объектов, муниципалитет как первичная социокультурная общность в регионе, жизненный мир человека.

Key words: the priority of new industrialization, quality of life, the complexity of its objects, the municipality as the primary socio-cultural commonality in the region, the human lifeworld.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00421а по теме «Социокультурные факторы несбалансированности модернизации как цивилизационного процесса»).

Введение. К настоящему времени в российском обществоведении фактически сложился (за немногими, но влиятельными исключениями) консенсус относительно того, что ресурсно-экспортная модель экономики России, сформировавшаяся на начальных этапах перехода к рынку, вполне доказала свою бесперспективность и является главной экономической причиной торможения и стагнации развития всего российского общества. Необходима другая модель развития, обеспечивающая конкурентоспособность и успешность российской экономики, всей страны.

Как отмечено в разделе «Общественные науки» проекта Доклада РАН о состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2014 году, «наблюдаемая в настоящее время деиндустриализация экономики России не может быть преодолена без активных мер по восстановлению среднетехнологичных отраслей машиностроительного профиля. Технологии, продукция и услуги таких отраслей должны соответствовать возросшим требованиям внутреннего и мирового рынка» [1, с. 212]. Состав востребованных рынком продуктов за последние 20–30 лет кардинально изменился, а многие отечественные отрасли и подотрасли уже прошли «точку невозврата» к конкурентоспособному уровню и на их месте необходимо создавать новые компании и отрасли практически с нуля. Организационной основой формирования новых подотраслей и отраслей должны стать инновационно-технологические кластеры, формирующиеся в рамках новых современных холдингов.

Приоритетной стала задача осуществления новой индустриализации, в основе которой должна быть инновационная составляющая. Ее задачи должны решаться с учетом особенностей разных уровней организации общества, или, в терминах нашей Программы, с учетом особенностей регионального, муниципального и иных первичных уровней социокультурного пространства России: как большого общества и своеобразной цивилизации [2].

Население России, его региональные сообщества, муниципальные и иные первичные общности вправе ожидать от нас как исследователей выявления имеющегося опыта осуществления новой индустриализации в этих лично значимых для каждого человека структурах его жизнедеятельности и конкретных предложений, опирающихся на резуль-

таты исследований. Что мы предлагаем для осуществления новой индустриализации и повышения качества жизни населения регионов?

Основной целью нашей конференции является содействие проведению, обмену опытом и обобщению результатов исследований роли социокультурных факторов новой индустриализации как основного способа развития первичной, индустриальной стадии модернизации и перехода большинства регионов (субъектов) России к началу вторичной, информационной стадии модернизации.

В настоящей статье я обращаю внимание на два аспекта движения к этой цели.

1. Новая индустриализация – приоритетная задача модернизации России, ее регионов и муниципальных образований.

В программе XI-й конференции подчеркнут комплексный характер объектов новой индустриализации, выделены четыре группы таких объектов: 1) производство – промышленное и аграрное; 2) сфера жизнеобеспечения населения; 3) эксплуатация, ремонт, совершенствование имеющегося оборудования; 4) создание и использование новых знаний: наука и образование; прикладные исследования и разработки новых товаров, услуг, технологий; пути, способы и формы реализации результатов науки и инноваций в новых товарах и услугах, социальных практиках, соответствующих гуманным ценностям позициям большинства населения. Имеются и иные, более специализированные дифференциации объектов новой индустриализации.

В рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» мы концентрируем внимание на социокультурных предпосылках и результатах всех объектов новой индустриализации. На локальных уровнях социокультурного пространства региона особое значение имеют объекты сферы жизнеобеспечения: жилищное хозяйство, торговля и общественное питание, здравоохранение, воспитание и образование детей и молодежи. Важно выявить, какие используются средства и технологии новой индустриализации объектов этой сферы, способствуют ли они повышению качества жизни россиян, соответствуют ли тем стандартам, на которые ориентируется большинство российских регионов.

Добавлю, что задача новой индустриализации актуальна не только в России, но и в глобальном масштабе, с учетом особенностей различных гео-регионов (цивилизаций). Как показали результаты мониторинга «Мо-

дернизация в мире и Китае», проводимого Центром исследований модернизации Китайской академии наук [3], модернизация приобрела в XXI веке всемирный характер. Но население 95 стран из 130, включая Китай и Индию, находится в условиях первичной, индустриальной стадии модернизации, а некоторые страны не вступили в эту стадию. Следовательно, сегодня приоритетной является задача индустриализации большинства стран мира.

В отстающих и предварительно развитых странах индустриализация осуществляется на основе первых трех технологических укладов. В среднеразвитых и развитых странах, включая западные, актуализировались задачи новой индустриализации путем развития средних и высоких технологических укладов. Страны западной цивилизации, прежде всего ее европейской субцивилизации, заинтересованы в сочетании решения этой задачи с продолжением вторичной, информационной стадии модернизации. Чем успешнее будет такое сочетание, тем меньше будет острота проблем миграции населения из менее развитых стран в более развитые, равно как проблем безработицы в самих развитых странах и насильственного миссионерства экстремистских адептов одних цивилизаций в отношении других.

В России также возникает опыт модернизации, интегрирующей две ее стадии. Например, в Московской агломерации, о чем кратко уже сказано при характеристике Центрального федерального округа [4].

2. Целесообразность углубления предмета наших исследований – к муниципальным образованиям как структурам регионов.

Чтобы сделать требуемую стратегию новой индустриализации понятной «низам» и «верхам», желательно раскрыть ее необходимость для всех уровней социокультурного пространства России как большого общества (*Gesellschaft, society, société*), включая его структуры первичного уровня.

Напомню основные компоненты общества: 1) *человек* как деятельное противоречивое (одновременно биологическое, культурное и социальное) существо; вернее, достаточно большое *множество людей*; 2) положение этого множества людей в определенном географическом пространстве, природно-климатические условия их жизни и деятельности; 3) культура как система надбиологических программ жизнедеятельности че-

ловека, включая мировоззренческие универсалии как ее глубинные основания, базовые ценности (Степин), или такой исторически сложившийся *тип культуры*, который позволяет членам данного общества отодвинуть природные границы своего выживания, обеспечивает относительную устойчивость существования и возможности развития своих собственно человеческих качеств; 4) тип *социума* (совокупности общественных отношений между людьми в процессах их деятельности), соответствующий или несоответствующий типу культуры, т. е. способствующий или препятствующий реализации ее потенциала. Одно из основных противоречий российского общества и всей российской цивилизации заключается в несоответствии социума, для которого характерны архаичные российско-азиатские практики авторитарного этатизма, более современной восточно-европейской культуре (подробнее см.: [2, с. 7–9]). Это противоречие пронизывает все социально-территориальные структуры общества как целого, включая первичные.

Целесообразно различать как минимум два вида его первичных структур. Во-первых, муниципальные образования (включая расположенные на их территориях городские и сельские поселения) как административно-территориальные структуры, в рамках которых осуществляется местное самоуправление, органы которого не входят в систему органов государственной власти. Во-вторых, зарегистрированные в муниципальных образованиях коммерческие и некоммерческие организации и их структуры, малые предприятия, домохозяйства. Те и другие являются компонентами гражданского общества.

Регион как субъект Российской Федерации – это уже иной, государственный уровень административно-территориальных структур, или мезоуровень социально-территориальных структур общества: это сообщество (*association*) между первичными общностями (общинами, *Gemeinschaft, community, commonality, commune*) и большим обществом.

Возникает вопрос о целесообразности углубить предмет наших исследований, включить в них муниципальные образования как первичные структуры региона. В постсоветской российской социологии территориальные общности первичного уровня мало исследованы. Из недавних работ Института социологии РАН можно назвать коллективную монографию «Автопортрет местных сообществ» [5], в которой представлены и мест-

ные сообщества (не в аспекте муниципальных образований) ряда регионов, в том числе участвующих в нашей Программе: Республики Карелия, Пермского края, Вологодской области, Москвы. В нашей Программе поселениям и муниципальным образованиям уделяется внимание в проектах Свердловской области, Пермского края и некоторых других, в последнее время – в Республике Башкортостан. Но наиболее систематично исследования муниципальных образований ведутся в Вологде. Институт социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН осуществляет регулярный мониторинг общественных настроений (МОН) в 10 муниципальных образованиях Вологодской области с целью оценки динамики восприятия населением условий жизни, отношения к политической и экономической ситуации в стране и регионе. Качество и практическое значение интерпретации оценок МОН повышаются благодаря тому, что они соотносятся с многомерными индексами социально-экономического развития всех 26 районов области, которые ИСЭРТ также определяет [6].

Согласно ст. 12 Конституции России в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление; в пределах своих полномочий оно самостоятельно, при этом органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Это позволило России в 1998 г. ратифицировать Европейскую хартию местного самоуправления (ее подписали в 1985 г. 44 из 47 членов Совета Европы) и тем самым войти в соответствующую область европейского правового пространства.

Правовые основы местного самоуправления конкретизированы в главе 8 Конституции РФ и детализированы в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 г. Вместе с тем *содержание* понятий «местное самоуправление» и «муниципальное образование» не вполне определено, остается дискуссионным. Осуществление полномочий местного самоуправления сопряжено с административно-управленческими и социально-экономическими противоречиями, которые обострились после второй административно-муниципальной реформы (2003–2008 гг.), означавшей пересмотр первой реформы (1993–2000 гг.) (см.: [7; 8]).

Первичные структуры региона (первичные социокультурные общности) особенно значимы во взаимоотношениях государства

и гражданина как человека – это пограничная область между ними, которая позволяет гражданину лично, по своему жизненному опыту, судить о деятельности государства, но на которую государство может влиять лишь косвенно, через законодательное определение основных полномочий органов местного самоуправления. Здесь непосредственно формируются и функционируют жизненные миры людей – их потребности, интересы и ценности, их лицом-к-лицу коммуникации и взаимопонимание или непонимание, опирающиеся на них взаимодействия и структуры (социокультурные страты), их гражданские позиции – как активных граждан либо как отчужденных подданных государства. Негосударственный характер органов местного самоуправления призван стать барьером на пути огосударствления жизненного мира человека. Однако на практике государство нередко снижает содержание этого барьера до «вопросов местного значения», избегая принципиальных самоограничений.

Мне уже приходилось отмечать, что современное общество (в большинстве стран) асимметрично [9, с. 22–23]: институциональные макроструктуры его социума доминируют над первичными социокультурными общностями (первым обратил на это внимание еще Ф.Тённис), но человек и его общности стараются сохранить свои жизненные миры, удерживают свою глубинную идентичность в противостоянии с институциональным социумом (Ю. Хабермас); при этом они опираются на родной язык, традиции, на всю культуру своего этноса. Это противостояние составляет фундаментальную социокультурную проблему существования первичных общностей. Важно понять реальное место этой, во многом латентной проблемы, поскольку она нередко оказывается в тени административно-управленческих, социально-экономических и других явных проблем социума. А сверхпроблема/задача – выявление путей повышения благополучия и в целом качества жизни населения муниципальных образований, преодоления самоотчужденного, формального гражданства подданных и развития их субъектной активности, достойной подлинного гражданства.

Все это побуждает поставить новую задачу развития нашей Программы – задачу углубления ее предмета: от региона в целом к региону, включающему муниципальные образования как его первичные структуры (возможно, и иные первичные структуры регио-

на как социокультурного сообщества). Это сложная задача, решение которой в настоящее время затрудняется из-за отсутствия в статистике органов местного самоуправления многих показателей, относящихся к состоянию экономики муниципальных образований, тем более их социокультурной модернизации.

Заключение. Используя накопленный участниками Программы опыт подготовки социокультурных портретов регионов и процессов их модернизации и стремясь более глубоко понять их содержание с учетом социокультурной эволюции муниципальных образований, целесообразно в течение ближайшего года осуществить экспериментальные поиски как минимум в двух направлениях.

Направление № 1. Детально выяснить состояние статистики муниципальных образований, каналы и причины расхождения ее источников и показателей со статистикой региона, сформировать и апробировать предложения по совершенствованию статистики муниципальных образований, рабочей доводке ее показателей до возможности сопоставлять с основными показателями типового инструментария ЦИСИ Института философии РАН «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2015) и с показателями инструментария Центра исследований модернизации АН Китая (ЦИМ АНК), адаптированными к статистике регионов.

Направление № 2. На основе названного типового инструментария ЦИСИ, дополненного адаптированным инструментарием ЦИМ АНК, получаем социокультурный портрет региона с учетом состояния и динамики его модернизированности (в 2011–2015 гг. участники Программы уже создали такие портреты около 20 регионов, а также 7 федеральных округов (см.: [10]) и дополняем его характеристикой репрезентативных для региона муниципальных образований, которую можно получить с помощью адаптированных инструментариев двух мониторингов ИСЭРТ РАН: мониторинга общественных настроений региона и его районов (рук. А.А. Шабунова [11]) и мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований (рук. Т.В. Ускова) [6].

На следующей нашей конференции мы могли бы рассмотреть результаты экспериментальных поисков и, надеюсь, сделать конструктивные выводы относительно инструментария для всех участников Программы.

Следует также учесть, что на уровне муниципальных образований возрастает роль качественных методов исследования, таких как экспертные опросы, наблюдение (в том числе включенное), контент-анализ СМИ, нарративы. Важна также визуализация, в том числе фото «простых людей», типовых сценок на улицах и в жилищах, культурного ландшафта и т. п. Желательно проводить исследование в сотрудничестве с культурными антропологами, экономистами, эконом-географами, филологами (например, фольклористами) и другими специалистами. Ведь объект тем сложнее, чем ближе он к человеку. Для понимания муниципального образования особенно важно определить его человеческий потенциал.

Все это сделает результаты наших исследований ближе к жизненным мирам населения, к его потребностям, интересам, ценностям. А также позволит региональным и муниципальным органам повысить эффективность управления регионами и их муниципальными образованиями.

1. Доклад РАН о состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2014 году. Проект. – М. : Наука, 2015. – 324 с.

2. Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. II. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 3–17.

3. 1st International Modernization Forum: Modernization and Global Change Proceedings // Beijing, 8 and 9 August 2013. – P. 71–74.

4. Лапин Н. И., Касавина Н. А. Несбалансированность процессов модернизации регионов. Центральный район ЦФО // Социс. – 2015. – № 3. – С. 29–36.

5. Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью / отв. ред. И. А. Халий. – М. : Ин-т социологии РАН, 2006. – 316 с.

6. Эффективность государственного управления в оценках населения: мониторинг социально-экономического положения муниципальных районов Вологодской области в 2000–2014 гг. / под науч. рук. проф. В. А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 108 с.

7. Административная реформа в субъектах Российской Федерации / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при

Правительстве РФ; под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. – М. : Контракт, 2008. – 352 с.

8. *Лексин В. Н.* Федеративная Россия и ее региональная политика. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 352 с.

9. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М. : Academia, 2009. – 808 с.

10. Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России [цикл статей] / сост. Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 5–34; – № 2. – С. 41–55; – № 3. – С. 22–55.

11. Социокультурные аспекты развития территории : монография / А. А. Шабунова, К. А. Гулин, Н. А. Окулова и др. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. – 131 с.

ИНТЕГРИРУЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ

INTEGRATING MODERNIZATION OF RUSSIA'S REGIONS AND THE BALANCE OF ITS COMPONENTS

В.Т. Тарасов

V.T. Tarasov

*Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Cheboksary Branch of Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Используется методика оценки интегрированной модернизации, разработанная Центром исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН). Выявлены новые операциональные свойства и аналитические возможности методики как действенного инструмента управления модернизацией, которые прошли экспериментальную проверку с использованием метода панельной регрессии по данным 79 регионов страны за 2005–2013 гг. С помощью предложенных методов анализируется сбалансированность составляющих интегрированной модернизации. Основное внимание при этом уделяется проверке гипотезы о роли составляющих интегрированной модернизации (инновативной, социальной и экономической) на изменение ее уровня. Выявлены структурные особенности дисбаланса составляющих, присущие большинству регионов, и определены стратегические направления его снижения. Основная проблема структурной несбалансированности модернизации состоит в неоправданном отставании инновативной и экономической составляющих модернизации от социальной составляющей. Показана определяющая роль инновативной и экономической составляющих в обеспечении сбалансированного роста интегрированной модернизации. Представлены оценки параметров уравнений регрессии и протоколы тестирования.

The article uses the method of estimating the integrated modernization, developed by the Center for Modernization Studies, Chinese Academy of Sciences (CAS CIM). The author identifies new operational features and analytical capabilities technique as an effective instrument of management modernization, which underwent an experimental test using a panel regression method according to 79 regions of the country for 2005-2013. With the proposed method the author analyzes balance components of integrated modernization. The main focus is made on testing the hypothesis about the role of the components of the integrated modernization (innovative, social and economic) in changing its level. The structural features of unbalance components are inherent in most regions, and identify strategic directions of its decline. The main problem of the structural imbalance of modernization is unnecessary lag of the innovative and economic components of the modernization from the social component. The article emphasized the determining role of innovative and economic components to ensure the balanced growth of integrated modernization, presents estimates of the parameters of regression equations and testing protocols.

Ключевые слова: интегрирующая модернизация, сбалансированность составляющих модернизации, панельная регрессия факторов модернизации регионов.

Key words: integrating modernization, balanced components of modernization, panel regression factors modernization regions.

Введение. В статье представлены некоторые результаты комплексного исследования проблем модернизации российских регионов, раскрывающие новые операциональные свойства и аналитические возможности инструментария китайских ученых в целях повышения сбалансированности ее составляющих. Методика, разработанная специалистами Центра исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН), адаптирована к анализу модернизации регионов России с учетом ее особенностей сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН

(ЦИСИ ИФРАН) под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина [1; 2; 3; 4; 5]. Предыдущие результаты данного исследования изложены автором в ряде публикаций [6; 7; 8].

Особенность методики китайских ученых состоит в том, что она позволяет не только измерить уровень и динамику модернизации регионов в целом, но и выделить типы их модернизационных состояний, обосновать поэтапное ее развитие и, как показало наше исследование, оценить сбалансированность структуры составляющих модернизации. Улучшение сбалансированности составляющих

ших модернизации в широком смысле (структурном и динамическом аспектах) мы рассматриваем в качестве важного фактора ее рационализации и углубления. Динамический аспект модернизации рассмотрен нами в [7], в данной же статье исследуется *структурный* аспект сбалансированности ее составляющих.

Наглядное представление о системе оценочных показателей, предложенных китайскими учеными, дает рис. (подробнее см.: [2]). Смысл частных индикаторов, рассчитанных по методике ЦИМ КАН, состоит в сравнении фактического значения определенного показателя региона с уровнем, принятым за некую *общецивилизационную норму* (стандарт)¹.

При этом фактическое значение регионального показателя может быть ниже или выше условной нормы, т. е. свидетельствовать об отставании от стандартного уровня модернизации или его опережении. Если фактическое значение показателя превышает стандартный уровень, то он считается достигнутым и его превышение не принимается в расчет для индикаторов первичной модернизации и ее интегрированной версии (мы называем ее интегрирующей модернизацией). В этом случае значение частного индикатора принимается на уровне 100 %. При расчете частных индикаторов вторичной модернизации их учитываемый порог повышается до 120 % нормативного значения.

Инструменты измерения модернизации

Кроме того, для вторичной и интегрирующей модернизации методика ЦИМ КАН предусматривает формирование частных индикаторов в составе нескольких групп, комплексно характеризующих уровень модернизации региона по различным ее аспектам. При этом групповой субиндекс модернизации определяется в виде простой средней внутригрупповых индикаторов, а общий уровень (индекс) стадийной модернизации – в виде простой средней из групповых субиндексов, которые рассматриваются в виде его составляющих. Таким образом, структурная сбалансированность модернизации определяется разбросом значений групповых субиндексов вторичной и интегрирующей модернизации относительно общего уровня сводных индексов. Исходя из этого смысл анализа сбалансированности состоит в проверке различных гипотез о характере влияния данного факто-

ра на динамику вторичной и интегрирующей модернизации, выявлении возможных причин торможения. В данной статье исследуется сбалансированность составляющих только интегрирующей модернизации.

Обзор литературы. Постановка вопроса о необходимости разработки инструментов управления динамической и структурной сбалансированностью составляющих модернизации в контексте инструментария ЦИМ КАН принадлежит Н.И. Лапину. Динамический аспект сбалансированного развития модернизации он увязывает с определенной последовательностью ее этапов. Поэтапная эволюция модернизации обосновывается им следующим образом: «поэтапность можно рассматривать как неперенное качество процесса российской модернизации, которое должно нивелировать дефицит срединности в русском менталитете, противодействовать

попыткам скачков через трудные, но необходимые этапы, поскольку результатами таких попыток часто оказываются маятниковые рывки из одной крайности в другую» [4, с. 9]. В этом смысле поэтапность выступает в качестве инструмента сбалансированности стратегии модернизации в целом. Н.И. Лапин выделяет *три этапа* осуществления стратегии интегрированной модернизации, соответствующих определенной комбинации ее приоритетов: 1) сочетание роста индустриализации и развития высокой реиндустриализации регионов; 2) завершение реиндустриализации и переход к информатизации; 3) рост информатизации и дальнейшее ее развитие. Рациональная идея данного подхода состоит в формировании стратегии (траектории) модернизации на основе *смежных* состояний (типов) модернизированности регионов.

Между тем структурная сбалансированность составляющих модернизации исследована в меньшей мере, хотя И.Н. Лапин отмечает, что «полученные данные свидетельствуют не только об известной неравномерности развития регионов и их модернизации, но и о значительной несбалансированности ее составляющих» [4, с. 7]. Такой вывод был сделан им путем построения синтезирующих, проблемно-ориентированных таблиц данных для каждого федерального округа и для всей страны, на основании которых был сформулирован вопрос: как соотносится характер несбалансированности процессов модернизации с векторами ее динамики? При этом он констатирует, что «эти таблицы не дают ответа на поставленный вопрос, но побуждают исследователя сделать это» [4, с. 8].

Гипотеза и методы исследования. Центральная задача исследования состояла в том, чтобы принять или отвергнуть гипотезу о характере влияния сбалансированности составляющих интегрирующей модернизации на ее общий уровень, получив соответствующее эмпирическое подтверждение. В соответствии с концепцией методологического плюрализма наряду с качественным анализом необходимо было обосновать методы, позволяющие количественно оценить влияние фактора структурной сбалансированности составляющих модернизации на ее изменение в рамках принятой рабочей гипотезы, а также осуществить экспериментальную проверку выбранных методов с использованием фактических данных о модернизации регионов страны в контексте принятой гипотезы.

Для оценки уровня сбалансированности параметров региональной модернизации «Программа и типовой инструментарий...» предусматривает расчет специального индекса сбалансированности по аналогии с приемом анализа индекса развития человеческого потенциала [3]. Предложенный в программе индекс сбалансированности можно интерпретировать как величину, обратную евклидову расстоянию между значениями групповых субиндексов и сводного индекса. Данный показатель может применяться для оценки сбалансированности составляющих модернизации, однако он зависит от числа групп в анализируемой совокупности, вследствие чего не вполне сопоставим при его использовании для сравнения двух совокупностей с различным числом групп (например, в вариантах сравнения вторичной и интегрирующей модернизации). Считаем, что в анализе сбалансированности составляющих модернизации целесообразно дополнительно использовать коэффициент вариации групповых индексов (v)². Данный показатель удобен тем, что является нормированной характеристикой меры разброса значений групповых субиндексов относительно уровня стадийного индекса в интервале от 0 до 1. Он интерпретируется как отношение стандартного отклонения элементов совокупности к их средней величине:

$$v = \left[\sum_{j=1}^n (\bar{I}_j - \bar{I})^2 / n \right]^{1/2} / \bar{I},$$

где \bar{I}_j и \bar{I} – соответственно средние значения группового субиндекса и сводного индекса; n – число групп в анализируемой совокупности.

По нашему мнению, эконометрические методы, в том числе регрессионного анализа, при обоснованных предпосылках позволяют выработать адекватные представления о количественных взаимосвязях элементов системы. Взаимосвязи коэффициента вариации и составляющих интегрирующей модернизации, а также зависимость ее уровня от значений групповых субиндексов оценивались методом панельной регрессии по данным 79 регионов страны за 2005–2013 гг., т. е. практически на основе сплошной выборки, за исключением Чеченской Республики и некоторых автономных образований, учтенных в составе соответствующих областей и краев. Регрессионный анализ панельных данных представляет собой относительно новое направление эконометрики и обладает рядом

преимуществ по сравнению со стандартной регрессией. В отличие от обычной, панельная регрессия позволяет полнее учесть особенности исследуемых объектов с выделением не измеримых в явном виде и не наблюдаемых статистикой различий междуследуемыми объектами (регионами) [9]. Наряду с оценками параметров, которые характеризуют влияние общесистемных (общерегиональных) факторов, учитываемых в уравнении в явном виде, с помощью панельной регрессии (по модели с детерминированным индивидуальным эффектом и фиктивными переменными – *fixed effect*) становится возможным оценить влияние специфических факторов внутренней неоднородности регионов. Последние, однако, не идентифицируются в уравнении в явном виде, а обезличены в виде его аддитивного члена. В качестве индивидуальных (фиксированных) эффектов могут выступать как внутрорегиональные факторы, независимые от времени, так и временные факторы, отражающие специфику федеральной экономической политики, общую для всех регионов в отдельном периоде.

В ходе дальнейшего исследования уточнялись представления о влиянии отдельных составляющих на интегрирующую модернизацию за счет дополнения и расширения состава формирующих их исходных характеристик. В частности, представительность инновационной составляющей была расширена за счет специального индекса инновативности, рассчитанного в соответствии с рекомендациями «Программы и типового инструментария...» [3] с учетом наших дополнений и модификаций в составе показателей. Были отобраны и рассчитаны следующие показатели инновационной деятельности в регионах страны:

- 1) численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в % от общей численности занятых в экономике;
- 2) доля численности студентов вузов в численности населения, %;
- 3) количество выданных патентов, на 10 000 чел., занятых в экономике;
- 4) доля затрат на технологические инновации в ВРП (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %;
- 5) число персональных компьютеров на 100 работников с доступом в Интернет;
- 6) доля затрат на информационно-коммуникационные технологии в ВРП (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %;

7) доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %;

8) доля затрат на НИОКР в ВРП (среднегодовые значения за учитываемый и два предшествующих года), %.

Социальную составляющую представлял «кризисный» индекс качества жизни населения, предложенный Н.В. Зубаревич [10], также рекомендованный «Программой и типовым инструментарием...» [3]. В качестве экономической составляющей считаем возможным использовать показатель годового объема инвестиций в основной капитал на душу населения.

Результаты экспериментальных расчетов и их обсуждение. В ходе предварительного анализа сопоставлялись индексы интегрирующей модернизации с коэффициентами вариации ее составляющих, рассчитанными из значений групповых субиндексов по регионам федеральных округов. Для примера в таблице 1 приведены данные показатели по регионам Приволжского федерального округа в 2005–2013 гг. Показатели ранжированы по величине индекса модернизации 2013 г. Нетрудно заметить, что регионы, относящиеся к более высокому уровню модернизированности, за редким исключением, характеризуются и лучшей сбалансированностью показателей, т. е. более низкими значениями коэффициента вариации. Следовательно, можно предположить, что повышение сбалансированности групповых показателей модернизации региона выступает одним из факторов ее рационализации.

Гипотеза о положительном влиянии и синергетическом эффекте фактора структурной сбалансированности модернизации на ее результаты получила эмпирическое подтверждение путем статистической обработки панельных данных по 79 регионам страны за 2005–2013 гг. (уравнение 1 в таблице 2). По расчетам, повышение сбалансированности групповых субиндексов интегрирующей модернизации, эквивалентное снижению их коэффициента вариации на 1 процентный пункт, обуславливает рост сводного индекса на 0,43 процентного пункта. Тем самым подтверждается гипотеза о существенном влиянии коэффициента вариации среднegrupповых субиндексов, формирующих сводный уровень интегрирующей модернизации регионов, на его изменение. Напомним, что формальное снижение значений коэффициента

ента вариации в контексте данной статьи интерпретируется нами как улучшение сбалансированности составляющих модернизации. Следовательно, представленные расче-

ты убедительно свидетельствуют о положительном влиянии фактора сбалансированности на повышение общего уровня модернизации регионов.

Таблица 1

Индексы интегрированной модернизации (числитель) и коэффициенты вариации субиндексов (знаменатель) регионов Приволжского федерального округа*

Регион	Год						
	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Нижегородская область	<u>64,2</u> 10,6	<u>67,9</u> 10,0	<u>70,3</u> 9,2	<u>68,1</u> 9,6	<u>69,8</u> 7,9	<u>71,8</u> 6,9	<u>71,0</u> 5,8
Самарская область	<u>64,4</u> 10,9	<u>66,2</u> 12,2	<u>68,5</u> 11,3	<u>67,7</u> 11,0	<u>69,6</u> 10,7	<u>70,4</u> 10,6	<u>69,4</u> 9,2
Ульяновская область	<u>62,4</u> 20,5	<u>65,1</u> 18,1	<u>68,1</u> 18,7	<u>68,3</u> 14,9	<u>69,7</u> 13,2	<u>70,1</u> 10,1	<u>68,6</u> 10,5
Республика Татарстан	<u>57,7</u> 12,3	<u>62,9</u> 12,5	<u>64,1</u> 11,1	<u>64,4</u> 11,2	<u>65,4</u> 12,6	<u>66,6</u> 11,7	<u>66,0</u> 10,6
Пермский край	<u>56,6</u> 21,9	<u>60,1</u> 20,8	<u>62,9</u> 18,1	<u>61,9</u> 16,5	<u>62,9</u> 14,8	<u>63,6</u> 12,4	<u>64,1</u> 11,2
Пензенская область	<u>57,1</u> 27,3	<u>58,9</u> 17,8	<u>60,8</u> 19,9	<u>61,2</u> 17,0	<u>63,2</u> 17,0	<u>61,3</u> 13,9	<u>61,4</u> 13,4
Кировская область	<u>52,7</u> 17,9	<u>56,7</u> 21,6	<u>61,9</u> 19,8	<u>59,5</u> 16,2	<u>60,2</u> 12,8	<u>61,0</u> 14,4	<u>61,1</u> 13,7
Саратовская область	<u>55,5</u> 29,0	<u>58,9</u> 25,9	<u>60,3</u> 24,4	<u>60,6</u> 19,9	<u>61,8</u> 18,0	<u>61,1</u> 14,9	<u>60,7</u> 13,8
Удмуртская Республика	<u>51,8</u> 31,2	<u>56,3</u> 25,2	<u>58,3</u> 24,1	<u>58,9</u> 20,3	<u>59,6</u> 17,5	<u>60,3</u> 14,5	<u>60,1</u> 14,3
Республика Башкортостан	<u>50,3</u> 30,4	<u>55,9</u> 27,2	<u>57,9</u> 23,1	<u>57,5</u> 23,3	<u>58,3</u> 23,8	<u>59,5</u> 19,8	<u>59,5</u> 17,7
Чувашская Республика	<u>51,5</u> 26,8	<u>58,0</u> 26,8	<u>58,4</u> 27,5	<u>58,1</u> 23,5	<u>58,0</u> 20,8	<u>59,1</u> 19,1	<u>59,3</u> 17,9
Республика Марий Эл	<u>51,7</u> 25,7	<u>54,8</u> 23,8	<u>56,4</u> 24,0	<u>56,1</u> 20,0	<u>57,1</u> 17,7	<u>57,2</u> 17,7	<u>57,7</u> 18,3
Республика Мордовия	<u>48,8</u> 31,8	<u>53,1</u> 29,5	<u>57,0</u> 21,6	<u>55,2</u> 23,7	<u>54,8</u> 21,1	<u>56,3</u> 18,7	<u>57,1</u> 18,3
Оренбургская область	<u>47,2</u> 36,5	<u>52,2</u> 31,4	<u>53,5</u> 30,9	<u>53,2</u> 28,2	<u>53,6</u> 26,5	<u>54,9</u> 21,9	<u>55,3</u> 20,5

* *Источник исходной информации:* информационная система «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда). Расчеты автора.

Кроме того, анализ взаимосвязи состояний (типов) модернизованности регионов с фактором сбалансированности составляющих интегрирующей модернизации выявил однообразный характер отклонений групповых субиндексов от сводного индекса. Например, такая взаимосвязь по регионам Приволжского федерального округа показана в таблице 2, в которой значения социального субиндекса во всех регионах округа, кроме Нижегородской области и Пермского края, превышали общий уровень интегрирующей модернизации, а двух других (экономического и инновационного) – отставали от него³. Данный структурный дисбаланс составляю-

щих представляется нерациональным, так как противоречит причинно-следственной логике. Экономика и знания являются факторными (причинными) признаками по отношению к социальному аспекту развития, они соотносятся между собой как средство и цель, особенно в кратко- и среднесрочной перспективе при всей их взаимообусловленности в долгосрочном периоде. По нашему мнению, динамика экономики и ее инновационной составляющей не должна отставать от социального развития. Мы объясняем данную ситуацию просчетами в экономической стратегии, обусловленными сырьевым характером российской экономики. По-видимому, высокие до-

ходы от экспорта углеводородного сырья снижали мотивацию и необходимость развития обрабатывающих производств и повышения их конкурентоспособности, позволяя в то же время перераспределять избыточные средства в социальное развитие⁴. В этом, по нашему мнению, состоит основная проблема недостаточной сбалансированности стратегии модернизации.

Итак, региональный анализ распределения составляющих уровня интегрирующей

модернизации подводит к выводу об определяющей роли особых мер в ее рационализации, в первую очередь направленных на повышение сбалансированности показателей в регионах 2-го типа модернизованности⁵. Во всех регионах данного типа в конце анализируемого периода наблюдалось наибольшее отставание от стандарта индикаторов, формирующих субиндекс инноваций в знаниях.

Таблица 2

**Динамика состояний (типов) модернизованности
регионов Приволжского федерального округа и дисбаланс основных ее составляющих
(на основе индексов интегрирующей модернизации и их составляющих, 2008–2012)^{*}**

Регион	Динамика состояний типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Суб-индексы ниже ИИМ	Суб-индексы выше ИИМ
	2008	2010	2012				
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
(3) Быстрый переход к ВМ (к типам 5, 6; фазы роста и развития) Опережают экономическая и когнитивная составляющие							
Пермский край	4	5	5	0,348	С	эк.	соц., зн.
Нижегородская обл.	4	4	6	0,269	НС	эк.	соц., зн.
Самарская обл.	4	3	5	0,225	НС	эк.	соц., зн.
Быстрый переход к ВМ (к типам 4, 5) (в целом Россия) Опережает социальная составляющая							
РОССИЯ	3	5	5	0,969	ВС	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
(2) Повышение ПМ (к типам 2, 3; фазы роста, зрелости) (в целом Приволжский ФО) Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Респ. Башкортостан	2	2	3	0,389	С	эк., зн.	соц.
Респ. Татарстан	3	3	3	0,374	С	эк., зн.	соц.
Приволжский ФО	3	3	3	0,296	НС	эк.	соц., зн.
Удмуртская Респ.	2	2	3	0,291	НС	эк., зн.	соц.
Чувашская Респ.	2	2	3	0,280	НС	эк., зн.	соц.
Пензенская обл.	3	3	3	0,276	НС	эк., зн.	соц.
Кировская обл.	2	2	3	0,250	НС	эк., зн.	соц.
Саратовская обл.	2	2	3	0,230	НС	эк., зн.	соц.
Ульяновская обл.	3	3	3	0,148	Н	эк.	соц., зн.
Застой ПМ (тип 2; фазы начала, роста) Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Оренбургская обл.	2	2	2	0,262	НС	эк., зн.	соц.
Респ. Марий Эл	2	2	2	0,243	НС	эк., зн.	соц.
Респ. Мордовия	2	2	2	0,210	НС	эк., зн.	соц.

^{*} *Обозначения, источник.* ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

Для выявления резервов сбалансированности составляющих интегрированной модернизации по панельным данным 79 регионов страны за 2005–2013 гг. получены статистически значимые оценки параметров уравнений, определяющих уровень интегрирующей модернизации по отклонениям от него значений групповых субиндексов. В частности, уравнения 2 и 3 (табл. 3) показывают

влияние колеблемости социального и инновационного субиндексов на уровень интегрирующей модернизации. Как видим, направленность их влияния носит противоположный характер, так как рост значений первой составляющей уменьшает, а второй – увеличивает разброс уровней интегрирующей модернизации.

Таблица 3

Протоколы оценивания уравнений регрессии

№ уравнения	Оценка, в скобках представлена <i>t</i> -статистика	R^2			Статистические критерии, в скобках – значимость		
		<i>within</i>	<i>between</i>	<i>overall</i>	<i>F</i>	Брэуша-Пагана	Хаусмана
1	$IMI_{it} = a_i + b_1 \times v_{it} + u_{it}, n = 711, \text{Fixed-effects regression}$						
b_1	-0,4289 (-24,02)	0,4776	0,7031	0,6593	576,98 (0,000)	x	12,12 (0,001)
2	$IMI_{it} = a_i + b_1(IS_{it} - IMI_{it}) + u_{it}, n = 711, \text{Fixed-effects regression}$						
b_1	-0,5209 (-12,21)	0,1912	0,8330	0,6828	149,20 (0,000)	x	129,26 (0,000)
3	$IMI_{it} = b_0 + b_1(IK_{it} - IMI_{it}) + u_{it}, n = 711, \text{Random-effects regression}$						
b_0	68,3167 (23,63)	0,3931	0,6625	0,6191	558,32* (0,000)	1450,12 (0,000)	1,34 (0,245)
b_1	0,5796 (23,63)						
4	$IMI_{it} = b_0 + b_1(IE_{it} - IMI_{it}) + b_2(IS_{it} - IMI_{it}) + b_3(IK_{it} - IMI_{it}) + u_{it}, n = 711, \text{Random-effects regression}$						
b_0	69,7333 (127,22)	0,3969	0,7357	0,6796	726,77* (0,000)	558,68 (0,000)	–
b_1	0,0339 (4,75)						
b_2	-0,1543 (-3,10)						
b_3	0,5478 (15,55)						
5	$IMI_{it} = b_0 + b_1IIN_{it} + b_2IKR_{it} + b_3INV_{it} + u_{it}; n = 711, \text{Random-effects regression}$						
b_0	45,1646 (33,55)	0,0523	0,7858	0,6320	272,08* (0,000)	335,04 (0,000)	–
b_1	0,2738 (13,63)						
b_2	0,0882 (3,89)						
b_3	0,0616 (4,09)						
6	$IMI_{it} = b_0 + b_1IIN_{it} + b_2INV_{it} + u_{it}, n = 711, \text{Fixed-effects regression}$						
b_0	54,5269 (78,79)	0,0786	0,3960	0,3326	26,87 (0,000)	322,74 (0,000)	222,12 (0,000)
b_1	0,1064 (4,57)						
b_2	0,1033 (5,40)						

Обозначения: IMI_{it} – индекс интегрированной модернизации *i*-го региона в году *t*; v_{it} – коэффициент вариации субиндексов интегрированной модернизации *i*-го региона в году *t*; IE_{it} – обобщающий субиндекс на базе экономических индикаторов интегрированной модернизации *i*-го региона в году *t*; IS_{it} – обобщающий субиндекс на базе социальных индикаторов интегрированной модернизации *i*-го региона в году *t*; IK_{it} – обобщающий субиндекс на базе индикаторов знаний интегрированной модернизации *i*-го региона в году *t*; IIN_{it} – индекс инновативности *i*-го региона в году *t*; IKR_{it} – кризисный индекс качества населения *i*-го региона в году *t*; INV_{it} – инвестиции в основной капитал на душу населения *i*-го региона в году *t*; u_{it} – ошибка уравнения; *n* – количество наблюдений; * критерий Вальда.

Разнонаправленный характер влияния составляющих интегрирующей модернизации объясняется тем, что в подавляющем большинстве регионов, как отмечалось, зафиксировано отставание величины инновационно-

го и превышение социального субиндексов относительно обобщающего индекса. Однако из этого не следует, что лучшая сбалансированность составляющих модернизации должна достигаться за счет снижения ее социаль-

ных показателей. По нашему мнению, стратегия модернизационного развития должна опираться на такое структурное соотношение непрерывно возрастающих ее составляющих, которое одновременно способствует лучшей их сбалансированности. Это можно обеспечить при опережающем росте инновационной (*IK*) и экономической (*IE*) составляющих модернизации по сравнению с социальной (*IS*) по принципу $IK > IE > IS$. Данный принцип проиллюстрируем на примере уравнения регрессии 4 (табл. 3).

После несложных преобразований данное уравнение, опуская подстрочные индексы, приводится к виду:

$$IMI = b_0 + 0,0793IE - 0,3610IE + 1,2817IK.$$

Из уравнения следует, что рост инновационной, экономической и социальной составляющих интегрирующей модернизации на один процентный пункт повышает ее уровень также на один процентный пункт. И это вполне понятно, так как сводный индекс формируется в виде простой средней его субиндексов. С другой стороны, если в соответствии с вышеприведенным принципом обеспечить повышение инновационной, экономической и социальной составляющих интегрирующей модернизации соответственно на 3, 2 и 1 процентный пункт, то уровень интегральной модернизации ориентировочно увеличится на 3,6 процентных пункта ($0,0793 \cdot 2 - 0,3610 \cdot 1 + 1,2817 \cdot 3$).

Распределение внутрорегиональных факторов, влияющих на модернизацию в пределах общей оценки индивидуального эффекта, представляет собой задачу отдельного исследования. В качестве таковых могут выступать самые различные факторы в составе технико-технологической, социоэкономической, социокультурной, институционально-регулятивной и других компонент модернизации.

В таблице 3 также приведены некоторые статистически значимые оценки уравнений регрессии, определяющих уровень интегрирующей модернизации в зависимости от значений индекса инновативности, «кризисного» индекса качества жизни и душевого показателя инвестиций в основной капитал. В варианте регрессии, учитывающей одновременное влияние всех трех факторов на интегрирующую модернизацию, устойчивые оценки получены только по модели со случайными эффектами (уравнение 5), в которой невозможно выделить специфику региона. В этом случае однопроцентное увеличение учиты-

ваемых факторов обуславливает рост интегрирующей модернизации на 0,42 п. п., причем на инновационную деятельность приходится 65 %, а на социальную и экономическую составляющие соответственно 21 и 14 %. Влияние прочих неучитываемых в явном виде факторов, одинаковое для всех регионов, здесь составило 45,2 п. п.

В варианте регрессии, включающей только два фактора – инновативный и экономический (уравнение 6), существенно меняется представление о распределении факторов и структуре их источников. Уровень совместного влияния двух названных факторов снижается примерно вдвое и распределяется почти поровну: соответственно 51 и 49 %. Вместе с тем выпадающая часть влияния факторов, а она довольно весомая ($54,5 - 45,2 = 9,3$ п. п.), переходит в сферу внутрорегиональных, специфических факторов (индивидуальных фиксированных эффектов). Их среднее значение характеризует параметр b_0 ; в этом варианте возможна оценка распределения индивидуальных эффектов для каждого региона по модели с фиктивными переменными, которые, правда, не учитываются в явном виде и их природа неизвестна, вследствие чего их идентификация требует дополнительных исследований. По нашему мнению, для целей управления модернизацией важны оба варианта, но второй более информативен и функционален для последующей детализации управленческих инструментов.

Заключение. Таким образом, исследование структуры составляющих интегрирующей модернизации регионов и условия их сбалансированности с использованием методики китайских ученых выявили ее новые операциональные свойства и аналитические возможности как действенного инструмента управления. В ходе анализа на примере регионов России выработаны представления об уровне несбалансированности основных составляющих интегрирующей модернизации, выявлен характер их дисбаланса и выделены факторы торможения. Основная проблема недостаточной сбалансированности стратегии модернизации состоит в отставании ее инновационной и экономической составляющих по сравнению с социальной. Анализ показал, что улучшение сбалансированности составляющих модернизации с точки зрения их взаимного соответствия выступает общесистемным фактором ее рационализации и углубления, генерирующим синергетический эффект, который достигается при

опережающем росте инновационной, затем экономической составляющих по отношению к социальной составляющей.

Наряду с этим, использованные методы анализа панельных данных позволили расширить понимание региональной неоднородности процесса модернизации и тем самым определить направления дальнейших исследований, которые позволили бы детализировать общие контуры полученных оценок, уточнить распределение влияния конкретных факторов на модернизацию в пределах общего значения индивидуального эффекта.

Практическая направленность результатов исследования состоит в возможности обосновать конкретные направления повышения сбалансированности составляющих модернизации в региональном разрезе. В частности, для большинства регионов России в целях повышения сбалансированности структуры составляющих интегрирующей модернизации необходимо обеспечить опережающую динамику инновационного и экономического субиндексов. При этом ведущая роль в ускоренном подъеме общего уровня интегрирующей модернизации, по нашему мнению, принадлежит инновационной деятельности, в том числе связанной с развитием образования и активизацией инновационного потенциала региональных экономик.

Примечания.

¹ Стандартные значения показателей китайские ученые рассчитывают в виде средних значений по 18–20 развитым странам.

² Отличие данного показателя от классического состоит в том, что отклонения уровней групповых субиндексов рассчитываются не от стандартной средней генеральной совокупности, а от особой средней, каковыми являются значения стадийных индексов.

³ В Нижегородской области и Пермском крае ниже общего уровня интегрированной модернизации оказался лишь экономический субиндекс.

⁴ В определенной мере данная стратегия, возможно, была оправданной с точки зрения частичного восстановления душевых доходов и покупательной способности населения за счет природной ренты и благоприятной рыночной конъюнктуры, которые были неоправданно снижены вследствие шоковых реформ 1990-х гг. Однако возможности дальнейшего опережающего роста доходов относительно производственной динамики за счет данного источника представляются исчерпанными.

⁵ О хронотипологии состояний (типов) модернизированности регионов см. [6, с. 22–24], а группировку регионов Приволжского федерального округа по типам модернизационных состояний – в [7, с. 409].

1. *Лапин Н. И.* К поэтапной интегрирующей модернизации регионов России // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Пермь, 14–17 октября 2014 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 459 с.

2. *Лапин Н. И.* Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (22–25 октября 2012 г.). – Уфа : АН РБ: Гилем, 2012. – С. 6–23.

3. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии РАН. – М., 2010. – 111 с.

4. *Лапин Н. И.* Теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // СоцИс. – 2015. – № 1. – С. 5–10.

5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) : пер с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина / предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Весь Мир, 2011. – 256 с.

6. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2013. – 416 с.

7. *Тарасов В. Т.* Модернизация регионов Приволжского федерального округа: пространственный анализ эволюции и фазовых состояний в 2000–2010 гг. // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 403–411.

8. *Тарасов В. Т., Бойко И. И., Харитонов В. Г.* Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа // СоцИс. – 2015. – № 1. – С. 11–19.

9. *Ратникова Т. А., Фурманов К. К.* Анализ панельных данных и данных о длительности состояний: учеб. пособие. – М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2014. – 373 с.

10. *Зубаревич Н. В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 97–98.

**ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА,
ИЛИ ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ**

**THE PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF THE INFORMATION SOCIETY
OR THE WINDOW OF OPPORTUNITY FOR NEW INDUSTRIALIZATION**

Г.Ф. Ромашкина, А.О. Вылегжанина

G.F. Romashkina, A.O. Vylegzhanina

*Тюменский государственный университет
Tyumen State University*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Работа посвящена анализу предпосылок для формирования информационного общества на примере Тюменского региона и поиску оптимальных организационных решений активизации развития цифровой экономики региона в соответствии со стратегическими целями устойчивого развития. Представлен анализ специфики развития информационного общества на мировом, национальном и региональном уровнях. Национальная проблема необходимости реиндустриализации, увеличения высокотехнологического и цифрового сектора экономики в Тюменской моноотраслевой экономике усугубляется необходимостью преодоления сильной ресурсной зависимости. Показано, что на фоне торможения темпов модернизации, развитие экономического сектора информационно-коммуникационных технологий предоставляет окно возможностей. Эти возможности не реализуются вследствие ряда институциональных ограничений, препятствующих развитию частного сектора. Потребление в сфере ИКТ растет чрезвычайно высокими темпами на фоне торможения темпов развития экономической сферы. Рынок ИКТ все более приобретает черты государственно-монополистического рынка. Последнее обусловлено тем, что потребности социальной сферы застилают собой потребности рынка производителей, а единственным регулятором и наиболее сильным заказчиком выступает государство. В то же время успешный опыт Тюменского региона инвестирования бюджетных средств в социальные и инфраструктурные информационно-коммуникационные проекты указывает на наличие эффективных механизмов реинвестирования «нефтегазовой ренты» в ИКТ-инновации, которые можно транслировать и на частный сектор. Перспективными мерами реиндустриализации Тюменского региона за счет развития цифрового сектора являются развитие венчурного инвестирования, государственно-частного партнерства в сфере ИКТ при обеспечении прозрачности механизма оценки потенциала проектов и мониторинга их результатов. С точки зрения целей устойчивого развития региона оптимальными являются организационные меры, стимулирующие развитие высокотехнологического сектора цифровой экономики в регионе и повышающие роль интеллектуальных информационных технологий в решении актуальных социально-экономических проблем региона и обеспечении его долгосрочной жизнеспособности.

The work is devoted to the analysis of preconditions for the formation of the information society on the example of the Tyumen region and the search for optimal organizational solutions to enhance the development of the digital economy in the region in accordance with the strategic goals of sustainable development. The article presents the analysis of information society development in global, national and regional level. The national problem of the necessity of reindustrialization, increase high-tech and digital sector in Tyumen single-industry economy is compounded by the need to overcome a strong resource dependence. It is shown that on the background of deceleration of the pace of modernization, the development of the economic sector of information and communication technologies provides a window of opportunity. These features are not implemented due to institutional constraints impeding private sector development. Consumption in the field of information and communication technologies (ICT) is growing extremely rapidly on the backdrop of a deceleration in the pace of economic development. The ICT market is becoming more and more state-monopolistic market. It is caused by the fact that the needs of the social sphere overshadow the needs of the market producers. At the same time, the successful experience of the Tyumen region investment of budgetary funds in social and infrastructure information and communications technology projects indicates the existence of effective mechanisms for reinvesting the "oil rent" in ICT innovations that can be transmitted to the private sector. Promising measures of reindustrialization of the Tyumen region are the development of venture investment, public-private partnership in the ICT sector, while ensuring the transparency of the mechanism for evaluation of potential projects and monitoring their results. According to the authors, the optimal organizational measures are the following: to stimulate the development of high-tech sector of the digital economy in the region and to enhance the role of intelligent information technologies in solving urgent socio-economic problems of the region and ensuring its long term viability.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, инновации, модернизация, экономика и социальная сфера региона, информационное общество, цифровая экономика.

Key words: information-communication technologies, innovation, modernization, economic and social sphere of region, information society, digital economy.

Методологические предпосылки исследования.

Несмотря на разницу в терминологических установках, согласимся с тем, что информационные, постиндустриальные и постмодернистские концепции описывают целостную реальность – общество, ориентированное на знание и информацию как основной производственный ресурс. Представляется принципиально важным разделение «постиндустриального» характера развития современного общества от «информационного», сформулированного М. Кастельсом на основе анализа эмпирических данных и изучения соответствия между спецификой техноэкономической парадигмы и социальной структуры [1]. Постиндустриальный этап является более высокой стадией развития индустриального и определяется таким способом развития, где основным источником производительности становится количественный рост факторов производства (труда, капитала и природных ресурсов) вместе с использованием новых источников энергии [2]. «Информационную» же стадию развития характеризуют принципиально новые черты, в том числе качественная способность оптимизировать сочетание и использование факторов производства на основе знания и информации. Наступивший этап в развитии России характеризуется, с одной стороны, актуализацией проблемы реиндустриализации и, с другой стороны, необходимостью выстраивания стратегии перехода к новому индуст-

риальному укладу, преодоления сырьевой зависимости.

Региональная специфика.

В данной статье мы будем рассматривать Тюменский регион в общероссийском контексте. Такая логика анализа представляется необходимой в силу того, что наиболее болезненные в целом для России экономические проблемы самым ярким образом проявляются на территории Тюменской области. За последние 10 лет регион показал впечатляющие темпы роста уровня жизни населения, роста индексов социального самочувствия, но темпы развития инновационной деятельности в Тюменской области низки, и население слабо участвует в инновационной деятельности, продолжает оставаться низким уровень эффективности инфраструктуры поддержки инновационной деятельности [3, с. 230–234].

Анализ темпов модернизации Тюменской области по методике китайского профессора Чуаньци Хэ демонстрирует, что только три из 12 показателей к 2012 г. достигли уровня развитых стран, и регион остается на уровне 69,6 при среднероссийском уровне 67 % [4]. Основными ограничениями выступают экономический (в том числе: доля добавленной стоимости сферы услуг в валовом региональном продукте, доля занятых в сфере услуг) и знаниевый (в том числе: доля затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте; число жителей, подающих заявки на патенты на 1 млн чел.) субиндексы, см. рис. 1 [4].

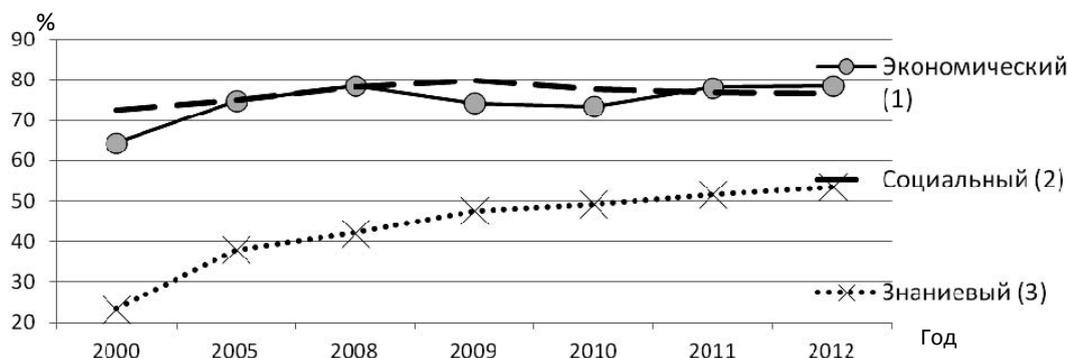

Рис. 1. Динамика субиндексов интегрированной модернизации Тюменской области (диаграмма построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда), обработка данных произведена авторами)

Для примера рассмотрим рис. 2, демонстрирующий динамику составляющих индекса интегрированной модернизации Тюменской области, не достигших уровня 95 % за период 2000–2012 гг. (7 показателей из 12-ти), в скобках указан номер субиндекса, в который включен указанный показатель по ме-

тодике профессора Чуаньци Хэ [5], этот же номер указан в скобках на рис. 1 для соответствующих субиндексов.

Заметим, что Тюменская область (включая северные автономные округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий) – это один из немногих в России экономически само-

достаточных регионов, которые служат донорами для развития всей экономики России. Нефтегазовая зависимость в этом регионе – данность, с которой необходимо считаться. Однако и в этом регионе экономический субиндекс невысок, и в первую очередь за счет

неразвитости сферы услуг. При этом потенциал этого вида экономической деятельности как в России, так и Тюменской области необычайно высок, не случайно в рассмотренный период наиболее высокими темпами росло число персональных компьютеров (рис. 2).

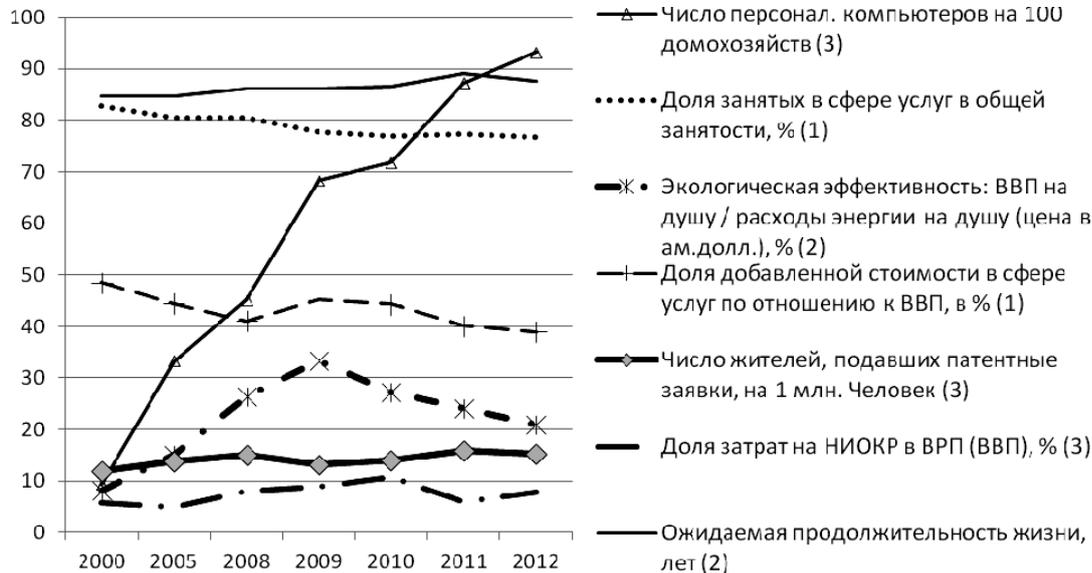

Рис. 2. Динамика составляющих индекса интегрированной модернизации 2000–2012 гг. в Тюменской области (диаграмма построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда), обработка данных произведена авторами)

Предмет исследования.

Рассмотрим, как развивается сфера информационно-коммуникативных услуг, которая выступает драйвером (или ограничением) развития общества нового типа.

Представляется важным отметить принципиально различные темпы развития информационной инфраструктуры потребления и производства как в целом по России, так и в ее регионах (в том числе и в Тюменской области). По статистическим данным, ИКТ-инфраструктура за последние 10 лет в России стабильно растет на 11–12 % в год, в Тюменском регионе темпы роста еще выше – на 15–16 % (доля абонентов цифровой телефонной связи, доступа к Интернету) [6]. Однако, согласно тем же источникам, российский сектор производителя в сфере ИКТ растет чрезвычайно медленно, а по некоторым индикаторам – стагнирует. Так, уже 10 лет (за исходный в данном анализе мы взяли 2005 г.) остается неизменной доля среднесписочной численности работников в сфере ИКТ от общей численности работников организаций (2,7 %), число организаций на конец года в сфере ИКТ выросло со 107 тыс. до 152 тыс., а валовая добавленная стоимость выросла с 0,4 до 0,7 % от ВВП. Сектор создания ин-

формационного контента не только не вырос, а снизился с 258 тыс. до 224 тыс. человек занятых, что стабильно составляет 0,5 % от общей численности работников организаций. При этом удельный вес организаций, использующих персональные компьютеры, вырос за 10 лет с 91,1 до 94 %, а имеющих веб-сайты – с 14 до 41,3 % [6].

То есть в российской экономике быстрый рост потребления в сфере ИКТ происходит на фоне стагнации сектора производителей в сфере ИКТ.

Региональная ситуация в сфере ИКТ.

В принятой в 2005 г. Стратегии развития Тюменской области до 2020 г. справедливо утверждалось, что активный сценарий развития региона предусматривает формирование новых высокотехнологичных сегментов хозяйственной деятельности, охватывающих информационное и финансовое обслуживание, исследования и разработки, проектирование, логистику, подготовку высококвалифицированных кадров, высокоразвитые социальные услуги. На практике данные установки не всегда подкрепляются реальными действиями. Например, среди перспективных производств, поддерживаемых региональным правительством, нет ни одного, ко-

торое можно было бы отнести к высоким технологиям [7].

Тем не менее сфера ИКТ в регионе развивается достаточно интенсивно, в основном государственные проекты инфраструктурного и образовательного характера. Тюменская область традиционно занимает лидирующие позиции в стране по уровню развития электронного правительства, по данным Экспертного центра электронного государства и рейтинга Центра прикладной экономики [8]. В сфере информатизации социального сектора региона также лидируют государственные вложения: развитие общедоступных интернет-услуг (региональной сети бесплатного интернета «TyumenFree» – больше 130 точек по Тюменской области), информатизация школ и других образовательных учреждений (развитие системы WEB-образования), информатизация здравоохранения (развитие РС ЕГИСЗ), обучение компьютерной грамотности малообеспеченных слоев населения, пожилых, безработных.

В Тюменской области планируется в основном развивать и масштабировать уже «запущенные» проекты по направлениям, обозначенным в государственной программе «Основные направления развития информатизации (Электронная Тюменская область)» на 2014–2016 гг. [9]. Программа повышения компьютерной грамотности населения в 2015 г. расширяет спектр курсов и изменяет фокус на обучение в он-лайн, осуществляется дальнейшее развитие электронного правительства, масштабирование проекта универсальных электронных карт (УЭК), дальнейшая информатизация сферы здравоохранения (электронный документооборот, мобильные приложения, интернет-сервисы), запланировано расширение сфер использования информационно-навигационной системы ГЛОНАСС (здравоохранение, школы, в перспективе – ЖКХ), начинает активно внедряться СМЭВ (система межведомственного взаимодействия) [10].

Коммерческий сектор информационно-коммуникативных услуг в Тюменской области весьма специфичен, что обусловлено целым рядом обстоятельств. Во-первых, моноотраслевым характером экономики региона. Основной отраслью специализации является топливная промышленность, на долю которой приходится 60 % объема промышленного производства области [11]. Во-вторых, высокой концентрацией капитала: в регионе сконцентрированы интересы значительного

числа нефтегазодобывающих крупных и средних предприятий. В-третьих, рост и укрупнение строительного бизнеса. Высокий по российским рамкам уровень бюджетной обеспеченности региона и относительно высокий платежеспособный спрос позволили в последние 20 лет активно развивать гражданское и промышленное строительство. Все это привело к формированию явного перекося в сторону крупного промышленного (в основном добывающего и строительного) сектора экономики. Крупные предприятия являются клиентами в основном московских консалтинговых ИТ-компаний – представительств западных вендоров программного и аппаратного обеспечения. Региональные поставщики ИТ-услуг работают, в основном, со средним, малым бизнесом и физическими лицами. Региональный «экспорт» ИТ-услуг практически отсутствует.

Динамика роста коммуникаций организаций Тюменской области с поставщиками и потребителями посредством Интернета позволяет предположить, что на региональном рынке ИКТ происходит замещение программного обеспечения (ПО) на базе локальной вычислительной сети web-браузерным ПО, растет популярность мобильных приложений, актуален переход на облачные сервисы (рис. 3). Эти тенденции вполне соответствуют мировым трендам и свидетельствуют о включенности регионального рынка ИКТ в глобальный рынок, но с весьма существенным отставанием как в развитии, так и в распространении новых технологий. На региональном рынке мало собственных, новых технологий, а используемые технологии следует отнести к заимствованным, причем далеко не самым современным. Отметим, что основная роль Интернета для связи с потребителями – информационная, растет доля организаций, осуществляющих заказы и расчеты с потребителями, но организации слабо используют активные методы работы в Сети, практически не развивается распространение электронной продукции и послепродажное обслуживание.

Важной особенностью ИТ-рынка Тюменской области является большая востребованность предприятиями региона ИТ-услуг (в частности, их аутсорсинга). Причинами могут быть нехватка квалифицированных кадров для принятия решений по выбору ПО, внедрению и развитию информационных систем предприятия, системной интеграции, а также экономическая нецелесообразность содержания штатных ИТ-сотрудников или по-

вышения их квалификации для решения всего спектра ИТ-задач предприятия. На сегодняшний день не имеется точных данных о

том, насколько каждый вид затрат «закрывается» региональными поставщиками.

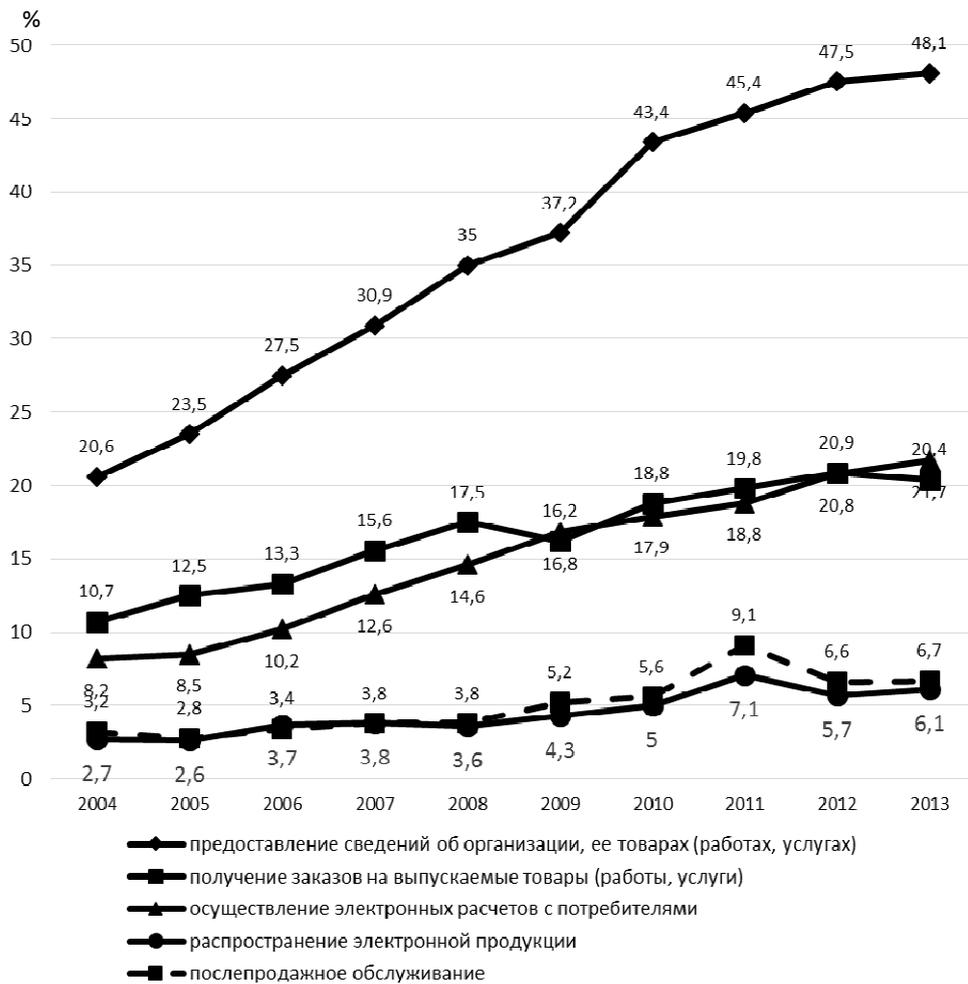

Рис. 3. Доля организаций, использовавших Интернет для связи с потребителями в % от общего числа обследованных организаций. (Источник: [11]. Обработка информации произведена авторами)

Национальные тенденции в сфере ИКТ.

2014 г. также привнес некоторые изменения в тенденциях развития российского ИКТ-рынка, которые могут оказать стратегическое влияние на принятие решений в выборе технологий, инструментальных, программных и аппаратных средств при реализации тех или иных региональных программ информатизации:

- курс на импортозамещение, поиск новых вендоров в Азии и Южной Америке;
- активизация инвестиций в развитие внутреннего рынка и собственных ИКТ-разработок (проекты «Бета» компании «Диасофт» – разработка отечественной программной платформы для создания и развертывания приложений, планшеты на базе российской операционной системы «РоМОС» (по данным ЦНИИ ЭИСУ), микропроцессоры и

ОС Эльбрус компании МЦСТ Эльбрус, ОС «Роса» (ООО НТЦ ИТ РОСА), геоинформационная система «Горизонт» (НИИ автоматической аппаратуры им. Семенихина «Ростех»), облачные решения на основе программного комплекса OpenStack (компания «Ланит»), ГЛОНАСС (ОАО «Глонасс»), программные решения компании Naumen, сотрудничество компаний «Рэлекс», «Прогноз», целью которого является создание отечественной ВІ-платформы, которая будет работать с отечественной СУБД и др.);

- запуск и развитие национальной системы платежных карт;
- выпуск процессоров российской разработки (первые процессоры «Эльбрус-2СМ» были выпущены зеленоградским заводом «Микрон» в декабре 2014 г.);

– создание ГИС ЖКХ. Федеральный закон № 209 «О государственной информационной системе ЖКХ» планирует поэтапное внедрение ГИС во всех регионах России и его завершение к 1 января 2017 г.;

– планируемая ликвидация проблемы цифрового неравенства к 2020 г. Контракт, заключенный Федеральным агентством связи и «Ростелекомом» подразумевает повышение уровня проникновения услуг широкополосного доступа в Интернет с существующих 55 до 97 % к 2018 г. Для этого планируется провести магистральные интернет-каналы со скоростью доступа не менее 10 Мбит/с во все населенные пункты с числом жителей от 250 до 500 человек;

– создание благоприятных условий ведения бизнеса для малых и средних российских ИТ-компаний. С 1 января 2014 г. в России действует разработанный «Минкомсвязью» закон о снижении порога численности сотрудников ИТ-компаний, претендующих на получение льгот по страховым взносам;

– развитие геолокационной системы «ЭРА-ГЛОНАСС», инфраструктуры этой системы, а также предоставление на ее основе услуг коммерческим и госзаказчикам посредством деятельности специально создаваемой госкорпорации ОАО «ГЛОНАСС»;

– увеличение числа пользователей и активности использования электронных госуслуг за счет упрощения механизма их предоставления, расширения пунктов верификации, изменения интерфейса нового портала госуслуг;

– в рамках утвержденной Правительством РФ в июле 2013 г. «дорожной карты» развития ИТ-отрасли до 2018 г. планируется поддержка по нескольким направлениям, таким как создание центров прорывных исследований, развитие инфраструктуры и снижение налоговой нагрузки. В результате объемы ИТ-производства, по прогнозам, должны вырасти за указанный период с 250 млрд рублей (по итогам прошлого года) до 450 млрд, а экспорт – с \$4,4 млрд до \$9 млрд (по оценке на март 2014 г.) [12].

– сокращение венчурного финансирования ИКТ-проектов. За 2014 г. объем нового финансирования на венчурном рынке РФ с участием ИКТ-проектов по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. снизился на 16,8 % и составил \$122,5 млн. Риск венчурных проектов вырос, а финансирование стало дорогим. Западные инвесторы не заинтересованы вкладывать в российские ИТ-про-

екты, так как прибыль декларируется в России и зачастую еще и платится на нее двойной налог.

Предпосылки для развития информационного общества в мире.

Согласно интегральному индексу цифровой экономики и общества, на сегодня страны-лидеры в развитии информационного общества – это Дания, Швеция, Нидерланды и Финляндия. Индекс учитывает 5 основных параметров: использование и качество широкополосных каналов связи (необходимое условие конкурентоспособности), человеческий капитал (цифровая грамотность потребителей и работников), использование Интернета, интеграция цифровых технологий (каналов продаж, поставок, производства и др.), развитые цифровые социальные услуги (электронное правительство, медицина и пр.) [13]. Россия сегодня не входит в перечень стран, чей потенциал развития информационного общества оценивается по данной методике. Тем не менее, с нашей точки зрения, данная методика представляет большой интерес для мониторинга уровня развития цифровой экономики и оценки результатов масштабных национальных программ в области развития ИКТ.

В мае 2015 г. Европейским Союзом разработана стратегия развития целостного цифрового рынка до 2020 г. [14]. Данная стратегия направлена на повышение функциональной совместимости приборов, приложений, сетей, цифровых технологий, хранилищ данных, выработке единых стандартов, политики и инструментов борьбы с киберпреступностью. В рамках программы предусмотрен масштабный проект финансирования исследований и цифровых инноваций Horizon 2020, в итоге ЕС собирается еще более нарастить конкурентный потенциал государственно-частного партнерства в сфере ИКТ.

Для США по-прежнему характерна концентрация конкуренции среди небольшого количества основных ИКТ-компаний (мировых гигантов ИТ-индустрии, таких как Google, Amazon, Facebook, IBM, Microsoft) [15]. Транснациональные компании активно инвестируют в инновационные стартапы, «поглощают» привлекательные инфраструктурные, инновационные и производственные компании. В Российские стартапы таким компаниям выгодно вкладывать на ранних стадиях, адаптируя проекты «под себя». В итоге неразвитая система государственно- и частного венчурного инвестирования в

ИТ-проекты и отсутствие таких же успешных крупных частных или государственно-частных ИТ-компаний ориентируют направленность разработок ИТ-инноваторов и их усилия по поиску инвестора преимущественно на зарубежный рынок.

Кроме того, что конкуренция в области цифровой экономики станет намного напряженнее, динамика развития цифрового общества в мире также будет диктовать новые условия эффективности бизнеса в любых других областях. По прогнозам Gartner, к концу 2015 г. 5 % глобальных организаций будут проектировать «сверхманевренные» процессы, дающие конкурентное преимущество, а к 2017 г. 70 % успешных цифровых бизнес-моделей будут базироваться на нарочито изменчивых процессах, призванных подстраиваться под потребности заказчиков [16].

Развитие информационного общества в соответствии с концепцией устойчивого социально-экономического развития предполагает развитие концепции так называемых «умных городов», в основе которых – комплексная интеллектуальная ИТ-система мониторинга, диагностики, оптимального распределения ресурсов, процессов, услуг, поддержание оптимального экобаланса города [17].

Выводы.

Можно резюмировать, что лидирующие позиции Тюменской области во внедрении государственных и региональных программ по информатизации обеспечили ей ряд преимуществ в создании благоприятной инвестиционной инфраструктуры. Хотя, в конечном итоге, максимизация «экономических бонусов» территории от развития ИКТ (в частности, от экономии затрат на информационные и коммуникационные процессы, благоприятной инфраструктуры, способствующей развитию предпринимательства и инноваций, развитию научных, инновационных, экономических и пр. межрегиональных связей, использованию результатов обработки данных) значительно зависит от готовности к использованию потенциала «цифровой трансформации». Особенность информатизации социального сектора состоит в необходимости пространственной интеграции: «информационный беспорядок», «отставание» отдельных территорий, отраслей рынка имеют значительное влияние на темпы развития всех хозяйствующих субъектов.

Остается критически низким уровень активности социума Тюменского региона

в сфере ИКТ, а бизнес-сообщество так и не вышло на уровень реализации конкурентных преимуществ развитого электронного рынка. С одной стороны, этому препятствует моноотраслевая структура экономики региона (с преобладающей долей ТЭК и высоким уровнем концентрации капитала в крупных компаниях данной отрасли), с другой – отсутствие достаточного кадрового потенциала, необходимой активной информационной среды в сфере высоких технологий (в том числе ИКТ) и эффективного механизма венчурного инвестирования в прорывные ИКТ-проекты.

Развитие глобального сетевого информационного общества является общемировым процессом, в том числе для России и ее регионов. Тем не менее скорость и механизмы развития каждой страны и региона в постиндустриальной и «информационной» фазе развития специфичны в зависимости от выбора социально-экономических ориентиров, концепции и технологий воздействия на информационно-коммуникационные процессы, солидарных целей и ценностей сообществ и ресурсного потенциала региона. В сетевой экономике интересы общества в целом достижимы лишь при интеграции общественных, государственных и частных интересов и инициатив. Ориентиры развития ИКТ-сферы в России выбраны, но развитие происходит с чрезмерным перекосом в «государственную» экономику. Интересы частных компаний подразумевают включение в сферу ИКТ свободных игроков, но в отсутствии условий для частной инициативы, при зарегулированности государственной сферы эти интересы пока остаются больше декларированными, и деятельность экономических агентов ИКТ-рынка в России, и в Тюменской области в частности, не достигает необходимых масштабов.

В настоящее время государственные инициативы в развитии ИКТ осуществляются достаточно успешно, в частности, в Тюменском регионе, в основном в рамках масштабных целевых программ и проектов. Частный же сектор испытывает недостаток в «длинном» и «девшевом» кредитовании проектов или венчурном финансировании, качественном кадровом потенциале и необходимой инфраструктурной и информационной поддержке.

В условиях интенсификации мировой конкуренции в сфере цифровой экономики, в том числе за счет объединений усилий и инвестиционного капитала нескольких компа-

ний, ужесточаются условия для входа на ИКТ-рынок. Однако инструменты развития государственно-частного партнерства и венчурного финансирования при обеспечении прозрачности механизма оценки потенциала проектов и мониторинга их результатов способны принести плодотворные результаты не только и не столько в коммерческом плане, но и напрямую – в социально-экономическом (разработка и внедрение технологии «умных городов», экологического мониторинга территорий, медицинского мониторинга населения). Эффективное инвестирование «нефтяной ренты» региона в высокотехнологичную цифровую отрасль соответствует целям устойчивого развития региона на долгосрочную перспективу.

Информационно-технологическое развитие общества является логичным эволюционным процессом и важным непосредственным фактором развития человеческого общества, тем не менее роль сознательного целенаправленного социального действия в определении направления информационных потоков и развития технологий для воздействия на информацию является определяющей. На сегодняшний день все сферы жизни общества (политический уклад, технологии, культура, информационно-коммуникационная сфера, экология и пр.) и общественное сознание в целом, особенно в условиях развивающейся «сетевой экономики», глобального информационного пространства являются взаимовоздействующими и взаимовлияющими в мировом масштабе. Поэтому стратегически приоритетной для каждого региона является направленность информационно-технической деятельности на постижение действительности и на ее преобразование в соответствии с конструктивными потребностями человечества, гуманистическими и экологическими принципами.

Соответственно, дальнейшее изучение динамики развития предпосылок информационного общества представляет интерес прежде всего с точки зрения поиска оптимальных технологий для воздействия на развитие ИКТ в направлении, адекватном стратегическим целям развития региона – обеспечения долгосрочной жизнеспособности региона. Дальнейшие исследования могут быть направлены на поиск оптимальных организационных мер, активизирующих развитие высокотехнологичного сектора цифровой экономики в регионе (государственного, частного и государственно-частного), повы-

шающих роль интеллектуальных информационных систем в решении актуальных социально-экономических проблем региона и обеспечении его устойчивого развития.

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Гос. ун-т ВШЭ, 2000. – 606 с.

2. *Huber J.* Die Regenbogengesellschaft; Ökologie und Sozialpolitik. – Frankfurt am Main: Fischer, 1985.

3. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. – 358 с.

4. *Хэ Чуаньци.* Цивилизация и модернизация: глобальные основы модернизации Китая // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). Ч. 1 / под ред. Хэ Чуаньци. – М.: Весь мир, 2011.

5. *He Chuanqi.* Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Springer, 2012.

6. Индикаторы информационного общества: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, М. А. Кевеш и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – 312 с.

7. Перечень инвестиционных проектов // Фонд «Инвестиционное агентство Тюменской области». – URL: http://www.iato.ru/loans/investment_projects/tracking/support (дата обращения 12.07.2015).

8. *Майорова А.* Правительственная комиссия по использованию ИТ оценит готовность ведомств и регионов к использованию СМЭВ // Экспертный центр электронного государства. 24 марта 2014 г. – URL: <http://www.d-russia.ru/pravitelstvennaya-komissiya-po-ispolzovaniyu-it-ocenit-gotovnost-vedomstv-i-regionov-k-ispolzovaniyu-smev.html> (дата обращения: 12.11.2014).

9. Паспорт государственной программы Тюменской области «Основные направления развития информатизации (Электронная Тюменская область)» на 2014–2016 гг. Тюмень. – URL: http://www.admtumen.ru/ogv_ru/finance/programs/program.htm?id=1133@egTargetGrant (дата обращения: 25.11.2014).

10. Общество. Информатизация. Статистические данные о рынке ИКТ. – URL: <http://www.admtumen.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

11. Статистический ежегодник 2015. Ч. 1 (2): Тюменская область. – Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы

гос. статистики по Тюменской области, 2015. – 294 с.

12. Распоряжение правительства Российской Федерации от 20 июля 2013 г. № 1268-р об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие отрасли информационных технологий». 2013. – URL : <http://www.government.ru/media/files/41d47b5d6fc5471bcd6c.pdf> (дата обращения: 25.11.2014).

13. The Digital Economy and Society Index (DESI) // Digital Agenda for Europe. – URL : <https://www.ec.europa.eu/digital-agenda/en/desi> (дата обращения: 25.11.2014).

14. Digital Agenda in the Europe 2020 strategy // Digital Agenda for Europe. – URL : <https://www.ec.europa.eu/digital-agenda/en/digital-agenda-europe-2020-strategy> (дата обращения: 25.11.2014).

15. Delivering Digital Infrastructure Advancing the Internet Economy // World Economic Forum. April 2014. – URL : http://www3.weforum.org/docs/WEF_TC_DeliveringDigitalInfrastructure_InternetEconomy_Report_2014.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

16. Top 10 Strategic Predictions for 2015 and Beyond: Digital Business Is Driving “Big Change” 4 October 2014. Gartner. – URL : http://www.gartnerinfo.com/exp/top_10_strategic_predictions_269904.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

17. Expanding Participation and Boosting Growth: The Infrastructure Needs of the Digital Economy // World Economic Forum. March 2015. – URL : http://www3.weforum.org/docs/WEFUSA_DigitalInfrastructure_Report2015.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

**МОДЕРНИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН:
МЕТОДОЛОГИЯ ИЗМЕРЕНИЯ¹**

**MODERNIZATION OF MUNICIPALITIES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN:
MEASUREMENT METHODOLOGY**

Н.М. Лавренюк

N.M. Lavrenyuk

*Башкирский государственный университет, Уфа
Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан,
Башкирский филиал Института социологии РАН
Bashkir State University, Ufa
Institute of socio-political and law researches of the Republic of Bachkortostan,
Bashkir branch Institute of sociology of the RAS*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В современной России 1097 городов, 2865 районов, 1864 поселка городского типа, 153 000 сельских поселений. Это многообразие территориального пространства сложно структурировано и дифференцировано в своем развитии. Однако развитие административно-территориальных единиц подчиняется объективным закономерностям модернизации. Процессы модернизации – сложного, неоднозначного феномена, протекают неравномерно, показывая конкурентную борьбу за актуальные материальные, нематериальные, человеческие ресурсы. Уровни модернизации характеризуют дистанцию в развитии, показывают результаты, которых достигли государства, регионы, муниципальные образования. Современная наука накопила богатый опыт теоретического осмысления и практического измерения потенциала модернизации и эффективности его использования на национальном и региональном уровнях. Муниципальный уровень в определенной степени обделен вниманием российских исследователей. Именно муниципальные сообщества адаптируют свои ценностные стремления и официальные направления развития. В процессе непосредственного взаимодействия они выполняют функцию редукции инновационных преобразований для устойчивого развития общества в целом. Это создает новые социокультурные вызовы. В статье предложен вариант методологических основ измерения уровней модернизации разных видов для сельских и городских муниципальных образований. Применение предлагаемой методологии и результаты методики после апробации позволят муниципальным и региональным администрациям принимать верные решения в направлении поиска баланса между модернизацией и сохранением традиционных укладов жизни. Фокус изучения феномена накопления потенциала модернизации в первичных административно-территориальных образованиях в дальнейшем изучении будет смещен в сторону социокультурного контекста. Поскольку процессы модернизации приводят к миграционному оттоку наиболее потенциальных человеческих ресурсов в крупные агломерации, что приводит к вырождению сельских муниципальных образований, к деградации моногородов, негативно сказывается на качестве и перспективах жизни сообществ.

In modern Russia there are 1097 cities, 2865 areas, 1864 towns and 153 000 rural settlements. This diversity of territorial space is difficult structured and differentiated in its development. However, the development of administrative-territorial units is the subject of objective laws of modernization. The process of modernization is a complex, ambiguous phenomenon that does not occur uniformly, showing competition for actual tangible, intangible and human resources. Levels of modernization characterize the distance of the development, show the results achieved by states, regions, municipalities. Modern science has accumulated rich experience of theoretical understanding and practical measurement of the modernisation potential and efficiency of its use at the national and regional levels. Municipal level is to some extent neglected by Russian researchers. Municipal community adapt their aspirations and values of official development direction. In the process of direct interaction they perform the function of reduction of innovative transformations for sustainable development of society as a whole. This creates new socio-cultural challenges. The article offers a methodology for measuring levels of modernization for different types of rural and urban municipalities. The application of the proposed methodology and the results of this technique will allow municipal and regional administrations to make the right decision towards finding the balance between modernization and preservation of traditional ways of life. The focus of studying the phenomenon of accumulation of potential upgrades in the primary administrative-territorial units, further investigation will shift to the socio-cultural context. Since the processes of modernization lead to the migration outflow of the most potential of human resources in large agglomerations, which leads to the degeneration of rural municipalities, the degradation of single-industry towns, has a negative impact on the quality and prospects of life in the community.

Ключевые слова: муниципальные образования, модернизация, регион, методология измерения.

Key words: municipalities, modernization, region, measurement methodology.

¹ Статья написана в рамках темы ГНТП «Стимулирование инновационной деятельности в Республике Башкортостан», раздела «Развитие науки Республики Башкортостан на 2013–2015 годы».

Введение. В связи с изменениями в законодательстве Российской Федерации и Республики Башкортостан [1; 2] до 2016 г. должен быть разработан ряд документов стратегического развития России и регионов. В регионе разрабатывается Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 г. Одна из основных задач в рамках территориального развития – оценка потенциала и возможностей модернизации муниципальных образований с обозначением геоинформационных каркасов территориального развития Башкортостана. Для этого предложена методология измерения потенциала и уровня модернизации в муниципальных образованиях (МО).

Систему МО региона можно охарактеризовать следующим образом. В Республике Башкортостан, как во всех субъектах Российской Федерации, существует административно-территориальное деление и территориальное устройство МО. Границы административно-территориального деления и территориального устройства МО в Республике Башкортостан практически совпадают. Существующие различия:

- 1) внутригородские районы столицы региона г. Уфы не являются МО;
- 2) 10 сельских советов в городах: Уфа (5), Нефтекамск (2), Кумертау (2), Сибай (1), – не являются сельскими поселениями;
- 3) городскими округами являются 9 городов из 21 города: Уфа, Агидель, Кумертау, Нефтекамск, Межгорье, Октябрьский, Салават, Сибай, Стерлитамак;
- 4) остальные города (12) и поселки городского типа (2) являются городскими поселениями в составе муниципальных районов.

Административно-территориальное устройство включает: 21 город, 2 поселка городского типа, 54 района, 7 внутригородских районов и 828 сельских администраций.

В Башкортостане установлена двухуровневая система МО:

- 1-й уровень – муниципальные районы и городские округа;
- 2-й уровень – городские и сельские поселения.

Двухуровневой муниципальной структурой обусловлены два направления в решении вопросов информационно-статистического обеспечения деятельности органов местного самоуправления: на уровне городских округов и муниципальных районов, на уровне городских и сельских поселений. В настоящее время существует существенное ог-

раничение, связанное с информационно-статистическим обеспечением деятельности МО второго уровня, так как статистические разработки не дают полноценную информацию, особенно по сельским поселениям.

Муниципальные образования Башкортостана представлены: 8 городскими округами (не включая закрытое административно-территориальное образование), 54 муниципальными районами, 14 городскими и 818 сельскими поселениями. Каждое из МО имеет общие и специфические возможности, барьеры и условия для развития. Объективная оценка потенциала модернизации на муниципальном уровне позволит выявить системные и специфические факторы сдерживания и стимулирования процессов приоритетного развития модернизации Республики Башкортостан.

В качестве предмета изучения и апробации методики выступают муниципальные районы и городские округа. Внутри муниципальных районов смешанного типа с городскими и сельскими поселениями индексы модернизации будут дифференцированы.

Основная теоретическая часть. Вопросы развития модернизации находятся в центре научных интересов ученых разных стран и отраслей знаний. Современные научные разработки в области социокультурной модернизации активно ведутся в Центре исследований модернизации Академии наук Китая под руководством Хэ Чуаньци; в Институте социальных исследований университета г. Мичигана (США) под руководством Р. Инглхарта; в Фонде Бертельсмана (Германия); в Программе развития ООН. В Российской Федерации на изучение социокультурной модернизации направлены исследовательские усилия сотрудников Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ (Р. Инглхарт), Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой; Института социологии РАН, Института сравнительных исследований модернизации обществ (г. Казань, руководитель Х. Дэвис, профессор Бангорского университета, Великобритания), ряда региональных центров России, включая Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан.

В результате апробации сотрудниками Института социально-политических исследований АН РБ методики Центра исследования модернизации Китайской АН, адаптирован-

ной Н.И. Лапиным [3; 4], были получены результаты, позволившие охарактеризовать уровень вовлеченности Башкортостана в процессы модернизации. Регион находится на стадии индустриальной (первичной) модернизации и еще не вошел в ее высшую фазу – фазу перехода к информационной (вторичной) стадии модернизации. Эти стадии модернизации протекают последовательно, но преломляются в интегрированной модернизации. Интегрированная модернизация отражает одновременный переход общества и к индустриальному, и к постиндустриальному типам развития. Модернизация в регионе имеет пульсирующий характер и подвержена кризисному влиянию. В 2008 г. показатели значений фаз свидетельствовали о большей готовности ко вторичной модернизации, чем в 2010 г.

Среди субъектов Российской Федерации Башкортостан в 2010 г. занимал по индексу первичной модернизации 31 место, по индексу вторичной модернизации – 40 место, по индексу интегрированной модернизации – 41 место. Как и Приволжский федеральный округ в целом, по уровню вторичной модернизации регион занимает срединный уровень развития, о чем свидетельствуют значения индексов модернизации. Среди субъектов Приволжского ФО Башкортостан также на срединной позиции. Опережают республику Нижегородская область (лидер Приволжского ФО), Пермский край, Самарская область, Ульяновская область, Республика Татарстан и Пензенская область [5; 6]. Процессы модернизации в Республике Башкортостан протекают неоднозначно. В целом, как в России, в Башкортостане эти процессы имеют позитивный тренд. Значения индексов модернизации в республике ниже, чем в среднем по России.

На муниципальном уровне в регионах страны методика не применялась. Однако в России накоплен достаточно богатый опыт оценки направляемого развития МО. На основе методологии социального планирования профессора Н.А. Аитова еще в советский период разрабатывались социальные планы развития городов и сел. Различные варианты методик были предложены специалистами в области социологии города и села. Сегодня во всем мире, включая Россию, активно инновизируются урбанистические пространства, предлагаются методологические варианты стратегий, форсайтов и мастер-планов развития городов. Администрации регионов РФ выстраивают рейтинги эффективности дея-

тельности государственных и муниципальных органов управления.

В России в работе с территориально-поселенческими объектами – МО накоплен определенный опыт разработки теоретико-методологических основ их развития. С.П. Никаноров создал метод концептуального анализа и проектирования систем организационного управления. П.Г. Щедровицким предложена системно-мыследеятельностная методология стратегического планирования. С.Б. Мельников разработал инновационную социальную технологию муниципального управления – метод социально-экономической поддержки инициатив (интересов) населения. В.С. Дудченко была успешно апробирована инновационная методология для решения проблемных вопросов и определения перспектив развития административных территорий. Синтез методологии междисциплинарного анализа и системно-мыследеятельностной методологии был реализован О.Г. Севан и Б.В. Сазоновым. Т.М. Дридзе разработала прогнозное социальное проектирование на базе человеко-средовой (экоантропоцентрической парадигмы) для социально-ориентированного муниципального развития [7–12].

Измерительные практики развития основаны на данных официальной и ведомственной статистики, на различных вариантах индексации показателей. Не претендуя на окончательное решение, автором предложен вариант методологии измерения потенциала и уровня модернизации МО для определения перспектив территориального развития республики через характеристику степени сбалансированности/разбалансированности модернизации муниципальных образований региона, выявление ограничений и возможностей модернизации на муниципальном уровне.

Научная значимость заключена в комплексном исследовании проблем на основе предложенной методики оценки и определения перспективных направлений модернизации МО в Республике Башкортостан. Практическая значимость – в подготовке аналитической основы для принятия решений и проектных документов для органов государственной власти и управления на республиканском и муниципальном уровнях республики.

Эпистему модернизации МО можно представить в виде комплекса базовых категорий и терминов, инвариантов и выделенных приоритетов.

Модернизация представляет совокупность интенсивных процессов технического, экономического и социокультурного развития общества [13, с. 34] с целью повышения качества жизни населения, устойчивое функционирование и безопасность государства и социума в условиях перехода от традиционного типа общества к индустриальному, постиндустриальному типам общества и далее по степени развития на основе переноса образцов (например, технологий для промышленного производства) [14].

Виды модернизации – это типы модернизационных изменений в основных сферах жизнедеятельности современного общества: в экономике (экономическая модернизация), культуре (культурная модернизация), политике (политическая модернизация), социальной сфере (социальная модернизация), а также в окружающей среде (экологическая), управлении (управленческая) и других актуальных сферах.

Факторы модернизации – факторы-причины, факторы-условия протекания модернизации и факторы-следствия. Факторы-причины генерируют, стимулируют или тормозят процессы модернизации. Согласно Докладу о мировом развитии за 2009 г., базовые факторы условий модернизации: *density* – пространственная концентрация населения и эффект масштаба (развитие городских агломераций); *distance* – экономическое расстояние, обусловленное не только внутриматериковым положением, удаленностью от глобальных и внутривосточных рынков, транспортными и транзакционными издержками, но и слабо развитой инфраструктурой; *division* – институциональные барьеры в широком смысле, в том числе барьеры границ (национальных, региональных, локальных), препятствующих проникновению товаров, услуг, инноваций; барьеры территориальной мобильности, социальных лифтов и доступности качественных социальных услуг, повышающих человеческий капитал. Факторы-следствия – причины повышения или снижения качества жизни населения [15].

Уровни модернизации: первичная модернизация – совокупность процессов перехода традиционного общества к индустриальному типу; *вторичная модернизация* – совокупность процессов перехода индустриального общества к постиндустриальному (информационному) типу. Для каждого уровня характерно переходное состояние. Одновременное протекание процессов модернизации раз-

ного уровня – это «интегрированная модернизация» (Хэ Чуанцы).

Муниципальное образование – это территория, в пределах которой проживающие на ней граждане реализуют свое конституционное право на местное самоуправление непосредственно и (или) через выборные органы. *Виды муниципальных образований* – в соответствии с ФЗ № 131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [16] к МО относятся: городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения. Модернизация МО – трансфер прогрессивных образцов жизнедеятельности в пределах территории конкретного МО.

Инварианты модернизации как сложного, объективного процесса различны. Они связаны с количественными и качественными изменениями, с позитивными и негативными последствиями. Позитивные изменения показателей, выбранных в качестве индикаторов, характеризуют развитие процессов модернизации. Отсутствие изменений значений показателей (изменения близкие к нулю) – их стагнацию. Негативные изменения показателей – демодернизацию. Процессы модернизации имеют как позитивные результаты, выражающиеся в повышении качества жизни, так и негативные результаты, приводящие к снижению качества жизни населения.

Приоритеты модернизации МО:

- сбалансированное развитие МО на основе трансфера перспективных для повышения качества жизни людей технологий экономического, социального, когнитивного, технико-технологического, транспортного, экологического и управленческого содержания;
- разработка гуманистически ориентированной модели модернизации МО;
- поиск баланса между модернизацией и демодернизацией в социокультурном развитии населения.

Методология разработки методики оценки модернизации муниципальных образований (ММО) основана на социоинженерном подходе, позволяющем оптимизировать процессы модернизации в системах «люди-люди» и «люди-техника-технологии», а также формализовать условия для рефлексии модернизационных изменений. В связи с чем можно выделить ряд *методологических требований* к ММО.

1. Методика оценки ММО должна позволить дифференцировать МО в зависимости от их типов (сельское, городское, смешанное) и отразить степень диверсификации процессов модернизации.

2. Типология МО должна опираться на характеристики базовых параметров модернизации, отраженных в показателях официальной муниципальной статистики;

3. Число параметров типологии МО по уровню модернизации должно быть небольшим и достаточным для качественного объяснения различного рода отклонений от ожидаемых результатов / средних значений / эталонных значений.

4. Параметры должны отражать достигнутый уровень за счет собственного потенциала МО и привлеченных ресурсов.

5. Типология должна отражать объективную ситуацию в экономическом, социальном, культурном, экологическом, коммуникационно-инфраструктурном и управленческом видах модернизации.

6. Критерии типологии должны быть однозначными для отнесения каждого МО к конкретному типу.

7. Критерии должны иметь пороговые значения по каждому показателю для заполнения матрицы модернизации.

8. Первоначально индексы модернизации рассчитываются за 10 лет (с 2004 по 2014 гг.), далее ежегодно.

Методы и оценки МО представлены в таблице.

Оценка модернизации муниципальных образований

<i>Объекты оценки</i>	<i>Метод оценки</i>	<i>Результат оценки</i>
Городское поселение, сельское поселение, муниципальный район, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район, внутригородская территория, города федерального значения (городские поселения и муниципальные районы)	Оценка уровня развития модернизации.	Индекс первичной модернизации для сельских поселений и муниципальных районов.
	Рейтингование.	Индекс вторичной модернизации для городских поселений.
	Кластеризация.	Индекс интегрированной модернизации для городских поселений и муниципальных районов.
	Диагноз баланса/дисбаланса модернизации.	Общий индекс модернизации МО
Синтез рекомендаций		
<i>Область исследований</i>	<i>Область исследований модернизации</i>	<i>Вид индексов модернизации</i>
Экономика	Оценка экономической модернизации.	Индекс экономической модернизации.
Население	Оценка социальной модернизации.	Индекс социальной модернизации.
Культура	Оценка культурной модернизации.	Индекс культурной модернизации.
Технологии	Оценка коммуникативно-инфраструктурной модернизации.	Индекс коммуникативно-инфраструктурной модернизации.
Окружающая среда	Оценка экологической модернизации.	Индекс экологической модернизации.
Управление	Оценка модернизации управления	Индекс модернизации управления

Разрабатываемая методика оценки ММО Республики Башкортостан основана на нескольких методах: на комплексном анализе, на оценке уровня развития ММО, на построении рейтингов, кластеризации, на диагнозе уровня сбалансированности / разбалансированности и дистанцирования ММО по уровням и видам. Завершает методику синтез рекомендаций.

Методика включает агрегирование различных показателей, характеризующих важнейшие факторы видов и уровней ММО. На

основе выделенных факторов, которые являются основополагающими в соответствующих видах модернизации, формируются индексы, в состав которых входят показатели-индикаторы, рассчитываемые как:

– относительные величины структуры (характеризуют состав изучаемых совокупностей);

– относительные величины динамики (характеризуют изменения изучаемого явления во времени);

– относительные величины сравнения (характеризуют количественное соотношение одноименных показателей, относящихся к различным объектам).

При проектировании представления результатов используются только формализуемые (численные) показатели официальной статистики федерального и территориального органов Росстата и Башкортостанстата, что делает результаты оценки максимально прозрачными и сопоставимыми. Оценка производится по всем городским поселениям и муниципальным районам (за исключением городских поселений в смешанных районах), а также по всей совокупности МО Республики Башкортостан без оценки модернизации закрытых автономных территориальных образований.

Основным приемом обработки информации является сравнительно-сопоставительный анализ МО по комплексу показателей, сгруппированных по видам и уровням модернизации и характеризующих ситуацию в ретроспективе за 10 лет после принятия Федерального закона 6 октября 2003 г. № ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [16], на основе которого были проведены последние территориально-административные изменения в Республике Башкортостан.

Заключение. Индексация МО позволит позиционировать каждое МО среди других. Результатом обработки данных станут ранжируемые списки по видам модернизации, по уровню модернизации и по итоговому общему индексу модернизации МО. Это позволит охарактеризовать сравнительные позиции каждого МО по видам модернизации в зависимости от его уровня в динамике, определить кластеры МО и сформулировать рекомендации по оптимизации процессов модернизации в экономике, социуме, культуре, окружающей среде, коммуникативно-инфраструктурной среде и управлении.

На основе расчетов будут выделены кластеры МО по уровню модернизированности, а также проиндексированы все виды модернизации для каждого МО и рассчитан общий индекс – индекс ММО.

Ранжирование МО на основе реализованных расчетов позволит проанализировать разбалансированность ММО, определить разрывы в уровне модернизации городских и сельских поселений Республики Башкортостан в общем и по видам.

Итогом станет охарактеризованная ситуация по каждому МО, по городским и сельским поселениям, отдельно по Уфе – столице региона, по кластерам и в целом по Республике Башкортостан. Это позволит спроектировать основу для управленческих решений соответствующим органам власти. В ближайшей перспективе – разработка атласа модернизации муниципальных образований Республики Башкортостан – проектного документа, в котором будет дана комплексная оценка уровня развития потенциала модернизации, проанализирован характер процессов модернизации, проведена кластеризация муниципальных образований, а также определена эффективность управления и предложены варианты стратегий модернизационного развития для типичных МО региона.

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон № 172 от 28 июня 2014 г. – URL : <http://www.basegarant.ru/70684666/> (дата обращения: 25.11.2014).

2. О стратегическом планировании в Республике Башкортостан : Закон Республики Башкортостан № 194-З от 27 февраля 2015 г. – URL : <http://www.garant.ru/hotlaw/bashkor/611256> (дата обращения: 25.11.2014).

3. Лапин Н. И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 25–34.

4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) : пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Весь Мир, 2011. – 256 с.

5. Социокультурные возможности и ограничения развития модернизации (Республика Башкортостан). Гл. 13 / Р. М. Валиахметов, Н. М. Лавренюк, Г. Р. Баймурзина и др. // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М., 2013. – С. 192–203.

6. Социокультурный портрет Республики Башкортостан в контексте модернизации / Р. М. Валиахметов, Н. М. Лавренюк, Г. Ф. Хилажева и др. // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 48–57.

7. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Новые проблемы российских городов: Муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения. – М. : УРСС, 2000. – 256 с.

8. Регионы в России: социокультурные портреты в общероссийском контексте / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М., 2009. – 806 с.
9. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / под ред. Д. С. Львова, А. Г. Гранберга, А. Л. Егоршина. – М., 2004. – 608 с.
10. Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. – М. : Ин-т социологии РАН, 2006. – 312 с.
11. *Болховитина Т. С.* Муниципальное управление // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. – М. : КРАСАНД, 2015. – С. 178–179.
12. *Дудченко В. С.* Абсолютный консультант. – М., 2006. – 240 с.
13. *Латин Н. И.* Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. – 2011. – № 2. – С. 33–73.
14. *Никитаев В. В.* Субъекты и типологии социокультурных изменений // Центр гуманитарных технологий. – URL : <http://www.gtmarket.ru/laboratory/6606> (дата обращения: 25.11.2014).
15. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хацаева. – М. : ТЕИС, 2011. – 357 с.
16. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон. – URL : <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>.

**МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ Г.О. САМАРА)¹**

**LOCAL COMMUNITIES AS A FACTOR OF THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE TERRITORY
(ON THE EXAMPLE OF SAMARA CITY)**

С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров, В.М. Цлаф
S.A. Martyshkin, D.V. Prokhorov, V.M. Tslaf
Самарский государственный университет
Samara State University

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Разрабатывается достаточно новая тема взаимодействия органов государственного и муниципального управления и местных сообществ. Обосновывается необходимость привлечения местных сообществ к активному участию в стратегическом развитии территории (региона и отдельного муниципального образования). Показана проблема, заключающаяся в необходимости синтеза усилий органов государственной и местной власти и местных сообществ в решении социальных проблем при отсутствии опыта партнерского взаимодействия и партнерских отношений между ними. Рассматривается сущность местных сообществ и определяется данное понятие. Раскрывается роль местных сообществ в разработке и реализации стратегии развития муниципального образования, в частности, г.о. Самара. Обосновывается, что местные сообщества являются основным фактором социокультурного развития территории в стратегическом плане.

The article discusses the interaction of both state and municipal organizations of administration, and local societies. There was presented an idea that this local societies must be used as active participants of strategic development of some territories (such as region and local municipal organization). In the article the problem of necessary of synthetic activities of state and municipal organizations in power and local societies in social problems decisions, and their partnership relations was issued. In this article the essential questions of the local societies were investigated, and the category was formulated. Role of such communities is presented in the process of study and realization of strategy of municipal development of municipal organization, in particular, in Samara. The article explains that the local community is a major factor of socio-cultural development of the territory in the strategic plan.

Ключевые слова: социокультурное развитие, местное сообщество, регион, муниципальное образование, стратегия.

Key words: socio-cultural development, local community, region, municipality, strategy.

Введение. Важность задачи изучения особенностей социокультурного развития российских регионов обусловлена огромной территорией и разнообразием расселения населения России. Каждый российский регион обладает профессиональной, этнической и религиозной спецификой состава населения, своеобразием его ценностной структуры, социальной инфраструктуры, показателями качества жизни населения.

Статья посвящена разработке достаточно новой в рамках управленческой науки темы взаимодействия органов государственного и муниципального управления и местных сообществ с целью привлечения последних к активному участию в стратегическом развитии территории (региона и отдельного муниципального образования). Анализ сложившейся практики взаимодействия органов

муниципального управления и местных сообществ в г.о. Самара (и в других крупных муниципальных образованиях) приводит к выводу о существовании комплекса противоречий, выражающихся в том, что существует необходимость синтеза усилий органов местной власти и местных сообществ в решении социальных проблем при отсутствии опыта партнерского взаимодействия и партнерских отношений между ними. Необходимо добавить, что указанная проблема крайне актуальна и по отношению к более крупному территориальному образованию – региону.

Обзор литературы. Исследований, предметом которых является именно взаимодействие местных сообществ и органов государственного и муниципального управления, практически нет. Есть исследования, где эта проблема изучается с той или иной

¹ Выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ, грант «Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона», проект № 15-13-63004 а(р).

стороны: либо акцент ставится на роли местных сообществ в развитии территории – как правило, муниципального образования (города, села) – или же на том, как органы власти могут стимулировать активность местной общественности.

Согласно социокультурному подходу регион является прежде всего территориальным сообществом, сложившимся исторически и образованным в результате деятельности социальных акторов – жителей данного региона [1].

Согласно подходу исследования глобальной модернизации как процесса, разделенного на три основные стадии (первичную, вторичную и интегрированную, представляющую скоординированное развитие первых двух), решающим фактором этого процесса является преодоление и изменение традиционных ценностей, препятствующих социально-экономическому развитию. На смену им должны прийти ценности, мотивирующие социальных акторов на расширение инновационной деятельности [2]. Следовательно, процесс модернизации в социокультурном плане напрямую относится к жизни отдельных людей. От того, насколько каждый человек ценностно (и уже на основе ценностной трансформации – деятельностно) будет включен в модернизацию, зависит изменение качества жизни населения в целом.

Базовая гипотеза исследования. Население российского региона распределено по муниципальным образованиям, входящим в состав того или иного субъекта РФ. Кроме регионального разреза, на наш взгляд, структуру ценностей необходимо исследовать в муниципальном плане, так как именно на этом уровне такие базовые ценности, как жизнь, семья, порядок, независимость, благополучие, работа и др. наиболее отчетливо проявляют себя в деятельности, связанной с развитием территории своего проживания (о структуре ценностей населения Самарской области подробнее см.: [3]).

В данной статье хотелось бы более подробно рассмотреть такой аспект, как влияние ценностей и интересов населения, организованного в различные сообщества, на социокультурное развитие территории (региона и отдельного муниципального образования).

Достаточно очевидно, что главным субъектом и ресурсом развития той или иной территории (региона, муниципального образования) является сообщество людей, живущих на данной территории. Органы власти (государственной и/или муниципальной) – это

рабочие органы, задача которых выполнять волю и служить интересам этого сообщества. Именно так появляется представление о «местном сообществе» как умозрительном субъекте воли и интересов людей, проживающих на данной территории. При этом также очевидно, что люди обычно хотят чего-то разного, понимают по-разному, интересуются разным. Дело в том, что местное сообщество (понимаемое именно как территориальное сообщество), как и вообще общество, как целое неоднородно. Требуется осуществить декомпозицию этого целого, представляя его в виде совокупности однородных элементов. В качестве таких элементов можно рассматривать естественные организации, сложившиеся по самоопределению их членов – *местные сообщества*.

Здесь появляется целый спектр сюжетов, связанных с механизмами общественного участия в управлении территорией, например в местном самоуправлении. В частности, появляется идея территориального общественного самоуправления. Оно провозглашается уровнем местного самоуправления, наиболее близким к людям, и, по сути дела, ставится вопрос о создании – уже внутри местного самоуправления – нового уровня управления, наиболее непосредственно связанного с повседневными заботами и интересами людей. Но такая постановка вопроса не исчерпывает проблемы. Конечно, люди могут жить (и, действительно, живут) общими интересами, связанными со своими улицей, кварталом, двором, домом, подъездом. В то же время существует широкий спектр интересов, далеко выходящих за эти пределы. Они объединяют людей не только по критерию общности. На основе таких интересов создаются сообщества, члены которых привязаны к территории иначе, чем посредством своего подъезда, дома, двора или улицы. Так возникает представление о «местных сообществах» как о реальных объединениях людей, имеющих какие-либо общие интересы и проживающих друг от друга на расстояниях, делающих возможным повседневное общение, связанное с данными интересами.

Такие сообщества отличаются от общности жителей дома, улицы, квартала или микрорайона. Они, в общем случае, более сплочены, чем последние, поскольку связаны не случайностью совместного проживания, а чем-то таким, что они выбрали сами, как значимое для них. При этом неважно, идет ли речь об общих увлечениях (например, музы-

кой или книгами), общих корнях (например, культурно-национальных), принадлежности к общей конфессии или общему делу (например, одной профессии или хобби). По характеру своих интересов такие сообщества чаще всего не имеют территориальной окраски, более того, часто они транстерриториальны, но, поскольку их участники живут и действуют на данной территории, то у них неизбежно появляются те или иные интересы, связанные именно с данным местом. А свои интересы они зачастую способны выражать гораздо более определенно и отчетливо, чем отдельные люди.

Кроме того, такие сообщества представляют собой серьезный ресурс с точки зрения организации жизни и развития территории. С ними может быть связан ее культурный и нравственный потенциал, самой своей активностью они во многом складывают социально-культурную ткань своей территории. Кроме того, они могут выступать как референтные группы при решении многих вопросов, связанных с жизнью места, а также в связи с идеями, проектами и программами развития. Наконец, при условии их заинтересованности, они непосредственно могут продвигать большие объемы работы, необходимой для организации жизни и развития территории, в том числе безвозмездно.

Таким образом, местные сообщества могут рассматриваться как основные субъекты организации социально-культурной ткани территории. Такая постановка исследовательской проблемы требует внимательного анализа того, как устроена социально-культурная ткань территории, какие организованности ее складывают, как они возникают, живут, исчезают, как оформляются, как взаимодействуют и т. д. Все это очень важно для реального понимания жизни территории и ответа на вопрос о механизмах, адекватных природе места и способных работать на складывание «местного сообщества».

Таким образом, местное сообщество – это не только и не столько люди, объединенные общей территорией проживания (регионом, городом, микрорайоном, кварталом, домом). Если вопрос ставить именно таким образом, то мы получаем социальную группу, выделенную по «внешнему» признаку – месту жительства. Но данное объединение людей вовсе не обязательно будет *осознавать* общность интересов.

Результаты исследования. Учитывая все вышесказанное, дадим собственное оп-

ределение понятия «местное сообщество». *Местное сообщество – самоорганизующееся, самобытное, самовоспроизводящееся, независимое объединение мотивированных людей различной степени формализации, члены которого, имея возможность повседневного – как опосредованного, так и непосредственного – общения декларируют общие ценности и самоопределяются как члены данного сообщества* (подробнее о проблеме определения понятия местного сообщества см.: [4; 5; 6]).

Проблематика роли местных сообществ в социокультурном развитии территории требует рассмотрения в первую очередь с точки зрения управленческих технологий и форм организации управленческой работы. Постановка проблемы управления требует ответа на два взаимосвязанных круга вопросов. Один из них связан с источниками, механизмами и процедурами постановки целей и задач управления, другой – с управленческими технологиями и формами организации управленческой работы.

Управление всегда – искусство постановки целей и организации ресурсов для их достижения. В общем виде управление всегда обращено к трем основным предметам: целям, ресурсам и оргуправленческим технологиям. В управлении регионом или отдельным муниципальным образованием все эти предметы нравственно, концептуально и прагматически оказываются связанными с местными сообществами. Нравственно, поскольку местные сообщества, собирающие и выражающие интересы людей, не могут не рассматриваться среди основных участников целеполагания управления территорией и «оценщиков» его результативности. Концептуально, поскольку, не обращаясь к анализу жизнедеятельности местных сообществ, их эволюции и взаимоотношениям, невозможно понять, как строится жизнь территории, какие тенденции определяют его эволюцию. Прагматически, поскольку ни один управляющий не свободен от так или иначе зафиксированных обязательств перед теми или иными определенными местными сообществами, и поскольку, строя сколько-нибудь масштабные программы муниципального и регионального развития, он не может избежать решения задачи вовлечения местных сообществ в работу по их реализации. Проблема, однако, состоит в том, насколько отчетливо и точно понимаются взаимоотношения, существующие между деятельностью по

осуществлению территориального управления и жизнью местных сообществ, каковы глубина и масштаб этого понимания, какие организационные технологии, позволяющие строить работу с местными сообществами и определяющие ее, находятся в распоряжении управляющих.

Основной разрыв, возникающий между территориальным управлением в его наблюдаемом сегодня состоянии и местными сообществами, – это разрыв между процедурно организованной деятельностью, которая строится в ориентации на организованное функционирование, рационализацию и технологизацию, на соответствие определенным нормам и правилам и спонтанностью и прихотливостью жизненных процессов, на которые настроены местные сообщества. Таким образом, особенности жизни местных сообществ не улавливаются организованностью деятельности муниципального управления, и, наоборот, организация деятельности муниципального управления неорганична жизненному устройству местных сообществ. В методологическом смысле именно здесь находится ключевая точка проблемы участия местных сообществ в территориальном управлении, а следовательно, полноценного участия в социокультурном развитии территории.

Этот разрыв отсылает нас к двустороннему рассмотрению вопроса об участии местных сообществ в территориальном управлении. С одной стороны, обращаясь к нему, мы будем вынуждены разбираться со структурами жизнедеятельности местных сообществ и присущими этой жизнедеятельности организованностями. То есть, чтобы разобраться с участием местных сообществ в управлении той или иной территорией, надо иметь определенные представления о самих местных сообществах, формах их жизнедеятельности, структурах отношений и т. д. С другой стороны, необходимо ответить на вопрос об управленческих технологиях, в более общем случае – методах управления [7–9], адекватных задаче опоры на эти сообщества и их включения в управление.

В управленческом плане этот разрыв может быть сформулирован и как разрыв между уровнями, определяющими процесс целеполагания, подготовки и принятия решений разного масштаба. На нижнем этаже этой разноуровневости находятся ситуации, требующие локальных решений, лежащих в зоне предметной профессиональной компетенции и ответственности управляющего. Такие

решения могут и должны приниматься именно этим управляющим, по их поводу не надо собирать референдумов и проводить опросов общественного мнения. Но поднимаясь к решениям, захватывающим (актуально или потенциально) более сложные системы отношений и интересов, мы сталкиваемся с задачей и проблемой вовлечения этих отношений и интересов в процесс подготовки и принятия соответствующего решения. По мере увеличения масштаба деятельности будет расти сложность задачи учета этих интересов и отношений и их вовлечения в процесс подготовки и принятия управленческих решений. Соответственно, будет изменяться и набор требований к управленческой квалификации, необходимой для работы на разных уровнях.

Задача становится еще более сложной при постановке вопроса о механизмах, способных обеспечивать взаимосогласованность работы, осуществляемой на разных уровнях, за счет которых решение, принимаемое на верхних управленческих уровнях, не искажается (порой до неузнаваемости) при переходе к его выполнению на нижележащих уровнях.

Описанную ситуацию можно интерпретировать в терминах управления и политики. Решения на уровне, обозначенном нами как «нижний этаж», как правило, не связаны с необходимостью поиска компромиссов между принципиально несовместимыми интересами, и управляющий, обладающий достаточной профессиональной компетенцией, может самостоятельно выработать решение, отражающее консенсус существующих позиций. На более высоких уровнях управления «обойти» несовместимость интересов не удастся, в связи с чем приходится прибегать к комбинированию собственно управленческих и политических методов. Но если такое комбинирование удастся на уровне принятия решений (при, снова скажем, достаточной компетентности лиц, принимающих решения, что встречается в жизни отнюдь не часто), то на уровне исполнения оно оказывается непосильным для понимания и реализации исполнителями.

Задача эффективного привлечения потенциала местных сообществ к процессу социокультурного развития, регулируемому местными властями, нашла отражение в Стратегии комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 г. (далее – Стратегия), утвержденной решением Думы г.о. Самара № 358 от 26 сентября 2013 г. [10]. Одним из десяти направлений, по которым

велась разработка Стратегии и которое признается самими разработчиками Стратегии ключевым, стало направление «Развитие местных сообществ».

Методология «стратегирования» развития Самары, которая сама по себе своей уникальностью представляет исследовательский интерес (подробнее см.: [11]), предполагает, что желаемое будущее строится не как возможное, а именно как желаемое: происходит формирование стратегического видения (vision), что уже достаточно давно и успешно применяется при построении корпоративных стратегий. Здесь применяется телеологический подход – точка, к которой следует стремиться, ставится в будущем исходя из ценностей людей, а из этой точки «обратным курсом» прокладывается путь к настоящему. Тем самым желаемое будущее становится возможным. Такой подход предполагает, что стратегическое развитие – процесс искусственный, управляемый. Он соединяет желаемое и возможное. При этом следует учитывать, что в отличие от корпоративных стратегий при разработке региональных и муниципальных стратегий надо знать желания и предпочтения максимального количества жителей территории. Для этого в Самаре были организованы опросы, что более привычно, а также стратегические сессии и сбор предложений горожан и их обсуждение в инициативных группах и на интернет-сайте с привлечением «широкой общественности», что стало определенной инновацией. В работе над Стратегией в пяти стратегических сессиях, десяти инициативных группах по стратегическим направлениям путем участия в обсуждении на сайте www.samara2025.ru участвовали, по разным оценкам, от 4 до 6 тысяч человек. Здесь надо отметить, что уникальность и инновационность организации разработки Стратегии г.о. Самара и получившийся в итоге документ были по достоинству оценены на всероссийском уровне. 27 октября 2014 г. в Санкт-Петербурге в рамках XIII Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России: обновление стратегий, обновление смыслов» Стратегия развития Самары признана лучшей на общероссийском конкурсе городских стратегий.

Но, как показали первые шаги по реализации принятой Стратегии, всего этого недостаточно, и, что важнее, все это не является наиболее эффективным способом привлечения жителей муниципального образования

к стратегическому проектированию развития своей территории, своего места, и к последующей реализации этого проекта. А вот как раз привлечение местных сообществ способно дать максимальный эффект.

Однако проблема заключается в противоречии между тем, как возможно или нужно (в соответствии с целями Стратегии) жить и проявляться местным сообществам и как их участники желали бы это делать в городском пространстве. Необходимым условием реализации всей Стратегии является наличие и укрепление взаимосвязи у членов того или иного сообщества, своих интересов с развитием города, с повышением его культурной и социально-экономической привлекательности и одновременно восприятие ими городского (сельского) или регионального пространства как «носителя» результатов их деятельности. В сущности, речь идет об ощущении радости от того, что «мне (музыканту, художнику, педагогу, спортсмену, ценителю архитектуры, любителю спорта, определенного музыкального стиля и т. д.) интересно жить здесь. А это значит, что здесь будет интересно жить и таким же, как я».

Заключение. Следует отметить, что все нормативно-правовые усилия по общественно-политическому, социально-экономическому и социокультурному развитию различных территорий (регионов и отдельных муниципальных образований) в нашей стране базируются на той идее, что именно участие жителей в управлении своими городами и селами сможет кардинально улучшить социально-экономическое и социокультурное состояние соответствующих территорий. Соглашаясь с этим тезисом, авторы считают необходимым уточнить, что именно сообщества могут стать той социальной силой, которая сможет сначала «реанимировать» городские и сельские муниципальные образования (и, соответственно, регионы), а дальше работать на развитие их благоустройства (понимаемого в широком смысле как устройства для жизни). На сегодняшний день рабочей группой на базе кафедры государственного и муниципального управления Самарского государственного университета ведется разработка методологии и механизмов эффективного взаимодействия государственных и муниципальных управленческих структур и местных сообществ.

1. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском кон-

тексте : монография / сост., отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2009. – 807 с.

2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) : пер. с англ. / под ред. Н. И. Лапина. – М. : Весь мир, 2011. – 256 с.

3. Самарская область. Социокультурный портрет : монография / А. М. Исупов, И. В. Карпов, С. А. Мартышкин и др.; под ред. С. А. Мартышкина, Д. М. Шабунина. – Самара : Изд-во «Глагол», 2012. – 320 с.

4. Прохоров Д. В. К вопросу о роли местных сообществ в стратегическом развитии муниципального образования // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 235–241.

5. Прохоров Д. В. Понятие местного сообщества как предмет проблематизации процесса организации местного самоуправления в современной России // Математика, экономика и управление. – 2015. – № 1(1). – С. 120–124.

6. Прохоров Д. В. Значение муниципальных (местных) сообществ в стратегическом развитии муниципального образования (на примере г.о. Самара) // Современные проблемы управления : сб. науч. ст. Вып. 8 /

под ред. С. А. Ключникова. – Самара : Изд-во «Самарский государственный университет», 2015. – С. 75–82.

7. Цлаф В. М. Знание и мышление в менеджменте // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». – Самара, 2002. – С. 195–201.

8. Цлаф В. М. Технологии в управленческой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2007. – № 3(53). – С. 55–62.

9. Цлаф В. М. Профессионализм управленца: мышление и творчество vs технологии // Экономинфо. – 2007. – № 8. – С. 72–75.

10. Об утверждении Стратегии комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 г. : Решение Думы г.о. Самара от 26 сентября 2013 г. № 358 // Самарская газета. – 2013. – 3 октября. – С. 1–5.

11. Цлаф В. М. Стратегия комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 г.: особенности разработки и реализации // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 8. – С. 194–200.

**СУБЪЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ:
ПРАКТИКИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹**

**SUBJECTS OF MODERNIZATION IN RUSSIA:
THE PRACTICE OF POST-SOVIET PERIOD AND MODERN PROBLEMS**

**Л.А. Беляева
L.A. Belyaeva**

*Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Москва
Center of studying of sociocultural changes of Institute of Philosophy of RAS, Moscow*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Обсуждается проблема соотношения частного и государственного участия в модернизации российского общества. Рассмотрены сущность модернизации и характеристики ее укладов. На основе статистических данных дана оценка принадлежности экономики России к доминирующим укладам. Приводится статистика, подтверждающая дифференциацию укладов по отраслям и регионам. Выявлено отставание наиболее технологически развитых отраслей. Рассмотрен неудачный опыт модернизации в постсоветской России, в результате которого сформировались барьеры модернизации. Описывается текущая доминирующая роль государства в модернизационных процессах, при этом доказывается, что в современной России модернизация российской экономики, прежде всего технологическая, возможна только при выявлении и реализации интересов двух социальных групп, обладающих необходимым для нее человеческим капиталом. Во-первых, «образованного класса», включающего научные и инженерные кадры, а во-вторых, предпринимателей. Интересы первой группы должна представлять интеллектуальная элита – наиболее интеллектуально независимый субъект при неразвитом гражданском обществе. Вторая группа состоит из представителей крупного, среднего и мелкого бизнеса. Но ведущую роль здесь имеет средний бизнес. Утверждается, что именно средний бизнес должен выступить главным мотором модернизации и в России. Эти две группы («образованный класс» и средний бизнес) составляют центральную перспективную часть среднего класса, и именно они в своем большинстве относятся к группе «модернистов», которые поддерживают модернизацию, хотя и не имеют возможности в полной мере реализовать свой потенциал. Государственное участие в модернизации заключается, во-первых, в формировании и финансовой поддержке научно-исследовательских организации, высокотехнологических предприятий, которые создают и совершенствуют государственные инновационные системы; во-вторых, в создании «безбарьерной» среды для развития частного предпринимательства в инновационных отраслях, а также финансовых механизмов, стимулирующих инновационную и предпринимательскую деятельность.

The article discusses the problem of correlation of public and private participation in the modernization of Russian society. The article considers the essence of modernization and characteristics of its structures. On the basis of statistical data the author assesses the facilities of the Russian economy to the dominant modes. There are given statistics confirming the differentiation of structures across industries and regions. The article identifies the backlog of the most technologically advanced industries, as well as considers the bad experience of modernization in post-Soviet Russia, which formed the barriers to modernization. The author describes the current dominant role of the state in the modernization process, which is proved that the modernization of the Russian economy, primarily technological, is only possible with the identification and realization of interests of the two social groups which are needed for human capital. First, it is the "educated class" that includes scientific and engineering personnel, and second, it is the class of entrepreneurs. The interests of the first group should be represented by the intellectual elite – the most intellectually independent entity in undeveloped civil society. The second group consists of representatives of large, medium and small business. But the leading role here has the medium business. It is alleged that the average business should be the primary motor of modernization in Russia. These two groups ("educated class" and medium businesses) are promising central part of the middle class and they mostly belong to the group of "modernists" that support the modernization, although they are not able to realize their potential fully. Public participation in modernization consists of, firstly, the formation and financial support from research organizations, high-tech enterprises that create and improve the state of the innovation system; secondly, the creation of "barrier-free" environment for development of private entrepreneurship in innovative industries, as well as financial mechanisms that encourage innovation and entrepreneurial activity.

Ключевые слова: субъект модернизации, человеческий капитал, государственное и частное участие в модернизации.

Key words: subject of modernization, human capital, public and private participation in the modernization.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 14-03-00338 «Особенности социального капитала в регионах России: возможности эмпирического исследования».

Введение. Россия вновь стоит перед очередным выбором: продолжать ли осуществление модернизационного проекта по западному образцу или поискать возможности нового пути к современному обществу через укрепление государственной власти и централизации. Можно признать, что западный проект, предусматривающий защиту частной собственности, независимое правосудие, развитое гражданское общество, реализованный в российском варианте, не получился. Эти декларируемые либеральные ценности не смогли оказать благотворного влияния на модернизацию общества, прежде всего на модернизацию экономики, как в силу того, что они блокировались укорененными социальными практиками [1], так и активным противодействием государственной бюрократии, которая поняла призыв к модернизации как призыв к ее имитации, делая ставку на свои собственные интересы.

Изменение модели модернизационного развития, которая сейчас эмпирически «нащупывается», с очевидностью предполагает усиление госаппарата, поддержку экономического роста государственными финансами, расширение свободы предпринимательской деятельности за счет сокращения трансакционных издержек и налогового послабления. По характеру этого проекта его можно условно назвать «смешанный». В каждом из этих проектов – «прозападного» и современного, смешанного – действуют свои главные акторы, которые определяют его успех или поражение.

Опыт модернизации России в последние 20–25 лет позволяет сделать некоторые предварительные выводы относительно того, какие субъекты модернизации были задействованы в этом процессе, что удалось, а что не удалось сделать в результате реформ и попробовать выяснить, какие силы могут стать акторами модернизации для преодоления негативной тенденции «пробуксовки» модернизационных процессов, прежде всего неудовлетворительного развития технологической модернизации. Хотя следует заметить, что технологическая модернизация, вырывающаяся из контекста системной модернизации, включающей модернизацию политической системы, системы управления и институтов, приобретает односторонний и трудно реализуемый характер в силу того, что осуществляется она преимущественно «сверху», усилиями государства без широкого участия потенциальных акторов развития. Используя авторитарные методы управления, опираясь

на привычные авторитарные практики, политические акторы воспроизводят традиционные институты, которые обеспечивают устойчивую защиту их интересов. Но изменениям сопротивляется не только политическая структура, но и социальная среда, те социальные группы, которые нашли свою нишу в патерналистской системе и боятся потерять то, что имеют.

Что же в модернизации как процессе реконструкции общественной системы с целью ускорения развития может явиться объектом воздействия групп, заинтересованных в этом ускорении?

Обзор литературы. Обратимся к определениям модернизации, которые предлагают отечественные ученые. Таких определений, как общих, так и частных, довольно много: относительно этапов и движущих сил, о модернизации применительно к современным развитым и развивающимся странам, к которым теперь нередко относят и Россию, о модернизации собственно России, о модернизации ее регионов. Российские ученые вносят определенный вклад прежде всего в понимание модернизационного развития применительно к российской истории и российской действительности. Общее, широкое определение модернизации предлагает Н.И. Лапин, считая, что это «комплексный процесс цивилизационных изменений. Материальное, вещное содержание изменений составляет переход к новому производственно-технологическому укладу (способу создания средств жизнедеятельности людей) как новому, главному источнику валового внутреннего продукта (ВВП) страны» [2, с. 15]. Соответственно выделяются первая стадия, или индустриальная модернизация, означающая создание и развитие промышленности как новой (по сравнению с аграрной экономикой традиционных обществ) основы экономики; а также вторая стадия или информационная модернизация, при которой совершается переход к информационному обществу, основанному на знаниях, их практическом использовании. Определенный набор индикаторов каждой стадии, предложенный китайским ученым, профессором Хе Чуаньци и адаптированный для России Н.И. Лапиным, ранжирует страны мира по состоянию модернизации и позволяет составить рейтинг в соответствии с интегрирующим индексом модернизации. Россия в 2010 г. занимала 36 место по этому индексу, находясь в группе среднеразвитых стран [2, с. 19].

Вопрос о принадлежности стран мира к той или иной стадии модернизации некоторые исследователи решают в ином ключе: как эмпирически наблюдаемое разделение мира на страны экономически и политически доминирующего «центра», страны «полупериферии» (Индия, Китай, Россия, новые индустриальные страны – НИС) и «периферии» (государства «третьего» и «четвертого» мира), что обусловлено не только более высокими темпами роста Запада, обеспеченными социокультурой модерни, но и ограничениями собственного развития догоняющих Запад стран [3].

Широкое гуманистическое определение модернизации, в наибольшей мере отвечающее социологическому видению проблемы, дает П. Штомпка. «Модернизация – это особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» [4, с. 119]. Такой взгляд на модернизацию предполагает новый угол зрения на роль культуры, образования, традиций, ценностей в осуществлении модернизационных преобразований. Одновременно П. Штомпка обращает внимание на активную роль акторов, обладающих ресурсами для участия в модернизации, и тех акторов, которые, не будучи активными субъектами модернизации, тем не менее, могут воспользоваться ее плодами, полнее реализовывая свой человеческий потенциал, – получить образование и культурные навыки, пользоваться техническими, экономическими возможностями, предоставляемыми модернизацией, жить в комфорте полноценной и счастливой жизнью.

Вопрос о субъектах модернизации, обозначенный в названии статьи, является, пожалуй, главным при выборе путей выхода из стагнирующего состояния процесса модернизации в современной России. Более чем двадцатилетний период дает основание сказать, что это было почти потерянное время для тех технологических преобразований, ко-

торые осуществляли развитые страны мира, переходя к пятому (микроэлектронные компоненты) и шестому (НБИКС-конвергенция) технологическим укладам. Более того, за постсоветские десятилетия страна утратила значительную часть индустриального потенциала и не смогла вступить полноценно в пятый и шестой технологические уклады. Сохранены и развиты достижения советского периода преимущественно в ВПК и космической отрасли.

Существует немало оценок состояния российской экономики по наличию и весу в ней секторов с разными технологическими укладами. Например, по расчетам доктора экономических наук А.Н. Захарова, доля пятого технологического уклада в России за годы реформ с 1990 по 2005 г. уменьшилась с 6,0 до 1,2 %, четвертого уклада – с 51 до 39 %, тогда как третьего – увеличилась с 37 до 47 %, а реликтовых укладов, базирующихся на энергетике человека и животных, свойственных XIX в. или доиндустриальной эпохе, увеличилась с 6,0 до 12,7 %. Доминирование отсталых технологических укладов дает основание говорить о деиндустриализации страны. Следствием последней стали низкая производительность труда (в 2,5–3 раза ниже по сравнению с Западной Европой и США), высокие энергоемкость и материалоемкость производства (в 1,5 раза выше по сравнению с развитыми странами), а также низкий уровень жизни населения [5].

Результаты исследования. Есть официальные статистические данные, которые косвенно, но красноречиво говорят об отставании наиболее технологически развитых отраслей. Так, доля высокотехнологических и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте почти за 10 лет – с 2005 по 2014 г. – выросла в России всего на 2,3 % и составляет 23,5 %. Замечу, что среди перечисленных в методике Росстата отраслях большинство не относятся к пятому или шестому технологическому укладу, доминируют 4-й и 3-й уклады.

Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте в % к итогу [6]

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
21,2	21,4	22,5	22,8	24,4	22,8	21,9	22,1	23,1	23,5

В федеральных округах и регионах отмечаются большие контрасты этих показателей. Наибольшую долю указанных отраслей в валовом региональном продукте имеет Се-

веро-Западный федеральный округ, а среди регионов – Калужская область. Самые низкие показатели – в Уральском федеральном округе (12,7 %). Занижаются они в основном

за счет нефте- и газодобывающих регионов – Тюменской области в целом (7,1 %) и особенно Ханты-Мансийского АО (6,4 %) и Ямало-Ненецкого АО (4,8 %) [7]. Развитие Тюменской области показывает как в кривом зеркале положение всей страны: ее зависимость от нефтегазовых доходов при отсутствии стимулов к развитию высоких технологий.

Небольшая доля высокотехнологических производств не позволяет рационально использовать человеческий потенциал страны, многие качества которого утрачены в последние десятилетия. Эффективность экономики и производительность труда в последние годы не растут. Несмотря на рост фондоруженности – 107,3 % в 2013 г. по сравнению с 2012 г., фондоотдача снижается (96,7 % в 2013 г. по сравнению с 2012 г.). Прирост высокопроизводительных рабочих мест еще до начала современного кризиса устойчиво сокращался: в 2012 г. прирост составил 12,7 %, в 2013 г. 6,9 %, в 2014 г. только 3,9 % [7]. Современный кризис только усугубил положение.

Такое состояние рынка труда и отраслевой технологической структуры обусловлено неразвитостью инновационных отраслей, относимых к пятому и шестому технологическим укладам. Как показывают международные инновационные рейтинги, построенные на основе композитных индексов, включающих коммерческие результаты инновационной деятельности в странах и активность правительств по поощрению и поддержке инновационной деятельности в своей государственной политике [8], Россия занимает малопrestижное место среди высоко- и среднеразвитых стран мира. В соответствии с международным инновационным индексом Россия занимает 16 место среди 20-ти крупнейших стран и 49 место среди 110 стран мира. Аналогичная картина и по другим международным исследованиям.

Например, в соответствии с глобальным инвестиционным индексом Bloomberg's-2015, Россия находится на 14-м месте среди 50 крупнейших стран мира (по ВВП), но это место досталось России только благодаря высокой доле лиц с высшим образованием [9]. По другим составляющим индекса Россия отстает от большинства стран, участвующих в рейтинге. Высокий уровень грамотности может быть частью инновационного процесса, но этого не достаточно. Например, Россия обладает большим потенциалом в точных и естественных науках, но используется этот

потенциал нерационально. В результате инновации развиваются недостаточно быстро.

Наиболее успешно растет в последние годы инфраструктура информационного общества, сектор информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), сектора контента и СМИ. Сегодня 3,2 % ВВП страны производится в этих секторах. Число организаций с 2005 по 2013 г. выросло в 1,5 раза, численность сотрудников практически не изменилась, составив в 2013 г. 1323 тыс. человек, среди которых 51 % с высшим образованием, 36 % со средним специальным. Более половины работников в возрасте до 39 лет. Как видим, в этом секторе сосредоточен хороший человеческий потенциал. Но до сих пор, по официальным данным отечественных и зарубежных организаций, обобщенным НИУ ВШЭ, Федеральной службой государственной статистики и Министерством связи и массовых коммуникаций, Россия занимает в мире 42 место по индексу развития информационно-компьютерных технологий, 27 – по индексу развития электронного правительства. При этом занятость в частном секторе специалистов ИКТ составила 4,2 %, тогда как в целом по экономике России только 0,7 %. Частный сектор более восприимчив к инновациям во всем мире, не составляет исключения и Россия. Российские отрасли ИКТ занимают 29-е место в мире по валовой добавленной стоимости всего предпринимательского сектора России. Но пока страна находится на 50-м месте по комплексному индексу готовности к сетевому обществу, пропустив вперед не только развитые страны Старого света и «азиатских тигров», но и некоторые бывшие советские республики: Казахстан (38 место), Литву (31), Эстонию (21 место) [10]. Очевидно, что модернизация осуществляется в России как догоняющее развитие, инициированное сверху, при этом частная инициатива не получает безусловной поддержки государственных институтов. За постсоветский период так и не была достигнута главная цель участия руководства во внедрении модернизации – создание структурного и институционального поля для реализации значительной частью населения страны своего потенциала. Более того, по многим параметрам человеческого потенциала наблюдается откат по сравнению с 1990 г. – предреформенным периодом [11]. Такое состояние человеческого капитала было обусловлено тем, что хотя модернизация вначале была ориентиром и надеждой для большого числа об-

ществленных групп, надеявшихся получить для себя выгоды от участия в рыночной экономике, реальные процессы последних десятилетий не оправдали этих надежд. Большинство групп не смогли реализовать свои интересы и остались зависимыми от государственного патернализма, или от псевдорыночных отношений, не смогли реализовать свой человеческий потенциал, утратили квалификацию, оставив профессиональные занятия, которые могли бы быть востребованы при проведении технической и технологической модернизации. Человеческий потенциал нации не стал в полной мере ее человеческим капиталом.

Но до сих пор из трех базовых факторов общего развития инноваций положительный эффект в России имеет только показатель человеческого капитала. Другие факторы – финансирование инноваций и создание для них организационных условий – лежат в русле не инновационных процессов, а хозяйственных и институциональных и выступают в роли барьеров для модернизации. Именно эти барьеры препятствуют развитию инновационной экономики. Создание этих барьеров – результат неоптимального взаимодействия субъектов модернизации в России.

Главным субъектом модернизационного развития в России выступает государство, воплощенное в «правителе» («правлящей группе»), опирающемся на бюрократию, образующую «властную вертикаль». Государство имеет в своем распоряжении беспрецедентный размер природной ренты. Рентные ресурсы обеспечивают материальное существование элиты и значительной части населения, в то же время постоянно лимитируют масштабы и скорость модернизации, глуша другие стимулы и мотивации. Политическая необходимость рентного распределения в интересах господствующих коалиций должна быть заменена перестройкой общественных институтов таким образом, чтобы они стимулировали инновационную активность [12] и содействовали формированию широких групп интересов и их представительства в органах власти. По мнению С.Н. Левина, сегодня «властная вертикаль» достаточно быстро трансформируется в систему «статусных торгов», субъектами которых выступают различные группы бюрократии, ориентированные на реализацию частных интересов путем оппортунистического поведения по отношению к формальному принципалу – государству [13].

Становится ясно, что модернизация российской экономики, прежде всего технологическая, возможна только при выявлении и реализации интересов двух социальных групп, обладающих необходимым для нее человеческим капиталом. Во-первых, «образованного класса», включающего научные и инженерные кадры, а во-вторых, предпринимателей. Интересы первой группы должна представлять интеллектуальная элита – наиболее интеллектуально независимый субъект при неразвитом гражданском обществе. «Ее позиция в наименьшей степени подвержена изменениям в угоду специальным интересам, стремлению получить финансовые или иные выгоды, поскольку в долгосрочном плане только личная ответственность, глубина и качество профессиональной работы определяют как престиж, так и благосостояние ее представителей» [14, с. 90]. Сегодня роль интеллектуальной технической и технологической элиты явно снижена при доминировании интересов политической элиты, владельцев естественных монополий и финансистов. Она должна быть существенно повышена и стать главной в осуществлении технологической модернизации.

Вторая группа, состоящая из представителей крупного, среднего и мелкого бизнеса, имеет свою нишу в модернизации страны. По мнению некоторых авторов [15], крупный бизнес является каркасом национальной экономики, ее основным представителем в мировом хозяйстве, важнейшим партнером и оппонентом государства при выработке и осуществлении промышленной политики. Крупный бизнес в силу его концентрации в добывающих, обеспечивающих природную ренту отраслях играет и будет играть в России большую, чем в других странах, роль в процессах внедрения, тиражирования и распространения инноваций. Но это не отменяет общих для всех экономик, в том числе в России, принципов: инновационная активность выше на предприятиях среднего бизнеса, здесь выше темпы и качество экономического роста. Именно средний бизнес должен выступить главным мотором модернизации и в России. Классический же малый бизнес выполняет главным образом социальные функции, обеспечивая огромному количеству людей доход и занятость, удовлетворяя повседневные потребности населения, оказывая услуги. Создавший удачную инновацию малый бизнес в условиях развитого рынка немедленно переходит в разряд как минимум среднего.

В России внутри сектора среднего и малого предпринимательства сейчас работают 25 % от общей численности занятых в экономике, доля в валовом региональном продукте составляет 20–21 %, но при этом малые и средние предприятия владеют только 5–6 % от всего объема основных средств. Фондовооруженность труда в этом секторе очень низкая. Этот сектор представлен в основном индивидуальными предпринимателями (63 % от общего количества субъектов малого и среднего предпринимательства) и микропредприятиями (33 %), занятыми в торговле и услугах населению. Предприятия с числом работников от 50 до 250 предоставляют менее 4 % рабочих мест, тогда как в других странах на предприятиях данной категории работают 15–20 % от общего числа занятых [16]. Очевидна неразвитость сектора перспективных инновационных малых и средних предприятий в России, для их деятельности существует слишком много препятствий, как организационных, так и финансовых, социально-психологических и кадровых. Между тем на таких предприятиях более высокая инвестиционная активность, чаще внедряются инновации, создаются высокотехнологичные рабочие места. Этот сектор привлекателен для молодежи, особенно имеющей хорошее образование.

Государственная поддержка предприятий малого и среднего бизнеса в России имеет прежде всего финансовую составляющую, принятые в последнее время меры работают на большую доступность кредитов и снижение налогов, организационную помощь в открытии бизнеса. Но, как показывают многочисленные исследования, сами руководители предприятий на первое место ставят нехватку квалифицированных кадров, а затем уже высокий уровень налогов и низкую доступность финансирования [17]. Латентным фактором, препятствующим развитию бизнеса, является неблагоприятная деловая среда и вообще состояние социального капитала в России. По мнению опрошенных бизнесменов, проверяющие инстанции и правоохранительные органы создают проблемы для малого и среднего бизнеса чаще, чем криминал [18]. Административные барьеры столь высоки, что половина опрошенных бизнесменов вообще отказывается обсуждать эту проблему с интервьюерами, 13 % заявляют, что их компании практикуют неформальные выплаты чиновникам и столько же говорят, что не сталкиваются с коррупцией. Корруп-

ция и некачественный социальный капитал, низкий уровень доверия укрепляют в обществе неформальные правила взаимодействия. Надеяться на повышение законопослушности и равенства перед законом в этих условиях было бы большой иллюзией, особенно в свете расширения государственного регулирования во всех сферах жизни [19]. Международное исследование «Doing business» показало, что сокращение случаев дачи взяток предпринимателями компенсируется увеличением ее размера, т. е. транзакционные издержки бизнеса не сокращаются [20].

Заключение. Таким образом, перспективными акторами модернизации в России являются «образованный класс», прежде всего научные и инженерные кадры, а также малые и средние предприниматели в инновационных отраслях хозяйства. Эти группы составляют центральную перспективную часть среднего класса и именно они в своем большинстве, по данным российских опросов, относятся к группе «модернистов», которые поддерживают модернизацию, хотя и не имеют возможности в полной мере реализовать свой потенциал. Как пишет М.К. Горшков, «модернисты» на две трети представители среднего класса, в то время как «традиционалисты» – это в основном «социальные низы», состоящие почти полностью из пенсионеров и рабочих. В России в общественном сознании в настоящее время доминирует характерное для индустриального этапа развития любой страны восприятие рабочих как ключевой социальной группы. В нашей же стране, прежде всего из-за ее «недоурбанизированности», этот вектор положительной оценки приобретает рабоче-крестьянский характер [21]. Эти настроения, а также количественное соотношение акторов модернизации и традиционалистов не в пользу первых, дают основание утверждать, что общество в целом ориентировано на традиционализм. Такие настроения поддерживаются отсутствием реального прогресса в модернизации и стагнацией социальной структуры общества, в частности консервацией невысокой численности среднего класса с одновременной стабилизацией на высоком уровне численности работников низко- и неквалифицированного физического труда, рассчитывающих на патернализм государства. Но следует отметить, что 80 % населения, которое работает на себя, а не по найму (по сути, это предприниматели) идентифицирует себя как средний класс общества [22]. Это уже устойчиво

сформировавшееся убеждение у наиболее активной и рациональной части общества, ориентированной на модернизацию.

Следовательно, акторами модернизации в современной России может выступать та часть общества, которая обладает определенными профессиональными компетенциями: ученые, инженеры, предприниматели в инновационном секторе. Государственное участие в модернизации заключается, во-первых, в формировании и финансовой поддержке научно-исследовательских организаций, высокотехнологических предприятий, которые создают и совершенствуют государственные инновационные системы; во-вторых, в создании «безбарьерной» среды для развития частного предпринимательства в инновационных отраслях, а также финансовых механизмов, стимулирующих инновационную и предпринимательскую деятельность.

1. «Практика есть... диалектический синтез того, что происходит в обществе, и того, что делают люди. В практике сливаются оперирующие структуры и действующие агенты, практика – это комбинированный продукт момента оперирования (на уровне тотальностей) и направления действий, принятых членами общества (на уровне индивидуальностей)» // *Штомпка П.* Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 272.

2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН; сост., общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2013. – 620 с.

3. См.: *Гранин Ю. Д.* Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 14–24.

4. *Штомпка П.* Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 119–126.

5. Цит. по: *Калугина З.* Социальные риски модернизации российской аграрной экономики // Отечественные записки. – 2012. – № 6(51). – С. 117–129.

6. К высокотехнологичным отраслям, по методологии Росстата, относятся: **высокотехнологичные виды деятельности** – производство фармацевтической продукции, производство офисного оборудования и вычислительной техники, производство электронных компонентов, аппаратуры для ра-

дио, телевидения и связи, производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования, часов; производство летательных аппаратов, включая космические; **среднетехнологичные (высокого уровня) виды деятельности:** химическое производство, исключая производство фармацевтической продукции; производство машин и оборудования, производство электрических машин и электрооборудования, производство автомобилей, прицепов и полуприцепов; строительство и ремонт судов, производство железнодорожного подвижного состава (локомотивов, трамвайных моторных вагонов и прочего подвижного состава); производство мотоциклов и велосипедов; производство прочих транспортных средств и оборудования, не включенных в другие группировки; **наукоемкие виды деятельности:** деятельность водного транспорта, деятельность воздушного и космического транспорта, деятельность в области электросвязи, финансовое посредничество, страхование, вспомогательная деятельность в сфере финансового посредничества и страхования, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, научные исследования и разработки, деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита; консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием, деятельность в области архитектуры, инженерно-техническое проектирование, геологоразведочные и геофизические работы, геодезическая и картографическая деятельность, деятельность в области гидрометеорологии и смежных с ней областях, виды деятельности, связанные с решением технических задач, не включенные в другие группировки, трудоустройство и подбор персонала, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг. – URL : <http://www.gks.ru/metod/metodika.html> (дата обращения: 25.11.2014).

7. Федеральная служба государственной статистики. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (дата обращения: 25.11.2014).

8. Таких индексов разработано много: индекс глобальной конкурентоспособности МЭФ (*The Global Competitiveness Index*), глобальный инновационный индекс (*The Global Innovation Index*), индекс развития информационно-коммуникационных технологий (*ICT Development Index*), индекс готовности к се-

тевому миру (*Networked Readiness Index*), индекс готовности стран к электронному правительству (*E-Government development/E-Government Readiness Index*), ведение бизнеса (*Doing Business*), индекс развития человеческого потенциала (*Human development Index*) и др.

9. Bloomberg – информационное агентство. – URL : <http://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/> (дата обращения: 25.11.2014).

10. Индикаторы информационного общества : стат. сб. – М. : НИИ ВШЭ, 2015. – С. 28, 31, 32, 33, 252–294.

11. См., напр.: *Василенко Т. А.* Современные проблемы развития человеческого потенциала в России // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. История и политология. – 2011. – № 3. – С. 81–87.

12. *Петров К. Е.* Территория и нефть: к вопросу легитимности российского государства // Политика. – 2013. – № 3. – С. 106–118.

13. *Левин С. Н.* Государство как субъект модернизации в России: идеи И. Т. Посошкова и современность // Журнал институциональных исследований. – 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 66–67.

14. *Тамбовцев В., Верведа А.* Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 89–96.

15. *Паппэ Я. Ш., Галухина Я. С.* Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Эко-

номические хроники 1993–2008 гг. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – 423 с.

16. О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: доклад / Гос. Совет РФ. – М., 2015. – 82 с.

17. Опрос проведен по инициативе Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», в нем участвовали более 6 тысяч предпринимателей в 40 российских регионах и 12 городах-миллионниках.

18. *Крюков С.* Помогать тем, кто динамично растет // Ведомости. – 2014. – 25 июня.

19. *Беляева Л. А.* Социокультурные вызовы российской модернизации // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь, 2014. – С. 12–24.

20. *Doing Business*. – URL : <http://www.russian.doingbusiness.org/> (дата обращения: 25.11.2014).

21. *Горшков М. К.* Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 28–41.

22. Данные по России Европейского социального исследования (ESS). – URL : <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 25.11.2014).

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 59–64.

УДК 316.422

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА ФОНЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ

SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE CHUVASH REPUBLIC AMID MODERNIZATION PROCESSES IN THE REGION

И.И. Бойко

I.I. Boyko

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary
Чувашский государственный университет, Чебоксары
Chuvash State University, Cheboksary*

В.Т. Тарасов

V.T. Tarasov

*Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Cheboksary Branch of the Russian Academy of National Economy
and of Public Service under the President of the Russian Federation*

В.Г. Харитонов

V.G. Kharitonova

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары
Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary*

Статья поступила в редакцию 6 июля 2015 г.

Рассмотрены основные итоги исследовательского проекта, выполненного в рамках программы «Проблемы и тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Для написания статьи использован комплекс источников, в первую очередь официальные статистические данные, а также материалы социологических опросов, проводимых по общероссийской методике. Первый из них в форме стандартизированного интервью по месту жительства населения проведен Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в 2006 г. (N = 998), повторный – в 2012 г. (N = 1002). Использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. Кроме того, привлечены материалы ряда тематических опросов, направленных на выявление мнения граждан по проблемам здравоохранения, преступности, межэтнических отношений и др. Анализируются основные характеристики социокультурного развития Чувашии в начале XXI в. (социальное самочувствие, культурный потенциал, социальная стратификация и др.), показаны особенности модернизации региона, дается характеристика компонентов и комплексных состояний этого процесса, выделяются проблемы сбалансированности параметров модернизации и факторы ее торможения. Особое внимание обращено на проблему сохранения историко-культурного наследия народов, их межкультурного взаимодействия, что важно для региона, в котором доля русских составляет только четверть всего состава населения. Вместе с тем этнокультурный облик народов, механизмы передачи национально-культурных традиций и ценностей претерпевают изменения под влиянием модернизационных процессов, новых явлений в социокультурной жизни. Выявлены факторы, способствующие и сдерживающие развитие Чувашии, как региональные, так и общероссийские. Основное внимание уделяется осмыслению проблем, возникших в кризисной и посткризисной фазах функционирования: прежде всего проблемы взаимовлияния экономического кризиса и социокультурной эволюции региона, включая обратное воздействие социокультурных факторов на этот кризис.

The article deals with the main results of a research project carried out within the framework of the program „The problems and trends in socio-cultural evolution in Russia and its regions”, developed by the Centre of the study of socio-cultural changes in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. For writing an article a complex of sources, primarily official statistical data are used, as well as opinion polls held by the Russian methodology. The first of them in the form of a standardized interview at the place of residence of the population was held by the Chuvash State Institute of Humanities in 2006 (N = 998), the second one – in 2012 (N = 1002). A stratified, multi-stage, quota (sex/age) sample was used. In addition, the materials of some thematic materials surveys aimed at identifying the views of citizens on health, crime, inter-ethnic relations, etc. have been considered.

The article also examines the main characteristics of the socio-cultural development of Chuvashia in the early twenty-first century (social wellbeing, cultural potential, social stratification, etc.). The features of modernization of the region are shown, its components and integrated States of this process are described, the problems of equilibrium parameters of modernization and the braking factors are highlighted in the article. Particular attention is drawn to the challenge of preserving historical and cultural heritage of the peoples, their intercultural interaction, which is important for the region in which the proportion of Russians is only a quarter of the whole population. However, ethnocultural appearance of peoples, mechanisms for the transfer of national cultural traditions and values are changing under the influence of modernization processes, new developments in socio-cultural life. The factors contributing to and restraining the development of Chuvashia, both regional and nationwide have been identified. Special attention is paid to understanding problems in crisis and post-crisis phases of operation: first of all, the problems of interaction of economic crisis and socio-cultural evolution in the region, including the reverse impact of social and cultural factors in this crisis.

Ключевые слова: Чувашская Республика, социокультурная эволюция, модернизация, социологический опрос.

Key words: Chuvash Republic, sociocultural evolution, modernization, sociological survey.

Введение. На основе материалов первой волны мониторинга (2006 г.) было зафиксировано, что Чувашия – регион, в котором проявились две тенденции социокультурной эволюции. Речь, с одной стороны, шла о достаточно низких характеристиках социально-экономического развития, и с другой – о социальных показателях, соответствующих регионам с относительно высоким качеством жизни и индексом развития человеческого потенциала. С точки зрения социокультурного подхода отмечалось, что Чувашию нельзя было отнести ни к одному из базовых социокультурных типов регионов [1], поскольку республика с этой точки зрения находилась в промежуточном положении между функционально сбалансированным, поддерживающим человека, и функционально несбалансированным, декларирующим поддержку человека [2]. Новые материалы, полученные в ряде обследований, в том числе проведенной в 2012 г. второй волны мониторинга по общероссийской программе, должны были подтвердить или скорректировать это положение.

Обзор литературы. Социокультурное развитие регионов России, реальные процессы их модернизации активно исследуются, но особая целенаправленность представлена в первую очередь в трудах, выполненных под эгидой Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. С 2001 г. осуществляется реализация программы «Проблемы социокультурного развития России и ее регионов» (авторы Н.И. Лапин и Л.А. Беляева). В 2006–2014 гг. более чем в 20 регионах страны были проведены типовые социологические исследования, на базе которых осуществлены публикации монографий как общероссийского, так и регионального уровней [3]. Ежегодно проводятся всероссийские научно-практические конференции, материалы которых к 2015 г. опубликованы в 10 тематических сборниках. С

2011 г. участники проекта получили возможность использовать инструментарий Центра исследований модернизации АН Китая (руководитель – профессор Чуаньци Хэ), адаптированный Н.И. Лапиным к особенностям российской статистики [4]. В результате многими участниками проекта акцент в исследованиях был сделан на социокультурно-модернизационном понимании региона. По мнению руководителя проекта, одним из важных результатов деятельности его участников является становление социокультурной компаративистики [5]. В журнале «Социологические исследования» (2015. № 1–3) опубликован цикл статей, посвященных состоянию модернизированности регионов в масштабе федеральных округов России с анализом основных компонент модернизации: технико-технологической, социоэкономической, социокультурной, институционно-регулятивной.

Методы исследования. Анализ представленных материалов опирается на принципы социокультурного подхода, при котором регион рассматривается как мезоуровень и мезоячейка социокультурного пространства страны. Под этим понимается исторически сложившееся территориальное сообщество, выполняющее определенные функции по отношению к человеку, населению, социальным группам, организациям, действующим на данной территории, и служит средой, которая мотивирует данных акторов [6]. Методологические принципы и конкретная методика исследования разработаны Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина [7]. Как уже отмечалось выше, корректировка методических подходов была сделана с учетом использования инструментария Центра исследований модернизации АН Китая.

Результаты исследования. В условиях формирования новой системы хозяйствования Чувашия оказалась в Приволжском фе-

деральном округе (ПФО) одним из самых малоустойчивых регионов к рискам рыночных шоков, что отразилось на динамике валового регионального продукта (ВРП). За 1997–2012 гг. уровень данного показателя увеличился в 1,5 раза, тогда как в целом по стране – в 2 раза, а в Приволжском федеральном округе (ПФО) – в 1,9 раза [8]. При этом Чувашия продемонстрировала наименьшие в округе темпы роста. Контингент занятых в региональной экономике сократился в большей мере, чем население, вызвав в начальный период повышенный уровень безработицы. Однако, начиная с 1999 г., динамика экономической активности и занятости населения республики описывается восходящим трендом, что, по-видимому, свидетельствует о некотором снижении напряженности в проблеме занятости населения.

С точки зрения качества населения Чувашии следует отметить устойчивый рост индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) в 2000–2010 гг., который, в свою очередь, является важным элементом информационно-когнитивной составляющей модернизации. В 2010 г. он достиг уровня 0,812, который по международным стандартам характеризуется как достаточно высокий. Тем не менее республика отстает от среднероссийского уровня (0,840 в 2010 г.), находясь по данному показателю в середине ранжированного ряда: 46-е место в 2000 г. и 45-е в 2010 г. из 80 возможных. Она также уступает в уровне ИРЧП наиболее развитым соседним регионам (Республика Татарстан и Нижегородская область), но опережает остальные соседние регионы (республики Марий Эл, Мордовия и Ульяновская область). Таким образом, несмотря на тенденцию повышения в развитии человеческого потенциала населения Чувашии, все же темпы его роста ниже, чем в других регионах страны, особенно начиная с 2009 г.

По нашему мнению, накопление человеческого капитала республики в существенной мере сдерживается ее аграрным перенаселением. За последние 20 лет удельный вес сельского населения республики в общей его численности практически не изменился. В 1990 г. он составлял 41,4 %; в 2000 г. – 39,7; в 2005 г. – 39,1; в 2011 г. – 40,8 %, в 2014 г. – 39,8 % [9].

Между тем с 2008 г. в Чувашии наблюдается улучшение сбалансированности составляющих ИРЧП прежде всего за счет компонентов долголетия и образования, превы-

шавших среднероссийские. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода преобладал пониженный уровень среднедушевых доходов населения. Данный компонент, учитываемый в индексе, в 2010 г. не намного ниже российского (на 0,1), хотя в абсолютных значениях показателя ниже в 1,8 раза. Кроме того, в 2010 г. снизились индексы дохода и долголетия по сравнению с предыдущим годом.

Динамика душевого показателя ВРП республики в 1997–2013 гг. отставала от среднероссийской, вследствие чего его региональный уровень относительно среднего по стране (территориальный индекс) снизился с 60 % в 1996 г. до 50 % в 2013 г. При этом на фоне пульсирующей тенденции показателя к понижению выделяются пики наибольшего отставания регионального показателя от среднероссийского уровня: в 2000 г. (43,7 %), 2005 г. (43,0 %) и 2010–2011 гг. (47,7–47,6 %). Следовательно, собственные источники роста благосостояния населения республики и ее социального развития сужались относительно средних условий по стране.

Анализ динамики ИРЧП населения Чувашии и коэффициента сбалансированности его составляющих за 2006–2010 гг. указывает на определенный дисбаланс составляющих человеческого потенциала. Прежде всего проявляется разрыв между пониженным уровнем дохода и высоким уровнем образования, что можно объяснить недоиспользованием образовательного и культурного потенциала населения ввиду ограниченных возможностей для их реализации. Этот тренд характерен для Чувашской Республики с начала 2000-х гг. и носит затяжной характер.

Этноконфессиональные процессы в Чувашии характеризуются в основном как доброжелательные, спокойные. Население республики демонстрирует довольно высокий реальный и потенциальный коммуникативный уровень в межэтнических отношениях. Большинство населения считает себя приверженцами православия, татары в основном исповедуют ислам. Вместе с тем отмечена тенденция весьма критического отношения к мигрантам, прибывающим в республику из других регионов России и ряда государств – бывших республик СССР. В первую очередь речь идет об этнических группах, представляющих северокавказские российские республики, государства Закавказья и Центральной Азии. Отметим, что у большинства респондентов, испытывающих негативные чув-

ства к таким мигрантам, нет разделения между прибывающими в Чувашию из российских республик и зарубежных стран [10]. С этой точки зрения важно укрепление региональных и этнических сообществ россиян, т. е. формирование общегражданской идентичности, гражданской российской нации, учитывая этнокультурное и религиозное многообразие населения страны. Наши замеры идентичностей различного уровня показывают, что процессы в Чувашии отражают общероссийские тенденции и связаны с социально-экономическим и общественно-политическим развитием республики. Предварительно можно предположить, что для жителей республики характерен некоторый рост показателей общероссийской идентичности, при этом необходимо понимать сложность данного процесса, наложение и совмещение различных идентичностей, в большинстве своем проходящих в неантогонистических формах [11].

Интегральный индекс социального самочувствия населения (I_{CC}), рассчитанный на оценках уровня защищенности личности от различных опасностей, удовлетворенности своей жизнью, ее оценкой, а также ожиданиями и уверенностью в своем будущем, показал, что его величина с 2006 г., со времени первого замера, изменилась незначительно, отмечен рост с 0,63 до 0,64 в 2012 г. При этом Чувашия за прошедшее время сохранила свое положение, как один из безопасных регионов России, хотя показатель коэффициента защищенности от опасности (K_3) в 2012 г. оказался ниже, чем в 2006 г.: 0,63 против 0,67. Практически по всем измеряемым видам опасности произошло снижение доли тех, кто чувствовал себя защищенным от них в той или иной мере.

В результате эволюции массового сознания населения республики в 1995–2012 гг. результатом, как и в целом по России, стала стабилизация баланса различных типов ценностей и их совмещение. Ценностное пространство региона расширяется, что является положительным моментом. Дистанция между минимально и максимально поддерживаемыми ценностями составляла 2,5 баллов в 2006 г и 2,6 баллов в 2012 г., что подразумевает сохранение населением основных жизненных приоритетов, обеспечивающих их социальную интеграцию. При этом необходимо обратить внимание на то, что сохранение высоких позиций таких ценностей, как порядок и традиции в регионе подразумевает

преобладание ценностей сохранения над ценностями изменений [12].

Анализ экономической активности населения Чувашской Республики позволяет говорить о том, что в целом население адаптировалось к последствиям реформ и структурным изменениям экономики. Вместе с тем для Чувашии характерен ряд проблем, что подтверждает и сравнительный анализ с показателями по другим российским регионам. Относительно низка доля работников с активными трудовыми мотивациями, рекордно высокая для ПФО часть населения является трудовыми мигрантами, выезжая на заработки в другие регионы. Говоря об особенностях регионального рынка труда, следует обозначить проблему эффективного использования трудового и образовательного потенциала. Образование высокого уровня не всегда оказывается востребованным на рынке труда, и люди, окончившие вузы, работают не по своей специальности, а по профессиям, требующим более низкого уровня квалификации, и имеют низкий уровень доходов. Безусловно, это выдвигает задачи по достижению сбалансированности спроса и предложения на региональном рынке труда.

Отсутствие значимых изменений в статусных позициях и иерархии социальных слоев является следствием стагнации процессов социально-экономического развития. Социальная стратификация населения Чувашии, повторяя основные параметры общероссийской, имеет свою специфику, обусловленную более низким уровнем жизни населения республики, который отстает от среднероссийского уровня на 2–3 года. Значимым индикатором социокультурной среды является формирование среднего класса, который выступает одним из ключевых акторов социально-экономического развития. По данным исследования 2006 г., в Чувашии доля среднего класса, выделенного по критериям самоидентификации уровня образования и материального дохода, составляла 20,6 %, а по данным исследования 2012 г. – 18,1 %. Иначе говоря, его доля осталась на прежнем уровне. Подобные процессы фиксируются и по результатам исследований в других российских регионах. В этой связи можно предположить, что одна из причин данной ситуации обусловлена негативными последствиями кризиса 2008–2010 гг., который повлиял на доходы и, как следствие, стабильность положения средних слоев.

Расчеты показывают, что в рамках первичной модернизации слабым звеном республики явилась экономико-индустриальная составляющая, так как только экономический индекс региона в анализируемом периоде оказался ниже аналогичного индекса по стране, тогда как уровни двух других индексов региона и страны (социального и знаний) совпадают. При этом динамика вклада экономико-индустриальной составляющей в завершение первичной модернизации региона имеет тенденцию повышения, хотя и не вполне устойчивую. Если отставание республики от общероссийского тренда по данной составляющей модернизации в 2000 г. составляло 15 п. п., то в 2005 г. оно сократилось до 13 п. п., а в предкризисном 2008 г. уменьшилось до минимума (7 п. п.), вновь увеличившись в 2010 г. до 12 п. п. В итоге соотношение индексов первичной модернизации региона и страны в анализируемом периоде практически не изменилось.

Неоднозначная картина сложилась при сопоставлении сводных индексов и индикаторов республики и страны в рамках вторичной стадии модернизации. Из перечня индексов вторичной модернизации наибольшее отставание республики от общероссийского уровня приходилось на индекс инноваций в знаниях. Сформировался стационарный характер соотносительной динамики обобщающих индексов вторичной модернизации Чувашии и России в интервале 79–84 % с незначительной пульсацией без явно выраженной тенденции. По-видимому, отставание республики от общероссийского тренда принимает затяжной (хронический) характер.

В рамках хронотипологии комплексных состояний модернизованности регионов в 2000 г. Чувашия отнесена к регионам 1-го типа, что означало, что республика после деструктивной деиндустриализации экономики в ходе рыночных преобразований возобновила первичную стадию с уровнем ниже среднего. В результате ускоренной модернизации 2001–2005 гг. в ряде регионов округа произошли качественные изменения, позволившие отнести их к иным типам состояний модернизованности. В частности, параметры модернизации Чувашской Республики увеличились до уровня характеристик регионов 2-го типа,

Заключение. Следует признать, что в Чувашии сложилась умеренная социокультурная сбалансированность, однако темпы экономической, социокультурной и инфор-

мационно-когнитивной модернизации республики недостаточны для решения современных задач. Ключевые процессы региональной модернизации протекают в основном в русле общероссийских тенденций. Материалы исследования процессов социокультурного развития Чувашской Республики показали, что население республики располагает значительным социальным и культурным, человеческим потенциалом, который, однако, лишь в небольшой части преобразуется в активно работающий капитал. Это сдерживает переход к инновационному экономическому росту и современному качеству жизни всего населения. Следовательно, встает стратегическая задача концентрации инвестиционных ресурсов, направляемых на реиндустриализацию экономики на новой технологической основе, продвигаясь по траектории пятого технологического уклада с ориентацией на экономику знаний.

1. О социокультурной типологии регионов подробнее см.: *Лапин Н. И.* Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации: сб. материалов IV Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 18–22 сентября 2008 г.). – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2008. – С. 6–12.

2. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой, Д. М. Шабунина. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2011. – 192 с.

3. См., напр., обобщающие монографии: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М.: Academia, 2009. – 807 с.; Проблемы социокультурной модернизации регионов России. – М.: Academia, 2013. – 415 с.

4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци. – М.: Весь мир, 2011. – 256 с.; *Лапин Н. И.* Индикаторы и индексы модернизации [адаптированы к условиям российской статистики]. Приложение 1 // Лапин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах России: сб. материалов VIII Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Уфа, 22–25 октября 2012 г.). – Уфа: Изд-во «Гилем», 2012. – С. 14–18.

5. *Лапин Н. И.* К поэтапной интегрирующей модернизации регионов России //

Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Пермь, 14–17 октября 2014 г.). – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – С. 25–42.

6. *Лапин Н. И.* Общая часть программы: методологические предпосылки, исходные предположения. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М. : ИФРАН, 2006. – С. 14–16.

7. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006 – 282 с.; *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М. : ИФРАН, 2010. – 111 с.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005, 2012, 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2005, 2012, 2014. – С. 349–350, 387–388, 351–352.

9. Электронные версии публикаций. – URL : http://www.chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/resources/8edf4f004ecc683189e0bb9dd5046e95/Числен+насел_сайт.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

10. *Бойко И. И.* Общественные воззрения на культурную инаковость в Чувашии // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2014. – С. 153–177.

11. *Бойко И. И., Харитонова В. Г.* Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии // Вестник российской нации. – 2015. – № 2. – С. 81–95.

12. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Структура ценностей, социальное самочувствие и трудовая мотивация населения современной России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2007. – № 3 (48). – С. 245.

**ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА¹**

**REPRODUCTION OF SOCIAL POTENTIAL:
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ST. PETERSBURG**

Р.Х. Салахутдинова, Л.А. Лебединцева

R.H. Salakhutdinova, L.A. Lebedintseva

*Санкт-Петербургский государственный университет
St. Petersburg State University*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Статья посвящена рассмотрению социального потенциала как основного фактора развития региона. Качество любого процесса определяется в том числе и субъективным фактором, прежде всего специфической социально-демографической группой молодежи, как человеческого потенциала, ресурса. Именно свойства молодежи делают ее объектом внимания и исследования как социального потенциала. В статье внимание акцентируется на таких наиболее значимых факторах, как интеллектуальный потенциал и здоровье подрастающего поколения и молодежи. Проблема состояния здоровья в контексте стратегии развития региона актуализируется в связи с тем, что именно молодежь воспроизводит предшествующее поколение, одновременно являясь результатом детско-подросткового периода. В статье представлен анализ статистических данных состояния детей и подростков по городу Санкт-Петербургу, динамика изменения и иерархия заболеваний среди детей от 0 до 14 и 15–17 лет. Используется метод сравнительного анализа, для выявления общих и специфических возрастных особенностей характера заболеваний в указанных возрастных группах. Особую группу заболеваний составляют так называемые порожденные системой образования и психические расстройства детей школьного возраста. Отмечается несовершенство статистического учета названных факторов и необходимости выделения молодежи как отдельной социально-демографической группы в официальной региональной и российской статистике для более полного понимания анализа показателей состояния здоровья (болезней) детей, подростков и молодежи, в том числе внешней и внутренней учебной миграции молодежи. Делается вывод о существовании двух разнонаправленных тенденций в обозначенных сферах в аспекте развития социального потенциала Санкт-Петербурга.

The article is devoted to the social potential as a major factor in the development of the region. The quality of any process is determined by subjective factors, primarily the specific socio-demographic groups of young people. These properties of youth make it an object of attention and study. The article focuses on the most significant factors such as intellectual potential and health of the younger generation and youth. The problem of health status, in the context of the regional development strategy, is updated in connection with the fact that young people reproduce the previous generation and at the same time they are the result of children and adolescence. The article presents the analysis of statistical data of children and adolescents in St. Petersburg, the dynamics of change and a hierarchy of diseases among children aged 0 to 14 and 15 to 17 years. The article uses the method of comparative analysis to identify common and specific age characteristics of the nature of the disease in these age groups. Specific group of diseases are so-called diseases generated by the education system and mental disorders of the school age children. The authors note the imperfect statistics of these factors and the need to separate the youth as a socio – demographic group in official regional and Russian statistics for a more complete understanding of the analysis of indicators of health status (diseases) children, adolescents and youth, including external and internal training migration of young people. There is made a conclusion about the existence of two divergent trends in these spheres in the aspect of social capacity development of St. Petersburg.

Ключевые слова: регион, социальный потенциал, здоровье, учебная миграция, молодежь.

Key words: region, social potential, health, education, educational migration, youth.

Молодежь – это будущее, с которым мы можем общаться, влияя на образ будущего.

И. Ильинский

Введение. Любой процесс, будь то модернизация или индустриализация, невозможно представить без субъективного фактора – носителя не только идей, но и участников их материализации, превращения в не-

кий интеллектуальный и вещественный продукт. Особую значимость в этом процессе приобретает молодежь как часть общества, выполняющая совокупность специфических общественных функций, свойственных только ей. По утверждению К. Мангейма, только молодое поколение способно дать жизнь новой политике, идеям и ценностям, сформирова-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №13-03-00419.

рованными взрослыми. Пожилое и среднее поколение в силу своего опыта и знаний может только предсказать характер возможных изменений, и не более того. Особая функция молодежи в том, что она является «скрытым ресурсом, который имеется в каждом обществе и от мобилизации которого зависит его жизнеспособность... она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [1, с. 442–445]. Проблема мобилизации скрытых ресурсов молодежи раскрывается К. Мангеймом через аналогию социального и человеческого организмов: «Физиология свидетельствует о том, что любой орган человеческого тела обычно работает на одну восьмую своей мощности, а семь восьмых составляют его резерв. В так называемых нормальных условиях этот резерв является скрытым, в случае же внезапного кризиса или при необходимости перестройки основных позиций выживание организма зависит от способности быстрой и правильной мобилизации этих скрытых ресурсов» [1, с. 445]. Таким образом, молодежь не прогрессивна, не консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию. Данный тезис подтверждает исторически сложившуюся общественную значимость молодежи, как некоего социального потенциала, вместе с тем актуализирует проблему реализации ее скрытых резервов в условиях нынешней России.

Обзор литературы. Л.В. Сохань определяет социальный потенциал молодежи как возможности, заложенные в молодой генерации для обеспечения поступательного развития общества и саморазвития как на уровне данной социальной общности, так и на индивидуально-личностном. Социальный потенциал молодежи считается «важнейшей составляющей национального богатства», рациональное использование которого является решающим фактором поступательного развития общества [2, с. 358].

Молодежь как социальная группа, как человеческий потенциал, согласно Е.Г. Слуцкому, представляет собой человеческие ресурсы, обладающие качествами и свойствами, определяющими потенциальную возможность развития данного социума (или его деградации), и для появления у населения нового качества, по его мнению, необходимо около 15–20 лет [3, с. 358].

В определении социального потенциала как интегрального понятия, характеризующего возможности государства, фирм, общественных организаций, объединений, личности, групп, населения, отраслей хозяйства, регионов, различных сфер жизнедеятельности и общества в целом, Г.И. Осадчая акцентирует внимание на функции данного явления, а именно на решении «перспективных задач социального развития» [4, с. 236].

Исследователи выделяют совокупность компонентов структуры потенциала молодежи. Не противопоставляя, а рассматривая как взаимодополняющие друг друга классификации Л.В. Сохань и Е.Г. Слуцкого, следует обратить внимание на инновационную компоненту молодежи, которая «реализуется в инновационной деятельности молодежи как в сфере материального, так и духовного производства, в моделях инновационного рискологического поведения [2].

Гипотезы и методы исследования. В инновационном потенциале, в контексте стратегии развития региона, особое значение имеет социальный талант, его реализация в стратегии управления социальными процессами на основе императивов новой эпохи. Интеллектуальный элемент социального потенциала молодежи – это интеллектуальная культура, знания, опыт, развитый творческий интеллект, что, в свою очередь, является формируемыми качествами, прежде всего системой образования. В условиях современной политики модернизации образования происходит трансформация, а в некоторых случаях и полное преобразование определенных институциональных функций образования, в том числе и формирование инновационного потенциала. В частности, это функции социализации, подготовки высокопрофессиональных специалистов, воспроизводства социальных групп и слоев как носителей духовных ценностей, образованности, просвещенности, формирования стратификационного общества, восходящей социальной мобильности и т. д.

Другой аспект социального потенциала – потенциал здоровья молодежи, который складывается из совокупности характеристик индивидуального здоровья молодых людей: отсутствие заболеваний, функциональных отклонений, нарушений физического развития; гармоничности развития физиологических и психических качеств и полового развития. В стратегии развития региона здоровье населения составляет основу человеческого потенциала.

Результаты исследования. Наиболее ощутимые последствия модернизации (трансформации) образования проявляются в регионах, где отраслевые вузы и развитие различных отраслей народного хозяйства были не только тесно взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Взаимозависимость служила мощнейшим стимулом подготовки практиков-специалистов, способствуя формированию своих собственных научных кадров, исследователей, научных школ. Такая практика являлась механизмом сохранения и закрепления кадров, прежде всего молодежи, на местах, сохранения и воспроизводства особого социального слоя – интеллигенции, научно-творческой элиты. Сегодня в поисках работы, стабильности, социальной защищенности и гарантии на лучшее будущее продолжается отток лучшей ее части с мест проживания по схеме: из столиц – в зарубежные страны, из регионов – в столицы, крупные города, из сельской местности – в областные центры, близлежащие города [5]. Появление так называемой интеллектуальной миграции подразумевает процесс перемещения индивида или целой профессиональной группы, занимающейся преимущественно умственным, творческим трудом, несущей инновационные идеи и обладающей интеллектуальным авторитетом. Данный процесс характеризуется формированием новых социальных связей, трансформацией уже существующих и определенным набором ролей, поведение и отношения между которыми регулируются посредством стандартизированных социальных норм, правил и законов [6; 7]. В со-

временной науке выделяют большое число факторов, влияющих на миграцию молодежи. В частности, возможности, связанные с образовательной деятельностью, улучшение социального положения, повышение профессионального уровня, трудовые перспективы и др. Однако одной из главных причин, напрямую связанной с интеллектуальной миграцией, остается желание продолжить образование в развитых российских образовательных центрах, которыми традиционно являются Москва и Санкт-Петербург. На наш взгляд, уместно использовать учебную миграцию как один из этапов процесса интеллектуальной миграции, поскольку, получив образование, выпускники вузов стремятся закрепиться в том же регионе, в котором проходили обучение посредством трудоустройства. Так, согласно данным статистики, миграционный прирост населения Санкт-Петербурга в 2012 г. составил 74 092 человека (см. табл.). При этом прирост внутрироссийской межрегиональной миграции составил без малого 50 000 человек, а вместе со странами СНГ и Балтики – более 70 000 человек. Численность высококвалифицированных специалистов, привлекаемых для работы в Санкт-Петербурге в 2012 г., составила более 1 500 000 человек. При этом из Санкт-Петербурга на постоянное место жительства за рубеж выехали менее 900 петербуржцев; на работу (временно) – около 18 500 человек (из которых 89 % – менее чем на 6 месяцев), на срок более чем на 6 месяцев покинули Санкт-Петербург 2035 чел. [8].

Общая численность миграции населения Санкт-Петербурга в 2012 г., тыс. чел.

<i>Показатель</i>	<i>Число прибывших</i>	<i>Число выбывших</i>	<i>Миграционный прирост</i>
Миграция, всего	194 511	120 419	74 092
В пределах России	160 815	110 817	49 998
<i>Внутрирегиональная</i>	<i>52 304</i>	<i>52 304</i>	–
<i>Межрегиональная</i>	<i>108 511</i>	<i>58 513</i>	<i>49 998</i>
Международная миграция	33 696	9602	24 094
Со странами СНГ и Балтии	28 449	7895	20 554
С другими зарубежными странами	5247	1707	3540
Внешняя (межрегиональная и международная) миграция	142 207	68 115	74 092

Статистического учета учебной (образовательной) миграции не проводится, ее можно оценивать только по косвенным показателям межрегиональной миграции молодежи в возрасте 17–18 лет. Однако, по данным исследования НИУ ВШЭ, касающемся качества приема в государственные вузы России,

в 2014 г. были получены данные относительно регионов (городов и т. д.), откуда приезжают учиться в столичные города. Исследование опирается на базу данных по приему абитуриентов в российские вузы, в которую вошла информация по всем студентам, зачисленным на первый курс очной формы обу-

чения бакалавриата и специалитета всех вузов России. В результате лидером учебной миграции стал Санкт-Петербург (на втором месте – Москва). Из этих городов выбывает не более 2 % абитуриентов, а прибывает значительно больше половины. В 2014 г. на бюджетные места в вузы Санкт-Петербурга поступило 68 % иногородних студентов.

Основными мотивами студентов, приезжающих на обучение в Санкт-Петербург, являются как «притягивающие», так и «выталкивающие» мотивы. К числу первых относят высокую вероятность получения высокооплачиваемой работы в мегаполисе, получение качественного образования, а также возможность приобретения полезных знакомств, поскольку университеты являются конгломератом научных идей, и, в конечном итоге, самореализоваться как успешная личность. К «выталкивающим» мотивам относят низкий уровень качества образования в провинциальных вузах, отсутствие интенсивного обмена знаниями, а также перспективу долгих поисков работы в маленьком городе.

Таким образом, происходит своего рода селекция, которая в недалеком будущем определит как качественный состав российского взрослого населения, так и кадровый потенциал регионов, один из определяющих факторов потенциала развития любого региона [5]. Подобный *brain drain* (утечка умов) из российских регионов в интеллектуальные центры приводит к сдерживанию потенциальных возможностей развития и ухудшению и без того непростой ситуации.

Воспроизводство трудоспособного здорового поколения как элемента социального потенциала нами рассматривается в качестве наиболее значимого фактора. В данном контексте объективно обуславливается необходимость расширения анализируемой возрастной стратификации детско-подростковой группой. Особое значение, согласно этой логике, играет состояние здоровья подрастающего поколения, которое будет воспроизводить, скорее всего, сегодняшние качественные свои характеристики.

По данным всеобщей диспансеризации населения Минздрава России, в 2013 г. «в стране чуть больше 30 % относительно здорового населения. Из почти 17 миллионов жителей страны, осмотренных на начало октября, полностью здоровыми себя может считать только треть. 78 % осмотренных – это люди работоспособного возраста» [9].

Не менее утешительные данные по состоянию здоровья детей, подростков и молодежи.

Государственный комитет прогнозирует, что «к 2016 году ухудшение здоровья детей и молодежи в Санкт-Петербурге приведет к тому, что численность населения, которая старше возраста трудовой способности по сравнению с началом двадцать первого века увеличится на 9 %, что доведет показатель до 29 % в структуре петербургского населения в целом. Вместе с этим, численность детей, не достигших трудоспособного возраста (15 лет) снизится до 14 %» [10]. Врачи констатируют наблюдающийся рост заболеваемости среди детей разных возрастов. При этом первичная заболеваемость за десятилетие возросла на 50 %, а показатель молодежной заболеваемости вырос на 92 %. В то же время заболеваемость возросла на 34 %.

Показатель хронической заболеваемости детей от рождения до 14 лет в 2012 г. составил 218,2 на 1000 детей. При этом в ранговой структуре хронической заболеваемости ведущими являются: болезни органов дыхания, болезни глаза и его придаточного аппарата, болезни органов пищеварения, болезни нервной системы, врожденные пороки развития.

В 2012 г. наблюдался рост хронической заболеваемости среди подростков – 380,4 % (в 2011 г. – 292,95 %), а именно: рост показателей среди новообразований, болезней нервной системы, глаза и его придаточного аппарата, болезней органов дыхания, в том числе бронхиальной астмы, болезней органов пищеварения, системы кровообращения, болезней кожи, костно-мышечной системы, врожденных пороков развития. В ранговой структуре хронических заболеваний среди подростков по данным органов здравоохранения ведущими являются: болезни органов пищеварения, болезни органов дыхания, болезни глаза и его придаточного аппарата, болезни костно-мышечной системы, болезни мочеполовой системы.

Сравнительный анализ ранговых показателей хронических заболеваний двух возрастных групп позволяет сделать вывод, что болезни органов дыхания, глаза и его придаточного аппарата, органов пищеварения из детского возраста переходят с ребенком и в подростковый возраст. Вместе с тем к этому возрастному периоду дети приобретают и новые заболевания.

Отсутствие в ранговой структуре детей подросткового возраста болезней нервной системы и врожденных пороков развития позволяет предположить, что к завершению детского возраста (к 14 годам) дети излечиваются от этих болезней.

Врачи отмечают, что за период с 2008 по 2012 г. наблюдается рост общей заболеваемости детей 15–17 лет (по возрастной стратификации – это возраст ранней юности) от 1809,7 в 2008 г. – до 2266,3 – в 2012 г. на 1000 детей. Рост показателя на 6,4 % произошел за счет следующих болезней: инфекционных и паразитарных заболеваний, новообразований, болезней эндокринной системы, болезней глаза и его придаточного аппарата, болезней кожи, врожденных пороков развития, травм и несчастных случаев и болезней костно-мышечной системы.

По данным специалистов, в 2012 г. наблюдался рост показателя хронической заболеваемости школьников на 2,5 % по сравнению с предыдущим годом. Ведущими формами хронической патологии в состоянии здоровья школьников врачи отмечают болезни костно-мышечной системы, на втором месте – болезни глаза и его придатков, на третьем месте – патология органов дыхания, на четвертом месте – болезни органов пищеварения. На долю указанных форм патологии среди учащихся школ в 2012 г. приходилось 57,88 % всех хронических заболеваний (в 2011 г. – 58,34 %).

Медицинские работники отмечают рост патологии, выявленной при медосмотрах перед поступлением в школу и перед окончанием школы, а именно: понижение остроты зрения, сколиоз, нарушение осанки. По отметкам врачей наиболее значительный рост выявляемой патологии отмечается при переходе ребёнка к предметному обучению. Если доля детей с нарушением осанки и сколиозом составляет 31,8 % в данной возрастной группе, то к моменту окончания школы доля детей с указанной патологией увеличивается до 34,2 % за счет увеличения доли детей со сколиозом до 8,7 % при незначительном снижении доли детей с нарушением осанки. Самая значительная доля детей с понижением остроты зрения (25,65 %) отмечена в группе перед окончанием школы (16–17 лет включительно).

Еще в 2004 г. обращали внимание на то, «что за последние пять лет на 20 % увеличится частота психических расстройств у детей и подростков, у каждого ребенка имеются

проблемы с психикой, регистрируется слабоумие. Каждый второй ребенок в возрасте от 15–17 лет, состоящий на учете у психиатра, страдает умственной отсталостью» [11, с. 47]. Так, по сведениям о контингентах психических больных за 2012 г., в ранговой структуре заболеваний, обусловивших формирование детской инвалидности в Санкт-Петербурге, являются: психические расстройства и расстройства поведения – 30,8 %; болезни нервной системы – 22,1 %. Численность несовершеннолетних на диспансерном наблюдении с 2009 по 2012 г. увеличилась среди подростков на 413 человек (с 2295 до 2608), среди детей – на 2467 (с 9148 до 11615) [10].

Заключение. Таким образом, подводя итог рассмотренным процессам в сфере миграционных потоков молодежи и показателей состояния здоровья подрастающего поколения, необходимо отметить следующее. В Санкт-Петербурге как втором (после Москвы) регионе присутствуют как позитивные, так и негативные тенденции в сфере развития социального потенциала. Так, несмотря на несовершенство методов учета миграционных тенденций в среде молодежи, можно сказать, что Санкт-Петербург находится в очень выгодном положении по сравнению с другими российскими регионами. На учебу сюда едут самые сильные (по результатам сдачи ЕГЭ) абитуриенты, стремящиеся впоследствии устроиться на столичном рынке труда или продолжить обучение.

С другой стороны, говоря о состоянии здоровья детей и подростков 15–17 лет, следует отметить отсутствие динамики стабильного сокращения заболеваний не только в целом, но и по отдельному какому-либо заболеванию. Скорее всего, наблюдается динамика роста заболеваний на фоне периодического циклического незначительного снижения показателей болезней среди населения детско-подросткового возраста. По имеющимся данным, в Санкт-Петербурге здоровье молодежи не превышает 11 %, а хроническая заболеваемость равна 30 %. Пограничное состояние отмечается у 60 % молодежи. Обращает на себя внимание тот факт, что если в аналитических материалах по состоянию здоровья выделяются показатели детей от рождения до 14 и 15–17 лет, то молодежь как отдельная социально-демографическая группа включена в категорию трудоспособного населения. Отсутствие в медицине возрастной стратификации в социологическом понимании при анализе состояния здоровья населения соз-

дает предпосылку искажения реального состояния, не позволяет определить динамику воспроизводства количества больных и здоровых, конкретных заболеваний в каждой последующей возрастной группе. Наиболее принципиальным в этом вопросе является неоспоримый факт, что молодежь по своему состоянию здоровья и болезней отличается от поколения тех, кому сорок лет и более. Следует понимать, что молодежь может быть потенциалом развития настолько, насколько она способна им быть по состоянию своего здоровья, качества образования, духовно-нравственных качеств, зрелости гражданской позиции, что, в свою очередь, является следствием отношения государства к вопросам молодежи, наличие/отсутствие диалога между властью и молодежью.

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. – М. : Юрист, 1994. – 693 с.

2. Сохань Л. В. Образ жизни молодежи // Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – М. : Academia, 2008. – С. 309–311.

3. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования : кол. монография / под ред. Е. Г. Слуцкого. – СПб. : Знание, ИВЭСЭП, 2004. – 736 с.

4. Осадчая Г. И. Социальный потенциал // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. – М. : Мысль, 2003. – Т. 2. – 862 с.

5. Салахутдинова Р. Х. Трансформация высшего образования современной России: к методологии анализа // Социальные вызовы модернизации регионов России : материалы II Тюменского социологического форума (28–29 июня 2011 г.) / под ред. М. М. Акулич, Г. С. Корепанова, В. А. Юдашкина: в 2 ч. – Тюмень : Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2011. – Ч. 2. – С. 230–235.

6. Лебединцева Л. А. К вопросу об оценке результатов интеллектуального труда в науке // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 365–369.

7. Бабаева П. А. Социологический анализ интеллектуальной миграции Санкт-Петербурга // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 1(85). – С. 72–75.

8. Официальные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 25 февраля 2013 г. – СПб. : Петростат, 2014. – С. 12.

9. Гомзикова С. Больная на две трети нация // Свободная пресса. – 2013. – 5 октября.

10. Аналитические материалы о Положении детей в Санкт-Петербурге. 2012 г. – СПб. : Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга, 2013. – URL : <http://www.homekid.ru/kidinspb2012/index.htm> (дата обращения: 18.09.2014).

11. Яновская Н. Б. Личностно-индивидуальный подход: альтернатива – выбор – проблема // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 7. – С. 42–48.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ¹

SOCIO-ECONOMIC STATUS OF THE POPULATION OF THE OMSK REGION IN THE NEW ECONOMIC ENVIRONMENT

А.В. Арбуз

A.V. Arbuz

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Исследование социально-экономического положения населения важно для государства в целом и правительства региона для формирования политики в области социальной защиты населения. Данная статья посвящена исследованию новых тенденций социально-экономического положения населения Омской области в условиях последних изменений в экономике, а именно политики санкций, девальвации национальной валюты, повышению цен на товары и услуги и т. д. Анализ изменения социально-экономического положения населения позволяет судить, насколько эффективна социально-экономическая политика государства и в какой степени общество справляется с поставленными задачами. Проблема исследования связана с изменением социально-экономического положения населения Омской области в современных экономических условиях на весну 2015 г. Были выдвинуты следующие гипотезы: социально-экономическое положение населения ухудшилось по сравнению с осенью 2014 г.; повышение уровня цен привело к снижению уровня жизни; экономические изменения затронули рынок труда несущественно. В работе используется случайная квотная бесповторная выборка, в которой для получения валидных результатов учтен удельный вес жителей Омска в общей численности с выделением квот по роду занятий, полу и возрасту. Основными методами исследования являлись анкетный опрос, наблюдение, анализ документов. Анализируются вопросы социального самочувствия населения, оценки социальной стабильности и защищенности, степени удовлетворения материальных и нематериальных потребностей. Также рассматривается вопрос занятости и стратегий трудового поведения в новых экономических условиях. По результатам исследования в статье сделаны выводы по всем поставленным гипотезам и представлены ключевые рекомендации, направленные на преодоление выявленных трудностей.

The study of socio-economic status of the population is important for the state as a whole and for the governments of the region in order to form the policy in the field of social protection of the population. This article is dedicated to new research tendencies in social-economical level of the Omsk district population in conditions of last changes in economy, such as sanctions, depreciation of national currency, raising cost of commodities and services e.t.c. Analysis of changes in socio-economic status of the population allows to evaluate the effectiveness of socio-economic policy of the state, and the extent to which a society copes with the tasks. The problem of the research is connected with the change of socio-economic status of the population of the Omsk region in the current economic conditions for spring 2015. The article puts forward the following hypotheses: the socio-economic situation of the population has deteriorated compared to the autumn of 2014; increased prices led to lower living standards, and economic changes insignificantly affected the labour market. To increase the validity of measurements, the sample was structured according the size of gender, age and professional groups of the real Omsk population. The main methods of research are questionnaire, observation and document analysis. There were analyzed the issues of social well-being, value of social well-being and protect ability, satisfaction level of material and non-material needs. Also there is described an employment issue and labor behavior strategy in new economic conditions. The article concluded by all the hypotheses and presents key recommendations to overcome the identified difficulties.

Ключевые слова: социальное положение, социальное самочувствие, трудовое поведение, уровень жизни.

Key words: social status, social well-being, labor behavior, the standard of living.

Введение. Исследование социально-экономического положения населения важно для государства в целом и правительства региона для формирования политики в области социальной защиты населения. Также, исходя из стратегии социально-экономического развития Омской области до 2020 г., «качество жизни населения Омской области характе-

ризуется высоким уровнем доходов, потребления товаров и услуг, комфортностью проживания, развитой системой социального обеспечения, ростом рождаемости, увеличением средней продолжительности жизни». Стратегической целью социально-экономического развития Омской области является формирование эффективной экономической

¹ Грант РГНФ, проект № 08-03-00518а.

базы, обеспечивающей устойчивое развитие Омской области, последовательное повышение качества жизни населения Омской области. Кроме этого, для определения поведения в области маркетинга, предприятиям Омска важно знать, на что тратят деньги потребители, структуру расходов и доходов, ожидания и самоидентификацию населения. Изменение социальной и экономической ситуации сопровождается усилением дифференциации населения по основным социально-экономическим характеристикам: оплате труда, жилищной обеспеченности, располагаемому имуществу, денежным сбережениям. Для стабильного развития экономики и формирования политики социальной защиты необходимо знать современное социально-экономическое положение населения Омской области. Данная информация важна для разработки стратегических и тактических направлений социальной политики в целях повышения качества жизни, устойчивого развития важнейших социально-экономических аспектов жизнедеятельности общества. Анализ изменения социально-экономического положения населения позволяет судить, насколько эффективна социально-экономическая политика государства и в какой степени общество справляется с поставленными задачами.

В 2009 г. нами было проведено исследование, направленное на выявление основных черт социокультурного портрета жителей Омского региона. В рамках этого проекта были изучены социальные и экономические характеристики населения.

Актуальность настоящего исследования определяется изменением экономических условий, что ведет к трансформации социально-экономического положения населения региона по сравнению с осенью 2014 г. Таким образом, актуально проанализировать изменения, произошедшие в обществе в регионе относительно изучаемых характеристик, таких как социальное самочувствие, экономическое поведение и др. в новых экономических условиях, связанных с политикой санкций, обесцениванием национальной валюты, роста цен, в некоторых случаях достаточно существенного и т. д.

Обзор литературы. Концепция социального и экономического благополучия напрямую связана с набором определенных показателей в таких сферах общественных отношений, как социальное обеспечение, социальная и экономическая политика, каче-

ство социальной инфраструктуры и др. [1]. Все эти сферы тесно связаны с такими понятиями, как социальное самочувствие, социальная защищенность, качество жизни, социально-экономическое положение населения, которые являются одними из ключевых в междисциплинарных исследованиях в социальных науках [2–6].

Гипотезы и методы исследования. Проблема: изменение социально-экономического положения населения Омской области в современных экономических условиях на весну 2015 г. Были выдвинуты следующие гипотезы:

– социально-экономическое положение населения ухудшилось по сравнению с осенью 2014 г.;

– повышение уровня цен привело к снижению уровня жизни;

– экономические изменения затронули рынок труда несущественно.

В работе используется случайная квотная бесповторная выборка, в которой для получения валидных результатов учтен удельный вес жителей Омска в общей численности с выделением квот по роду занятий, полу и возрасту [7]. Основными методами исследования являлись анкетный опрос, наблюдение, анализ документов [8–11].

Результат исследования. Рассмотрим удовлетворенность населения своим социально-экономическим положением (см. рис. 1, 2).

Группы в возрасте от 18 до 28 и от 40 до 50 устраивает их социальное положение в обществе. Респондентов в возрасте от 29 до 39, от 51 до 61 и старше 61 не устраивает или многое не устраивает. Этот вопрос можно рассматривать в совокупности со следующим вопросом о стабильности и защищенности.

В каждой возрастной группе лидирует вариант ответа «скорее нет, чем да», особенно заметно это прослеживается у групп пенсионного и предпенсионного возраста. Это говорит о том, что изменения, связанные с ростом цен, особенно ударили по пенсионерам как менее защищенных слоях населения. На втором месте вариант ответа «скорее да, чем нет»: в группах пенсионного и предпенсионного возраста его выбирали столько же раз, сколько и вариант ответа «да». Это может быть связано с нестабильной экономической ситуацией в стране. Несмотря на это, мы видим, что население в целом чувствует стабильность и защищенность.

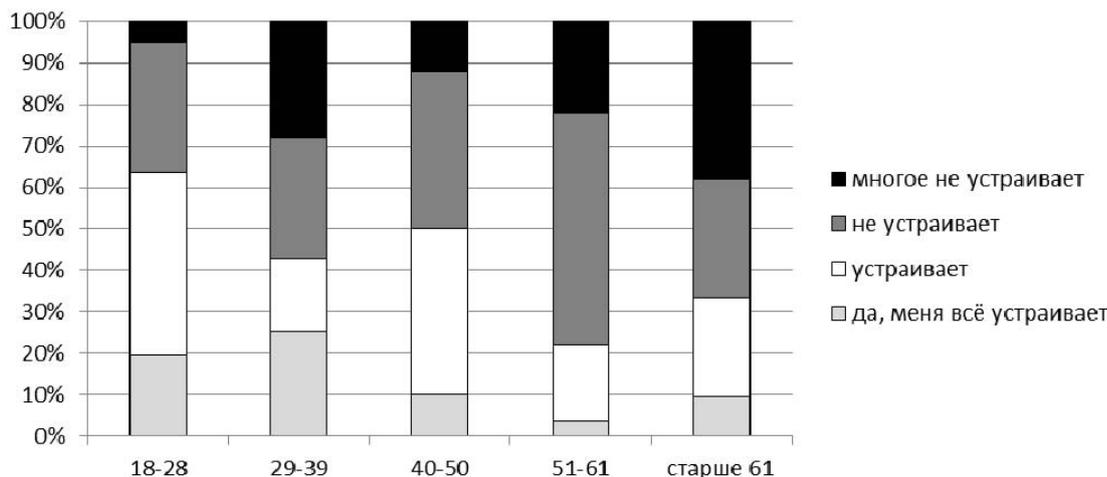

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Вас устраивает Ваше социальное положение в обществе?», %

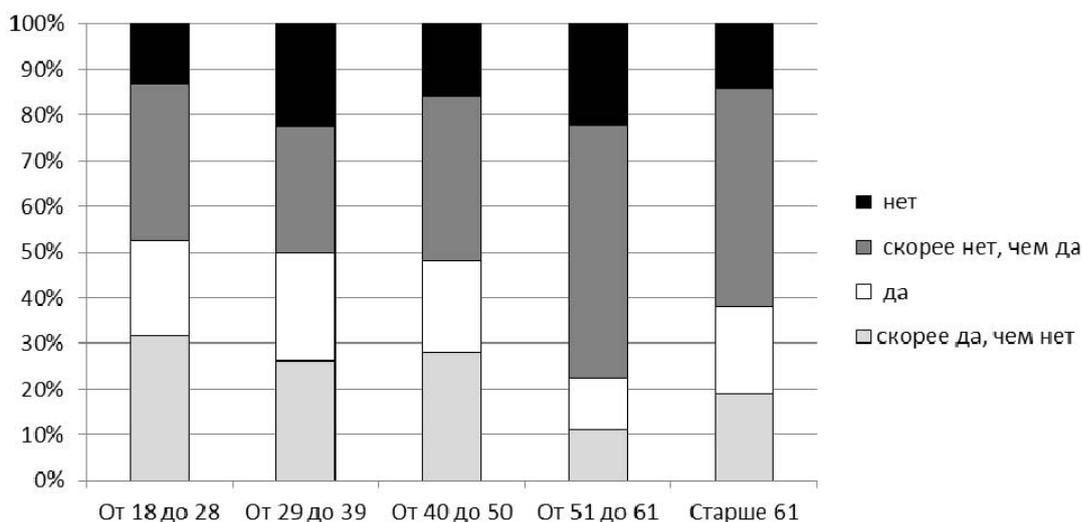

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы в последнее время социальную стабильность и защищенность?», %

Рассмотрим, какие же проблемы волнуют население больше всего. Данный вопрос проанализирован по каждой возрастной группе отдельно (см. рис. 3).

Социально-экономические проблемы волнуют почти половину опрошенных в возрасте от 18 до 28 лет. На втором месте с небольшой разницей жилищные и медицинские проблемы. Проблемы саморазвития и бытовые проблемы практически на одном уровне. Меньше всего молодых респондентов волнуют психологические проблемы.

Мы видим, что жилищные проблемы волнуют респондентов в возрасте от 29 до 39 лет в большей степени, чем остальные. На втором месте проблемы, связанные с медицинской, на третьем – социально-экономические. За ними следуют бытовые проблемы. В мень-

шей степени опрошенных волнуют психологические проблемы и проблемы саморазвития.

Практически в равной степени респондентов от 40 до 50 лет волнуют социально-экономические и медицинские проблемы. За ними следуют жилищные проблемы. Четвертое место занимают бытовые проблемы, пятое – психологические. Проблема саморазвития волнует лишь одного опрошенного.

У респондентов от 51 до 61 года наблюдается равная обеспокоенность как медицинскими, так и социально-экономическими проблемами. На втором месте стоят жилищные проблемы, на третьем – бытовые. Проблемы саморазвития и психологические проблемы волнуют меньшее число опрошенных.

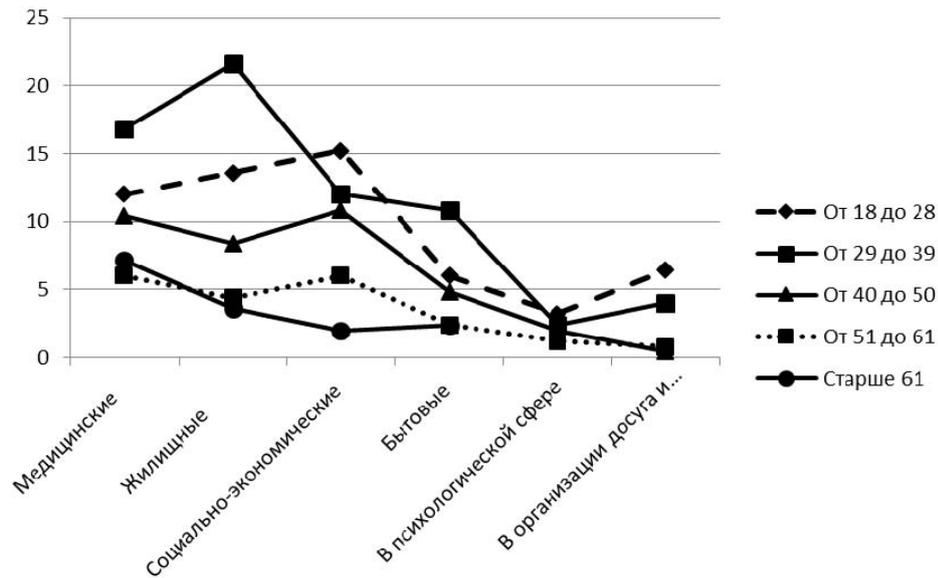

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие социальные проблемы волнуют Вас больше всего?», %

Медицинские проблемы волнуют большинство опрошенных старше 61 года. В два раза меньшее количество людей волнует жилищные проблемы, еще меньше – бытовые и социально-экономические.

Можно говорить о том, что практически все население волнуют социально-экономические, жилищные и медицинские проблемы. Но если рассматривать проблемы в разрезе возраста, то две первые группы в большей степени волнуют проблемы, связанные с жильем. Остальные группы волнуют медицинские проблемы. Все это связано с тем, что цены на жилье выросли по сравнению с 2014 г. Также цены растут и на медицину, лекарственные препараты.

Рис. 4 показывает степень удовлетворения материальных потребностей респондентов. Из него следует, что потребность в питании находится на высоком уровне удовлетворения, потребности в одежде/обуви и развлечениях на среднем, а в жилье и автомобиле – на низком уровне удовлетворения.

Из этого можно сделать вывод о том, что, скорее всего, для опрашиваемых актуален вопрос улучшения жилищных условий, поэтому они не могут ответить на этот вопрос положительно. Что касается автомобиля, то здесь похожая ситуация с жильем. Можно сказать, что очень много средств уходит на обслуживание автомобиля.

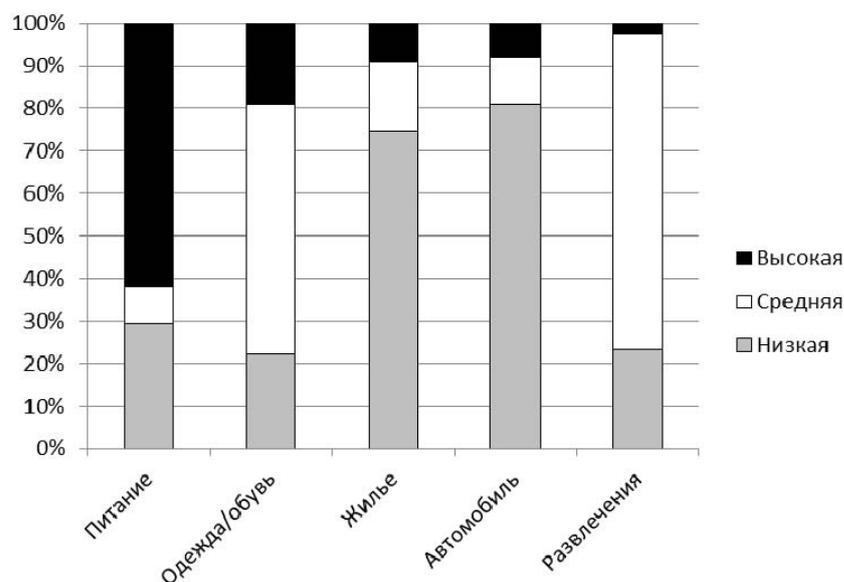

Рис. 4. Степень удовлетворения материальных потребностей, %

На рис. 5 представлены данные о степени удовлетворения нематериальных потребностей респондентов. Как видно, большая часть потребностей, а именно в отдыхе, стабильности, защищенности, психологическом комфорте, находится на среднем уровне удовлетворения. В бытовом комфорте –

высокая степень и в отсутствии стресса – низкая степень удовлетворения. Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на все события связанный как с экономической, так и социальной ситуацией, население Омска все же чувствует стабильность и защищенность, что подтверждалось выше.

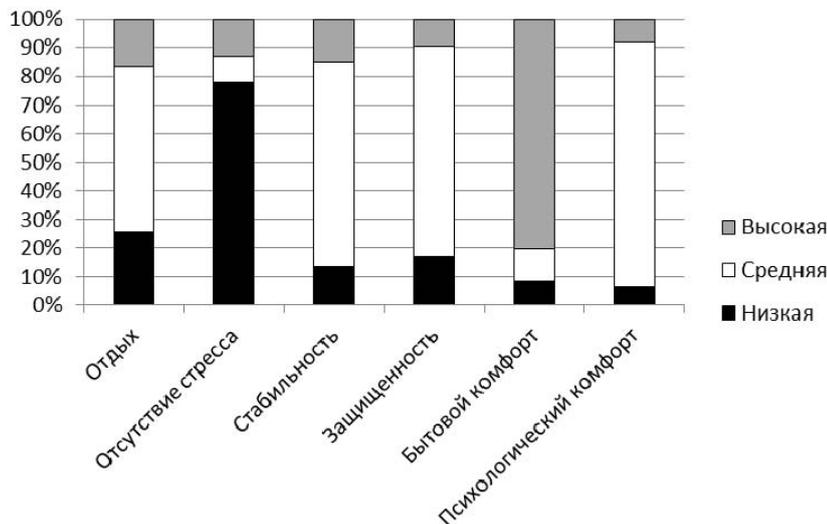

Рис. 5. Степень удовлетворения нематериальных потребностей, %

На рис. 6 представлены результаты ответов на вопрос «Как повлияло на Вас изменение уровня цен?». Как видно из рисунка, по всем возрастным группам лидирует вариант ответа «повлиял значительно». Далее –

«незначительно», и на последнем месте ответ «никак не повлиял». Следовательно, можно сказать, что в связи со всеми событиями, санкциями изменение уровня цен очень повлияло на все социальные группы.

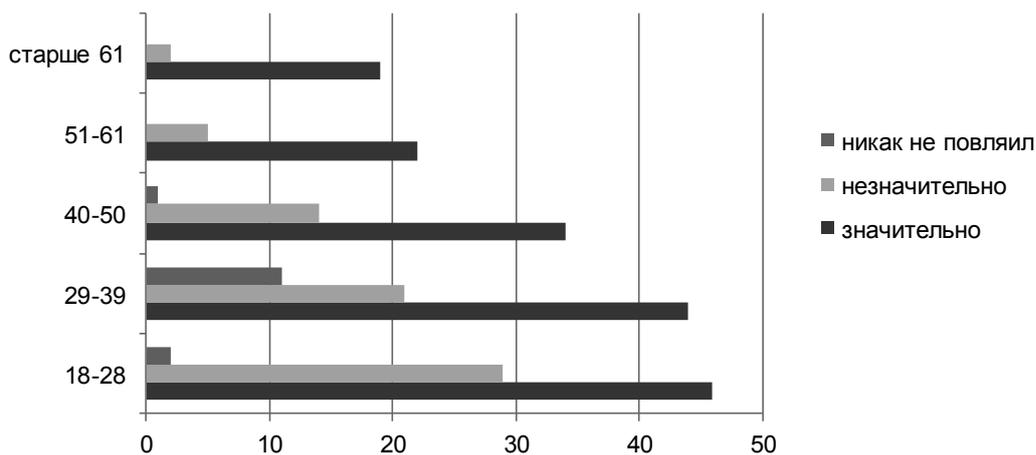

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как повлияло на Вас изменение уровня цен?», %

Следующий вопрос, который мы рассматривали, звучит так: «В ближайшие два месяца цены по сравнению с последними двумя месяцами будут расти?» (см. рис. 7).

52 % опрошенных считают, что цены будут расти теми же темпами. Это связано с тем, что население напугано скачком курса валют и прогнозирует ухудшение ситуации.

30 % респондентов ответили, что цены будут расти медленнее. Возможно, это связано с тем, что люди считают, что цены уже достаточно высокие и больше не поднимутся, иначе покупательская способность совсем снизится. 12 % людей, думают, что цены будут расти быстрее, это следствие предыдущего стремительного роста цен.

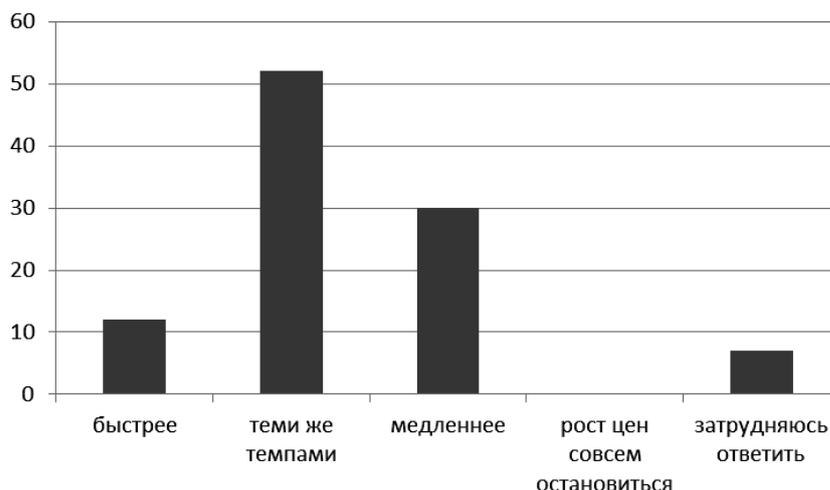

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «В ближайшие два месяца цены по сравнению с последними двумя месяцами будут расти?», %

Следующий вопрос, который мы рассматривали, «Если говорить о Вас и о членах Вашей семьи, проживающих вместе с Вами, ожидаете ли Вы в связи с нынешним кризисом сокращения, увольнения с предприятия?» (рис. 8).

Проанализировав данные результаты по этому вопросу, видно, что половина опрошенных респондентов не думают об их сокращении (увольнении) с предприятия, довольно спокойны и не задумываются об этой

проблеме. 17 % считают, что это случится в ближайшее время, а значит, их предприятие или организация сильно подверглись экономическим изменениям. Совсем небольшая часть респондентов (6 %) уже подверглись увольнению на прежнем месте работы. Стоит отметить, что в данном случае ситуация более мягкая по сравнению с последствиями кризиса 2008 г. Тогда сокращенными оказались 24 % опрошенных [12; 13].

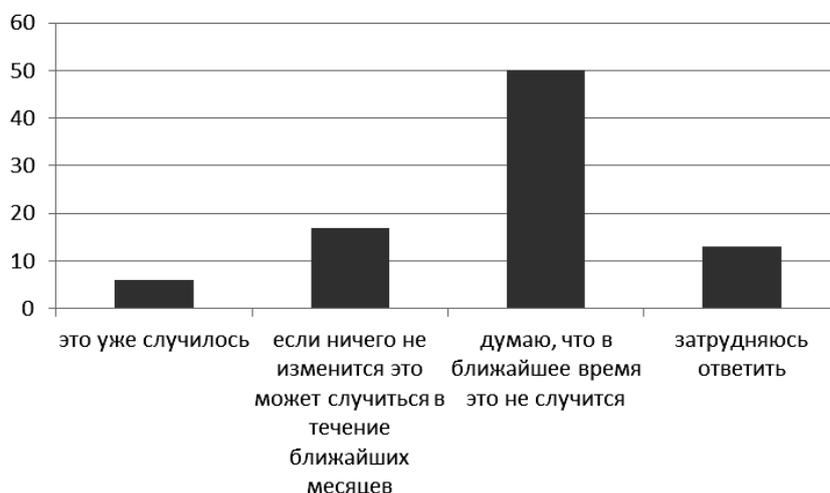

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Если говорить о Вас и о членах Вашей семьи, проживающих вместе с Вами, ожидаете ли Вы в связи с нынешней ситуацией сокращения, увольнения с предприятия?», %

Далее, мы рассматривали вопрос сложившейся ситуацией на омском рынке труда. В связи с этим задавали вопрос «Что вы планируете делать в ближайшее время?» (см. рис. 9).

Из диаграммы видно, что большинство опрошенных (51 %) планируют найти прира-

боток. Это связано с тем, что сокращаются рабочие места, увеличиваются цены на продукты питания и оплату услуг. Поэтому люди стараются найти дополнительные средства дохода для удовлетворения своих потребностей. 26 % опрошенных об этом вообще не задумывались. Если мы рассмотрим диа-

граммы в совокупности, то, возможно, это студенты или же люди, которые не нуждаются в дополнительных финансовых сбережениях. Остальные респонденты, которые име-

ют наименьший процент от всех ответов, собираются: сменить место жительства (12 %), обучиться новой специальности (14 %), сменить место работы (10 %).

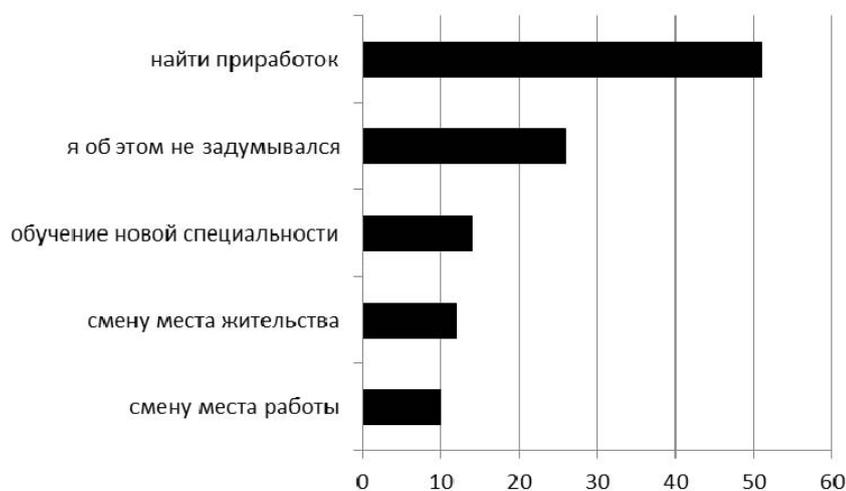

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «В связи со сложившейся ситуацией на омском рынке труда, что Вы планируете делать в ближайшее время?», %

Заключение. Основная гипотеза о том, что социально-экономическое положение населения в регионе ухудшилось по сравнению с осенью 2014 г. подтвердилась частично. Большинство респондентов ответили, что не чувствуют в последнее время социальную стабильность и защищенность. Социальные выплаты как дополнительный источник дохода показывают, что, несмотря на нестабильную ситуацию, государство помогает населению, улучшая его социально-экономическое положение. Также распределение ответов на вопрос о текущем социальном положении демонстрирует то, что только молодых респондентов (от 18 до 28 лет) и опрошенных от 40 до 50 лет устраивает их социальное положение в обществе. Остальных не устраивает или многое не устраивает.

Вторая гипотеза о том, что повышение уровня цен привело к снижению уровня жизни, подтвердилась. Это иллюстрируется тем, что при ответе на вопрос о влиянии изменения цен во всех возрастных группах лидирует вариант ответа «повлиял значительно».

Гипотеза, связанная с незначительными изменениями на рынке труда, подтвердилась, а именно мы увидели, что в данных условиях не произошли массовые сокращения, что было характерно для посткризисной ситуации 2008 г., увеличилась лишь активность работников в виде желания найти дополнительный заработок.

Проанализировав основные результаты исследования, можно сделать несколько клю-

чевых рекомендаций, направленных на преодоление выявленных трудностей. Ощущение социальной стабильности и защищенности находится на грани. Государству необходимо укрепить веру населения в стабилизацию позиций нашей страны через прямое общение представителей власти с народом (прямая линия, специальные выпуски информационных передач). Социально-экономические, жилищные и медицинские проблемы нужно решать на региональном уровне посредством предоставления социальных льгот. Привлечение к решению обозначенных проблем работодателей также будет способствовать ликвидации перечисленных проблем. Ужесточение контроля над уровнем цен с помощью специально созданных комиссий. На наш взгляд, это может привести к стабилизации цен, что повлечет за собой повышение уровня жизни. Из-за низких заработных плат население ищет дополнительные источники доходов, но их размер все равно не удовлетворяет как материальные, так и нематериальные потребности людей. В связи с этим мы советуем работодателям удовлетворять хотя бы нематериальные потребности сотрудников (сделать доступным отдых, минимизировать уровень стресса, увеличить стабильность, защищенность и психологический комфорт). Проанализировав причины ухода респондентов с предыдущего места работы, мы выяснили, на что нужно делать акценты работодателям, чтобы закрепить работников в организации: повысить интерес к труду че-

рез создание благоприятного психологического климата, разработку эффективной программы стимулирования сотрудников, улучшение условий труда и т. д.

1. *Mayall B.* Understanding inter-generational relations: the case of health maintenance by children // *Sociology of Health and Illness*. – 2015. – № 37(2). – P. 312–324.

2. *Abbey A., Andrews F.* Modeling the psychological determinants of life quality // *Social Indicators Research*. – 1985. – Vol. 16.

3. *Leo W., Jeffers, Dobos J.* Communication and Public Perceptions of the Quality of Life // *New Dimensions in Marketing. Life-of-Life Research* / Ed. by M Josef Sirgy and A. Coskun Samli. Quorum Books. Connecticut – London, 1995.

4. *Roman R. M., Hayibor S., Agle B.* The Relationship Between Social and Financial Performance // *Business and Society*. – 1999. – № 38(1). – P. 109–125.

5. *Латин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М., 2010. – URL : <http://www.iph.ras.ru/uplfile/scult/titul.pdf> (дата обращения: 25.11.2014).

6. Социокультурный портрет Омской области : монография / В. С. Половинко, К. И. Богомазов, Г. М. Чердынцев и др.; сост. и общ. ред. В. С. Половинко. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2011. – 396 с.

7. *Денежкина А. В., Чердынцев Г. М.* Омская область: некоторые вопросы организации исследования социокультурного портрета // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации : сб. материалов Всерос. науч.-практ. кон. – Чебоксары, 2008. – С. 292–295.

8. *Lesley A.* Describing and Doing Social Research. – London : Sage, 2012.

9. *Богомазов К. И.* Развитие инструментария «новой социологии»: геотегиинг и Web-поддержка в социологических исследованиях на базе типовой методики. – URL : <http://www.SocRegion.OmEco.Ru>, www.SocRegion.OmEco.Ru, 2012 (дата обращения: 25.11.2014).

10. *Богомазов К. И.* Развитие инструментария социокультурного портрета для разработки стратегии модернизации на уровне региона // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» (г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.): в 3 ч. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. 3. – С. 624–635.

11. *Половинко В. С.* Интеграция мониторингов социальной сферы региона // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2008. – С. 290–292.

12. *Арбуз А. В.* Социальная модернизация общества: межрегиональные сравнения // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – Омск : Изд-во ОмГУ, 2013. – № 3. – С. 124–128

13. *Денежкина А. В.* Динамика показателей социально-экономического портрета жителей Омского региона // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» (Смоленск, 6–9 октября 2009 г.). – Смоленск : Универсум, 2009. – С. 84–89.

**ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ**

**THE EXPERIENCE OF THE FORMATION OF THE NEW INDUSTRIALIZATION IN THE TYUMEN REGION:
SOCIO-CULTURAL AND SOCIO-ECONOMIC CONTEXTS**

В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина

V.A. Davydenko, G.F. Romashkina

*Тюменский государственный университет
Tyumen State University*

Статья поступила в редакцию 13 июля 2015 г.

Представлены теоретические концепции и эмпирические исследования опыта становления новой индустриализации в Тюменской области, взятые в социокультурном и в социальноэкономическом контекстах. Существует проблема встраивания местных элит в инвестиционные процессы для обеспечения конструктивных политических, экономических и социальных условий формирования устойчивого притока инвестиций в стратегически важные виды промышленного производства и осуществления адекватного контроля. Аналитические инструменты работы выстроены в концепции властно-ориентированного подхода (W. Baker, N. Biggart, P. DiMaggio, N. Fligstein, W. Powell). Показано, как те или иные концепции контроля определяются в зависимости от целей властвующих элит. Если цель хозяйственного агента – получение бюрократической ренты, то она напрямую зависит от возможностей воспроизводства групп специальных интересов в рамках региональной структуры власти. В работе подчеркивается, что институты и технологии связаны с социокультурными нормами и структурированием повторяющихся социальных взаимодействий, основанных на неявном знании. Показано, как реально в России действует механизм реализации возрастающей (убывающей) отдачи (Б. Артур). Феномен возрастающей (убывающей) отдачи рассматривается как важная характеристика современных социальных и технологических процессов, определяющий траекторию развития страны, региона. Инновационная деятельность рассмотрена с точки зрения курса на новую индустриализацию в контексте институциональных изменений в условиях возрастающей (или убывающей) отдачи. Показано, как внедрение новых технологий влияет на развитие Тюменского региона в контексте формирования новых мотивов и ценностей региональной элиты. Сделан вывод, что прорыв индустриализации, который наблюдается в последние годы в Тюменской области, это конструктивные последствия привлечения правительством Тюменской области инвестиций нефтегазовой ренты в социальную и экономическую инфраструктуру.

In the article, we observe theoretical concepts and empirical researches of historical development of Tyumen new industrialization process in socio-cultural and socio-economic context. We revealed problem of incorporation of local elite into investment processes, aimed to providing constructive political, economic and social conditions of forming stable investment inflow in important strategic industries and adequate controlling. Analytical instruments, used in this work are based on the power-oriented approach (W. Baker, N. Biggart, P. DiMaggio, N. Fligstein, W. Powell). We showed how aims of power elite stipulate the choice of the controlling concept. Business agent with the aim of getting bureaucratic rent straightly depends on possibility of reproducing group of special interest in the frames of regional power structure. In the article we outline the connection of institutes and technologies with socio-cultural norms and structuring of repeating social interactions, based on latent knowledge. We described practical realization of increasing (decreasing) returns mechanism (B. Artur). In frames of this research, we investigate increasing (decreasing) returns phenomena as important characteristic of modern social and technological processes, that determine the trajectory of the countries of the region. Innovation activity is evaluated from the point of view of new industrialization policy in context of institutional changes in conditions of increasing (or decreasing) return. We examine implementation of new technologies through the prism of influence in Tyumen regional development and through the prism of forming new motives and values of regional elite. We see industrialization breakthrough in the last few years as constructive consequence of realization of the policy of investing oil and gas rent into social and economic infrastructure by Tyumen government.

Ключевые слова: новая индустриализация, Тюменская область, социокультурный и социальноэкономический контексты, рента, элита, экономическое поведение.

Key words: new industrialization, Tyumen region, socio-cultural and socio-economic contexts, rent, elite, economic behavior.

Введение. Провозглашенный в мае 2011 г. президентом России В.В. Путиным новый курс на новую индустриализацию актуализирует вопрос о том, как эта программная установка реализуется на практике в России и в её регионах [1]. Существуют различ-

ные подходы к самому пониманию концепции «новой волны индустриализации». Чисто экономические подходы ориентируют на необходимость модернизации отечественной промышленности на основе проведения системной промышленной политики, пред-

полагающей обновление производственного аппарата промышленности, восстановление структурной целостности, решение кадровых проблем, выравнивание пространственных характеристик промышленного потенциала [2]. Однако, кроме экономических и технологических факторов, результаты хозяйственной деятельности зависят от институтов, организационных структур и систем реального управления. Для России традиционен крен в сторону централизации власти, вследствие чего на региональном уровне недостаточно не только экономических и финансовых ресурсов, но и политической воли, полномочий [3].

Задачи данной работы – провести операционализацию и верификацию современных проблем элитарных коалиций в контексте необходимости проведения новой индустриализации. Имеет значение анализ опыта становления реиндустриализации в Тюменской области.

Анализ реализуемых практик и сопутствующих им концепций контроля (*conceptions of control*) оказывается достаточно сложным делом, поскольку в России и в её регионах права собственности, структуры управления, правила обмена до сих пор чётко не определены. Реальные региональные проблемы хорошо известны: это несоответствие объема финансирования и функций чиновников, пересечение полномочий уровней власти, влияние внутриэлитных конфликтов на жизнь регионов, дестимулирование развития локальных территорий, коррупция и многое другое. С теоретической точки зрения проблема реиндустриализации заключается в том, что реально работающие институты (правовые нормы, правила игры, неформальные практики) и организационные структуры в том или ином государстве, регионе, фирме (предприятии), сети отношений между акторами на рынках порождают значительно более обширные социальные структуры, чем это предполагается большинством экономических, социологических и социально-экономических теорий (концептов) [4].

Методологические основания исследования. Если исходить из того, что групповые интересы периферийных (региональных) элит являются результатом эволюции постсоветской номенклатуры, а закрытость и ограничение доступа в такие группы есть важнейшее условие их воспроизводства и стабильности, то можно предположить, что процессы реиндустриализации в России

должны трансформировать установленный институциональный порядок. Экономисты не без оснований утверждают, что ключевой проблемой государственного вмешательства в работу рынков является соблазн для государственных чиновников начать «погоню за рентой» – стремление добиваться с помощью правительства передачи дохода (богатства) поставщику ресурса, частному предприятию или потребителю за чужой счет или за счет общества. В этом случае какой-то сектор хозяйства может быть захвачен государством или некоей группой. В качестве ресурса может выступать и контроль над политической сферой [5].

Концептуальный переход от идеи «погоны за рентой» возникает в том случае, когда рыночные акторы соглашаются с альтернативой развития индустриальных производств, основанных на возрастающей отдаче. Как показал Б. Артур, в традиционном индустриальном мире, который связывают с именем Альфреда Маршалла, господствовала убывающая отдача. Но в процессе становления IT-индустрии (и индустрий иных новых технологий) экономическое развитие стран, государств или регионов с доминированием индустриальных производств основано на возрастающей отдаче. Возрастающая отдача является механизмом положительной обратной связи, которая направлена (внутри рынков, предприятий и отраслей) на усиление тех, кто имеет успех, и торможение отставших, уже навсегда. Продемонстрировано, что механизмы возрастающей и убывающей отдачи существуют практически во всех отраслях, но убывающая отдача наиболее характерна для традиционного сектора экономики, обрабатывающей промышленности [6].

Проблема перехода на новый, «реиндустриальный» тип развития заключается в том, что все элитарные группы настроены использовать свои возможности в политических сферах для реализации собственных целей, а эти цели, как правило, лежат в сфере сохранения существующих институтов, но не выстраивания новых. Парадигма реиндустриализации, связанная с возрастающей отдачей, может переориентировать частные фирмы, предприятия и государственных представителей – чиновников и бюрократов – на конструктивные формы экономического поведения и формирование новых институций, адекватных новой индустрии.

С теоретической точки зрения проблемы реиндустриализации, ориентированные

на возрастающую отдачу, могут быть представлены в русле властно-ориентированного подхода (power-oriented approach), который предложили У. Бейкер, Н. Биггарт, П. Димаджио, У. Пауэлл, Н. Флигстин и др. [7–10]. Применение этого подхода предполагает три направления исследований. Во-первых, изучение политических процессов, порождающих определённые рыночные институты, а также роли различных элитарных групп в этих процессах в данном обществе. Во-вторых, это исследования проблем возникновения, устойчивости или трансформации какого-либо рынка (при предпосылке о неизменности рыночных институтов). В-третьих, построение аналитических инструментов взаимодействия агентов на отдельном рынке или нескольких рынках с политическим процессом создания институтов. Построение отдельного рынка или нескольких рынков может поддерживать формирование политического курса, тем самым оформляя процесс создания институтов. В то же время сформировавшиеся ранее рыночные институты определяют реальные возможности, доступные предпринимателям, чиновникам, бюрократам и политикам, организующим новые рынки. Эти новые институты и новые организационные формы управления открывают одни перспективы и исключают другие. Так, разделение собственности и контроля в США для крупных корпораций было прежде всего политическим, а не экономическим проектом, хотя теоретики агентских отношений утверждали, что разделение собственности и контроля существует потому, что это наиболее эффективный способ организации прав собственности. В дальнейшем властно-ориентированный подход трансформировался в политико-культурный подход (political-cultural approach), и метафора «рынки как политика» (markets as politics) приобрела высокий теоретический статус «имеющей значение». Нейл Флигстин предложил модель действия, согласно которой участники рынка стремятся к созданию стабильных миров и решению проблемы конкуренции социальными средствами; выстроил гипотезы относительно того, как осуществляется политика на рынках на разных этапах их развития: формирования, стабильного состояния и трансформации. На этапе формирования рынков, когда акторы в фирмах еще только пытаются выстроить статусную иерархию, укрепляющую несостязательные формы конкуренции (noncompetitive forms of competition), политическое действие

напоминает социальные движения (social movements). В условиях стабильных рынков фирмы, обладающие большей властью (incumbent firms), защищают свои позиции от претендентов на эту власть (challengers and invaders). А в периоды рыночной трансформации такие «захватчики» могут провоцировать создание более изменчивой ситуации на рынке, подобной той, которая возникает под воздействием «социальных движений» (social movements) [4]. Любое региональное сообщество вынуждено решать проблему материального воспроизводства, но конкретная форма хозяйственной организации в разных обществах остаётся различной. Концептуально имеет значение также то, что разные люди – предприниматели, бюрократы, политики, чиновники, стремящиеся выстраивать современные рынки и создавать новые промышленные производства, – вынуждены решать проблемы конкуренции и требуют, чтобы государство установило соответствующие правила. Введение этих новых институтов требует взаимодействия фирм, предприятий, политических партий, регионов, государственной власти, вновь созданных (заимствованных) концепций регулирования для того, чтобы сделать возможным структурированный обмен. Хозяйственная жизнь показала, что многие полезные институты развивались неформально, как практики, и оставались неформальными практиками, следуя достаточно жёстким правилам «практического интеллекта» и неявного знания (tacit knowledge) [11].

Гипотеза исследования. Местные элиты Тюменской области, ориентированные на новую индустриализацию, консолидированы не столько по политическим мотивам, сколько вокруг реализации стратегии социально-экономического и социокультурного регионального развития. Тем самым местные элиты укоренены, встроены (embeddedness) в политическую региональную систему и имеют свой особый интерес от реализации программы развития новой индустриализации, ориентированной на возрастающую отдачу от вложений.

Методы исследования. Применяется метод интервью, анализ статистических данных. Интервью применяется для выявления реальной мотивационной структуры хозяйственных акторов, которая складывается в среде формирующей институциональные образования. Если традиционная экономическая теория предполагает, что хозяйственными

агентами движут в основном экономические интересы, то властно-ориентированный подход предусматривает более широкий круг ключевых мотивов. Так, помимо экономических интересов, действия агентов структурируются социокультурными и культурно-нормативными схемами, включающими идеальные и практические стандарты экономического поведения, разделяемые клиентами, конкурентами и другими акторами, и санкционируемые местными региональными сообществами. Культурно-нормативные схемы формируют специфические социальные контексты, в рамках которых определяются и переопределяются существующие институты и правила, которые порождают ограничения, в рамках которых складывается конкретное содержание экономических интересов [12]. При этом основной единицей анализа для нас являются не столько сами институты, сколько экономическое действие, понимаемое в веберовском духе. Тем самым рассматриваемый нами опыт становления новой индустриализации в Тюменской области (юг) изучается с точек зрения социокультурного [13] и социоэкономического контекстов [14].

Результаты исследования. Тюменская область – успешный, социально стабильный регион, с хорошей динамикой экономических показателей (табл. 1), здесь и далее, если не оговаривается иное, подразумевается юг региона, без северных автономных округов. По темпам роста промышленного производства регион входит с число наиболее успешных в России. Так, если за 2014 г. индекс физического объема промышленного производства России составил 101,7 %; Москвы – 95,9 %; Санкт-Петербурга – 91,8 %, то в Тюменской области – 112,9 % (табл. 1). Даже в самый разгар мирового кризиса 2009 г. промышленный рост юга Тюменской области составлял 108,4 %, в то время как всероссийский аналогичный индекс зафиксирован на уровне 89,3 %.

Таблица 1

Индекс промышленного производства некоторых субъектов РФ (в % к предыдущему году)

№	Регион	Год								
		2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
	Российская Федерация	106,3	106,8	100,6	89,3	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7
1	Тюменская область без авт. округов	...	109,2	105,6	108,4	122,3	116,5	113,2	115,1	112,9
2	Курская область	106,5	104,1	95,0	100,0	106,5	104,6	103,3	100,8	105,7
3	Сахалинская область	131,1	229,3	90,8	126,6	101,1	103,3	94,7	99,5	105,5
4	Пермский край	104,2	89,4	100,3	85,5	111,3	116,4	102,3	103,9	104,3
5	Омская область	110,8	109,1	101,4	93,3	106,4	104,0	103,1	103,2	103,5
6	Краснодарский край	122,9	110,9	100,4	87,8	104,2	107,1	108,3	102,5	102,6
7	Красноярский край	101,0	102,4	104,0	98,3	135,8	107,3	109,3	109,3	101,9
8	Свердловская область	108,2	107,3	95,4	81,1	117,3	106,2	109,6	102,7	100,8
9	Республика Татарстан	108,1	107,3	104,0	95,6	105,1	106,3	106,9	101,7	100,6
10	Хабаровский край	89,3	110,1	92,6	93,2	111,0	116,9	109,6	102,2	100,5
11	Новосибирская область	110,7	110,7	102,4	89,1	108,3	105,0	109,0	101,4	100,2
12	Томская область	99,2	98,2	100,0	97,9	105,3	107,0	103,9	100,7	100,1
13	Калужская область	111,1	105,7	100,2	83,8	115,7	108,2	103,7	104,6	99,6
14	Ханты-Мансийский авт. округ	103,8	101,5	99,7	97,5	98,6	98,7	98,6	98,4	98,7
15	Ямало-Ненецкий авт. округ	102,9	95,7	97,7	89,9	104,7	102,2	99,5	106,2	97,5
16	Москва	119,6	91,1	88,1	93,7	97,8	100,7	100,4	95,3	95,9
17	Санкт-Петербург	98,0	110,1	103,6	83,4	107,8	114,6	104,7	99,6	91,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#.

Рост наблюдается не только в сегменте добычи углеводородов, но и в инфраструктурных, обрабатывающих производствах, в строительстве (строительный кластер явля-

ется сегодня одним из основных драйверов роста валового регионального продукта на юге Тюменской области, особенно жилищное строительство) и в других отраслях ре-

гиональной экономики, на которые делаются особые инвестиционные ставки региональным правительством, – агрокомплекс, пищевая промышленность, производство строительных материалов, машиностроение, металлургия.

По сравнению с 2013 г., который тоже был достаточно успешным, в 2014 г. индекс промышленного производства вырос на 12 %, а это основной показатель качества роста экономики. Индекс роста обрабатывающих отраслей промышленности в 2014 г. составил 118 % [14].

По объёму валового регионального продукта в текущих (номинальных) основных

ценах Тюменской области вместе с северными субрегионами – Ханты-Мансийским АО-Югрой и Ямало-Ненецким АО-Ямалом – попадает в двадцатку лучших регионов России (см. табл. 2) (конечный «рейтинг региона по ВРП» взят за 2013 г.). Этот рост достаточно устойчив, даже несмотря на серьезные искажения в связи с непрозрачностью распределения нефтегазовой ренты. Известно, что существенная доля валового регионального продукта реализуется через штаб-квартиры, находящиеся в Москве, Московской области, в Санкт-Петербурге, а не по месту «реальной прописки» добычи углеводородов [14, с. 28].

Таблица 2

Рейтинг некоторых регионов по ВРП (млрд руб. в текущих (номинальных) основных ценах)

№	Регион	Год							
		2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
	Российская Федерация	22 492,1	27 964,0	33 908,8	32007,2	37 687,8	45 392,3	49 926,1	54 013,6
1	Москва	5260,2	6696,3	8248,7	7127,0	8375,9	9948,8	10 666,8	11 632,5
2	Ханты-Мансийский АО – Югра	1594,1	1728,3	1937,2	1778,6	1971,9	2440,4	2703,5	2789,6
3	Московская область	934,3	1295,6	1645,8	1519,4	1832,9	2176,8	2357,0	2551,2
4	Санкт-Петербург	825,1	1119,7	1431,8	1475,8	1699,5	2091,9	2280,4	2496,5
5	Краснодарский край	484,0	648,2	803,8	861,6	1028,3	1244,7	1459,4	1617,8
6	Свердловская область	653,9	820,8	923,6	825,3	1046,6	1291,0	1484,8	1586,2
7	Татарстан	605,9	757,4	926,1	885,1	1001,6	1305,9	1437,0	1547,1
8	Ямало-Ненецкий АО	546,4	594,7	719,4	649,6	782,2	966,1	1191,2	1373,4
9	Башкортостан	505,2	590,1	743,1	647,9	759,2	941,0	1149,3	1266,9
10	Красноярский край	585,9	734,2	738,0	749,2	1055,5	1170,8	1183,2	1256,6
15	Челябинская область	446,9	575,6	664,5	557,0	652,9	774,4	841,9	879,2
16	Тюменская область (юг)	413,3	435,8	–	442,1	547,1	706,0	730,6	854,7
20	Ленинградская область	265,3	309,0	383,3	430,4	490,3	581,7	672,0	692,7

Источник: Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/.

Текущие социально-экономические преимущества Тюменского региона складываются в течение многих десятилетий. В 1960-х гг. началось освоение территории после первых геологических открытий, а к концу мая 1964 г. первые баржи с нефтью с месторождений Шаима, Усть-Балыка и Мегиона были направлены на Омский нефтеперерабатывающий завод (с 1 июня 2006 г. Омский НПЗ перерегистрирован в Санкт-Петербурге). В 1960–1970-е гг. покорители Тюменского севера проявляли образцы профессиональной и самоотверженной работы, рядовым явлением были трудовые подвиги и комсомольские стройки. За долгий и бурный период

формирования и развития нефтегазового комплекса севера Западной Сибири население Ямало-Ненецкого АО увеличилось в семь раз (с 80 тыс. чел. в 1970 г. до 550 тыс. чел. в 2011 г.), Югры – почти в шесть раз (с 270 тыс. чел. в 1970 г. до 1550 тыс. чел. в 2011 г.). Тот прорыв в индустриализации, который мы сегодня наблюдаем – это следствие постоянных инвестиций в социальную и экономическую сферы Тюменского региона и в его административную инфраструктуру. Тюменский регион с точки зрения использования нефтяной ренты существенно продвинулся еще с 1990-х гг.

Современная концепция «регионального освоения нефтегазовой ренты» была заложена в Указе Президента РСФСР № 122 от 19 сентября 1991 г. «О развитии Тюменской области». Ключевой его момент – право формировать и свободно использовать территориальный фонд товарных и сырьевых ресурсов в объеме 10 % от общего производства нефти и газа и 10 % другой продукции, производимой предприятиями, расположенными на территории области и автономных округов, для обеспечения социально-экономического развития региона. Тем самым тюменская территория попала в привилегированный статус прямых получателей сырьевой ренты, потому что руководству региона доставалась в ведение и свободное использование «десятины» – 10 % любого производства на подведомственной земле.

В начале 1990-х гг. именно это во многом стало сначала спасением для Тюменской области, а затем – ключевыми факторами её конкурентного превосходства над другими регионами России. Указ № 122 проработал недолго, однако его сущностный смысл (принцип необходимости региональной части сырьевой ренты) трансформировался в Закон «О недрах», который был подписан Б.Н. Ельциным 21 февраля 1992 г. В целом налогообложение нефте- и газодобычи в 1990-е гг. в России было довольно путаным и непрозрачным, оно состояло из многих платежей: платы за пользование недрами, которое напрямую администрированию практически не поддавалось, налога на воспроизводство минерально-сырьевой базы, акцизов на сырую нефть. В итоге до 60 % налогов и сборов до 2000 г. оседали в региональных бюджетах. Эти рентные доходы позволяли региону, во-первых, иметь качество жизни выше среднего по стране, а во-вторых, постоянно инвестировать в развитие социальной сферы и инфраструктуру области, выстраивая базу социально-экономической устойчивости.

С 2002 г. был введен единый рентный налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), отменявший ряд прежних платежей, определявшихся законом «О недрах». Региональная доля в распределении нефтяных сборов резко сократилась до 14,4 %. В это время начался взлет углеводородной конъюнктуры, федеральной власти эта ставка показалась очень большой. В результате с 2004 г. по всем типам ресурсов и регионам вводилась новая пропорция распределения рентных платежей: 95 % отводилось федеральной казне,

5 % оставалось на территории. Финансово-экономический кризис, разразившийся к концу 2008 г., заставил федеральное правительство искать новые способы повышения доходности федерального бюджета; в итоге было принято решение, начиная с 2010 г., превратить НДПИ в полностью федеральный налог. К тому моменту свою долю налога имели 32 субъекта РФ, и правительство определило им переходный период. Его стандартная схема такова: в 2010 г. федеральный бюджет компенсирует казне субъекта через субвенции и субсидии 60 % выпадающих из НДПИ доходов, в 2011 г. – 40 %, в 2012 г. – 20 %. Для Тюменской области была разработана специальная схема, поскольку регион зависел от платежей НДПИ более всех, а ежегодные доходы от него к тому моменту составляли более 30 млрд руб. Было принято решение, чтобы для Тюменской области в 2010 г. федеральные дотации покрывали 100 % выпадающих региональных доходов, в 2011 г. – 75 %, в 2012 г. – 50 %, в 2013 г. – 25 %, а с 2014 г. бюджеты субъекта Федерации полностью освободились от рентных платежей с углеводородной добычи. Ввиду того, что весь налог НДПИ стал изыматься в федеральный бюджет, а нефтяным регионам оставили только налог на прибыль, многие субъекты РФ основную прибыль стали выводить либо в офшоры, либо в свои штаб-квартиры. В итоге получилось так, что только сборы налога на доходы физических лиц (НДФЛ) с занятых в обрабатывающей промышленности стали основой доходной части бюджетов субъектов Федерации.

Поиск способов развития экономики и достижение стабильной бюджетной обеспеченности стали основными направлениями деятельности с 2005 г. губернатора Тюменской области В.В. Якушева. В 2006 г. в Тюменской области был учрежден департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства. С точки зрения политико-экономического контекста начался новый процесс – конвертация дипломатически обеспеченных высоких бюджетных доходов в подъем собственного реального сектора экономики Тюменской области. Весь период после 2008 г. в России характеризовался нехваткой инвестиционных ресурсов. Чтобы рецессия не трансформировалась в стагнацию на макро- и мезоуровнях, государству следует добиться, чтобы люди захотели реально инвестировать. Как показывает пример отдельно взятого региона Тюменской

области – это вполне может быть сделано на отдельной территории (табл. 1). Справедливо считается, что Тюменский регион – один из наиболее благоприятный для инвестиций. Чёткий деловой климат, конструктивное отношение власти к инвесторам, как мелким и средним, так и к крупным, желание руководства области искать и находить нестандартные пути создания новых рабочих мест и высокотехнологичных производств – всё это говорит в пользу Тюменского региона. Несмотря на то, что Тюменская область далеко не единственная из тех, которые богаты нефтью и природным газом, что именно здесь сложились предпосылки для формирования институциональной среды, побуждающей инвестировать в основной и человеческий капитал [13, с. 102].

Попробуем проанализировать механизмы реализации новой индустриализации на примере Тюменской области. Например, выступая в прямом эфире ГТРК «Регион-Тюмень» 17 января 2015 г., директор департамента инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства В.М. Шумков отметил, что прошедший 2014 г. был щедрым на инвестиции в Тюменской области [15]. Открыт 21 новый крупный завод: такого не было за предыдущие двадцать лет. Заводы представляют различные направления промышленности: от нефтепереработки, нефтехимии, металлургии, что совершенно ново для экономики Тюменской области, до рыбопереработки и рыбозаготовки, пищевой промышленности, деревообработки, производства строительных материалов. Три из них принято называть промышленными гигантами. Во-первых, летом 2013 г. в Тюмени начат выпуск сортового проката «УГМК-Сталь» – это 21,3 млрд руб. инвестиций и более тысячи новых рабочих мест. Во-вторых, осенью того же 2013 г. в Тобольске открыто новое предприятие СИБУРа «Тобольск-Полимер» – это 62,4 млрд руб. инвестиций и почти пятьсот рабочих мест (в настоящее время СИБУР продолжает развитие Тобольской промышленной площадки: расширяет комплекс широкой фракции легких углеводородов, подключает новый продуктопровод). В-третьих, в начале 2014 г. введен в строй первый пусковой комплекс третьей очереди Антипинского нефтеперерабатывающего завода. Объем инвестиций по третьей очереди 56,9 млрд руб. (140 млрд руб. по проекту целиком), число новых рабочих мест по проекту целиком – 2,6 тыс. И ещё 18 заводов по-

меньше, объем инвестиций в которые составляет от 300 млн до 4 млрд руб. В числе недавних, например, запуск цеха металлоконструкций и цеха железобетонных и арматурных изделий ОАО «Мостострой-11».

Каковы инструменты, применяемые в регионе? Руководство области субсидирует кредитную ставку для бизнеса ещё с 2006 г., причем до 2009 г. под эту программу попадали практически все предпринимательские кредиты. С наступлением финансово-экономического кризисом 2009 г. для бизнеса пришлось ужесточить условия, стали финансировать ставку только по кредитам на строительство новых производственных зданий, на приобретение оборудования. Второй инструмент помощи инвесторам – лизинг, с 2010 г. в Тюменской области стали полностью возвращать первый взнос по договору лизинга оборудования и спецтехники в объеме до половины стоимости самого оборудования без учета НДС. Инвестиционное агентство, работающее под эгидой правительства Тюменской области, с 2014 г. запустило новый продукт – инвестиционные займы для малого и среднего предпринимательства в сфере производства. Если инвестор строит небольшой завод или фабрику, он может получить прямое финансирование до 50 млн руб. под 7 % годовых до пяти лет. Налоговые льготы – это важный инструмент помощи инвесторам, хотя в их эффективности нынче многие сомневаются. В регионе признают, что налоговые льготы не в последнюю очередь играющие психологическую роль: инвестор точно знает, что его в этом регионе ждут и поддержат. Для оптимизации получения налоговых льгот предусмотрена льгота инвестору, вкладывающему в экономику региона более 300 млн руб., с 1 января 2015 г. он освобождается от налога на имущество продолжительностью до трех лет.

Новые административные технологии с целью максимально эффективно воздействовать на инвестиционные процессы – основа механизмов инвестиционного прорыва. На региональном совете по улучшению инвестиционного климата, состоявшемся в 2013 г., все стороны-участники подписали соглашение, обязавшись неуклонно исполнять конкретные меры, способствующие тому, чтобы упростить и ускорить выполнение процедур, находящихся в их компетенции, по всем инвестиционным проектам, внесенным в реестр Тюменской области. Этот реестр является неотъемлемой частью инвестиционного согла-

шения. Выделены уровни сопровождения инвестиционных проектов: проекты стоимостью свыше 300 млн руб. сопровождает региональное правительство; проекты малого и среднего бизнеса стоимостью ниже 300 млн руб. – фонд «Инвестиционное агентство Тюменской области». Процедура сопровождения включает в себя не только консультации, но и реальную помощь в решении комплекса вопросов, связанных с получением и оформлением земельных участков, технологическими подключениями, получением разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию. Решаются и иные вопросы инвесторов, возникающие в процессе реализации проекта [15]. На июль 2015 г. в реестре уже более 330 проектов с общим объемом инвестиций более 1 трлн 300 млрд руб., создающих почти 34 000 рабочих мест, и это только в реальном секторе экономики.

В заключение подчеркнем, что если исходить из антропосоциетальной парадигмы, изложенной членом корреспондентом РАН, доктором философских наук Н.И. Лапиным, то нужно обратить внимание на наличие таких фундаментальных компонент в структуре модернизационных процессов российского общества в целом и Тюменской области в частности, как технико-технологическая (например, процессы деиндустриализации 1990-х гг.), социоэкономическая (исследователи отмечают позитивную динамику 2000-х гг.), социокультурная и институционально-регулятивную [16]. На наш взгляд, в социально-экономическом развитии Тюменского региона конструктивно сочетаются все четыре фундаментальные компоненты. При этом институционально-регулятивная компонента становится приоритетной, управленческая деятельность руководства Тюменской области не только осуществляет реальную поддержку ключевых видов инвестиционной промышленной деятельности, в итоге интегрируя их в качественную совокупную промышленную политику, вместе с тем фактически формулирует и реализует базовые цели и инструменты. Это одновременно и сила, и слабость проводимой политики. Сила политики проявляется в краткосрочной перспективе, и, вероятно, в текущей ситуации это единственный реальный путь. Однако в долгосрочной перспективе все не так радужно, ибо система работает только в «ручном режиме». Практически нет механизмов, стимулирующих инвестирование в инновационные производства, нет или недостаточно

отработаны инструменты отсева неэффективных производств, система запуска новых проектов требует обязательного вмешательства региональных элит. В итоге некоторые из вводимых так называемых новых производств морально устарели уже на момент пуска. Яркий пример тому – Антипинский НПЗ, технологически устаревший с точки зрения энергоэффективности, экологической безопасности, логистики [17]. В планах завода предусматривается выпуск топлива ЕВРО-5, но только после пуска 3-й очереди (<http://www.annpz.ru/compane.html>).

В Тюменской области новая индустриализация имеет триединую основу. Прежде всего – запуск новых крупных для региона предприятий в отраслях региональной экономики. Второй аспект – управление мультипликативным эффектом от запуска новых производств, т. е. встраивание в процесс развития отраслей, производных от роста промышленности: строительства, объектов инфраструктуры, малого и среднего бизнеса, развивающегося вокруг крупных промышленных предприятий и среды обитания населения, жителей региона. Речь идет о подрядчиках, сфере торговли и услуг. Третье направление – это создание экономически обоснованного сельского хозяйства, базирующегося на частной инициативе, в том числе отказ от привычки хозяйствующих элит рассматривать его как преимущественно дотационную отрасль [14, с. 74–97].

Представление стратегии развития в формате синхронно реализуемого портфеля инвестиционных проектов ставит во главу угла задачу привлечения инвестиций для их реализации. В первую очередь важны промышленные и инжиниринговые инвесторы – это носители новых производственных компетенций. Для отладки инвестиционного процесса механизм работы с ними должен быть поставлен на поток и работать без сбоев по всей цепочке: от переговоров о строительстве завода до его ввода в эксплуатацию, причём на всех уровнях: от регионального, с привлечением федеральных структур, до муниципального, где и строится предприятие. Масштабное строительство новых предприятий – это сложный и длительный многоступенчатый процесс, предполагающий вовлечение в него самых разных заинтересованных сторон, групп региональных элит. Исполнительная власть: привлечение инвесторов, обеспечение их входа в регион, координация усилий остальных групп элит для реализации инвести-

ционных проектов. Законодательная власть: поддержка процесса реиндустриализации. Муниципальные власти: поддержка проекта на местах. Федеральные и региональные надзорные органы: своевременная выдача согласовательной и разрешительной документации. Бизнес-сообщество: реализация инвестиционных проектов и управление предприятиями новой экономики. Общественные организации: оценка проектов реиндустриализации с точки зрения повышения качества жизни людей и их принятие (или отклонение) местными сообществами. Это позволяет предположить, что если эти задачи в регионе не решены, то они являются тормозом регионального экономического развития, а если решены – тем импульсом регионального экономического развития, который ориентирован на возрастающую отдачу от вложений [18].

Выводы. В Тюменской области выбрана модель развития новой индустрии, основанная на генерации добавленной стоимости. Региональные власти пытаются выстроить региональную экономику, стремятся, чтобы регион самостоятельно зарабатывал и тратил в основном на обеспечение качества жизни людей. Важный нюанс: наблюдается рост показателей социального самочувствия весь период после 2006 г. В текущем 2015 г. Тюменская область остается регионом, практически не имеющим долги перед федеральным бюджетом [19]. Регион сделал ставку на реиндустриализацию и диверсификацию экономики с моделью развития, базирующейся на переработке продуктов нефтегазовой отрасли промышленного производства. Ключевое значение с позиций институтов в обществе имеет то, что они определяют поведенческие паттерны. В Тюменской области распространена структура экономического поведения элит, когда преобладает инструментальное поведение над церемониальным. Церемониальные ценности заключаются в предпочтении обладания властью и высоким социальным статусом, тогда как во многом противоположные им инструментальные ценности заключаются в предпочтении экономической и технической эффективности. Как видно из практических примеров, региональная элита ориентирована более на инструментальное экономическое поведение, чем на церемониальное.

1. *Дмитриенко Д.* Путин провозгласил курс на новую индустриализацию // Ведомости. – 2011. – 11 мая.

2. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / под ред. С. Д. Валентея. – М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. – Вып. 2. – 72 с.

3. *Вольчик В. В., Кот В. В.* Институциональные изменения в периферийных регионах: роль гражданских институтов // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 12–35.

4. *Флигстин Н.* Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI в. / пер. с англ. А. А. Куракина; под науч. ред. В. В. Радаева. – М. : Издат. дом НИУ Высшая школа экономики, 2013. – 392 с.

5. *Бьюкенен Дж. М.* Сочинения: пер. с англ. / Фонд экономической инициативы; гл. ред. кол.: Нуреев Р. М. и др. – М. : Таурус Альфа, 1997. – Т. 1. – 560 с.

6. *Артур Б.* Возрастающая отдача и два мира бизнеса // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т. 3. – № 4. – С. 7–19.

7. *Baker W. E.* The Social Structure of a National Securities Market // American Journal of Sociology. – 1984. – Vol. 89. – № 4. – P. 775–811.

8. *Biggart N.* Charismatic Capitalism: Direct Selling Organizations in America. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1998.

9. *Fligstein N.* The Transformation of Corporate Control. – Cambridge : Harvard University Press, 1990.

10. *Powell W., DiMaggio P.* (eds.). The New Institutionalism in Organizational Analysis. – Chicago : University of Chicago Press, 1991.

11. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. – М., 1995. – 344 с.

12. *Радаев В. В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология: электронный журнал. – 2001. – Т. 2. – № 3. – С. 5–26.

13. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области : коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015. – 358 с.

14. Управление инновационным развитием региона: коллективная монография / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина, Д. Ф. Скрипнюк и др. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2013. – 436 с.

15. Шумков В. М. Административные технологии сопровождения инвесторов в Тюменской области // *Налоги, инвестиции, капитал*. – 2015. – № 1(100). – С. 64–66.

16. Лапин Н. И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // *Социологические исследования*. – 2015. – № 1. – С. 5–10.

17. АК «Транснефть» «Влияние НПЗ с низкой глубиной переработки...» – URL : <http://www.transport-nefti.com/expert-board/transcripts/1511/> (дата обращения: 10.07.2015).

18. Регионы сидят на «диете», пока государство кормит «жирных котов». – URL : <http://www.nakanune.ru/articles/110064#sthash.qjLDELXu.dpuf><http://www.nakanune.ru/articles/110064> (дата обращения: 12.02.2015).

19. Валютные долги регионов пересчитают по докризисному курсу. – URL : <http://www.top.rbc.ru/economics/13/07/2015/55a3d65a9a794765e8811be5> (дата обращения: 13.07.2015).

**ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ТАТАРСТАНА:
ОТ СУВЕРЕНИТЕТА К УНИВЕРСИАДЕ И ИННОПОЛИСУ (1990–2015)**

**MAIN MILESTONES OF SOCIOCULTURAL EVOLUTION OF TATARSTAN:
FROM THE SOVEREIGNTY TO UNIVERSIADE AND INNOPOLIS (1990–2015)**

С.А. Сергеев

S.A. Sergeev

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
Kazan National Research Technological University*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Республика Татарстан как один из регионов Российской Федерации на протяжении последней четверти века (1990–2015 гг.) проделала значительную эволюцию: от политики суверенитета 1990-х гг., вызывавшей определенные трения в отношении с федеральным центром, региональная политическая элита в 2000–2010-е гг. перешла к намного менее идеологизированной и конфронтационной политике, которую можно, перефразируя известное изречение, образно назвать политикой «инноваций и зрелищ». Побудительные стимулы к развитию исходили как извне республики, так и изнутри нее. Побудительным стимулом извне стало давление федерального центра, вынуждавшего руководство республики отказываться от политических амбиций, которые выражались в 1990-е гг. в требовании суверенитета республики. Внутренний стимул – стремление региональной элиты Татарстана к лидерству, к тому, чтобы республика «всегда была среди первых», к сохранению и приумножению достигнутого уровня жизни в республике. В совокупности эти стимулы породили политику «инноваций и зрелищ»: проводятся, с одной стороны, масштабные зрелищные мероприятия, которые повышают известность республики, как празднование 1000-летия Казани в 2005 г. и проведение Универсиады в 2013 г., с другой – разворачиваются такие масштабные инновационные проекты, как строительство «города будущего» Иннополиса в 2013–2015 гг. Инновационный тренд был закреплён в программе стратегического развития «Татарстан – 2030», принятой в 2015 г. В то же время эти проекты в значительной мере зависят от финансовой поддержки федерального центра.

The Republic of Tatarstan as one of regions of the Russian Federation for the last quarter of the century (1990–2015) made a considerable evolution: from the policy of the sovereignty of the 1990th causing certain friction in the relations with the federal center, the regional political elite in the 2000–2010th preferred much more less ideologized and confrontational policy, which we can name the policy of «innovations and shows». Incentive to development proceeded both from the outside of the republic, and from within it. Pressure of the federal center compelling the regional leaders to refuse political ambitions which were expressed in the 1990th in the requirement of the sovereignty of the republic became incentive from the outside. Internal incentive is the aspiration of regional elite of Tatarstan to leadership, to that the republic «always was among the first», to preservation and enhancement of the reached standard of living in the republic. In total these incentives generated policy of «innovations and shows»: on the one hand, large-scale spectacular actions as celebration of the 1000 anniversary of Kazan in 2005 and carrying out Universiade in 2013 which increase popularity of the republic are carried out, with another – such large-scale innovative projects as construction of «the city of the future» Innopolis in 2013–2015 are developed. The innovative trend was fixed in the program of strategic development «Tatarstan – 2030», accepted in 2015. At the same time these projects considerably depend on financial support of the federal center.

Ключевые слова: Республика Татарстан, суверенитет, инновации.

Key words: Republic Tatarstan, sovereignty, innovations.

Введение. Социокультурное развитие, как и другие социальные процессы, – процесс одновременно и стихийный и управляемый. Социокультурная эволюция общества может происходить как стихийно, как сумма усилий индивидов и групп, выбравших определенный образ жизни и стремящихся ему следовать, так и в результате целенаправленных действий, предпринимаемых государственной властью.

Социокультурную эволюцию государства или региона можно проследить по сме-

няющим друг друга кратким определениям, характеризующим суть изменений, происходящих в тот или иной период. Они могут быть даны государственной властью, а могут быть плодом творчества независимых интеллектуалов или общества. Определения эти могут носить политико-экономический характер («новая экономическая политика», «ускорение»), принимать вид литературной метафоры («оттепель») и т. п. При этом необходимо осознавать, что эти краткие определения содержат в себе больше, чем кажется

на первый взгляд, не ограничиваясь непосредственно присутствующими в названии экономическим, политическим или культурным аспектами, но охватывая все из них. Нэп затронул все стороны жизни СССР 1920-х гг., а не только экономику, как и «оттепель» – не только культуру.

Обзор литературы. Общие принципы социокультурного похода к общественному развитию были заложены П. Сорокиным [1] и М. Вебером [2]; в дальнейшем они были развиты Н. Лапиным, предложившем оригинальный антропосоциетальный подход, применяемый в дальнейшем к исследованию развития российских регионов [3]. Среди авторов, изучавших взаимосвязь политики и культуры в российских регионах, следует назвать С. Рыженкова, Г. Михалева (Люхтерхандт) [4], Р. Туровского [5].

Социокультурное развитие Республики Татарстан (далее РТ) в 1990-е гг. анализировалось в работах С.А. Сергеева и З.Х. Сергеевой [6], В.А. Беляева [7]. Итоги социокультурного развития Татарстана в 1990–2000-е гг., в том числе тренд на инновационное развитие и модернизацию, особенности региональной элиты Татарстана, охарактеризованы в работах А.Л. Салагаева, С.А. Сергеева, Л.В. Лучшевой [8–10].

Гипотезы и методы исследования. Что было основной движущей силой социокультурной эволюции Республики Татарстан в 1990–2000-е гг.? По нашему предположению, стимулы к развитию исходили как извне республики, так и изнутри нее. Стимулом извне стало давление федерального центра, вынуждавшего руководство республики отказываться от политических амбиций, которые выражались в 1990-е гг. в требовании суверенитета республики. Внутренним стимулом стало стремление региональной элиты Татарстана к лидерству, к тому, чтобы республика «всегда была среди первых», к сохранению и приумножению достигнутого уровня жизни в республике. В совокупности эти стимулы породили политику «инноваций и зрелищ»: в республике проводятся, с одной стороны, масштабные зрелищные мероприятия, которые повышают ее известность, с другой – разворачиваются масштабные инновационные проекты.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данное предположение, нами был проанализирован ряд текстовых сообщений печатных и электронных СМИ, стратегическая программа развития «Татарстан-2030» [11], про-

ведено 25 экспертных интервью (подробнее см. [12]), а также использованы результаты двух опросов общественного мнения, проведенных в 2013 и 2014 г. Центром перспективных экономических исследований (ЦПЭИ) Республики Татарстан и социологами Казанского федерального университета (в ноябре-декабре 2013 г. и в декабре 2014 г. было опрошено соответственно 1200 и 1150 жителей республики) [13].

Результаты исследования. 30 августа 1990 г. Верховный Совет Республики Татарстан принял Декларацию о государственном суверенитете. Бывшие автономии, провозглашая суверенитет, с ведома и поощрения союзного центра открывали «второй фронт» против тогдашнего руководства России во главе с Б. Ельциным. Примечательно, что в Декларации о государственном суверенитете не указывалась субъектность Татарстана: является ли республика субъектом РСФСР и СССР или входит напрямую в СССР. Провозглашение суверенитета стимулировало рост сепаратизма и открыло череду конфликтов 1991–1993 гг.

Республиканское руководство сорвало в 1991 г. референдум по вопросу о введении поста президента России и выборы российского президента 12 июня 1991 г. Поддержка республиканским руководством ГКЧП и угроза ареста побудили региональную элиту имитировать угрозу этнического конфликта, разыграв, как тогда говорили, «национальную карту» [14, с. 309]. После некоторой нормализации обстановки был проведен референдум по вопросу о статусе республики.

Референдум 21 марта 1992 г. имел запутанную формулировку, включавшую, помимо прочего, упоминание о международной правосубъектности республики (при этом Верховный Совет Республики Татарстан дал разъяснение, что данный вопрос не подразумевает выход из России). С этой формулировкой согласилось 61,4 % принявших участие в голосовании и 50,2 % от имевших право голоса. Ситуацию можно было назвать патовой: федеральный центр не мог восстановить контроль над республикой без применения силы, но и региональная элита столкнулась с существенной оппозицией своим планам.

Длительные переговоры делегаций Татарстана и России завершились компромиссом: в феврале 1994 г. был подписан «Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий меж-

ду органами государственной власти РФ и Республики Татарстан». Компромисс основывался на фактическом разделе сфер влияния: руководство Татарстана признавало вхождение Татарстана в Российскую Федерацию, но на особых условиях. Татарстан перечислял федеральному центру налоги (в меньших пропорциях, чем другие регионы), проводил на своей территории общефедеральные выборы, но возможности вмешательства федерального центра во внутреннюю жизнь республики были минимальны. Так, местное самоуправление на уровне городов и районов Татарстана было введено в полном объеме лишь в 2005 г. (до этого оно существовало лишь на уровне сел и деревень, а на уровне городов и районов действовали местные органы государственной власти).

Социокультурная ситуация в Татарстане 1990-х гг. характеризовалась следующими чертами: введение паритетного двуязычия в учреждениях образования (преподавание русского и татарского языков в одинаковых объемах [8, с. 180–194]), преобладание этнических татар в исполнительной власти [8, с. 48–78], резкая диспропорция в количестве православных и мусульманских религиозных организаций [8, с. 195]. На знаково-символическом уровне отмечалось доминирование республиканской символики (красно-бело-зеленый флаг Татарстана в 1990-е гг. встречался куда чаще российского триколора), старательное подчеркивание особенности республики и ее отличия от «остальной России».

Начиная с лета 2000 г., когда Конституционный Суд РФ признал неконституционным положение о суверенитете республик в составе России, ситуация стала меняться. Впрочем, изменения были постепенны, и реакция региональной элиты на эти изменения была далеко не доброжелательной. Сопротивление оказывалось и открытию в Татарстане отделения федерального казначейства, и вручению российских паспортов нового образца [14, с. 321–322]. А принятие новой редакции Конституции Татарстана состоялось лишь в 2002 г.

Политика суверенитета уходила в прошлое. На смену ей в Татарстане шла политика зрелищ. Ее основными чертами были деидеологизированность, развлекательность и консьюмеризм. «Развлекайтесь и забудьте о политике», – такой мессидж посылала региональная элита массам, и массы охотно его приняли. Политика зрелищ способствовала решению одновременно нескольких задач.

Лозунг суверенитета республики имплицитно подразумевал политическую мобилизацию как сторонников суверенитета, так и противников (что наблюдалось в 1991–1993 гг.). Но политическая активность масс была совсем ни к чему региональной элите, наоборот, она всячески убеждала федеральный центр, что ситуация в республике полностью под ее контролем. Для электорального авторитаризма, допускающего выборы (с неизменным результатом в пользу «партии власти»), любой политический активизм потенциально опасен. Во-вторых, посткоммунистические авторитарные режимы, вероятно, по инерции, считают необходимым «указывать путь», давать обществу определенные идейно-мировоззренческие установки. Лозунг суверенитета нужно было чем-то заменить, иначе возникал идеологический вакуум. В-третьих, политика зрелищ дает хороший предлог просить федеральный центр о субсидиях. И, в-четвертых, подобная политика, если праздники и соревнования имеют международный характер, позволяет повысить узнаваемость региона, улучшить его репутацию.

Первой крупной вехой в реализации Татарстаном политики зрелищ стало празднование летом 2005 г. тысячелетия Казани. Оно включало в себя ряд событий, растянувшихся почти на два с половиной месяца: открытие мечети Кул Шариф в казанском Кремле, возвращение в Казань списка Казанской иконы Божьей матери, проведение саммита глав СНГ и Госсовета РФ, открытие казанского метро и др.

В целом опыт празднования казанского миллениума для его организаторов можно признать удачным, несмотря на то, что одним из побочных эффектов празднования стало появление у Казани муниципального долга [15], а общие затраты составили около 90 млрд руб., в том числе 12 млрд руб. из федерального и 38,6 млрд руб. из регионального бюджета. Кроме того, спешная реконструкция исторического центра Казани привела к тому, что этот центр оказался в значительной мере уничтожен [16].

Команда нового мэра Казани, пришедшая к власти в конце 2005 – начале 2006 гг., поставила амбициозную цель – добиться проведения в Казани Универсиады (разумеется, без поддержки руководства республики и России это было невозможно). Кроме соображений престижа, продолжать «политику зрелищ» заставлял вполне прагматичный мотив – городу были необходимы сред-

ства на развитие. После того как Международная федерация студенческого спорта в 2008 г. приняла решение о проведении в Казани летней Универсиады 2013 г., в строительство спортивных сооружений и инфраструктуру города было вложено 228 млрд. руб. [17] Неудивительно, что кредитные рейтинги региона из-за высокого уровня закредитованности снизились. Но президент Республики Татарстан Р. Минниханов заявил, что не видит в этом ничего страшного: «Я по этому поводу вообще не переживаю... Рейтинг доверия населения для меня важнее, чем рейтинг закредитованности» [18]. Он также заметил, что Казань за время подготовки к играм преобразилась: без поддержки федерального центра на столь масштабную модернизацию всего города потребовалось бы не менее 15 лет [19]. Впрочем, как только активная фаза строительства закончилась, рейтинги пошли вверх. Впечатляющим шоу в день открытия и итогом соревнований также осталось, по-видимому, довольно и российское руководство. Политика зрелищ продолжается: летом 2015 г. в Казани проведен чемпионат мира по водным видам спорта, а в 2018 г. Казань, вероятно, станет одним из городов, где пройдут матчи чемпионата мира по футболу.

Но, вероятно, уже в ходе подготовки к Универсиаде руководство Татарстана стало понимать ограниченность и односторонность ставки исключительно на спортивные зрелища. После того, как президентом Республики Татарстан в начале 2010 г. стал Р. Минниханов, предпринимаются попытки позиционировать Татарстан не только как спортивный, но и как инновационный регион. С 2010 г. начинается проработка создания в Татарстане ИТ-деревни – места, где могли бы жить, работать и отдыхать российские и зарубежные ИТ-специалисты. В конце 2011 г. проект получил название «Иннополис», 9 июня 2012 г. президент Д. Медведев дал ему старт, приняв участие в закладке капсулы с посланием будущим жителям, а 9 июня 2015 г. премьер-министр Д. Медведев официально открыл новый город [20]. Первая очередь Иннополиса рассчитана для жизни и работы 5 тыс. человек. Планируется, что через 15 лет его будут населять около 150 тысяч человек: ИТ-специалисты, их семьи, студенты и преподаватели ИТ-университета, обслуживающий персонал.

Интересно, что согласно данным опроса, проведенного Центром перспективных экономических исследований (ЦПЭИ) и социоло-

логами Казанского федерального университета, жители республики примерно в равной степени поддерживают инновационные и спортивные амбиции республики: слоган «Татарстан – инновационный центр России» в 2014 г. поддержали 20,9 % опрошенных, а слоган «Татарстан – спортивный центр России» – 18,1 %. Возможно, причина этого в интенсивности пропаганды того или иного лозунга: в 2013 г. (год Универсиады) в пользу «инновационного центра» высказались 14,7 % респондентов, а в пользу «спортивного центра» – 25,8 % опрошенных. При этом в 2013 г. лидировал слоган «Татарстан – спортивный центр России», а в 2014 г. на первое место неожиданно вышел слоган «Татарстан – молодежный центр России» (26,6 %) [13]. Какое содержание вкладывается в понятие «молодежный центр», не совсем понятно, но, скорее всего, оно ближе к «политике зрелищ», чем к инновационной политике.

В конце 2014 – начале 2015 гг. общественности республики была представлена Стратегическая программа развития республики «Татарстан-2030» (далее – Стратегия) [11], разработанная консорциумом из 9 научно-исследовательских организаций во главе с Леонтьевским центром. После обсуждения она 10 июня 2015 г. была утверждена Госсоветом Республики Татарстан.

Если характеризовать Стратегию в целом, то она, скорее, поддерживает инновационный тренд развития, нежели «политику зрелищ». В то же время для нее характерно стремление охватить все направления экономического развития: от авиастроения до сельского хозяйства. Другой ее недостаток – это wishful thinking, принятие желаемого за действительное. Так, говоря о развитии человеческого капитала (раздел 3.1), авторы справедливо утверждают, что в ближайшие 10–15 лет численность родившихся в республике будет сокращаться [15, с. 62]. Но буквально тут же говорится о дальнейшем росте показателей рождаемости! [15, с. 64]. Справедливости ради следует сказать, что в окончательном варианте Стратегии авторы (вероятно, учтя критику в свой адрес) несколько снизили прогнозные показатели рождаемости с 1,96 – 2,05 к 2030 г. до 1,838 [15, с. 64]. Но эта цифра столь же малореалистична.

Авторы Стратегии также не смогли или не захотели рассматривать вопрос о политическом развитии республики. Конечно, можно представить – и не только теоретически –

длительное успешное экономическое развитие в условиях электорального авторитаризма (не случайно лидерам Татарстана так интересен опыт Сингапура). Но повторение сингапурского опыта на Средней Волге, мягко говоря, маловероятно.

Выводы. Траектория социокультурного развития Татарстана в течение 1990–2015 гг. претерпела значительные изменения. В 1990-е гг. проводилась политика суверенитета. Но претензии Республики Татарстан на «особость» обернулись обособленностью. Испытывая, с одной стороны, давление федерального центра, а с другой – пытаясь реализовать возросшие амбиции, региональная политическая элита в 2000–2010-е гг. перешла к политике «инноваций и зрелищ». Проведение ее помогает решить одновременно несколько задач: повышение известности Республики Татарстан в России и в мире, снижение политической активности (политическая демобилизация) населения и др. Однако зиждется она на основе, которую трудно назвать прочной, – финансовая поддержка федерального центра.

1. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, – 543 с.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. *Латин Н. И.* Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX. – № 3. – С. 25–42.
4. Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (при участии А. Кузьмина). – М.; СПб.: ИГПИ: Летний сад, 2001. – 267 с.
5. *Туровский Р.* Центр и регионы, Проблемы политических отношений. – 2-е изд. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 399 с.
6. *Сергеев С. А., Сергеева З. Х.* Этнокультурная политика и этнический национализм в Татарстане // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. – Казань: Терра-консалтинг, 1999. – С. 187–198.
7. *Беляев В. А.* Менталитет жителей Татарстана // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 2. – С. 33–45.

8. *Салагаев А. Л., Сергеев С. А., Лучишева Л. В.* Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. – Казань: КНИТУ, 2011. – 252 с.

9. *Салагаев А. Л., Сергеев С. А., Лучишева Л. В.* Республика Татарстан: социокультурный портрет в динамике развития // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 325–333.

10. *Салагаев А. Л., Сергеев С. А.* Региональная элита Республики Татарстан: структура и эволюция // Политика. – 2013. – № 2. – С. 74–85.

11. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. – URL : <http://www.tatarstan2030.ru/content1> (дата обращения: 25.11.2014).

12. *Салагаев А. Л., Сергеев С. А., Лучишева Л. В.* Противоречия и конфликты инновационного развития Республики Татарстан // Конфликтология. – 2011. – № 1. – С. 81–95.

13. *Ермолаева П., Носкова Е., Шакирова А.* Татарстанцы поверили в инновации больше, чем в спорт? – URL : <http://www.business-gazeta.ru/article/128686/> (дата обращения: 25.11.2014).

14. *Сергеев С. А.* Политическая оппозиция в современной России: федеральный и региональный аспекты. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 464 с.

15. *Метшин И.* Казань – третья столица. И точка. – URL : <http://www.metshin.ru/interview/o32> (дата обращения: 25.11.2014).

16. *Сергеев С. А., Сергеева З. Х.* Казань: культурные символы и «гений места» // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 24. – С. 166–170.

17. Со студенческим размахом // Коммерсантъ-Власть. – 2013. – № 26. – 8 июля.

18. *Минниханов Р.* Мы же не проели эти деньги // Коммерсантъ-Власть. – 2013. – № 26. – 8 июля.

19. Дмитрий Медведев и Рустам Минниханов подвели итоги Универсиады. – URL : <http://www.business-gazeta.ru/article/84196> (дата обращения: 25.11.2014).

20. *Платонов О., Вильданова Э.* Дмитрий Медведев: «В Иннополисе – вся идея, чем мы занимались несколько лет!». – URL : <http://www.business-gazeta.ru/article/134265> (дата обращения: 25.11.2014).

СООТНОШЕНИЕ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

RATIO OF THE CENTER AND THE PERIPHERY IN PROVINCIAL IDENTIT

Н.А. Галактионова

N.A. Galaktionova

Тюменский государственный институт культуры
Tyumen State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Рассматриваются характерные для российской провинции стратегии преодоления и усвоения столичного. Автор рассматривает различные варианты преодоления периферийного сознания в провинциальной идентичности. В статье анализируется бинарная оппозиция центра и периферии и ее отражение в конкуренции столицы и провинции. Автор считает, что для России характерна сакрализация столицы. В центре аккумулируются основные ценности, идет апробация новых технологий, которые затем распространяются на периферийные районы. В провинции реализуется модель борьбы со столицей, или модель формирования собственной столичности. Собственная столичность является результатом «комплекса неполноценности» провинции. В статье приводятся примеры претензий на центральность в нескольких российских регионах, например в Санкт-Петербурге, Ростове, Краснодаре, Екатеринбурге, Тюмени, Кургане, Чите, Хабаровске, Владивостоке и даже в городе Луховицы, население которого менее 30 тысяч человек. Модели региональных брендов строятся по столичному образцу. Объективные территориальные различия препятствуют политике унификации культурных ценностей. Укрепление связи с местом – территорией – важная задача регионального брендинга, необходимый ресурс регионального патриотизма. Провинция подражает столице. Копирование не является отрицательным явлением, поскольку создает устойчивость. Тиражирование важно для формирования культурной идентичности обширных территорий с полиэтничным, поликонфессиональным составом. Единый культурный код создается многократным повторением. Образец создается и получает одобрение в центре, затем посредством специальных процедур либо подражательных конструкций распространяется экстритерриториально.

In the article the characteristic of Russian province strategies of capital (metropolitan) matters overcoming and mastering are regarded. The author examines various options for overcoming the peripheral consciousness in provincial identity. In the article the binary opposition of center and periphery, and its reflection in the competition of the capital and the provinces are analyzed. The author supposes that Russian capital is characteristic of sacralization. In the center the core values are accumulated, new technologies are testing, which are then distributed to the peripheral areas. In the province the model of struggle against capital, or private model of a capital is implemented. Own capitalness is the result of "inferiority complex" of province. The article gives examples of claims to be central of several Russian regions, for example – St. Petersburg, Rostov, Krasnodar, Yekaterinburg, Tyumen, Kurgan, Chita, Khabarovsk, Vladivostok, and even in the city of Lukhovitsy, which has population of less than 30 thousand people. Models of regional brands are built on the model of the capital. Objective territorial differences hinder the unification policy of cultural values. Strengthening ties with the place – the territory – is an important task of the regional branding, a necessary resource of regional patriotism. The province imitates the capital. Replication is not a negative phenomenon because it creates stability. Duplication is important for the formation of the cultural identity of vast territories with a multiethnic, multireligious content. The united cultural code is created by means of multiple repetition. The sample is created and approved in the center, and then, by means of special procedures or imitative constructions is spread extraterritorially.

Ключевые слова: идентичность, центр, периферия, столица, провинция.

Key words: identity, center, periphery, capital, province.

Введение. Пространственные метафоры и образы – наиболее распространенные концептуальные единицы в различных социальных теориях. Актуальна в современных научных теориях бинарная оппозиция центра и периферии, через призму которой объясняется неравносность развития территорий, с одной стороны, и различные механизмы формирования территориальной самости – с другой.

Обзор литературы. Дихотомия «центр/периферия» используется в науке применительно к центральной системе ценностей

(Э. Шилз), объективирует модель мировой организации экономики через призму сосредоточения ресурсов (А.Г. Франк) [1], частотна для описания региональных различий в пределах одной страны (В.В. Алексеев). Истоки бинарной оппозиции центра и периферии и, как ее следствие, противостояние столичности и провинциальности заложены в идее территориальной экспансии, выдвинутой А. Тойнби, который связывает уровень цивилизационного развития и степень территориальной оседлости. Тойнби ут-

верждает, что высокий уровень культуры / цивилизации вызывает ослабление географической привязанности. Идеи Тойнби находят отражение в теоретических воззрениях цивилизационного толка (У. МакНейл) [2]. Дж. Фридман в рамках экономической географии исследовал модель «центр-периферия» как основную модель взаимодействия центральных и периферийных районов [3]. В работе Фридмана аккумулированы основные воззрения на взаимоотношения центра и периферии: это осознание центра как небольшого в территориальном смысле образования, в котором, однако, объединены передовые технологические и социальные достижения. Этот небольшой, но ресурсоемкий центр противопоставляется необъятной периферии, которая характеризуется как разной степени отдаленные и слаборазвитые территории с замедленной модернизацией. Периферия по отношению к центру – источник ресурсов и потребитель инноваций. Фридман также говорит о промежуточном звене в бинарной оппозиции центра – периферии, так называемой полупериферии. К полупериферии принято относить преимущественно бывшие центральные районы с устаревающей технологической базой, либо близко расположенные к центру периферийные районы, наиболее эффективно взаимодействующие с центром в силу географического положения. Оппозиция «центр – периферия» наглядно проявляется в крупных территориальных индустриальных и постиндустриальных образованиях. Г. Вернадский сравнивал освоение окраин с расходящимися кругами застывшего «социального времени», являвшимися отзвуками того, «что прежде жило в центре, но что там давно уже умерло». Допущение Вернадского, таким образом, верифицируют представления о различиях между центром и периферией как о дистанции между прогрессом и отсталостью [4, с. 18]. В центре (столице) аккумулируются ценности и мнения, которые лежат в основе формирования общественной святыни [5, с. 348–359]. На центр возлагается символическая функция формирования коллективных идентичностей через приобщение к общему социальному, культурному и политическому порядку и к участию в этом порядке [6]. Понятие периферии «монтируется» с понятием провинции. А.С. Макарычев предложил несколько вариантов реализации феномена периферии: собственно периферия, пограничность (рубежность), «альтернативная центральность», «двойная

периферия», «полупериферия», «полипериферия» [7]. В случае периферии речь идет об осмыслении уникальности как противовеса столичности; рубежность реализуется на стыке конкурирующих центров; модель «альтернативной центральности» закрепляет как основную константу собственную вторичность; в случае двойной периферии актуализируется модель связующего звена между конкурирующими центрами, при этом двойная периферия локально находится на периферии того и другого; полупериферия – модель существования цепи промежуточных точек-буферов между центрами; полипериферия реализует множественную идентичность, соотнося себя сразу с несколькими центрами.

Гипотезы исследования. Основной гипотезой настоящей статьи является допущение о том, что для российской практики характерна сакрализация центра (столицы). По отношению к центру в периферийных районах реализуются несколько тенденций, которые мы условно называем стратегией «преодоления» столичности и стратегией «усвоения» столичности. Для той и другой стратегии характерны различные социальные практики, проявляющиеся в отношении к столичному образцу и в формировании собственной идентичности.

Результаты исследования. В российской истории сакрализация центра прослеживается на протяжении нескольких веков. В разные периоды она фокусировалась вокруг разных центров, что, несомненно, нашло отражение в языковом коде и фольклорном наследии нации: «Язык до Киева доведет», «Москва слезам не верит» и т. д. Ценность столицы в общественном сознании с особой интенсивностью проявляется в период общенациональных катастроф, войн, других общественных потрясений. Популярный и тиражируемый символ, укорененный в письменно-литературной и фольклорной традиции России, это восприятие столицы государства как «наше все»: «Ребята, не Москва ль за нами!», «Отступать некуда – позади Москва!» и т. д. Ценность столицы соответствует выдвинутой М. Хетчером концепции «внутреннего колониализма» [8], в основе которого лежит эксплуатация центром периферии. Такой феномен возникает вследствие неравномерного развития территорий и возникновения их стратификации и иерархизации, инициирующих формирование на этих территориях различных типов идентичностей.

Одновременно с сакрализацией центра возникает необходимость обозначения собственной самости территорий, центром не являющихся. Идентичность территорий выстраивается по различным основаниям, распространенной платформой для базовых территориальных идентичностей является противопоставление центру, либо верификация собственного центрального положения. Провинция по-разному реализует дуальность по отношению к центру. В формируемых региональных мифах может фиксироваться «комплекс неполноценности» по отношению к столице. Как результат, возникают претензии на собственную «столичность», как ее формулирует В. Ачкасов [9]. В России насчитывается более десятка таких «столичных» потенциалов, основаниями для которых служат региональные, символические, политические, геолокальные и другие обоснования. Санкт-Петербург позиционирует себя «вторая и культурная столица России», и получает зеркальный ответ извне: «Санкт-Петербург – криминальная столица». Саратов эксплуатирует миф «столицы Поволжья». На звание «третьей столицы» претендуют Нижний Новгород, Екатеринбург и Самара. Екатеринбург реализует квазистоличность – третья столица России и столица Урала. Множественность «столичности» фиксируется в Сибири: города Иркутск и Новосибирск соперничают за звание «столицы Сибири», Тобольск позиционируется как «древняя столица Сибири», Тюмень – «столица западной Сибири», Курган – столица Зауралья. Ростов позиционируется как Южная столица, Краснодар – столица Кубани, Сочи – столица Краснодарского края. Владивосток – молодежная столица России и столица Приморского края, Дальнего Востока. На роль столицы Дальнего Востока претендует также Хабаровск. Чита – столица Забайкальского края, Мурманск – столица Заполярья, Альметьевск – нефтяная столица Татарстана, Салехард – столица Ямало-Ненецкого автономного округа. Претензии на столичность зафиксированы в региональном фольклоре: «Есть в России три столицы – Москва, Рязань и Луховицы», «Есть в России три столицы – Москва, Зарайск и Луховицы», «Есть в России три столицы – Москва, Питер, Луховицы», «Тюмень – столица деревень», Сызрань – «помидорная столица Поволжья», а, по словам Д.А. Медведева, «Свердловская область претендует на звание промышленной столицы страны» [10].

Понимание отношений центра и периферии особенно важно в свете глокализации – двустороннего процесса глобализации и локализации. Как справедливо отмечает М. Ильин, «сибирская и уральская краевая "гордость" могут свидетельствовать не столько об ослаблении исторических, этнокультурных связей со своим великорусским или вообще восточнославянским происхождением, сколько о восприятии себя великороссами в квадрате, дважды великороссами, представителями еще более дальней и, в силу этого, более значимой экспансии Руси изначальной» [11, с. 75]. Объективные территориальные различия мешают проводимой центром политике унификации культурных ценностей. Укрепление связи с местом – территорией – важная задача регионального брендинга, необходимый ресурс регионального патриотизма, который немислим без придания ценностной значимости местным реалиям, поэтому на региональном уровне востребованы проекты по популяризации местных традиций, уникальных культурных или природных объектов, знаковых имен и т. д. [12]

Моделирование региональных брендов часто идет по пути тиражирования уже опробованных в столице конструкций. Тиражируемость, повторение, копирование – традиционный путь использования легитимированного в центре (ядре).

Провинциализм, проявление провинциального духа, по мнению И. Кабакова, реализуется в четырех аспектах [13, с. 46].

Во-первых, основной посыл любого провинциального начинания – сделать «не хуже чем», с учетом всего, что есть в столице. Данное стремление вызывает потребность воссоздать весь исторически сложившийся путь и обстоятельства «столичной жизни» (копировать структуру власти, архитектурный облик, моду, тип времяпрепровождения и т. д.), однако сроки, усеченность временного интервала, за которое провинция хочет приобрести столичный облик, ведет к пропускам, пробелам, разного рода эрзац-проектам в новом копируемом столичном образце.

Во-вторых, стремление к столичному нормативу, образцу порождает чувство непричастности к этому нормативу, вызывает сознание собственной вторичности и мысли об изначальном «уподоблении» (мельче фигуры, скромнее образцы, хуже материалы и т. д.).

В-третьих, использование конструкта «центр – периферия» провоцирует стремле-

ние провинции к внеисторическим формам проявления и закрепления себя в мире – «здесь исконное, настоящее, природное, вечное, неизбитое, неискаженное, подлинное» и т. д., что влечет за собой особый максимализм, радикализм провинциального сознания, утрированные проявления местной идентичности, желание определиться раз и навсегда относительно острых вопросов, провинциализм тяготеет к абсолюту во всем.

В-четвертых, тиражирование дискурса «центр – периферия» инициирует особый провинциальный «критицизм» по поводу всего столичного, потребность низвергнуть, поставить на вид, разоблачить столичную модель. Продуцирование в провинциальных мифах «настоящего, корневого» стало штампом: «периферия самодостаточна, и поэтому по сравнению с центром она более устойчива и инертна. Центр такой самодостаточностью не обладает», – пишет Игумен Владимир (Маслов) [14], а взаимные упреки коренных жителей столиц и приезжих стали привычными. Провинциальный продукт часто является «репликой», стремящейся превзойти, улучшить образец, переделать его. Тиражирование популярных и известных образцов культуры, стремление к «одинаковости», копии – явление не сегодняшнего дня, следы копирования, моды можно проследить на протяжении нескольких столетий в самых разных регионах и культурах, тиражируемые знаки фиксируются в топонимике, архитектуре, в памятниках, их дальнейшая жизнь не всегда счастлива, нередко следы прошлого лежат в руинах, «ибо самый действенный способ избавиться от тоски по былому величию – совершенно не думать об исторических зданиях и не обращать внимания на их архитектурные особенности. <...> Жители города растаскивают камни из городских стен. <...> Другой способ избавиться от воспоминаний – построить на месте развалин «современный европейский дом». Но беспамятство и уничтожение следов прошлого не проходят даром – в конечном счете, они только увеличивают печаль, дополняя ее ощущением бессмысленности и нищеты жизни» [15, с. 137–138].

Выводы. Обозначенные выше аспекты усвоения столичного и преодоления модели «центр – периферия» укладываются в логику «присвоения». Проявления таких «присвоенных» можно найти в любой нестоличной локации. Руководители региона копируют поведение главы государства, в городах возникают архитектурные или топонимические

объекты, повторяющие облик столичных достопримечательностей (Цветной бульвар в Тюмени, Красная площадь в Новороссийске и Анапе и т. д.), вторичные арт-объекты заведомо уступают в качестве столичному образцу. Процесс пространственного распространения новых достижений либо ставших популярными в центре технологий и образцов соответствует модели «диффузии нововведений». Образец или технология, прошедшая апробацию в столице, постепенно распространяется через примыкающие территории дальше. При этом в центре инновация остается наиболее используемой и ярко выраженной.

Подражательное поведение, характерное для провинции, не является сугубо отрицательным явлением, поскольку копирование столичных образцов обеспечивает устойчивость; повторяемость влечет за собой единство и предсказуемость, «привычность», без которой существует вероятность рассеивания и необходимости «вписывания» в новое, другое, неизвестное и незнакомое пространство; и, наконец, тиражируемость обеспечивает воспроизводимость и однородность культурного, смыслового, символического пространства. Без повторяемости возникают лакуны, требующие заполнения. В отсутствии одобренных и легитимизированных в центре привычных объектов лакуны могут заполняться бессистемно или внесистемно. На месте лакун могут возникать образцы с чужим культурным кодом. Последнее особенно важно для формирования культурной идентичности для обширных территорий с полиэтничным, поликонфессиональным составом, анклавов и т. д. Единый культурный код создается многократным повторением, тиражируемостью принятого образца. Образец создается и получает одобрение в центре, затем посредством специальных процедур либо подражательных конструкций распространяется экстерриториально. Массовость создает сети, связывает в единое пространство центр и периферию, создавая устойчивые структуры, скрепляющие идентичность.

1. Frank A. G., Gills B. K. (eds.). The World System: Five Hundred Years of Five Thousand? – London : Routledge, 1993.

2. МакНейл У. Территориальная экспансия цивилизации как преодоление варварства. Отступление варварства (1700–1850 гг.) // W.U. McNeil The Rise of the West: A History of the Human Community. – Chicago, 1970. – P. 722–724.

3. *Friedmann J.* Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. – MIT Press, 1966. – 279 p.
4. *Алексеев В. В., Зубков К. И.* Проблема «центр-периферийных» отношений в российской истории // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения. – Новосибирск, 2006. – С. 18–19.
5. *Шилз Э. О.* О соотношении центра и периферии. Ценностно-смысловой аспект ядра и периферии // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 348–359.
6. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
7. *Макарычев А. С.* Концепты центра и периферии в политической регионалистике: возможности постструктуралистской деконструкции // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – URL : <http://www.cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-tsentra-i-periferii-v-politicheskoy-regionalistike-vozmozhnosti-post-strukturalistskoy-dekonstruktsii/> (дата обращения 25.11.2014).
8. *Hetcher M.* Internal Colonialism. The Celtic Fringe in the British Development 1536–1966. – London : Routledge & Kegan Paul, 1975.
9. *Ачкасов В. А.* Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // Политекс. – URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30> (дата обращения: 25.11.2014).
10. Премьер Медведев: Свердловская область претендует на звание промышленной столицы России. – URL : <http://www.veved.ru/news/62999-premer-medvedev-sverdlovskaya-oblast-pretenduet-na-zvanie-promyshlennoj-stolitsy-rossii.html> (дата обращения: 25.11.2014).
11. *Ильин М. В.* Геохронополитические членения культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы семинара (Тверь, 5–7 марта 1999 г.). – М.: МОНФ, 1999. – С. 46–79.
12. *Галактионова Н. А.* Брендинг регионального пространства как механизм формирования идентичности // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 79–83.
13. *Кабаков И.* 60–70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 368 с.
14. *Маслов В.* По плодам познаете дерево. – URL : <http://www.igumen.ru/index.php?id=6> (дата обращения: 25.11.2014).
15. *Памук О.* Стамбул: Город воспоминаний / пер. с турец. М. Шарова, Т. Меликова. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2006. – 504 с.

ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РЕГИОНА TRENDS IN EVOLUTION OF THE REGIONAL INTELLIGENCE

В.А. Беляев
V.A. Belyaev

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева
Kazan National Research Technical University n.a. A.N. Tupolev

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Проанализированы такие тенденции в эволюции интеллигенции региона, как раскол прежней единой советской интеллигенции на зависимую от властей (но часто политизированную) госбюджетную интеллигенцию и аполитичных, но менее зависимых интеллектуалов-фрилансеров; превращение «революции доцентов» в оппозицию людей, закончивших нынешние вузы; уход ученых и гуманитариев из политики, «революция менеджеров». Первая из названных тенденций кое в чем совпадает с эволюцией интеллигенции в других постсоветских странах: «новые интеллектуалы», имея в бэкграунде или советское прошлое, или иностранную спецшколу, обладают сходным культурным и профессиональным капиталом (тоже владеют иностранным языком, работают политологами, репортерами-стрингерами (реже – социологами) на зарубежных грантах или иными фрилансерами). Однако их политическая ориентация, в отличие от прибалтийских и закавказских аналогов, не является смесью этнонационализма и вестернизаторства; напротив, их прозападные ориентиры рождают русофобию. Наши опросы и подсчеты показывают, что, если в 1990-е гг. региональная элита (как часть политической интеллигенции) претерпела три трансмутации – в сторону своей этнизации, рурализации и непотизации, – последовательно отсекавшие не вошедшие в избранный круг категории, то в 2000–2010-е гг. произошла окончательная технократизация правящей элиты региона, в ядре которой стали преобладать люди с естественно-научным и техническим образованием, позитивистским мировоззрением и отсутствием необходимой гуманитаристской методологии. Отдельные из этих черт позволяют перейти к модернизации региона, к эффективному внедрению и использованию высоких технологий, а другие мешают созданию требуемых для этого социокультурных предпосылок, задействованию преимуществ, рожденных высоким уровнем образования, развитой научной и индустриальной инфраструктуры региона, социополитической стабильностью.

In this article we analyze such tendencies in evolution of regional intelligence as disintegration of the former united Soviet intelligence into dependent of power (but often politicized) state budgetary intelligence and apolitical but less dependent intellectual freelancers; the transformation of "senior lecturer revolution" in opposition of the present high school graduates; departure of scientists and humanitarians from policy, "revolution of managers". The first of these tendencies partially coincides with evolution of intelligence in other post-Soviet countries: "new intellectuals", having either Soviet past, or special linguistic school in their background, possess similar cultural and professional capital (i.e. they know foreign languages, work as political scientists, reporter-stringers (rarer – as sociologists) on foreign grants or other freelancers). However their political orientation, in contrast to the Baltic and Transcaucasian analogues, doesn't present a mixture of ethnonationalism and westernization; on the contrary, their pro-occidental guidelines give rise to Russophobia. Our polls and calculations show that if in 1990-th regional elite (as a part of political intelligence) underwent three transmutations – in the direction of its ethnization, ruralization and nepotization, – in consecutive order cutting off categories, non-entering into the elite, then in 2000–2010-th final technocratization of regional ruling elite took place, in a kernel of what persons with natural-scientific and technical education, positivistic outlook and with the lack of necessary humanitarian methodology began to prevail. Some of these features allow to pass to modernization of the region, to effective introduction and use of high technologies. But others disturb the creation of the sociocultural prerequisites demanded for this purpose, involvement of the advantages which are given by the high level of education, the developed scientific and industrial infrastructure of the region, strong social and political stability.

Ключевые слова: политическая интеллигенция, революция менеджеров, технократизация элиты, госбюджетная интеллигенция и интеллектуалы-фрилансеры.

Key words: political intelligence, revolution of managers, technocratization of elite, state budgetary intelligence and intellectual freelancers.

Введение. Социокультурные предпосылки новой модернизации создаются прежде всего интеллигенцией или интеллектуалами, которые различаются по своим потенциалам и установкам в каждом регионе. Это касается и ее нацеленности на преобразование социоэкономической реальности, и ее уча-

стия в руководстве и определении стратегии необходимых для этого изменений. Дифференциация интеллигенции, с одной стороны, усложняет оценку ее вклада в модернизацию общества, а с другой – создает для последней новые возможности, неведанные при советском строе. Конечно, интеллигенция, как пра-

вещая, так и оппозиционная, обязана быть интеллигентной, но этот категорический императив и прежде не был реализован. Последние четверть века участия интеллигенции в политике показывают, что интеллигенция постепенно теряет свои квалифицирующие качества, прежде всего гуманизм, но одновременно приобретает черты, свойственные интеллектуалам Запада, среди них – технократизм и деполитизация, что невозможно оценить однозначно в плане ее способности к модернизации общества. Решение проблемы неоднозначного воздействия эволюции интеллигенции на модернизацию дает возможность учета ее потенциалов и ее мотивирования на успех модернизации.

Обзор литературы. Интеллигентоведение как изучение отечественной интеллигенции имеет большую традицию в российской и зарубежной науке XIX–XX вв. Помимо школы интеллигентоведения в Иваново [1; 2], в XXI в. целый ряд ученых (В.Х. Беленький, М. Гаспаров, З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, С.А. Магарил, И.И. Осинский, М.И. Добрынина, Р.В. Рывкина, О.К. Степанова и др. [3–8]) исследовали потенциалы российской интеллигенции. В меньшей степени изучается татарстанская интеллигенция, чаще – в аспекте правящей элиты (В.А. Беляев, А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев и др. [9; 10]). Однако тенденции ее развития в 2010-е гг. слабо отражены в российской литературе.

В интеллигентоведении других постсоветских стран распространено разведение понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы». Так, в Грузии превалирует дискурс раскола интеллигенции на две категории: интеллигенцию старого советского образца и интеллектуалов. Г. Нодиа отмечает, что между ними образовалась значительная брешь. З. Шаптиришвили выделяет три различия между «старой» номенклатурной интеллигенцией и «новыми» (западного типа) интеллектуалами: в дискурсе, институтах и языке. Интеллигенция говорит по-русски как на своем втором языке, а интеллектуалы объясняются по-английски, ибо получали школьное образование на Западе. Интеллигенция работает в традиционных академических институтах (Академии наук и университетах) и творческих союзах, а интеллектуалы – в неправительственных организациях по грантам или в независимых медиа. Различие в дискурсе заключается в том, что у интеллектуалов он либеральный и проамериканский, но вместе с тем этноцентристский, а интеллигенции присущ левый дискурс, интернациональный,

ориентированный на Россию [11]. Конечно, интеллигенция стала более разнородной по статусу, ориентациям и формам деятельности, связи с разными формами собственности, что, однако, не отменяет единства ее социальных функций. Целесообразность дифференциации терминологии, описывающей старые и новые ее элементы, не означает необходимости отказа от общей дефиниции, объединяющей членов данной социальной группы.

В Литве Д. Сурдокайте также утверждает, что интеллигенция – исчезающий слой, распадающийся на интеллектуалов, профессионалов, рабочих сферы обслуживания и буржуазию. Согласно Л. Донскису, термин «интеллигенция» сегодня относится лишь к России. Он считает, что интеллигенция не создает ничего значительного и часто даже не имеет серьезного образования, эрудиции и профессионализма, тогда как у интеллектуалов есть творческая власть. Это не соответствует его же определениям: «интеллектуал – это просто человек, создающий идеи и существующий в них, в то время как представитель интеллигенции – это идеолог, человек с моральными принципами, умело действующий, используя идеалы и идеи». И. Гесине, заявляя о моральной слабости концепции интеллигенции, отмечает, что изменения 1990-х гг. сломали старую организацию интеллектуальной жизни и формируют интеллектуалов, как на Западе [12]. На наш взгляд, эти авторы продолжают традицию политической трактовки интеллигенции, используемые ими термины эмоционально нагружены и поэтому ненаучны. Вместе с тем их идеи отражают реальный процесс деполитизации все больших слоев интеллигенции, что свойственно и России в целом, и ее регионам, таким как Татарстан.

Гипотезы и методы исследования. Главным трендом в развитии интеллигенции в регионе является разрыв с установками 1990-х гг., причем для правящей элиты характерен переход от примордиалистских критериев доступа в ее состав к технократическим, а для остальной интеллигенции – уход от всецелого контроля государства над бюджетной интеллигенцией во фрилансерство интеллектуалов и в частный сектор. Для подтверждения данной гипотезы мы проводили анализ статистики, а также текстовых сообщений в Интернете и печати.

Результаты исследования. Выделим следующие тенденции в эволюции интеллигенции региона.

Первая из них – замена интеллигенции интеллектуалами. Прежняя советская, в своем большинстве единая по социоэкономическому и даже бытовому и стилевому бэкграунду интеллигенция постепенно раскалывается на зависимую от нанимателя (но в большой мере политизированную) госбюджетную интеллигенцию и на аполитичных, но значительно менее зависимых от властей интеллектуалов-фрилансеров. Сходную с иными постсоветскими странами эволюцию проходит интеллигенция регионов РФ, все большая ее доля работает не на предприятиях, вузах и в учреждениях РАН, а фрилансерами и в частном секторе, на грантах и в независимых от государства электронных медиа. В частности, анализ трудоустройства выпускников гумфака нашего вуза (КНИТУ-КАИ) привел к выводу, что до трети их выбрали работу не в госсекторе, а в электронных газетах и сайтах, сами создали турфирмы, рестораны, хостелы и гостиницы или трудятся в аналогичных заведениях, принадлежащих частным лицам. Эти выпускники в большинстве хорошо знают иностранные языки, часто выезжают по работе или для учебы за границу, а около 3 % их вообще уехали работать в другие страны [13]. Позитивным следствием данного тренда является большая географическая, отраслевая мобильность и лабильность интеллигенции, ее способность к восприятию и применению новых социальных технологий (упомянем, например, создание нашим выпускником хостела), а негативным – переход отдельных интеллектуалов на антипатриотические позиции, не позволяющие им участвовать в модернизации страны.

Второй тенденцией стала трансмутация «революции доцентов» в оппозицию людей, закончивших нынешние вузы; вытеснение ученых и гуманитариев сначала из национально-демократического движения, а затем из коммунистического, социал-демократического и либерального секторов политических движений и партий, своеобразная «революция менеджеров». Необходимо особо выделить роль доцентов в татарстанской политике. В Татарстане не было гуманитарных НИИ (кроме ИЯЛИ) и потому основную движущую силу развития демократии «снизу» могли составить лишь преподаватели вузов. Первый всплеск политической активности кандидатов наук, доцентов произошел в 1988 г. при организации Народного фронта, где их быстро отодвинули на второй план охлократы, тогда как в идеологическом обеспечении националистического Татарского общест-

венного центра с самого начала решающую роль играли профессора, доктора наук. Уже в 1989 г. проявилось и негативное отношение к идейно-политической роли доцентов и профессоров в татарстанской организации КПСС. В дальнейшем доценты из партаппарата плавно перешли в госаппарат. Особую роль кандидаты и доктора наук сыграли при организации Многонационального движения «Согласие», в составе которого их было много больше, чем в АН Татарстана. В дальнейшем большинство докторов отошло от партийной политики, оставшись аналитиками, проводящими политологические исследования и выступающими в СМИ. Представляется, что основной причиной особой политической активности доцентов явился их «пролетарский» характер: они или не имели вознаграждения в соответствии с квалификацией, или просто не успели воспользоваться плодами статуса доцента, или не имели каналов для дальнейшего карьерного роста. На выборах 1993–1995 гг. доля доцентов в составе кандидатов уже превышала треть, как нам уже приходилось писать [9; 14]. Затем эта доля в оппозиции стала снижаться, хотя в руководстве отделений даже либеральных партий они еще играют значительную роль. Вместе с тем ряд доцентов вошел в цитоплазму правящей элиты и активно выступил против интеллигенции, настаивая на сокращении числа вузов и студентов, на прекращении опросов населения, на игнорировании федеральных законов, на приоритете интересов республики, на делении жителей республики на сорта с разными правами, т. е. высказывали позиции, контрастирующие с их квалификацией. Итак, роль доцентов в политике весьма велика, но крайне разнопланова: одни «тянут» вперед, к модернизации, а другие – назад, во времена бесправия людей.

В 2010-е гг. «политика доцентов» была заменена «революцией менеджеров», людей, в дипломе об образовании которых стоит специальность «менеджмент». Фактически среди политического актива стали преобладать люди с менеджерским образованием, что резко снизило интеллектуальный, концептуальный уровень оппозиции и не позволяет модернизировать общество.

Третьей тенденцией в эволюции интеллигенции стала окончательная технократизация ее правящей части – региональной элиты. В 1990-е гг. эта элита РТ претерпела три примордиалистские трансмутации: в сторону этнизации, рурализации и непотизации,

последовательно сужавшие источники ее рекрутирования. Рассмотрим их.

В первую очередь коренизация кадров была характерна именно для номенклатуры КПСС, в силу чего доминирование татар в составе последней имеет широкие исторические корни. В 1988 г. татары составляли 64,6 % кадров неономенклатуры. В дальнейшем моноэтнизация элиты проходила более неуклонно [15, с. 69; 16, с. 165]. Вместе с тем стоит отметить, что этот процесс затронул лишь правящий блок номенклатуры, националов, коммунистов. В рядах оппозиции доля татар в среднем всегда составляла около трети участников, в составе всей интеллигенции – примерно столько же [17].

Рурализация элиты. Между цивилизационными секторами общества в РФ накапливаются серьезные коллизии в силу задержки перехода страны к постиндустриальной стадии и примитивизации цивилизационной структуры интеллигенции. На наш взгляд, существует корреляция также между профилем образования (и профилем вуза) и определенной партийностью [17]. Это требует следующей профильной (цивилизационной) типологизации вузов Казани: 1) вузы аграрной цивилизации: сельхоз-, вет-, мед-, экспедуниверситеты и университет культуры с вкраплениями «элитарных», «городских» отделений; 2) вузы переходной, полуиндустриальной цивилизации: коммерческие вузы, готовящие бизнесменов и менеджеров в основном для торговли; 3) вузы экстрактиндустриальной цивилизации: Технологический (экс-КХТИ); 4) вузы процессинг-индустриальной и полуинформационной цивилизации: экс-КАИ, энергоуниверситет, архитектурно-строительная академия, КГУ с вкраплениями «сельских» отделений. Различие в профиле образования гуманитарной и научно-производственной интеллигенции, составлявшей ядро всех партий, обусловило и различие в сферах постпартийной работы [17].

Деградация элиты проявлялась и в изменении ее качественного состава и источников пополнения: если в годы правления Брежнев в высшем эшелоне элиты республик РСФСР преобладали «технократы», люди с техническим образованием и городским менталитетом, говорящие по-русски без акцента, а при М. Горбачеве элита пополнилась выпускниками гуманитарных факультетов университетов, то ныне в «национальных» республиках господствуют лица с сельскохозяйственным образованием и сельским менталитетом [17]. В 1990-е гг. способы и источни-

ки пополнения и ротации правящей элиты изменились в сравнении с советскими: аульная постноменклатура Республики Татарстан совершила исторический реванш, практически вытеснив из властных структур представителей городской неономенклатуры, «назначив» их крупными собственниками и гендиректорами госпредприятий или выдавив из республики. Раньше урбанизация неономенклатуры и русификация ее языка позволяли сельчанам пройти только в ее второй-третий эшелоны, в состав не ядра, а цитоплазмы правящей элиты. И лишь в 1990-е гг. сельхоз- и ветинститут стали приоритетной кузницей кадров элиты, более престижной для постноменклатуры, нежели классический университет, о чем говорят подсчеты [15, с. 70; 18, с. 52–53]. В 1990-е гг. более лояльные сельские чиновники считались подходящим инструментом для формирования в Республике Татарстан автократического режима, сельчане – его социальной опорой, ибо они вынужденно, но стабильно голосуют за него на выборах.

В городе экс-сельчане в силу своих традиций и уровня развития производительных сил остаются полупрофессионалами (ибо игнорируют законы разделения и специализации труда), оставаясь в чем-то дилетантами, и тем тормозят прогресс.

Превалирование семейных ценностей на селе сохраняет такие реликты расширенной семьи у маргиналов, как тесные связи между родственниками, выражающиеся в более интенсивном общении и пиетете. Постноменклатура использует это для распространения идеи естественности nepoтизма [17].

Новым трендом в развитии региональной элиты как части интеллигенции является ее технократизация. Если поколение элиты 1990–2000-х гг. имело и гуманитарное образование, то элита 2010-х сугубо технократична. А естественно-научная составляющая образования и начального профессионального опыта объективно подталкивает элиты к неосознанно позитивистскому восприятию социальной реальности, они прирожденные «физики», а не «лирики». Их наивный натурализм вырождается в подходе к людям как аналогу механизма или организма; стихийный сциентизм – в упрощение методов работы с людьми (административно-командные и противоправные); неосознанный бихевиоризм – в игнорирование мыслей, чувств, намерений, интересов людей, их уникальности; малоосмысленный верификационизм – в создание «модели республики» с лозунгом

«Мы сможем!»; квантофрениа – в недооценку качественного анализа; увлечение естественно-научной номотетикой (доходящее до социал-дарвинизма и функционализма) – в игнорирование специфики социальных законов; абсолютизация внешнего наблюдения, сравнения – вместо феноменологизма как метода познания сущности социальных явлений; объяснение вместо понимания (технократы ищут лишь причины явлений, как при изучении природы, а не цели действий людей); идейно-политический объективизм – в свободу от связи с реальными идеологиями и доктринальными партиями, от моральной оценки последствий своих действий. Из позитивизма элиты вытекает ее деидеологичность и инструментальный подход к людям, отношение к ним, как к вещам и «черным ящикам», где на «входе» – простейшие стимулы, на «выходе» – нужные реакции.

Заключение. Технократизация и переход во фрилансерство, став преобладающими тенденциями в развитии интеллигенции, привели к деполитизации последней, отказу от активной защиты конкретных базовых ценностей, но одновременно способствуют ее профессионализации, превращению в аналог западных интеллектуалов. В целом в ряде регионов интеллигенция и ее правящая часть – агро-технократия обладают особенностями сознания, не всегда помогающими модернизации общества. Выходом из этого является отказ как от примордиалистских, так и от бюрократических критериев отбора и продвижения кадров в пользу тех, кто и способен, и желает модернизировать страну.

1. Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества : материалы XIX Междунар. науч.-теор. конф. – Иваново : ИвГУ, 2008. – 289 с.

2. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Мететова. – Иваново : ИвГУ, 2008. – 431 с.

3. Бельский В. Х. Еще раз об интеллигенции // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 94–102.

4. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Профessionалы – портрет на фоне реформ // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 28–36.

5. Магарил С. А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 132–139.

6. Осинский И.И., Добрынина М. И. Интеллигенция и будущее России // Социоло-

гические исследования. – 2004. – № 4. – С. 145–146.

7. Рывкина Р. В. Интеллигенция в постсоветской России. Исчерпание социальной роли // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 138–146.

8. Степанова О. К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 46–53.

9. Беляев В. А. Интеллигенция как субъект российского политического процесса: федеральный и региональный аспекты : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Казань, 2007. – 41 с.

10. Салагаев А. Л., Сергеев С. А., Лучишева Л. В. Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. – Казань : КНИТУ, 2011. – 252 с.

11. Shatirishvili Z. «Old» Intelligentsia and «New» Intellectuals: The Georgian Experience // Eurozine: электрон. журнал. – 2003. – 26 June. – URL : <http://www.eurozine.com/articles/2003-06-26-shatirishvili-en.html> (дата обращения: 5.07.2015).

12. Surdokaite D. The intelligentsia or intellectuals? // Internet magazine «sociumas.lt». – 2000. – Vol. 21. – URL : <http://ei.libis.lt:8080/arc/2002-10-27/0/de7db4966c8fb1d7f565e26b984f0451> (дата обращения: 10.11.2009).

13. Кем работают выпускники гумфака КАИ. – URL : http://vk.com/topic2687748_22453208 (дата обращения: 5.07.2015).

14. Беляев В. А. Мировоззрение и социальное поведение правящей элиты Татарстана // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 150–157.

15. Фарукишин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. – 1994. – № 6. – С. 67–79.

16. Салагаев А. Л., Сергеев С. А. Комментарий по результатам экспертного опроса «Самые влиятельные люди России – 2003» в Республике Татарстан // Самые влиятельные люди России. 2003. – М. : ИСАНТ, 2004. – С. 164–183.

17. Беляев В. А. Региональные политические элиты // Российская политическая регионалистика : учеб. пособие. – Казань : Отечество, 2011. – С. 62–83.

18. Мансурова Г. М. Динамика ротации политических элит РФ и РТ // Региональные элиты и общество: процессы взаимодействия: республиканская науч.-практ. конф. – Казань, 1995. – С. 48–59.

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОМОДЕРНИЗАЦИИ
И ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ
РЕГИОНА БАСЕЙНА КРУПНОЙ РЕКИ¹**

**THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN ECOMATERIAL
AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ECONOMIC-ECOLOGICAL SYSTEMS
IN THE BASIN MAJOR RIVERS**

Г.Э. Кудинова

G.E. Kudinova

*Институт экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти
Institute of Ecology of the Volga River Basin of the RAS, Toliatti*

Статья поступила 10 июля 2015 г.

В статье рассмотрены вопросы интеллектуальной собственности, динамика развития инновационной деятельности в Российской Федерации. Дано авторское определение терминов: регион, экономико-экологическая система региона бассейна крупной реки, определены условия устойчивого развития экономико-экологической системы региона бассейна крупной реки. Применение информационных технологий рассмотрено на примере экспертно-информационной базы данных «REGION», разработанной и запатентованной в Институте экологии Волжского бассейна РАН, которая позволяет создавать базу данных по социо-эколого-экономическим системам разного уровня и масштаба, проводить моделирование различных сценариев их развития. Экспертно-информационная база данных «REGION» может применяться при разработке и принятии управленческих решений, а также в учебном процессе в высших и средних специальных учебных заведениях. С применением экспертно-информационной системы REGION в работе проанализированы процессы экомодернизации в Китае и России, на примере регионов бассейнов рек Янцзы и Волги. В ходе работы приведена ординация территорий бассейнов рек Янцзы и Волги, выявлено, что провинции бассейна реки Янцзы хорошо демонстрируют разбиение на четыре типа модернизационных обществ, а территории Волжского бассейна относятся ко второму и третьему типу обществ. Сформулирован вывод, что при обеспечении устойчивого развития и экологической модернизации экономико-экологических систем регионов бассейнов крупных рек необходимо применение управляющих воздействий, основанных на внедрении информационных технологий, обеспечивающих научный подход и объективность принимаемых решений. Предложена схема мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономико-экологических систем региона бассейна крупной реки.

The article considers issues of intellectual property, the dynamics of development of innovative activity in the Russian Federation. There are given the author's definition of the following terms: region, economic and ecological system of the basin of a major river, the conditions of sustainable development of economic-ecological system of the basin of a major river. The use of information technologies is considered on the example of the expert – information database "REGION", developed and patented at the Institute of ecology of Volga basin RAS, which allows to create a database on socio-ecological-economic systems of different levels and scale, to simulate various scenarios of their development. Expert – information database "REGION" can be used in the development and adoption of administrative decisions, as well as in the educational process in higher and secondary special educational institutions. With the use of expert system REGION there has been analyzed processes of ecomodernization in China and in Russia, on the example of regions of the river basins of the Yangtze and Volga. During the work there was given ordination of areas of the river basins of the Yangtze and Volga, revealed that the province Yangtze river basin shows the division into four types of modernization of societies, and the territory of the Volga basin has the second and third type of societies. The author concludes that, in promoting sustainable development and ecological modernization of the economic-ecological systems, regions of major river basins, it is necessary to apply control actions, based on the introduction of information technologies, providing a scientific approach and the objectivity of decisions. The paper proposed a scheme of measures for the sustainable development of economic-ecological systems in the basin of a major river.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экомодернизация, экономико-экологические системы бассейна крупной реки, информационные технологии, экспертно-информационная база данных.

Key words: sustainable development, ecomodernization, economic-ecological systems of large rivers basin, information technologies, expert-information database.

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Поволжье. Региональный конкурс (грант № 14-06-97019); Российского гуманитарного научного фонда «Волжские земли в истории и культуре России» (грант № 15-12-63006).

Введение. Россия, как и многие другие страны, наращивая промышленный потенциал страны, развивая сельское хозяйство и транспорт, стремится обеспечить экономический рост страны. Однако в настоящее время наблюдается экстенсивный экономический рост за счет количественного увеличения факторов производства (в производство вовлекаются дополнительные ресурсы труда, капитала, основных и оборотных средств, природных ресурсов), что ведет к увеличению антропогенной нагрузки на окружающую природную среду, что является дестабилизирующим фактором, влияющим на устойчивое развитие страны в целом, а также отдельных регионов и территориально-административных единиц.

Требуется смена парадигмы мышления, перехода на интенсивный путь развития, при котором возможно увеличение объемов производства за счет более эффективного и качественного использования факторов производства. Это возможно при переходе на путь устойчивого развития, путь экомодернизации и «зеленой» экономики при широком внедрении информационных технологий во все отрасли знаний и производства.

Обзор литературы. Вопросами устойчивого развития систем занимались многие отечественные и зарубежные исследователи: Р. Барро, Х. Боссель, В.И. Вернадский, В.И. Данилов-Данильян, О.К. Дрейер, П. Кругман, Д. Медоуз, Н.Н. Моисеев, В.В. Новожилов, М. Портер, Дж. Форрестер, Т. Фукучи и др. Устойчивость социо-эколого-экономических систем рассматривали в своих трудах Н.П. Ващекин, В.А. Лось, А.Д. Урсул, Н.Т. Агафонов, Р.А. Исляев, В.А. Коптюг, В.К. Левашов, В.М. Матросов, В.В. Попков, Б.С. Большаков, А.С. Щеулин и др. В развитие науки о регионах значительный вклад внесли академики А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, С.С. Артоболевский, В.И. Бутов, В.Ф. Захаров, В.Г. Игнатов, А.М. Лавров, Н.П. Кетова, Р. Хакимов, Ю. Фридман, А.Я. Якобсон и др.

Различные аспекты региональных систем (эколого-экономических, социо-экономических и др.) и перевод их на модель устойчивого развития проанализированы в работах И.Я. Блехцина, Н.С. Бобылева, М.Г. Ганопольского, Б.М. Гринчеля, М.А. Гусакова, В.М. Захарова, В.А. Ильина, О.В. Коломийченко, С.В. Кузнецова, В.Н. Лаженцева, В.Н. Лексина, В.В. Окрепилова, О.П. Пчелинцева, Г.С. Розенберг, В.Е. Рохчина,

А.А. Румянцева, В.С. Селина, А.И. Татаркина, А.Н. Швецова, А.И. Шишкина и др.

Появившаяся в начале 1990-х гг. теория экомодернизации активно рассматривается в трудах У. Бека, С.Ю. Глазьева, Э Гидденса, Н.В. Казаковой, Е.А. Наумов, К.С. Нагуманова, О.Н. Яницкого и др. В конце XX в. профессор Ч. Хэ стал автором теории вторичной модернизации (модернизации в целом, а не только экологической модернизации), получившей дальнейшее развитие в трудах Л.А. Беляевой, Е.А. Когай, Н.И. Лапина, В.Г. Немировского и др.

Однако вопросы устойчивого развития и экомодернизации экономико-экологических систем региона бассейна крупной реки и определение роли информационных технологий в этих процессах изучены не полностью. В связи с чем целью данного исследования является определение роли информационных технологий в экомодернизации и обеспечении устойчивого развития экономико-экологических систем региона бассейна крупной реки.

Информационные технологии, появившиеся впервые в середине XX в., сразу оказали большое влияние на все отрасли знаний, в том числе и на экономику, экологию, социологию и др. Это обусловлено взрывными темпами развития высоких информационных технологий, и прежде всего формированием единого информационного пространства (Internet). Анализ влияния информационных технологий сделан в работах Р. Капелло, З.Ф. Мазура, Т.П. Николаевой, С. Парка, В.А. Русановского, Г. Шибусавы и др.

Гипотезы и методы исследования. Мы считаем, что в настоящее время при принятии управляющих воздействий по обеспечению экологической модернизации и устойчивого развития недостаточно используются информационные технологии в виде базы данных и экспертно-информационных систем, которые позволяют осуществлять моделирование процессов в экономико-экологических системах, предвидеть результаты применения управляющих воздействий и прогнозировать динамику изменения в системе.

При этом экономико-экологическую систему предлагается рассматривать с точки зрения бассейнового подхода, объединяя отдельные территориально-административные единицы (области, края, провинции и т. д.) в регион бассейна крупной реки, что обеспечит взаимосвязь и комплексность мероприя-

тий, удовлетворяющих условиям устойчивого развития и экомодернизации.

В ходе выполнения работы был использован междисциплинарный подход к анализу экономико-экологических систем с использованием методов системного, сравнительного и экономического анализа, математической статистики (корреляционный анализ) и других методов, позволяющих подтвердить гипотезу исследования.

Результаты исследования. Информационные технологии являются объектами

интеллектуальной собственности (ИС) [1]. Понятие «интеллектуальная собственность» впервые введено 1967 г. Конвенцией, утверждающей Всемирную Организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) [2].

По статистическим данным Роспатента и Федерального института промышленной собственности (ФИПС) можно проследить динамику ИС в Российской Федерации. Некоторые, наиболее показательные, с нашей точки зрения, данные приведены в таблице [3].

Динамика подачи заявок и выданных патентов на изобретения, полезные модели, свидетельств на товарные знаки и регистраций программ ЭВМ и баз данных

Показатель	Год					
	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Патенты						
Подано заявок в Роспатент	39 439	41 849	38 564	42 500	41 414	44 211
Выдано патентов	23 028	28 808	34 824	30 322	29 999	32 880
Полезные модели						
Подано заявок в Роспатент	10 075	10 995	11 153	12 262	13 241	14 069
Выдано патентов	9757	9673	10 919	10 581	11 079	11 671
Промышленные образцы						
Подано заявок в Роспатент	4823	4711	3740	3997	4197	4640
Выдано патентов	4020	3657	4766	3566	3489	3381
Товарные знаки и знаки обслуживания						
Всего подано заявок на регистрацию знаков	57 262	57 112	50 107	56 848	59 717	61 923
Зарегистрировано знаков	30 724	36 617	36 436	35 178	35 954	40 106
Наименование мест нахождения товара						
Подано заявок на регистрацию наименований мест происхождения товаров и предоставление исключительного права на них	27	35	30	63	58	66
Выдано свидетельств об исключительном праве на наименование места происхождения товара	25	14	9	22	22	31
Программы и базы данных						
Программы для ЭВМ	5308	6086	7057	8073	9700	11471
Базы данных	426	441	609	733	891	1332

Очевидно, что по всем направлениям инновационной деятельности наблюдается положительная динамика; увеличивается и количество поданных заявок, и количество патентов и свидетельств на регистрацию, выданных для защиты ИС. В том числе увеличивается количество заявок и патентов, направленных на улучшение экологической составляющей, обеспечение охраны окружающей природной среды и снижения антропогенной нагрузки на экосистемы.

Необходимость преобразования социально-экономического развития, переход на путь экомодернизации и «зеленой» экономики подтверждается тем, что в настоящее время при государственном регулировании делается акцент на развитие отраслей науки и техники, направленных на изучение, ис-

пользование, воспроизводство природных ресурсов и охрану окружающей среды, обеспечение устойчивого развития страны в целом и регионов в частности.

Регион (лат. *Regio* – страна, область) – определённая территория, обладающая целостностью и взаимосвязью её составных элементов [4; 5].

О.А. Бияков считает, что экономическое содержание понятия «регион» содержит четыре подхода: территориальный, экономический, социальный и пространственный. При этом он указывает, что в основе этих подходов лежит базовое (общепринятое) понятие территории. «Территория – (ограниченная) часть твердой поверхности Земли с присущими ей природными и антропогенными свойствами и ресурсами, характеризующаяся про-

тяженностью (площадью) как особым видом «пространственного» ресурса, географическим положением и другими качествами» [6]. Г. Костинский считает территорией определенную совокупность мест, получаемую путем их объединения, агрегированную по какому-то единому обоснованию, а район (регион) как нечто выделенное, вычлененное из целостного объекта, в связи с чем можно указать, что территория является понятием синтетическим, а регион – аналитическим [7]. У. Изард определяет регион как открытую экономическую единицу в пределах данного государства [8].

Речной бассейн (водосборный бассейн реки) – территория земной поверхности, с которой все поверхностные и грунтовые воды стекают в реку с ее притоками [9]. То есть это территория, на которой располагаются территориально-административные единицы, которые можно объединить общим термином «регион».

Под регионом мы понимаем часть территории страны, включающую в себя различные административные единицы, объединенные общими признаками и представляющие собой совокупность образований экономической, биологической, географической и социальной природы.

Исходя из цели исследования и учитывая проведенный анализ, мы предлагаем определить регион бассейна крупной реки следующим образом: регион бассейна крупной реки это различные административные единицы, объединенные территориальной принадлежностью к водной системе той или иной крупной реки.

Для определения термина «экономико-экологическая система» нами рассмотрены некоторые авторские формулировки этого понятия:

- эколого-экономическая система (ЭЭС) – особый класс сложных территориальных формирований, взаимодействующих подсистем, объединенных единством территории и целями развития, возникших в результате специфического взаимодействия природы и общества в конкретных географических условиях (В.М. Котляков, Р.Г. Трофимов, 1993);

- социо-эколого-экономическая система (СЭЭС) – рассматривается взаимодействие социальной, экологической и экономических систем, находящихся во взаимодействии и обменивающихся потоками вещества, энергии и информации (С.А. Черникова, 1998);

- эколого-экономическая система (ЭЭС) – это прежде всего территория, пространство (С.Н. Сидоренко, В.Н. Зыков, В.И. Чернышов, 2009) (цит. по: [10]).

Мы считаем, что экономико-экологическая система – это совокупность образований экономической, биологической, географической и социальной природы, основанная на взаимодействии и сбалансированности.

Следовательно, экономико-экологическая система региона бассейна крупной реки (ЭЭС РБКР) – это часть территории страны, включающая в себя различные административные единицы, объединенные территориальной принадлежностью к водной системе той или иной крупной реки и представляющая собой совокупность образований экономической, биологической, географической и социальной природы, основанной на взаимодействии и сбалансированности (авторская формулировка).

В 1978 г. на XIV Генеральной ассамблее Международного союза охраны природы и природных ресурсов была принята Всемирная стратегия охраны природы, направленная на достижение стабильного экономического развития и сохранение природно-ресурсного потенциала. «Устойчивое развитие» в материалах ассамблеи определялось как модификация биосферы и применение человеческих, финансовых, живых и неживых ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей и улучшения качества жизни [5; 10]. А.А. Шалмуев указывает, что устойчивое развитие региона обеспечивает достойный уровень благосостояния населения и динамическое равновесие экономической системы с окружающей средой [11]. Л.В. Турганова, О.Ю. Савенкова, Н.С. Морозова считают, что устойчивость развития региона обеспечивается, с одной стороны, устойчивостью связей между структурными элементами экономики региона; с другой – способностью к внутренней перестройке самих структур – диверсификации, что позволяет функционировать системе как органически целостной, с определенной степенью эффективности [12].

«Устойчивое развитие ЭЭС РБКР» нами определяется как развитие, обеспечивающее гармоничное развитие каждой административной единицы в отдельности и всего региона в целом, ориентированное на экономическое развитие, основанное на применении современных «зеленых» технологий, ба-

зирующееся на принципах экомодернизации, сбалансированное с возможностями окружающей природной среды.

Вопросы экомодернизации и обеспечения устойчивого развития экономико-экологических систем региона на примере бассейнов крупных рек нами рассматривались ранее (см. [13]). Нами были рассмотрены бассейны рек Янцзы (рис. 1) и Волги в качестве моделей модернизации цивилизационных сообществ людей на разных этапах развития.

Для дальнейшего продолжения данной работы – анализа состояния ЭЭС РБКР – нами были применены информационные технологии. В Институте экологии Волжского бассейна в 2014 г. получено свидетельство на регистрацию базы данных (БД): Экспертно-информационная база данных состояния социо-эколого-экономических систем разного масштаба REGION (ЭИБД REGION) (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015620402).

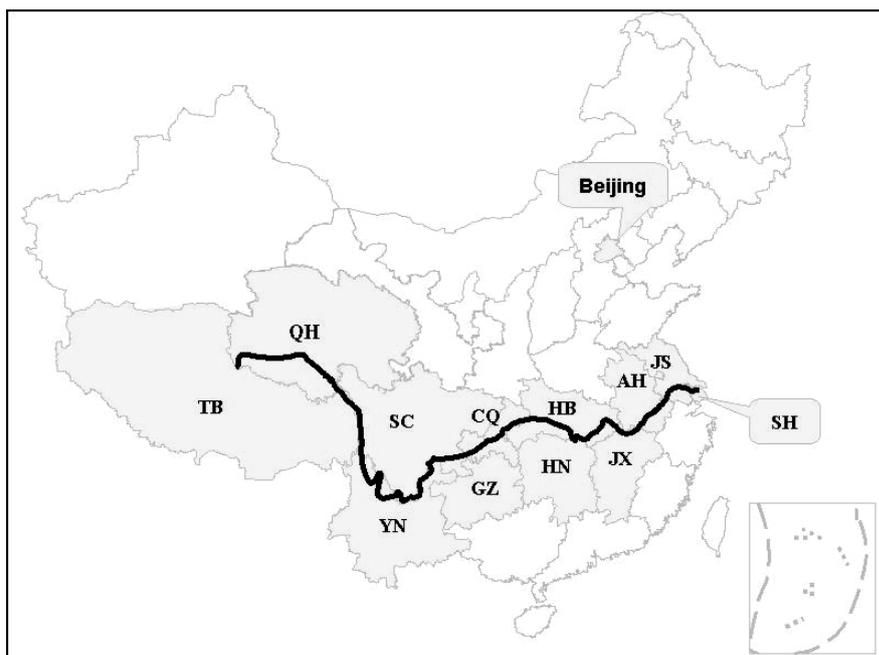

Рис. 1. Эволюция общества «на фоне» реки Янцзы [14]

Верхнее течение. Следы первобытного общества, матриархат; подсечно-огневое земледелие	Среднее течение. Аграрное общество	Нижнее течение. Индустриальное общество	Эстуарий. Зарождающееся общество знаний
Обозначение провинций			
TB; QH; YN; GZ	HN; AH; SC; JX	CQ; HB; JS;	SH

ЭИБД REGION предназначена для оценки и прогноза состояния социо-эколого-экономических систем разного масштаба [15; 16]. Система позволяет:

- реализовать многоаспектный поиск и формирование в режиме диалога подмножества показателей по имеющимся рубричным полям;
- осуществить графическое отображение на экране дисплея картограммы пространственного распределения каждого показателя базы по участкам территории;
- получить новые обобщенных показателей путем комбинации подмножества других показателей, имеющихся в базе;

- обработать комплекс показателей для районирования анализируемой территории по экологическим, экономическим и социальным параметрам.

На рис. 2 приведена модель БД, которая включает информационную модель территории и отражает пространственно-временную структуру, состояние и взаимосвязи между отдельными элементами моделируемой экономико-экологической системы. На рис. 3 приведена схема базы данных: экспертно-информационная система REGION.

С применением экспертно-информационной базы данных REGION было произведено районирование провинций бассейна

реки Янцзы (для 12 провинций) и ЭЭС РБКР Волги (для 24 административных единиц) в пространстве экономических и социальных факторов.

Однако для более объективного и точного процесса комплексного районирования

необходимо проведение межрегионального экологического анализа на основе использования интегральных оценок допустимого антропогенного воздействия на природно-антропогенные объекты различных территорий.

Рис. 2. Модель базы данных

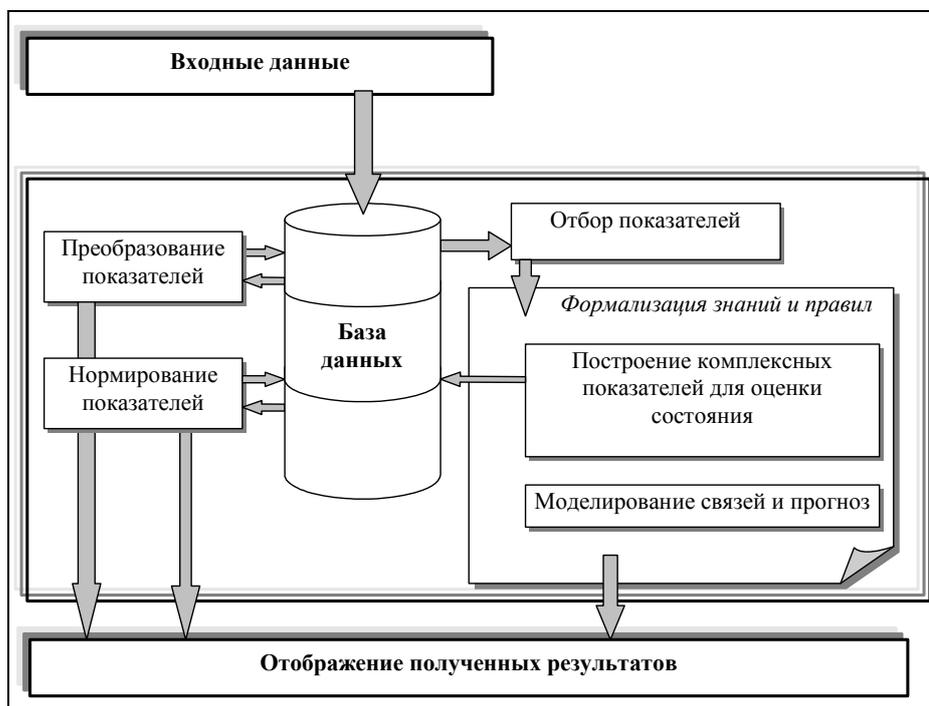

Рис. 3. Схема базы данных: экспертно-информационная база данных REGION

На рис. 4 приведены результаты корреляционного анализа параметров экомодернизации по следующим параметрам: 1 – ВВП на душу населения; структура производства: 2 – сельское хозяйство, 3 – промышленность, 4 – услуги; структура занятости: 5 –

сельское хозяйство, 6 – промышленность, 7 – услуги. И социальных факторов: 1 – уровень урбанизации; 2 – ожидаемая продолжительность жизни; 3 – уровень детской смертности; 4 – доля населения с высшим образованием.

Нетрудно заметить, что для реки Янцзы все параметры достаточно тесно взаимосвязаны (особенно это видно для характеристик

социального развития. Это подтверждает справедливость и верность чисто «визуальной» классификации бассейна Янцзы [13; 17; 18].

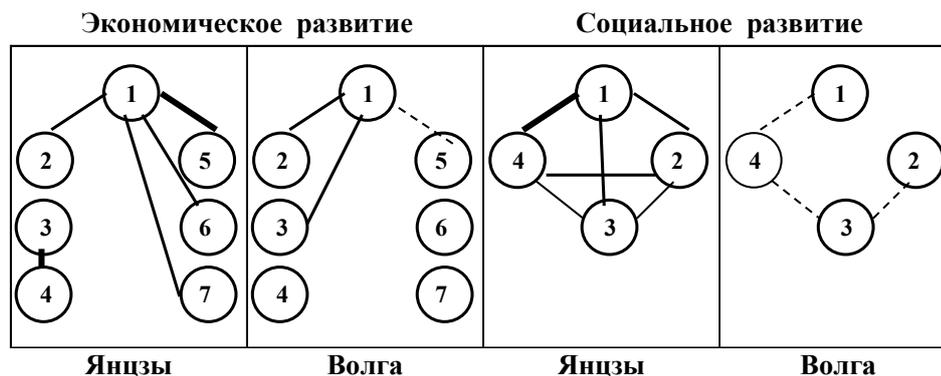

Рис. 4. Корреляционные связи параметров экомодернизации (ширина линий – сила связи [жирные – корреляция более 0,9; пунктир – 0,4–0,6])

Показатели экономического и социального развития для Волжского бассейна скоррелированы значительно слабее и в этом случае не удастся построить классификацию только по какому-то одному показателю. Например, по ВВП на душу населения (параметр 1), хотя он и связан как с параметрами экономического, так и социального развития (в последнем случае – не очень значительно).

Проведенный в целях районирования кластерный анализ для территории Волжского бассейна, позволил также выделить классы, которые, правда, в этом варианте районирования не интерпретируются, подобно бассейну Янцзы, на оси «первобытное общество – общество знаний». На рис. 5 районирование позволяет увидеть «положение» территорий Волжского бассейна при такой ординации.

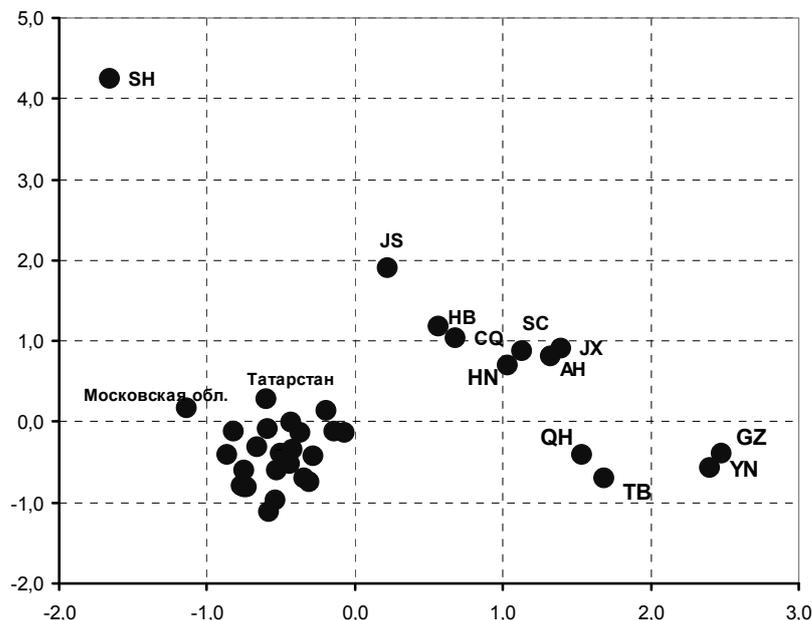

Рис. 5. Ординация территорий бассейнов рек Янцзы и Волги в факторном пространстве

Легко убедиться, что провинции бассейна реки Янцзы «выстроились» практически вдоль прямой и хорошо демонстрируют разбиение на четыре типа модернизационных обществ. Территории Волжского бассейна «сбились в кучу» и относятся ко второму и третьему (сюда попали Московская область,

Татарстан, Самарская, Саратовская и Ярославская области) типу обществ. Заметим, что если добавить в качестве отдельной территории субъект федерации Москву, то, вполне возможно, Москва (может быть, вместе с Московской областью) выделится в четвертую группу территорий – общество знаний.

Таким образом, было выявлено различие модернизационных процессов в России и Китае, что вполне соответствует их положению на «оси вторичной модернизации».

Закключение. Для обеспечения устойчивого развития экономико-экологических систем регионов крупных рек на принципах экомодернизации, передовых технологий «зеленой» экономики и переходу к четвертому типу модернизационного общества – обществу знаний, необходимы комплексные меры, включающие в себя стратегические, тактические и текущие мероприятия [19; 20], представленные на рис. 6.

Основой разработки мероприятий по обеспечению экологической модернизации и устойчивого развития ЭЭС РБКР при принятии управленческих решений должны быть проведены научные исследования по оценке качества окружающей среды (экологического, экономического и социального состояния территории) с применением информационных технологий.

Разработанная и зарегистрированная в Институте экологии Волжского бассейна РАН экспертно-информационная база данных REGION может быть использована федеральными и региональными органами охраны природы (Росприроднадзор), министерствами природных ресурсов и экологии, сотрудниками местных и федеральных органов власти, в учебном процессе в высших и средних специальных учебных заведениях, что позволит повысить качество образования и подготовки специалистов, работающих в области охраны окружающей природной среды; даст возможность объективно видеть и оценить текущую картину состояния ЭЭС РБКР, строить прогнозные модели результатов управляющих воздействий, разработки, корректировки и принятия нормативно-правового законодательства, что так необходимо для перехода ЭЭС РБКР на путь устойчивого развития, основанного на принципах «зеленой» экономики и экомодернизации.

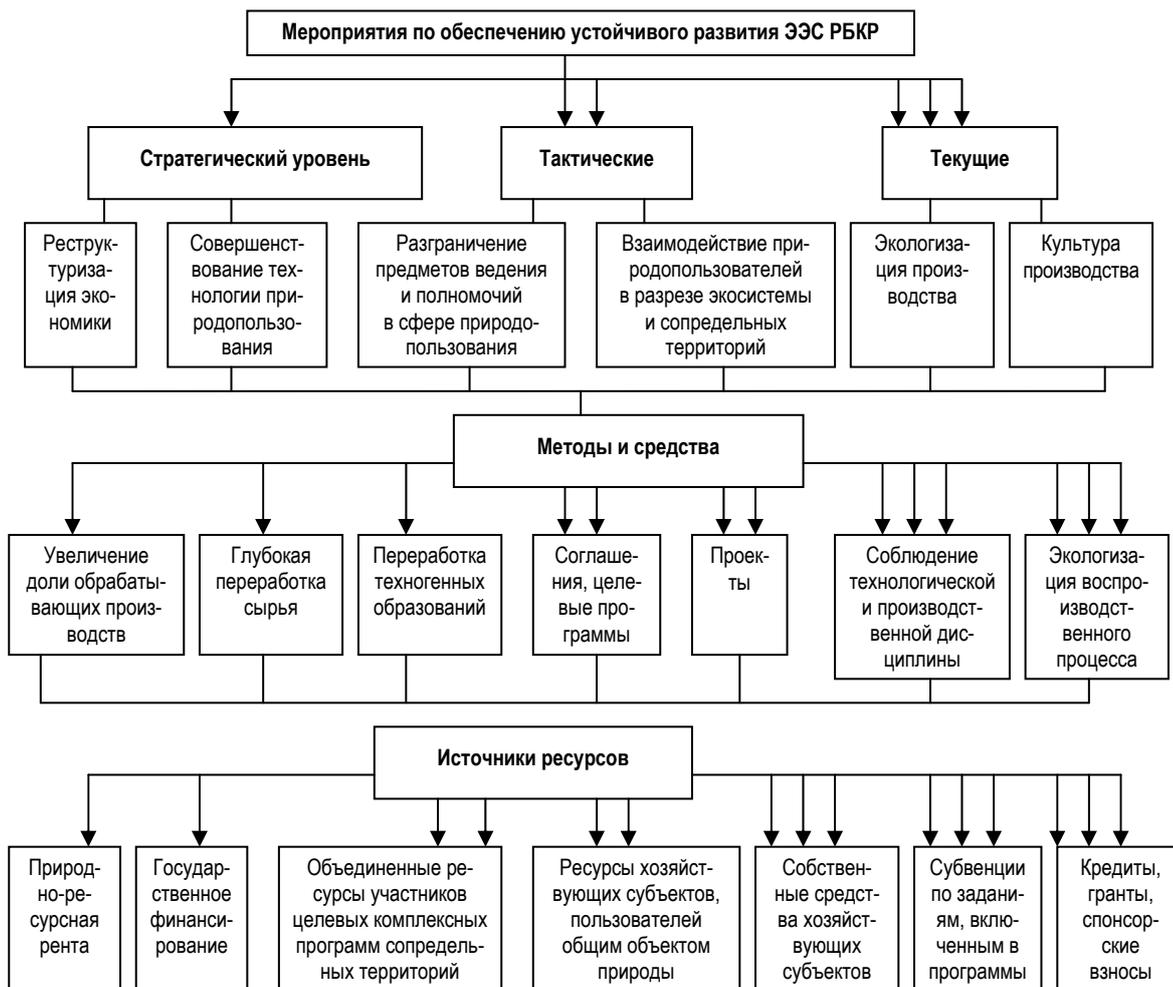

Рис. 5. Стратегия обеспечения устойчивого развития ЭЭС РБКР на принципах экомодернизации и «зеленой» экономики

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (ГК РФ) Ч. 4 от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. – URL : <http://www.consultant.ru/popular/gkrf4/> (дата обращения: 25.11.2014).

2. *Силаев В. И., Стехин А. П.* Интеллектуальная собственность. – URL : <http://www.lib.rushkolnik.ru/text/29180/index-1.html> (дата обращения: 25.11.2014).

3. Роспатент. Статистические данные. – URL : http://www.rupto.ru/about/sod/otch/otch2011/R1/R1_r.html (дата обращения: 25.11.2014).

4. *Антонова М. А.* Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2013. – № 4 (36).

5. *Ускова Т. В.* Управление устойчивым развитием региона : монография. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

6. *Бияков О. А.* Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 152 с.

7. *Костинский Г. Д.* Идея пространственности в географии // Известия РАН. Серия географическая. – 1992. – № 6. – С. 31–40.

8. *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М. : Прогресс, 1966. – 659 с.

9. Река и речная долина. – URL : <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/reka.html> (дата обращения: 25.11.2014).

10. *Кудинова Г. Э.* Экономический механизм обеспечения устойчивого развития экономико-экологических систем региона : дис. ... канд. экон. наук. – Тюмень, 2004. – 190 с.

11. *Шалмуев А. А.* Теоретико-методологические основы устойчивого развития региона // Инновации. – 2006. – № 3. – С. 28–32.

12. Систематизация подходов к определению устойчивого развития региона. – URL : <http://www.science-education.ru/117-13379> (дата обращения: 25.11.2014).

13. *Кудинова Г. Э.* Экомодернизационные районы бассейнов рек Янцзы и Волги //

Социокультурная эволюция России и ее регионов: Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе. – Пермь : ПГНИУ, 2014. – С. 204–210.

14. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2000–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина ; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Весь Мир, 2011. – 256 с.

15. *Костина Н. В.* Экспертная система REGION для оценки изменений состояния социо-эколого-экономических систем Волжского бассейна // Поволжский экологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 110–114.

16. Информационные технологии для оценки экологического состояния крупного региона (на примере Волжского бассейна и Самарской области) / Г. С. Розенберг, Д. П. Лунин, Н. В. Костина и др. // Проблемы региональной экологии. – 2000. – № 8. – С. 213.

17. *Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С.* Экологические аспекты модернизации по-китайски и по-нашему (Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Ч. Хэ, Н. И. Лапина. – М. : Весь Мир, 2011. – 256 с.) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии: бюллетень. – 2012. – Т. 21. – № 4. – С. 20–33.

18. Экологическая модернизация: бассейновый подход на примере крупнейших рек Азии и Европы / Г. С. Розенберг, Н. В. Костина, Г. Э. Кудинова и др. // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2014. – Спецвыпуск. – С. 25–34.

19. *Власова Е. Я.* Методология и механизм решения проблем инновационного природопользования в регионе : дис. ... д-ра экон. наук. – Екатеринбург, 2008. – 327 с.

20. *Юрина В. С.* Теоретические и методологические основы обеспечения устойчивого регионального развития социально-экономических систем // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2010. – № 1. – С. 82–87.

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 113–117.

УДК 316.334.2

СИСТЕМА «БЕРЕГ-МОРЕ» КАК СЛОЖНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

SYSTEM «SHORE-SEA» AS A COMPLEX SOCIAL FORMATION

М.В. Драчева

M.V. Dracheva

Керченский государственный морской технологический университет

Kerch State Maritime Technological University

В.А. Чигрин

V.A. Chigrin

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol

Статья поступила в редакцию 15 июня 2015 г.

В статье рассмотрены процессы, которые происходят в прибрежном регионе. Показана значимость Крымского полуострова как пространства, на базе которого происходит ряд сложных и противоречивых процессов, обусловленных ведением активной экономической деятельности в регионе. Выявлена их сложность и взаимосвязь, обусловленная ведением прибрежной и морской деятельности на базе данного региона, которая сложилась исторически, в соответствии с природными и социально-экономическими условиями Крымского полуострова. С учетом пространственной спецификации охарактеризована социально-территориальная общность региона как система «берег-море». Система «берег-море» представляет собой сложное социальное образование, сформированное под влиянием различных процессов, взаимосвязь между которыми имеет сложный характер. Выявлена роль человеческого фактора как главного системообразующего критерия, с помощью которого можно осуществить интеграцию морехозяйственной и территориально-хозяйственной (прибрежной) деятельности в систему «берег-море». При этом также показан дополняющий характер морской хозяйственной деятельности по отношению к береговой деятельности хозяйствующих субъектов. В системе «берег-море» как сложном социальном образовании происходит объединение большого количества людей самых разных квалификаций и профессиональной принадлежности, что обуславливает сложность взаимосвязей и отношений, связанных с осуществлением экономической деятельности в прибрежном регионе.

Также рассмотрена структура морехозяйственного комплекса, сложившаяся на основе мультипликативного характера воздействия морской деятельности в формировании экономики региона. На основании данной взаимосвязи выявлена основополагающая роль морехозяйственного комплекса в социально-экономическом развитии Крымского полуострова, так как это позволяет обеспечить высокую устойчивую занятость населения в приморском регионе.

This paper concerns the research of the processes in the coast region. The importance of the Crimean peninsula as area with a number of difficult and contradictory processes caused by conducting of active economic activities in the region has been analyzed. Their complexity and interrelation caused by coast and sea activities and developed historically according to natural, social and economic conditions of the Crimean peninsula have been determined. The social and territorial community as the system «Shore-Sea» with region specification has been characterized. The system «Shore-Sea» represents the difficult social formation which is created under the influence of various difficult processes. The role of a human factor as the main backbone criterion that makes possible integration of coast and sea activity into the system «Shore-Sea» has been determined. The supplemental nature of sea economic activity relative to coastal activity of economic entities has been also analyzed. The system «Shore-Sea» as a difficult social formation combines a lot of people of different qualifications and professions that causes the complexity of interconnection connected with economic activity in coastal region. The structure of the sea economic complex which is developed on the basis of multiplicative nature of impact of sea activity in formation of economy of the region has been analyzed. On the basis of this interrelation the fundamental role of the sea economic complex in social and economic development of the Crimean peninsula that allows to provide high steady employment of people in the coast region has been determined.

Ключевые слова: система «берег-море», территориальная общность, морехозяйственный комплекс, прибрежный регион, социальное образование, морская деятельность.

Key words: system «Shore-Sea», territorial community, sea economy, coast region, social formation, sea (marine) activities.

Введение. Специфика физико-географического местонахождения Крыма, непосредственно выходящего на акватории Черного и Азовского морей, обуславливает его важную геоэкономическую и геополитическую значимость как прибрежного региона в составе Российской Федерации. Трудно переоценить военно-стратегическое значение данной территории, исторически находящейся на пересечении важнейших геопространственных коммуникаций по направлениям «восток-запад» и «север-юг» [1].

Наряду с этим, благоприятные климатические особенности полуострова, богатое культурно-историческое наследие, разнообразие природных ландшафтов позволяют говорить о Крыме как об уникальном уголке планеты, обладающем огромным рекреационно-туристическим потенциалом.

Хозяйственный облик Крыма, структура, характер размещения производств и населения складывались исторически, в соответствии с его природными и социально-экономическими условиями. Вместе с тем приморское расположение данной территории обуславливает ведение активной экономической деятельности в регионе, которая имеет ярко выраженный характер прежде всего в направленности развития морехозяйственного комплекса и связанных с ним отраслей.

В целом, исходя из сложности и противоречивости процессов, происходящих в прибрежном регионе, его можно рассматривать как сложный объект, который отвечает определению Е.Г. Кропиновой, включая в себя географическую, экологическую, экономическую и социальную системы [2].

При этом стоит учитывать также и то, что население, проживающее на территории Крымского полуострова, представляет собой территориальную общность, сформировавшуюся по принципу полиэтнического социума.

Под «территориальной общностью», в соответствии с определением польского социолога Я. Щепаньского, понимают общность людей, «члены которой связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории» [3].

Согласно мнению С.С. Новиковой, территориальные общности имеют возможность функционировать как относительно самостоятельные социальные образования, так как в каждой из них имеются определенные основные элементы и отношения: произво-

дительные силы, соответствующие структуре и характеру отраслей производства, производственные и технологические организационные отношения, классы, социальные слои и группы, управление, культура и т. п.

В территориальных общностях, несмотря на этнические, профессиональные, демографические и другие различия, объединяются люди, на основе некоторых общих социальных и культурных черт, приобретенных ими под влиянием своеобразных обстоятельств их формирования и развития, а также на основе общих интересов [4].

В соответствии с этим уместно использовать понятие «социально-территориальной общности», которая согласно Социологическому энциклопедическому словарю Г.В. Осипова трактуется как «совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории, формирующейся на основе социально-территориальных различий в специфические социальные образования, выступающие носителями локально проявляющихся связей и отношений, господствующих в данном обществе» [5].

Сложность взаимосвязей и отношений между элементами социально-территориальной общности актуализирует вопрос «Как можно охарактеризовать данное социальное образование с учетом пространственной спецификации Крымского полуострова?». Для этого используем редко применяющийся термин «система берег-море».

Обзор литературы. В научной литературе существуют сходные понятия, которые рассматриваются либо с эколого-географических позиций (В.А. Дергачев [6]), либо в ключе экономики природопользования (В.В. Ивченко, С.Б. Савельева, Е.Г. Кропинова, С.К. Трунин). Применительно к социологии данное понятие впервые упомянуто в работах В.А. Чигрина [8].

Гипотезы исследования. Исходя из того, что Крым является прибрежной территорией, под которой, согласно определению Е.Г. Кропиновой, понимается «пространство, где с особой интенсивностью осуществляется взаимодействие человека с окружающей средой» [2, с. 142].

Следовательно, это обуславливает особенности развития данного региона как сложного объекта, на базе которого происходит активное взаимодействие природных, экономических и социальных процессов, определяемых наличием специфических сфер береговой (прибрежной) и морской деятельности.

Цель данного исследования состоит в рассмотрении системы «берег-море» как сложного социального образования на уровне региональной системы.

Исходя из взаимосвязанности процессов, происходящих в морехозяйственном комплексе, в рамках данного исследования предполагается учитывать то, что человеческий фактор является центральным объединяющим звеном, на основании которого можно осуществить интеграцию морехозяйственной и прибрежной территориально-хозяйственной деятельности в рамках сложной социальной системы «берег-море».

Результаты исследования. Основным элементом социальной системы являются люди, их взаимодействия, отношения и связи. В свою очередь, социальная система – «это сложноорганизованное упорядоченное целое, включающее отдельных индивидов и социальные общности, объединенных разнообразными связями и взаимоотношениями» [5].

В социальной системе эти связи, взаимодействия и отношения носят устойчивый характер и воспроизводятся в историческом процессе на основе совместной деятельности людей, переходя из поколения в поколение [7]. Вовсе не нов тезис о том, что трудовая деятельность положена в основу любых общественных отношений и существенно влияет на характер и содержание взаимодействия людей.

Поскольку человек является основным субъектом и ключевым звеном трудовой деятельности, без наличия которой невозможно существование оной, то именно человеческий фактор будет выступать в качестве основного системообразующего критерия в характеристике системы «берег-море» как сложного социального образования.

Учитывая особенности занятости и профессиональной принадлежности населения Крыма, тем или иным образом связанного с функционированием системы «берег-море», рассмотрим сложившиеся взаимосвязи и взаимодействия людей на базе данного региона [8].

На данный момент береговая зона таких морей, как Черное и Азовское является зоной интенсивного хозяйственного освоения различными отраслями народного хозяйства: морской транспорт и нефтедобыча, рыбное хозяйство, судостроение, рекреационно-туристическое хозяйство, морской спорт, инфраструктура военно-морских сил и др.

Можно с полной уверенностью утверждать, что Крым представляет собой прибрежный регион, на базе которого осуществляется морская хозяйственная деятельность.

При этом морехозяйственный комплекс является межотраслевым комплексом, обеспечивающим сопряжение «морских» и «сухопутных» видов деятельности. По мнению С.Б. Савельевой, особенностью морской хозяйственной деятельности является то, что она не может осуществляться без береговой деятельности хозяйствующих субъектов. И с этим мнением следует согласиться.

Материальное, кадровое обеспечение морских предприятий, переработка и потребление произведенной из морских ресурсов продукции осуществляются береговыми предприятиями, т. е. морская хозяйственная деятельность носит дополняющий характер [9]. При этом морехозяйственный комплекс рассматривается К.С. Труниным как подсистема регионального хозяйства, охватывающая не только производство материальных и нематериальных благ, но и «производство самой жизни и самого человека» [10].

В него входят согласно данным отчета о НИР «Комплексные исследования процессов, характеристик и ресурсов дальневосточных морей России» [11]:

1) рыбное хозяйство: рыбодобыча, рыбопереработка, рыборазведение, марикультура, научное обеспечение (НИИ), подготовка кадров (вузы, колледжи, училища), отраслевые службы контроля, мониторинга;

2) морской транспорт: суда морского транспорта (грузовые и пассажирские), порты, нефтеперегрузочные терминалы, газовые терминалы, отраслевые службы контроля, мониторинга, логистические центры, подготовка кадров;

3) океаническое машиностроение: судостроение, судоремонт, производство оборудования, судовых установок (и их узлов) для добычи морских ресурсов, службы контроля, мониторинга, подготовка кадров;

4) добыча морских ресурсов: нефтегазовых, строительного сырья, службы контроля и мониторинга;

5) рекреационная сфера: туристические базы, яхтклубы, центры дайвинга и др.;

6) научная сфера: институты и лаборатории морского профиля, научные станции, полигоны, особо охраняемые морские и прибрежно-морские акватории.

Можно сказать, что система «берег-море» как сложное социальное образование

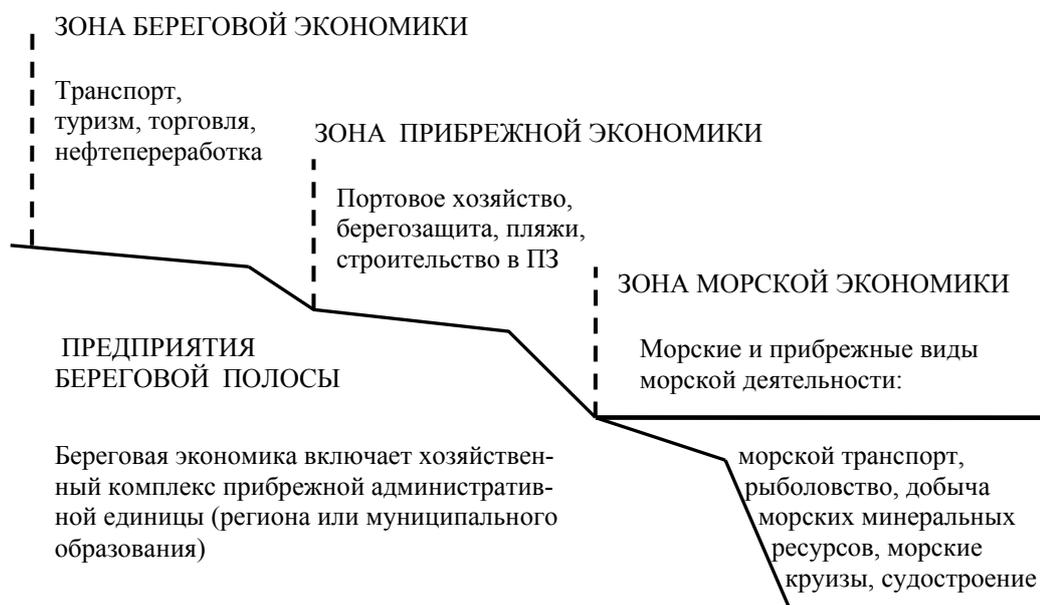
объединяет большое количество людей самой разной квалификации и профессиональной принадлежности, связанных с осуществлением экономической деятельности в прибрежном регионе.

Использование потенциала морехозяйственного комплекса дает прибрежным регионам значительное конкурентное преимущество, проявляющееся в стимулирующем воздействии морской деятельности на развитие других, самых разнообразных видов хозяйственно-экономической деятельности [12].

При этом следует отметить сложный характер взаимосвязей между отраслями море-

хозяйственного комплекса согласно экономической модели, используемой для управления морской деятельностью в США (см. рис.).

В рамках данного подхода отражается мультипликативный эффект влияния морской деятельности на социально-экономическую сферу региона. Так, например «Прибрежная экономика» включает в себя в том числе и выгоды, получаемые некоторыми не морскими отраслями за счет взаимодействия с различными видами морской деятельности [12].

Экономическая модель управления морской деятельностью в США

Для приморских регионов страны, в том числе и Крыма, развитие морехозяйственного комплекса имеет еще одно важное значение – обеспечение высокой устойчивой занятости населения. Как отмечает В.В. Ивченко, на каждое рабочее место на флоте и портах создается 8–10 рабочих мест в береговой инфраструктуре, что, в свою очередь, способствует решению социально-экономических проблем в регионе [13].

Заключение. Таким образом, специфика пространственного месторасположения Крымского полуострова, его значимость как геоэкономического, геополитического и военно-стратегического субъекта в составе Российской Федерации позволяют рассматривать данный регион как сложное социальное образование. Крым представляет собой социально-территориальную общность, взаимосвязь между элементами которой можно охарактеризовать как систему «берег-море».

Исходя из особенностей развития данного региона как сложного объекта, на базе которого происходит активное взаимодействие природных, экономических и социальных процессов, определяемых наличием береговой (прибрежной) и морской деятельности, можно утверждать, что человеческий фактор является основным системообразующим критерием в характеристике системы «берег-море» как сложного социального образования.

Система «берег-море» как сложное социальное образование объединяет большое количество людей самой разной квалификации и профессиональной принадлежности, обуславливая сложность взаимосвязей и отношений, связанных с осуществлением экономической деятельности в прибрежном регионе.

1. Зарубежное регионоведение (евразийские исследования): Россия и страны Черноморско-Каспийского региона : учебник /

отв. ред. Ю. Г. Волков. – М.; Ростов н/Д. : Социально-гуманитарные знания, 2013. – 528 с.

2. Кротинова Е. Г., Афанасьева Э. П. Устойчивое развитие прибрежных территорий как основа комплексного управления прибрежными зонами // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 1. – С. 140–147.

3. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / под общ. ред. А. М. Румянцева. – М. : Прогресс, 1969. – 240 с.

4. Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. – М. : Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2000. – 464 с.

5. Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор акад. РАН Г. В. Осипов. – М. : Изд-во НОРМА, 2000. – 488 с.

6. Дергачев В. А. Природно-хозяйственная контактная зона Суша-Океан // Известия всесоюзного географического общества. – 1980. – Т. 112. – С. 40–45.

7. Лукашевич Н. П., Туленков Н. В. Социология: учеб. пособие / под общ. ред. Н. В. Туленкова. – 2-е изд., стереотип. – Киев: МАУП, 2002. – 272 с.

8. Чигрин В. А. Социальная работа в морском вузе: составляющие актуальности // Соціально-економічні, соціально-педагогічні та соціально-психологічні проблеми морської освіти: матеріали I Міжнародної науково-

практичної конференції (Мелітополь, 14–16 червня 2012 р.). – Мелітополь : Колор Принт, 2013. – С. 35–42.

9. Савельева С. Б., Савельев А. Н., Козинский И. В. Особенности и типология видов морской хозяйственной деятельности // Вестник МГТУ. – 2006. – Т. 9. – № 4. – С. 665–668.

10. Трунін К. С. Структурування морегосподарського комплексу України // Збірник Наукових Праць НУК. – 2014. – № 1. – С. 120–125.

11. Общее состояние и перспективы развития хозяйственного комплекса, объединяющего участников морской деятельности региона. Комплексные исследования процессов, характеристик и ресурсов дальневосточных морей России: отчет о НИР по ГК № 43.634. 11.0004/6 Тихоокеан. ин-т геогр. ДВО РАН; рук. П. Я. Бакланов. – Владивосток, 2007. – 220 с. – URL : http://www.pacificinfo.ru/data/cdrom/11/html/8_2.html (дата обращения: 5.06.2015).

12. Разработка предложений по направлениям развития морских побережий России. Отчет о НИР РГГМУ; рук. Л. Н. Карлин. – СПб., 2009. – 446 с.

13. Ивченко В. В. Морехозяйственный комплекс как резерв в преодолении кризиса экономики приморского региона // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 3. – С. 26–33.

ДОВЕРИЕ КАК ИНДИКАТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ¹

TRUST AS AN INDICATOR OF SOCIO-CULTURAL STATUS OF THE REGIONAL COMMUNITY

М.М. Юсупов

M.M. Yusupov

Чеченский государственный университет, Грозный
The Chechen State University, Terrible

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Рассматриваются ценностное и инструментальное значения доверия в современном обществе, характеризуются концептуальные подходы к их изучению, объясняется социологический интерес к изучению функционально-ценностных сторон доверия в период реформирования общества. Обосновывается практическая значимость для социальной стабилизации изучения особенностей проявления доверия в предконфликтной и постконфликтной ситуациях в регионе. В исследовании использовались количественные и качественные методы анализа, приводятся социологические и статистические показатели. Концепт доверия рассматривался через дихотомию «опасность – безопасность», «высокий – низкий уровень жизни». При этом доверие характеризуется как индикатор и инструмент сохранения и воспроизводства единства региональной общности, обосновывается необходимость обеспечения оптимального баланса между доверием и недоверием. Излагаются исторический, социальный, психологический и другие факторы влияния на социальное доверие во время регионального кризиса. В ней дается их краткое описание, характеризуются уровень жизни, опасения, надежды, ценностные установки и поведенческие позиции разных этнических групп населения, выделены пространственные границы проявления социального доверия. Раскрыта специфика его проявления на институциональном и индивидуально-личностном уровне, выявлена зависимость доверия от социально-демографических, образовательных факторов, общественно-политических предпочтений. Отношение доверия в условиях политической нестабильности оказывается сопряженным с опасностью и риском, ростом недоверия к слабым региональным институтам и к центральному учреждению. В заключении делается вывод об изменчивости доверия в зависимости от уровня жизни и состояния безопасности. Восстановление социального порядка и инфраструктуры, улучшение благополучия способствует утверждению атмосферы доверия в обществе, постепенному укреплению доверия в межличностном и групповом общении.

The article considers the value and instrumental meaning of trust in a modern society, characterizes the conceptual approaches to its studying, and explains the sociological interest to studying of the functional-value sides of trust in reforming society. The practical importance for social stabilization of studying the peculiarities of trust manifestation in pre-conflict and post-conflict situation in the region is proved. In research quantitative and qualitative methods of analysis were used, sociological and statistics indicators are given. The concept TRUST was considered through a dichotomy "danger-safety", «high – low standard of living». Thus the trust is characterized as the indicator and the tool of preservation and reproduction of unity of a regional generality, necessity of maintenance of optimum balance between trust and mistrust is proved. The article deals with the historical, social, psychological and other factors of influence on social trust during the regional crisis. The short description is given, misgivings, hopes, value installations and behavioral positions of different ethnic groups of the population are characterized, a standard of living, spatial borders of social trust display are allocated. Specificity of its display at institutional and individual-personal level, dependence of trust on social-demographic, educational factors, political preferences are revealed. The relation of trust in the conditions of political instability appears interfaced to danger and risk, mistrust growth to weak regional institutes and to the central institutions. In the end the conclusion about variability of trust depending on the standard of living and security status is done. Restoration of a social order and infrastructure, well-being improvement promotes the statement of trust atmosphere in a society, to gradual strengthening of trust in interpersonal and group dialogue.

Ключевые слова: доверие, недоверие, уверенность, надежда, ценность, надежность, вера, конфликт.

Key words: trust, mistrust, confidence, hope, value, reliability, belief, conflict.

Введение. В современном мире идут интенсивные процессы геоэкономических и геокультурных изменений, наблюдаются противоречивые тенденции глобализации и регионализации, поиск эффективных моделей экономического и культурного развития, достижения благосостояния. И поэтому в ме-

ждународных отношениях как никогда требуется доверие друг к другу национальных лидеров, политических, культурных и экономических элит. Не в меньшей степени необходимо сегодня доверие в обществе отдельно взятой страны. В последние 24 года в России произошли качественные преобразо-

¹ Статья подготовлена по материалам исследования «Социокультурный портрет Чеченской Республики» при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-03-00750а.

вания, поменялся социальный строй, перестроены экономические отношения, произошла переструктуризация социально-демографических групп, трансформация социокультурных ценностей. Однако на этом пути почти неизбежны замедления, кризисы, что требует социальной и интеллектуальной консолидации, переосмысления опыта, нахождения механизмов обновления политики. Этим объясняется интерес отечественных социологов к изучению функционально-ценностных сторон доверия в обществе [1] или, иначе «возникший у нас вдруг интерес к доверию состоит в том, что он связан с нынешней российской действительностью» [2, с. 3].

Обзор литературы. Лексическое значение слова «доверие» в словаре Д.Н. Ушакова: убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности, вера в искренность и добросовестность кого-нибудь [3]. С ним связаны производные однокоренные слова: доверить, доверитель, вера, уверенность. Доверие на чеченском языке – «тешам» и имеет такие же однокоренные родственные слова (теш, теша, тешамхо). Любопытно, что на чеченском языке свидетель – «теш» также имеет одинаковый корень со словом «доверие», «вера» (тешам, тешар). На русском языке слово «свидетель» производно от слов «видеть», «очевидец», т. е. человек подтверждает то, что ему известно о реальном факте, событии. В чеченском языке выражается вера в слово, т. е. в честность, искренность повествования. Это, возможно, связано с тем, что слово и действие в чеченском языке и культуре общения равнозначны и часто слово используют в смысле действия. Отсюда присущая традиционной культуре сакрализация слова, обещания, обязательства, необходимость ответственности за свое слово. Выделенное различие в некоторой степени характеризует ментальную особенность русского и чеченского сознания, культуры межличностного и делового общения.

В психологических словарях доверие рассматривается как «психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, кажущееся нам авторитетным...» [4]. В социологии указывается на то, что доверие (trust) – вера в надежность человека или системы (Гидденс, 1991). Степень основополагающего доверия, приобретаемого в детстве к людям и учреждениям, часто рассматривается как необходимая для хороших долгосрочных социальных отношений [5]. Ряд социологов полагает, что о доверии

как о социологическом понятии говорят в случае, если оно рассматривается с учетом социальных норм и ожиданий, которые укоренены в данной социальной общности [6].

Понятийное значение, философско-этический аспект доверия занимало античных философов и просветителей Европы, в частности, проблема утверждения в обществе договорных отношений, гуманизации отношений населения и правительства. Социальное и нравственно-этическое содержание доверия находит конкретную разработку в классической социологии, с выделением его онтологического и аксиологического аспекта. В ней предпосылкой доверия признается социальный порядок, раскрывается взаимосвязь понятий «вера», «уверенность», «доверие» [7], причем одни указывают на существенную близость, родство терминов «уверенность» и «доверие», другие отмечают их взаимосвязь и смысловое различие [8]. В современной западной литературе проявление доверия соотносится с социально-экономическим состоянием общества, выявляются демографические, образовательные, урбанистические и другие факторы влияния на доверие [9].

Исследователи разграничивают доверие по признакам проявления, на индивидуальном уровне оно отражает доверие к самому себе и другому, характеризует межличностное взаимодействие, общение, происходящее в различных ячейках общества. На институциональном уровне служит выражением отношения к тем или иным социальным группам, системе экономического обмена, политическим институтам, существующему режиму, реализации социальной и экономической политики. Данный вид доверия в литературе называют социальным доверием, системным доверием, обобщенным доверием. При всех отличительных нюансах этих терминов, их объединяет собирательность, отношение к внешнему, окружающему жизненному миру, и они в этом смысле взаимозаменяемы.

Пространственные границы социального доверия на макроуровне простираются в пределах страны, мезоуровне – региона, микроуровне – территориально-поселенческой общности населенного пункта, трудового коллектива предприятия или организации.

Доверие представляет собой ценность, имеет оценочно-смысловую нагрузку, является индикатором и инструментом сохранения и воспроизводства единства, обеспече-

ния интеграционной целостности социальных образований и социума. В обществе социальное равновесие обеспечивается хотя бы примерным соотношением доверия и недоверия, низкий уровень доверия не всегда влечет недоверие, может иметь сопутствующую неопределенность, просто несогласие по какому-то направлениям.

Противоположным доверию является недоверие, т. е. недоверие человеку, учреждению, социальной системе. В обществе, среди составляющих его групп населения, существует соотношение доверия и недоверия, которое подвижно, изменчиво под воздействием разных обстоятельств.

Так, регулярно проводимые исследования в разных странах международным Центром «World Values Survey» позволили выстроить типологию стран с низким и высоким уровнем доверия. К первому типу относят Россию, Мексику, Бразилию, Китай, Турцию, Румынию. Ко второму – Австралию, Германию, США, Финляндию, Японию и др. Результаты исследования показывают корреляцию уровня доверия и экономического развития, общественного благосостояния. Доверие в обществе и к социальным институтам выше в экономически развитых государствах, ниже в развивающихся странах, где высок уровень бюрократии, коррупции, социального неравенства [10].

Между тем в западной и отечественной литературе мало уделяется внимания изучению социальных и культурных ценностей в условиях региональной социально-политической нестабильности. В данной статье предпринята попытка раскрыть особенности проявления социального доверия в период возникновения, развития регионального конфликта и строительства мира, охарактеризовать поведенческие позиции разных этнических групп.

Гипотезы и методы исследования. В исследовании применялись деятельностный и конфликтологический подходы, методы количественного анализа статистических и социологических показателей, сбор информации осуществлялся и качественными методами посредством проведения наблюдений, интервью, соблюдались принципы объективности, историзма, сравнения. В анкету массовых и экспертных опросов вносились блоки вопросов, касающихся доверия, уровня и удовлетворенности жизнью, безопасно-

сти, ценностных предпочтении в 1991, 2003, 2009, 2013 г. Все массовые опросы проводились по квотной репрезентативной выборке по месту жительства в форме индивидуального интервью. Концепт «доверие» рассматривался как изменчивый феномен через дихотомию «опасность-безопасность», «высокий-низкий уровень жизни», «спокойствие-тревога», «оптимизм-пессимизм». Основная гипотеза предполагает корреляцию социального доверия с уровнем жизни и безопасностью.

Результаты исследования. С 1990-х гг. в России социологические центры и службы проводят мониторинг социальных изменений, уровня доверия в стране и регионах, ведутся проблемно-тематические изыскания в контексте структурно-функциональных связей различных групп населения, трансформации социокультурных ценностей. В нашем исследовании отслеживались процессы и доверие в регионе с момента возникновения предконфликтной ситуации (1988–1991), которая вначале протекала латентно, а затем явно, открыто. В этих обстоятельствах на проявление доверия этнических и социальных групп оказывали влияние разные факторы.

Итак, в предконфликтной ситуации доверие в регионе имело явно выраженный этнический и социально-политический аспект. Русские и другие национальности сохраняли групповую целостность, но проявляли низкий уровень доверия к социальной среде, складывающимся обстоятельствам, интуитивно и сознанием чувствовали и предвидели надвигающуюся дестабилизацию обстановки. Это породило настроения массовой миграции еще до перерастания кризиса в конфликт и начала военных действий. Чеченское население раздваивается на сторонников существующей автономии и приверженцев расширения самостоятельности в форме особого статуса или независимости. Как видим, изначально конфликт зарождался как внутричеченский и социально-политический, внешним проявлением служило обострившееся противоречие партийно-советской власти и части чеченского гражданского населения. Социальное доверие оказывается сопряженным с опасностью и риском, ростом недоверия к разрушающимся региональным институтам и к центральным учреждениям.

Факторы, влияющие на доверие у чеченцев и русских, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Факторы влияния на доверие в предконфликтной ситуации. 1991 г.

<i>Факторы</i>	<i>Чеченцы</i>	<i>Русские</i>
Исторический	Критическое восприятие прошлого, актуализация негативного опыта репрессий, депортации	Положительное восприятие прошлого опыта, своей роли в создании основ промышленности, науки, образования
Социальный	Проживание основного населения в сельской местности, безработица не менее 25 %, вынужденные сезонные миграции	Занятость многих квалифицированным трудом, относительная благоустраенность
Психологический	Прошлый опыт вызывал комплекс жертвенности, потребность в исторической справедливости, готовность участвовать в социальных акциях	Прошлый опыт вызывал положительные эмоции, ощущение своей социальной значимости, но настоящее рождало чувства безопасности
Информационный	Воздействие идей демократического движения в Москве, национальных лозунгов республик Прибалтики	Настороженное отношение к общественной активности на фоне событий в Фергане, Сумгаите, Нагорном Карабахе и др.
Познавательный	Упрощенное восприятие ситуации, ожидание позитивных перемен	Взвешенное восприятие ситуации, опасение за настоящее и будущее

Однако жизненно необходимым было доверие друг к другу соседей, сослуживцев, друзей, знакомых, именно эта взаимопомощь и взаимная поддержка, солидарность мирных людей разных национальностей помогали им выживать, противостоять насилию. Уместно подчеркнуть, что конфликты на постсоветском пространстве, на Балканах, Ближнем Востоке, не говоря о центральной Африке, сопровождалась потерей межэтнического доверия, вооруженным столкновением этнических групп гражданского населения. В Чеченской Республике нет ни одного факта подобного характера. Конечно, это объясняется не только высокой нравствен-

ностью членов местного сообщества, а прежде всего природой конфликта, его очевидной территориально-политической или национально-политической направленностью, а также социально-историческими причинами, длительной практикой мирного сосуществования в прошлом на фоне различных критических событий.

В социологическом опросе 2003 г. было предложено ретроспективно взглянуть на события осени 1991 г. («Социологическое исследование «Интересы, нормы, ценности», объем выборки – 1060 чел., Центр социально-стратегических исследований, 2003) (см. табл. 2).

Таблица 2

Восприятие новой власти и провозглашения суверенитета ЧР в 1991 г., % (2003 г.)

<i>Тип восприятия</i>	<i>Чеченцы</i>	<i>Русские</i>	<i>Другие национальности</i>
Положительно, с чувствами надежды	42,7	3,1	12,1
Безразлично, с неопределенными чувствами	17,3	13,4	24,2
Отрицательно, с чувствами опасения	39,8	83,5	63,6

Конечно, на момент социологического опроса население сильно изменилось по этническому, социально-профессиональному составу, да и по политическим предпочтениям; возможно, на эти ответы сказались и уже пережитые войны. Вместе с тем, ответы скорее объективно отражают саму тенденцию восприятия кризисного периода различными этническими группами.

Размышляя над судьбой народа, некоторые должностные лица и научно-творческие деятели видят причины недавних трагических событий в готовности чеченцев безоглядно следовать за теми, кто обещает ре-

шить их проблемы. В одном из интервью А. Арсанукаев говорит: «На мой взгляд, наш народ очень доверчивый. Появляется какой-то малоизвестный или самозванный «герой» и говорит: «Я отдам вам свое сердце, как Данко, и приведу вас к свету свободы». Мы, абсолютно не думая о последствиях, готовы идти за ним, потому что очень любим этот свет свободы. Вот эта какая-то легковёрность, которая не раз приводила наш народ к трагедии. Легковёрность эта является порождением нашей наивности» [11]. А. Арсанукаев прав, когда подчеркивает в качестве недостатка легковёрность и наивность своих земляков.

Однако легкость на подъем, инициативность, готовность к положительным переменам можно использовать и на благо общества. И здесь встает проблема интеллектуальных кадров, их способности руководствоваться в своих действиях, предлагаемых проектах не только и не столько романтикой, сколько рациональностью и практичностью.

Примечательно, что в условиях драматичного протекания процессов, после многолетней нестабильности и двух войн, межнациональные отношения в республике считали враждебными чеченцы – 3,3 %, русские – 2 %, другие национальности – 8 %.

Вместе с тем произошло снижение общего доверия. Полагали, что можно доверять всем людям менее 5 % респондентов-чеченцев, большинству людей – 23,4 %, меньшинству – 53,3 %, никому – 21,1 %; русские соответственно – 16,5, 53,6, 26,8 %; другие национальности – 6,3, 48,4, 41,1 % соответственно.

Гендерные различия в проявлении доверия выразились в том, что мужчины в большей степени предрасположены, доверять всем людям, чем женщины. В среднем и старшем возрасте доверяют на 10–17 % больше по сравнению с молодыми. Старшие имеют социальный опыт, включены в разные структурные социальные связи, молодые несколько изолированы, у них нет широких контактов. Больше доверяют люди со средним специальным и высшим образованием, меньше с незаконченным средним и средним образованием. В Грозном и сельской местности доверяют четверть опрошенных, а в малых городах – 14,3 %, почти одинаковый процент доверяющих в столице и селе скорее связано с тем, что столичные жители это не потомственные горожане, а сравнительно недавно переехавшие сельчане. Больше доверяют окружающим положительно или безразлично относящиеся к общественно-политическим организациям, а также те, кто редко менял свою точку зрения на события в Чеченской Республике последние 12 лет.

Среди сторонников государственной, смешанной, частной собственности нет существенной разницы в доверии большинству людей. Выражающие надежду на улучшение финансового положения семьи через год доверяют большинству людей (58 %), доверяют больше и те, чей уровень жизни средний, ниже среднего и выше среднего, и меньше с низким уровнем жизни.

Без взаимного доверия людей невозможно создать «устойчивую платформу отноше-

ний и поэтому крайне важно достижение социальной стабильности» [12]. С восстановлением разрушенной инфраструктуры, улучшением материального благополучия усиливается региональная идентичность, повышается интенсивность контактов и социальных связей [13], у многих крепнет надежда, уверенность в завтрашнем дне. В социально-экономической сфере наблюдается позитивная динамика, например, валовой региональный продукт на душу населения в Чеченской Республике возрос в 2005–2012 гг. в три раза, как и в Северо-Кавказском ФО и РФ.

Среднедушевые денежные доходы жителей Чеченской Республики составили в 2013 г. – 17 188 руб., в Северо-Кавказском ФО – 18 900 руб., РФ – 25 928 руб. Общая площадь жилых помещений увеличилась за 2010–2013 гг. с 12,0 до 18,1 кв. м. Согласно официальной статистике сократилась в 2010–2013 гг. и безработица с 43,3 до 26,9 %, а на начало 2015 г. она составила – 15,2 % [14].

В стране считали, что дела идут в правильном направлении в 2000 г. – 34 %, в 2015 – 60 % [15]. В Чечне в 2012 г. ответили на аналогичный вопрос положительно – 43 %. Состояние ситуации в Чеченской Республике оценили как нормальной в 2009 чеченцы – 63,7 %, русские – 26,8 %, в 2013 – соответственно – 71,5 и 80 % (Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона», объем выборки – 1000 чел., Центр социально-стратегических исследований, 2009).

Централизация в системе управления, патриотический настрой граждан, единение против возможных внешних угроз [16] и, бесспорно, заметное улучшение жизни в 2000-е гг. поддерживают общую доверительную атмосферу, высокий рейтинг первых руководителей государства и ряд регионов [17], несмотря на переживаемый финансово-экономический кризис.

В то же время ощущается дефицит гражданского доверия, вера в потенциал общественных организаций, возможность эффективного сотрудничества общественного актива и региональной власти по ключевым направлениям социальной и культурной жизни. Отсутствие разветвленной деятельной социальной сети, ограниченные возможности гражданской активности служат барьером в становлении и развитии социального капитала.

Заключение. Основу доверия образуют социальный порядок, система норм и ценностей, гармонизация интересов социальных групп, согласие в обществе соблюдать обще-

принятые правила. Доверие имеет два вектора отношений: по горизонтали и вертикали социальной и общественно-политической самоорганизации. Причем они сопряжены, но имеют разную степень устойчивости. Так, отношение к региональным и центральным институтам чаще подвижное, подвержено колебанию, в зависимости от эффективности реализуемой социальной политики. В то время как отношение по горизонтали, которое находит воплощение в межличностном и межгрупповом общении, более устойчиво, в значительной степени обусловлено культурой общежития и культурой доверия, а также (в определенной мере) уровнем благосостояния. Хотя в повседневной жизни существует мозаика точечных проявлений доверия/недоверия в постоянном, временном и ситуативном общении.

В исследовании нашла подтверждение основная гипотеза о зависимости социального доверия от уровня жизни, социального благополучия в обществе, состояния общественной безопасности. В то же время доверие в межличностном общении в разных сферах жизни не имеет такой прямой зависимости и является относительно самостоятельным феноменом.

В период регионального кризиса падает уровень социального доверия, беспокойство доставляет угроза общественной и физической безопасности, но возрастает необходимость доверительных контактов, связей родных и близких, друзей, соседей, профессиональных коллег, сослуживцев. С урегулированием конфликта и началом строительства мира, восстановлением разрушений и обустройством населенных пунктов, улучшением материального положения населения постепенно повышается барометр доверия. Однако пережитые культурные травмы и посттравматические расстройства могут при стечении обстоятельств и ухудшении социальных условий спровоцировать перерастание растущего доверия в недоверие.

1. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост., общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2009. – 808 с.

2. Магомедов М. Г. Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ : дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов н/Д., 2009. – 300 с.

3. Словарь Д. Н. Ушакова. – URL : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary->

synonyms-term-17700.htm (дата обращения: 25.12.2014).

4. Большой психологический словарь. – URL : <http://psychological.slovaronline.com> (дата обращения: 25.12.2014).

5. Социологический словарь. – URL : <http://slovari-online.ru/word/> (дата обращения: 25.12.2014).

6. Обзор состояния теоретической мысли по проблемам личного доверия в различных странах / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина и др. // Социологическое исследование. – 2013. – № 3. – С. 60–73.

7. Парсонс Т. О. О структуре социального действия. – М. : Академический проект, 2000. – 880 с.

8. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории: пер. с нем. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.

10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.

11. Интервью: Арсанукаев Абдулла Магомедович, директор Института развития образования ЧР. 2.01. 2015 (Архив автора).

12. Алексеева А. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия // Социальная реальность. – 2008. – № 7. – С. 85–98.

13. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 730 с.

14. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press. – New York, 2005. – 344 p.

15. Renato Miguel Carmo, Nuno Nunes. Class and social capital in Europe: a transnational analysis of the European Social Survey // European Societies, iFirst. – 2012. – P. 1–15. DOI:10.1080/14616696.2012.691171.

16. Алаудинов А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. – 2014. – № 9 (60). – С. 134–137.

17. Бетильмерзаева М. М. Типология смысловых связей интерсубъективного взаимодействия // Научные труды SWorld. – 2015. – Т. 14. – № 1 (38). – С. 91–97.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
В ЗОНЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ:
МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ¹**

**SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF CROSS-CULTURAL INTERACTIONS
IN THE REGION OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER AREA:
DESCRIPTION TECHNIQUE**

А.И. Винокуров

A.I. Vinokurov

*Смоленский государственный институт искусств
Smolensk State Institute of Arts*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В статье показана возможность использования в анализе современного социокультурного пространства западного приграничья методов неофициальной топонимики. Информация о неофициальных топонимах пространства западного приграничья может интересно дополнить социокультурный портрет Смоленской области, показать исторические особенности кросс-культурных взаимодействий в зоне российско-белорусского приграничья. Результаты исследования показывают вектор трансформации культурной принадлежности западного приграничья России в условиях расширяющего Евросоюза, перспективы социокультурной эволюции уникального субэтнуса западной провинции России; уникально характеризуют особенности социокультурной типологии Смоленской области; возможности межкультурного диалога малых сообществ в контексте переходных состояний общества, разработки на этой основе рекомендаций по тактике и стратегии противодействия вызовам и угрозам сохранению самобытных народных культур западного приграничья России, попыткам их унификации в практиках массовой культуры и развертывания новых форм давления запада на Россию. Выявление и описание кросс-культурных взаимодействий в зоне российско-белорусского приграничья будут способствовать не только развитию теории структурной модернизации социально-экономической системы России, но и покажут функциональное значение феномена традиции в новой индустриализации. Результаты исследования могут использоваться администрациями региона при решении управленческих задач по оценке социальных детерминант радикальных настроений и протестного поведения молодежи, проявлений социально-психологических состояний фрустрации и депривации в оценках качества жизни населения.

In the given article there is shown the usability in of methods of informal toponymics the analysis of modern sociocultural space in the Western border area. The sociocultural portrait of the Smolensk region can be supplemented with the information about the informal toponyms of space of the Western border area showing historical features of cross-cultural interactions typical for the Russian-Belarusian border area. The research results show a vector of transformation of cultural accessory of the Western border area of Russia under the conditions of the expanding European Union, the sociocultural evolution prospects of the unique subethnos of the Western province of Russia being a unique features of the sociocultural typology of the Smolensk region and demonstrating the possibilities of cross-cultural dialogue of small communities in the context of society transition state, the development thereon some tactical and strategic counteraction recommendations for challenges and threats to preserve the original national cultures of the Western border area of Russia, as well as to opposite to the attempts to unificate them using methods applied in the mass culture and to expand the new forms of pressure of the West upon Russia. The identification and the description of cross-cultural interactions in the Russian-Belarusian border area would promote both the development of the structural modernization theory of Russia's social-economic system, and also would show the functional value of the tradition phenomenon on the new industrialization stage. The research results can be used by the region administrators in solving the administrative tasks evaluating the social determinants of radical and protest moods of youth, the appearances of the sociopsychological frustrations and deprivations while estimating the life quality of the population.

Ключевые слова: теория структурной модернизации социально-экономической системы России, западное приграничье, методы неофициальной топонимики, социокультурный портрет Смоленской области, феномен традиции в новой индустриализации, оценка социальных детерминант радикальных настроений и протестного поведения молодежи.

Key words: the structural modernization theory of Russia's social-economic system, the Western border area, methods of informal toponymics, a sociocultural portrait of the Smolensk region, a tradition phenomenon on the new industrialization stage; evaluating the social determinants of radical and protest moods of youth.

¹ Работа осуществляется при финансовой поддержке РГНФ (проект № -15-0300443а).

Введение. Явления современной хозяйственной жизни имеют определенные социокультурные предпосылки, они основываются на господствующих в конкретном обществе системах ценностей и норм, на менталитете конкретного общества, об этом первым в мировой социологической мысли заявил М. Вебер [1, с. 224–262]. Менталитет, система ценностей и норм актуализируют проблему взаимодействия традиции и новации, региональных и локальных измерений феномена влияния традиции в социокультурных процессах современности [2]. Для новой индустриализации России важно расширять коммуникативное пространство, сохраняя при этом культурную уникальность своих регионов. С геополитической точки зрения это стремление России рассматривается в определенных кругах как угроза будущему Европы [3]. В глобальной трансформации заметно, что вектор политической коммуникации Запада направлен на расширение Европейского Союза с использованием технологии построения зоны соприкосновения Евросоюза и Российской Федерации и стремлении строить Балтийский регион, что может создать проблему территориальной целостности России. Важно отметить, что именно здесь, в западном приграничье России, с севера на юг проходит незаметный культурный рубеж, характеризующий многовековое культурное влияние западных соседей – Польши, Литвы, Эстонии, Беларуси [4, с. 199–204]. Этот рубеж проявляется в разнородности местных диалектов, фольклора, неофициальной топонимики, этнографических особенностях малых сообществ коренного населения, этническом происхождении переселенцев, что при определенных условиях может стать местом конкретной политики «общей исторической судьбы» ЕС и США в модели «Украина – це Европа».

Обзор литературы. Как показал анализ специальной литературы, Восточная Европа стала значимым элементом глобальной трансформации, на её территории сейчас разворачиваются события атлантистского контроля над «буферной зоной» (Украина, Белоруссия, Молдова). В качестве инструментов контроля используется технология «мягкая сила» (soft power), основанная на социально-политических идеях, культурных ценностях. Идеологическая методология этой специальной технологии фокусируется на призывах к направленным изменениям, включая «исправление культурных границ» периферии. В при-

граничных регионах используется социальная практика «прямого соседства», формируются трансграничные институты с целью изменения этно-религиозного, социокультурного пространства соседей. Культурная принадлежность региона становится решающим фактором в формирующейся глобальной иерархии мира [5]. Важно своевременно оценить социокультурные предпосылки и содержание трансформации культурной принадлежности западного приграничья России, показать ближайшие перспективы социокультурной эволюции уникального субэтноса западной провинции России. Отсюда актуальной становится изучение особенностей формирования коммуникативного пространства западного приграничья на примере Смоленской и Могилевской областей Союзного государства.

Гипотезы и методы исследования. Предполагалось, что если в анализе современного коммуникативного пространства западного приграничья использовать методы неофициальной топонимики, то в языковой среде населения этой территории можно обнаружить следы прошлых эпох. Топонимика (от греч. τόπος + ὄνομα – место + имя) – наука, изучающая географические названия (топонимы), их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Топонимика является интегральной научной дисциплиной, которая находится на стыке трёх областей знаний: географии, истории и лингвистики. В конце 1960-х гг. слова *топонимика* и *топонимия* получили статус узловых терминов науки о географических названиях: *топонимика* – обозначение самой науки, а *топонимия* – обозначение совокупности географических названий, например, какой-либо территории [6].

Использование топонимии будет способствовать учёту исторических сведений об особенностях кросс-культурных взаимодействиях в зоне российско-белорусского приграничья.

Методы исследования: методы топонимики; методы программы и типового инструментария «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010) [7, с. 13–110]. Особенностью методологии портрета региона является его жанр. Портрет рассматривается как способ изучения объекта и как форма изложения полученных результатов. Как способ портрет характеризуется комплексностью, системным единством анализа

и синтеза важнейших характеристик региона. Форма изложения предполагает наглядность представления эмпирических данных, их визуализацию. Сопоставимость результатов исследований обеспечивается единством типовых параметров, методов сбора эмпирических данных, расчета результирующих индексов и индикаторов, стандартизированной визуализацией. Портрет региона разрабатывается на основе сбора исходной статистической и социологической информации по следующим составляющим: регион как социокультурная общность, социально-демографические особенности расселения населения в регионе, культурный потенциал и культурный капитал населения, трудовая мотивация и экономическая активность населения, уровень и качество жизни населения, социальная стратификация и социальная мобильность, реалии инновационной деятельности, правопорядок и правонарушения, государственное и муниципальное управление в регионе; затем проводится сравнительный анализ полученных данных, картография, разрабатываются управленческие решения (рекомендации).

Результаты исследования. Установлено, что ряд неофициальных топонимов прошлого прослеживается в названиях, именующих фортификационные сооружения, кладбища, названия домов Смоленска. Известно, что после взятия Смоленска в 1611 г. поляки начали укреплять город, повышая его обороноспособность. По приказу польского короля Сигизмунда III Вазы на месте обширного пролома крепостной стены был сооружён Королевский бастион, прозванный в народе Большим или Великим валом. Первоначально он был назван в честь польского короля Сигизмунда III Сигизмундовой крепостью и представлял собой земляной пятиугольник, от которого ныне сохранились лишь отдельные фрагменты. С появлением в 1634 г. Владислава форта (назван в честь польского короля Владислава IV Вазы, ныне – Шеинов бастион) возникли топонимы Малый вал и Большой вал. Название «Королевский бастион» возникло, по мнению смоленского археолога Ф.Э. Модестова, во 2-й половине XVII или в начале XVIII в., а с XVIII и началом XIX в. он связывает название «Цитадель». Не так давно возник интернет-топоним Корбас. Ряд неофициальных топонимов прошлого, именующих фортификации, дополняют также Железный привалок и Буштель. Железным привалком именовали земляной шанец напротив Молоховских ворот. В 1654 г. на-

ходящийся на польской службе инженер Бонелли накануне штурма города московскими войсками «заминировал» его металлическими петардами, что, вероятно, и породило прозвище «Железный». Римско-католический костёл Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии большинство смолян, не утруждая себя запоминанием официального наименования единственного католического храма в городе, называет Костёлом, предпочитая использовать имя нарицательное в функции имени собственного. Храм в готическом стиле был возведён на пожертвования прихожан и духовенства Могилёвской епархии в 1894–1897 гг. по проекту архитектора М.Ф. Мейшера. Ранее (с 1839 г.) здесь находился небольшой костёл во имя Рождества Пресвятой Девы Марии. В 1937 г. в Костёле богослужения были запрещены, а с 1958 г. здание стали готовить для размещения хранилища областного архива: разобрали уникальный орган, сняли позолоченные кресты. Впоследствии были утрачены искусно выполненные витражи. Ныне областной архив, переехал на новое местожительство и освободил храм.

Польские топонимы в Смоленске продолжают возникать и в наши дни. Топоним Поляндия, обозначающий девятиэтажки за Багратионовским рынком (ул. Нахимова, № 13А, 13Б, 13В, 15), возник в связи с тем, что в них переселяли семьи советских военнослужащих из Польши. Берёза Качиньского (Бронированная берёза) – рождённый в благосфере топоним-напоминание об авиакатастрофе, произошедшей под Смоленском 10 апреля 2010 г. Во время посадки на аэродром «Смоленск-Северный» в условиях сильного тумана разбился польский «борт № 1» (президентский самолёт Ту-154 польских ВВС). Эта крупнейшая авиакатастрофа среди тех, в которых погибали первые лица государства. Сразу после катастрофы пользователи Интернета активно выдвигали версии произошедшего, реконструировали события. И в числе прочего было указано, что при посадке «борт № 1» уклонился от курса и при снижении задел крылом мощную берёзу. Сломанное дерево стало одним из символов этой трагедии, что нашло отражение в серии польских памятных монет, посвящённых авиакатастрофе под Смоленском. Сегодня место аварии самолёта расчищено от сломанных деревьев. На краю пустоши стоит берёза с раздвоенным стволом, в развилке которого остался кусок разорванного фюзеляжа. К под-

ножию дерева родственники погибших привозят свечи и венки [8].

К сожалению, в настоящее время исторические события прошлого стали негативно использоваться в риторике политиков Польши.

Цикл фокус-групп, проведенных нами в 2014 г. с заместителями руководителей исполнительно-распорядительных органов муниципальных районов и городских округов Смоленской области, начальниками отделов (комитетов, управлений) культуры и специалистами по молодежной политике администраций муниципальных районов и городских округов Смоленской области ($n = 78$) впервые показал появление в содержании общения смоленской и белорусской молодежи 17–24 лет (белорусов, проживающих на территории Смоленщины) идеи Белорусской Смоленщины и утверждения «Великое Княжество Литовское – белорусское государство», с упоминанием неофициальных топонимов прошлого. Как видим, в Смоленской области актуализируется тенденция дезинтеграции на уровне межнациональных отношений между членами регионального социума. Важно помнить, что Смоленщина представляет собой территорию западного приграничья, на которой наиболее ярко проявляются процессы смешивания элементов русской и белорусской культуры, и уже на протяжении веков формируется новое этнокультурное образование [9, с. 405–413]. События, происходящие в таких условиях, неизбежно снижают совместную активность людей социокультурного пространства региона, формируют разнонаправленные процессы их социальных взаимодействий и коммуникаций, порождают социальную и культурную дистанцию [10]. В нашей ситуации, возникает вопрос об устойчивости такой дистанции во времени, степени конфликтности и необходимости управленческого вмешательства, внимательного социокультурного анализа.

Заключение. Новизна и значимость темы проекта заключается в разработке на базе программы и типового инструментария «Социокультурный портрет региона» портрета, показывающего роль малых сообществ в контексте переходных состояний общества, разработки на этой основе рекомендаций по тактике и стратегии противодействия вызовам и угрозам сохранению самобытных народных культур западного приграничья России, попыткам их унификации в практиках массовой культуры и развертывания новых

форм давления запада на Россию. Проект описательной стратегии социокультурного портрета Смоленской области может интересно дополнить информация о неофициальных топонимах пространства западного приграничья, показать исторические особенности кросс-культурных взаимодействий в зоне российско-белорусского приграничья. Результаты исследования позволят описать особенности проявления трансформации культурной принадлежности западного приграничья России в условиях расширяющего Евросоюза, показать перспективы социокультурной эволюции уникального субэтноса западной провинции России.

Полученные результаты исследования могут использовать администрации региона при решении управленческих задач по оценке социальных детерминант радикальных настроений и протестного поведения молодежи, проявлений социально-психологических состояний фрустрации и депривации населения; разработки системы превентивных мер противодействия идеологии терроризма, рекомендаций по противодействию новым формам проявления радикальных настроений и протестного поведения, идеологии экстремизма.

1. Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб. : РГХИ, 1998. – 293 с.

2. Зайцева Т. А. Проблема взаимодействия традиции и новации в контексте изучения многообразия культурного опыта (региональные и локальные измерения) // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 11–18.

3. Бовдунов А. Л. Современная Восточная Европа: границы понятия и геополитическая организация (социокультурный аспект) // Вестник Московского университета. – 2013. – № 1. – С. 208–221.

4. Образы России и Белоруссии в контексте приграничья : монография / под ред. В. Ю. Пименова. – Смоленск : СмолГУ, 2013. – 236 с.

5. Карасев Д. Ю. Теория революций Джона Форана // Вестник Московского университета. – 2013. – № 3. – С. 193–205.

6. Бутеев Д. В. Древнейшая история Смоленска сквозь призму неофициальной топонимики // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы Международ. науч. конф. «Письменность и культу-

ра славянского мира», 21–22 мая 2013 г. и 22 мая 2014 г. – Смоленск : СГИИ, 2014. – С. 156–162.

7. *Латин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). – М. : Ин-т философии РАН, 2010. – 110 с.

8. *Бутеев Д. В.* Неофициальная топонимика Смоленска. Имена домов // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы Междунар. науч. конф. «Письменность и культура славянского мира», 21–22 мая 2013 г. и 22 мая 2014 г. – Смоленск : СГИИ, 2014. – С. 149–156.

9. «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье : монография / под ред. И. Я. Левяша, А. Г. Егорова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2012. – 380 с.

10. *Горинова Е. В.* Воспринимаемые характеристики аут-групп как предикторы социальной дистанции // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: материалы 4-й Междунар. науч. конф. 30–31 мая 2014 г.: в 2 т. / отв. ред. В. В. Гриценко. – Смоленск : СГУ, 2014. – Т. 2. – С. 17–20.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПРИГРАНИЧНОЙ СПЕЦИФИКИ¹

PROBLEMS OF SOCIO CULTURAL MODERNIZATION OF TRANSBAIKAL REGION IN TERMS OF ITS CROSS BORDER SPECIFIC

Т.В. Колпакова

T.V. Kolpakova

Забайкальский государственный университет, Чита
Transbaikal State University, Chita

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Представлен анализ проблем, препятствующих социокультурной модернизации Забайкальского края. В соответствии с методикой оценки уровня модернизации территории Центром исследования модернизации Китайской АН и на основании расчетов Центра изучения социокультурных изменений Российской АН обосновано, что Забайкальский край по уровню модернизации занимает позицию ниже среднероссийского показателя. При этом уровень первичной модернизации края соответствует фазе зрелости, а уровень вторичной модернизации находится на начальной стадии, демонстрируя диффузионное проникновение в процесс первичной модернизации, незавершенность которой блокирует возможность дальнейшего развития вторичной модернизации. Выявлены факторы, препятствующие социокультурной модернизации Забайкальского края. Они условно могут быть разделены на социально-экономические (низкий уровень развития промышленности и инфраструктуры, ресурсная направленность экономики, слабый потенциал инновационного развития, низкая инвестиционная привлекательность) и социокультурные (низкий показатель качества жизни населения, высокий уровень преступности, демографический кризис, низкий уровень взаимодействия региональной власти и народа, недоверие населения власти). Делается вывод о том, что необходима разработка эффективной стратегии модернизации Забайкальского края, которая бы в полной мере учитывала его региональную специфику и региональные преимущества, среди которых одним из основных является наличие государственной границы с КНР и преимущества приграничного положения. Кроме того, отмечается, что достижение данной цели потребует включения Забайкальского края в программу «Социокультурная эволюция России и ее регионов», составления социокультурного портрета региона согласно методике ЦИСИ РАН с ее адаптацией к специфике края, а также с учетом субъективного представления жителей Забайкалья об их жизни.

The paper explains the problems that put obstacles in the way of socio-cultural modernization of Transbaikal region. According to the methodology of assessing the level of modernization of the Center for Modernization Studies of the Chinese Academy of Sciences and calculations of the Centre of studying socio-cultural changes of the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences it is proved that the level of modernization of Transbaikal region takes a position below the national average. The level of the primary modernization corresponds to a phase of maturity and the level of the secondary modernization is at an early stage, it is demonstrating the diffusion process of entry into the primary modernization, incompleteness of which blocks the further development of the secondary modernization. The factors affecting the socio-cultural modernization of Transbaikal region are defined. They can be conditionally divided into the socio-economic factors (low level of industrial development and infrastructure, resource-based economy, weak capacity of innovation, low investment attractiveness) and socio-cultural factors (low quality of life, high crime rate, demographic crisis, a low level of cooperation between the regional authorities and people, distrust to the authorities). The author concludes that it is necessary to develop an effective strategy for modernization of Transbaikal region, which would fully take into account regional specificities and regional advantages, the main one among which is the border with China and advantages of cross-border position. In addition, it is noted that the achievement of this goal will require the inclusion of Transbaikal region into the program "Socio-cultural evolution of Russia and its regions", forming the socio-cultural portrait of the region according to the methodology of the Centre of studying socio-cultural changes of RAS with its adaptation to the specifics of the region, taking into account the subjective idea of Transbaikalia citizens about their lives.

Ключевые слова: Забайкальский край, социокультурная модернизация, приграничный регион.

Key words: Transbaikal region, socio cultural modernization, cross border region.

Введение. В условиях все возрастающей конкуренции между различными государствами – акторами системы международных отношений – особую значимость приобретает успешность реализации модернизационных процессов. Именно от способности государ-

ства модернизировать все сферы своей жизнедеятельности, привести их в соответствие требованиям времени сегодня зависит его дальнейшее развитие, возможность занять достойное место на международной арене, а также усилить внутренние позиции.

¹ Работа подготовлена в рамках научного исследования «Перспективы развития приграничных регионов РФ в контексте соработности с КНР (на примере Байкальского региона РФ и Северо-Восточного региона КНР)», поддержанного Советом по грантам Президента РФ МК-4300.2014.6.

Особую актуальность исследование модернизационной проблематики имеет для России, которая, все еще переживая последствия кризиса 1990-х гг., значительно отстает от быстро прогрессирующей развитой части современного мира. Для Российской Федерации осуществление модернизации усложняется проблемой несбалансированности развития ее внутренних регионов. Разрыв между условиями жизни населения, различия геоэкономической, политической, экологической и других подсистем организации жизнедеятельности регионов России обуславливают необходимость научной рефлексии именно регионального аспекта модернизации, выявления ключевых характеристик, определяющих как способствующие, так и препятствующие модернизации отдельных регионов страны факторы.

Данная работа посвящена анализу проблем модернизации Забайкальского края, одной из основных характеристик которого является его приграничное положение. Близость к динамично развивающемуся Китаю особенно отчетливо проявляет асимметрию уровня социально-экономического развития российских и китайских приграничных регионов. В данной связи особую значимость приобретает разработка эффективной стратегии модернизации региона, призванной стать решением проблемы отставания развития российского приграничья.

Обзор литературы. В современной научной литературе проблема модернизации представлена достаточно широко, сформирован ряд подходов к ее исследованию. Так, А.С. Ахиезер, Г.Г. Дилигенский, Н.И. Лапин и др. рассматривают проблему модернизации с позиций социокультурного подхода. Работы А.Б. Береловича, М.К. Горшкова, Р. Инглехарта и др. посвящены трансформациям системы ценностей общества в процессе социокультурной модернизации. Проблема социокультурной модернизации современной России и ее регионов представлена в работах Л.А. Беляевой, А.А. Когая, Н.И. Лапина, Я.А. Пляйса и др.

Методы исследования. Следует отметить, что особое место в комплексе работ, посвященных проблемам социокультурного развития России, занимают исследования Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина. В рамках реализации программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» была разработана методика составления социокультурно-

го портрета региона (уже создано около 30 портретов регионов). В настоящее время в центре внимания участников проекта находится проблема социокультурной модернизации. Однако, несмотря на то, что программа реализуется уже десять лет и охватывает большое число регионов различных федеральных округов Российской Федерации, Забайкальский край до настоящего времени не входил в число объектов исследования. Безусловно, в целом ряде исследований, посвященных социокультурному аспекту развития Забайкалья (В.А. Абрамова [1], Н.А. Абрамовой [2], Т.Н. Кучинской [3] и др.), применялись отдельные методы и результаты, представленные в монографиях и статьях участников вышеназванной программы, но комплексного исследования со сбором статистических данных, составлением социокультурного портрета Забайкальского края не проводилось.

Гипотеза. Настоящая работа представляет собой социально-философский анализ проблемы, обобщающий разрозненные сведения о проблемах социокультурной модернизации региона, и объективно подтверждающий необходимость включения Забайкальского края в программу «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Проведение данного исследования, с одной стороны, позволит расширить уже полученные данные о социокультурном развитии регионов России, дополнив их спецификой российско-китайского приграничья; с другой стороны, проведение подобных научных изысканий будет иметь очень большое значение для принятия управленческих решений, повышения их эффективности, разработки стратегии социокультурной модернизации края.

Результаты исследования. В современных исследованиях подчеркивается тот факт, что сегодня модернизация уже не может пониматься лишь как процесс перехода от традиционного общества к современному, содержание понятия эволюционирует, раскрывая многозначность и сложность модернизации как процесса коренных трансформаций цивилизационного характера внутри отдельных государств, обусловленных потребностями общественного развития, достижениями в научно-технической сфере, усилением конкуренции между регионами и странами мира. При этом выделяют три составляющих процесса модернизации: социокультурную, суть которой заключается в формировании и закреплении в обществе системы ценностей, ядром которой является че-

ловек как личность; индустриальную, означающую развитие промышленности как основу экономического роста; информационно-когниционную, предполагающую переход к информационному типу общества. Согласованное осуществление всех трех типов модернизации позволяет говорить о переходе на качественно более высокий уровень цивилизационного развития [4].

Согласно признанной сегодня в социологии и других сферах научного познания методике измерения уровня модернизации, разработанной Центром исследований модернизации Китайской академии наук [5], всемирную модернизацию разделяют на три стадии: первичная модернизация, учитывающая экономическую, социальную сферы, а также сферу знаний; вторичная модернизация, учитывающая такие сферы, как инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни и качество экономики; интегрированная стадия модернизации, при которой осуществляется скоординированное развитие первичной и вторичной стадий.

На основе методики китайских ученых специалистами ЦИСИ РАН были осуществлены расчеты индекса модернизации не только для Российской Федерации, но и для всех 83 ее субъектов. Согласно данным за 2010 г. индекс первичной модернизации Забайкальского края равен 96, что соответствует стадии зрелости (всего выделяют 4 стадии: начало, рост, зрелость, переход к вторичной модернизации), индекс же вторичной модернизации в крае составляет лишь 58 и соответствует начальной фазе [6, с. 11].

Рассмотрим факторы, обуславливающие данную позицию Забайкальского края в рейтинге вовлеченности регионов России в процессы модернизации.

Согласно рейтингу социально-экономического развития регионов РФ за 2013 г. Забайкальский край занимает лишь 64 место [7]. По данным рейтинга регионов России по качеству жизни, опубликованному в 2013 г. группой РИА Новости, рейтинговый балл Забайкальского края по уровню доходов населения составил 24,4, что соответствует 68 месту среди регионов РФ [8, с. 18], по объему ВРП на душу населения край занимает 54 позицию с показателем в 220 тыс. рублей [9]. Регион также характеризуется низким уровнем инвестиционной привлекательности (51 место) и высоким показателем инвестиционного риска (72 место) [10].

Поскольку базисом процесса первичной модернизации является экономическое раз-

витие, основанное на индустриализации, то низкий уровень развития промышленности (менее 20 % в структуре ВРП) обуславливает позицию Забайкальского края лишь на стадии зрелости. Социальные факторы также подтверждают данную позицию. Так, младенческая смертность в крае по данным за 2013 г. составила 8,8, по этому показателю Забайкальский край занимает 53 место среди регионов России [7], невысок и показатель ожидаемой продолжительности жизни – 66 лет. В целом же по группе показателей «Здоровье населения и уровень образования» Забайкальский край занимает лишь 67 позицию по стране [8, с. 39]. Позицию ниже средней по России занимает Забайкалье и по значению одного из ключевых показателей вторичной модернизации – российского регионального инновационного индекса (61 место), входя в предпоследнюю третью группу [11, с. 18].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Забайкальский край еще далек от завершения первичной и переходу ко вторичной модернизации. При этом начальная стадия вторичной модернизации края означает лишь диффузное проникновение некоторых ее элементов, которое не способно повысить качество модернизации до уровня вторичной. Другими словами, в Забайкальском крае сохраняется развитие первичной модернизации без перехода ее в стадию вторичной [4].

Подобная ситуация характерна не только для Забайкальского края, но и еще для 41 региона России. Данный факт обуславливает необходимость разработки адресных региональных стратегий модернизации с учетом специфики каждого отдельного субъекта РФ с определением конкретных социокультурных факторов, способствующих или препятствующих их реализации.

Что касается Забайкальского края, то его стратегическая значимость для страны определяется выгодным экономико-географическим положением, богатыми запасами природных ресурсов, близостью к динамично развивающимся странам Азиатско-Тихоокеанского региона. В данной связи следует признать, что сложившаяся сегодня в крае кризисная ситуация не только тормозит процесс развития самого региона, но и препятствует реализации стратегических интересов Российской Федерации, прежде всего на азиатском направлении его внешнеполитического курса.

В контексте анализа проблем социокультурной модернизации Забайкальского

края представляется значимым выявление и анализ факторов, препятствующих безопасному устойчивому развитию региона, его модернизации.

Одним из базовых критериев стратегии региональной модернизации сегодня является

качество жизни населения, определяющее уровень его социального самочувствия. По данному показателю забайкальский край в 2013 г. занял 74 место среди 83 регионов РФ (табл. 1) [7].

Таблица 1

Забайкальский край в рейтинге регионов РФ по качеству жизни, 2013 г.

<i>Критерий</i>	<i>Место среди регионов РФ</i>
Уровень доходов	68
Жилищные условия	75
Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры	56
Экологические и климатические условия	63
Безопасность проживания	37
Демографическая ситуация	41
Здоровье и образование населения	67
Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры	67
Уровень экономического развития	54
Развитие малого бизнеса	73

Как видно из таблицы, по уровню доходов Забайкальский край занимает 68 позицию, средний размер заработной платы при этом в 2013 г. составил 27 279,4 рублей. Очень низкую позицию край занимает и по уровню жилищных условий населения – 75 место.

Несмотря на сравнительно неплохой показатель демографической ситуации, данная проблема в регионе является очень серьезной. В конце XX – начале XXI вв. в связи с изменением политической и экономической ситуации в стране произошли резкие нарушения в социально-экономическом развитии За-

байкальского края. Это привело к снижению уровня жизни населения и, как следствие, к сокращению его численности: уменьшилась рождаемость, увеличилась смертность, усилился и миграционный отток людей (табл. 2). Данная тенденция объясняется отсутствием перспективной работы, низким уровнем средней заработной платы, отсутствием позитивных изменений в уровне социально-экономического развития региона, удаленностью от центра, а также желанием, особенно молодого поколения, реализовать свои возможности в новых условиях социальной среды.

Таблица 2

Общие итоги миграции населения в Забайкальском крае, чел. [12]

<i>Показатель</i>	<i>Год</i>				
	<i>2010</i>	<i>2011</i>	<i>2012</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>
Число прибывших	19298	25451	27770	27069	29336
Число выбывших	24180	34731	35376	35623	36078
Миграционный прирост (убыль)	-4882	-9280	-7606	-8554	-6742

При этом следуем понимать, что подобная тенденция оттока населения напрямую влияет на качество человеческих ресурсов, так как уезжают, как правило, люди, имеющие достаточно высокий уровень образования, а на смену им приезжают гораздо менее квалифицированные мигранты. Кроме того, край характеризуется высокой смертностью и низкой рождаемостью. Очевидно, что подобная ситуация оказывает негативное воздействие на социально-экономическое раз-

витие региона: снижаются темпы роста валового регионального продукта, возникает дефицит трудовых ресурсов, усиливается социальная напряженность, что, в свою очередь, замедляет процесс модернизации.

Еще одной проблемой, препятствующей завершению процесса первичной модернизации и вступлению края в фазу вторичной, является низкий уровень развития промышленности в Забайкалье. В данной связи нельзя не отметить такие факторы, как ресурсно-

ориентированную модель экономики и близость к экономически более развитому Китаю, низкая цена продукции которого обуславливает нерентабельность организации собственного производства. В результате происходит резкое снижение доли обрабатывающей промышленности в ВРП, приоритетное положение сохраняют лишь добывающая отрасль и отрасль первичной переработки природных ресурсов, тогда как соседние динамично развивающиеся страны, прежде всего КНР, используя недорогое сырье низкого уровня обработки развивают высокие промышленные технологии и производят продукцию с высокой добавленной стоимостью.

К социально-экономическим факторам, тормозящим модернизацию региона, следует также отнести отсутствие необходимой инфраструктуры и низкий уровень инвестиционной привлекательности края, высокий уровень криминогенности.

Другим фактором, оказывающим серьезное негативное влияние на модернизацию Забайкальского края, является сложившаяся в регионе ситуация крайне низкого уровня взаимодействия краевых властей и народа, недоверие власти. Данная мысль может быть подтверждена целым рядом конкретных примеров. Так, в результате непрофессиональных действий регионального министерства финансов сотрудники бюджетных организаций, финансируемых из краевого бюджета, в течение двух месяцев (январь-февраль 2015 г.) не получали заработную плату, была приостановлена выплата детских пособий многодетным семьям. В настоящее время прокуратурой Забайкальского края инициирована проверка фактов по данному делу. Серьезное недовольство населения вызвало также решение губернатора края К.К. Илковского об отмене ряда льгот и социальных выплат жителям края. Широкий общественный резонанс получил вопрос о смене часового пояса и приравнивания края к Иркутской области. Значительно повлияла на доверие народа к власти ситуация с лесными пожарами, распространившимися в крае весной 2015 г., когда было уничтожено более 200 тыс. га леса, полностью сгорели несколько дачных поселков, многие семьи лишились жилья, не обошлось и без человеческих жертв. Последним по хронологии прецедентом, также вызвавшим резкое осуждение народа, стал договор о сдаче в аренду предпринимателям из КНР 115 тыс. га земли в Забайкальском крае

сроком на 49 лет. В результате, согласно социальному опросу, сегодня менее 10 % жителей края доверяют действующему губернатору Забайкальского края К.К. Илковскому [13], который по итогам мая-июня 2015 г. опустился на последнюю строчку национального рейтинга глав регионов [14].

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что процесс модернизации Забайкальского края не только значительно отстает от ведущих регионов России, но находится существенно ниже среднероссийского уровня модернизации, находясь на стадии зрелости первичной модернизации и начальном этапе вторичной, дальнейшее развитие которой невозможно без завершения первичной модернизации и вступления в ее переходную фазу. Основными причинами, сдерживающими сегодня социокультурную модернизацию края являются: низкий уровень социально-экономического развития, обусловленный слабо развитым промышленным сектором, ресурсно-ориентированной моделью экономики, недостаточно развитой инфраструктурой, низкой инвестиционной привлекательностью; низкие, по сравнению со средними по стране, показатели качества жизни населения, демографический кризис, высокий уровень преступности, недоверие народа власти. Совокупность всех этих факторов обуславливает сложившуюся в крае кризисную ситуацию, которая требует принятия конкретных эффективных мер, направленных прежде всего на улучшение качества жизни населения, восстановление доверия к власти. Однако разработка эффективной стратегии модернизации региона представляется невозможной без всесторонней научной рефлексии данной проблемы, для чего необходимо включение Забайкальского края в программу ЦИСИ РАН «Социокультурная эволюция России и ее регионов», составление его социокультурного портрета. Дальнейшее исследование проблем социокультурной модернизации Забайкальского края потребует также проведения социологических опросов, поскольку реальная картина не может быть составлена лишь на основе статистических данных без учета субъективного представления населения о своей жизни.

Что касается социально-экономического развития края, то оно, безусловно, в первую очередь требует больших инвестиций в развитие промышленности и логистической сферы, при этом обязательно должна быть учтена специфика приграничного положе-

ния региона. Забайкальский край, непосредственно граничащий с Китайской народной Республикой, обладает в этом плане большим потенциалом. Забайкальский край обладает всеми конкурентными преимуществами, необходимыми для всестороннего поступательного развития: выгодное экономико-географическое положение, в том числе кратчайшие транспортные маршруты в страны Тихоокеанского региона; колоссальные запасы природных ресурсов; наличие перспективных туристических активов; близость к крупнейшим туристическим рынкам мира. Сотрудничество региональных экономик России и Китая на принципах взаимодополняемости и взаимной выгоды позволит сократить высокую степень неоднородности и фрагментации экономического пространства региона, что, в свою очередь, будет способствовать активизации модернизационного процесса.

1. *Абрамов В. А.* Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения : монография. – М. : Восточная книга, 2010. – 240 с.

2. *Абрамов В. А., Абрамова Н. А.* Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. – М. : Восточная книга, 2014. – 256 с.

3. *Кучинская Т. Н.* Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Чита, 2013. – 42 с.

4. *Латин Н. И.* Стадии и уровни модернизации регионов России // Система информационно-аналитических ресурсов по инновационной и технологической тематике. – URL : <http://www.innclub.info/wp-content/uploads/2012/08/лапин.doc> (дата обращения: 10.06.2015).

5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Весь Мир, 2011. – 256 с.

6. *Латин Н. И.* Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социс. – 2012. – № 9. – С. 4–24.

7. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2013 г. // РИА Рейтинг. – URL : <http://www.riarating.ru/infografika/20140523/610617608.html> (дата обращения: 25.06.2015).

8. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. – М. : РИА Рейтинг, 2013. – 52 с.

9. Объем и динамика валового регионального продукта // Забайкалкрайстат. – URL : http://www.chita.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chita/ru/statistics/grp/ (дата обращения: 25.06.2015).

10. Инвестиционная привлекательность регионов 2013: акцент на инфраструктуру. – URL : <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2013> (дата обращения: 12.01.2015).

11. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / под ред. Л. М. Гохберга. – М. : НИУ ВШЭ, 2015. – 248 с.

12. Федеральная служба государственной статистики. – URL : <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 11.10.2013).

13. Менее 10 % жителей Читы доверяют губернатору Константину Ильковскому – соцопрос. – URL : <http://www.news.chita.ru/71791/?pg=3> (дата обращения: 26.06.2015).

14. Национальный рейтинг губернаторов. – URL : <http://www.russia-rating.ru/info/5773.html> (дата обращения: 07.07.2015).

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА»

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 135–140.

УДК 316.752

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

MODERNIZATION POTENTIAL IN THE VALUE STRUCTURE OF PERM REGION RESIDENTS

Е.Б. Плотникова, Ю.С. Маркова

E.B. Plotnikova, Yu.S. Markova

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Perm State National Research University

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Статья посвящена рассмотрению ценностей населения как значимого социокультурного ресурса модернизации общества. Показана важность изучения субъективных показателей модернизации, выражающихся в ценностных ориентациях жителей, что позволяет охарактеризовать степень готовности человеческого потенциала к участию в модернизационных процессах. Представлен анализ структуры ценностных ориентаций жителей Пермского края и его отдельных социальных слоев и групп. Определены роль и место в ценностной структуре населения региона таких значимых с позиций модернизации ценностей, как инициативность, предприимчивость, самостоятельность, творчество, поиск нового. Отражены социокультурные барьеры модернизации, выделены социальные группы, которые обладают меньшим модернизационным потенциалом в силу недостаточности необходимых ресурсов, в том числе и ценностного характера, а также группы, чей потенциал для участия в модернизации является значительным. Дан сравнительный анализ ценностных портретов указанных групп населения.

This article examines values of the population as a significant socio-cultural resource for social modernization. It shows the importance of studying axiological orientations as subjective measurements of modernization. This in case it allows to characterize overall readiness of human potential to participate in a process of modernization. This article provides an analysis of the structure of axiological orientations of Perm region population as a whole and its particular social strata and groups. The role and place of such important values as initiative, proactiveness, self-sufficiency, creativity and an innovation-oriented mindset are defined in the structure of values of the region's population. The article shows modernization barriers, defines social groups with both lowest (due to a lack of certain values) and highest modernization potential. It provides a comparative analysis of values of these groups.

Ключевые слова: модернизация общества, ценности, модернизационный потенциал, социокультурные ресурсы модернизации.

Key words: modernization of society, values, modernization potential, sociocultural resources of modernization.

Введение. Повышение уровня и качества жизни населения, достижение устойчивого экономического, политического и культурного развития российского общества, обеспечение конкурентоспособности страны в условиях глобализации и усиления международных взаимосвязей зависят сегодня от эффективности осуществления поставленных на уровне государственной политики задач модернизации социальных институтов. В настоящее время в регионах России происходит параллельное развитие двух стадий модернизации. Первичная модернизация предполагает переход от традиционного общества к современному, где интенсифицируются

процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, повышается уровень социальной мобильности, наблюдается ориентация на достигаемый статус, в отличие от предписанного, на универсалистские правила в противовес партикуляристским и т. п. Вторичная модернизация осуществляется как переход к информационному обществу, основанному на знаниях и новых технологиях. На современном этапе стоит задача координации этих стадий, поиска векторов и ресурсов дальнейшего развития новой индустриализации, осуществляющейся на базе науки и инноваций. Это зависит, с одной стороны, от активной позиции политической и биз-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

нес-элиты, а с другой – от готовности всего населения участвовать в модернизационных процессах.

Посыл осуществления комплексной модернизации требует, таким образом, тщательного изучения социокультурных ресурсов через призму ценностного потенциала населения страны и ее регионов. Неоднородность и дифференцированность населения на социальные слои и группы, отличающиеся по своим адаптационным стратегиям и ресурсным возможностям, побуждает к поиску тех социальных групп, которые являются на сегодняшний день носителями наибольшего модернизационного потенциала и, напротив, тех, которые выступают тормозом модернизации в силу недостаточности необходимых ресурсов, в том числе и ценностного свойства. В рамках данной статьи будет представлен анализ структуры ценностных ориентаций жителей Пермского края и его отдельных социальных групп, определено, какое место в структуре ценностей населения занимает нацеленность на инициативность, самостоятельность, предприимчивость, поиск нового.

Обзор литературы. Разработка концептуального аппарата социологических теорий ценности начинается примерно с середины XX в., чему большое внимание уделяют Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Клакхон и др. С 1960-х гг. социологи обращаются к операционализации понятий в рамках ценностной теории на уровне конкретных социологических исследований (В. Вильямс, И. Росцер, М. Рокич и др.). С конца 1970-х гг. изучаются проблемы трансформации ценностных систем в связи с крупномасштабными социальными изменениями. В рамках социологии исследование ценностей осуществляется Н. Луманом, Дж. Александером, Ш. Шварцем, Н.И. Лапиным, Л.А. Беляевой и др.

Непосредственно проблеме модернизации общества и ценностного потенциала населения посвящены работы Р. Инглхарта, К. Вальцеля [1; 2], М. Альмана [3], М.Х. Бонда, П. Смита, Л.М. Ли [4; 5], Н.И. Лапина [6; 7], Л.А. Беляевой [8] и др. В них исследуются тенденции изменения ценностей в контексте происходящих общественных изменений. По-прежнему дискуссионным остается вопрос о взаимосвязи между ценностями и социальным развитием. Так, некоторые исследователи полагают, что культурные ценности и экономический рост коррелируют

друг с другом (например, [1]), в то время как другие делают вывод о том, что такая связь очень слаба [4]. Кроме того, нет единого мнения и в отношении причинной связи между ценностями и экономическими, политическими изменениями. Стоит согласиться с Инглхартом в том, что вопрос о природе зависимостей в каждом конкретном случае – «вопрос эмпирический, а не из разряда решаемых a priori» [1, с. 7].

В настоящее время исследовательский фокус сконцентрирован на анализе ценностей на международном и национальном уровнях. Становится значимым изучение специфики ценностных систем жителей не только на уровне страны, но и в рамках ее отдельных регионов в связи с модернизацией общества. Данное исследование предполагает поиск субъективных показателей, выражающихся в ценностях жителей, характеризующих степень нацеленности/готовности и участия человеческого потенциала/населения региона и его отдельных групп в модернизационных процессах.

Гипотезы и методы исследования. Эмпирической базой исследования выступают данные опроса, проведенного среди населения Пермского края в 2014 г., выборка составила 1000 человек.

В качестве основы изучения ценностей использован подход Ш. Шварца [9]. Для диагностики ценностей была применена используемая в рамках Европейского социального исследования модификация портретного ценностного вопросника [10]. В процессе анализа каждый из 10 ценностных индексов рассчитывался для респондента как средняя двух (или трех) составляющих этот индекс исходных оценок, из которой потом вычиталась общая средняя для данного респондента по всем оценкам (mrat) [11]. Расчет показателя mrat осуществлялся с целью «очистки» исследуемого содержательного показателя от особенностей существующего у каждого респондента стиля ответов, в частности тенденции давать оценки, группирующиеся на определенном участке шкалы.

С целью выделения социальных групп населения Пермского края и последующего анализа включенности данных групп в модернизационные процессы была применена разработанная Л.А. Беляевой методика изучения социальной стратификации общества. Данная методика интегрирует три ключевых критерия: материальный уровень жизни,

образование и наличие властных функций, дифференцирующих население на социальные слои [12; 13]. В то же время указанные показатели репрезентируют социально-экономический, социокультурный и властный ресурсы, в совокупности составляющие основу модернизации. Применение кластерного анализа методом К-средних позволило выделить пять кластеров – социальных слоев в занятом населении Пермского края, отличающихся друг от друга ценностными установками, инновационным потенциалом и другими показателями.

В исследовании проверялась следующая гипотеза. Существует разрыв между экономическим, техническим содержанием модернизации и готовностью населения принять на себя роль деятеля этого процесса. Субъективные характеристики – ценностные ориентации на инициативу, творчество, достижение являются значимыми показателями наряду с объективными ресурсами в виде образования, власти, материального достатка. Модернизационные ценности и экономический рост коррелируют друг с другом. Группы населения, которые вносят вклад в модернизационные процессы, отличается не только наличие объективных ресурсов в виде образования, власти, материального достатка, но и ярко выраженные субъективные характеристики – ценностные ориентации на инициативу, творчество, достижение.

Результаты исследования. В соответствии с полученными данными, наиболее значимой для населения края выступает ценность безопасности, на втором и третьем местах находятся благожелательность и универсализм, четвертое и пятое места занимают самостоятельность и традиция (см. рис. 1). Средние значения этих ценностей положительны, следовательно, в сравнении с индивидуальными средними респонденты придают им более высокую значимость. Средние величины следующих 5-ти ценностей (гедонизм, достижение, власть-богатство, конформность и риск-новизна) находятся в нижней половине ценностной иерархии, соответственно, в сравнении с индивидуальным фоном респонденты придают им меньшую важность.

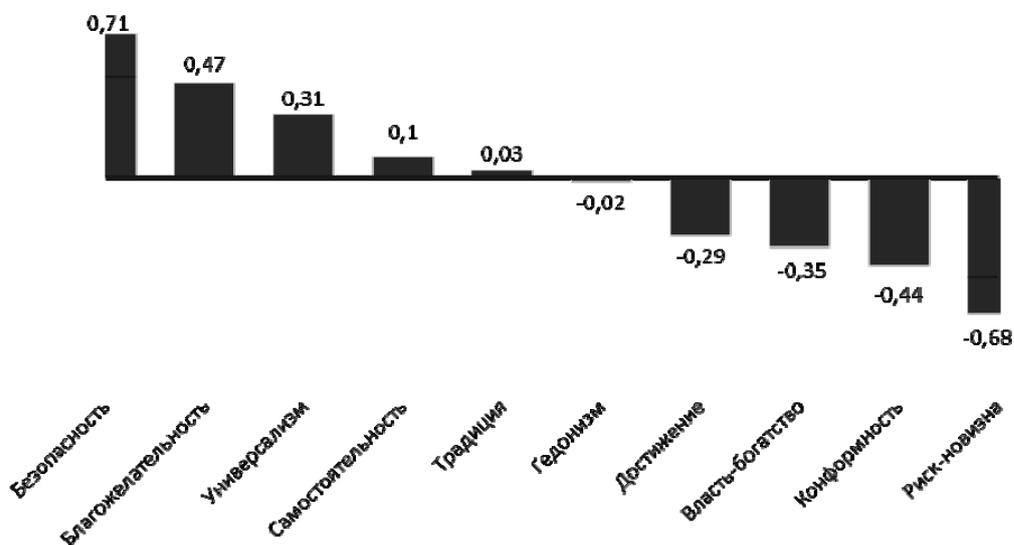

Рис. 1. Иерархия ценностей жителей Пермского края (средние значения ценностных индексов, баллы)

Таким образом, «средний» пермяк характеризуется более высокой выраженностью ценностей, входящих в категорию «выход за пределы своего "Я"» (благожелательность и универсализм) и более низкой выраженностью ценностей, относящихся к противоположной категории «самоутверждение» (дос-

тижение и власть). Ценности категории «сохранение» (безопасность и традиция, но не конформность) также имеют большую значимость, нежели ценности альтернативной категории – «открытости изменениям» (риск-новизна и гедонизм, за исключением ценности самостоятельность) (см. рис. 2).

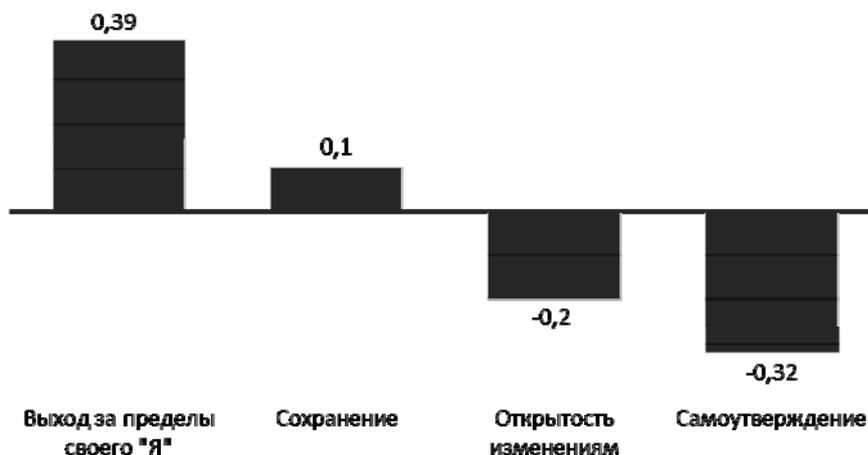

Рис. 2. Иерархия ценностей жителей Пермского края (средние значения укрупненных категорий ценностей, баллы)

Представленный ценностный профиль позволяет говорить о «среднем» представителе Пермского края как о человеке, для которого характерны: высокая потребность в заботе о ближайшем окружении, преданность близким людям, защита благополучия всех людей и природной среды, ориентация на достижение толерантности, равенства возможностей. Соответственно, этот человек гораздо в меньшей степени стремится к богатству, личному успеху и социальному признанию.

Кроме того, для «среднего» пермяка характерна потребность в защите со стороны сильного государства, которое может обеспечить социальную стабильность и безопасность. Сравнительно высоки консервативные установки, верность традициям. В соответствии с этим, практически отсутствует склонность к риску, слабо проявляется по-

требность в творчестве. Вместе с тем у типичного представителя пермского сообщества сохраняется достаточно сильная ориентация на независимость и свободу в принятии решений. Относительно слабо проявляют себя конформистские установки.

Ценности «типичного» жителя региона или страны не идентичны ценностям представителей тех или иных групп населения. По объективным причинам наибольшим модернизационным потенциалом обладает работающее население. Для выявления отличительных характеристик ценностей работающего населения были выделены социальные кластеры: «высокостатусные», «руководители», «богатые», «реалисты» и «низкостатусные». На рис. 3–4 указаны сравнительные данные – средние значения 10 ценностных индексов в разрезе межгрупповых сопоставлений.

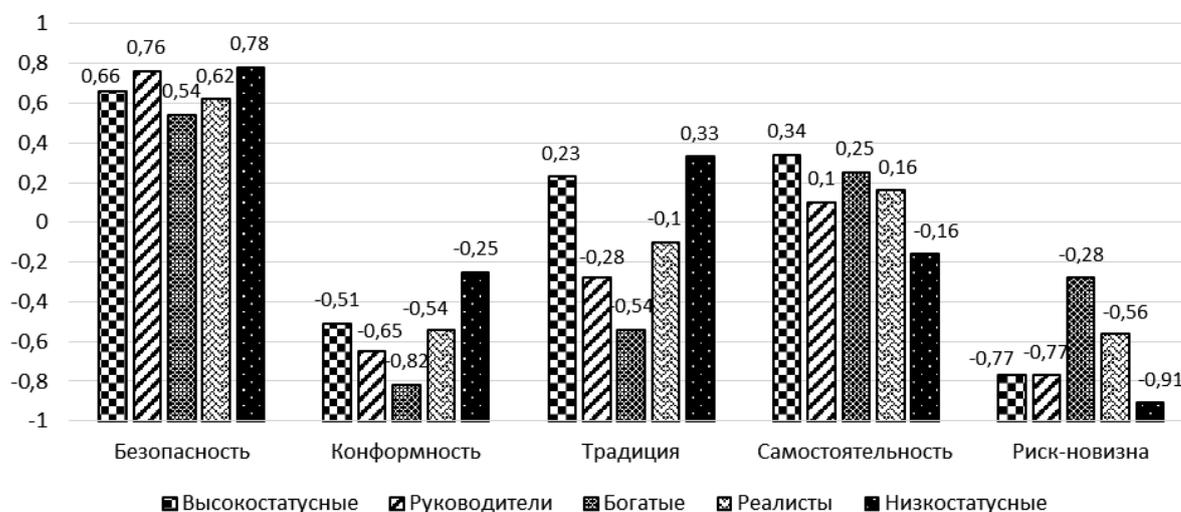

Рис. 3. Средние значения ценностных индексов безопасности, конформности, традиции, самостоятельности, риск-новизны (баллы)

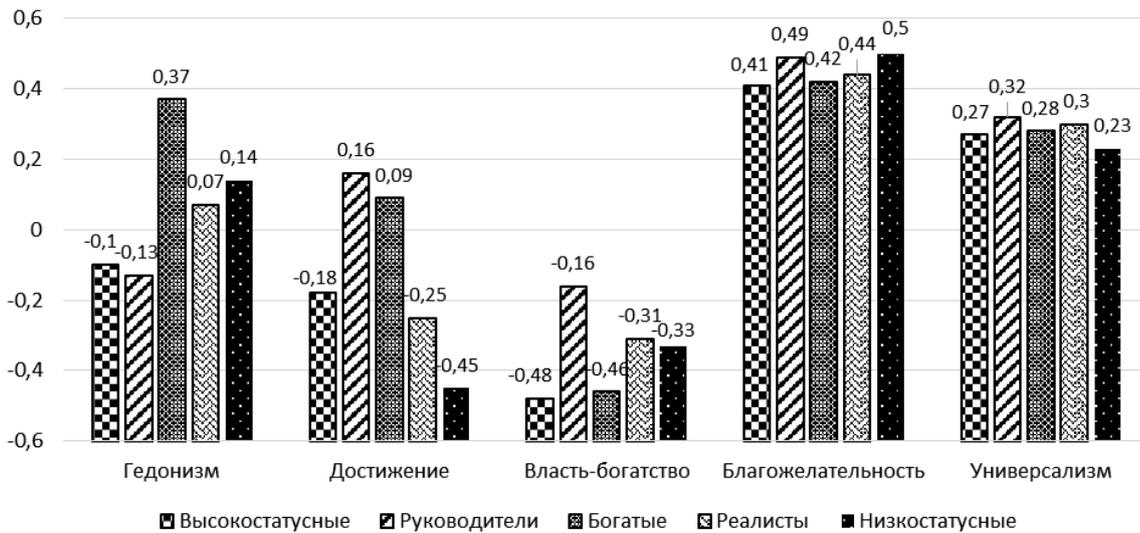

Рис. 4. Средние значения ценностных индексов гедонизма, достижения, власти-богатства, благожелательности, универсализма (баллы)

Согласно результатам исследования, по объективным социально-демографическим характеристикам высоким модернизационным потенциалом обладают все представители групп «высокостатусных» и «руководителей» (по 10 % в обеих группах), а также 5 % от численности «богатых» и 15 % – от «реалистов». В совокупности это составляет 40 % занятого населения края. По ряду некоторых ценностей они демонстрируют большую возможность включаться в модернизационные процессы. Так, «руководителей», «высокостатусных», «богатых» отличает большая склонность к достижениям, индивидуальному успеху и социальному признанию. Вместе с «реалистами» указанные группы больше ценят самостоятельность и свободу в принятии решений, творческий подход к делу. При этом почти во всех случаях средние значения соответствующих ценностных индексов в данных группах превышают соответствующие средние значения ценностных индексов по выборке в целом. Низкостатусная группа демонстрирует самые низкие показатели по всем указанным выше ценностям. Кроме того, показатель ценности «Самостоятельность» в этой группе принимает отрицательное значение, что говорит о низкой степени заинтересованности этого слоя в проявлении инициативы. В то же время представители «низкостатусной» группы в наибольшей мере, по сравнению с остальными группами, проявляют конформистские установки, их отличает и высокий уровень консерватизма. Следует отметить, что слой «высокостатусных» также характеризуется

ориентацией на консерватизм и ценность традиции, что должно учитываться при определении стратегии модернизации.

Ценность «Безопасность» наиболее важна для «низкостатусной» группы, характеризующейся нестабильностью своего социального положения. Данной группе в большей степени свойственны патерналистские установки. Группа «богатые», в свою очередь, отличается самым низким уровнем потребности в безопасности и патернализме.

Ценности «власть-богатство» и «достижение» наиболее близки «руководителям», это позволяет определить лидирующее положение данной группы по степени выраженности ориентации на самоутверждение. Меньше всего к власти и богатству стремятся представители «высокостатусного» слоя.

Одним из ключевых показателей модернизации выступают инновации. Проведенное исследование отражает крайне низкий уровень нововведений в крае (что в целом соответствует общероссийской тенденции): за последний год участвовали в создании новшеств всего 2,3 % респондентов. Наиболее активными участниками инновационных процессов являются представители занятой в экономике части населения, прежде всего члены «высокостатусного» слоя и слоя «руководителей».

Заключение. Анализ ценностной системы населения Пермского края позволяет сделать вывод о взаимосвязи инновационных решений и модернизационных процессов в различных сферах: экономике, технологии, политике, демократии и др., с ценно-

стными ориентациями населения. Группы занятого населения, обладающие высокими образовательными, властными, материальными ресурсами, в большей степени разделяют ценности, способствующие модернизации. Представители данных групп имеют определенный культурный капитал в виде высшего и среднего профессионального образования, являются управленцами различного уровня, квалифицированными специалистами. В этих группах находит развитие коммерческая культура, здесь сконцентрированы предприниматели, работники внегосударственного сектора экономики, а также деятели культуры и искусства. Их ценностный профиль отличают свобода и независимость в принятии решений, творческий подход к делу, ориентация на достижения, индивидуальный успех и социальное признание.

В целом анализ ценностных ориентаций всех групп населения Пермского края показал, что на сегодняшний день «средний» пермяк в большей степени ориентирован на ценности сохранения и гораздо менее открыт изменениям. Без должной, учитывающей данные факторы управленческой стратегии это может выступать социокультурным тормозом модернизации. Вместе с тем у типичного представителя пермского сообщества сохраняется достаточно сильная ориентация на самостоятельность и свободу в принятии решений, а это, напротив, может служить значимым ресурсом модернизационных процессов.

Для разработки полноценной управленческой стратегии необходимо дальнейшее изучение вопросов о силе и направлении связей между модернизацией и мотивационными ценностями населения, а также об определении силы влияния ценностных установок на модернизационные изменения по сравнению с другими социокультурными факторами.

1. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // *Политика*. – 1997. – № 4. – С. 6–23.

2. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое изд-во, 2011. – 464 с.

3. *Altman M.* Culture, Human Agency, and Economic Theory: Culture as a Determinant of Material Welfare // *Journal of Socio-Economics*. – 2001. – № 30. – P. 379–391.

4. *Smith P., Bond M. H.* Social Psychology Across Cultures. – London: Prentice Hall, 1998.

5. *Li L. M. W., Bond M. H.* Analyzing National Change in Citizen Secularism Across Four Time Periods in the World Values Survey // *World Values Research*. – 2010. – № 3(2). – P. 19–32.

6. *Лапин Н. И.* Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти. – URL: <http://www.publications.hse.ru/chapters/96837343> (дата обращения: 02.05.15).

7. *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // *Социологические исследования*. – 2011. – № 9. – С. 3–18.

8. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под общ. ред. А. В. Андреевской, Л. А. Беляевой. – М.: Academia, 2009. – 384 с.

9. *Schwartz S. H.* Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / ed. by M. P. Zanna, San Diego. – CA: Academic Press, 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.

10. *Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2001. – Vol. 32. – No. 5. – P. 519–542.

11. *Магун В. С., Руднев М. Г.* Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья первая // *Вестник общественного мнения*. – 2007. – № 3. – С. 21–34.

12. *Беляева Л. А.* Социальные слои в обществе: опыт кластерного анализа // *Социологические исследования*. – 2005. – № 1. – С. 57–64.

13. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии; Центр изучения социокультурных изменений; Научно-координационный совет секции ФСПП ООИ РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»; сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2009. – 808 с.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ¹

VITAL VALUES OF THE POPULATION OF THE REGION IN THE SOCIOCULTURAL CONTEXT

М.А. Ласточкина

M.A. Lastochkina

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда
Institute of social and economic development of territories of the RAS, Vologda

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

Статья посвящена исследованию ценностного пространства населения макрорегиона – Северо-Западный федеральный округ (в рамках программы «Социокультурный портрет населения региона»). Становление ценностного пространства индивида происходит в процессе его социализации и представляет собой фиксированные, устойчивые мнения о желаемом. Ценности как часть социокультурного бытия общества становятся компонентом духовной культуры личности, в каком-то смысле управляют поведением индивида. Ценностный стержень является основой стиля жизни человека и способствует определению путей достижения жизненных целей. Данные социологического исследования позволили выделить жизненные ориентиры населения СЗФО: население высоко ценит жизнь человека, семью и порядок, но не слишком инициативно в принятии решений, не готово рисковать. Нравственность и жертвенность оказались в оппозирующем дифференциале, карьерная составляющая не является прерогативой многих и занимает срединное положение в иерархии жизненных ценностей. Властность и своевольность отрицаются большинством жителей. Для развития региона благоприятным фактором является расширение пространства базовых ценностей. Ценностный аспект имеет особенное значение и является значимым с точки зрения не только мировоззренческого, но и социокультурного развития индивида и общества. Это обстоятельство обуславливает необходимость обязательного их анализа и формирования адекватной системы ценностей. Потому что очень важен как характер социализации молодежи, так и характер взаимодействия различных групп людей в сферах общественного производства. В итоге система ценностей, норм и стиль жизни определяют тенденции функционирования и направления развития общества, уровень благосостояния населения и в конечном счете авторитет государства в мире.

Article is devoted to research of valuable space of the population of the macroregion – the Northwest federal district (within the Sociocultural Portrait of the Region program). Formation of valuable space of the individual happens in the course of his socialization and represents the fixed, steady opinions on desirable. Values as part of sociocultural life of society become a component of spiritual culture of a desirable, in some sense operate behavior of the individual. The valuable core is a basis of lifestyle of the person and promotes definition of ways of achievement of the vital purposes. Data of sociological research allowed to allocate vital reference points of the population of the Northwest federal district: the population highly appreciates human life, a family and an order, but isn't too initiative in decision-making, isn't ready to risk. The moral and sacrifice appeared in the opposing differential, the career component isn't a prerogative of many and holds median position in hierarchy of vital values. Authoritativeness and willfulness are denied by most of inhabitants. The favorable factor for development of the region is expansion of space as the basic value. The valuable aspect has special value and is significant from the point of view of not only world outlook, but also sociocultural development of the individual and society. This circumstance causes need of their obligatory analysis and formation of adequate system of values. Because it is very important both nature of socialization of youth, and nature of mutually participation of various groups of people in spheres of a social production. In a result the system of values, norms and lifestyle define tendencies of functioning and the direction of development of society, welfare of the population and eventually authority of the state on the world.

Ключевые слова: ценности, население, социокультурный портрет, стиль жизни.

Key words: values, population, sociocultural portrait, lifestyle.

Введение. Ценность и стиль жизни – эти понятия получили широкое распространение в социологии и философии при изучении личности и социального поведения. Именно в ценностях олицетворяется значимость объектов и явлений общественной и персональной среды для человека. Становление ценностного пространства индивида происходит в процессе его социализации и

представляет собой фиксированные, устойчивые мнения о желаемом. Ценности как часть социокультурного бытия общества становятся компонентом духовной культуры личности, в каком-то смысле управляют поведением индивида. Ценностный стержень является основой стиля жизни человека и способствует определению путей достижения жизненных целей.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-03-00421.

Обзор литературы. Западные социологи М. Вебер и П. Бурдье использовали понятие «стиль жизни» для обоснования классового подхода при описании характера властных отношений. К. Маркс связывал это понятие с образом жизни, при разделении общества на классы. В связи с этим в отечественной социологической науке стили жизни рассматривались в русле образа жизни. Стилю жизни посвящены работы отечественных авторов: И.В. Алешинной, Г.А. Ильина, Н.И. Лыгиной [1], Т.Н. Макаровой, Н.И. Лапина [2], В.С. Магун [3], М.Г. Руднева [4] и др. Среди зарубежных авторов – Р. Блекуэл, П. Валлет-Флоранс, Ф. Котлер, Ж.Ж. Ламбен, Н. Малхотр, П. Миниард, Х.-П. Мюллер, М. Рокич [5], Д. Энджел, К. Юнг. П. Валлет-Флоранс описывает стиль жизни с точки зрения сосуществования трех уровней: система ценностей, интересы и деятельность индивида [6]. Самыми неизменными и постоянными являются ценности индивида, черты и качества личности, адекватно оценить которые весьма трудно. Поэтому выявить их помогает анализ общественного мнения и интересов населения. Изучение деятельности индивида с точки зрения работы, предпочитаемых развлечений, используемых услуг, приобретаемых товаров и т. п. также способно дать представление о стиле жизни, но уже не настолько основательное. Таким образом, в стиле жизни отображается система ценностей, интересов и способа потребления (действий) индивида. Поэтому возможно определение стиля жизни через анализ его структурных компонентов, описанных выше.

Гипотезы и методы исследования. Таким образом, поставим целью исследования изучение ценностных ориентаций населения региона. В качестве научных методов изучения будем использовать количественный и качественный анализы, обработку результатов исследования, метод эмпирического уровня – анкетный опрос. В данной статье представлены результаты исследования, осуществленного в рамках проекта «Социокультурный портрет населения региона», информационной базой послужили данные социологического опроса населения Северо-Западного федерального округа. Анкетирование было проведено в 2013 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН. В выборке участвовали все регионы федерального округа за исключением Ненецкого автономного округа, входящего в состав Архангельской области. Объем выбо-

рочной совокупности составил 5113 человек. Постановка цели исследования позволила сформулировать основную гипотезу работы: базовые ценности населения зависят от социально-демографических характеристик респондента, сдвинуты в сторону большей значимости общечеловеческих и гуманитарных целей жизни, и меньше – самоотдачи.

Результаты исследования. Итак, преобладающие в обществе ценностные ориентиры, образующие ядро мировоззрения индивида, во многом зависят от социокультурных традиций. Система становления ценностей человека – процесс продолжительный и вырабатывается достаточно длительный период времени. Рассматривая ценность с позиции общества как совокупность норм и идеалов, принятых в данной социальной системе, проанализируем их стратификацию и динамику от более мобильных до фундаментальных, смыслы которых меняются медленно. Стиль жизни людей определяется ценностными установками, совокупность которых формирует ценностное пространство (подробнее см. [2–4]). Исследование 2013 г. показало, что ценностное пространство Северо-Западного ФО достаточно широкое, дистанция между минимально и максимально поддерживаемыми ценностями изменяется от 2,22 до 4,69 (по пятибалльной шкале) и составляет 2,47 балла (табл. 1). Сравнение полученных данных с подобным исследованием, проведенным в целом по России (в 2010 г. разница составляла 2,31 балла), свидетельствует о проявлении населением большей осмысленности в расстановке жизненных приоритетов. Однако разрыв увеличился не за счет возрастания значимости первоочередных ценностей (ценности интегрирующего ядра), значения которых напротив упали на 1–2 десятых балла, а за счет большего отрицания конфликтогенных ценностей (властность и своевольность). То есть уменьшилось число тех, кто ценит человеческую жизнь, семью, порядок, общительность, в связи с этим снизилась их значимость. Однако не во всех регионах Северо-Западного ФО ситуация одинакова. Так, в Республике Коми, Новгородской и Калининградской областях жизнь человека, семья и порядок дорожатся населением больше (от 4,48 до 4,89), чем в Санкт-Петербурге, Мурманской и Ленинградской областях (от 4,41 до 4,63). Соответственно, в этих трех территориях узко и пространство ценностей, составляющих интегрирующее ядро: только по 2 ценности

в Мурманской (семья и порядок) и Ленинградской областях (жизнь человека и независимость), 3 – в Санкт-Петербурге, Псковской области и Республики Карелия (жизнь человека, семья и порядок). В Республике Карелия вместо общительности и независимости жители больше поддерживают свободу (эта ценность входит в интегрирующее ядро). Население Калининградской и Новгородской областей более, чем население других регионов, ценят благополучие. Отрицаемые большинством ценности – это властность и своевольность, присутствуют во всех территориях в блоке конфликтогенной периферии за исключением Ленинградской области, в которой властность поддерживается населением более активно, так, что соответст-

вует блоку оппонирующего дифференциала. Сильных контрастных различий между субъектами федерального округа не выявлено. Кроме того, структура их распределения в общем повторяет структуру по России, по данным исследования 2010 г. [5]. Большинство ценностей вмещает в себя интегрирующий резерв, однако интегрирующее ядро стало в некоторых регионах шире (по сравнению с данными по РФ за 2010 г.), что свидетельствует об активизации рефлексивности ценностного сознания населения. Преобладание терминальных ценностей над инструментальными указывает, что современные культурные ценности более значимы, чем общечеловеческие, что собственно есть отражение существующей социокультурной обстановки.

Таблица 1

**Ценностные предпочтения населения регионов СЗФО в 2013 г.
(взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)***

Ценность	Территории (республика, область, город, округ)										
	Мурманская	Псковская	Карелия	Вологодская	Ленинградская	Санкт-Петербург	Архангельская	Коми	Новгородская	Калининградская	СЗФО
Интегрирующее ядро (4,4 и больше)											
Жизнь человека	4,38	4,63	4,74	4,70	4,55	4,62	4,63	4,85	4,89	4,89	4,69
Семья	4,43	4,59	4,63	4,64	4,37	4,41	4,58	4,85	4,77	4,82	4,62
Порядок	4,42	4,42	4,69	4,55	4,37	4,48	4,48	4,78	4,77	4,58	4,55
Общительность	4,36	4,30	4,20	4,54	4,39	4,34	4,54	4,66	4,66	4,70	4,48
Независимость	4,29	4,34	4,29	4,43	4,47	4,25	4,34	4,45	4,48	4,52	4,40
Интегрирующий резерв (3,91–4,39)											
Благополучие	4,27	4,09	4,35	4,27	4,27	4,18	4,35	4,35	<u>4,58</u>	<u>4,50</u>	4,31
Свобода	4,09	3,97	<u>4,40</u>	4,13	4,00	4,13	4,02	4,29	4,28	4,20	4,15
Работа	4,03	4,01	4,06	4,25	4,11	4,00	4,16	4,15	4,24	3,97	4,12
Традиция	3,91	3,97	3,95	3,98	4,11	4,11	4,05	4,23	4,21	4,34	4,07
Оппонирующий дифференциал (3,0–3,9)											
Инициативность	3,75	3,60	<u>3,90</u>	<u>3,98</u>	<u>3,96</u>	<u>4,01</u>	3,81	3,88	3,84	3,88	3,88
Жертвенность	3,55	3,63	<u>3,92</u>	3,63	3,63	3,72	3,64	3,90	3,80	<u>4,22</u>	3,74
Нравственность	3,34	3,14	3,50	3,67	3,45	3,20	3,34	3,67	3,50	3,55	3,48
Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше)											
Властность	2,48	2,19	2,21	2,83	<u>3,09</u>	2,65	2,10	2,10	2,12	2,89	2,53
Своевольность	2,30	2,16	2,15	2,34	2,13	2,37	2,12	2,21	2,10	2,07	2,22

* Упорядоченно по Северо-Западному ФО.

Полужирным шрифтом выделены значения, которые должны относиться к группе на порядок ниже. Подчеркиванием выделены значения, которые должны относиться к группе на порядок выше.

Источник: составлено автором по данным опроса населения СЗФО в 2013 г. (ИСЭРТ РАН). Методика определения ценностей Н.И. Лапина (ИФ РАН) [3].

При сохранении общей структуры значимости ценностей, мужчины больше, чем женщины допускают присутствие властно-

сти и своевольность в жизни (разница между значениями составляет 0,34–0,35 балла). Семейное положение человека существенно

влияет на его ценностные ориентиры. Люди, состоящие в браке и не проживающие совместно, имеют более узкое интегрирующее ядро. Кроме того на первых местах по значимости у них стоят порядок и независимость, а не жизнь человека и семья, как в других группах. Наиболее сильно отличаются между собой группы незамужних (холостых) и вдовых (вдовцов): первые больше ценят инициативность, властность и своевольность (разница 0,33–0,54 балла), а вторые – жертвенность и традиции (разница между взвешенными средними составляет 0,38–0,43 балла). Также вдовы отличаются от группы замужних, не проживающих совместно: первые больше ценят благополучие, семью, жизнь человека и традиции (разница составляет 0,36–0,50 балла), а вторые – своевольность (разница 0,38 балла). Наиболее близки по ценностным предпочтениям между собой следующие группы: незамужние и не состоящие в зарегистрированном браке (но проживающие совместно), последние – с людьми, состоящими в зарегистрированном браке, которые, в свою очередь, близки с разведенными и вдовыми. Таким образом, из рассматриваемых групп выделяются люди, состоящие в зарегистрированном браке и не проживающие совместно – у них свои взгляды на ценности, на которые накладывает отпечаток еще не завершившийся распад семьи (развод). Супруги в этот период жизни испытывают чувство обиды, несправедливости, претензий и даже раздражительности. Как показал анализ, число несовершеннолетних детей в семье не влияет на значимость тех или иных ценностей. Существенных различий между группами не выявлено также при разделении респондентов по типу поселения, в котором они проживают (городские или сельские жители).

У молодых людей до 30 лет проявляется меньшая поддержка традиционных ценностей и жертвенности, чем у людей пенсионного возраста (старше 60 лет); также больше, чем остальное население они склонны к своевольности и властности. Инициативность является отличительной чертой молодого поколения, они также обладают деятельным потенциалом. Отличительной чертой людей пожилого возраста является их резкое отрицание своевольности (1,88 балла). Существенные различия между ценностными категориями молодежи (от 18 до 30 лет) и остальным населением можно истолковать незначительным жизненным опытом,

низкой степенью осмысления ими действительности, другими жизненными приоритетами. Ясно, что ценностные ориентиры молодых людей являются более мобильными. С возрастом стабильно усиливается значимость первоочередных ценностей: жизни человека, семьи, порядка и общительности.

Анализируя ответы респондентов с разным уровнем образования, отметим, что наиболее сильно отличаются между собой группы людей с неполным средним образованием и незаконченным высшим (высшим) образованием. Для последних работа, инициативность и властность являются значимее, чем для первой группы респондентов. Среди всех выделяемых нами подгрупп (по полу, возрасту, семейному положению, образованию, региону и т. д.) приветствуют своевольность больше всего люди с незаконченным высшим образованием (2,48 балла). Ценностное поле близко у людей уже получивших образование – среднее специальное или высшее. Таким образом, вследствие получения образования человек осваивает и осознает систему ценностей, проецирует ее в систему принципов, которыми он руководствуется в своем поведении, создается стиль жизни. Полученные знания, умения, нравственные ориентиры формируют предпосылки социокультурного развития индивида, его благополучной жизни и деятельности в обществе.

Теперь обратимся к изучению ценностного пространства населения в зависимости от категории благосостояния респондента (табл. 2). В общем структура распределения ценностей внутри выделенных групп повторяет структуру по федеральному округу, однако существенно отличаются между собой сами группы по значимости тех или иных ценностей. Так, в группе нищих не ценится инициативность (разница с другими группами 0,34–0,53 балла), работа (0,35–0,61 балла), жертвенность (0,41–0,49 балла) и нравственность (0,42–0,65 балла). Инициативный человек это энергичный человек, самостоятельно и правильно принимающий решения, готовый к активным действиям. Как показал анализ, чем больше благосостояние человека, тем больше он поддерживают инициативность, так как это неизменное свойство личности, которое помогает проявить себя в бизнесе, предпринимательстве, общественной, политической деятельности, науке, творчестве и стать, таким образом, успешным в жизни человеком. Еще одной отличительной чертой самых обеспеченных слоев населе-

ния является поддержка ими ценности власти (взвешенный средний балл равен 3,23 балла, при значительной разнице с другими группами в 0,66–0,84 балла), а работа стоит у них на третьем месте и входит в блок первоочередных ценностей (интегрирующее ядро), заменяя ценности порядка и общительности (интегрирующий резерв). У данных людей существует определенный настрой в жизни, поэтому им очень важно успешно реализовать себя и это происходит через принятие богатства, власти и известности. Наиболее многочисленная группа со-

стоит из людей среднего достатка (62 %), их жизненные ценности имеют наименьшую плотность жизненного пространства: больше, чем остальные они ценят жизнь человека, независимость, благополучие, традиции, жертвенность и нравственность, категорично относятся к своевольности. Таким образом, их можно рассматривать как основных носителей общественных отношений, доминирующей системы ценностей. Представляя собой социокультурную медиану общества, они отражают основные жизненные идеалы и стиль жизни данного общества.

Таблица 2

**Ценностные предпочтения населения Северо-Западного ФО в 2013 г.
по категориям благосостояния (взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)***

Ценность	Категория			
	Богатые	Среднего достатка	Бедные	Нищие
Жизнь человека	4,60	4,72	4,69	4,45
Семья	4,44	4,62	4,66	4,50
Порядок	4,30	4,57	4,63	4,37
Общительность	4,23	4,49	4,55	4,38
Независимость	4,30	4,44	4,40	4,17
Благополучие	4,28	4,36	4,28	4,02
Свобода	4,38	4,14	4,19	4,10
Работа	4,40	4,14	4,16	3,79
Традиция	3,88	4,10	4,02	3,89
Инициативность	4,00	3,95	3,81	3,47
Жертвенность	3,73	3,78	3,70	3,29
Нравственность	3,58	3,57	3,35	2,93
Властность	3,23	2,56	2,43	2,38
Своевольность	2,40	2,21	2,21	2,24

* Упорядоченно по колонке среднего достатка.

Источник: составлено автором по данным опроса населения СЗФО в 2013 г. (ИСЭРТ РАН). Методика определения ценностей Н.И. Лапина (ИФ РАН) [3].

Обратимся к анализу динамики ценностного пространства населения. В качестве анализируемого региона возьмем Вологодскую область, так как имеются данные социологического исследования, проведенного в 2008 г. по данной методике (объем выборки 1500 респондентов). Кроме того, распределение ценностных предпочтений населения области в целом повторяет структуру по Северо-Западному ФО, поэтому в какой-то мере полученный результат можно распространить на изучаемый макрорегион. Итак, терминальные ценности, т. е. ценности-цели, для населения Вологодской области более значимы, чем инструментальные – ценности-

средства (разница составляет 0,65 балла в 2008 г., 0,73 – в 2013 г., табл. 3). Современные типы ценностей являются более весомыми, чем общечеловеческие и традиционные. Рассмотренная 5-летняя динамика не показала резкой смены ценностного поля населения, оно характеризуется стабильностью и консервативностью. Исключение составляет отношение населения к своевольности. Уменьшилась доля людей принимающих ее, тем самым проявляется установка все большей доли респондентов к отрицанию вседозволенности, несущую зачастую не только разрушение и трагедии в жизни людей, но самое главное моральное разложение личности.

Таблица 3

Динамика сочетания культурных типов базовых ценностей населения Вологодской области в 2008/2013 гг. (взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Культурные типы ценностей	Терминальные	Инструментальные
	(4,32/4,36)	(3,68/3,63)
Современные (4,24/4,31)	Жизнь человека (4,53/4,7)	Независимость (4,28/4,43)
	Свобода (4,20/4,13)	Инициативность (3,96/3,98)
Общечеловеческие (4,04/4,0)	Порядок (4,36/4,55)	Общительность (4,42/4,54)
	Благополучие (4,28/4,27)	Нравственность (3,87/3,67)
	Работа (4,24/4,25)	Властность (2,86/2,83)
Традиционные (3,71/3,65)	Традиция (4,01/3,98)	Жертвенность (3,64/3,63)
	Семья (4,47/4,64)	Своевольность (2,72/2,34)

Источник: данные опроса «Социокультурный портрет региона», проведенного ИСЭРТ РАН в 2010 и 2013 г. Методика определения ценностей Н.И. Лапина (ИФ РАН) [3].

Заключение. Данные социологического исследования позволили выделить жизненные ориентиры населения Северо-Западного федерального округа. Население высоко ценит жизнь человека, семью и порядок, но не слишком инициативно в принятии решений, не готово рисковать. Нравственность и жертвенность оказались в оппозирующем дифференциале, карьерная составляющая не является прерогативой многих и занимает срединное положение в иерархии жизненных ценностей. Властность и своевольность отрицаются большинством жителей. Для развития региона благоприятным фактором является расширение пространства базовых ценностей.

Таким образом, становится очевидным, что ценностный аспект имеет особенное значение и является значимым с точки зрения не только мировоззренческого, но и социокультурного развития индивида и общества. Это обстоятельство обуславливает необходимость обязательного их анализа и формирования адекватной системы ценностей. Потому что очень важен как характер социализации молодежи (см. подробнее [7]), так и характер взаимоучастия различных групп людей в сферах общественного производства. В итоге система ценностей, норм и стиль жизни определяют тенденции функциони-

рования и направления развития общества, уровень благосостояния населения и в конечном счете авторитет государства в мире.

1. *Лыгина Н. И., Макарова Т. Н.* Поведение потребителей. – М.: Форум, 2005. – 208 с.

2. *Лапин Н. И.* Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России. // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 3–8.

3. *Магун В. С., Руднев М. Г.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – № 1(93). – С. 33–58.

4. *Руднев М. Г.* Влияние «русскоязычности» на жизненные ценности // Социология: 4М. – 2009. – № 28. – С. 107–128.

5. *Rokeach M.* The Role of Values in Public Opinion Research // The Public Opinion Quarterly. – 1969. – Vol. 32. – № 4. – P. 547–559.

6. *Валлет-Флоранс П.* Стиль жизни // Маркетолог. – 2008. – № 8. – С. 18–30.

7. *Ласточкина М. А.* Нравственные ценности современной молодежи (региональное исследование) // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 8 (36). – С. 88–93.

**БАЛАНС КСЕНОФОБИИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОРИЕНТАЦИЯХ ЖИТЕЛЕЙ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**THE BALANCE OF XENOPHOBIA AND TOLARANCE IN VLADIMIR REGION
AS THE FACTOR OF SOCIO-CULTURAL MODERNISATION**

**Д.И. Петросян
D. Petrosyan**

*Владимирский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Vladimir Branch of the Russian under the President of Russian Federation
Academy of National Economy and Public Servise*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В статье приводятся результаты факторного и кластерного анализов, проведенных с помощью пакета SPSS на базе опроса 571 жителя Владимирской области. Выделены четыре относительно четких типа жителей области по шкале терпимость и нетерпимость в сфере межнациональных отношений: ксенофобы (21,4 % населения), умеренно нетерпимые (19,3 %), умеренно терпимые (29,2 %), толерантные (30,1 %). Описаны основные характеристики этих типов. С помощью факторного анализа выявлена тесная и устойчивая взаимосвязь признаков ксенофобии. Одновременно не удалось определить ни одного типа, который характеризовал бы четкую ориентацию на терпимость в сфере межнациональных отношений в противовес ксенофобии. Подобное различие объясняет, почему взгляды и ценности сплоченного и активного меньшинства оказываются более влиятельными, чем взгляды и ценности пассивного большинства. В ходе исследования выявлено, что основными факторами, определяющими уровень нетерпимости, характерный для «ксенофобов», являются а) проблемы в личном общении с людьми других национальностей и б) негативное отношение к мигрантам. Не выявлено серьезных отличий между «толерантными» и «ксенофобами» по признакам гендера, возраста, уровня образования или места жительства. Делается вывод, что население области фактически разделяется на две практически равные группы: половина характеризуется четкой ориентацией на толерантность или ксенофобию, а другая половина состоит из неопределившихся. Автор считает, что в подобной ситуации возрастает значение общего социокультурного фона. Если социокультурное пространство наполнено призывами к терпимости и гармонизации межэтнических отношений, то часть носителей неустойчивых взглядов будет склоняться в сторону толерантности. В противном случае, когда лидеры общественного мнения будут поощрять ксенофобские высказывания и поступки, неопределившиеся будут сдвигаться от латентной нетерпимости к открытой. В этом случае общий градус ксенофобии в регионе будет повышаться, что заставит говорить не столько о социокультурной модернизации, сколько о деградации.

The author presents the results of SPSS factor and cluster analyses on the base of the poll of 571 residents of Vladimir region of Russia. The article presents the characteristics of four types of people, which differ on the scale "tolerance – non-tolerance" in the sphere of multinational relations: xenophobes (21,4 % of population), moderate xenophobes (19,3 %), moderate tolerant (29,2 %), tolerant (30,1 %). Factor analysis shows the strong link between all the marks of xenophobia. At the same time there is no strong and firm type of tolerance, opposite to xenophobia. That's why the active minority presents stronger influence than passive majority. The results of the research show, that xenophobia is first of all based on the problems which non-tolerant people have in communication with people of different nation and on their negative attitude to the problem of labor migrants from post-soviet states. There is not much difference between tolerant and non-tolerant people in gender, age, education or place of living. Still the division of population in two equal in number parts – those who are strongly oriented on tolerance or on xenophobia and those who are not so firm in their orientations – gives a great importance to socio-cultural environments. If the media, political and cultural spheres are full of calls to tolerance and harmony, people which are not firm in their orientation will move to more tolerant behavior. And on the contrary, if polititions, experts and public opinion leaders will call for non-tolerance, the level of xenophobia will be growing and we'll have to talk about socio-cultural degradation instead of modernization.

Ключевые слова: межнациональные отношения, толерантность, ксенофобия, социокультурная модернизация.

Key words: Multinational relations, tolerance, xenophobia, socio-cultural modernization.

Введение. В октябре-ноябре 2014 г. «Среднерусский консалтинговый Центр» совместно с «Академией профессионального образования» и кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС провел исследование на тему «Социологический анализ факторов, способст-

вующих снижению напряженности в сфере межнациональных отношений во Владимирской области». Интерес к проблеме межэтнических отношений вызван тем, что, по данным предыдущих исследований, уровень распространения ксенофобии в сознании жителей Владимирской области достаточно вы-

сок. О наличии явного, а особенно латентного неприятия жителями региона лиц некоренных национальностей говорит и социальная практика. Конфликты на межнациональной почве возникают все чаще. Все громче слышны призывы ограничить приток в регион иностранной рабочей силы. В то же время, ни социокультурная модернизация, ни новая индустриализация регионов невозможны без активной миграции трудовых резервов как внутри страны, так и из-за рубежа. Все это выдвигает требование повышения уровня толерантности в сфере межнациональных отношений, снятие напряжения, испытываемого коренным населением перед встречей с большим числом представителей других этносов.

Обзор литературы. Среди последних работ по проблеме ксенофобии следует отметить труды А.А. Кельберга [1], Г.В. Кожевниковой [2], А.В. Муравьева [3], А.С. Штемберга [4].

Трактовка понятия «толерантность» в широком смысле и в применении к сфере межнациональных отношений рассматривается в работах М.С. Бережной [5], В.А. Прокопенко [6], В.М. Соколова [7], В.В. Шалина [8].

При анализе данных методами факторного и кластерного анализа использовались работы Дж. Вэн Райзина [9], А.О. Крыштановского [10], И.С. Енюкова [11].

Гипотезы и методы исследования. В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что важнейшими факторами роста или снижения уровня ксенофобии являются опыт личного общения с представителями иных этносов и отношение к проблеме притока трудовых мигрантов в регионы центральной России.

Сбор информации проводился методом анкетирования по репрезентативной квотной выборке. Опрошены 571 житель Владимирской области в возрасте 18 лет и старше. Приведенные в статье выводы основываются на результатах факторного и кластерного анализа.

Результаты исследования. Варианты ответов на предложенные респондентам вопросы анкеты сформулированы таким образом, что они позволяют выявить как крайнюю нетерпимость в сфере межнациональных отношений, так и высокую степень терпимости.

Таблица 1, в которой приведены процентные доли выбравших те или иные варианты ответов, показывает, что в большинстве случаев доля толерантных жителей области преобладает над долей нетерпимых. Учитывая, что среди вариантов ответов были еще и отражающие более или менее нейтральные позиции, ксенофобы, как правило, оказываются в явном меньшинстве.

Таблица 1

Соотношение респондентов, выбравших варианты ответов, характеризующих терпимое или нетерпимое отношение к проблеме межнациональных отношений

Показатели терпимости		Показатели нетерпимости	
Вариант ответов	% выбравших	Вариант ответов	% выбравших
В многонациональности РФ больше положительного – разные народы, они обогащают друг друга	25,6	15,9	В многонациональности РФ больше отрицательного – одни народы живут за счет других
Не видят ничего плохого в межнациональных браках	49,0	16,0	Брак следует заключать только с представителем своей национальности
Считают, что патриотом России может быть любой человек, вне зависимости от этнической принадлежности	47,1	37,7	Считают, что патриотом России может быть только русский
Не готовы участвовать в акциях националистического характера	71,3	7,2	Готовы участвовать в акциях националистического характера
Имеют среди друзей и знакомых лиц других национальностей	73,9	20,7	Не имеют среди друзей и знакомых лиц других национальностей
Не испытывают трудностей в общении с лицами других национальностей	52,4	9,8	Испытывают постоянные трудности в общении с лицами других национальностей или стараются избежать любого общения с ними
Готовы работать вместе с людьми других национальностей	40,3	18,9	Не готовы работать вместе с людьми других национальностей
Готовы работать под руководством людей других национальностей	26,6	45,2	Не готовы работать под руководством людей других национальностей
Нанимали мигрантов	28,2	33,5	Не допускают возможности нанять мигрантов
Считают необходимым привлекать еще больше мигрантов, так как нам не хватает рабочей силы	3,4	35,1	Считают необходимым полностью ограничить приток мигрантов и по возможности избавиться от тех, которые уже приехали
Мигранты – это совершенно нормальное явление в современном глобальном мире	36,4	16,6	Мигранты – это угроза для местного населения, которую надо искоренять

Подсчитав средние значения, мы видим, что доля респондентов, выбравших варианты, отражающие нетерпимость составляет 22 %, а доля выбравших варианты, характеризующие толерантность, составляют 42 %.

Однако следует учитывать, что, анализируя сферу межнациональных отношений, мы имеем дело не столько с трезвыми и рациональными оценками и суждениями, сколько с ценностными установками, имеющими, с одной стороны, эмоциональный характер, а с другой стороны, базирующимися на мировоззренческой основе. Не случайно, уровень образования респондентов ни разу не оказался определяющим фактором их толерантности или ксенофобии.

В этом случае важно не просто сопоставить средние удельные веса респондентов, ориентированных на те, или иные признаки ксенофобии или толерантности, но и проследить прочность и устойчивость взаимосвязей между различными показателями, характеризующими направленность ценностных ориентаций.

Поможет в решении этой задачи *факторный анализ*, который выявляет скрытые, не измеряемые простыми процентными распределениями взаимосвязи между переменными.

Используя метод главных компонент, мы, на основании полученных от респондентов ответов, выделяем наиболее значимые и влиятельные факторы, отражающие силу взаимосвязи и взаимозависимости между собой различных показателей толерантности или ксенофобии.

Помимо перечисленных в таблице 1 признаков толерантного или нетерпимого отношения к проблеме межнациональных отношений, в число анализируемых включены и переменные, непосредственно выражающие оценку отдельных качеств трудовых мигрантов.

Интерпретация результатов (табл. 2) показывает, что первый фактор, наиболее влиятельный, покрывающий 16,7 % факторного поля, объединяет практически все характеристики, соответствующие крайней форме ксенофобии (переменные расположены по мере убывания значения внутрифакторного веса).

Второй фактор объединяет характеристики, которые позволяют назвать соответствующих им жителей области умеренными ксенофобами, отличающимися терпимым отношением к мигрантам, но испытывающих

проблемы в сфере личных отношений с людьми других национальностей и в целом негативно воспринимающих многонациональный характер РФ:

Третий фактор объединяет переменные, которые в сумме характеризуют тип жителей области, который может быть назван умеренно толерантным в общих вопросах межнациональных отношений, но с весьма противоречивым отношением к мигрантам.

Начиная с четвертого фактора, характеристики оказываются все более противоречивыми. Так, с одной стороны данный тип взаимосвязей включает в себя наличие среди друзей и знакомых лиц других национальностей, опыт найма мигрантов для выполнения различных работ и позитивную оценку отдельных человеческих качеств мигрантов. Но, с другой стороны, данному типу соответствуют и такие характеристики, как наличие трудностей в общении с людьми других национальностей, исключение возможности личного найма мигрантов для выполнения каких-либо работ, готовность участвовать в акциях националистического характера, признание мигрантов угрозой для местного населения, нетерпимое отношение к межнациональным бракам, негативное отношение к многонациональному характеру России, отказ от работы под руководством лиц другой национальности, убеждение в том, что приток мигрантов необходимо полностью ограничить, а по возможности избавиться и от тех, которые уже приехали.

Таким образом, перед нами тип жителей области, которые в целом позитивно оценивают отдельные человеческие качества мигрантов, но ощущают угрозу от их присутствия в области в качестве особой социальной группы. Этот тип можно было бы назвать *трезвомыслящими умеренными толерантами*, если бы не преобладание негатива в оценке общих аспектов многонациональности социума и не выражение готовности к участию в националистических акциях.

Фактически данный тип характеризует людей, которые не имеют ничего против каждого мигранта в отдельности, но хотели бы избавиться от них как от особого социального явления.

Последующие типы также представляют собой разнообразную смесь характеристик и не заслуживают отдельного рассмотрения в силу малого веса.

Т а б л и ц а 2

Интерпретация наиболее «влиятельных» компонент

<i>Фактор 1, объединяющий признаки явной ксенофобии</i>	<i>Фактор 2, объединяющий признаки умеренной ксенофобии</i>	<i>Фактор 3, объединяющий признаки умеренной толерантности при негативном отношении к мигрантам</i>
<p>Согласие с необходимостью полностью ограничить приток мигрантов и по возможности избавиться от тех, кто есть (0,605); убежденность, что из-за мигрантов растет преступность (0,587); тревога и настороженность даже от внешнего вида мигрантов, поскольку сразу видно, что они «чужие» (0,549); согласие с тем, что мигранты ведут себя вызывающе, не уважают и не хотят изучать нашу культуру и стараются навязать свою (0,537); отказ работать как вместе (0,535), так и под руководством лиц других национальностей (0,527); убеждение, что мигранты в основном мусульмане и потому открыто не уважают православную веру местного населения (0,478); согласие с тем, что мигранты в основном работают плохо, некачественно и «наши» выполнили бы ту же работу лучше (0,462); представление о мигрантах как об угрозе для местного населения, которую необходимо искоренять (0,437); убежденность, что патриотом России может быть только русский человек (0,424)</p>	<p>Отсутствие среди друзей и знакомых лиц другой национальности (0,568); согласие с тем, что мигранты в основном работают хорошо, стараются все делать качественно (0,443); стремление избежать любого общения с людьми других национальностей (0,398); согласие с тем, что мигранты относятся с уважением к нашей культуре и языку, хотя и придерживаются прежде всего своих традиций (0,390); уверенность, что мигранты-мусульмане в основном не демонстрируют открыто свои убеждения и не представляют угрозы для православия (0,369); убежденность в том, что патриотом России может быть только русский человек (0,339); согласие с тем, что мигранты в большинстве своем нормальные, дружелюбные люди и стараются не совершать правонарушений и соблюдать законы РФ (0,306); уверенность в том, что среди мигрантов немало вполне образованных людей, которые вынуждены заниматься неквалифицированной работой (0,306)</p>	<p>В целом положительная оценка многонационального характера России, при том, что это может привести к межнациональным конфликтам (0,579); отношение к приезду мигрантов как к неизбежному, хотя и неприятному явлению, с которым приходится считаться из-за нехватки у нас рабочей силы (0,522); несогласие с тем, что мигранты отнимают работу у местного населения (0,495); убеждение в том, что к нам на заработки в основном приезжают малообразованные и неквалифицированные люди (0,428); согласие с тем, что региональные власти могут оставить количество мигрантов на том уровне, который уже есть, но больше привлекать не нужно (0,383); терпимое отношение к межнациональным бракам, при том, что вступающие в такой брак будут испытывать серьезные проблемы из-за разницы культур (0,319)</p>
<p>Исключение для себя возможности нанять мигрантов для выполнения каких бы то ни было работ (0,395); согласие с тем, что чаще всего мигранты отнимают работу у местного населения (0,391); отрицательная оценка многонационального характера России, поскольку одни народы живут за счет других (0,363); согласие с тем, что в качестве мигрантов к нам на заработки в основном приезжают малообразованные и неквалифицированные люди (0,306); негативное отношение к межнациональным бракам, уверенность в том, что семью нужно создавать только с представителем своей национальности (0,301); отсутствие среди друзей и знакомых лиц другой национальности (0,288); не только наличие проблем в общении с людьми других национальностей (0,266), но и стремление избежать любого общения с подобными (0,285); готовность участвовать в акциях националистического характера (0,230)</p>	<p>Отказ работать как вместе (0,292), так и под руководством лиц других национальностей (0,200); отношение к межнациональным бракам либо совершенно нетерпимое, так как семью нужно создавать только с представителем своей национальности (0,122), либо допускающее их при уверенности, что вступающие в такой брак будут испытывать серьезные проблемы из-за разницы культур (0,111); отсутствие тревоги в связи с принадлежностью мигрантов к другой национальности, поскольку они такие же люди, как и местные (0,103)</p>	<p>Согласие с тем, что мигранты-мусульмане в основном не показывают открыто свои убеждения и не представляют угрозы для православия (0,271), соседствует в этом типе с представлением о религиозной идентичности мигрантах как об открытой угрозе для православных (0,123); согласие с тем, что мигранты в основном работают хорошо, стараются все делать качественно (0,219); убеждение в том, что из-за мигрантов растет преступность (0,262); отказ работать под руководством лиц других национальностей (0,224), но готовность работать вместе с представителями других этносов (0,209); к данному типу относятся как тревога и настороженность даже от внешнего вида мигрантов (0,202), так и отсутствие страха в связи с принадлежностью приезжих к другой национальности (0,142); готовность нанять мигрантов на работу (0,183); смешаны в данном типе и представления о том, что мигранты ведут себя вызывающе по отношению к культурным традициям местного населения (0,189) и убеждение в том, что мигранты относятся с уважением к нашей культуре (0,182); наличие среди друзей и знакомых людей других национальностей (0,164)</p>

Самое главное, что если тип ксенофобов (фактор 1), отличается четкой взаимосвязью признаков и выглядит довольно устойчивым, нам не удастся выявить ни одного типа, который характеризовал бы однозначную и устойчивую терпимость в сфере межнациональных отношений, противостоящую явной ксенофобии.

Данный анализ подтверждает, что хотя жители области, отличающиеся крайней формой нетерпимости в сфере межнациональных отношений, представляют собой меньшинство, их взгляды и ценностные ориентации достаточно взаимосвязаны, последовательны и устойчивы. Их ксенофобия осознана и внутренне обоснована. Это поистине убежденные ксенофобы. Мы явно видим в пространстве массового сознания жителей области твердый сгусток установок на ксенофобию и нетерпимость.

А вот толеранты не отличаются такой прочной внутренней ценностной убежденностью и последовательностью. Установки на терпимость, очевидно, разбросаны и самым причудливым образом перемешаны с ориентациями на негативное восприятие феномена многонациональности.

Подобное различие и делает взгляды и ценности сплоченного меньшинства более влиятельными, чем взгляды и ценности аморфного большинства.

Кластерный анализ методом К-средних позволяет получить типичные группы ценностно близких друг другу респондентов, а также определить долю каждой из таких групп в общей выборке. Задав те же параметры переменных, что и в процедуре факторного анализа, мы получаем две достаточно однородные группы респондентов: толерантные и ксенофобы (табл. 3).

Таблица 3

Основные характеристики гомогенных групп ксенофобов и толерантных

<i>Группа 1 – толерантные.</i> Типичные представители этой группы составляют 30,1% от общей выборки.	<i>Группа 2 – ксенофобы.</i> Составляют 21,4 % от общей выборки.
<p>Соответствуют следующим признакам: имеют друзей и знакомых других национальностей; не испытывают проблем в общении с людьми других национальностей; не готовы участвовать в акциях националистического характера; не видят ничего плохого в межнациональных браках; довольны тем, что Россия является многонациональной страной, поскольку разные народы обогащают друг друга; признают право быть патриотом России за любым человеком, вне зависимости от этнической принадлежности; относятся к притоку мигрантов как к совершенно нормальному явлению в современном глобальном мире, где все народы перемешались и вполне могут мирно уживаться; считают, что региональные власти могут оставить количество мигрантов на том уровне, который уже есть, но больше привлекать не нужно; согласны с тем, что мигранты не отнимают рабочие места у местного населения; отмечают, что среди мигрантов немало вполне образованных людей, которые просто вынуждены заниматься неквалифицированной работой; готовы нанять мигрантов для выполнения хозяйственных работ; не испытывают тревоги в связи с принадлежностью мигрантов к другой национальности; считают, что мигранты-мусульмане не выражают открыто свои убеждения и не представляют угрозы для православия; уверены в том, что мигранты относятся с уважением к нашей культуре и языку, хотя и придерживаются прежде всего своих традиций; считают мигрантов в основном нормальными, дружелюбными людьми, старающихся не совершать правонарушений и соблюдать законы РФ; отмечают, что мигранты в основном работают хорошо; готовы работать как вместе, так и под руководством людей других национальностей</p>	<p>Типичные представители этой группы соответствуют следующим признакам: убеждены, что патриотом России может быть только русский человек; согласны с тем, что брак следует заключать только с представителем своей национальности; считают необходимым полностью ограничить приток мигрантов и по возможности избавиться от тех, кто есть; не готовы работать под руководством людей других национальностей, ни просто вместе с ними; считают, что из-за мигрантов растет преступность; отмечают, что у них вызывает тревогу и напряжение даже внешний вид мигрантов, поскольку сразу видно, что они «чужие»; согласны с тем, что мигранты ведут себя вызывающе, не уважают и не хотят изучать нашу культуру и стараются навязать свою; считают, что мигранты-мусульмане открыто выражают неуважение к православной вере местного населения; убеждены, что мигранты в основном работают плохо, некачественно и «наши» выполнили бы ту же работу лучше; исключают для себя возможность нанять мигрантов для выполнения каких бы то ни было работ; убеждены, что мигранты отнимают рабочие места у жителей Владимирской области; отмечают, что в качестве мигрантов к нам на заработки в основном приезжают малообразованные и неквалифицированные люди</p>

Помимо четко выраженных групп, описанных в таблице 3, кластерный анализ позволяет выявить и две смешанные группы жителей области, которых можно условно назвать умеренно нетерпимыми и умеренно терпимыми.

Группа 3 – смешанная. Умеренно нетерпимые. Составляют 19,3 % от общей выборки. С одной стороны, умеренно оценивают многонациональный характер России, считая, что он чреват конфликтами на этнической почве. В целом терпимы по отношению к межнациональным бракам, но считают, что супруги в таких семьях могут испытывать серьезные проблемы. Отказываются работать под руководством людей других национальностей, хотя при этом имеют среди своих друзей и знакомых представителей других этносов. Не испытывают проблем в общении с ними и не имеют ничего против того, чтобы работать вместе с людьми других национальностей. Выражают крайне негативное отношение к трудовым мигрантам.

С другой стороны, половина представителей данной группы считает, что патриотом может быть только русский человек, а другая половина – что любой, вне зависимости от этнической принадлежности. Половина исключают для себя возможность нанять мигрантов для выполнения каких бы то ни было работ, а другая половина – уже нанимали их.

Представители данной группы также не готовы участвовать в акциях националистического характера

Группа 4 – смешанная. Умеренно терпимые. Составляет 29,2 % выборки. Представители этой группы отличаются определенными характеристиками толерантности. Имеют друзей и знакомых других национальностей. Позитивно оценивают многонациональный характер России, хотя и считают, что это чревато межэтническими конфликтами. Терпимо, хотя и с осторожностью, относятся к межнациональным бракам. Готовы работать вместе с людьми других национальностей, хотя и не готовы работать под их руководством. Относятся к притоку мигрантов, как к неизбежному, хотя и неприятному явлению, с которым приходится считаться из-за нехватки у нас рабочей силы. Готовы сами нанять мигрантов для выполнения хозяйственных работ. Не готовы участвовать в акциях националистического характера.

В то же время представителям данной группы свойственны и некоторые признаки

ксенофобии. Только половина не испытывает проблем в общении с людьми других национальностей; 45 % убеждены, что патриотом России может быть любой человек, вне зависимости от этнической принадлежности, а 40 % – что только русские. Крайне противоречиво относятся к мигрантам, разделившись практически пополам в оценке их человеческих качеств.

Таким образом, кластерный анализ позволил довольно точно разделить жителей области на четыре группы и определить удельный вес каждой из них:

- толерантные – 30,1 %;
- ксенофобы – 21,4 %;
- умеренно нетерпимые – 19,3 %;
- умеренно терпимые – 29,2 %.

Отметим, что по результатам кластеризации нетерпимость в межнациональных отношениях связана прежде всего с личными проблемами в общении с людьми других национальностей, и в особенности с фактором негативного отношения к мигрантам.

Несмотря на то, что лишь меньшинство жителей области видят в мигрантах угрозу, но, во-первых, подобная установка входит в сумму наиболее тесно взаимосвязанных и устойчивых характеристик ксенофобии, а во-вторых, именно появление подобной социальной группы в регионе влияет на конфигурацию смешанных типов ориентаций в сфере оценки характера межнациональных отношений. Именно негативное отношение к мигрантам проявляет признаки латентной ксенофобии в сознании той части жителей области, которая может быть названа вполне толерантной, если отталкиваться только от таких ценностных аспектов многонациональности, как оценка наличия среди населения России большого количества разных этносов, отношение к межнациональным бракам, готовность и способность общаться с людьми разных национальностей.

Заключение. Подводя итог, отметим следующие наблюдения.

Факторный анализ позволяет выделить очень тесную и устойчивую взаимосвязь признаков, характеризующих ксенофобию, но не выявляет ни одного типа, который характеризовал бы однозначную и устойчивую терпимость в сфере межнациональных отношений, противостоящую явной ксенофобии.

Толерантность жителей Владимирской области не отличается прочной внутренней ценностной убежденностью и последовательностью, как ксенофобия.

Подобное различие делает взгляды и ценности сплоченного меньшинства более влиятельными, чем взгляды и ценности аморфного большинства.

Результаты кластерного анализа дают нам возможность получить две достаточно однородные группы респондентов – толерантные (31 %) и ксенофобы (21 %) – и две смешанные – умеренно нетерпимые (19 %) и умеренно терпимые (29 %).

Нетерпимость в межнациональных отношениях, характерная для группы «ксенофобов», связана прежде всего с личными проблемами в общении с людьми других национальностей, и в особенности с фактором негативного отношения к мигрантам.

«Толерантные» и «ксенофобы» мало отличаются друг от друга по гендерным признакам, возрасту, уровню образования или месту жительства. Можно лишь говорить о чуть более высоком распространении нетерпимости среди мужчин, молодежи и жителей сельской местности.

Существенным является более низкий уровень социального самочувствия «ксенофобов» в сравнении с «толерантными». Повидимому, нетерпимость в сфере межнациональных отношений является одним из проявлений общего ощущения неудовлетворенности жизнью.

Разделение населения на две практически равные группы, когда половина проявляет вполне четкую ориентацию на толерантность или ксенофобию, а другая половина состоит из, по сути дела, не определившихся, придает большое значение общему социокультурному фону. Если информационное, политическое и культурное пространство наполнены призывами к терпимости и гармонизации межэтнических отношений, то носители неустойчивых взглядов будут склоняться в сторону толерантности. В противном случае, когда политики, эксперты, общественные деятели и лидеры общественного мнения станут публично «одобрять» ксе-

нофобские высказывания и поступки, неопределившиеся будут сдвигаться от латентной нетерпимости к открытой, общий градус ксенофобии в регионе будет повышаться, что заставит говорить не столько о социокультурной модернизации, сколько о деградации.

1. *Кельберг А. А.* Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. – 1996. – Сер. 6. – Вып. 2 (№ 13). – С. 46–57.

2. *Кожневникова Г. В.* Радикальный национализм в России: проявления и противодействие. Обзор событий 2004 г. / под ред. А. Верховского. – М., 2005. – URL : <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2005/01/d3386/> (дата обращения: 25.11.2014).

3. *Муравьев А. В.* Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. – 2004. – № 4. – С. 12–17.

4. *Штемберг А. С.* Ксенофобия. Размышления холодного философа // Энергия. – 2001. – № 12. – С. 68–72.

5. *Бережная М. С.* Развитие толерантного сознания личности в социокультурном пространстве образования и искусства // Философские науки. – 2008. – № 4. – С. 58–68.

6. *Прокопенко В. А.* Толерантность и мир, в котором мы живем // Новая библиотека. – 2006. – № 3(63). – С. 40–41.

7. *Соколов В. М.* Толерантность: состояние и тенденции // Социс. – 2003. – № 8. – С. 54–63.

8. *Шалин В. В.* Толерантность (культура, норма и политическая необходимость). – Ростов н/Д., 2000. – 356 с.

9. Классификация и кластер / под ред. Дж. Вэн Райзина. – М. : Мир, 1980. – 389 с.

10. *Крыштановский А. О.* Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 284 с.

11. Факторный, дискриптивный и кластерный анализ : сб. / под ред. И. С. Енюкова. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 215 с.

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ¹

VALUE-NORMATIVE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF PROJECT MANAGEMENT IN THE REGION

С.Н. Апенько, О.В. Попова

S.N. Apenko, O.V. Popova

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky

М.А. Романенко

M.A. Romanenko

ООО «УИТ», УК «Сберинвест»

CIT LLC, «Sberinvest» Asset Management Company

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В последние годы развитие экономики и социальной сферы регионов осуществляется в форме проектов. В этой связи важной задачей обозначено внедрение проектного управления. Отмечается, что данное управление, с одной стороны, зависит от социокультурной среды региона, с другой стороны, влияет на неё. Подкрепляет это влияние общемировая тенденция обращения к ценностно-ориентированному управлению проектами, при котором важнейшими ориентирами в оценке успешности проектов называются ценности стейкхолдеров. Представлено краткое описание сущности концепции ценностного проектного управления и описаны направления проявления ценностно-нормативных основ управления проектами и программами регионов. В частности, ценностно-нормативные основы развития проектного управления проявляются в необходимости разрабатывать такие проектные технологии, которые бы адаптировались в социокультурный контекст региона и страны, в комплексном развитии предпринимательства и проектного управления, что предполагает взаимосвязь и взаимовлияние ценностей предпринимательства и ценностей проектного менеджмента, в формировании проектного управления с учетом ценностей различных стейкхолдеров проекта. Приведены результаты исследования авторами опыта проектного управления на предприятиях Омска. Результаты свидетельствуют о положительных тенденциях развития проектного управления в омском регионе. Вместе с тем авторы отмечают во многих случаях формальный характер проектной деятельности, отсутствие профессионального подхода к управлению проектами. Представлены выделенные экспертами наиболее актуальные профессиональные компетенции менеджеров проекта, в которых также отражены ценности, формируемые как в границах компании, так и в более широкой среде – регионе. Показана динамика данных компетенций за последние три года. Выявлены проблемы, связанные с низким уровнем экспертных оценок значимости этики поведения менеджеров проектов. Сделан вывод о важности дальнейшего продвижения концепции ценностного управления проектами.

In recent years, the development of economy and social sphere of regions has the form of projects. In this regard, an important task is the implementation of project management. It is noted that this management, on the one hand, depends on the socio-cultural environment of the region, on the other hand, affects it. This effect is reinforced by the global trend of appealing to the value-oriented project management, in which the values of stakeholders are the most important benchmarks in measuring the success of projects. The article presents a brief description of the concept of the value project management and describes the direction of existence of value and normative framework for management of projects and programs of the regions. In particular, the value-normative basis for the development of project management are manifested in the need to develop such project technology that would be adapted to the socio-cultural context of the region and the country, in a comprehensive business and project management development that involves the correlation of values of entrepreneurship and values of project management, in forming the project management taking into account the values of the various project stakeholders. The article presents results of the research experience of project management at the enterprises of Omsk. The results indicate positive trends in the development of project management in the Omsk region. However, the authors note, in many cases, the formal nature of project activities, and the lack of a professional approach to project management. The article presents the most relevant professional competence of project managers, which reflect the values generated in the boundaries of the company and in the region. The authors show the development of these competencies over the past three years. The article reveals the problems associated with a low level of expert assessments of the significance of ethics to project managers. The authors conclude about the importance of further promoting the concept of value project management.

Ключевые слова: проектное управление, ценности, ценностно-нормативные основы, проекты региона.

Key words: project management, values, value-normative basis, projects of the region.

¹ Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2378.

Введение. В последние годы социально-экономическое развитие регионов в целом и его хозяйствующих субъектов осуществляется в виде комплекса проектов и программ. В этой связи на всех уровнях власти говорится о важности внедрения в практику профессионального проектного управления. Омский регион относится к числу регионов, в которых основным трендом можно назвать интенсивное развитие проектного управления, о чем будут свидетельствовать приведенные далее результаты прикладного исследования авторов статьи.

Анализируя тенденции развития проектного управления, необходимо отметить, что на темпы и результаты его внедрения влияет множество факторов, к которым следует отнести государственную экономическую политику, уровень развития регионов России, активность бизнес-сообщества и многие другие. Среди этих факторов важнейшее и существенное влияние на проектное управление оказывает социокультурная среда в целом и доминирующие ценности общества и бизнеса в частности.

Признание мощнейшего влияния на управление проектами социокультурных факторов можно обнаружить как в научно-практических исследованиях разных авторов, так и в современной методологии проектного управления. Примеры исследований и описание концепции ценностно-ориентированного проектного управления приведем далее. Но сначала, обобщив научные и прикладные исследования о взаимосвязях управления проектами и социокультурного его контекста, сделаем заключение о том, что ценностно-нормативные основы развития проектного управления проявляются в различных направлениях и на разных уровнях:

во-первых, в учете социокультурных факторов внешней среды проектов и программ, в необходимости реагировать на эти факторы и разрабатывать такие проектные технологии, которые бы органично адаптировались в социокультурный контекст региона, страны, а международные проекты и в социум мирового сообщества [1–3];

во-вторых, в комплексном развитии предпринимательства и проектного управления, что предполагает взаимосвязь и взаимовлияние ценностей предпринимательства и ценностей проектного менеджмента [4; 5];

в-третьих, в формировании проектного управления с доминантой на учет и реализацию ценностей различных стейкхолдеров

проекта, т. е. развитие ценностно-ориентированной концепции проектного менеджмента [3];

в-четвертых, развитие проектного управления в контексте социокультурной среды предприятий и организаций, реализующих проекты и программы [6].

При этом позиция авторов заключается в том, что влияние проектного управления и социокультурной среды должно быть не односторонним, а взаимным. Несмотря на то, что проектное управление является частью системы социальных норм, ценностей, процессов и должно им подчиняться, тем не менее, проектный менеджмент как базовая методология развития социальной и экономической сфер регионов России должен, в свою очередь, выступать детерминирующим фактором становления новых социокультурных образцов организации деятельности и взаимодействий контрагентов. В проектной методологии заложено множество ценностей, которые могут стать толчком к изменению сложившихся и во многих случаях устаревших ценностных ориентаций субъектов управления регионами.

Обзор литературы. В качестве доказательства обозначенного обратимся к крайне популярной в международной практике концепции ценностно-ориентированного проектного менеджмента [7–9]. Главная идея заключается в том, что управление проектами должно включать в себя не только концепцию «тройственного ограничения – качество, сроки, бюджет», но и быть ориентированным на «второстепенные» эффекты, способные принести дополнительную ценность для бизнеса компаний. При управлении проектами, программами и портфелями проектов необходимо учитывать влияние проектной деятельности на интересы и ценности разных групп стейкхолдеров, а также ориентироваться на эти ценности при разработке и реализации проектов. К стейкхолдерам относят население регионов, потребителей продукции и услуг проектов, персонал компаний-партнеров и компаний-конкурентов, инвесторов и прочих лиц, задействованных в проектах или на которых могут повлиять результаты проектов. Причем в современной теории моделей проектной зрелости говорится о том, что одним из важнейших критериев уровня зрелости проектного управления в компании должно стать развитие ценностно-ориентированной концепции менеджмента, степень её использования. Проектное управление считает-

ся тем более зрелым, чем более разные виды полезности и ценности оно предоставляет всем стейкхолдерам.

В настоящий момент при определении проектной зрелости руководители не до конца понимают, с какой целью им стоит стремиться к повышению уровня зрелости проектного управления, к чему конкретно это приведет, так как в глазах различных стейкхолдеров воспринимаемый успех и ценности проекта будут различаться в зависимости от существующих ценностных ориентиров компании. В связи с этим сегодня все больше ставится во главу угла понятие ценности управления проектами.

В традиционном менеджменте существуют разные определения понятия «ценности». В обобщенном виде ценность определяется как предмет некоторого интереса, желания, стремления, т. е. объект, значимый для отдельного человека или группы людей. В проектном менеджменте С.Д. Бушуев и Н.С. Бушуева [10; 11] предлагают рассматривать ценность проекта в виде удовлетворения потребности ключевых заинтересованных сторон. В их работах ценность – это комплексный показатель, состоящий из ценности процесса, продукта и ценности организации, реализующей проект. В.А. Рач предложил ввести понятие «гармонизированная ценность» [12]. При этом гармонизацию ценности необходимо рассматривать в двух аспектах: гармонизацию со стратегическими целями организации и гармонизацию ценностей заинтересованных сторон.

В работе Г. Керцнера, ценностно-ориентированное управление проектами классифицируется по двум основным категориям: базовые ценности, достигаемые посредством корпоративной методологии управления проектами, часто зависимые от уровня проектной зрелости организации, и стратегические ценности, получаемые в долгосрочной перспективе [13]. Базовые ценности воздействуют на культуру взаимодействия людей в компании, улучшение командной работы, облегчение коммуникаций, повышение доверия. Зрелая практика управления проектами способна облегчить возникновение ценностей данного типа, а потребитель часто напрямую ощущает на себе ее влияние, например, через клиентоориентированное поведение участников проектных групп [14]. Стратегические ценности управления проектами возникают при условии достижения базовых ценностей и обычно являются внутриорганизационными,

невидимыми напрямую потребителю; такими как узнаваемость бренда, включая социальный бренд компании в регионе, поддержание определенной репутации компании, завоевание лидирующей позиции в определенной области и пр. В число стратегических ценностей компании, заботящейся о своей репутации, обязательно должны входить ценности формирования социокультурной среды региона.

Таким образом, взаимная связь между ценностью управления проектами, моделью зрелости компании и существующими практиками управления проектами в компании является одним из ключевых ориентиров стратегии компании. Формирование ценностей проектного управления является стратегическим инструментом для компании при выработке модели своего развития и создания конкурентного преимущества на рынке, а также для формирования единого ценностного бизнес-пространства региона, в котором функционируют проектно-ориентированные предприятия.

Гипотезы и методы исследования. Мы описали модель построения управления проектами, признанную в мировой практике и теории как перспективную и эффективную. Однако её внедрение будет происходить постепенно. Некоторые крупные компании регионов центральной России уже обратились к поиску вариантов внедрения ценностно-ориентированного проектного управления.

Основной гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что в регионах России, в частности в Омске, проектное управление развивается интенсивно. При этом созданы предпосылки для использования ценностно-ориентированного проектного управления.

Рассмотрим опыт Омской области и приведем результаты исследования авторов статьи, демонстрирующие уровень проектного управления на омских предприятиях и некоторые факты, показывающие ценности, присутствующие сегодня в компаниях.

Кафедрой «Инновационное и проектное управление» экономического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского проведено исследование методами анкетного опроса и интервью с целью изучения актуальных для регионального рынка компетенций специалистов по управлению проектами [15]. В исследовании приняли участие в 2011 г. 123 предприятия, в 2012–2014 гг. – 53 предприятия и органи-

зации Омска, применяющих на разном уровне методологию разработки и реализации проектов.

Результаты исследования. Прежде всего необходимо сказать о том, что ценность проектного подхода к организации деятельности постепенно повышается. В частности, 69 % из опрошенных в 2011 г. предприятий и организаций используют проектную форму деятельности и управление проектами. Причинами, побуждающими обратиться к проектному управлению, чаще всего называют осознание необходимости в новых наиболее эффективных формах деятельности, естественное развитие предприятия и переход его на высокую стадию, на которой формируется потребность в проектном управлении. Имеют значение также отраслевая специфика, обуславливающая неизбежность проектной формы, а также указание руководства о переходе на проектное управление. Опросы в 2012–2014 гг. показали, что дополнительным фактором стало общественное мнение о важности проектного подхода, распространение в бизнес-культуре проектных стандартов работы.

Вместе с высоким уровнем интереса к проектной форме деятельности необходимо признать, что наблюдается крайне противоречивые трактовки термина «проект», что ведет к рассогласованию позиций разных субъектов. Зачастую проект рассматривается как, в лучшем случае, бизнес-план, новая идея, выделенное направление деятельности, комплекс предложений с небольшим технико-экономическим обоснованием, в худшем – презентация, набор проектной документации, особое программное обеспечение деятельности. Многие предприятия, использующие термин «проект», не знают сущности управления проектами и не понимают, для чего надо управлять проектами. Это является следствием неверной трактовки сущности проекта и проявляется в практике управления комплексом мероприятий, инновациями, выделенным направлением деятельности с помощью традиционного менеджмента или инновационного менеджмента. Данная практика значительно искажает и снижает эффективность деятельности по управлению проектами.

То есть исследование подтвердило гипотезу о том, что подавляющее большинство предприятий, организаций и учреждений разрабатывают и внедряют различные проекты. При этом гораздо меньше организаций эффективно управляют проектами, еще меньше – пе-

решили к проектно-ориентированному управлению. Это общая особенность, характерная не только для Омска, но и для России в целом.

Для доказательства сделанного вывода отметим, что под проектно-ориентированным управлением понимается особая форма менеджмента и практика использования специализированных управленческих структур, технологий, методов для успешной реализации деятельности, организованной в виде монопроектов, программ, портфелей проектов, мультипроектов [3]. Основными признаками обращения предприятия к проектно-ориентированному управлению являются: организация деятельности в виде проектов, использование инструментов управления проектами, использование особой структуры и особых механизмов управления множеством проектов. Для развития практики проектного менеджмента необходимо осознание, что наличие проектов не тождественно управлению проектами, а управление проектами не тождественно проектно-ориентированному управлению.

По мнению самих представителей предприятий и организаций, деятельность по управлению проектами находится на недостаточно высоком уровне. Эксперты примерно половины предприятий осознают, что управление проектами реализуется не всегда эффективно и системно. Каждое третье предприятие понимает, что управление проектной деятельностью стихийное и ситуативное. Порой такого управления вообще нет, проекты реализуются с помощью текущего управления традиционной функциональной (не проектной) деятельностью.

Рассмотрим экспертные оценки наиболее значимых для управления проектами компетенций. При этом отметим, что в структуру компетенций, кроме знаний, навыков, умений, способностей, относят еще и ценности, нормы и стандарты поведения, социокультурные стереотипы мышления. Кроме того, во многих поведенческих компетенциях отражены сложившиеся атрибуты социокультурной среды региона [16].

Для экспертных оценок взяты компетенции из национальных требований к специалистам по управлению проектами, выработанные Российской Ассоциацией управления проектами «СОВНЕТ» на основе стандартов Европейской ассоциации управления проектами (IPMA).

Как видно из таблицы, представители омских предприятий осознают значимость многих поведенческих компетенций. Судя

по предоставленным оценкам, эксперты видят менеджера проекта как специалиста, способного эффективно руководить и проявлять лидерство, вовлеченного и мотивированного на проектную деятельность, надежного, ориентированного на результат, способного работать в команде и согласовывать интересы, решать проблемы.

С 2012 по 2013 г. наблюдается динамика экспертных оценок [17]. В частности, эксперты подтвердили первоочередное значение лидерства в проекте. Стали еще более весомыми компетенции, связанные с командностью, а именно способности работать в команде, взаимодействовать с участниками проекта. Повысилось внимание к совокуп-

ности компетенций, позволяющих согласовывать интересы разных групп, вести продуктивные переговоры, решать возникающие проблемы, управлять конфликтами и кризисами. Это связано с тем, что напряженность и кризисогенность среды растут. Как следствие, еще более значимыми становятся способности к стрессоустойчивости, навыки снятия напряженности, надежности во всех её проявлениях. Позитивным является рост осознания такой компетенции, как понимание ценностей компании и проекта. Это подтверждает нашу гипотезу, выдвинутую в начале статьи, о том, что ценностно-ориентированное проектное управление постепенно завоевывает своё почетное место.

Распределение ответов на вопрос: «Какими поведенческими компетенциями должен обладать менеджер по управлению проектами?» (% от числа опрошенных) [17]

Компетенция	Год					
	2012			2013		
	Компетенция очень важна	Компетенция важна	Компетенция не важна	Компетенция очень важна	Компетенция важна	Компетенция не важна
Руководство и лидерство в проекте	73	23	4	76	24	0
Вовлеченность и мотивация	69	31	0	64	36	0
Работа в команде	58	42	0	66	34	0
Самоконтроль и самоорганизация	38	58	4	25	69	6
Уверенность и убедительность	46	42	12	44	46	10
Снятие напряженности, стрессоустойчивость	16	72	12	26	70	4
Творческий подход	12	69	19	18	68	14
Ориентированность на результат	54	46	0	51	49	0
Эффективность	42	58	0	40	60	0
Способность согласовывать интересы, вести переговоры	46	50	4	52	48	0
Способность управлять конфликтами и кризисами	31	46	23	45	31	14
Надежность	54	46	0	61	39	0
Понимание ценностей организации и проекта	19	54	27	37	49	14
Этика поведения	16	54	32	23	50	27
Разрешение проблем	42	50	8	56	37	7

Наряду с этими тенденциями, стоит отметить сохраняющийся низкий экспертный статус компетенции «этика поведения». По-прежнему данная компетенция стоит на последнем месте в рейтинге всех ключевых профессиональных компетенций. Это серьезный сигнал к тому, что в целом в бизнесе России и в её регионах, в частности в Омске, пока этические нормы взаимодействия не признаются приоритетными, руководители считают возможным игнорировать этику поведения или обращать на неё внимание не всегда. Данный сигнал косвенно характеризует социокуль-

турную среду функционирования проектно-ориентированных компаний, так как низкое признание важности этики поведения в бизнесе – это отражение общей культуры бизнеса. С другой стороны, развитие данной компетенции в отдельно взятых проектно-ориентированных организациях способно положительно повлиять на динамику общего социокультурного фона предпринимательства в регионах.

Заключение. Подводя итоги, необходимо признать, что развитие проектного управления неизбежно будет происходить на ос-

нове концепции ценностного подхода к менеджменту. Построение ценностно-нормативных основ проектного управления – это требование времени и актуальная задача, обусловленная как экономическими, так и социальными выгодами от такого управления. Авторы статьи, наряду с иными исследователями, подтверждают тенденцию, связанную с возрастанием потребности в управлении ценностями проекта, требованиями и интересами стейкхолдеров, т. е. всех лиц, влияющих на проект и на которых может повлиять проект. В этой связи необходимы такие действия, как идентификация и работа с ожиданиями и интересами стейкхолдеров, планирование и достижение сопутствующих ценностей проекта. Сегодня важна не только предпринимательская экономическая цель проекта, но и что он дает для всех заинтересованных лиц. Наряду с экономическими результатами проекта внимание перемещается на социальное окружение проекта, важно удовлетворять интересы потребителей услуг или продукции, населения региона, жизнедеятельность которого может измениться под влиянием результатов конкретного проекта.

1. Мазур И. И., Ольдерогге Н. Г., Шати-ро В. Д. Управление проектами : учеб. пособие для студентов / под общ. ред. И. И. Мазура. – М. : Омега-Л, 2005. – 664 с.

2. Руководство по управлению инновационными проектами и программами. Р2М. Т. 1. Версия 1.2: пер. с англ. / под ред. проф. С. Д. Бушуева. – Киев : Наук. світ, 2009. – 173 с.

3. Руководство к Своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВoK®) 5-е изд. Project Management Institute, Fourteen Campus Boulevard, PA 19073-3299 USA, 2013. – 589 с.

4. Васянин М. С. Ценности предпринимательства в жизни российского общества // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Всерос. социолог. конгресса. – Уфа, 2012. – С. 6325–6327.

5. Васянин М. С. Ценности предпринимательского слоя современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 133–151.

6. Хьюберт К. Рамперсад. Универсальная система показателей для оценки личной

и корпоративной эффективности. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. – 148 с.

7. Бланиар К., О'Коннор М. Ценностное управление. – Минск: Попурри, 2003. – 144 с.

8. Clare W. Graves. Compared with other theories. – URL : http://www.clarewgraves.com/theory_content/compared/CGcomp1.htm (дата обращения: 25.11.2014).

9. Новиков Д. А., Иващенко И. И. Модели и методы организационного управления инновационным развитием фирмы. – М. : КомКнига, 2006. – 332 с.

10. Бушуев С. Д., Бушуева Н. С. Механизмы формирования ценности в деятельности проектно-управляемых организаций // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. – Харьков, 2010. – Вып. 1/2 (43). – С. 4–9.

11. Бушуева Н. С. Модели и методы проактивного управления программами организационного развития. – Киев : Наук. світ, 2007. – 270 с.

12. Рач В. А. Методи оцінки альтернативних проектів стратегій регіонального розвитку // Управління проектами: стан та перспективи: матеріали конференції. – Миколаїв, 2009. – С. 4–6.

13. Керцнер Г. Стратегическое планирование для управления проектами с использованием модели зрелости. – М. : АйТи, 2003. – 320 с.

14. Апенько С. Н., Шавровская М. Н. Клиентоориентированность персонала: технологии формирования и оценки. – Издат. Дом: LAP LAMBERT Academic Publishing. – URL: <http://www.lap-publishing.com/> (дата обращения: 25.11.2014).

15. Апенько С. Н. Региональные тенденции развития управления проектами как профессионального труда: результаты исследования в Омске // Вестник СибАДИ. – 2013. – № 4 (32). – С. 124–130.

16. Социокультурный портрет Омской области / Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского; сост. и общ. ред. В. С. Половинко. – Омск : ОмГТУ, 2011. – 396 с.

17. Апенько С. Н. Поведенческие компетенции человеческих ресурсов проекта в международных профессиональных стандартах // Диспут плюс. – 2013. – № 6 (16). – С. 27–36.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ, ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ, МОЛОДЕЖЬ, СЕМЬЯ»

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 160–166.

УДК 330.34

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

NEW INDUSTRIALIZATION IN RUSSIA: SOCIOCULTURAL IMPERATIVES

Л.А. Булавка-Бузгалина

L.A. Bulavka-Buzgalina

Институт философии РАН, Москва

Institute of Philosophy RAS, Moscow

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Статья посвящена проекту Новой индустриализации, которая, по мнению автора, является базовым условием социально-экономического развития современной России. Автор считает, что проект Новой индустриализации не должен быть ограничен лишь рамками собственно экономико-политических вопросов (которые, конечно же, сами по себе являются центральными), а должен иметь выход в пространство социокультурных решений. В статье показывается, почему и как социокультурные аспекты модернизации оказывают существенное влияние на процессы развития материального производства и человеческих качеств. На основании позитивных и негативных примеров советских и постсоветских модернизационных проектов автор доказывает, что культура обеспечивает, во-первых, высокий уровень творческих способностей человека, без чего невозможны реиндустриализация на основе высоких технологий и приоритетное развитие образования и науки, а также, во-вторых, субъектное бытие человека как творца истории, без чего невозможно социальное обеспечение модернизации. В качестве примера, иллюстрирующего эти закономерности, рассматривается советский проект, названный автором "красный трактор". На примере данного проекта автор отвечает на следующие вопросы: Какой должна быть стратегия производственного развития сегодня? В какой мере новая производственная стратегия несет в себе культурную концепцию развития человека, и в чем состоит ее суть? В какой мере она «выпрямляет» человека или подавляет? Известны ли в истории такие проекты производственной модернизации, которые одновременно являлись и концептом культурного развития человека? В результате исследования автор делает вывод, что культура должна всегда рассматриваться как важнейший критерий идейно-содержательной состоятельности любого модернизационного проекта, включая Новую индустриализацию.

The article is devoted to the project of New industrialization, which, according to the author, is a basic prerequisite for socio-economic development of modern Russia. The author believes that, the project of New industrialization should not be limited by the actual economic and political issues (which, of course, are central), and should have access to the socio-cultural space of solutions. The article shows why and how the sociocultural aspects of modernization have a significant impact on development of material production and human qualities. Based on the positive and negative examples of Soviet and post-Soviet modernization projects the author argues that culture provides, first, a high level of human creativity, which is indispensable to reindustrialization of high-tech and priority development of education and science, and, secondly, subjective existence of man as the creator of history, which is indispensable to the modernization of social security. As an example to illustrate these laws, there is considered the Soviet project, called by the author the "Red Tractor". On the example of this project, the author answers the following questions. What should the strategy of industrial development look like today? To what extent does a new production strategy carry the cultural concept of human development, and what is its essence? Were there any projects of industrial modernization, which were simultaneously the cultural concept of human development? As a result of research the author concludes that culture must always be considered as an important criterion of ideological and substantive viability of any modernization project, including the New industrialization.

Ключевые слова: модернизация, реиндустриализация, производство, культура, наука, образование, советский проект.

Key words: modernization, reindustrialization, manufacturing, culture, science, education, the Soviet project.

Введение. Импульсы модернизации, регулярно инициируемые в нашей стране на протяжении более чем столетия, всякий раз имеют разные социально-экономические основания, цели, природу, сохраняя в то же время некоторое концептуальное единство: решение этой сверхзадачи почти всегда призвано соединить два сложно соединимых им-

ператива. С одной стороны, перед нами почти всегда стоит задача обеспечить выход России на уровень наиболее развитых стран мира. С другой – сохранить и преумножить «самость нашего Отечества», не превратиться во всего лишь новый тираж уже многократно реализованного проекта.

Актуальность этой задачи обусловлена тем важным обстоятельством, что либерально-монетаристские реформы в России реально обернулись деиндустриализацией экономики страны. Последствия этого отразились на качестве развития всех отраслей, включая и сферу науки, без которой невозможен никакой инновационный прорыв. Вот лишь некоторые примеры этих последствий: в СССР расходы на науку составляли 2,5–3 % ВВП, тогда как в современной России (данные 2012 г.) – 1,12 % ВВП (для сравнения: в США – 2,79 %, в Финляндии, являющейся мировым лидером по уровню инновационности экономики – 3,55 %) [1].

Вот почему проект Новой индустриализации является базовым условием социально-экономического развития современной России [2; 3], при котором появляется возможность решения двух названных выше задач: прорыва на уровень наиболее развитых стран мира и обретения своего культурно-исторического лица и достоинства в условиях новой геополитической ситуации. Но автор этих строк считает, что обе эти задачи могут быть решены только при условии, если сам проект Новой индустриализации не будет ограничен лишь рамками собственно экономико-политических вопросов (которые, конечно же, сами по себе являются центральными), а будет иметь выход в пространство социокультурных решений.

Культурный прогресс как условие модернизации: к постановке проблемы.

Одним из парадоксов последнего десятилетия эволюции постсоветской России является кажущееся на первый взгляд почти невозможным противоречие: на фоне все более нарастающего отчуждения общества от культуры, все сильнее начинает звучать запрос на нее, причем со стороны человека производства. Более того, о необходимости взаимосвязи экономики и культуры сегодня как никогда заговорили даже экономисты и директора производственных объединений. И для этого есть как минимум три причины.

Первая. Мировой экономический кризис, казалось бы, закончившийся в 2009–2010 гг., тем не менее продолжается и сейчас как потенциальная угроза своего второго рождения. Как таковой он охватил всю мировую систему, захватывая не только экономику и социальную сферу, но и потенциал развития всей системы в целом. Но потенциал развития – это прежде всего человек, причем человек, создающий такие основы экономи-

ческой и социальной реальности, которые одновременно являются предпосылкой развития его самого как содержательного средоточия культуры. Только при условии развития человека как культурной, а не только экономико-технологической сущности потенциал системы становится саморазвивающимся.

Понятно, что потенциал общественной системы не может развиваться только на основе культуры. Он, конечно же, требует соответствующих экономических и социальных условий и форм. Но и саму культуру как необходимое условие для наращивания потенциала развития одними лишь финансовыми и организационными усилиями «сделать» нельзя, ее можно только возвращать. И вот этот принцип возвращения культуры как раз и обеспечивает саморазвитие системы в целом и ее потенциал, без которого невозможно развитие ни экономики, ни производства.

Вторая причина. Говоря о системе отношений собственно российской экономики, приходится в который раз признавать, что ее позднеиндустриальная основа и производство, которые можно отнести к 6-му технологическому укладу, преимущественно представлены советским наследием, в силу истечения сроков его эксплуатации, с одной стороны, и наступления новой технологической эпохи – с другой, требуют качественного обновления. Именно эту задачу современные исследователи связывают с проведением реиндустриализации России на новой технологической основе, или, в иных терминах, новой индустриализации [4–7]. Решение же этой задачи возможно только на основе обеспечения нового содержания труда и нового качества работника, а это значит – соответствующего высокого уровня образования и расширенного воспроизводства новых талантов и новых идей. Но таланты с небес не падают, их также надо выращивать, причем в среде живой и напряженной культуры.

Третья причина возвращения к проблеме взаимосвязи экономики и культуры в контексте модернизации на основе новой индустриализации. Проблема общественного регулирования социально-экономического развития особенно актуальная в современных геополитических условиях, требует от субъекта этой деятельности и на макро-, и на микроуровне качества не просто функционера-менеджера, который объективно не может мыслить мир сложнейших социальных и экономических взаимосвязей как нечто целостное. Здесь требуется человек, способный ре-

шать задачи управления исходя не из формальных правил (что вовсе не отменяет их значения), а из творческой умения связывать конкретность поставленной задачи с конкретно-всеобщим содержанием контекста и пониманием всего многообразия его противоречий. Понятно, что это всякий раз заставляет искать новое конкретное решение. Все это обуславливает необходимость расширенного воспроизводства *Человека культурного* и в сфере производства.

Таковы лишь некоторые основные аспекты объективной востребованности единого решения социально-экономических и социокультурных проблем при проведении модернизации на основе Новой индустриализации и прогресса человека как высшей ценности общественного развития.

СССР: экономико-культурные противоречия модернизационных практик (к проблеме субъектности).

Разрыв этой взаимосвязи стал одним из важнейших причин кризиса советской системы, и прежде всего ее модернизационных процессов.

Разрыв этой взаимосвязи, имевший место в практиках СССР, проявил одно важное противоречие: советская культура, имея высочайший уровень развития и будучи пространством общественного бытия для большей части общества, что явилось большой заслугой советской системы, постепенно становилась все больше и больше особой областью, все сильнее отчуждаясь от советской реальности, ее действительных противоречий. Неразрешенность этого противоречия приводила к тому, что советский человек, с одной стороны, уходил в мир советской (= всемирной) культуры как некое идеальное, в котором антагонистические формы отчуждения снимались в отношении мира культуры, а реальные противоречия советской действительности напоминали о себе лишь как художественные образы и научные абстракции. С другой – социальная бессубъектность советского индивида уже в брежневский период рождала у него чувство беспомощности перед необходимостью разрешения нарастающих противоречий, заставляя его все сильнее уходить в мир культуры.

Так мир советской культуры постепенно превращался в башню из слоновой кости.

Но даже в башне из слоновой кости человеку хочется есть и пить, вот почему ее советскому обитателю со временем стало уже не столь важно, какой ценой обеспечить и дальше свое культурно-комфортное бытие в

ней. И здесь капитализм, по мнению обитателей этой башни, представился более эффективным для этого средством, ибо он не только предоставлял более богатое потребительское меню и ранее невиданный уровень бытового комфорта, но и нес в себе латентное право на отчужденное отношение к отчуждению, освобождающее от этической ответственности за этот мир и *Другого*. Этот уход советского индивида в культуру стал своеобразной формой отчуждения его от противоречий социальной действительности.

Наследуя неразрешенность этого противоречия, как и многих других советской системы, российское общество с первых шагов постсоветской истории заявило себя как систему уже в самой своей сущности имманентно кризисную, дальнейшее развитие которой означало одно: обширное развертывание системного кризиса во всей его полноте.

Ослабление взаимосвязи между социальными процессами и культурой не могло не сказаться и на потенциале тех модернизационных процессов, которые имели место в СССР в этот период.

Процесс индустриализации 1930-х гг., захватывая не только города СССР, но и деревню, способствовал постепенному становлению обособленного крестьянина в рабочего сельскохозяйственного производства, что неизбежно вело к постепенному угасанию, а точнее, историческому снятию крестьянской общины и развитию новой формы социальной организации деревни – трудового коллектива. За этим стояло качественное изменение, так как община и коллектив – это все же принципиально разные социальные образования.

Главное различие между ними с точки зрения культуры состоит в том, что община бессубъектна и соответственно безличностна; ее жизнедеятельность обусловлена силой исторически сложившейся иерархии традиций, которая позволяла человеку выживать именно как представителю рода человеческого. Трудное и сложное изживание социально-культурного уклада феодально-крепостной общины в процессе становления советской коллективности даже с учетом всей *обратной стороны* этого процесса, все же несло главное – коллективную форму субъектности для бессубъектного индивида – «*Мы*».

И это оказалось очень важно для человека деревни, который в условиях налаживания колхозов уже имел хотя бы минимальную социально-экономическую возможность уйти из-под власти патриархального уклада

с его бессубъектностью, но он еще не имел того культурного потенциала, который позволил бы ему обрести личностную форму своей субъектности – «Я».

В итоге индивид оказывался в ситуации, когда мириться со своей бессубъектностью он уже не хотел, а выражать свою субъектность через «Я» еще не мог. Но и разрешить это противоречие собственными силами индивид также не мог – ведь без такой личностной формы, как «Я», казалось бы, ни о какой субъектности не может быть и речи. Но жизнь показала, что это далеко не так: субъектность может иметь и коллективную форму выражения. Более того, именно коллективность (специально подчеркнем – не общинность) в этом случае становится единственной формой разрешения данного противоречия: еще не обрета своего «Я», индивид через это «Мы» так или иначе мог выражать свою субъектность. Да, это особая форма солидаризации индивидов в один целостный субъект, которая по своему потенциалу стоит на порядок выше любого обывательско-интеллигентского «я», за которым всегда стоит лишь частный интерес частного лица.

Вот что писал об этом «Мы» Осип Мандельштам: «Новое общество держится солидарностью и ритмом. Солидарность – согласие в цели. Необходимо еще согласие в действии. Согласие действием само по себе есть уже ритм. Революция победила своим ритмом. ...Солидарность и ритмичность – это количество и качество социальной энергии. Солидарна масса. Ритмичен только коллектив. ...История знает два возрождения: первый Ренессанс во имя личности, второй – во имя коллектива» [8, с. 46].

Но по мере развития своей субъектности в рамках «Мы», и что принципиально важно – через участие в практиках социального творчества, ориентированного на разрешение общественных противоречий советской действительности, индивид обретал возможность развития в себе личностного начала, что как раз и служило основанием для обретения личностной (не индивидуалистической) формы субъектности. И это «Я», вышедшее из коллективного «Мы» несло в себе принципиально иную природу, чем «я» частного индивида-обывателя.

Это постколлективное «Я» несло в себе не отрицание, а именно снятие коллективной сущности «Мы», рождая новую форму субъектности уже для ассоциированного индивида. При всей диалектической взаимосвязи этих форм, здесь надо видеть и их различие.

Насколько качественным является различие между бессубъектным индивидом патриархального уклада и коллективным «Мы», настолько коллективное «Мы» принципиально отличается от ассоциированного «Я».

Одно из сущностных различий между ними заключается в следующем: если «Мы» было формой субъектности, выражающей и отстаивающей классовые интересы, то ассоциированное «Я» стало выражением всеобщего интереса. Вот это снятие классовых противоречий советской действительности как раз и составляло суть освободительной тенденции сложной и противоречивой советской действительности.

Итак, от патриархальной бессубъектности к коллективному «Мы» и далее – к ассоциированному «Я» – такова диалектика становления исторических форм субъектности индивида, которая оказалась возможной в рамках советской индустриализации.

Мы специально не поднимаем вопроса о противоречиях становления ассоциированного «Я» в рамках коллективной формы субъектности – «Мы», которая в формах нарастания тенденции сталинизма со всеми его репрессивно-бюрократическими последствиями сама становилась еще одной формой отчуждения.

Ограничимся лишь тремя ремарками. Во-первых, понятие «противоречие» нельзя толковать как некую негативную характеристику системы, ибо это есть залог ее развития. Для системы опасны не противоречия, а их неразрешенность, что объективно приводит к стагнации, а затем и к распаду уже самой системы. Это следует иметь в виду не только при исследовании противоречий практик советской индустриализации, но и при проектировании целого комплекса программ уже Новой индустриализации.

Во-вторых, любой, самый замечательный императив, оказываясь в условиях господства превратных форм и невозможности их снятия, неизбежно сам становится феноменом отчуждения. Практики СССР показали, как в одном случае коллективное «Мы» становилось мощным субъектом созидания и формирования личности, и в другом, например, в условиях нарастания бюрократизма, особенно в ее сталинистской форме, – силой отчуждения, подавляющей самостоятельное проявление человека, его позиции, мысли и поступки.

В-третьих, программа (концепция) Новой индустриализации, несущая в себе вектор перспективного развития производствен-

но-экономической политики современной России, обязательно должна отвечать императиву субъектности.

Принцип субъектности должен быть представлен, но не в лице игроков как симулятивных субъектов очередной модернизационной компании по реализации еще одного бизнес-проекта. Концепция Новой индустриализации должна предполагать ассоциированного субъекта, который включал бы в себя и профессионалов, и работников предприятий, и научных экспертов, и представителей профсоюзов и других общественных организаций, в том числе представляющих сферу культуры и образования.

Реализация принципа субъектности в рамках Новой индустриализации позволяет решить важнейшую проблему современной культуры – освобождения индивида от анонимных форм существования, навязанных ему властью капитала, рынка и бюрократии, причем, что особенно важно – через включение его в разные формы социального творчества, являющегося одной из сущностных сторон этого проекта модернизации.

В силу этого концепцию Новой индустриализации можно и нужно рассматривать не только как производственно-экономический, но и как социальный проект, предполагающий развитие и (1) собственной основы, и (2) своего потенциала, и (3) субъекта.

Соответствие этим трем условиям как раз и позволяет рассматривать проект Новой индустриализации как гуманитарный вектор развития социально-экономической политики страны, несущий в себе и новые идеи культуры.

«Красный трактор»: результаты проекта.

И все же остается вопрос: насколько культура может быть всеобщим отношением на такой, казалось бы, совсем чужой для нее территории, коей является производство?

Как мы уже отметили, запрос на культуру как атрибутивную составляющую экономики и производства сегодня звучит все сильнее и сильнее. Подтверждением этого стали прошедшие в 2013, 2014 и 2015 г. Московские экономические форумы и Санкт-Петербургский экономический конгресс (март 2015), на которых научная общественность, опираясь на факты, доказательства и прогнозы, выразила свое требование принципиального изменения вектора развития отечественной экономики с сырьевого на производственный. Причем ориентированный преж-

де всего на высокотехнологичное производство, интегрированное с образованием и наукой [9; 10]. И здесь возникает целый ряд вопросов.

- Какой должна быть стратегия производственного развития сегодня?

- В какой мере новая производственная стратегия несет в себе культурную концепцию развития человека, и в чем состоит ее суть? В какой мере она «выпрямляет» человека или подавляет?

- Известны ли в истории такие проекты производственной модернизации, которые одновременно являлись и концептом культурного развития человека?

В связи с этим рассмотрим один из них – проект, который автор этой статьи назвал «Красный трактор». Этот проект, будучи одним из направлений индустриализации СССР, одновременно стал и концепцией развития Нового человека.

Мы специально не поднимаем здесь вопроса, каковой была реальная практика реализации проекта «Красный трактор» и какие общественные противоречия он «вспахивал» по мере своего продвижения по полю истории. Мы не будем рассматривать и вопрос, как по мере нарастания эффекта отчуждения, обусловленного ростом бюрократизма в СССР, бледнел и «Красный трактор».

Мы постараемся выявить те внутренние принципы модернизационного проекта «Красный трактор», которые одновременно являлись выражением и сущностных черт культуры. Подчеркнем, в рамках проекта «Красный трактор» зарождался и развивался фундаментальный императив культуры – субъектность индивида с потенциалом ее развития. Реализация этой субъектности в тяжелых материальных условиях и острейших общественных противоречий, с одной стороны, и социального энтузиазма широких масс – с другой, обретала чаще всего характер героического бытия. Вот почему наш тракторист как главный герой проекта «Красный трактор», являя собою Нового человека, как правило, был и «первым парнем на деревне». Героическое бытие в истории делало его и главным героем культуры.

Кстати, именно субъектный императив «Красного трактора» вывел в герои истории и затем культуры женщину. В рамках этого концепта женщина – это уже не объект патриархального уклада, а субъект трудового и социального творчества. И один из ярких примеров тому – женщина-тракторист П. Ан-

гелина, которая, будучи героем труда, выступила с призывом «Сто тысяч подруг – на трактор!» Откликнулось 200 тыс. женщин.

Именно субъектный императив «Красного трактора» определил его культурную концептуальность, нашедшую свое выражение во многих произведениях искусства. Неслучайно столько произведений искусства было создано в связи с концептом «Красный трактор», но об этом ниже.

Подчеркнем: тракторист – это не герой-одиночка. Это человек коллективный. Да и сам трактор – машина коллективная. Неслучайно трактористы, особенно на Севере, как правило, работали в содружестве, дабы иметь возможность в любой сложной ситуации оказать помощь друг другу.

Реализация проекта «Красный трактор» предполагала в качестве своей материально-производственной основы – МТС (машинно-тракторные станции). Они создавались по той причине, что колхозники, не имея достаточного уровня технического образования и профессиональных навыков, не могли ни управлять, ни ремонтировать данную им технику. Для решения этой проблемы как раз и присылались специалисты. Но возникая в силу производственной необходимости, МТС сразу становились основой появления многомерного общественного пространства, являясь одновременно и производственным центром, и техническим ликбезом, и библиотекой, и кафедрой, и клубно-концертной площадкой и т. п. В действительности МТС была деятельностью (производственной) основой возникновения коллективной формы общественной среды в деревне. Именно эта деятельность была основой и обуславливала еще один императив культурного концепта «Красного трактора» – интернационализм, и прежде всего интернационализм созидания (взаимовыручки). И здесь можно привести много примеров из истории СССР, нашедших свое художественное выражение в советском искусстве. Например, в советском фильме «Иван Бровкин на целине» героями являются и казахи, и латыши, и русский.

Кроме того, модернизационный проект «Красный трактор» предполагал массовый низовой энтузиазм, который был вызван необходимостью решения следующей задачи: на основе каких принципов социальной организации трудового процесса возможно такое эффективное производство, при котором социальный смысл труда обретает свою полноту? Другими словами, эта задача связывала в одну цепочку три важных звена: 1) произ-

водственную эффективность, 2) этическую основу решения производственных вопросов, 3) общественную полезность.

А вот какие принципы социальной самоорганизации обеспечивают жизнедеятельность этой цепочки, причем в единстве всех его звеньев – это как раз и было главным предметом обсуждения, дискуссий, конфликтов, поиска решений, соединяющих разных людей, разных работников в целостный коллектив. Одновременно это было и основой общественной драматургии жизнедеятельности коллектива. И здесь можно привести много интереснейших примеров из практики, например, трактористов Якутии, являющих своеобразное братство трактористов Севера. Вот откуда возникла драматургия таких фильмов, как «Трактористы» (режиссер И. Пырьев), «Иван Бровкин на целине» (режиссер И. Лукинский).

Вот почему, сознание того, что ты делаешь необходимое для всех дело, несмотря на тяжесть самого труда, нередко связанного даже с риском для жизни, рождало у тракториста чувство социальной и личностной состоятельности как человека. И в этом случае даже самый тяжелый труд расценивался им не как божье наказание, а как радость. Вот откуда столь много произведений искусства на тему «Красного трактора». Вот только некоторые работы в живописи: «Первый трактор» (Г. Шпонько), «Первый трактор на Кавказе» (А. Лабаст), «Тракторист» (А. Дейнека), «Сбор урожая» (П. Костинский), «Турсунди Ахунова, первая узбекская женщина-тракторист, с ученицей» (В. Петров), «Он будет трактористом» (Б. Шатилов).

А вот примеры из области музыкального и песенного искусства: «Вьется лист золотой» (С.А. Заславский – А.В. Софронов), «Прокажи нас, Петруша, на тракторе» (В.Г. Захаров – И. Молчанов), «Дела колхозные» (А.Г. Новиков – Л.И. Ошанин), «Моя родная сторона» (В.П. Соловьев-Седой – С.Б. Фогельсон), «Поет гармонь за Вологодой» (В.П. Соловьев-Седой – А.И. Фатьянов), «Тракторист» (А. Арский – В. Малков), «Сережа-тракторист» (Г.Н. Носов – С.Б. Фогельсон), «Серьезный тракторист» (В.С. Левашов – В. Орловская), «Стопудовый урожай» (К. Массалитинов – М. Мордасова).

Эти примеры, которые можно рассматривать как художественное эхо советской индустриализации, есть важнейшее подтверждение культурной состоятельности этого модернизационного проекта, который существовал наряду с тем, что автор называет «обрат-

ной стороной» индустриализации со всеми ее сталинистско-бюрократическими формами.

Через разрешение этих противоречий как раз и пробивалась радость труда, которая была еще одним культурным императивом «Красного трактора». И здесь сразу встает перед глазами картина «Сашка-тракторист» К. Максимова.

Вообще, тема созидания, став красной нитью советского искусства, сегодня, несмотря на различие получаемых оценок, опять обретает эффект увиденности. Так, например, как пишет «Коммерсант-Weekend» (2013, 19 апреля), на аукционе Советской живописи самая большая и дорогая картина – «Колхозная хата-лаборатория» Михаила Манюкова (1940 г.), выполненная в лучших традициях соцреализма, имела стартовую цену 5,7 млн руб.» [11].

Заключение. Заклучая, подчеркнем следующее: по мере становления императива субъектного бытия индивида происходило вызревание «Красного трактора» как культурного концепта индустриализации и уже потому являющегося альтернативой его превратно-бюрократическим формам. Это становилось важнейшей предпосылкой преодоления патриархальности советской системы как социального феномена. Проект «Красный трактор» показал, что культура может быть всеобщим отношением даже на территории производства.

Вот почему, извлекая уроки из практик советской индустриализации, не стоит забывать о том, что культура должна всегда рассматриваться как важнейший критерий идейно-содержательной состоятельности любого модернизационного проекта, включая Новую индустриализацию.

1. UNESCO Institute for Statistics, 2015. – URL : http://www.data.un.org/Data.aspx?q=Research+and+development+expenditure&d=UNESCO&f=series%3AST_SCGERDGDP (дата обращения: 09.07.2015).

2. *Латин Н. И.* Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 8–19.

3. *Латин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3–18.

4. *Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1. – С. 19–49.

5. *Латин Н. И.* Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 5–10.

6. *Рязанов В. Т.* Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2. – С. 17–25.

7. *Хубиев К. А.* Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3. – С. 49–53.

8. *Мандельштам О.* Государство и ритм // Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем: в 3 т. – М. : Прогресс-Плеяда, 2010. – Т. 2. – С. 45–48.

9. «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора : материалы Московского экономического форума / под ред. Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина. – М. : Культурная революция, 2014. – 752 с.

10. *Бодрунов С. Д.* Какая индустриализация нужна России: доклад на Международном Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики». – Санкт-Петербург, 23 марта 2015 г. – URL : http://www.inir.ru/wp-content/uploads/2015/04/Презентация-к-докладу-Бодрунова-С.Д._СПЭК-230315.pptx (дата обращения: 09.07.2015).

11. Коммерсант – Weekend: аукцион советской патриотической живописи. – URL : <http://www.domantik.ru/publications/press/kommerstant-weekend-aukcion-sovetskoj-patrioticheskoy-zhivopisi> (дата обращения: 25.11.2014).

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ
В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹**

**SOCIAL PRACTICES OF CIVIC ENGAGEMENT IN DEVELOPMENT
OF THE REGIONS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION**

Е.А. Когай

E.A. Kogay

Курский государственный университет

Kursk State University

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В работе представлен опыт проявления гражданской активности граждан и общественных организаций Центрального Черноземья. Методологической основой исследования является субъективная трактовка гражданского общества. Автор поднимает проблему несоответствия уровня гражданской активности вызовам современности, необходимости проведения модернизации. В максимальном объеме гражданская активность жителей макрорегиона проявляется лишь в случае экологической угрозы населенным пунктам. Показаны возможности и ограничения реализации гражданских практик жителей и некоммерческих организаций макрорегиона. Дан анализ результатов экспертного опроса руководителей НКО, проведенного научно-исследовательской лабораторией Курского государственного университета на территории Курской области в 2015 г. Некоммерческие организации сталкиваются с финансовыми и организационными трудностями, недостаточной поддержкой со стороны органов власти, несовершенством законодательной базы. В межсекторном взаимодействии региона представлен характер взаимоотношений НКО с органами власти, бизнесом и средствами массовой информации. Обозначены ведущие направления деятельности общественных организаций в макрорегионе. Жители Центрального Черноземья поддерживают практику общественных организаций в сфере охраны материнства и детства, помощи социально незащищенным слоям населения, проведения реформы жилищно-коммунального хозяйства, охраны здоровья и развития образования. Показана необходимость повышения эффективности работы НКО. Обозначены задачи развития институтов гражданского общества. Среди них – достижение большей информированности о результатах деятельности, повышение профессионализма, привлечение энергичных и ответственных граждан. Указана также угроза подмены реальных практик гражданского участия имитационными. Для повышения эффективности деятельности структур гражданского общества требуется поддержка общественных организаций со стороны бизнеса и самих граждан.

The paper presents the experience of the manifestation of civic engagement of citizens and public organizations of the Central Chernozem region. Methodological basis of research is the subjective interpretation of civil society. The author raises the problem of inconsistency between the level of civic activism and the challenges of modernity, the need for modernization. To the maximum extent of civil activity of residents of the macroregion is manifested only in the case of environmental threats to human settlements. The article shows the possibilities and limitations of the implementation of the civil practice of residents and nonprofit organizations in the macroregion. The author gives the analysis of the results of the expert survey of the heads of non-profit organizations, which was held by the research laboratory of Kursk state University in 2015. Non-profit organizations face financial and organizational difficulties, insufficient support from the authorities, the imperfection of the legislation. Inter-sectoral interaction in the region presents the nature of the relationship of non-profit organizations with public authorities, business and the media. The article outlines the leading directions of activity of public organizations in the region. Residents of the Central Chernozem region support the practice of public organizations in the sphere of protection of motherhood and childhood, assistance to socially vulnerable layers of the population, reform of housing and utilities, health and education development. The article shows the need to enhance the effectiveness of non-profit organizations, objectives for the development of civil society institutions. They include the achievement of greater awareness of the operation results, increasing the professionalism, attracting energetic and responsible citizens. To increase the effectiveness of civil society it is necessary to the support of public organizations from the business community and citizens.

Ключевые слова: общественная активность, гражданское участие, деятельность НКО, социальные практики.

Key words: public activity, civil participation, activity of non-profit organizations, social practices.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

Введение. Особую актуальность сегодня приобретает проблема разработки стратегии социокультурной модернизации регионов России и ее макрорегионов, в частности Центрального Черноземья. Данная стратегия должна учитывать специфику состояния и динамики регионального социокультурного потенциала, исторический опыт развития макрорегиона, а также реальные его возможности для осуществления модернизационных преобразований и их перспективы. При этом потенциал модернизационных преобразований может быть представлен сквозь призму трех его составляющих: реформаторского, социально-инновационного и адаптационного потенциала. Представляется важным обращение к социально-инновационному потенциалу модернизации макрорегиона, который воссоздается через потенциал предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников, руководителей и представителей ключевых институтов гражданского общества – некоммерческих общественных организаций (НКО). И так как именно НКО называют третьим сектором в модернизирующейся России, то имеет смысл попытаться проследить, насколько им удастся сегодня действительно способствовать модернизационным процессам.

Следует отметить, что в настоящее время выполнение важнейших функций гражданского общества – демократической социализации граждан, защиты их прав и свобод, осуществления общественного самоуправления, воспроизводства социальной структуры и снятия напряжений, обеспечения доступа к участию в государственных и общественных делах и т. п. – реализуется далеко не в полной мере. В связи с этим все большую актуальность приобретают вопросы о степени включенности самих граждан в организацию общественной жизни, возможностях актуализации социального потенциала профессионалов и лидеров сообществ и организаций, а также практического применения данного потенциала в развитии российских регионов.

Следует признать, что сама идея гражданского общества, как и вопрос о путях его реализации, к настоящему времени не получили должного концептуального оформления и практического подкрепления. Не удивляет тот факт, что понятия «гражданское общество», «гражданин», «гражданственность» не получают своего надлежащего содержательного воплощения в жизни россиян. Тем не

менее к субъектам гражданского общества мы относим как отдельных граждан, так и социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, образующие в нашей стране обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в определенной степени, возможно, оппозиционную официальной власти, но вместе с тем легитимную (законную), признаваемую государством и всем обществом.

Действенными воплощениями гражданского общества выступают разнообразные социальные практики, связанные с реализацией социально ориентированных (социально значимых) проектов общественными организациями или отдельными гражданами. Насколько удастся осуществлять данные практики сегодня в регионах Центрального Черноземья? Какова их интенсивность и эффективность? Что выступает мобилизирующим фактором их деятельности и что мешает их проявлению? Обозначенные вопросы являются предметом рассмотрения настоящей работы.

Степень разработанности проблемы.

В теоретико-методологических основаниях работы мы исходим из концептуальных представлений Т.И. Заславской об инновационно-реформаторском потенциале общества, определяющем его ближайшее будущее [1]. Данный потенциал представлен в нашем исследовании как потенциал модернизации. К наиболее действенным авторам данного потенциала следует отнести структуры гражданского общества, осуществляющие апробацию новых форм регуляции и самоорганизации общественной жизни.

На сложность определения гражданского общества указывают многие авторы. В рамках трактовки понятия гражданского общества российские исследователи выделяют ценностный (В.С. Нерсесянц [2]), пространственный (Ю.М. Резник [3]), субъектный (З.Т. Голенкова [4]), сетевой (О.Н. Яницкий [5]), а также функциональный, структурный, цивилизационный, нормативный и процессный подходы, каждый из которых акцентирует внимание на той или иной особенности данного феномена. Для решения задач нашей работы конструктивным представляется субъектный подход к трактовке гражданского общества, который определяет данное общество через его субъектов, относя к таковым личности или граждан, группы и добровольные объединения граждан. Именно в контексте данного подхода З.Т. Голенкова раскрывает субъектную роль граждан и НКО.

Гражданское общество, отмечает она, это специфическая «совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и целей, главными субъектами которых являются: гражданин со своими гражданскими правами и гражданские (не политические и не государственные) организации: ассоциации, объединения, общественные движения и гражданские институты» [4, с. 26]. Важными элементами гражданского общества при этом выступают активно действующие добровольные общественные организации и ассоциации, критически мыслящая общественность, свободная пресса, независимое общественное мнение, а также сами граждане.

Непосредственная реализация гражданского общества проявляется в разнообразных социальных практиках, под которыми мы, вслед за В.В. Волковым, понимаем некие неэксплицируемые, неявные и непроблематичные знания и умения в данной социальной среде [6, с. 11]. В масштабе России постоянно осуществляются эмпирические замеры состояния данных практик, которые потом подвергаются глубокому анализу и предстают в виде ежегодных докладов о состоянии гражданского общества Российской Федерации. Подробное освещение социальные практики гражданского общества на уровне страны и отдельных ее регионов находят в работах И.В. Мерсияновой, И.Е. Корнеевой [7] и Л.И. Якобсона [8] и ряда других. Вместе с тем сегодня назрела необходимость для проявления характеристик гражданской активности на уровне макрорегионов России с опорой на соответствующий эмпирический материал. Одна из попыток такого подхода предпринята в данной работе.

Гипотезы и методы исследования. В процессе проведения исследования мы подтвердили следующие основные гипотезы:

1. Жители Центрального Черноземья проявляют невысокую общественно-политическую активность и недостаточную осведомленность о деятельности НКО, но обращаются к ним для решения важных социальных проблем.

2. Общественные организации, которые прошли в своем развитии относительно длительный исторический путь, в целом стабильно действуют в макрорегионе и успешно реализуют социально значимые проекты.

В проведении исследования задействованы общенаучные методы (системный и сравнительный анализ, обобщение и др.), анализ документов, вторичный анализ эмпирических данных полевых социологических исследований, полученных в рамках подготовки докладов о состоянии гражданского общества в России и регионах Центрального Черноземья, метод экспертных оценок и глубинное интервью. В экспертном опросе, проведенном в марте-апреле 2015 г., приняли участие 30 руководителей наиболее активных некоммерческих организаций Курской области.

Результаты исследования. Прежде всего отметим, что гражданское общество в российских регионах переживает довольно сложные времена. Ему сегодня приходится сталкиваться с вызовами внешнего и внутреннего порядка. Кризис на Украине, воссоединение с Крымом, экономическое давление, изоляционная политика – далеко не полный перечень данных вызовов. При этом гражданское общество Центрального Черноземья, как и всей России, выступает за формирование общества равных возможностей в качестве устойчивой социокультурной нормы. Высокая ответственность при этом возлагается на некоммерческий сектор как организационную основу гражданского общества.

В какой мере сами жители макрорегиона проявляют общественную активность? За ответом на данный вопрос обратимся к эмпирическим данным, представленным в докладах о состоянии гражданского общества в регионах Центрального Черноземья за 2014 г. Так, проведенные социологические опросы свидетельствуют, что не более 5 % граждан Тамбовской области участвуют в деятельности общественных организаций. При этом отмечено, что среди имеющих высшее образование активными являются 12 % граждан, с неполным средним – лишь 1 % [9, с. 35]. В Белгородской области констатируется низкий уровень общественной инициативы на низовом уровне, иждивенческая позиция граждан, ожидающих, «что все за них должны устроить власти, отсутствие у граждан желания участвовать в какой-либо форме в решении местных вопросов» [10].

Что же касается проявления гражданской активности в Курской области, то здесь красноречиво ситуацию обрисовывают данные, представленные в таблице 1 [11, с. 51].

Таблица 1

Проявление форм общественной активности гражданами Курской области в 2014 г.*

Форма общественной активности	%
Участвовал в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города	50,70
Участвовал в собраниях жильцов дома или подъезда	46,70
Письменно обращался в государственные органы, учреждения по личному вопросу	13,00
Высказывал своё мнение на собраниях, в госучреждениях и других инстанциях	13,60
Участвовал в акциях помощи людям, попавшим в трудную ситуацию	19,10
Организовал коллектив для решения своей или чужой проблемы	9,60
Публично высказывал своё мнение в Интернете	9,40
Письменно обращался в государственные органы, учреждения с коллективной петицией либо по вопросу не затрагивающему лично	6,20
Участвовал в публичных слушаниях	9,70
Участвовал в деятельности негосударственных организаций	1,00
По собственной инициативе участвовал в акциях протеста, митингах, пикетах	3,30
По собственной инициативе участвовал в мирных митингах	8,80
Ничего из перечисленного делать не приходилось	20,20
Другое	0,63

* Вопрос допускает несколько вариантов ответа.

Мы видим, что наиболее распространёнными формами гражданского участия жителей Курской области являются участия в мероприятиях по благоустройству места жительства (50,7 %), а также участие в собраниях жильцов (46,7 %). Среди социальных практик гражданского общества существенную роль играет также благотворительная деятельность. При этом каждый пятый опрошенный оказался весьма далек от какого-либо проявления общественной активности.

Тем самым можно сделать вывод о том, что проявление гражданской активности на уровне отдельных граждан по-прежнему не соответствует тем вызовам, которые выдвигает современность. А при желании проявить свою активность в ходе решения важного социального вопроса жители макрорегиона далеко не всегда обладают необходимыми рычагами для воздействия на ситуацию. Вместе с тем можно обозначить сферу, где гражданская активность проявляется в максимальной мере, – это вопросы экологического характера. Можно привести ряд примеров проявления такой активности граждан Центрального Черноземья за последнее время. Это протесты воронежцев против разработки Уральской горно-металлургической компанией никелевого производства на территории своей области, протесты жителей Курской области против строительства полигона бытовых отходов в Октябрьском районе. При этом на помощь жителям регионов в отстаивании их прав приходят общественные организации.

Обратимся к практикам деятельности этих организаций в макрорегионе. Следует указать на тот факт, что численность зарегистрированных НКО в стране и реально действующих существенно расходится, активными являются не более 10–15 % организаций. Считается, что в «третьем секторе» России задействовано в настоящее время не более 1 % экономически активного населения страны.

При этом, как отмечают белгородские общественники, некоммерческим организациям до настоящего времени не удается преодолеть следующие важные проблемы:

1. Недостаточная профессионализация НКО. Зачастую контроль за выполнением социальных полномочий со стороны НКО превалирует над предоставлением услуг.

2. Невысокий уровень доверия населения к некоммерческому сектору. Люди мало информированы о деятельности НКО и проявляют настороженное отношение к ним. При этом пятая часть жителей городов и районных центров Белгородской области имеют достаточные представления о деятельности общественных и религиозных объединений региона, а более 50 % хорошо осведомлены о работе таких организаций, как профсоюзы, советы ветеранов войн и труда, объединения инвалидов, советы женщин, «Красный крест», объединения предпринимателей, экологические и благотворительные фонды [12]. Жители региона приветствуют практику НКО прежде всего в таких сферах деятельности, как охрана материнства и детства, поддерж-

ка социально уязвимых слоев, реализация реформы ЖКХ, охрана здоровья и развитие образования. Следует сказать, что 2014 и 2015 г. отмечены повышением количества и качества практик в деятельности социально ориентированных НКО.

Экспертный опрос, проведенный среди руководителей НКО Курской области в

2015 г., позволил выявить наиболее распространенные направления проявления данных практик и оценить их эффективность. По результатам исследования, в котором приняли участие руководители наиболее активных и известных в регионе НКО, можно выявить достаточно широкий спектр направлений работы этих организаций (табл. 2).

Таблица 2

Направления работы некоммерческих организаций в 2015 г.*

<i>Вариант ответа</i>	<i>Кол-во ответов</i>	<i>%</i>
Правовая защита	11	37
Культура	11	37
Молодежная политика	10	33
Образование	10	33
Спорт, здоровье	9	30
Организации по интересам (клубного типа)	9	30
Социальная защита, помощь ветеранам войны	7	23
Решение экологических проблем	6	20
Военно-патриотическое воспитание	6	20
Другое	4	13
Итого	83	277

* Вопрос допускает несколько вариантов ответов.

Анализ ответов показал, что, как правило, НКО охватывают в своей деятельности несколько направлений. Наибольший вес в рамках деятельности НКО, представленных в экспертном опросе, имеет правовая защита, культура, молодежная политика и образование населения. Далее идут с небольшим отрывом спорт, здоровье и организации по интересам (клубного типа). Достаточно весомы при этом социальная защита, помощь ветеранам войны, экология и военно-патриотическое воспитание.

НКО оказывают разного рода помощь и поддержку различным группам населения, но прежде всего молодежи, ветеранам, детям и представителям различных профессиональных сообществ. Среди видов деятельности НКО доминирует консультационная работа, военно-патриотическое воспитание детей, интеллектуальное и творческое развитие подростков и молодежи в целом. При этом со стороны НКО оказывается юридическая помощь, идет увековечивание памяти погибших воинов. Сравнение данных 2015 г. с данными экспертного опроса 2013 г. показало увеличение доли НКО, связанных с военно-патриотическим воспитанием, юридической помощью, а также пропагандой здорового образа жизни. Довольно весомой стала доля организаций, занимающихся интеллектуаль-

ным развитием молодежи (30 %) и творческой деятельностью (27 %).

По сроку осуществления деятельности в регионе, области преобладают достаточно опытные организации с периодом деятельности от 4 до 25 лет (80 %), минимально число НКО с периодом деятельности до 3 лет, что может быть свидетельством снижения динамики обновления в третьем секторе, отсутствия притока «свежих сил». Больше половины руководителей оценивают работу своей организации как ровную и стабильную. При этом лишь 13 % из них считают, что их организации переживают свой подъем (в экспертном опросе 2013 г. на это указали 20 % опрошенных). Какие же трудности испытывают НКО? За ответом обратимся к таблице 3.

Помимо обозначенного в таблице, руководителями НКО выражалось недовольство по поводу большого количества отчетной документации, которую следует предоставлять вышестоящим органам. По их мнению, этот факт тормозит процесс их работы. Что касается наиболее весомой трудности – финансового характера, – то опрос зафиксировал увеличение доли организаций, столкнувшихся с этими трудностями: если в 2013 г. их доля составляла 63 %, то в 2015 г. уже 87 %. Следует отметить, что финансовые проблемы являются ахиллесовой

пятой именно НКО Курской области, что выделяет ее среди других областей Центрального Черноземья. Это можно объяснить как минимум двумя причинами: сложной социально-экономической ситуацией в регионе, где в 2015 г. на поддержку НКО из средств бюджета области вообще не запланированы финансовые средства, а также слабой встроенностью Курской области в систему государственной поддержки общественных организаций (регион практически не участвует

в конкурсе на получение федеральных субсидий на поддержку НКО). Помимо того, имеет смысл указать и на недостаточную активность самих региональных НКО в поиске финансовых средств. Отметим, что во всех других субъектах Центрального Черноземья вопрос о финансовой поддержке НКО решается гораздо успешнее: только в 2014 г. из средств региональных бюджетов на поддержку проектов НКО было предоставлено субсидий в диапазоне от 6,7 до 27 млн руб.

Таблица 3

Проблемы и трудности, с которыми сталкиваются некоммерческие организации, 2015 г.*

<i>Вариант ответа</i>	<i>Кол-во ответов</i>	<i>%</i>
Финансовые трудности	26	87
Организационные трудности	8	27
Трудности с арендой помещения	6	20
Мало добровольцев	5	17
Нет поддержки со стороны местной власти	5	17
Несовершенство законодательной базы	2	7
Слабая поддержка со стороны населения	2	7
Отсутствие организаций-партнеров	1	3
Низкая квалификация персонала	1	3
Нет доступа к СМИ	1	3
Другое	2	7
Итого	58	193

* Вопрос допускает несколько вариантов ответа.

Для осуществления социальных практик НКО немаловажным оказывается вопрос о межсекторном взаимодействии – взаимоотношениях, складывающихся с органами власти, представителями бизнеса, средствами массовой информации. Как показал наш опрос, отношения многих НКО с органами государственной власти и местного самоуправления характеризуются большинством руководителей как постоянно развивающиеся или партнерские. Что касается бизнеса, то взаимоотношения с ним руководители НКО преимущественно оценивают как не сложившиеся или разовые. А взаимоотношения со средствами массовой информации руководители НКО оценивают главным образом как партнерские. Такое взаимодействие со СМИ, по сути, способно привести к кумулятивному эффекту – увеличению информативности о деятельности общественных организаций и, как следствие, повышению инициативы и активности населения региона в решении острых социальных проблем.

Какие социальные проблемы позволяют решить активные НКО региона? Это вопросы повышения общей культуры, усиления

гражданской активности, оказание помощи в защите прав граждан через консультирование, пропаганда здорового образа жизни, помощь в реабилитации инвалидам, организация волонтерства и добровольчества. При проведении глубинного интервью руководителей НКО попросили рассказать о наиболее ярких социальных проектах, реализованных за последние годы их организациями. Перед нами предстала широкая палитра «добрых дел», которые выполняют сегодня в регионе НКО: организация досуга для социально незащищенных групп населения и для лиц с ограниченными возможностями здоровья, образовательные практики для жителей региона различных возрастов, осуществление акций по утилизации отходов, проведение благотворительных кампаний, концертных программ, организация поисковой работы, активизация научно-исследовательской работы, проведение социологических опросов и многое другое.

Заключение. На основе аналитического представления эмпирического материала регионов Центрального Черноземья мы приходим к выводу о том, что субъекты гражд-

данского общества (граждане и НКО) вносят свой вклад в приумножение социокультурного потенциала макрорегиона, привлекают внимание общественности к актуальным социальным проблемам, оказывают помощь социально незащищенным категориям населения, постепенно расширяют круг социально ориентированной практической деятельности.

При этом сегодня перед общественными организациями Центрального Черноземья, в том числе и перед региональными общественными палатами, стоит ряд задач. Это прежде всего повышение эффективности деятельности общественных организаций через совершенствование методов и форм деятельности; достижение большей открытости; повышение профессионализма; активное рекрутирование в общественную деятельность энергичных, профессионально ответственных граждан. Очень важно также, чтобы при этом в общественных организациях не получили широкого распространения имитационные практики, столь массово используемые сегодня в государственном и муниципальном управлении и тормозящие продвижение модернизационных процессов в российских регионах.

Общественные НКО выступают значимым субъектом модернизационного потенциала, по сути, они являют собой важный «столп» гражданского общества. Поддержка данных организаций со стороны бизнес-структур, а также со стороны самих граждан могли бы значительно усилить эффективность реализации стратегий НКО, а также способствовать реальному воплощению их «миссий», связанных с решением социально значимых проблем, с повышением качества жизни регионального сообщества. Тем не менее проводимые исследования с очевидностью демонстрируют явную недостаточность реального общественного активизма жителей макрорегиона, основанного на солидарном участии граждан в социальных практиках. Вместе с тем его усиление могло бы стать важнейшей предпосылкой для повышения эффективности деятельности структур гражданского общества, для реального преобразования институтов, регулирующих жизнь общества в российских регионах и в стране в целом.

1. *Заславская Т. И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 3–11.

2. *Нерсисянц В. С.* Общая теория государства и права. – М.: Издат. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 552 с.

3. *Резник Ю. М., Резник Т. Е.* Гражданское общество: теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: сб. ст. / под ред. Ю. М. Резника, Н. И. Мироновой. – М.: Независимый ин-т гражданского общества, 2010. – С. 8–47.

4. *Голенкова З. Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 25–36.

5. *Яницкий О. Н.* Мобилизационный потенциал гражданского общества // Мир России. – 2011. – № 2. – С. 113–124.

6. *Волков В. В.* О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. – 1997. – № 6. – С. 9–23.

7. *Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е.* Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 196 с.

8. *Якобсон Л. И.* Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 2–7.

9. Доклад о состоянии гражданского общества в Тамбовской области (проект). – Тамбов, 2014. – 69 с. – URL : <http://www.op-tambov.ru/index.php?in=serch> (дата обращения: 25.11.2014).

10. *Овчинников В.* Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества Белгородской области в 2014 г. – URL : <http://www.op31.ru/910/> (дата обращения: 15.06.2015 г.).

11. *Килимова Л. В., Нишинанидзе О. О., Ветрова О. А.* Современные реалии гражданского общества в Курском регионе. Аналитический отчет социологического исследования / под ред. Л. В. Килимовой. – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. – 83 с.

12. *Овчинников В.* Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества Белгородской области в 2014 г. – URL : <http://www.op31.ru/910/> (дата обращения: 15.06.2015 г.).

СОЦИАЛЬНОЕ ОТТОРЖЕНИЕ ОППОЗИЦИИ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ

SOCIAL REJECTION OF OPPOSITION AS A RESTRICTION FOR DEVELOPMENT

Н.В. Дергунова

N.V. Dergunova

*Ульяновский государственный университет
Ulyanovsk State University*

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

Рассматривается оппозиционность, «критический дух» определенной части общества как фактор поступательного развития страны и ее регионов. Приводятся результаты прикладных социологических исследований, целью которых было выявить наличие потребности в поиске альтернативного мнения, вариантов решения тех или иных проблем; реального использования права участия в общественно-политической жизни и права осуществлять общественный контроль действий органов исполнительной власти региона. Из совокупности общественных функций оппозиции представляют особый интерес две, для которых наличествуют в России необходимые социальные условия: организованная критика властных институтов, внесение альтернатив официальной политике и осуществление контроля над деятельностью действующей власти; и вторая – направление существующего в обществе неудовлетворения властью в демократические, цивилизованные формы вместо иррациональных разрушительных действий. В качестве индикаторов были взяты деятельность общественных советов при органах исполнительной власти и знание, а также использование населением форм цивилизованного демократического взаимодействия с властью. Показано, что годы реформ сформировали у населения Ульяновской области потребность знать различные точки зрения и сравнивать альтернативные варианты развития области. Однако традиции конформизма и патернализма пока в значительной мере сдерживают личностное критическое участие в политической жизни региона не только рядовых граждан, но и представителей институтов гражданского общества.

The paper considers opposition, a “critical spirit” of some part of a society as a factor of a gradual development of the country and its regions. The paper gives the results of the sociological study which has been targeted to find out a demand for alternative opinions, different solutions for the certain problems; the right for participation in the social and political life and the right to exercise public control of the decisions of the government of the region. From a set of the public functions of opposition there are two particular interesting which have all necessary conditions in Russia. The first one is an organized critique of the authorities, introduction of alternatives in policies and public control of the authorities’ actions while the second is the directing of the existing public discontent about the authorities in democratic and civilized forms instead of irrational and destructing actions. The indicators are the functioning of the public councils at the government agencies and the forms of civilized democratic participation and communication with the authorities by the population. It is shown that in the sequence of the reforms in Ulyanovsk region the society has formed the demand for different views and alternative ways of the development of the region. However the traditions of the conformism and paternalism suppress the private critical participation in the political life of the region not only for the ordinary citizens but also for the representatives of the civil society organizations.

Ключевые слова: оппозиционность, развитие, формы участия, общественный контроль, общественные советы.

Key words: opposition, development, forms of participation, public control, public council.

Введение. Мир политики, как и весь социум в целом, отличается сложностью, нелинейностью, неопределенностью. Деятельность человека в истории в качестве субъекта, действующего под знаком негарантированного и не predetermined выбора, делает исторический процесс сложным и нелинейным [1, с. 20–21]. Понимание человека как существа заблуждающегося и ошибающегося требует всякое знание рассматривать как временное, с различной степенью доверия, требует отстаивать свободу мнений и искать новые ответы. В политике это означает обязательность оппозиции, требование

критической гласности, полноты и ясности в отношении общественно-политической информации, без которых свобода и демократия невозможны. Принцип господства большинства, лежащий в основе демократии, означает право большинства управлять нацией и право меньшинства быть в оппозиции к правительству. Представительная демократия, установившаяся в большинстве стран мира в течение XIX–XX вв., превращает всех подчиненных в граждан и дает всем или многим средства принимать участие в формах власти.

Меньшинство, так же как и большинство, несет ответственность перед избирателя-

ми. Оппозиция – это официальная функция в политической системе. Официально признанная оппозиция представляет потенциальное правительство, которое легко и просто может прийти к власти и превратиться из меньшинства в большинство, но только по воле народа. Это чудо политической трансформации может совершиться благодаря внешне формальному акту всеобщего выбора. В оппозиции заложен фундаментальный принцип современной либеральной демократии. Без неё не было бы никакой ответственности правительства, никаких свободных выборов, не было бы никаких гражданских свобод. Социальной природе, так же как и физической, нужна независимость, чтобы она свободно могла развиваться. Государство не знает и не может знать, куда пойдет развитие общества. Государство живет прошедшим и ничего не знает о будущем.

Социальная основа оппозиции – это тот слой общества, для которого оппозиция ведет деятельность, противостоящую правительственному курсу.

Обзор литературы. Наиболее часто под оппозицией принято подразумевать политический институт, созданный для отстаивания и выражения интересов общества, его отдельных социальных групп, которые отличаются от интересов, реализующихся в политике центральной власти. Подобное институциональное определение оппозиции полностью не охватывает все подходы, раскрывающие это явление. Рассмотрение оппозиции в качестве социального и политического института со своим определенным в законодательном порядке статусом и набором прав в обществе, является частным случаем. При этом везде оппозиция существует как совокупность определенных критических настроений, связанных с отношением к политике официальной власти.

Можно выделить поле исследований, посвященных собственно содержанию понятия «оппозиция», ее взаимодействия с властью и проявления в политическом процессе. Это работы В. Халипова, В.А. Васильева, Д.П. Зеркина, С.А. Сергеева, Е. Колински, которые в своих исследованиях дают собственные определения оппозиции как явления, делая основной акцент на сущность самой оппозиции как политического феномена. Д.Г. Красильников, П.В. Панов, Е.С. Дерябина рассматривают вопросы методологии изучения феномена оппозиции с точки зрения ее развития и функционирования.

Наиболее тщательно проработанной в теоретико-методологическом отношении по теме российской оппозиции нужно признать работу В.Я. Гельмана [2], «Политическая оппозиция в России: вымирающий вид?», где наиболее широко использована зарубежная литература, по исследованию российских оппозиционных сил, прежде всего работы Р. Даля, Хигли и др. [3].

А.П. Цыганков пишет, что оппозиция не везде является институтом, она может быть «критическим духом», общественным настроением значительной части населения, или отдельных социальных групп. В данном случае А.П. Цыганков имел в виду не оппозицию, а оппозиционность как качество, понимая под ним «широкий спектр проявлений эмоций, установок, ценностей и взглядов, в большей или меньшей степени отрицающих эмоции, установки, ценности и взгляды, предлагаемые и культивируемые властью» [4, с. 21].

С. Сергеев считает, что «оппозиция» и «оппозиционность» не являются тождественными понятиями, ведь оппозиционность не всегда предполагает наличие развитой, институционализированной оппозиции и может существовать без неё [5, с. 12]. И наоборот, оппозиция, как правило, опирается на «среду, в которой широко распространена оппозиционность» [6, с. 49]. Стоит отметить, что одной из основных особенностей развития оппозиционности в России в первом десятилетии XXI в. стало то, что массовую поддержку В.В. Путина на президентских выборах 2000 г. можно рассматривать как проявление общего недовольства властью [7].

Гипотеза и методы исследования. Цель нашего исследования выяснить на примере жителей Ульяновска и Ульяновской области потребность в поиске альтернативного мнения, вариантов решения тех или иных проблем; реального использования права участия в общественно-политической жизни и права осуществлять общественный контроль действий органов исполнительной власти региона. В качестве гипотезы прикладного исследования выдвигалась позиция, что годы реформ сформировали у населения области потребность знать различные точки зрения и сравнивать альтернативные варианты развития области. Однако традиции конформизма и патернализма пока в значительной мере сдерживают личностное критическое участие в политической жизни региона даже с позиции конструктивного взаимодействия

с властью. Для реализации поставленной задачи были проведены вторичный анализ имеющихся данных по России и прикладные социологические исследования: анкетный опрос жителей Ульяновска и глубинные интервью с членами общественного совета при одном из министерств правительства Ульяновской области.

Результаты исследования. В целом общественное мнение в России согласно со-

циологическим опросам достаточно лояльно относится к оппозиционным настроениям отдельных социальных групп и политических партий. Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центр) в 2008 г. был проведен представительный для взрослого населения Федерации опрос 1600 россиян [8]. Ответы на три вопроса этого исследования демонстрируют состояние общественного мнения в отношении оппозиции (см. табл. 1).

Таблица 1

«Сколько политических партий, по Вашему мнению, необходимо сейчас России?», %

Вариант ответа	Год					
	1999	2004	2005	2006	2007	2008
Одна сильная правящая партия	43	34	38	32	28	32
Две или три большие партии	35	41	39	42	40	45
Много относительно небольших партий	5	8	4	5	9	8
Политические партии нам вообще не нужны	5	7	7	7	7	6
Затруднились ответить	12	10	12	14	16	9

Почти половина (45 %) респондентов считают необходимым для России наличие не менее 2–3 больших партий, что предполагает политическую конкуренцию и публичную оппозицию. Число так думающих в течение 10 лет выросло на 10 %. Столько же респондентов (46 %) ответили, что в стране имеется политическая оппозиция власти. Еще больше, 62 %, ответили, что России нужна политическая оппозиция власти.

Исследования Левада-Центра в 2014 г. показали, что за последние два года число россиян, считающих, что сейчас в России есть политическая оппозиция, сократилось с 66 до 50 % [9]. Более половины россиян по-прежнему признают необходимость оппозиции нынешней российской власти. Однако в настоящее время этот вопрос потерял свою значимость в сравнении с тем, как это было в период «гражданского подъема» на волне протестов в 2012 г.

Если в 2012 г. 72 % опрошенных рассматривали оппозицию как необходимый элемент российского общества, то в 2014 г. их количество сократилось до 57 %. Оппозицию как неотъемлемый инструмент общественного развития видят в первую очередь люди с высшим образованием (60 %) и высокими доходами (77 %), а также те, кто нынешней властью недоволен (67 %). Социальный портрет «равнодушных» к оппозиционной составляющей складывается из людей с низким потребительским статусом (25 %), которым еле-еле хватает на приобретение

продуктов питания, и россиян с образованием ниже среднего (27 %).

Среди общественных функций оппозиции для нас представляют особый интерес две, для которых наличествуют в России необходимые условия для реализации: 1) организованная критика властных институтов, внесение альтернатив официальной политике и осуществление контроля над деятельностью действующей власти; 2) направление существующего в обществе неудовлетворения властью в демократические, цивилизованные формы вместо иррациональных разрушительных действий.

Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному Собранию 2014 г. поставил задачу перед институтами гражданского общества активно использовать Общественные палаты РФ и её субъектов, общественные советы при органах исполнительной власти. В частности, общественные советы при федеральных и региональных министерствах как механизмы организованной критичности, внесения альтернативных точек зрения и вариантов решения проблем, как форму осуществления общественного контроля действий исполнительной власти.

В апреле 2015 г. среди горожан (Ульяновск) было проведено исследование «Степень использования форм гражданского участия как показатель уровня гражданской культуры» [10]. Опрос показал, что подавляющее большинство населения знакомо с основными формами участия в общественно-полити-

ческой жизни региона, характерными для патриархальной и подданнической культуры, в силу традиций российской империи и авторитарного режима СССР. Вместе с тем за постсоветское время произошло освоение некоторых форм активистского участия. Однако в целом политическая культура провинции носит патриархально-подданнический характер; смешанный, гражданский тип культуры по типологии Г. Алмонда и С. Верба пока не сформирован.

В ходе исследования были выделены формы коллективной общественной жизни, и был задан вопрос о частоте использования этих форм респондентами. Самой популярной формой коллективной общественной жизни являются выборы и референдумы. В них

принимают участие 35,6 % опрошенных, 12,3 % отметили участие в общественных организациях, а 8 % респондентов выделили отдельно участие в профсоюзах. Остальные формы коллективной общественной жизни не являются особо популярными, но все же были названы: участие в митингах, пикетах, демонстрациях (7,4 %), подписание петиций (7,4 %), участие в сходах, общих собраниях (5,9 %), обращения в органы власти (4,9 %), участие в политических организациях (4,2 %), участие в мероприятиях, проводимых общественными организациями (4 %), территориальное общественное самоуправление (1,9 %), участие в обсуждении вопросов местного значения (МСУ) (1,6 %) (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«В каких формах коллективной общественной жизни Вы когда-либо принимали участие?»**

<i>Вариант ответа</i>	<i>Процент</i>
Участие в общественных организациях	12,3
Участие в политических организациях	4,2
Обращения в органы власти	4,9
Участие в выборах и референдумах	35,6
Участие в митингах, пикетах, демонстрациях	7,4
Участие в законотворческой деятельности	0,9
Участие в профсоюзах	8,0
Неправомерные действия	0,4
Территориальное общественное самоуправление	1,9
Участие в обсуждении вопросов	1,6
Выступления в прессе	0,9
Участие в сходах, общих собраниях	5,9
В мероприятиях, проводимых общественными организациями	4,0
Подписание петиций	7,4
Другое	0,9
Затрудняюсь ответить	3,5

При ответе на вопрос о причинах участия в общественной жизни в школе, в вузе, по месту работы и по месту жительства респонденты отметили следующее. В школе в основном респонденты участвовали в общественной жизни, потому что им было это интересно (37 %). 10 % респондентов сказали, что их принуждали к участию, и еще 10 % своей общественной деятельностью хотели изменить жизнь к лучшему. В вузе 26,8 % отметили, что им было интересно участвовать в общественной жизни, 11,7 % отметили, что хотели изменить жизнь к лучшему. Участие в общественной жизни по месту работы осталось интересно лишь 16 % рес-

пондентам, а 12 % опрошенных также хотели изменить жизнь к лучшему.

Относительно участия по месту жительства картина меняется. Здесь самый большой процент респондентов, а именно 16 %, участвовали в общественной жизни, чтобы решить проблему, которая их волнует. В итоге можно проследить нисходящую динамику интереса к личному участию в общественной жизни. Если в школе и в вузе было интересно попробовать себя в такой деятельности, то с течением времени активность проявляется только при возникновении специального интереса, когда участие в таких мероприятиях нужно для решения какой-либо проблемы (рис. 1).

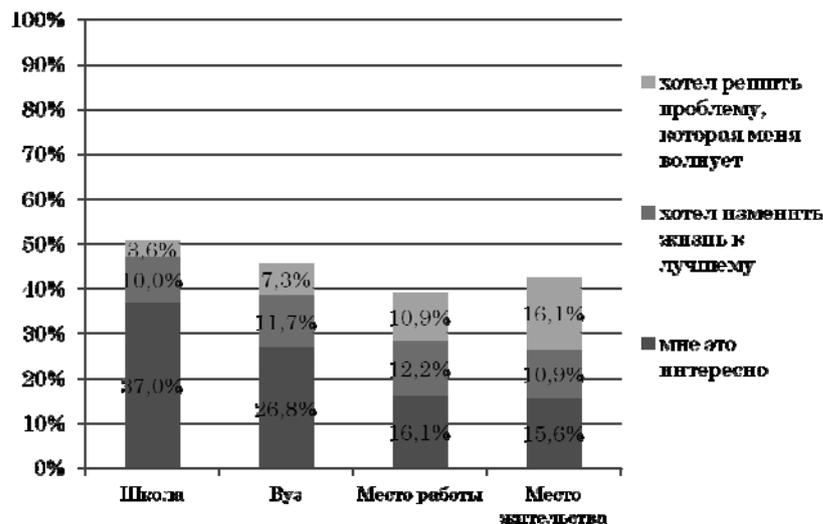

Рис. 1. Динамика интереса к личному участию в общественной жизни: школа-вуз-работа-место жительства

Также важным показателем является членство и участие в акциях общественных организациях. На вопрос «Являетесь ли Вы членом общественной организации?» были получены следующие результаты. Половина респондентов (51,3 %) никогда не являлись и не хотели бы быть членами общественных организаций. 21,9 % опрошенных являлись ранее участниками таких организаций. Рес-

понденты, которые не являлись членами общественной организации, но хотели бы, составляют 12 %. И всего 10,4 % опрошенных состоят сейчас в общественных организациях. Хотя процент тех, кто состоит в общественных организациях, и тех, кто хотел бы, не так велик, но потенциал к развитию форм гражданского участия все-таки есть (рис. 2).

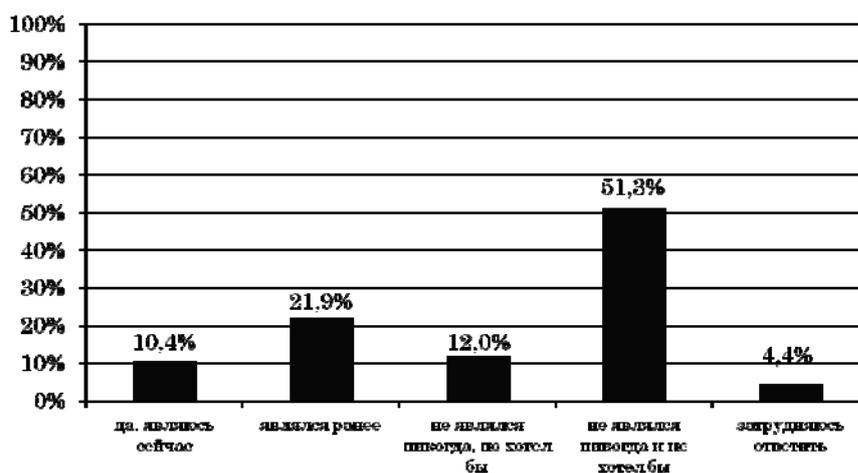

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Являетесь ли Вы членом общественной организации?»

Вопрос о роли общественных организаций в отношении себя и в отношении власти показал следующие результаты. При ответе на вопрос «В чем для Вас проявляется роль общественных организаций?» основная часть респондентов отметили, что они реально помогают людям (18,4 %). Но также велик и процент тех, кто считает, что общественные организации не играют никакой роли (16 %). Респонденты также отметили, что общест-

венные организации помогают самореализоваться (15,5 %), добиться общественного признания (11 %), дают возможность общаться с единомышленниками (10,5 %), помогают в профессиональном росте (9,3 %). Также общественные организации дают возможность отвлечься от работы (7,1 %) и помогают улучшить свое материальное положение (5,7 %). В целом можно сказать о позитивной роли общественных организаций для респонден-

тов, но, правда, в более личностном плане, чем общественном. С другой стороны, прослеживается и тенденция гармонизации личных и общественно-значимых интересов в деятельности граждан.

При ответе на вопрос о роли общественных организаций в отношении власти были получены следующие результаты. 22,4 % опрошенных считают, что власть не прислушивается к мнению общественных организаций. Также большой процент (20 %) и тех, кто считает, что власть слышит их мнение при принятии решений, но не учитывает его. Но 21,9 % респондентов указали, что власть при-

нимает решения на основе мнения общественных организаций. Также 20 % опрошенных считают, что общественные организации критикуют власть и указывают на ошибки в действиях при принятии решений. 6,3 % опрошенных говорят о том, что общественные организации выступают с предложениями к власти. И 8 % опрошенных говорят о сотрудничестве общественных организаций и власти. Здесь процент тех, кто считает, что принятие решений строится на основе мнения общественных организаций в два раза меньше, чем тех, кто считает, что власть не принимает во внимание их мнение (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какова роль общественных и других некоммерческих организаций в отношении власти?»

<i>Вариант ответа</i>	<i>Процент</i>
Власть не прислушивается	22,4
Власть прислушивается, но не учитывает	20,0
Власть принимает решения на основе их мнения	21,9
Общ. орг. критикуют власть	10,9
Общ. орг. указывают на ошибки	10,2
Общ. орг. выступают с предложениями	6,3
Общ. орг. сотрудничают с властью	8,3

Самыми эффективными действиями в отношении власти третья часть респондентов (33,3 %) считает обращение во властные структуры. Но это говорит о склонности к патернализму, нежели налаживанию партнерских отношений с властью. Также большой процент тех, а именно 28,9 %, кто считает эффективным выдвижение кандидатуры, участие в выборах, руководство общественно-политическим движением, партией. Здесь уже можно сказать о склонности к активистской культуре, но доля таких респондентов невелика. Среди них наибольший процент респондентов в возрасте от 35 до 54 лет (16,3 %). Это можно обосновать тем, что это респонденты с большим опытом, чем младшее поколение, которые видят именно в таких активных действиях способ повлиять на власть. По 9 % опрошенных отметили, что эффективно создание оппозиционной информации в социальных сетях и протестные действия при голосовании. Но это новые формы выражения несогласия и они являются анонимными, что тоже не характеризует политическую культуру данных респондентов как активистскую. Небольшой процент тех, кто считает эффективными неконвенциональные формы протеста.

В ходе исследования выявлена взаимосвязь между такими переменными, как участие в общественных организациях и проявление интереса к политическим событиям. Коэффициент корреляции Спирмана равен 0,2, что говорит о слабой зависимости. Но все же она есть. И можно говорить о прямой зависимости, т. е. участие в общественных организациях обуславливает интерес к политическим событиям.

Важным критерием при исследовании явилось знание форм общественного контроля и организаций, которые его обеспечивают. Большинство респондентов (58,6 %) слышали о том, что существует общественный мониторинг, но также значителен процент тех, кто не слышал – 35,7 %. Слышали о существовании общественных экспертиз 50 % опрошенных, и 43 % не слышали о такой форме контроля власти. О том, что есть общественные проверки, знают 56 % и не знают 33,9 %. 51,6 % респондентов также знают о такой форме общественного контроля, как общественное обсуждение законопроектов, и не слышали 39 % опрошенных. Меньше всего жители знают об общественных слушаниях, где можно высказывать свою, альтернативную точку зрения при обсуждении

проблем (48 %), 40 % респондентов о такой возможности участия не слышали. Но самый большой процент респондентов из представленных форм общественного контроля принимали участие именно в публичных слушаниях (6,5 %).

Большинство респондентов слышали об организациях, которые осуществляют общественный контроль – это общественная палата (73,7 %) и общественные советы (64,8 %). Не слышали же о таких организациях 19 и 29 % соответственно. Меньше всего население знает об общественных наблюдательных комиссиях по правам заключенных (43 %). Об общественных инспекциях в целях соблюдения законодательства и об объединениях по общественному контролю в целях его эффективного осуществления известно 45 % опрошенных. Также респонденты отметили, что хотели бы поучаствовать в общественных советах при органах власти (4,4 %).

В итоге можно сделать вывод, что примерно половина населения слышала и о формах контроля, и об организациях его осуществляющих, но совсем не велик процент, кто принимал в них участие или хотел бы. Наименее осведомленным является молодое поколение, но оно же обладает наибольшим желанием поучаствовать.

Второе исследование было посвящено изучению деятельности общественного совета при Министерстве искусства и культурной политики правительства Ульяновской области «Роль культурной интеллигенции в формировании общественного мнения» [11]. Общественные советы, функционирующие при органах государственной исполнительной власти и местного самоуправления, являются одной из форм приобщения общественности к принятию государственных решений.

Под общественными советами в данном случае подразумеваются такие образования с участием представителей общественности, которые имеют формализованную внутреннюю структуру, определенные полномочия и с которыми государственные органы консультируются при принятии и выполнении государственных решений. Общественный совет – это коллектив представителей некоммерческих и/или коммерческих организаций, а также широко известных, но не входящих в организации лиц, приглашенных государственным или муниципальным органом или должностным лицом, либо делегированных самими организациями для

осуществления консультативных и/или экспертно-аналитических функций.

То, насколько эффективно происходит обсуждение проблем и проектов зависит во многом от членов общественного совета, их качеств, а эффективность коммуникации с властью, взаимодействия с населением – от активности членов общественного совета в качестве признанных экспертов и лидеров общественного мнения.

Общественные советы являются одним из механизмов общественного участия. Главным отличием общественных советов является большая вовлеченность граждан в работу руководящих органов, это могут быть органы местной, законодательной или исполнительной власти. По словам Дмитрия Ливанова – министра образования, «общественный совет должен стать экспертным полем и дискуссионной площадкой для обсуждения конкретных решений, путей и развилки». С его точки зрения, в деятельности общественных советов реализуются три принципа: конкурентность, реальность полномочий граждан и их вовлеченность в сотрудничество с властью. «Первый – конкурентность. Важно не допустить монополизации этой площадки какой-либо экспертной группы, не допустить исключительного права выступать одной из площадок в качестве репрезентативного представителя интересов. Второй – реальность полномочий. Полномочия, передаваемые далее, должны быть реальными. Должны быть выстроены общие рамки для этой работы. И третий – личная вовлеченность ключевых сотрудников в эти процессы». Также члены советов обязаны организовывать взаимодействие с НКО, не имеющими своих представителей в составе данного Совета, и содействовать привлечению их к его работе.

Сегодня можно заметить, что высшим политическим руководством дан импульс процессу формирования в нашей стране новых экспертных сообществ – причем не только для решения узко цеховых вопросов отдельных общественных групп или бизнеса, но и с целью обсуждения общегосударственных проблем.

Экспертное сообщество – при правильной организации его деятельности – способно выполнять важнейшие социальные функции: не просто прогнозировать последствия тех или иных решений властей и рекомендовать возможные альтернативы, но также выявлять тенденции в развитии страны в целом, привлекая общественное внимание к наиболее острым проблемам. К тому же экс-

партные площадки отличаются большей мобильностью и действуют не столь бюрократично по сравнению с академическими институтами или другими официальными аналитическими структурами, что крайне важно для получения оперативной обратной связи. Сегодня общество и власть как никогда заинтересованы в независимой профессиональной экспертизе, поскольку деятельность общественных советов и консультативных органах не сводится исключительно к проведению встреч и обсуждений. Активно действующий общественный совет всегда может предъявить результаты своей работы, имеющие материально воплощение. Это прежде всего экспертные заключения, рекомендации, стандарты и прочие документы, которые передаются на рассмотрение в орган (учреждение, должностному лицу), при котором создан совет. А также решения, которые были приняты соответствующим органом власти (руководителем учреждения, должностным лицом) на основании предложений, рекомендаций, подготовленных советом. В зависимости от полномочий того или иного совещательного органа результатами могут являться принятые локальные акты.

В апреле 2015 г. были проведены интервью с рядом членов Общественного совета (14 интервью) при Министерстве искусства и культурной политики Ульяновской области. Целью исследования было выяснение насколько активны члены совета и переходит ли эта активность в критическую форму оценки действий власти и совместного поиска решений.

Результаты показали, что не все члены общественного совета занимают активную общественную позицию. Так, 21,3 % не видят в общественном совете смысла и пассивно наблюдают за происходящим. При этом по результатам неформализованного интервью можно сказать, что пассивное отношение может иметь как негативный характер по отношению к общественному совету, так и положительный.

Негативный: «Поменяли дела на слова... Заговаривание проблем, а практических полезных дел нет» (М, 63 года), «Если бы было финансирование, то общественный совет был бы не нужен... На что я могу повлиять? Я только слушатель. Я не выступаю там».

Далее был задан открытый вопрос о том, какие мысли и планы возникли в тот момент, когда подтвердили участие в общественном совете.

Все полученные ответы разделились на 4 категории:

1) планы по привлечению населения в обсуждение решений совета в области культурной сферы (14,2 %);

2) желание повлиять на ситуацию в культурной сфере (42,6 %);

3) чувство большой ответственности (7,1 %);

4) негативное отношение к общественному совету («Общественный совет неправомочен решать проблемы», «никаких планов» и т. д.) (14,2 %).

Главным мотивом участия в общественном совете явилось желание повлиять на ситуацию в культуре в регионе (92,9 %), возможность участвовать в диалоге между властью и населением (60,9 %), представлять интересы определенных целевых групп (46,9 %). Среди других причин были названы высокая значимость этой деятельности (15,4 %) и приглашение представителей органов власти (7,7 %).

По мнению респондентов, в первую очередь деятельность совета интересует работников культуры (71,4 %), творческие коллективы и объединения (35,7 %), жителей Ульяновска (35,7 %), власть (21,4 %).

Большинство членов общественного совета при Министерстве искусства и культурной политики Ульяновской области имеют за плечами опыт общественной работы, половина которой приходится на деятельность еще в СССР, а половина – в российской действительности. Также высок процент тех, кто участвовал за последний год в общественной жизни, начиная от сбора средств пострадавшим, попавшим в тяжелое положение, и заканчивая участием в митингах и демонстрациях.

Среди членов общественного совета есть хорошие эксперты, обладающие и качествами интеллигенции и лидеров общественного мнения, и у многих из них присутствует желание проявить свои профессиональные качества, знания, умения, высказать свое экспертное мнение, защищать интересы коллектива, групп, которые выдвинули их кандидатуру. Благодаря тому, что они ведут активную общественную жизнь, можно назвать их ответственными, также отметить их стремление к публичности.

Однако общественная работа не стимулирует развитие их публичности. В общественном совете проблемы культуры обсуждаются членами совета не как лидерами об-

ественного мнения, а как «тихими экспертами», поддерживающими решения министерства. Поэтому можно сказать, что потенциал членов общественного совета не используется в полной мере и не стимулируется: «Мы иницилируем, но нас не включают» (М, 63 года), «Это игра. Профанация... На что я могу повлиять?...» (Ж, 63 года).

От установки «сверху», а не от общественного совета зависит решение вопросов. Общественный совет только подтверждает, а не иницирует. Выносятся на обсуждение вопросы, которые считаются нужными властью, выслушивается их экспертное мнение и зачастую просто подтверждается. И никакого влияния на властные решения общественный совет не оказывает. Публичную функцию лидеров члены общественного совета боятся выполнять самостоятельно, без согласования с властью.

Активная общественная жизнь членов общественного совета есть в своем коллективе, по месту жительства, проявляется через участие в добровольчестве, однако она не доходит до публичных выступлений именно по проблемам культуры, особенно по острым вопросам. А само региональное министерство таких обсуждений не иницирует.

Заключение. В целом проведенные исследования показали, что социальные основы критического отношения к деятельности органов власти, понимание необходимости наличия в политической системе страны конструктивной оппозиции как механизма сравнения мнений, поиска вариантов развития страны в российском обществе сложились. Около половины респондентов слышали и о формах контроля, и об организациях его осуществляющих, но совсем не велик процент, кто принимал в них участие или хотел бы. Наименее осведомленным является молодое поколение, но оно же обладает наибольшим желанием поучаствовать. Самыми эффективными действиями в отношении власти третья часть респондентов (33,3 %) считает обращение во властные структуры. Но это говорит о склонности к патернализму, нежели

к налаживанию партнерских отношений с властью.

Однако в политической культуре значительной части населения, в том числе ее общественно активной части, продолжают доминировать традиции патернализма, государственной позиции, что выступает тормозом для процессов дальнейшей модернизации российского общества и государства.

1. *Панарин А. С.* Философия политики. – М., 1996. – 424 с.

2. *Гельман В. Я.* Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. – 2004. – № 4. – С. 52–69.

3. *Гельман В. Я.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М.: МОПФ, 1999. – 240 с.

4. *Цыганков А. П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. Оппозиция (оппозиционная группа): понятие и условия возникновения. – Киев: Генеза, 2007. – 296 с.

5. *Сергеев С. А.* Контркультурная политическая оппозиция в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 3. – С. 245–259.

6. *Сергеев С. А.* Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С. 125–137.

7. РИА Новости. – URL : <http://www.ria.ru/politics/20090326/166106064.html#ixzz3LX61zvOX> (дата обращения: 21.11.14).

8. Левада-Центр. – URL : <http://www.levada.ru/31-07-2008/politicheskaya-oppozitsiya-v-rossii> (дата обращения: 9.11.14).

9. Левада-Центр. – URL : <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii> (дата обращения: 9.11.14).

10. Кафедра философии, социологии и политологии УлГУ, опрос жителей Ульяновска, апрель 2015 г. Выборка 386 респондентов, репрезентативна по полу и возрасту.

11. Кафедра философии, социологии и политологии УлГУ, интервью с 14 членами общественного совета, апрель 2015 г.

СПЕЦИФИКА ГОТОВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ К ПРИНЯТИЮ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ¹

SPECIFICS OF RUSSIAN REGIONS POPULATION'S READINESS TO ACCEPTANCE OF MODERNIZATION TRANSFORMATIONS

Ю.М. Пасовец

Yu.M. Pasovets

Курский государственный университет

Kursk State University

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В статье дается характеристика специфики готовности населения к принятию модернизационных преобразований на современном этапе развития на примере одного из типичных российских регионов – Курской области. Предпринимается попытка определить ключевые показатели, характеризующие отношение населения к социальным изменениям в контексте модернизации и адаптации к модернизационным процессам (ценностные ориентации, установки поведения и соответствующие им факты социального поведения) и измерить их посредством опроса населения. Результаты опроса населения позволяют сделать выводы о достаточно высокой значимости для большинства населения региона ценностей независимости и содержательной, интересной работы, о принятии основной частью населения личной ответственности за свое социальное положение, что выступает необходимым социокультурным основанием для поддержки модернизационных преобразований. Однако лояльность к инновациям и инициативность имеют существенную ценность лишь для половины населения региона, что означает большую степень поляризованности поддержки этих ценностных ориентаций и является существенным ограничением в реализации модернизации. Исследование показало, что в целом большинство населения региона выражает готовность к включению в те или иные виды деятельности, ориентированные на осуществление модернизационных преобразований. Более массовую поддержку среди населения региона имеют те показатели готовности к принятию модернизационных преобразований, которые связаны с усилением адаптивных возможностей в новых условиях: готовность к постоянному повышению уровня своих знаний, умений, личностному и профессиональному развитию; усвоению новых ценностей, образцов поведения, соответствующих современному образу жизни; освоению и использованию инноваций в повседневной жизни и работе.

In article the author characterizes specifics of the population's readiness for acceptance of modernization transformations at the contemporary stage of social development on the example of one of typical Russian regions – Kursk region. The article defines the key indicators which characterize the population's relation to social changes in a context of modernization and adaptation to modernization processes (valuable orientations, behavior attitudes and the social behavior facts corresponding to them) and measures them by survey. The results of the survey allow us to draw conclusions about the relatively high importance for the majority of the population of the region of such values as independence and interesting work. A major part of the population take personal responsibility for their social position, what is a necessary socio-cultural base to support the modernization transformation. However, loyalty to innovation and initiative have significant value only for half the population of the region, what means a greater degree of polarized support of these value orientations and it is a significant constraint in realizing modernization. Research showed that in general most of the region population has readiness for inclusion in these or those forms of activity, which focus on actual implementation of modernization transformations. The main part of the region population supports the forms of readiness for acceptance of modernization transformations, which are connected with development of their adaptive opportunities in new social conditions. These are readiness for continuous increase of level of the knowledge, abilities, personal and professional development; assimilation of the new values and behavior models corresponding to a modern way of life; assimilation and use of innovations in everyday life and work.

Ключевые слова: социокультурная модернизация, адаптационный потенциал, личностные ресурсы адаптации, ценностные ориентации, установки, занятость, социально-трудовая мобильность.

Key words: sociocultural modernization, adaptation potential, personal resources of adaptation, valuable orientations, attitudes, employment, social and labour mobility.

Введение. В условиях востребованности разработки сбалансированной стратегии модернизации России и отдельных ее регионов возникает необходимость изучения особенностей состояния и динамики социокультурного потенциала российских регионов,

реальных возможностей и ограничений для модернизационных преобразований. При этом нужно учитывать, что социальные изменения, обусловленные модернизационными процессами, становятся источником адаптации населения, в ходе которой происходит

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-03-00506а «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья».

актуализация имеющихся ресурсов адаптации и формирование новых ценностных ориентаций и моделей поведения. В этой ситуации уже сформированные ценности и установки как ключевые компоненты личностного ресурса адаптации оказывают решающую роль в принятии населением модернизационных преобразований и включении в те виды деятельности, которые ориентированы на осуществление модернизации. В связи с этим особую актуальность приобретают выявление и характеристика готовности населения России и ее регионов к принятию модернизационных преобразований, связанных с распространенностью ценностных ориентаций и установок, являющихся своеобразными индикаторами мировоззрения эпохи модерна.

В современных российских условиях раскрытие специфики отношения населения к модернизационным процессам будет способствовать определению внутренних для региона возможностей и наиболее эффективных мер по достижению задач социально-экономического развития регионов в контексте модернизации. В свою очередь, в силу Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. ключевыми задачами стратегического планирования являются определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей социально-экономического развития России и ее субъектов, выбор путей и способов достижения целей и решения задач социально-экономической политики Российской Федерации, ее субъектов [1]. Вместе с тем при анализе принятых в регионах стратегий их социально-экономического развития обнаруживается, что недостаточное внимание уделяется выявлению и учету отдельных компонентов социокультурной составляющей стратегии модернизации регионального сообщества (ценностных ориентаций, социокультурных установок, традиций повседневной жизни и др.) и отношению самого населения к модернизационным преобразованиям как важному компоненту этой составляющей [2].

Тем самым проблема исследования связана с необходимостью разрешения противоречия между востребованностью научных представлений о ряде компонентов социокультурной составляющей стратегии модернизации российских регионов, и в частности об отношении населения к модернизацион-

ным преобразованиям, необходимым для повышения эффективности стратегического планирования социально-экономического развития регионов в контексте достижения задач модернизации, и недостаточной разработанностью данного вопроса в теоретическом и практическом плане.

В связи с этим в данной работе ставится цель – выявить специфику готовности населения к принятию модернизационных преобразований как компонента социокультурной составляющей модернизации на примере населения Курской области. Исходя из этой цели в теоретическом плане необходимо решить задачи по определению ключевых показателей, характеризующих отношение населения к социальным изменениям в контексте модернизации на основании структуры общественного мнения (оценка, готовность к действию, само действие); в эмпирическом плане – по выявлению и характеристике отношения населения региона к модернизационным преобразованиям, связанного с распространенностью соответствующих ценностных ориентаций и установок, готовности населения к принятию модернизационных преобразований на примере Курской области.

Обзор литературы. Проблема социокультурного развития России и ее регионов, осуществления модернизационных процессов является актуальным направлением теоретических и теоретико-прикладных исследований в современной отечественной науке. Так, проблематике экономической, социальной, социокультурной, политической эволюции российских регионов посвящены работы ведущих ученых: Г.А. Аванесовой, Л.А. Беляевой, З.Т. Голенковой, А.Г. Гранберга, Н.В. Зубаревич, А.Г. Кахарова, Н.И. Лапина, И.П. Рязанцева и др. Институт социологии РАН, Независимый институт социальной политики проводят исследования актуальных проблем регионального развития [3]. С 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина проводится всероссийский социологический мониторинг ценностных изменений «Ценности и интересы населения России», связанный с выявлением тенденций и проблем трансформации современного российского общества. С 2001 г. идет реализация всероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции философии, социо-

логии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, в рамках которой во многих регионах России проводятся теоретико-прикладные исследования по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» (авторы: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева) [4]. В рамках этой программы уделяется внимание изучению проблем региональной модернизации, ее социокультурной составляющей [5]; адаптирована к российским реалиям методология измерения и сопоставления стадий, уровней и фаз модернизации, предложенная Центром исследования модернизации Академии наук Китая под руководством Хэ Цуаньци для диагностики состояния и динамики модернизации в разных странах мира и регионах.

В целом для социально-экономического и гуманитарного знания проблема влияния социокультурных факторов региона (ценностных, интеллектуальных, религиозных, институциональных, экономических, традиций повседневной жизни) на использование инноваций и инновационных технологий в жизнедеятельности населения региона является новой, поскольку, с одной стороны, в современных условиях возрастает роль социокультурной составляющей модернизационных процессов, с другой – актуализируется необходимость учета специфики социокультурных факторов модернизации конкретных регионов и российского общества в целом. Указанные аспекты находят отражение в работах исследователей в рамках всероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» и требуют своего дальнейшего теоретического и эмпирического осмысления. В частности, в контексте исследования проблем новой индустриализации следует обратить внимание на обоснование системы показателей, проявляющих значимость модернизационных преобразований для основной части населения, которые выступают фактором изменения условий жизни и, соответственно, фактором адаптации к этим изменениям, и готовности к включению в те или иные виды деятельности, связанные с модернизационными процессами.

Гипотезы и методы исследования. В условиях необходимости осуществления модернизации значимость ценностных ориентаций и поддержка соответствующих им установок поведения, отражающих положительное отношение населения к принятию модернизационных преобразований, высту-

пают социокультурным основанием для реализации социального поведения, способствующего модернизационному развитию.

Исходя из этого, гипотезы исследования состоят в предположениях, что ряд ценностных ориентаций и установок, характерных для модернистского мировоззрения, имеют достаточно массовую поддержку среди населения региона, что определяет готовность большинства населения к включению в те виды деятельности, которые направлены на модернизационные преобразования; однако достаточно высокая степень поляризованности в отношении к некоторым важным для модернизационных преобразований ценностям и установкам, связанных с их неприятием частью населения, и недостаточная реализованность в социальном поведении значимых ценностных ориентаций и установок выступают существенными ограничениями для осуществления модернизации.

Теоретико-методологической основой исследования выступают антропосоциетальный (социетально-деятельностный), структурно-функциональный и социокультурный подходы, идеи концепции социокультурной модернизации (Н.И. Лапин, Л.А. Беляева).

Эмпирической базой исследования являются результаты социологического опроса населения Курской области по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России», проведенного в 2012 г.

Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Общее количество респондентов составило 1000 человек, проживающих в различных населенных пунктах и районах области. Ошибка выборки по одному признаку не превышает 3 %.

Сбор эмпирических данных осуществлялся методом формализованного (стандартизированного) интервью по месту жительства; при анализе данных использовались частотное распределение, показатели средней тенденции (расчет средневзвешенного балла). Используемые в работе методы исследования определяются типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона России» в модификации 2010 г.

Результаты исследования. Исходя из концепции Т.И. Заславской об инновационно-реформаторском потенциале современного российского общества [6, с. 228], представляется возможным выделить в структуре социокультурного потенциала модерни-

зационных преобразований региона три его структурных компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный потенциал. В рамках разработанной нами концепции адаптационного потенциала населения он понимается как совокупность ресурсов субъекта (индивида, социальной общности), которые актуализируются в целях адаптации, и отличается латентным характером, связанным с наличием возможности перехода адаптивных качеств субъекта из состояния возможности в реальные средства адаптации при наличии определенных условий [7]. К значимым личностным ресурсам адаптации следует отнести ценностные ориентации и установки [8], которые по своей сути являются специфической формой существования социокультурных явлений в индивидуальной жизни человека. В процессе включения человека в социокультурную систему символические объекты культуры – ценности, установки, идеалы и др. – приобретают для него личную значимость, становятся важными мотивами ее жизнедеятельности. При этом регулируя социальное поведение, установки отражают готовность к осуществлению определенного действия и задают направленность жизнедеятельности человека.

В контексте осуществления модернизации российского общества возникает потребность в определенном типе социальной адаптации населения, ориентированном на качественное преобразование социальных и экономических отношений, что выражается в доминировании в мотивации социального поведения, соответствующих ценностей и установок. Соответственно, приобретают особое значение те ценностные ориентации и связанные с ними установки, которые направлены на принятие населением модернизационных преобразований и включение в их осуществление. В этом плане разделяемые населением ценностные ориентации и установки оказываются своеобразными индикаторами состояния и динамики социокультурной составляющей модернизационных процессов.

В рамках концепции социокультурной модернизации, выступающей одним из теоретико-методологических оснований общероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), она понимается как формирование и утверждение совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, и утверждение этих ценностей в повседне-

ности обеспечивается соответствующими социальными, экономическими, политическими и другими институтами и структурами; она рассматривается как неотъемлемая составляющая каждой стадии модернизации, которая предстает как комплексный процесс цивилизационных изменений. Тем самым процесс модернизации оказывается связанным с самостоятельным или вынужденным рациональным или нерациональным экзистенциальным выбором жителей каждого региона и страны в целом: выбором ценностей гражданских свобод, ориентации на максимальный доход в условиях риска, предпочтения самозанятости и предпринимательской деятельности т. д. [5, с. 15–16].

По мнению коллектива авторов общероссийского социологического исследования по проблемам модернизации российского общества (М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой и др.), модернизированность сознания характеризуется выраженностью ряда ценностей и норм, отличающих «modern man». С такой позиции ключевыми индикаторами модернизированности сознания выступают: приоритет интересов отдельной личности по сравнению с интересами государства; приоритет интересной работы над заработком как главной характеристики работы; положительное отношение к конкуренции; предпочтение равенства возможностей в дилемме «равенство возможностей или равенство доходов»; стремление выделяться среди других, а не быть как все; готовность к принятию личной ответственности за свое положение; положительная оценка таких человеческих качеств, как предприимчивость, инициативность и профессионализм; значимость инициативности и перспективности в работе [3, с. 31–32].

Основываясь на идеях концепции социокультурной модернизации, представляется возможным выделить те показатели отношения населения к социальным изменениям в контексте модернизации, которые содержатся в типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» [9], используемым для реализации эмпирических исследований в рамках общероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», и дополнить их рядом индикаторов, отражающих ценностные ориентации и установки как готовность к определенному виду деятельности. При этом, характеризуя отношение населения к этим изменениям, будем исходить

из необходимости отражения всех компонентов структуры общественного мнения: оценки, готовности к действию и самого действия, принимая возможность фиксации оценки социального факта посредством выявления его значимости как ценностной ориентации, готовности к действию – установки, действия – факта совершения этого действия [10].

Среди совокупности показателей типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России», отражающих отношение населения к социальным изменениям в контексте модернизации, для характеристики личностных приоритетов можно использовать оценку населением значимости для себя ценностей независимости, содержательной, интересной работы и инициативности (измеряются посредством выражения степени согласия или несогласия с суждениями, отражающими эти ценности), степени личной ответственности за улучшение своей жизни; для определения установок – предпочтения респондентами содержательных характеристик работы, типа занятости, занятости в частном секторе экономики; для выявления распространенности действий, соответствующих ценностным ориентациям и установкам – факты смены места работы, профессии после 1998 г. по причинам появления более интересной работы, больших возможностей для самореализации на новой работе, невостребованности профессии, сокращения, факты использования мобильного телефона, компьютера, Интернета, членства в какой-либо общественной организации (политической партии, профсоюзе, профессиональной организации и др.).

Кроме того, полагаем, что перечень показателей, воссоздающих отношение населения к социальным изменениям в контексте модернизации, может быть расширен за счет измерения значимости для населения ценностной ориентации, условно названной нами лояльностью к инновациям, которая измеряется посредством выражения респондентом степени согласия или несогласия с суждением «Мне нравятся перемены, мне хотелось бы использовать новинки и новые технологии в работе, в быту». На наш взгляд, в контексте исследования адаптационного потенциала населения и характеристик личностного ресурса адаптации большее значение приобретает рассмотрение отношения населения к использованию инноваций в повседневной жизни и профессиональной деятельности, а не только их созданию. Здесь можно

говорить о принятии инноваций как составляющей модернизационных преобразований на уровне потребления.

Также для измерения готовности населения к принятию модернизационных преобразований необходимо ввести ряд показателей, проявляющих установки на совершение определенных действий, которые соответствуют определенным ценностным ориентациям: готовность постоянно повышать уровень своих знаний, умений, лично и профессионально развиваться; готовность изучать и использовать в своей работе, в быту разные новинки и новые технологии, в том числе информационные технологии; готовность усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни и др. (см. табл. 1).

При этом для характеристики места ценности в ценностной системе населения используется концепция Н.И. Лапина, согласно которой в зависимости от места ценности в статусно-иерархической структуре ценностного сознания членов общества различаются четыре группы ценностей: ценности высшего статуса (интегрирующее ядро, ценностное «ядро»), которые доминируют в общественном сознании, их разделяют более 60 % населения; ценности среднего статуса (интегрирующий резерв, структурный резерв), поддерживаемые 45–60 % населения; ценности ниже среднего статуса (оппонирующий дифференциал), одобряемые немногими (30–45 % населения) и поэтому являющиеся источником конфликтов; ценности низшего статуса (конфликтогенная периферия) – ценности меньшинства, их поддерживает менее 30 % населения [11, с. 29].

Соотношение между компонентами общественного мнения, отражающими отношение населения к социальным изменениям в контексте модернизации и готовность населения к принятию модернизационных преобразований, вместе с результатами опроса населения Курской области 2012 г. представлено в таблице 1.

По данным опроса населения Курской области, подавляющее большинство курян (78,9 %) выражают готовность к включению в те или иные виды деятельности, ориентированные на осуществление модернизационных преобразований. Между тем практически пятая часть населения региона (19,9 %) заявляет о своем отказе от участия в этих видах деятельности.

Таблица 1

Отношение населения региона к принятию модернизационных преобразований

<i>Значимость ценностной ориентации (оценка на уровне выше среднего (4 балла) и высоком (5 баллов)), в % от числа опрошенных (средневзвешенный балл по 5-балльной шкале)</i>	<i>Поддержка установки, в % от числа опрошенных</i>	<i>Включенность в социальные практики, в % от числа опрошенных</i>
Независимость – 78,2 (4,34)	Готовность постоянно повышать уровень своих знаний, умений, лично и профессионально развиваться – 59,7	Получение дополнительного образования, повышение уровня образования, в том числе самостоятельно – 20,3. Переквалификация с целью повысить должность или сменить работу – 14,4
Содержательная, интересная работа – 71,2 (4,16)	Выбор занятости в частном секторе экономики – 33,7. Готовность заниматься предпринимательской деятельностью, самим создать себе рабочее место, работать на себя и на свой страх и риск – 32,9. Готовность временно переехать в другой населенный пункт (город, село), в другой регион России, где будет востребован труд, и работать там – 28,5	Занятость в частном секторе экономики – 22,4. Смена места работы, профессии после 1998 г. по причинам появления более интересной работы, больших возможностей для самореализации на новой работе, невостребованности профессии, сокращения – 8,7 (или 70,8 % от числа сменивших работу и профессию после 1998 г.)
Лояльность к инновациям – 60,9 (3,79)	Готовность изучать и использовать в своей работе, в быту разные новинки и новые технологии, в том числе информационные технологии – 53,5. Готовность участвовать в создании чего-то нового (нового продукта, нового оборудования и т. д.) – 31,8	Использование мобильного телефона – 92,2. Использование компьютера – 62,7. Использование Интернета – 58,4
Инициативность – 54,5 (3,73)	Готовность усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни – 59,3. Готовность вступить и участвовать в работе одной из общественных организаций (профессиональных, творческих, политических партий и др.) – 25,1	Членство в какой-либо общественной организации (политической партии, профсоюзе, профессиональной организации и др.) – 35,6

Источник: результаты опроса населения Курской области (2012 г.)

Исходя из этого вызывает интерес значимость для населения ценностей, проявляющих ориентацию на принятие модернизационных изменений (независимости, работы, лояльности к инновациям, инициативности) и установок поведения, демонстрирующих готовность к совершению действий в этом направлении (на принятие личной ответственности за улучшение своей жизни, саморазвитие и личностный и профессиональный рост, занятие предпринимательской деятельностью, трудовую мобильность, использова-

ние и создание инноваций в повседневной и профессиональной деятельности и др.).

Ценность независимости оценена курянами в среднем в 4,34 баллов в расчете средневзвешенного балла по пятибалльной шкале. Данная ценность обладает достаточно высокой значимостью для большинства населения и в системе ценностей относится к интегрирующему резерву. При этом подавляющее большинство населения региона (86,2 %) считает, что улучшение их жизни в той или иной степени зависит от них самих (см. табл. 2).

Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что основная часть населения принимает на себя личную ответственность за свое социальное положение. При этом более половины курян (69,8 %) возлагают большую или меньшую ответственность за улучшение жизни на свою семью, ближайших родственников, т. е. на социальные сети поддержки семьи. Показательно, что многие из тех, для кого характерен низкий уровень личной от-

ветственности за свое социальное положение, придают большее значение в изменении условий их жизни в лучшую сторону органам государственного и муниципального управления. Так, 41,3 % курян подчеркивают большую или меньшую зависимость улучшения своей жизни от районной, городской властей, 41,8 % – от областной власти и 50,1 % – от общероссийской власти.

Таблица 2

Оценка населением степени зависимости улучшения их жизни от них самих, социального окружения, органов государственного и муниципального управления, в % от числа опрошенных

<i>Вариант ответа</i>	<i>Полностью зависит</i>	<i>Пожалуй, зависит</i>	<i>Не знаю, трудно сказать</i>	<i>Пожалуй, не зависит</i>	<i>Совсем не зависит</i>
От Вас самих	62,9	23,3	7,0	4,4	2,4
От близких родственников	25,2	44,6	12,5	11,4	6,3
От друзей, земляков	8,5	27,3	25,3	21,8	17,1
От начальника по работе	8,9	28,6	15,5	11,7	35,3
От районной, городской властей	10,6	30,7	23,3	20,2	15,2
От областной власти	10,3	31,5	22,6	19,2	16,4
От общероссийской власти	20,8	29,3	19,5	15,1	15,3

Источник: результаты опроса населения Курской области (2012 г.).

С качественными показателями личностного ресурса населения, проявляющего самостоятельность как жизненную ценность и как характеристику поведения, оказывается связанной установка на саморазвитие, личностный и профессиональный рост. Более половины населения региона (59,7 %) заявляют о своей готовности постоянно повышать уровень своих знаний, умений, лично и профессионально развиваться. Как показывают результаты опроса населения региона, существенная часть курян не только выражают эту готовность, но и совершают в этом направлении определенные действия. Так, 14,4 % курян переквалифицируются для того, чтобы повысить должность или сменить работу. Пятая часть жителей региона (20,3 %) получают дополнительное образование, повышают свое образование, в том числе самостоятельно (см. табл. 1).

Другая значимая в контексте нашего исследования ценность – ценность содержательной, интересной работы – оценивается населением региона в среднем в 4,16 баллов (в расчете средневзвешенного балла по пятибалльной шкале). Данная оценка показывает существенную значимость работы для

большинства курян и является показателем отнесенности этой ценности к интегрирующему резерву ценностной системы населения. В этом плане интересны результаты опроса о трудовых предпочтениях населения, касающихся содержания самой работы и типа занятости. Так, половина курян (51,0 %) предпочли бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок, а 20,0 % жителей Курской области хотели бы много зарабатывать, даже если придется очень много работать или отказаться от гарантий на будущее. Практически каждый десятый курянин (12,1 %) предпочел бы иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск. Говоря о предпочтениях занятости в государственном или частном секторе экономики, около трети респондентов (35,4 %) в Курской области хотели бы работать в качестве основной работы на государственном, муниципальном предприятии. В то же время другая треть курян (33,7 %) предпочли бы разные типы занятости в частном секторе экономики, из них хотели бы быть предпринимателями 14,1 %, вести индивидуальную трудовую деятельность – 9,0 %, работать по найму на частном предприятии – 4,3 % и т. д. При этом фактически 22,4 %

участников опроса заняты в частном секторе экономики в качестве наемных работников, самозанятых и индивидуальных предпринимателей и т. д.

Такие ценностные ориентации определяют и распространенность среди населения соответствующих установок поведения. Третья часть населения региона (32,9 %) выражает готовность заниматься предпринимательской деятельностью, самим создать себе рабочее место, работать на себя и на свой страх и риск (см. табл. 1). Тем самым принятие для себя самозанятости и предпринимательской деятельности как формы занятости и на уровне оценки, и на уровне готовности к действию характерно для значительной части населения региона.

Также в контексте рассматриваемой проблематики особое значение приобретает установка населения на территориальную мобильность с целью трудоустройства и самореализации в сфере занятости. Четвертая часть курян (28,5 %) готовы временно переехать в другой населенный пункт (город, село), в другой регион России, где будет востребован их труд, и работать там. В качестве одного из проявлений трудовой мобильности, которое показывает возможность перехода готовности к трудовой мобильности в результате структурных изменений в экономике на уровень реального поведения, может выступать смена частью населения региона места работы и профессии после кризиса 1998 г. По данным опроса населения Курской области, после 1998 г. по причинам появления более интересной работы, больших возможностей для самореализации на новой работе, невостребованности профессии и сокращения сменили место работы, профессию 8,7 % всех опрошенных (или 70,8 % от числа сменивших работу и профессию после 1998 г.).

Еще одна важная ценностная ориентация, условно названная нами лояльностью к инновациям, получила оценку жителями региона в 3,79 баллов (в расчете средневзвешенного балла по пятибалльной шкале). Это значение показателя обнаруживает значимость этой ориентации лишь для половины населения региона и определяет ее место в оппозирующем дифференциале системы ценностей. Говоря о сформированности у себя соответствующей установки, также около половины курян (53,5 %) заявляют, что они готовы изучать и использовать в своей работе, в быту разные новинки и новые техно-

логии, в том числе информационные технологии. Между тем оценивая наличие у себя стремления и готовности к созданию инноваций, только треть курян (31,8 %) отмечает, что они готовы участвовать в создании чего-то нового (нового продукта, нового оборудования и т. д.).

В целом на основании этих данных можно говорить о достаточно высокой степени поляризованности отношения населения к инновациям и их использованию в повседневной жизни и работе. Иными словами, часть населения региона готова адаптироваться к изменениям, вызванным модернизационными преобразованиями, и использовать инновации, в том числе технологические инновации, в повседневности и профессиональной деятельности, другая часть не выражает такой расположенности. При этом еще меньшая часть населения региона готова не только к использованию, но и созданию инноваций.

В контексте предмета исследования представляется интересным тот факт, что в реальной практике использование технических инноваций чаще наблюдается в повседневной жизни, и большую распространенность получают те из них, которые удовлетворяют личные запросы и оказываются доступными (по цене, инфраструктуре и т. д.). Например, как показывают данные опроса, практически абсолютное большинство населения региона (92,2 %) использует мобильный телефон, и только более половины курян используют компьютер (62,7 %) и Интернет (58,4 %). В этом плане использование тех или иных инноваций, в том числе технических, становится ключевым фактором социальной дифференциации и социального неравенства населения. Здесь возникает необходимость исследования информационного неравенства населения и его значимых факторов.

Как видно из таблицы 1, ценность инициативности оценена населением региона в среднем в 3,73 баллов (в расчете средневзвешенного балла по пятибалльной шкале). Данная ценность оказывается в большей или меньшей степени значимой только для половины курян (54,5 %) и в системе ценностей относится к оппозирующему дифференциалу. Обращает на себя внимание тот факт, что ценность традиции имеет существенное значение для сравнительно большего числа жителей региона (69,4 %) и получает средневзвешенную оценку в 4,13 баллов, что обу-

словливает ее принадлежность к интегрирующему резерву ценностной системы населения в целом. В этом плане показательна установка населения к выполнению своей трудовой деятельности. Так, 65,8 % населения региона выражают готовность усердно и ответственно работать, что в контексте невысокой лояльности к инновациям у значительной части населения может свидетельствовать о стремлении к добросовестному, но рутинному труду.

Полагаем, что значимость инициативности как ценности во многом определяет ориентацию личности на усвоение новых ценностей и образцов поведения, позволяющих адаптироваться к происходящим в обществе изменениям, и на участие в деятельности общественных организаций, связанном с возможностью реализации своих интересов и защитой прав как человека и гражданина. При этом, как показывают результаты опроса, ориентация на изменение своих ценностных приоритетов и моделей поведения оказывается в большей степени распространенной среди населения региона по сравнению с ориентированностью на общественную активность. Последнее, на наш взгляд, связано с доминированием индивидуализма и согласуется с высокой значимостью для большинства курян ценности независимости и распространенностью установки на личную ответственность за свое социальное положение, самостоятельность. Так, 59,3 % населения региона считают, что они готовы усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни. Вместе с тем лишь четвертая часть жителей (25,1 %) допускает для себя возможность вступить и участвовать в работе одной из общественных организаций (профессиональных, творческих, политических партий и др.). В реальной практике только треть населения (35,6 %) включена в сферу деятельности общественных организаций в качестве их членов (см. табл. 2), и для 28,8 % эта включенность связана с членством в профсоюзе, которое, как правило, имеет формальный характер.

Заключение. Как показывают результаты опроса населения Курской области, ценности независимости и содержательной, интересной работы обладают достаточно высокой значимостью для большинства населения региона, что согласуется с принятием основной частью населения личной ответственности за свое социальное положение. В

отношении лояльности к инновациям и инициативности у курян наблюдается большая степень поляризованности поддержки этих ценностных ориентаций, что может выступать существенным ограничением в принятии модернизационных преобразований для регионального сообщества в целом.

При этом большая значимость определенной ценностной ориентации для населения определяет и более массовую поддержку соответствующей установки поведения, связанной с отношением к модернизационным преобразованиям. Так, среди населения более распространены установки на постоянное повышение уровня своих знаний, умений, личностное и профессиональное развитие; освоение и использование в своей работе, в быту разных новинок и новых технологий, в том числе информационных технологий; усвоение новых ценностей, образцов поведения, соответствующих современному образу жизни. Достаточно широкая распространенность среди населения Курской области именно этих проявлений готовности к принятию модернизационных преобразований выявляет ориентированность большинства жителей региона на усиление своих адаптивных возможностей в новых условиях: повышение уровня образования и личностный рост, выработка адекватных социальным условиям жизненных ориентаций и образцов поведения, потребление инноваций для повышения качества своей повседневной жизни и работы. В целом большинство населения региона выражает готовность к включению в те или иные виды деятельности, ориентированные на осуществление модернизационных преобразований.

Однако обращает на себя внимание недостаточная реализованность в социальном поведении установок, связанных с достижением ценности содержательной, интересной работы в практической деятельности. Данная ценность имеет высокую значимость для многих, однако в реальной практике слабо реализуется, несмотря на то, что треть населения региона готова заниматься предпринимательской деятельностью, включаться в сферу самозанятости.

В целом можно сделать выводы о том, что большую значимость для населения региона имеют те ценностные ориентации и установки, отражающие отношение к социальным изменениям в контексте модернизации, которые связаны с наращиванием и реализацией собственных ресурсов адаптации;

в региональном сообществе наблюдается поляризованное отношение к использованию инноваций и инициативности; для большинства населения значимость ценностей и поддержка соответствующих установок не всегда находят выражение в реальном поведении, что требует разработки системы соответствующих мер в рамках социально-экономической политики и включению их в стратегию модернизации региона для достижения ее сбалансированности и эффективности.

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. // Российская газета. – 2014. – 3 июля. – URL : <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 09.04.2015).

2. Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2020 г. – URL : http://www.adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=815 (дата обращения: 10.06.2015).

3. Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад / под ред. М. К. Горшкова; Ин-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. – М., 2010. – 342 с.

4. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Ин-т философии. Центр изучения социокультурных изменений; Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»; под общ. ред. Н. И. Ла-

пина, Л. А. Беляевой. – М. : Academia, 2009. – 808 с.

5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева; Ин-т философии РАН. – М. : Academia, 2013. – 416 с.

6. Заславская Т. И. Избранные произведения. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М. : Экономика, 2007. – 591 с.

7. Пасовец Ю. М. К вопросу о понятии адаптационного потенциала // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 103–105.

8. Пасовец Ю. М. Ресурсы адаптации социальных акторов и их типология // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 6. – С. 125–134.

9. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 136 с.

10. Пасовец Ю. М. Методологические аспекты социологического изучения общественного мнения // Вестник истории и философии Курского государственного университета. Серия «Философия». – 2008. – № 1. – С. 293–297.

11. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF FAMILY IN TODAY'S MODERNIZATION PROCESS

Е.П. Галкина, М.И. Кадничанская

E.P. Galkina, M.I. Kadnichanskaya

Ульяновский государственный университет

Ulyanovsk State University

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

Статья раскрывает основные тенденции и этапы трансформации социального института семьи и брака в России. Показаны изменения в институте семьи на фоне модернизационных процессов в российском обществе, связанных с переходом к началу информационной стадии. Рассмотрены характерные черты разводов в контексте начала информационной модернизации в России, выделены его этапы. Представлены теории брачного выбора как основа мотивационной базы при создании стабильной семьи. Подчеркивается, что к началу XXI в. семья прошла несколько ступеней развития: патриархальная или традиционная, детоцентристская или современная, супружеская или постсовременная, а также неполная и внебрачная. В настоящее время происходит трансформация современных представлений мужчин и женщин относительно института семьи, которая сопровождается изменением духовных основ и духовного потенциала современной семьи. Выделяются следующие факторы, влияющие на семью и её стабильность: вестернизация системы ценностей (распространение западных ценностей по всему миру); трансформация экономического уклада; свобода нравов; проявления индивидуализма; гендерная асимметрия (т. е. непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов в различных сферах жизни); перераспределение социальных ролей между женщиной и мужчиной и т. п. Подчеркивается, что ослабление роли семьи как посредника во взаимодействии личности и общества усиливает внесемейные ценностные ориентации членов семьи на личные достижения, ведет к перевесу их над ценностью семейного образа жизни и ценностью детей. Даны рекомендации, направленные на укрепление института семьи и брака и повышение престижа семьи и семейного образа жизни.

The article reveals the main trends and stages of transformation of the social institution of marriage and family in Russia. The changes in the family institute on a background of the modernization process in the Russian society, are associated with the transition to the beginning of the information stage. There are considered the characteristic features of divorce in the context of the beginning of the modernization of information in Russia and its stages. The article describes the theory of marriage as the basis of selecting a motivational base for the creation of a stable family. It is emphasized that by the early twenty-first century, the family has gone through several stages of development: patriarchal or traditional, children-oriented or modern, marital or post-modern, as well as incomplete and illegitimate. Currently there is the process of transformation of modern ideas of men and women regarding the family institution, which is accompanied by a change of the spiritual principles and spiritual potential of the modern family. There are the following factors affecting the family and its stability: the Westernization of the system of values (the spread of Western values around the world); the transformation of the economic structure; freedom; individualism; gender asymmetry (i.e. disproportionate representation of social and cultural roles of both sexes in all spheres of life); the redistribution of social roles between women and men, etc. The article emphasizes that the weakening of the role of the family as a mediator in the interaction between the individual and society reinforces non-family value orientations of family members on personal achievements, leading to their advantage above the value of family lifestyle and value of children. There are given recommendations to strengthen the institution of family and marriage, and raising the prestige of the family and family life.

Ключевые слова: институт семьи, трансформация института семьи, модернизация, информационная стадия модернизации, развод, брачный выбор.

Key words: family institution, the transformation of the family institution, modernization, information stage of modernization, divorce, marriage choice.

Введение. Семья является одним из фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом последующем поколении, и, говоря о развитии семьи, мы подразумеваем развитие общества в целом. Состояние семьи является одновременно как следствием, так и причиной целого ряда про-

цессов, происходящих в современном обществе. Она не просто испытывает на себе мощное влияние всех действующих факторов социальной динамики, но во многом и сами эти факторы определяет и воспроизводит.

В рамках социокультурной модернизации регионов России при переходе от индустриальной стадии к началу вторичной ин-

формационной стадии институт семьи претерпевает кардинальные изменения для включения в эти модернизационные процессы. Происходит внедрение современных технологий, которые на высокотехнологической основе развивают «производство на заказ». Это возобновление системы производства, которая была в расцвете до индустриальной революции, но теперь она построена на основе наиболее продвинутой сложной технологии. Такое положение дел требует высокопрофессиональных работников, которые более мобильны в интеллектуальном и психологическом отношении и менее ориентированы на семью. Традиционные семейные роли трансформируются. Нет деления этих ролей и семейных обязанностей на чисто женские или мужские. Отсюда следует изменение лидерства в семье. На современном этапе можно заметить, что лидером не всегда является мужчина, а женщина не всегда выполняет только домашнюю – хозяйственную – работу. Нуклеарная семья теряет свою основу: семья состоит из работающих, образованных членов; ее деятельность становится дисфункциональной, при этом часть функций переходит на другие социальные институты, что приводит к появлению социального феномена «одиначества»; из семьи рано уходят повзрослевшие дети, начиная работать; теряется родительский контроль; под воздействием средств массовой информации предлагаются различные фрагментарные модели социального взаимодействия в семье.

Обзор литературы. Брачно-семейные отношения как одна из наиболее значимых сфер функционирования общества изучались многими исследователями. Многие из классиков социологии считали семью частью социальной структуры, рассматривая ее как фактор изучаемых ими процессов, но не исследовали институты брака и семьи целенаправленно. Научные труды основателей социологической теории О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса, так или иначе описывающие и объясняющие формы общественной жизни, не могли не зафиксировать непреходящее значение семейно-бытовой организации бытия. С середины XIX в. теоретические проблемы семьи находятся в поле зрения антропологов и этнографов. В это же время Л. Морган, наблюдая общественное устройство американских индейцев, их семейный быт, создал новую отрасль социологии – науку о семье. Его по праву считают основателем этой науки. Большое

значение для анализа семейно-брачных отношений имеют работы М. Ковалевского, Ф. Ле Пле, Ф. Энгельса.

Среди исследователей семьи вплоть до 1960-х гг. доминировала функционалистская теория семьи. П. Сорокин – выдающийся представитель функционализма, анализируя семью с точки зрения ее функций или социальных потребностей, которым она служит, впервые функции семьи разделил. Он изучал не только эволюцию семьи, но и ее статистику, функции, типологию, внешние и внутренние связи [1].

Ученые двадцатого столетия начали исследовать трансформации семьи. В настоящий момент сформировались два теоретико-методологических подхода к изучению семьи. Современное состояние семьи рассматривается одними исследователями с позиции кризиса моногамной семьи (А.И. Антонов, В.М. Медков, А.В. Артюхов и др.), другими – с позиции трансформации семейных структур (С.И. Голлод, Т.А. Гурко, А.Р. Михеева и др.).

Современная отечественная социология семьи, по мнению Е. Черняк, предлагает ряд подходов при анализе тенденций развития российской семьи, которые сводятся к трем ключевым позициям:

1) идет нормальная трансформация традиционной семьи в современную под влиянием социокультурной модернизации;

2) в России происходит кризис института семьи, его деградация;

3) трансформация семьи – это мировой процесс, кризис-условие, в котором протекает модернизация российской семьи.

По мнению Ю.П. Лежминой, необходимо говорить не о кризисе семьи, а о кризисе института брака, так как несмотря на все происходящие изменения, семья остается для людей очень важной ценностью.

Современное российское общество характеризуется изменением отношения к традиционным идеалам, моральным и нравственным ценностям. Непосредственно это касается брачно-семейных отношений, поскольку брак и семья выступают как системообразующие элементы в социальной сфере.

Проблема кризиса и трансформации института семьи и брака не просто один из важнейших вопросов в современной социокультурной и политико-экономической ситуации, но, пожалуй, один из определяющих, поскольку, будучи основой демографической проблематики, оказывает сильнейшее влияние на стратегии развития общества и государства.

Содержание брачных отношений определяется степенью развитости общества. Чем примитивней общественные отношения, тем больше места в семейно-брачном союзе занимают чисто физиологические и хозяйственно-экономические моменты. Чем более развито общество, тем большую роль в брачных отношениях играют социально-психологические, этические, эстетические и, конечно, сексуальные моменты.

«Семья становится автономной единицей; повседневные интимные отношения, воспитание детей, организация быта выходят за пределы постоянного контроля соглядатаев. Контроль за «правильным» осуществлением мужественности и женственности в большей степени, чем прежде, делегируется семье и ближайшему социальному окружению. Семья вступает в своего рода «конкурентные» отношения с государством, стимулируя проблематизацию гендерных ролей в публичном дискурсе» [2, с. 315].

Методы исследования. Теоретическую базу исследования составил анализ публикаций зарубежных и отечественных ученых, изучавших проблемы семьи и брака, особенности трансформации семьи в период модернизации в России, а также анализ статистических данных по России и Ульяновской области.

Результаты исследования. Развитие института семьи в России на современном этапе частично повторяет путь развитых в экономическом отношении стран: увеличение количества разводов, внебрачных рождений, развитие альтернативных форм семьи, уменьшение количества детей в семьях, эмансипация женщин и детей. Эти процессы на сегодняшний день характеризуют развитие института семьи в большинстве стран мира.

Главное направление эволюции современной семьи – ее трансформация от института к группе. Это означает, что в современной семье происходит ослабление экономической функции, главным в ней становится психологическая атмосфера, личностное взаимодействие супругов. Важнейшими функциями семьи признаются репродуктивная (воспроизводственная) и воспитательная. Становится очевидно, что ослабление прежде всего этих функций переживается как кризис семьи, тогда как процессы изменений остальных функций чаще оцениваются как трансформационные.

Трансформация института семьи и брака происходит поэтапно. Каждый этап ха-

рактеризуется своими особенностями и тенденциями. На первом историческом этапе трансформации семьи как социального института наблюдалось полное преобладание ценностей фамилизма над индивидуализмом. Легитимны нормы многодетности. Рождение детей вне брака не было социально приемлемо, к внебрачным детям в обществе относились негативно. Брак осуществлялся только по воле родителей, а под давлением общественного мнения – как единственно приемлемый и легитимный способ урегулирования сексуальных отношений. Безбрачие осуждалось как ненормативная форма социального поведения человека. Супружеские пары, не имеющие детей, психологически страдали от своей социальной неполноценности и имели низкий ранг социального статуса. Главными критериями выбора брачного партнера были экономические или социально-престижные для некоторых слоев и страт. Развод воспринимался как недопустимый вариант социального поведения. В целом доминировала неделимость семей. Семья была расширенной и очень разветвленной.

На втором этапе исторической трансформации социального института семьи происходит частичное преобладание ценностей фамилизма над индивидуализмом. Легитимной нормой становится среднететность (три-четыре ребенка в семье). Брак заключается по личному выбору, с учетом согласия родителей. Развод как социальный акт во всех слоях общества допустим только по объективным причинам. Для семейных структур в целом характерна частичная нуклеаризация семей.

Третий этап исторической трансформации института семьи характеризуется частичным преобладанием индивидуализма над фамилизмом. Распространенной социальной конвенциональной нормой становится малодетность. Брак заключается сугубо по личному выбору. Развод осуществляется по субъективным, но проверяемым обществом причинам, которые необходимо установить (раздельное проживание супругов и ведение домохозяйства, девиация одного из супругов, тяжелая неизлечимая болезнь и т. д.). Причины развода все же находятся под пристальным социальным контролем общества.

На четвертом этапе трансформация института семьи достигает своей вершины по всем параметрам развития функционирования базового социального института. В системе ценностей наблюдается полное преоб-

ладание индивидуализма. Ценности фа­ми­ли­зма уходят в прошлое и перестают быть конвенциональными нормами. Значимость и автономность личности определяют все ее выборы и социальные действия в институте семьи. У семейных пар нет самой потребности в детях. Альтернативой семьи и брака становится отказ от брака, однополые союзы и добровольное одиночество. Происходит разделение всех видов семейного поведения. Сексуальное поведение уже не связано с брачным, репродуктивным и родительским поведением [3].

Средний возраст мужчин и женщин при регистрации брака продолжает неуклонно увеличиваться. Например, показатели брачности для возрастной группы 25–34 года в 2005 г. составили 40 % от всех возрастных групп, заключивших брак, в 2009 г. – 45 %, а в 2014 г. – 52 %. Для лиц 35 лет и старше эти показатели составляли в 2005 г. – 21 %, в 2009 г. – 23 %, в 2014 г. – 26 % [4].

Развод уже не воспринимается как социальное крушение и происходит по немотивированному требованию одного из супругов как законное право отдельной личности. В системе семейных структур преобладает полная функциональная нуклеаризация, с прекращением единой общесемейной деятельности. Появляются новые типы семейных структур, например, осколочные семейные структуры. Институт семьи трансформировался настолько сильно, что люди рассматривают брак в перспективе потенциального развода. Все «пробные», «временные», «гражданские», «студенческие», «гостевые» и подобные им формы брака, на самом деле отражают боязнь человека как себя самого, так и друг друга. Сексуальная революция раскрепостила и биологическую потенцию женщины, «способствовала эротической открытости, раскованности, однако оказалась не в состоянии разрешить экзистенциальную проблему любви – сферы, где наиболее разительно высвечивается гендерное своеобразие. Женщина остаётся для мужчины «Другой» – угрозой, воплощением крайней опасности» [5, с. 77].

Характерной чертой разводов в период перехода к началу вторичной информационной стадии модернизации в России является преобладание субъективных причин над объективными. Объективные причины содержатся в социокультурных нормах общества. Субъективные причины связаны с индивидуальной неудовлетворённостью брач-

ными отношениями и эмоциональными аспектами брака.

Данные Росстата показывают, что процесс нарастания числа разводов в России наблюдался до 1985 г., когда уровень разводимости достиг 4 %. В последующие шесть лет число разводов практически было стабильным, а с 1990 г. вновь происходит увеличение, и в 2000–2001 гг. темп роста зарегистрированных разводов вырос на 21 % по сравнению с 1990 г. Такой всплеск может быть связан с приходом в повседневную жизнь западных ценностей, которые перенимает молодежь.

По данным Росстата, в период 2003–2012 гг. маятник числа разводов раскачивало то в одном, то в противоположном направлении: в 2002 г. было зарегистрировано 853 647 разводов, темп роста разводов составил 52 %. В 2003–2009 гг. темп роста разводов начал снижаться. В 2013 г. темп роста числа разводов вновь пошел вверх – 19 %, и составил 667 971. В 2014 г. темп роста числа разводов значительно не изменился по сравнению с предыдущим годом, но количество разводов увеличилось [4]. Например, в Ульяновской области темп роста числа разводов, так же как и по России в целом, в 2000 г. вырос на 42 %, по сравнению с 1990 г., и показатели разводов в целом отражают общероссийские тенденции. Колебания в числе разводов можно объяснить экономической ситуацией в стране, дефолтом, новой политикой государства в области рождаемости, это система социальных пособий на детей, оплачиваемых отпусков по беременности и родам, «материнский» (семейный) капитал, налоговые льготы, льготные ипотечные кредиты, поддержка многодетных и др. По данным комитета записи актов гражданского состояния (ЗАГС) Ульяновска, рост количества разводов в период с 2003 г. по 2012 г. носил незначительный, но устойчивый характер. В 2002 г. темп роста разводов составил 99 %, это наивысший показатель за последние 25 лет. С 2004 г. темп роста разводов стал падать [6].

Все наблюдаемые процессы требуют проведения регулярной оценки и постоянного воздействия со стороны соответствующих государственных органов. Так, в Ульяновской области проводится оценка регулирующего воздействия закона Ульяновской области «О некоторых мерах по улучшения демографической ситуации в Ульяновской области», которая должна позволить выявить

меры по снижению количества разводов в регионе, стимулированию и поддержке молодых семей.

Статистика о разводах по России по возрастным категориям разводящихся в период с 1990 по 2014 г. остается неизменной. Браки, заключенные в возрастной период от 25 до 30 лет долговечнее браков, оформленных супругами в возрасте до 25 лет. Возраст, на который выпадает большинство разводов – это период от 18 до 23 лет. Распадаются в основном молодые семьи, просуществовавшие меньше 1–2 лет.

Судить о тенденциях разводимости на основании существующей официальной статистики крайне сложно. В 1997–2010 гг. статистическими органами не разрабатывались данные о детальном возрасте разводящихся супругов, о разводах по продолжительности брака, о разводах по очередности брака, о разводах по числу совместных детей. Число зарегистрированных браков опустилось до минимального значения – 849 тыс. – в 1998 г., а впоследствии стало расти, поднявшись до 1316 тыс. в 2011 г. Отклонения от тенденции роста отмечались только в 2004 и 2008 г. В целом за период 1998–2011 гг. число заключенных браков увеличилось на 55 %. Однако в 2012 г. было зарегистрировано на 102 тыс. браков меньше, чем за 2011 г. (или на 7,8 %). В 2013 г. число зарегистрированных браков вновь немного увеличилось – на 11,9 тыс., или на 1 % по сравнению с 2012 г. (1225,5 тыс. против 1213,6 тыс. соответственно) [7].

Рост числа заключаемых и расторгаемых браков, как и числа рождений, в определенной степени связан с соответствующим движением «демографической волны», поскольку брачного и репродуктивного возраста в 2000-е гг. достигали сравнительно многочисленные поколения родившихся в 1980-х гг. Вместе с тем увеличилась доля пар, не регистрирующих брак, и доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака. В 1970-е гг. и в первой половине 1980-х гг. доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака, составляла около 11 %. С середины 1980-х гг. она неуклонно росла, поднявшись в 2005 г. до 30 %. Затем тенденция роста сменилась довольно быстрым снижением – до 23 % в 2013 г. [4].

Демографы объясняют такую печальную статистику тем, что в нынешнее время наступил брачный возраст юношей и девушек, рожденных в начале 1990-х гг., когда отмечалась очень низкая рождаемость и многие се-

мьи в те времена считались крайне неблагополучными. Тем не менее это не единственная причина того, что многие супружеские пары в России разводятся. Анализ статистических данных по числу зарегистрированных браков и разводов показывает, что абсолютное большинство разводов приходится на возраст от 18 до 30 лет. Резкий подъем начинается в возрасте 25 лет. Последнее пятилетие в России отмечено выравниванием соотношения количества браков и количества разводов.

Отечественные исследователи выделяют ряд этапов в процессе развода [8].

Начальным этапом процесса развода является «критический момент», или ситуация осознания супругом (супругами) невозможности продолжения действий в прежнем режиме и осуществления избирательного анализа прошлого, служащего подтверждением несправедливости существующего порядка.

В ходе следующего этапа супругом, испытывающим недовольство, исполняются «жесты протеста» (действия, нарушающие повседневный ход событий). В историях семей «жестом протеста» часто является уход из дома одного из супругов, однако это осуществляется не с целью прекратить брачные отношения, а для того чтобы призвать второго супруга к обсуждению проблем.

Этап «домашних сцен» протекает в виде обмена критикой и оправданиями противоборствующих сторон: супругами проводится критическая работа посредством обращения к операциям аккумуляции и подсчета, квалификация событий прошлого проводится в рамках определенных режимов справедливости, при этом на данном этапе частыми являются апелляции к эгалитарным семейным ценностям.

Данный этап может смениться компромиссом, представляющим собой приостановку споров, но не разрешение конфликта. Однако нахождение в состоянии компромисса не может быть длительным, вновь сменяясь «сценами».

«Домашние сцены» являются единственным этапом, на котором возможно избежание развода и установление мирного режима координации, так как супруги осознают необходимость изменений и желают продолжать брачные отношения. Подобная ситуация часто приводит к решению о рождении ребенка, являясь подобным компромиссом. Появление ребенка увеличивает продолжительность брака, однако не является установлением нового брачного порядка взаи-

модействия, оставаясь временным режимом. Такой компромисс вновь сменяется периодом «сцен», который, в свою очередь, оканчивается принятием решения о расторжении брака, и запускается следующий этап.

На этапе «правового процесса», связанного с подготовкой формального расторжения брака, устанавливается новый порядок, организующий в том числе дальнейшее взаимодействие супругов друг с другом и совместными детьми (при их наличии). Важно отметить, что в ситуации публичного оправдания решения о разводе, супруги чаще апеллируют к традиционным семейным ценностям, в то время как в ходе «домашних сцен» они практически не упоминаются. Мирному разрешению конфликтов будет способствовать своевременное обращение за консультацией к специалистам центров помощи «Семья». Однако требуется разработка специальных программ, направленных на сохранение супружеских отношений, так как в настоящее время работа центров сфокусирована на помощи родителям в проблемах с детьми или юридической помощи супругам в состоянии развода, супружеская пара и ее взаимоотношения объектом внимания специализированных служб не является.

В связи с этим важным является вопрос о выборе брачного партнера. Брачный выбор – это выбор брачного партнера в рамках определенного брачного круга. На брачный выбор влияют социальные, экономические, культурные, психологические и антропологические критерии, при этом значение каждого из них изменяется во времени [9].

Мотивация выбора брачного партнера определяется возрастными особенностями, традиционными ценностными представлениями о структуре семьи, индивидуальными ценностями (сложившимися в социальном окружении) и личностными установками на брак, а также особенностями идентификации-обособления личности по отношению к выбору брачного партнера. Немаловажную роль в брачном выборе играют социальное и экономическое положение индивида.

При изучении данной проблемы важно рассмотреть причины брачного выбора людей. Одним из первых стал размышлять над причинами вступления в брак основатель классического психоанализа З. Фрейд. Его психоаналитическая теория опирается на предположение о влечении, которое дети испытывают к родителям противоположного пола. Благодаря сложному бессознательному

процессу они могут переносить любовь, испытываемую ими к этому родителю, на другие, общественно одобряемые объекты – на своих потенциальных супругов. Вероятно, поэтому многие юноши хотели бы встретить будущую спутницу жизни, похожую на их мать, и очень часто девушки, обращают внимание на юношей, похожих на их отцов.

Объяснить механизм брачного выбора пытались многие ученые, это привело к созданию ряда концепций. Максимальное распространение и популярность в зарубежной социальной психологии получили теории комплементарных потребностей Р. Уинча, теория «стимул-ценность-роль» Б. Мурстейна, «круговая теория любви» А. Рейса, теории Р. Кумбса, модель «фильтров» Дж. Удри, А. Керкгоффа и К. Дэвиса, теория Дж. Хоманса, инструментальная теория Р. Сентера.

Теория комплементарных потребностей Р. Уинча основывается на принципе, указывающем, что противоположности притягиваются. Автор считает, что в выборе супруга каждый ищет того, от которого получит наибольшее удовлетворение потребностей. Удовлетворение, вознаграждение и удовольствие рассматриваются как силы, способствующие сближению будущих супругов.

Теория «стимул-ценность-роль», или «обмен и максимальная выгода» Б. Мурстейна получила, пожалуй, наибольшее распространение среди исследователей. Она базируется на двух важнейших положениях:

1) на каждой ступени развития взаимоотношений партнеров прочность отношений зависит от так называемого равенства обмена. Если активы, или стимулы вступления в брак, превышают пассивы, то принимается решение о заключении супружеского союза;

2) брачный выбор включает в себя серию последовательных стадий, через которые должны пройти молодые люди. Тот, кто не соответствует условиям каждой стадии, выбывает из «игры».

«Круговая теория любви» А. Рейса объясняет механизм выбора брачного партнера через реализацию четырех последовательных, взаимосвязанных процессов:

1. Установление взаимосвязи. Имеется в виду легкость общения двух людей, иными словами, насколько комфортно они чувствуют себя в обществе друг друга.

2. Самораскрытие. Ощущение взаимосвязи с другим человеком рождает чувство расслабления, доверия и облегчает раскрытие себя перед другим.

3. Формирование взаимной зависимости. Постепенно у мужчины и женщины возникает и развивается система взаимосвязанных привычек, появляется чувство необходимости друг другу.

4. Реализация основных потребностей личности, какими, по мнению А. Рейса, являются потребности в любви, доверии, стимуляции кем-либо ее амбиций и др.

Развитие чувства любви идет в направлении от первого процесса к четвертому.

Согласно теории Р. Кумбса, определяющим фактором выбора брачного партнера является сходство ценностей партнеров, которое обеспечивает эмоциональную безопасность каждого из них. Взаимодействие партнеров, разделяющих общие ценности, ведет к межличностной аттракции между ними, так как является подкрепляющим фактором. Результатом такого взаимодействия часто бывает валидизация «Я» человека, которая, в свою очередь, обеспечивает ему эмоциональное удовлетворение.

Интересной представляется модель «фильтров» Дж. Удри, А. Керкгоффа и К. Дэвиса, в рамках которой выбор брачного партнера выступает как процесс последовательного «отсева» кандидатов через иерархическую систему фильтров все более и более пристрастного, т. е. задающего все более и более жесткие рамки, критерии отбора.

По Дж. Удри, фильтрами являются возможность систематических и регулярных контактов с партнером, отбор претендентов по внешней привлекательности, сходство социального базиса, сходство установок и ценностей в отношении семьи и брака, семейных ролей и т. д., установление способности каждого из партнеров отвечать своим поведением, деятельностью и соучастием потребностям другого, социальной готовности к заключению брака. Однако успешное преодоление всех указанных выше фильтров еще не означает, по Дж. Удри, окончательного принятия решения о вступлении в брак.

В инструментальной теории подбора супругов Р. Сентерса говорится об удовлетворении потребностей, но при этом утверждается, что одни потребности более важны, чем другие. Также Р. Сентерс рассматривал брачное поведение, как разновидность экономического поведения, при котором люди стремятся к максимизации прибыли при минимизации издержек.

Согласно теории обмена Дж. Хоманса, в основе брачного выбора лежит процесс

оценивания качеств (личностных и социальных) возможного партнёра и определения того, кто из возможных партнёров может принести «большой выигрыш при меньших затратах» [10]. Характеристики индивида при этом рассматриваются как некое благо, «выставленное на продажу» и потому приобретающее на «брачном рынке» вполне определённую рыночную цену. Общие или совпадающие ценности облегчают взаимодействие с потенциальным партнёром и могут служить фактором принятия решения о брачном выборе. Ценности, сильно отличающиеся друг от друга, могут порой стать непреодолимым препятствием для брачного выбора.

Резюмируя, следует отметить, что рассмотренные выше теории брачного выбора являются продуктивными теоретическими подходами. При этом в современном переходном обществе растёт популярность принципа «равных отношений» при выборе брачного партнера, а главным показателем изменения мотивационной базы при создании семьи является сближение гендерных ролей мужчин и женщин, т. е. размывание прежних границ выбора брачных стратегий в гендерном аспекте.

Выводы. Таким образом, к началу XXI в. семья прошла несколько ступеней развития: патриархальная или традиционная, детоцентристская или современная, супружеская или постсовременная, а также неполная и внебрачная. В настоящее время происходит трансформация современных представлений мужчин и женщин относительно института семьи, которая сопровождается изменением духовных основ и духовного потенциала современной семьи. Среди немаловажных факторов, влияющих на семью и её стабильность можно выделить следующие: вестернизация системы ценностей (распространение западных ценностей по всему миру); трансформация экономического уклада; свобода нравов; проявления индивидуализма; гендерная асимметрия (т. е. непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов в различных сферах жизни); перераспределение социальных ролей между женщиной и мужчиной и т. п.

Распад триединства брачного, сексуального и репродуктивного поведения разрушает регуляционный механизм рождаемости и семейной стабильности, ведя к допустимости добрачных отношений, контрацепции и абортов, разводов, внебрачного материнства

и т. п. Ослабление роли семьи как посредника во взаимодействии личности и общества усиливает внесемейные ценностные ориентации членов семьи на личные достижения, ведет к перевесу их над ценностью семейного образа жизни и ценностью детей [11].

Полагаем, что мероприятия, направленные на укрепление института семьи должны носить комплексный характер. Для достижения эффективного результата семейная политика должна реализовываться в области информационной политики и СМИ; в области улучшения социально-экономических условий и повышения уровня жизни, в области организации социальной и психологической помощи семье, через консультации у специалистов центров помощи «Семья». Кроме того, необходима согласованная работа дошкольных учреждений и предприятий, предусматривающая содействие семьям в организации трудовой деятельности с учетом семейного положения и ухода за ребенком. При этом главным должна быть направленность на повышение престижа семьи и семейного образа жизни.

1. Семья: книга для чтения / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – М., 1990. – Кн. 2. – 270 с.

2. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Исследования социальной политики. – 2003. – № 3/4. – Т. 1. – С. 299–321.

3. *Шахова И. А.* Трансформация ценностей института семьи в современной России. – URL : [http://www.amursu.ru/attach-](http://www.amursu.ru/attach-ments/article/11560/19.pdf)

[ments/article/11560/19.pdf](http://www.amursu.ru/attach-ments/article/11560/19.pdf) (дата обращения: 25.11.2014).

4. Росстат. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.../demography/ (дата обращения: 25.11.2014).

5. *Голод С. И.* Современная семья: макизм, феминизм, трибадизм // Человек. – 2006. – № 6. – С. 69–81.

6. Ульяновская область в цифрах 2015. Краткий стат. сб. (по каталогу № 01-03). – URL : http://www.uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ (дата обращения: 25.11.2014).

7. Статистика разводов в России распад семьи. – URL : <http://www.razvodimsy.ru/statistika-razvodov-v-rossii> (дата обращения: 25.11.2014).

8. *Лактюхина Е. Г.* Развод в молодых семьях в условиях трансформации ценностей современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Волгоград, 2013. – 28 с.

9. *Чистякова Т. С.* Брачный выбор как основа благополучия молодой семьи // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – С. 1–2.

10. *Немов Р. С.* Психология : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. – 4-е изд. – М. : Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.

11. *Кузьменко Т. В.* Прогноз семейно-демографической ситуации в России // Вестник Московского университета. Сер. 18. «Социология и политология». – 2008. – № 2. – С. 133–145.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

SOCIAL WELL-BEING OF STUDENT'S YOUTH IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

А.С. Коломенская
A.S. Kolomenskaya

Новосибирский государственный технический университет
Novosibirsk State Technical University

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

В статье представлены результаты исследования социального самочувствия студенческой молодежи Новосибирска. Объем изучаемой совокупности составил 500 человек; опрошены учащиеся восьми вузов города. В основу исследования положена методика вычисления индекса социального самочувствия населения (Исс), являющаяся частью типового инструментария «Социокультурный портрет региона России». Расчет индекса произведен на основе коэффициентов, соответствующих трем основным компонентам социального самочувствия: защищенность от различных опасностей (Кз), удовлетворенность жизнью в целом (Ку), уровень социального оптимизма (Ко). По результатам вычисления индекса выделены три группы респондентов: с низким, средним и высоким уровнем социального самочувствия. Представлены сравнительные характеристики указанных групп респондентов, с учетом уровней социальной и инновационной активности их представителей. В частности, проанализировано то, каким образом представители каждой группы реализуют себя в новаторской деятельности, с какими препятствиями они сталкиваются при этом и какие лица и организации оказывают им содействие и поддержку. Установлены также формы проявления социальной активности, свойственные представителям каждой группы, их готовность к активной защите собственных прав и свобод. Выявлены карьерные ожидания респондентов, обладающих разным уровнем социального самочувствия, их представления о том, что может являться определяющим фактором реализации их жизненных стратегий. Дополнительно осуществлен сравнительный анализ степени поддержки респондентами ряда базовых ценностей. По результатам исследования удалось установить наличие взаимозависимости между социальным самочувствием молодых людей и интенсивностью осуществляемой ими социальной и инновационной деятельности.

In the article presented the results of social well-being of Novosibirsk student's youth. The size of target population was 500 people that are the students of 8 universities in Novosibirsk. The methodology of calculation of social well-being of population (ISWP) underlie the research that is a part of type tools of "Sociocultural portrait of Russian's region". The calculation of index was made on the basis of coefficients that conform to three main components of social well-being: security from different threats, satisfaction with life in general, the level of social optimism. On results of calculation of index there were distinguished the three groups of respondents: that have low, intermediate and high level of social well-being. The comparative characteristics of these groups of respondents taking into account the levels of social and innovation activity of these residents are presented. In particular there was held an analysis of that how representatives of each group realize themselves in innovative activity, encounter which obstacles and which persons and organizations help them. The forms of interactions of manifestation of social activity, appropriate for representatives of each group and their willingness to active protection of their own rights and freedoms are established. Career aspirations of respondents that carry with different level of social well-being and their representations about what can be the main factor in realization of their life's strategies are discovered. Comparative analysis of support's degree by respondents of a number of basic is made in addition. As a result there was established the occurrence of interdependency between individual's well-being and intension of realized by him social and innovation activity.

Ключевые слова: социальное самочувствие, модернизация общества, инновационная активность, базовые ценности.

Key words: social well-being, modernization of society, innovation activity, basic values.

Введение. Обращаясь к вопросу модернизационного развития современного российского общества, следует подвергнуть тщательному рассмотрению не только поэтапную технологию реализации данного процесса, но и ресурсную составляющую каждого этапа модернизации, в том числе в раз-

резе регионов страны. В контексте рассмотрения модели модернизации западного образца О.Н. Яницкий обосновывает необходимость «выращивания» дефицитных для нашей страны ресурсов: человеческих, мотивационных, организационных, институциональных [1]. При этом каждый из указанных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант РГНФ №12-03-00616) «Социокультурные особенности Новосибирской области». Руководитель проекта – заведующий кафедрой социологии Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) доктор философских наук, профессор В.И. Игнатев.

типов ресурсов имеет сложное содержательное наполнение и может рассматриваться в разрезе отдельных составляющих. Например, в первом случае к таковым могут быть отнесены личностные, психологические, социальные, ценностные, экономические, властные, биологические и прочие виды ресурсов человека. Однако если мы рассматриваем модернизацию как «комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач, которые в полный рост стоят перед государством и обществом в контексте внутренних, мегарегиональных и глобальных угроз и рисков» [2], то очевидна необходимость учета всех перечисленных ресурсных составляющих.

Следует отметить, что одним из важнейших мотивационных факторов поведения человека, а следовательно, и способа реализации им имеющихся у него ресурсного потенциала, является социальное самочувствие. Данный феномен отражает основные тенденции мироощущения личности, являясь комплексным и достаточно динамичным показателем последнего. Особое внимание следует уделять социальному самочувствию молодежи, так как, с одной стороны, именно представители данной социальной группы, в силу своих возрастных, социально-демографических, психологических особенностей, оказываются наиболее восприимчивыми к любым переменам, происходящим в обществе. С другой стороны, молодые люди, и в частности студенческая молодежь, могут рассматриваться как носители модернизационного потенциала.

Цель статьи – анализ социального самочувствия студенческой молодежи в условиях модернизации российского общества. В рамках достижения указанной цели предполагается решение следующих задач:

– выявить существенные характеристики понятия «социальное самочувствие» и установить особенности его изучения в контексте модернизации общества;

– на основании имеющихся эмпирических данных рассчитать индекс социального самочувствия студенческой молодежи Новосибирска, а также проанализировать и сопоставить величины отдельных коэффициентов его составляющих;

– выделить группы респондентов с различными значениями индекса социального самочувствия и оценить уровни социальной и инновационной активности представителей каждой из них.

Данная статья основана на материалах анкетного опроса, проведенного в Новосибирске в октябре-ноябре 2013 г. Объектом исследования выступила студенческая молодежь восьми вузов города. Объем выборочной совокупности составил 500 человек, из них 48 % мужчин и 52 % женщин.

Материалы данного исследования могут быть использованы в рамках разработки стратегических направлений государственной молодежной политики в контексте перехода российского общества к начальной фазе информационной модернизации.

Обзор литературы. Несмотря на наличие большого числа теоретических и прикладных работ в области изучения социального самочувствия населения, по-прежнему актуальной остается проблема уточнения его существенных характеристик и основных критериев оценивания в системе социально-гуманитарного знания. В отечественной социологии термин «социальное самочувствие» получил распространение в середине 1980-х гг. Предпосылкой изучения данного феномена являются результаты психологических и социально-психологических исследований, в рамках которых подвергались изучению прежде всего эмоциональные аспекты отношения респондента к событиям, происходящим в его жизни (труды В.М. Бехтерева, П.П. Викторова, Л.Н. Войтоловского, Б.Д. Парыгина и др.). Последующие научные работы, посвященные проблемам изучения социального самочувствия (труды О.Л. Барской, И.Т. Левыкина, О.В. Луневой и др.), также предполагали фиксацию в первую очередь эмоций, чувств и настроения индивидов, отодвигая на второй план когнитивно-мотивационную и рефлексивную компоненты элементов социального самочувствия.

Следующий этап накопления знаний о социальном самочувствии ознаменовался большим количеством эмпирических исследований, имеющих в своей основе сложный методологический аппарат. Все более очевидным становился комплексный характер социального самочувствия, требующий рассмотрение данной категории как интегральной величины (труды Л.Я. Рубиной, Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко, Е.И. Головаха, Н.В. Паниной, А.П. Горбачик и др.). Так, Л.Е. Петрова актуализирует восприятие социального самочувствия как интегральной характеристики реализации жизненной стратегии личности, ее отношения к окружающей действительности, субъективных ее сторон [3]. Од-

нако в рамках данной работы целесообразно воспользоваться более конкретизированным определением данного понятия, предложенным этим же автором: «социальное самочувствие выступает как синдром сознания, отражающий отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний (в основном определяемый содержательными характеристиками жизненной стратегии) и степенью удовлетворения смысловых потребностей (удовлетворенность реализованностью жизненной стратегии)» [3].

Не теряет актуальности проблема изучения субъективных и объективных факторов, обуславливающих социальное самочувствие населения [4; 5]. Последние на современном этапе развития российского общества приобретают все более сложную структуру. На первый план выходят модернизационные процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности людей и в значительной мере определяющие особенности и направленность социальных изменений [6; 7].

При этом возможным и реальным «носителем» модернизационного потенциала является прежде всего молодежь, в силу наличия у данной социальной группы специфических типов ресурсов (молодость, гибкость восприятия и мышления, мобильность, открытость новому опыту, восприимчивость к новым формам организации труда, способность работать с большим количеством разноплановой информации, предрасположенность к новаторской деятельности и пр.) [8; 9]. Однако то, каким образом молодые люди распоряжаются имеющимися ресурсами, детерминируется сложившейся у них системой ценностей, которая определяет жизненные цели индивидов, способы и средства их достижения и лежит в основе выработки линии поведения в тех или иных жизненных обстоятельствах. Значение также имеет то, каким образом молодой человек оценивает свое экономическое и социальное положение, имеет ли он потребность или опыт реализации новаторской деятельности, с какими социальными группами себя соотносит и какие перспективы самореализации для себя видит.

Гипотезы и методы исследования. Таким образом, основной гипотезой данного исследования будет предположение о наличии взаимозависимости между социальным самочувствием молодых людей и интенсивностью осуществляемой ими социальной и инновационной деятельности.

С целью выявления социального самочувствия студенческой молодежи было осу-

ществлено вычисление соответствующего индекса. Его содержание ограничено возможностями методики проекта «Социокультурный портрет региона России», разработанного Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой. Согласно данной методике индекс социального самочувствия (Исс) является средней от суммы коэффициентов, соответствующих трем компонентам самочувствия: защищенность от опасностей (Кз), удовлетворенность жизнью (Ку), уровень социального оптимизма (Ко). Формулы расчета коэффициентов и итогового индекса социального самочувствия представлены в [10]. Отметим, что состояние социального самочувствия населения, являющееся *достаточным* для устойчивости общества, характеризуется значением Исс от 0,5 и выше, *недостаточным* – 0,5 и ниже.

Результаты исследования. Обратимся к вопросу о том, в какой степени студенческая молодежь Новосибирска чувствует себя защищенной от различных опасностей. Как видно из таблицы 1 молодые люди чувствуют себя наименее защищенными (варианты ответов «Пожалуй, не защищен» и «Совершенно не защищен») от произвола чиновников (так ответили 56 % респондентов), преступности (53 %), бедности (49 %) и произвола правоохранительных органов (45 %). Интересен тот факт, что молодежь неоднозначно оценивает степень своей защищенности от такой специфической социальной проблемы, как одиночество и заброшенность. Примерно равные доли респондентов отметили как достаточную высокую степень защищенности от данной проблемы, так и варианты с низкой оценкой (35 и 37 % респондентов соответственно).

Затруднения с оценкой степени своей защищенности (превалирование варианта ответа «Трудно сказать») молодежь испытывает в отношении таких опасностей, как «экологическая угроза» (40 %) и «преследования за политические убеждения» (39 %).

Наиболее защищенными молодые люди чувствуют себя от притеснений из-за религиозных убеждений (73 %), ущемлений из-за национальной или половозрастной принадлежности (68 и 58 % соответственно).

Напряженное положение в отношениях молодежи с властью также проявляется в вопросах доверия к органам государственной власти различных уровней. Так, порядка 35–37 % респондентов не очень доверяют либо совсем не доверяют губернатору, правитель-

ству региона, думе региона и муниципальным и местным органам управления; затрудняются в оценках в среднем 40 % опрошенных, в то время как полное или частичное доверие выражают лишь 20–23 % респондентов. В случае оценки доверия правоохранительным

органам около 45 % опрошенных выразили низкое и крайне низкое доверие по отношению к полиции; 30 % респондентов выразили аналогичное отношение к деятельности прокуратуры; недоверие суду высказали лишь 22 % опрошенных.

Таблица 1

Студенческая молодежь Новосибирска о своей защищенности от различных опасностей (в % от числа опрошенных)

<i>Опасность</i>	<i>Защищен</i>	<i>Пожалуй, защищен</i>	<i>Трудно сказать</i>	<i>Пожалуй, не защищен</i>	<i>Совсем не защищен</i>
Произвол чиновников	2	11	31	35	21
Преступность	4	14	29	28	25
Бедность	5	18	28	29	20
Произвол правоохранительных органов	3	19	33	28	17
Экологическая угроза	6	23	40	20	11
Одиночество и заброшенность	15	20	28	21	16
Преследования за политические убеждения	17	18	39	14	12
Притеснения из-за пола или возраста	23	35	29	9	4
Ущемления из-за национальности	37	31	17	11	4
Притеснения из-за религиозных убеждений	41	32	15	7	5

Вместе с тем готовность принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, нарушения прав и свобод человека (варианты ответов «Готов» и «Пожалуй, готов») высказали 43 % опрошенных. При этом в отношении большинства из рассмотренных нами ранее угроз и опасностей можно констатировать увеличение доли лиц, готовых к активным протестным действиям, пропорционально нарастанию ощущения собственной незащищенности.

Второй важной составляющей социального самочувствия является удовлетворенность населением своей жизнью. Так, полностью удовлетворены жизнью 22 % опрошенных молодых людей; более половины респондентов (54 %) отметили вариант «скорее

удовлетворен»; затруднение в оценке вызвал данный вопрос у 12 % опрошенных; не очень удовлетворены и совсем не удовлетворены своей жизнью 12 % респондентов.

Важно отметить наличие определенной взаимосвязи между показателями удовлетворенности жизнью в целом и уверенностью в будущем. Как видно из таблицы 2 наиболее удовлетворенные своей жизнью респонденты достаточно высоко оценивают свои возможности и перспективы и проявляют уверенность в своем будущем.

В целом по данному показателю молодежь выказывает достаточно оптимистичный настрой. Так, доля вполне уверенных и скорее уверенных в своем будущем респондентов составляет 60 % опрошенных.

Таблица 2

Распределение оценок уверенности респондентов в своем будущем в зависимости от их удовлетворенности своей жизнью в целом (% от числа опрошенных)

<i>Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?</i>	<i>Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?</i>		
	<i>Вполне уверен(а); скорее уверен(а), чем нет</i>	<i>Не могу сказать точно</i>	<i>Скорее не уверен(а), чем уверен(а); совершенно не уверен(а)</i>
Полностью удовлетворен(а); скорее удовлетворен(а)	70	24	6
Затрудняюсь сказать точно	41	46	13
Не очень удовлетворен(а); совсем не удовлетворен(а)	18	45	38
Итого:	60	29	11

Стоит также отметить, что ощущение уверенности в будущем свойственно лицам, имеющим достаточно хорошее материальное положение, в то время как взаимосвязи данного показателя с полом респондента не было зафиксировано.

Также молодым людям был задан ряд вопросов об уже произошедших или предстоящих переменах в их жизни. Так, на вопрос об улучшении (ухудшении) жизни респондента и его семьи по сравнению с прошлым годом 37 % опрошенных ответили, что стали жить несколько или намного лучше; отрицательную тенденцию отметили 15 % респондентов, в то время как 43 % ответов пришлись на вариант «ничего не изменилось». Около 5 % респондентов затруднились дать какую-либо оценку.

Прогнозные представления молодых людей о своей жизни и жизни своей семьи носят ярко выраженный позитивный характер. Считали, что в ближайшее время (до 1 года) будут жить несколько или значительно лучше 48 % опрошенных. Не ожидали особых изменений в жизни 22 % респондентов. Отрицательный прогноз был дан лишь 5 % опрошенных. Важно отметить, что данный вопрос, по сравнению с предыдущим, вызвал значительные затруднения: вариант «Не знаю» отметили 25 % респондентов.

Обращаясь непосредственно к коэффициентам, составляющим индекс социального самочувствия, отметим, что наилучшую позицию продемонстрировал ответ на вопрос об удовлетворенности жизнью в целом ($K_y = 0,77$). Также молодые люди придерживаются оптимистического взгляда на собственное будущее и будущее своей семьи ($K_o = 0,72$). В то время как защищенность они чувствуют от относительно небольшого числа угроз и опасностей ($K_z = 0,61$). Само значение индекса социального самочувствия составило 0,70, что свидетельствует о достаточной социальной устойчивости рассматриваемой нами социально-демографической группы.

В процессе работы с эмпирическими данными было также осуществлено разбиение всей совокупности респондентов по величине индекса социального самочувствия на 3 группы: для первой группы Исс составил 0,62 балла и ниже, для второй – 0,63–0,77 баллов, для третьей группы – 0,78 балла и выше. Процентное распределение респондентов по указанным группам выглядит следующим образом: к первой группе отно-

сятся 20 % опрошенных респондентов, ко второй – 53 %, к третьей – 27 %. Далее представим сравнительные характеристики указанных групп респондентов, принимая во внимание главным образом уровни социальной и инновационной активности их представителей.

Так, представители первой из указанных групп не являлись организаторами и не участвовали в создании новых фирм или новых продуктов. Вместе с тем по 5 % из них приняли участие в разработке новых технологий и услуг. Участвовали в создании как новых фирм, так и новых продуктов около 7 % респондентов второй группы; почти 10 % из них также явились организаторами или приняли участие в создании новых технологий; 15 % – явились организаторами новых услуг или участвовали в организации таковых. В среднем 13 % респондентов третьей группы участвовали в создании новой фирмы и нового продукта; приняли участие в разработке новых технологий лишь 9 % из них; в создании и разработке новых услуг – 16 % представителей группы.

Важно отметить, что в процессе организации новых фирм молодые люди, как правило, не встречали поддержки или противодействия с чьей-либо стороны (36 %), либо принимали помощь друзей (24 % от числа ответивших). Процесс создания или участия в создании нового продукта также проходил при активной поддержке со стороны друзей (в случаях 34 % респондентов), а 22 % респондентов отметили повышенную активность конкурентов. В процессе создания и продвижения новой технологии или услуги около половины респондентов заручались дружеской поддержкой, примерно четверть из них не встречали какой-либо поддержки или противодействия и около 15 % респондентов получали поддержку со стороны администрации. Следует также отметить, что в среднем 10 % новаторов сталкивались с определенным рода противодействием со стороны чиновников.

В среднем не более 5 % представителей каждой из указанных групп оказались членами профсоюзов; членство в других общественных организациях оформлено у 10 % представителей первой и второй группы и 6 % представителей третьей группы. В большинстве случаев респонденты сходятся во мнении, что жители региона не участвуют в общественных организациях и формах местного самоуправления главным образом по-

тому, что не видят пользы для себя от такого участия: так считают 65–67 % представителей первых двух групп и 80 % представителей третьей группы. Возможные опасения со стороны населения быть вовлеченными в неприглядные дела подчеркивают 33 % представителей первой группы, в то время как респонденты, принадлежащие второй группе, также акцентируют внимание на низкой информированности населения о том, как это можно сделать (15 % ответивших).

Интересен тот факт, что при достаточно высокой социальной и предпринимательской активности свыше половины представителей третьей группы в целом не готовы принять участие в каких-либо акциях протеста. Возможно, это свидетельствует о том, что высокий уровень социального самочувствия не является гарантом протестной активности личности в случае, когда не затрагиваются ее индивидуальные интересы и интересы малых групп, в которые она является включенной. В отношении первых двух групп были получены противоположные результаты: в среднем 55 % представителей каждой из них в целом готовы отстаивать нарушенные права и свободы и выступать против снижения уровня и качества жизни.

Абсолютное большинство представителей всех трех групп (от 70 до 90 %) являются студентами или учащимися. Подрабатывают в сферах торговли, быта или услуг около 10 % представителей второй группы. Среди представителей третьей группы встречаются работники финансовой сферы (8 %), а также бюджетных организаций (7 %). В числе приоритетных мест работы представители всех трех групп называют предприятия, находящиеся в личной собственности, или государственные и муниципальные предприятия. При этом иметь собственное дело и «вести его на свой страх и риск» готовы лишь некоторые представители второй и третьей групп (24 и 33 % ответивших соответственно), в то время как среди представителей первой группы выразили такое желание лишь 12 % ответивших. Однако в большинстве своем молодые люди ориентированы на наличие небольшого, но твердого заработка и уверенности в завтрашнем дне (в среднем около 40 % представителей каждой группы).

По мнению молодых людей, улучшение их жизни главным образом зависит от них самих: данный вариант выбрали 70 % представителей первой группы, 80 % – второй и 90 % – третьей. Определенную зависимость

от близких родственников и друзей ощущают, в основном, представители второй и третьей группы; для них же характерно ощущение достаточно высокой степени зависимости от властей различных уровней.

Независимо от рассматриваемой группы респондентов наибольшую поддержку среди молодежи получили современные (их также называют модернистскими, либеральными) и общечеловеческие ценности. Так, ключевой ценностью по общему уровню поддержки респондентов явилась «жизнь человека», относящаяся к группе современных (4,5 балла из 5). Молодежь также присваивала высокие баллы ценностям «порядок» (4,47 балла) и «общительность» (4,41 балла), относящимся к группе общечеловеческих (краткое описание методики построения структуры ценностных предпочтений, разработанной Н.И. Лапиным, и результаты анализа общей структуры базовых ценностей студенческой молодежи Новосибирска представлены в [11]). Значимыми (при уровне значимости 0,05) являются различия в оценках представителями первой и третьей группы таких ценностей, как «благополучие», «властность», «своевольность» и «традиция». При этом представители третьей группы присваивали указанным ценностям значения в среднем на 0,7 балла выше, по сравнению с представителями первой группы.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно констатировать подтверждение выдвинутой нами гипотезы. Более высокий уровень социального самочувствия индивида, как правило, оказывался сопряженным с достаточно высокой интенсивностью осуществляемой им социальной и инновационной деятельности. Тем не менее декларирование определенных закономерностей возможно лишь с учетом подтверждения статистической значимости взаимосвязей, что может составить предметную область дальнейших исследований в рамках данной проблематики.

1. Яницкий О. Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. – 2011. – № 5. – С. 136–145.

2. Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3–18.

3. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50–55.

4. Давыдова Е. В. Измерение социального самочувствия молодежи. – М. : Ин-т социологии РАН, 1992. – 102 с.

5. Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: 4М. – 1998. – № 10. – С. 45–71.

6. Бурко В. А. Социальное самочувствие в условиях трансформации российского общества: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Пермь, 2000. – 27 с.

7. Баталова Н. Л. Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 2009. – 27 с.

8. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / кол. авторов;

общ. ред. А. А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ, 2013. – 146 с.

9. Митягина Е. В. Ресурсность российских рабочих в условиях современных модернизационных процессов. – Н. Новгород : НИСОЦ, 2014. – 188 с.

10. Латин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). – М. : ИФРАН, 2010. – 109 с.

11. Коломенская А. С. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей студенческой молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – URL : <http://www.science-education.ru/121-18431> (дата обращения: 10.07.2015).

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЁЖИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

MODERNIZATION POTENTIAL OF YOUTH (REGIONAL ASPECT)

О.В. Котельникова

O.V. Kotelnikova

Ульяновский государственный университет
Ulyanovsk State University

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Данная статья посвящена теме модернизационного потенциала старшеклассников. Именно цели и ценности молодёжи определяют их жизненные установки. Обладая вышеперечисленными ценностными ориентациями, ставя перед собой цели достижения материального и семейного благополучия, старшеклассники выступают элементом развития региона, его модернизации. В статье рассмотрены ценностные ориентации старшеклассников Ульяновской области в аспекте модернизации региона. Ценности молодёжи являются элементом формирования инновационного мышления, способствующего модернизации региона. Молодёжь выступает наиболее эффективным источником модернизационного потенциала региона, именно поэтому ценностным ориентациям старшеклассников необходимо уделять особое внимание. Эмпирические данные приведены из материалов социологического исследования «Ценностные ориентации школьников Ульяновской области» (2014 г.). По результатам исследования составлен рейтинг жизненных целей и ценностей старшеклассников. Современные школьники-старшеклассники достаточно уверены в реализации своих жизненных планов, в которые входят в первую очередь получение престижной работы, приобретение жилья и воспитание хороших детей. По ответам респондентов, чтобы достичь поставленных целей, необходимо обладать такими качествами, как амбициозность, целеустремлённость, «готовность идти на всё». Через 10 лет большинство школьников хотят видеть себя с крепкой семьёй, хорошо обеспеченным материально и здоровым, чуть меньше респондентов выбрали ответ «культурно образованным». Школьники придают большую значимость материальным ценностям, но в целях обеспечения благополучия своей семьи. Ценность образования вообще не стоит в числе первых. Наблюдается некое несоответствие между целями, которые ставят школьники в своей дальнейшей жизни и их ценностями. В рейтинге ценностей старшеклассников лидирующую позицию занимает свобода. Таким образом, прагматические цели в жизни старшеклассников ценны для них не сами по себе, а как средство реализации других целей (семья, здоровье, образование).

This article is about modernization potential of seniors, about the goals and values of young people determine their attitudes. With the above values, having a set goals of achievement financial and family wealth, youth are the element of the region's development, its modernization. This article is about value orientations of senior pupils as a factor of region modernization. The values of youth are the part of the formation of innovative thinking, which contributes to the modernization of the region. Youth is the most effective source of modernization potential of the region, so the value orientations of seniors need special attention. Empirical data are taken from the survey «Value orientations of pupils of the Ulyanovsk region» (2014). According to the study there was compiled a rating of life goals and values of seniors. Modern seniors are confident enough in the realization of their life plans, including, first of all, the prestigious works, the purchase of housing and raising good children. According to respondents, in order to achieve these goals, it is necessary to possess such qualities as ambition, purposefulness, «willingness to go at all». After 10 years, the majority of students want to see themselves with a strong family, financial wealthy and healthy, slightly fewer respondents chose the answer «culturally educated». Seniors attach great importance to material values, but in order to ensure the well-being of their family. The value of education in general is not among the first priorities. There is some discrepancy between the goals that the seniors put in their future life and their values. In the ranking of the values of seniors the freedom has the leading position. Thus, the pragmatic goals in life of seniors are valuable to them as a means of realizing other goals (good family, health, education).

Ключевые слова: ценности, модернизация региона, жизненные стратегии, социально-экономическое развитие, модернизационный потенциал, инновационное мышление

Key words: values, modernization of region, life strategies, socio-economic development, modernization potential, innovative thinking.

Введение. Социально-экономическая стабилизация и дальнейшее развитие в России возможно сегодня только при условии проведения грамотной, базирующейся на рекомендации передовых ученых, государственной политики. Опорой данной политики являются социальные силы общества, способные осознанно проводить ее в жизнь [1].

Молодёжь выступает социально и экономически активным слоем, который в любом обществе является источником физического и рационального потенциала для всевозможных преобразований. Старшеклассников нужно выделить в особую группу как не только субъект, но и объект модернизационных преобразований в регионе. Одним

словом, молодежь – важный фактор поступательного развития страны, тот стратегический резерв, который определяет, какой быть России уже через несколько лет [1]. Рыночные преобразования, происходящие в экономике сегодня, зависят в значительной степени от участия в них молодого поколения. Именно системе ценностей выпускников школ необходимо уделять наибольшее внимание, так как они, во-первых, являются наиболее активной частью населения в контексте поиска возможностей для реализации своего потенциала; во-вторых, служат интересам региона в качестве потенциальных источников развития и, в-третьих, выступают активными потребителями услуг, предоставляемых в конкретном регионе. Кроме вышеперечисленных преимуществ, данная категория является ключевой в формировании уровня социально-экономического развития региона: от выбора выпускника школы (работать или учиться, и если учиться, то по какой специальности) зависит в дальнейшем ситуация на рынке образовательных услуг, на рынке труда. Это влечёт за собой социальную дифференциацию, что в итоге определяет уровень качества жизни населения.

Система ценностей человека служит определяющим фактором его жизнедеятельности; от неё зависит выбор карьерного пути, формирование брачно-семейных отношений, организация и проведение досуга, выстраивание межличностных коммуникаций и т. д.

Изучение ценностных ориентаций старшеклассников в статике показывает сегодняшнее состояние самого общества: модели поведения и нормы, признанные социумом. Тенденции, прослеживаемые в ценностных ориентациях школьников, являются показателем трансформационных и модернизационных процессов, происходящих в социуме и отражают готовность молодёжи к модернизационным изменениям.

Кроме того, ценности молодёжи – старшеклассников и студентов – играют непосредственную роль в формировании их инновационного мышления.

Обзор литературы. Вопрос о взаимосвязи ценностей и модернизации является актуальным сегодня. В качестве примера можно привести доклад «Культурные факторы модернизации» (2011 г.), в котором говорится о создании «институционального устройства среды, способствующего модернизации и самореализации российского человека» [2]. Необходимо заметить, что модернизация ре-

гиона – системный и комплексный процесс, происходящий не одномоментно. И система ценностей, транслируемая старшеклассниками, может быть реализована на практике только при условии наличия соответствующего институционального устройства региона.

В 2014 г. Московским государственным университетом культуры и искусства был выполнен «Отчёт о выполнении работ по теме "Разработка программы социокультурной модернизации России"», в котором внимание уделено человеческому потенциалу как источнику модернизации. «Рассмотрение человеческого потенциала как источника социокультурных изменений и социально-модернизационных процессов имеет тесную взаимосвязь с научным осмыслением процесса перехода общества от общества индустриального к информационному обществу, когда роль человека в обществе и социальная стратификация всё больше осуществляются не на основе имущественного, родового и других признаков, а на основе потенциала, которым обладает каждый индивид» [3].

Ценности неразрывно связаны с возможностями и потенциалом отдельного человека, они являются ориентиром, существенной мотивацией на пути к цели, постановка и достижение которой зависит от нравственных ценностей самого индивида [4]. Именно поэтому важно говорить о том, что ценностные ориентации каждого отдельного старшеклассника определяют его жизненную стратегию, оказывая непосредственное влияние на развитие региона, т. е. формируют его модернизационный потенциал. В общем смысле модернизационный потенциал – совокупность социально-экономических, нравственных, культурных, идейно-политических ресурсов слоёв и групп населения общества, которые могут быть реализованы в ходе модернизационного проекта [5].

Жизненные стратегии отдельного человека характеризуют его способность к самостоятельному построению своей жизни, к осмысленному её регулированию в соответствии с кардинальным направлением жизнедеятельности. Жизненная стратегия выбирается в соответствии с ценностными ориентациями личности. В то же время жизненные стратегии являются своеобразным «социальным характером», отражением той среды, в которой происходит их формирование. Э. Фромм, рассуждая о социальном характере, отмечает, что функция социального характера заключается в выработке определен-

ных способов поведения, соответствующих требованиям социальной и культурной среды, и в то же время удовлетворяющих самого человека. Социальный характер формирует и направляет человеческую энергию внутри данного общества во имя продолжения функционирования данного общества [6].

В статье С.Ю. Белоконева, Е.В. Бродовской и А.А. Лавриковой «Особенности модернизационного потенциала российской молодёжи» авторы пишут о критериях, по ко-

торым можно судить о наличии модернизационного потенциала молодёжи: готовность самореализовываться, оптимизировать своё социальное пространство, участвовать в модернизационных процессах страны [7].

Говоря о показателях модернизации в Ульяновской области, нужно отметить, что, согласно исследованиям 2000–2010 гг., экономический и социальный индекс постоянно росли, в отличие от индекса знаний (см. табл.) [8].

Показатели интегрированной модернизации Ульяновской области

Индекс	Год				
	2000	2005	2008	2009	2010
Экономический	37	43	46	46	54
Социальный	71	73	77	77	77
Знаниевый	53	67	69	71	60

Гипотезы и методы исследования.

В качестве практического примера ценностных ориентаций старшеклассников в данной статье использованы данные социологического опроса, проведённого в период с 13 октября по 20 ноября 2014 г. кафедрой философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета. В исследовании приняли участие 576 школьников 9, 10, 11 классов, использована целевая выборка.

В анкете, представленной респондентам, было выделено 7 блоков вопросов, одним из которых был блок «Основные жизненные стратегии старшеклассников».

Результаты исследования. Среди опрошенных школьников 46,5 % (большинство) абсолютно уверены в благополучном будущем своей семьи и только 29,5 % уверены в реализации своих жизненных планов, в то время как 43 % «скорее уверены в реализации своих жизненных планов». По результатам опроса был составлен рейтинг целей школьников в жизни. Первые места в рейтинге заняли (в порядке уменьшения):

- престижная работа,
- приобретение жилья,
- воспитание хороших детей,
- образование,
- счастливая семья,
- интересная работа,
- карьерный рост,
- любимое дело.

Потребности в уважении занимают последние места в рейтинге.

Опрошенные школьники уверенно считают, что смогут добиться этих целей.

Обращаясь к данным социологического опроса 2013 г., отметим, что большинство респондентов среди молодёжи хотят много работать и хорошо зарабатывать, а не иметь спокойную работу со стабильным заработком [9]. То же показывает и данный опрос: престижная работа значительно опережает любимую и интересную работу. На вопрос «Что, по Вашему мнению, поможет Вам достичь наиболее важных целей?» большинство респондентов отметили, что главным являются личные способности, знания и характер человека (31,3 %), что говорит о преобладании индивидуалистических настроений среди школьников.

Представленный выше рейтинг жизненных целей респондентов позволяет спрогнозировать их возможные жизненные стратегии. Выпускник школы, имеющий главной целью престижную работу, будет, вероятно, стремиться получить «престижное» образование. Этим объясняется сложившийся спрос на рынке образовательных услуг.

Также по результатам опроса был составлен рейтинг ценностей респондентов:

- свобода,
- здоровье,
- семья,
- дружба,
- справедливость и др.

Ценности карьеры и любимой работы не входят в число первых.

Исходя из ответов на вопрос «Кем Вы хотели бы видеть себя через 10 лет» сложился следующий образ. Это прежде всего человек с крепкой семьей (25,1 %), хорошо обеспеченный материально (20,3 %). Также здо-

ровый и физически сильный (12,7 %), образованный и культурный (12,5 %). Также 7,4 % респондентов отметили критерий профессионализма и хотели бы видеть себя с высоким социальным статусом (6,4 %), свободным и независимым (5,9 %), надежным другом (4,3 %) и человеком с чистой совестью (2,4 %).

Среди опрошенных те, кто хотят через 10 лет видеть себя человеком с крепкой семьей, выделяют такие индивидуальные факторы успеха в жизни, как целеустремленность (29,1 %), профессионализм в своем деле (18,3 %), доброта и любовь к людям (14,7 %), честность (13,1 %), умение достичь своих целей любыми средствами (12,2 %).

Те, кто хотят быть материально обеспеченными, выделяют: целеустремленность (30,4 %), профессионализм (20,6 %), умение достичь своих целей любыми средствами (14,6 %).

Те, кто хотят быть профессионалом, выделяют такие качества, как целеустремленность (28,6 %), профессионализм в своем деле (21,6 %), стремление получать больше знаний (13 %), честность (12,3 %), доброта и любовь к людям (11,9 %), стремление достичь своих целей любыми средствами (10,8 %).

Те, кто хотят быть человеком с высоким социальным статусом, выделяют: целеустремленность (31,7 %), профессионализм в своем деле (19,5 %), стремление достичь своих целей любыми средствами (14,9 %), равный процент набрали качества честности и стремления получать больше знаний (10,9 %), последнее место набрала доброта и любовь к людям (9,5 %).

Современных старшеклассников больше всего привлекают такие сферы деятельности, как частное предпринимательство, спорт, искусство, образование.

У современных старшеклассников явно преобладают либеральные ценности, на базе которых они строят свои жизненные планы. Тем не менее школьники соотносят их с прагматическими целями. Такое сочетание вполне обосновано: необходимо быть свободным (в понимании школьников) и здоровым, чтобы иметь престижную работу и приобрести жильё. Школьники считают, что успех в жизни зависит от личностных качеств человека: его амбиций, способностей и готовности пойти на всё. В чём-то такие предположения характеризуют школьников как слишком самоуверенных, но, возвращаясь к первому вопросу, можно увидеть, что это не совсем так.

При соотнесении рейтинга жизненных целей и ценностей школьников можно заметить диссонанс: ценность карьеры не присутствует в числе первых. На этом основании можно говорить о достаточной амбициозности школьников, не имеющей под собой весомых оснований. Молодёжь имеет масштабные цели (престижная карьера, собственное жильё), но не соотносит их со своими реальными ценностями. Но в целом такая ситуация характерна для людей, не имеющих опыта работы и специального образования.

Заключение. Таким образом, результаты практических исследований и теоретического обзора указывают на необходимость мониторинга системы ценностей старшеклассников и создание институциональной системы для реализации жизненных стратегий выпускников школ. Старшеклассники, обладающие перечисленными целями и ценностями, могут выступать движущим элементом развития региона при наличии соответствующих условий. В условиях происходящих в стране социально-экономических изменений внимание к исследованию ценностей становится всё более пристальным, поскольку ценностные ориентиры старшеклассников, которые складываются в настоящем, должны проявиться в будущем [10]. Амбициозность и самоуверенность старшеклассников, их готовность «пойти на всё, ради достижения цели» можно рассматривать как источник инновационных преобразований. Молодым людям легче создать что-то новое, чем заимствовать ранее сформированные идеи, технологии, социокультурные практики. Отсутствие боязни совершить ошибку – важнейшая черта инновационного поведения молодёжи [11].

В качестве конкретных практических рекомендаций можно указать следующие:

1. Создание условий для полноценной реализации потенциала выпускников школ.
2. Предоставление возможности старшеклассникам на практике ознакомиться с желаемыми профессиями/специализациями, чтобы иметь полноценное представление о будущей деятельности.
3. Разработка комплексных мер по сотрудничеству школ и вузов, школ и ССУЗов.
4. Привлечение старшеклассников к активной инновационной деятельности по развитию региона, учитывая их возможности и целевые установки (участие в инновационных проектах и т. п.).

1. Акулинина А. М. Молодежь как стратегический ресурс развития современного российского общества // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 3 (27). – С. 566–569
2. Культурные факторы модернизации / А. А. Аузан, А. Н. Архангельский, П. С. Лунгин и др. – М.; СПб., 2011. – 221 с.
3. Мазин К. А. Отчёт о выполнении работ по теме «Разработка программы социокультурной модернизации России». – М., 2014. – 308 с.
4. Суворова М. И. Культурно-нравственный потенциал молодёжи и его влияние на развитие регионов России // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» (г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.): в 3 ч. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. III. – С. 677–683.
5. Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В. Модернизационный потенциал студенческой молодёжи // Интеграция образования. – 2012. – № 2. – С. 86–90.
6. Ангунова В. Н. Жизненные стратегии населения как условие реализации инновационного потенциала региона // Модернизационный потенциал регионов : сб. докл. и тез. Междунар. науч.-практ. конф. (Иваново, 14–15 октября 2010 г.). – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. – 476 с.
7. Белоконев С. Ю., Бродовская Е. В., Лаврикова А. А. Особенности модернизационного потенциала российской молодёжи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2012. – № 4. – С. 99–107.
8. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Региональная модернизация Ульяновской области в начале 21 века // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России : сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т соц.-полит. и правовых исследований Республики Башкортостан. – Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. – 472 с.
9. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Мотивация трудовой деятельности молодежи как аспект модернизации региона // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» (Вологда, 23–26 октября 2013 г.): в 3 ч. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. III. – С. 643–650.
10. Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В. Трансформация базовых ценностей современной студенческой молодёжи // Вопросы современной науки и практики. – 2012. – № 3 (41). – С. 291–296.
11. Морозов С. И., Черных Н. С. Студенческая молодёжь как инновационный потенциал политической модернизации в России // Власть. – 2013. – № 9. – С. 47–49.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА, БЛАГОПОЛУЧИЕ, ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ»

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 213–219.

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФОРМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

SOCIAL INFRASTRUCTURE AS A FORM OF THE MODERNIZATION PROCESS INSTITUTIONALIZATION

И.А. Кох

I.A. Kokh

*Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
Ural Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President of Russian Federation, Ekaterinburg*

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

В статье рассматривается развитие социальной инфраструктуры региона. Социальная инфраструктура постоянно изменяется. В процессе развития общества возникают новые элементы инфраструктуры, в которых закрепляются изменения в экономике, политике, культуре. Закрепление новых элементов инфраструктуры происходит в нормативной и организационной форме, происходит институционализация изменений в социальной инфраструктуре. Понятие, сущность и содержание социальной инфраструктуры исследуются в ряде работ отечественных и зарубежных авторов, например в работах С.Г. Вазенина, Е. Васькина, И.Л. Захаровой, В. Пациорковского, Ж.Т. Тощенко, еще ранее – в трудах ученых-экономистов И.Г. Александрова, Г.М. Кржижановского, С.Г. Струмилина и других авторов. Понятие «социальная инфраструктура» изучалось с различных позиций зарубежными исследователями, в частности Р. Йохимсеном, К. Кларком, Р. Коузом, Р. Нурксе, А. Пизенти, Д. Россом, П. Розенштейн-Роданом, Ф.М. Шерером, А. Янгсоном и др. Выводы автора опираются на результаты проведенного эмпирического социологического исследования на Среднем Урале. Используются методы: анализ экономической и социальной статистики, массовый опрос населения и экспертный опрос. Всего опрошено 1004 человека по репрезентативной выборке в Свердловской области. Опрос населения проводился методом интервью по месту жительства или по месту работы. Для качественного анализа представлены мнения 42 экспертов, занятых в самых различных сферах общества. Цель исследования – показать, как на практике закрепляются новые элементы социальной инфраструктуры, как институционализируются новые формы экономической и социокультурной жизни в регионе. В статье всесторонне анализируется роль социальной инфраструктуры в социокультурном развитии региона. Социальная инфраструктура закрепляет изменения в процессе модернизации общества. Она представлена как показатель уровня индустриального развития региона. Проанализирована социальная инфраструктура Свердловской области как одного из промышленно развитых регионов страны, структура и основные направления деятельности объектов социальной инфраструктуры. Обращается особое внимание на роль интернет-технологий в преобразовании социальной инфраструктуры, ее роль в предоставлении социальных услуг для населения.

The paper considers the development of social infrastructure of the region. Social infrastructure is constantly changing. In the process of the society development there are appear new elements of infrastructure, which fix changes in the economy, politics and culture. Consolidation of new infrastructure elements occurs in regulatory and organizational form, appears the institutionalization of the changes in social infrastructure. Concept, essence and content of social infrastructure are explored in a number of works by Russian and foreign authors, for example, in the works of S.G. Vazhenin, E. Vasikine, I.L. Zakharova, V. Paciorkowski, J.T. Toshchenko, earlier – in the works of economists I.G. Alexandrov, G.M. Krzhizhanovsky, S.G. Strumilin and other authors. The concept of "social infrastructure" have been studied from different perspectives by foreign investigators, in particular: R. Jochimsen, K. Clark, R. Coase, R. Nurkse, A. Pesenti, J. Ross, P. Rosenstein-Rodan, F.M. Scherer, A. Jansson and others. The author's conclusions are based on results of empirical sociological research in the Middle Urals. There are used the following methods: analysis of economic and social statistics, mass population survey and expert survey. All 1004 respondents were chosen by a representative sample of the region – Sverdlovsk region. The survey was conducted through interviews at the place of residence or place of work. For qualitative analysis there was held a survey of 42 experts working in various fields of society. The purpose of the study is to show how the new elements of social infrastructure are being created, as institutionalized new forms of economic and social cultural life in the region. The paper comprehensively analyzes the role of social infrastructure in social cultural development of the region. Social infrastructure secures changes in the process of modernization of society. Social infrastructure is presented as an indicator of the level of industrial development of the region. The article analyzes the social infrastructure of the Sverdlovsk region as one of the most industrially developed regions of the country, the structure and the main directions of activity of objects of social infrastructure. The article draws special attention to the role of Internet technologies in the transformation of social infrastructure, its role in providing social services to the population.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, отрасль, регион, социокультурное развитие, социальная сфера, институционализация.

Key words: social infrastructure, industry, region, sociocultural development, social sphere, institutionalization.

Введение. Процессы модернизации в российском обществе охватывают все сферы жизнедеятельности человека. Они охватывают материальное производство, сферу услуг, сферы образования и здравоохранения, жилищно-бытовые условия и досуговую деятельность. Однако модернизация различных сфер жизнедеятельности человека происходит неравномерно, разными темпами и значительно различается между регионами. Для оценки степени модернизированности региона важно определить показатели, критерии для сравнения. Одним из таких системных показателей, на наш взгляд, является социальная инфраструктура муниципальных образований российских регионов, в которой опредмечиваются и закрепляются результаты модернизации последовательно на каждом этапе. Социальная инфраструктура показывает уровень институционализации изменений, произошедших в процессе модернизации социальных структур. Социальные изменения, вызванные модернизацией, закрепляются не только в новых правилах институционального порядка (в том числе законодательно), но и в организационных формах (новые организации, предприятия, услуги и технологии). Взятые в совокупности новые правила (ценности, нормы, технологии) и новые организационные формы вместе с существовавшими институциональными и нарождающимися неинституциональными структурами в обществе отражают степень социокультурной модернизированности региона. Примерами могут служить возникновение новых роботизированных и автоматизированных производств, возникающие новые организации в сфере IT-технологий, интернет-магазины, «электронное правительство» и др.

Обзор литературы. Вопросы роли и места социальной инфраструктуры в общественном развитии рассматривались во многих работах прошлых и последних лет. Одной из первых работ в социологии была книга Ж.Т. Тощенко «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития» [1]. В ней всесторонне рассмотрены содержание и тенденции развития социальной инфраструктуры, ее место и роль в обществе. В последующем было опубликовано немало работ на эту тему, в которых с различных сторон анализируются различные сферы социальной жизни. Еще раньше в отечественной науке социальную инфраструктуру исследовали ученые-экономисты И.Г. Александров, Г.М. Кржижановский, С.Г. Струмилин.

Понятие «социальная инфраструктура» изучалось с различных позиций зарубежными исследователями, в частности Р. Йохимсенем, К. Кларком, Р. Коузом, Р. Нурксе [2], А. Пизенти, Д. Россом, П. Розенштейн-Роданом, Ф.М. Шерером, А. Янгсоном [3].

В работах С.Г. Важенина [4], Е. Васькина, В. Пациорковского, И.Л. Захаровой [5; 6; 7] и других авторов рассматриваются теоретические проблемы сущности и содержания социальной инфраструктуры, современные проблемы развития организаций социальной сферы в условиях передачи социальных объектов с баланса предприятий на баланс муниципальных образований. Следует заметить, что в последнее время недостаточно уделялось внимания проблемам развития производственной инфраструктуры, социальной инфраструктуры на промышленных предприятиях.

Практически во всех работах социальная инфраструктура рассматривается как результат развития системы жизнеобеспечения населения услугами: жилищными, бытовыми, образовательными, медицинскими, транспортными и др. Развитие социальной сферы рассматривается в зависимости от экономических показателей. Между тем в модернизированном обществе, на этапе становления информационного общества, развитие социальной сферы – сферы услуг, прежде всего информационных, должно иметь приоритет по отношению к другим отраслям экономики и сферам деятельности. Те страны, которые уже достигли этого уровня модернизации, наглядно демонстрируют это.

Гипотезы и методы исследования. Мы исходим из того, что новая индустриализация направлена на структурную модернизацию всей социально-экономической системы российского общества, ориентированную на комплексное развитие всех отраслей народного хозяйства на базе опережающего развития науки, инноваций и воплощения их результатов в передовые технологии, широкое использования информационных (компьютерных) технологий. Результатом должно стать новое качество жизни населения, что возможно лишь на базе приоритетного развития социальной сферы, на базе развитой социальной инфраструктуры.

Вот почему мы в качестве гипотезы предлагаем рассматривать социальную инфраструктуру формой институционализации и одним из важнейших показателей уровня модернизации региона.

Основой для выводов являются результаты социологического исследования. Исследование проведено методами: анализ статистики и других документов, массовый опрос населения и экспертный опрос. Всего опрошено 1004 человека в Свердловской области. Опрос населения проводился методом интервью по месту жительства или месту работы. В качестве исходной базы для качественного анализа представлены мнения 42 экспертов, по роду своей деятельности представляющих различные сферы общества.

Результаты исследования. Рассмотрим развитие социальной инфраструктуры в этом аспекте на примере одного из промышленно развитых регионов Свердловской области.

Регионы России сильно различаются по географическим и климатическим условиям, уровню социально-экономического развития и своими культурно-историческими традициями. Среди 85 регионов – субъектов Российской Федерации – Свердловская область выделяется прежде всего своими промышленными предприятиями – машиностроением и развитой горнодобывающей отраслью. Здесь сосредоточен и значительный научный, культурный и человеческий потенциал страны. В регионе много культурных и научных учреждений, включая Уральское отделение Российской академии наук, много образовательных учреждений, школ, высших учебных заведений, музеев, театров, библиотек и других учреждений культуры.

В настоящее время Свердловская область – субъект Российской Федерации, выделяющийся довольно высоким уровнем развития горнодобывающей промышленности, разносторонним машиностроением, являющийся научным, образовательным и культурным центром Урала. Выгодное географическое местоположение региона и развитая транспортная сеть делает его и логистическим центром страны, чему способствует международный аэропорт, развитый железнодорожный транспорт, 2600 километров железнодорожных путей. В Свердловской области расположены значительные запасы минерально-сырьевых ресурсов, такие как железо, медь, уголь, торф, золото, платина, серебро, марганец, никель, титан, ванадий, асбест, бокситы, драгоценные камни, редкоземельные элементы. Поэтому одной из ведущих отраслей экономики региона стала горнодобывающая и горно-металлургическая промышленность. Из регионов Уральского федерального округа Свердловская область является наи-

более богатой по разведанным запасам черных и цветных металлов, строительных материалов и углей, что создает благоприятные условия для экономического развития. Важным условием для этого является развитие производственной и логистической инфраструктуры горной промышленности и машиностроительной отрасли.

Поскольку в Свердловской области сосредоточено много промышленных предприятий, важными направлениями развития экономики являются техническая и технологическая модернизация промышленности и агропромышленного комплекса. В первую очередь необходимо развитие промышленной инфраструктуры, промышленного, грузового и пассажирского транспорта, создание логистических центров, предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья.

Свердловская область является крупным культурным центром. Регион обладает мощным научным, образовательным и технологическим потенциалом. Инновационный потенциал Урала складывается прежде всего из высокого уровня общего и профессионального образования населения. Кадровый, образовательный и научный потенциал занимает одно из центральных мест в процессах социокультурного развития региона. В области сосредоточено большое количество общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, множество государственных и негосударственных вузов, способных обеспечить потребности инновационной экономики.

Важное место в социальной инфраструктуре занимают научно-исследовательские учреждения, которые ведут фундаментальные и прикладные исследования, обеспечивающие расширенное воспроизводство научно-технической инфраструктуры производственной и непроизводственной сферы, столь необходимой для новой индустриализации. По научному и кадровому потенциалу Уральский федеральный округ занимает одно из ведущих мест в России.

Основой экономического, политического, духовного и культурного развития является социальная инфраструктура региона. Социальная инфраструктура региона – это совокупность предприятий, организаций и учреждений, которые призваны обеспечить комфортную жизнедеятельность населения на территории, создающие условия для комплексного удовлетворения личных и групповых потребностей людей. Социальная ин-

фраструктура (лат. *infra* – под; *structura* – строение) является также важнейшей составляющей материально-технической базы общества.

Помимо производственной, важнейшую роль в социокультурном развитии играет транспортная инфраструктура, транспортные коммуникации и логистические центры. На консолидацию населения административно-территориальной общности огромное влияние оказывает транспорт и связь. Выгодное географическое местоположение Свердловской области и развитая транспортная сеть делают его и логистическим центром страны на Урале.

Все возрастающее значение в консолидации населения и повышении уровня и качества жизни людей играет Интернет. Наличие в регионе динамично развивающейся системы электронных коммуникаций, безусловно, играет положительную роль не только как средство связи, но и в плане общения (социальные сети), развития культуры, сферы услуг, интернет-торговли.

Практически все школьники обучаются пользоваться компьютером, во всех школах имеется Интернет. Как показал наш опрос населения, в Свердловской области более половины жителей пользуются компьютером и Интернетом (см. табл. 1).

Таблица 1

Пользование компьютером и Интернетом жителями Свердловской области

Вариант ответа	Деревня, село	Малый город	Средний город	Крупный город
Используете ли Вы компьютер?				
Нет	37,5	26,4	15,0	22,5
Да	62,5	73,6	85,0	77,5
Используете ли Вы Интернет?				
Нет	61,3	48,9	36,0	35,0
Да	38,7	51,1	64,0	65,0

Интернет становится все более значимым элементом социальной и производственной инфраструктуры, широко используется как средство связи, средство управления производством и людьми, средство общения и для оказания социальных услуг. В социокультурном развитии региона его роль, несомненно, будет постоянно повышаться.

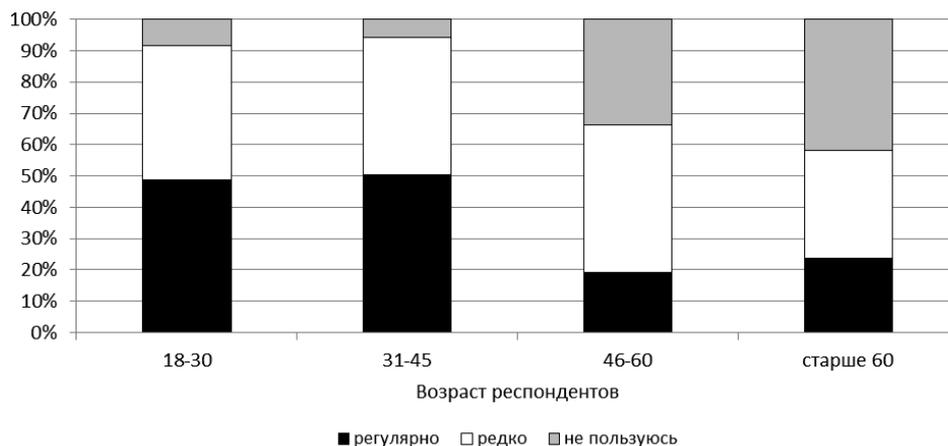
Интернет-технологии в сложившихся условиях могут совершить революционную роль в социокультурном развитии регионов, особенно в развитии периферийных районов. Уже сегодня с их помощью осуществляются покупка товаров с доставкой на дом, запись в очередь к врачу, получение ряда государственных услуг. Уже сейчас врачи проводят консультации пациентов по SKYPE (например, в Североуральске), в перспективе – консультации и консилиум врачей, лечение больных с использованием технологий интернета, что особенно важно для сел, поселков и малых городов. Огромные перспективы для использования интернет-технологий имеются в сфере образования, прежде всего дистанционное образование, общеобразовательные курсы для населения.

Приоритетным направлением по оптимизации развития социальной инфраструктуры является развитие интернет-инфраструк-

туры через использование интернет-технологий для сокращения затрат времени на бытовое обслуживание населения. Внедрение интернет-технологий позволит изменить сложившуюся ситуацию и реализовать условия для более комфортного проживания населения. Развиваются сети государственных и муниципальных услуг, что способствует своевременному и более полному удовлетворению потребностей населения. Объекты социальной инфраструктуры широко используют Интернет для информирования людей и своевременного оказания услуг, что приводит к рациональному использованию времени человека и, как следствие, созданию более комфортных условий жизни населения.

В настоящее время Интернет масштабно развивается. Население в малых городах Уральского региона все чаще использует его (см. рис.).

Интернет-инфраструктура является новой и современной сферой, которая позволяет населению более эффективно использовать услуги социальной сферы. Главное – пользоваться социальными услугами интернет-инфраструктуры позволяет экономить свободное время жителей сел, поселков, малых городов, обеспечить доступ к тем услугам, которые ранее были для них недоступны.

Частота пользования услугами социальной интернет-инфраструктурой в Североуральске (в % к числу опрошенных)

Из рис. видно, что население в возрасте от 18 до 45 лет регулярно пользуется услугами Интернета (около 50 %). А вот жители в возрасте от 46 до 60 лет пользуются ими реже (48,1 % от числа опрошенных). И большинство жителей в возрасте старше 60 лет мало пользуются услугами Интернета (41,8 %). Интересно то, что 23,6 % населения в воз-

расте старше 60 лет и 19,8 % население от 46 до 60 лет регулярно пользуются социальными услугами через Интернет.

Обратимся к табл. 2, где представлены услуги объектов социальной инфраструктуры по частоте использования их населением в трех малых городах Свердловской области.

Таблица 2

Сферы использования сети Интернет

№	Услуги	Ответы в % к числу опрошенных		
		Североуральск	Камышлов	Заречный
1	В области здравоохранения	52,0	28,8	18,1
2	Покупка товаров	35,7	34,9	39,8
3	В области образования	35,1	31,7	16,7
4	В области жилищно-коммунального хозяйства	25,1	30,2	23,1
5	В области культуры	11,6	19,6	15,8
6	Бытовыми услугами	8,2	9,2	9,6

Услуги в области здравоохранения больше всего распространены в Североуральске: 52 % опрошенного населения ими пользовалось, так как электронные очереди удобны. А вот жители двух других городов отмечают распространенность покупки товаров через Интернет: 39,8 % в городе Заречном и 34,9 % в городе Камышлове. Примерно одинаковый процент использования услуг в сфере ЖКХ – от 23 до 30 % опрошенных. И реже всего жители городов обращаются к услугам быта через Интернет: от 8 до 9,5 % от числа опрошенных.

Роль интернет-технологий в управлении социальной инфраструктурой возрастает с каждым годом и это закономерно в развитии современного общества. Развитие интернет-инфраструктуры способствует повышению качества услуг, экономит свободное

время жителей городов, способствует уменьшению очередей.

Социальная инфраструктура поселений играет большую роль в создании благоприятных и комфортных условий жизнедеятельности населения. От этого в значительной степени зависит социальное самочувствие, уровень и качество жизни. Практика убедительно показывает, что при низком уровне развития социальной сферы возрастает социальная напряженность, временами вспыхивают конфликты, причинами которых часто являются материальное неравенство, временами переходящие в национальную и религиозную нетерпимость. Важнейшим условием социокультурного развития региона является не только количество и ассортимент предприятий и учреждений, но и качество и доступность предоставляемых услуг, что в ры-

ночном обществе напрямую зависит от доходов и платежеспособного спроса населения.

Рассмотрим на примере Свердловской области, как оценивают жители городов и сел на основе личного опыта качество услуг, предоставляемых населению. Большинство населения положительно оценивает развитие сферы образования, но при этом негативно относятся к платности его получения. Успешно развивается общее и профессиональное образование. А вот качество жилищно-коммунального обслуживания половина опрошенных оценивает как «удовлетворительное», а 39,8 % – как «плохое», менее 7 % считают его хорошим. Благоустроенность своего двора, микрорайона 42,5 % жителей области характеризуют как «удовлетворительное», а 44,9 % опрошенных – как «плохое».

Разнообразие бытовых услуг, по мнению 56,3 % жителей области, является удовлетворительным. 19,4 % опрошенных полагают его хорошим, а 18,6 % дают противоположную оценку. Снабжение товарами длительного пользования и товарами повседневного спроса подавляющее большинство населения признает хорошим (69,6 и 68 % ответов соответственно), а оставшаяся четверть участников опроса считает удовлетворительным. Качество услуг почты, телефона 35,5 % жителей Свердловской области характеризуют как «хорошее», еще 51,8 % – как «удовлетворительное».

Таким образом, население обеспокоено состоянием социальной сферы, хотя на фоне других социальных проблем не всегда считает эти проблемы первоочередными. Города и другие поселения имеют достаточно развитую социальную инфраструктуру, хотя ее функционирование и вызывает много замечаний. Лучше всего развивается торговля, высоко оценивается организация снабжения населения продуктами питания и товарами длительного пользования и повседневного спроса. Во многих городах появились комплексные предприятия бытового обслуживания населения.

Муниципальные культурно-досуговые учреждения, библиотеки, детские школы искусств, коллективы самодеятельного творчества, национально-культурные организации, творческие союзы становятся все более заметными явлениями, которые показывают тенденцию развития культурного потенциала населения региона. Областные и муниципальные органы управления в последние

10 лет предприняли ряд мер, которые позволили осуществить положительные количественные и качественные изменения в предоставлении культурных услуг населению. В последние годы повысилось качество экспозиционной работы в областных государственных музеях и их посещаемость за счет оснащения учреждений современным экспозиционным оборудованием, обновлены интерьеры и техника концертных залов и театров.

Важным направлением развития культурного потенциала региона является работа с детьми. Благодаря поддержке областного бюджета количество учащихся муниципальных детских школ искусств ежегодно увеличивается (см.: [8]). Разумеется, всеми этими возможностями в полной мере могут воспользоваться прежде всего жители крупных городов, в первую очередь областного центра. Нерешенной проблемой остается обеспечение доступа населения области, проживающего в удалении от крупных городов и культурных центров, к современным культурным объектам и качественным услугам. Телевидение и Интернет лишь частично способны восполнить этот пробел.

В последние годы сложилась устойчивая тенденция снижения посещаемости областных и муниципальных библиотек, уменьшилась книгообеспеченность жителей области библиотечными фондами, упала экскурсионная посещаемость музеев.

Вместе с тем в докладе Министерства культуры и туризма Свердловской области отмечалось, что низкая экономическая эффективность многих учреждений культуры сегодня во многом следствие острого дефицита молодых управленческих и творческих кадров, обусловленного низким уровнем престижа творческой деятельности. В массовом сознании населения, и в первую очередь молодежи, сформировался непривлекательный образ человека, занятого в сфере творческих профессий: без карьерных перспектив, социального и материального успеха. Необходимы меры по целенаправленному формированию общественного спроса на талантливых и творческих людей. Без выработки системных мер и целевой поддержки процессов творчества не будет решена острейшая на сегодня для сферы культуры проблема нехватки инициативных, инновационно мыслящих творцов новой культуры. Адресная поддержка творчески одаренных детей и молодежи будет способствовать росту культурного потенциала региона.

По мнению наших экспертов, для развития культурного потенциала региона есть неиспользованные резервы, связанные с привлечением малого бизнеса в сферу культуры. Если крупные частные предприятия оказывают спонсорскую помощь учреждениям культуры, то предприятия малого бизнеса пока очень мало вовлечены в процесс развития культурных учреждений и развлекательных услуг из-за неясности стратегии развития культуры в регионе, отсутствия должной правовой базы и современных механизмов частного финансирования. Правовая неурегулированность цивилизованного меценатства, спонсорства и благотворительности, недостаточная государственная поддержка общественных творческих инициатив также сдерживает развитие культурного потенциала региона.

Итак, на фоне общего благополучия региона, уровня благосостояния, стабильности и позитивных характеристик самоощущения населения, роста трудовой активности и социальной мобильности можно заключить, что по уровню социокультурного развития Уральский федеральный округ, Свердловская область располагают высоким экономическим и социокультурным потенциалом, о чем свидетельствует социальная инфраструктура, способная удовлетворять реальные потребности населения.

Однако следует отметить и негативные последствия широкого внедрения в жизнь современных информационных технологий. В частности, значительно возрастают риски техногенных катастроф из-за сбоев в работе автоматических систем, из-за ошибок, связанных с «человеческим фактором». Развитие коммуникационной техники, мобильных телефонов и социальных сетей сопровождается не только оперативностью в общении, но и сокращением эмоциональных контактов, что оказывает негативное воздействие на психику и может вызвать психосоматические изменения в организме человека. Многие последствия бурного развития компьютерных технологий не изучены в должной мере, и их последствия не поддаются оценкам в дальней перспективе. Однако на современном этапе преимущества информационных технологий очевидны, хотя тенденции их развития вызывают споры сторонников и противников нарождающегося нового образа жизни в информационном обществе.

Заключение. Таким образом, социальная инфраструктура, по существу, закрепляет изменения, вызванные модернизацией эконо-

мики и других сфер общества. Вместе с тем она выступает показателем уровня новой индустриализации, а также основанием для сравнительного анализа степени модернизованности регионов. Переход из индустриального в информационное общество лежит через множество этапов, основные вехи которых можно проследить через комплекс объектов социальной инфраструктуры. Центральное место в этом ансамбле принадлежит ИТ-организациям и интернет-технологиям. Уровень развития интернет-технологий в материальном производстве (роботизация, автоматизированные системы управления производством и информацией, контрольно-измерительная техника в автоматическом управлении технологическими процессами), в образовательном процессе, медицинском обслуживании населения и оказании широкого спектра других культурных, бытовых и иных повседневных услуг населению являются основанием для сравнения регионов. Все это позволяет считать социальную инфраструктуру институциональным показателем уровня новой индустриализации и степени модернизованности регионов, общества в целом.

1. *Тощенко Ж. Т.* Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. – М.: Мысль, 1980. – 206 с.

2. *Jochimsen R.* Theorie der Infrastruktur. – Tubingen, 1996. – P. 99.

3. *Nurkse R.* Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries. – Oxford, 1993. – P. 75.

4. *Rosenstein-Rodan P.* Notes on the Theory of the «Big Push» // Economic Development for Latin America. – 1961. – P. 60.

5. *Важенин С. Г.* Социальная инфраструктура народно-хозяйственного комплекса. – М.: Наука, 2004.

6. *Васькин Е., Пацюрковский В.* Социальная инфраструктура: предмет исследования: сб. науч. трудов. – М., 2011.

7. *Захарова И. Л.* О содержании и структуре понятия социальная инфраструктура // Географический анализ природных и социально-экономических образований. – Рязань, 2012. – Ч. 1–2.

8. Развитие культуры в Свердловской области на 2011–2015 гг. Областная целевая программа, утвержденная постановлением Правительства Свердловской области от 11 октября 2010 г. № 1474-ПП // Министерство культуры Свердловской области. – URL: http://www.mkso.ru/normative/ocp_kultura (дата обращения: 25.11.2014).

**ВЕЛИЧИНА И СТРУКТУРА СФЕРЫ УСЛУГ
В КОНТЕКСТЕ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

**THE VOLUME AND STRUCTURE OF SERVICES
IN CONDITIONS OF REINDUSTRIALIZATION AND MODERNIZATION OF ECONOMY**

Е.Б. Мостовая

E.B. Mostovaya

*Новосибирский государственный университет
Novosibirsk State University*

Статья поступила в редакцию 3 июля 2015 г.

Бурный рост сферы услуг наблюдается в последние годы во всём мире, а не только в развитых странах. Но в развитом мире он сопровождается небывалым ростом сложности и производительности труда в реальном секторе экономики и принципиальным изменением потребительских характеристик товаров. А в некоторых среднеразвитых и предварительно развитых странах происходит сокращение собственного производства товаров и усиливается зависимость растущей сферы услуг от товарного импорта. Перспективы и направления экономического развития могут быть уточнены и скорректированы на основании анализа качественных характеристик сферы услуг, а именно на основании анализа отраслевой структуры этой сферы. Такой анализ применительно к российским реалиям и перспективам выполнен в настоящей статье.

The increased growth of services has taken part in all over the world, not only in the industrial countries. But in the industrial world it is connected with the unprecedented rise of complexities and labor productivity and general changes of the good consumer characteristics in the real sector of economy. In some average industrial and preindustrial countries the production of internal (i.e. their own goods) is decreased and the dependence of services on the imported goods grows. Prospects and directions of economic development can be refined and adjusted based on the analysis of qualitative characteristics of the services sector, namely on the basis of the analysis of the sectoral structure of this sector. This analysis of the Russian realities and prospects is made in this article.

Ключевые слова: сфера услуг, индустриальное общество, общество знаний, модернизация, реиндустриализация, технологический уклад, К-цикл.

Key words: sphere of services, industrial society, knowledge society, modernization, reindustrialization, technological structure, K-cycle.

Введение. Авторитетные исследователи [1; 2] склоняются к тому, что количественные индикаторы постиндустриальной стадии в развитии современных государств достаточно полно представлены в методике, разработанной в Центре исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН) [2006]. Однако представляется, что для адекватного определения социально-экономического статуса страны одних количественных индикаторов недостаточно.

Наша **гипотеза** заключается в следующем: стадия социально-экономического развития относительно обособленно функционирующего национального хозяйства может быть определена более точно лишь при условии выявления качественных характеристик сферы обслуживания, к числу которых мы предлагаем отнести отраслевую структуру этой сферы.

Бурный рост сферы услуг во второй половине XX в. происходил не только в самых

развитых в социально-экономическом отношении странах, он затронул и Гватемалу, где доля сферы услуг в ВВП составила в 2013 г. 60 %, а также Македонию, Молдову, Багамы, где аналогичный показатель равнялся соответственно 63, 68 и 80 % [1]. При этом рост занятости в сфере услуг сопровождался в одних странах небывалым ростом сложности и производительности труда в реальном секторе экономики (т. е. прежде всего в промышленности и сельском хозяйстве) и принципиальным изменением потребительских характеристик производимых товарных тел. В других же странах собственное производство товарных тел сворачивалось, а необходимое в производстве услуг потребление товарных тел стало обеспечиваться ввозом таких тел из других стран, т. е. их импортом. Понятно, что в этих двух случаях рост занятости и продукта сферы услуг индицирует совершенно разные по своей сути процессы. Если в развитых в индустриальном отноше-

нии странах рост сферы услуг индицирует стадию вторичной модернизации [3] производства и общества, т. е. стадию формирования общества знаний, в котором господствующую роль начинает играть производство новой информации и творческие (креативные) качества работников, то в странах второго типа происходит окончательная утрата экономической автономности и их фактическое подчинение движению глобальных товарных потоков в роли их утилизатора (потребителя). Безусловно, и первый и второй процессы являются проявлениями интернационализации и глобализации мирового хозяйства, но в первом случае акторами процесса исполняется активная и созидательная роль, тогда как во втором – роль пассивная и подчинённая.

Безусловно, на Багамах, в Македонии, Молдове и Гватемале развиваются и тенденции вторичной модернизации, и к тому же, возрастающая зависимость этих стран от импорта товарных тел, необходимых для туристского сервиса, оборачивается ростом зависимости поставщиков этих товарных тел от колебаний спроса потребителей на такие услуги, так что экономическому процветанию «малых» стран второго типа, по-видимому, ничто серьёзное не угрожает (если исключить мировой спад) иная ситуация складывается в «больших» странах второго типа, где внезапное прекращение и даже сокращение товарного импорта может стать источником снижения темпов экономического роста и падения уровня жизни населения. Негативная реакция экономики на сокращение товарного импорта тем вероятнее, чем архаичнее структура сформированной в стране сферы услуг.

Предлагается различать три типа структуры сферы услуг – архаичную, индустриальную и новую.

В допромышленную эпоху главным актором сферы услуг был торговец, купец, источником доходов которого была разница в общественно-нормальных условиях производства товарных тел в разных регионах: вино было дешевле производить в Португалии, а сукно – в Великобритании. Поэтому Португалия производила вино, а Великобритания – сукно в объёмах превосходящих собственные потребности, а «излишки» купцы продавали в соседней стране. Определённые риски потери доходов возникали при транспортировке товарных тел, но они компенсировались ростом цены товаров. Адам Смит называл такое повышение цен реализацией

абсолютных преимуществ. Купец допромышленной эпохи постепенно превращался из автора перепродажи и транспортировки товаров в их производителя в мануфактуре, что создавало угрозу массовому ремесленному и кустарному производству товарных тел и неизбежно порождало негативное восприятие купеческой деятельности в массовом сознании. Реализацию абсолютных преимуществ некоторые теоретики даже в середине XIX в. отождествляли со спекуляцией, а сферу торговли считали непроизводительной сферой. Сфера услуг состояла в допромышленную эпоху практически только из двух отраслей: из торговли и транспорта. Такую структуру и предлагается называть архаичной.

Индустриализация производства товарных тел привела к их резкому удешевлению и бурному развитию внутренней и внешней торговли товарами. Торговать стали не только редкостями и предметами роскоши, объектом торговли стали орудия труда и товары массового потребления. В итоге сфера услуг стала расти, кроме торговли и транспорта в её составе стали развиваться общепит, почта и производство развлечений. Рост производства товарных тел потребовал роста и развития финансовой подсистемы хозяйства, а также развития институтов охраны прав и имущества населения и предпринимателей, т. е. армии и полиции, суда и прокуратуры, пенитенциарной системы и законодательных органов. И если в допромышленную эпоху структура сферы услуг была архаичной (т. е. сфера услуг включала торговлю и транспорт и ничтожную долю прочих услуг), то в индустриальном обществе (например, в России) стало принято различать в составе сферы услуг следующие структурные элементы:

1) бытовые услуги (ремонт обуви, мебели, бытовых машин и приборов, строительство жилья, услуги фотоателье, бань, саун и т. п.);

2) транспортные услуги (услуги пассажирского транспорта, грузового транспорта и транспортной экспедиции);

3) услуги связи (телефонной связи, радиофикации, электронной связи, телевидения, почтово-телеграфной связи);

4) жилищно-коммунальные услуги;

5) услуги учреждений культуры кино и кинопроката, театрально-зрелищных предприятий, филармонии, выставочного характера, художественного оформления, парков культуры и отдыха, музыкальных, хореографических школ и т. д.);

б) туристские услуги (туристские услуги и услуги средств размещения для временного проживания туристов);

7) услуги физической культуры и спорта;

8) медицинские услуги (медицинские, санаторно-оздоровительные, ветеринарные);

9) услуги правового характера (нотариат, адвокатура);

10) услуги банков (вклады, ссуды, лотереи и т. п.);

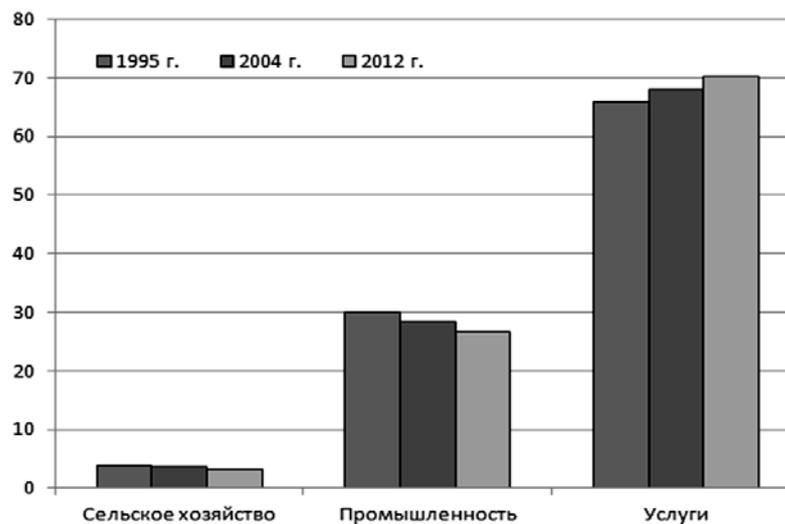
11) услуги торговли и общественного питания, рынков;

12) прочие услуги населению (страхование, операции с недвижимым имуществом, реклама, наука, частные детективы и т. п.) [4].

Помимо существенного расширения состава элементов сферы услуг в обществе индустриального типа происходит их профессионализация, т. е. уменьшение возможностей взаимозаменяемости работников в этой сфере. В самом деле, далеко не каждый риелтор может оказать профессиональные юридические услуги, так же как и не всякий юрист способен починить пришедший в негодность

телевизор или компьютер. Масштаб занятости в сфере услуг индустриального типа резко возрастает, и экономисты-теоретики начинают концептуализировать созидательную роль сферы услуг индустриального типа и подсчитывать вклад этой сферы в производство национального продукта. Традиционные отрасли допромышленной сферы услуг – торговля и транспорт уменьшают свои удельные веса и в занятости, и в ВВП. Таким образом, сфера услуг индустриального типа характеризуется не только ростом величины, но обогащением и изменениям внутренней структуры.

В настоящее время, однако, сфера услуг не просто растёт и развивается, она занимает доминирующее положение и в структуре занятости населения, и в составе крупных отраслей формирования национального дохода (см. рис.). В постиндустриальном мире принципиально изменяется и структура сферы услуг, в которой увеличивается доля консалтинговых, образовательных и научных услуг. Такую структуру предлагается называть новой.

Распределение ВВП по секторам экономики в мире, %

Источник: World bank indicators.

Вышеприведённая классификация отраслей сферы услуг, применяемая в российской статистике в форме общероссийского классификатора услуг населению (ОКУН), отображает скорее второй – индустриальный – тип структуры этой сферы, так как наука, например, относится в данном классификаторе к «прочим услугам населению», а образование в нём вовсе отсутствует.

Можно ли считать при этом экономику России современной, т. е. постиндустриальной? Методика Центра исследований модер-

низации Китайской академии наук (ЦиМ КАН) с помощью которой китайские учёные, начиная с 2007 г., измеряют стадии всемирной модернизации для 131 страны, позволяет ответить на этот вопрос утвердительно [3]. Ведь в современной России большинство населения занято в сфере услуг, а не в промышленности и сельском хозяйстве, т. е. величина сферы услуг, её вклад в формирование ВВП, безусловно, доминируют. Иными словами, количественные параметры российской сферы услуг в целом вполне соответствуют по-

стиндустриальной стадии социально-экономического развития.

Данный вывод, однако, не подкрепляется состоянием качественных параметров российской сферы услуг или «третичного сектора», к списку которых относится, но нашим представлением, во-первых, состав отраслей сферы услуг и, во-вторых, определяемая этим составом «зависимость функционирования промышленной и аграрной отраслей от происходящих в «третичном секторе» явлений, зачастую не имеющих ярко выраженного экономического характера. Данная качественная трансформация дополняется реструктуризацией мировой торговли и других сторон интернационализации мирового хозяйства, проявляющих отчётливую тенденцию к значительному увеличению доли услуг в экспорте государств с развитыми экономическими явлениями» [2, с. 124].

Экономика России, безусловно, может быть квалифицирована в качестве постиндустриальной, но не по критериям первого десятилетия XXI в., а лишь по критериям 1985 г. (см. табл. 1):

- доля сферы услуг в ВВП России составляет в 2011 не 79–73 % как в развитых странах, а только 59 %, что соответствует параметрам развитых стран 1985 г.;

- если в развитых странах в 2011 г. вклад новых отраслей сферы услуг в ВВП в 2–2,5 раза превосходит вклад традиционных отраслей, то в России доля традиционных услуг остаётся в 2011 г. выше доли новых;

- уже в 1985 г. в ряде развитых стран (в США, Японии, Франции, Италии) наблюдался более высокий вклад новых отраслей сферы услуг в ВВП и только в Италии вклад новых отраслей был на один процентный пункт ниже вклада традиционных.

Таблица 1

Удельный вес традиционных и новых отраслей услуг в составе ВВП в развитых странах, % (1985, 2011 г.)

Страна	Доля сферы услуг в составе ВВП	В том числе доля		
		Традиционных*	Новых**	Прочих
	1985 2011	1985 2011	1985 2011	1985 2011
США	68 79	23 20	33 50	12 9
Великобритания	53 79	18 22	22 46	13 11
Франция	60 79	21 19	22 48	17 12
Италия	59 73	24 22	23 41	12 10
Япония	61 71***	19 20	32 52	8
Германия	69	18	41	10
Россия	59	29	25	7

* К традиционным отнесены услуги торговли, общепита, гостиничного и транспортного бизнеса, сферы коммуникаций; ** к новым – финансовые, страховые, профессиональные, деловые, образовательные и здравоохранительные услуги; *** – без прочих услуг. Составлено по: Росстат РФ и OECD Factbook2013

Отмеченные подробности означают, что цели вторичной модернизации экономики являются в настоящий момент неоправданно амбициозными для России в целом, что страна имеет сферу услуг не информационного (нового), а, скорее, устарелого индустриального типа. Для кардинальных преобразований требуется поэтому существенное увеличение вложений не в развитие сферы новых, т. е. профессиональных, деловых, финансовых, научных и образовательных услуг, а значительные усилия по преодолению зависимости экономики России от товарного импорта.

Дополнительным аргументом в пользу стратегии преодоления зависимости от товарного импорта, т. е. стратегии реиндустриализации является фактическое соотношение хозяйственных укладов или техноло-

гических пучков, сформировавшееся в российской экономике (см. табл. 2).

Технологические пучки, или, по терминологии академика РАН Е.Н. Каблова, хозяйственные уклады, были охарактеризованы в трудах Й. Шумпетера [5] в процессе анализа К-циклов (длинных циклов, открытых Николаем Дмитриевичем Кондратьевым [6] профессором Санкт-Петербургского университета, в советскую эпоху возглавившим Московский конъюнктурный институт). К первому технологическому укладу принято относить новые технологии в текстильной промышленности (ткацкий станок) и применение угля и пара в промышленности (паровой двигатель), что обеспечило первую промышленную революцию в XIX в., лидером которой стала Великобритания. Второй техноло-

гический уклад закрепил лидирующую роль Великобритании на базе применения паровых двигателей в сухопутных (железные дороги) и морских перевозках. Третий уклад сложился в начале XX в. на базе применения двигателей внутреннего сгорания на транс-

порте, электрификации промышленности и изменения технологии производства удобрений в сельском хозяйстве (химические удобрения стали вытеснять естественные). Лидером применения третьего уклада стали США.

Таблица 2

**Доля производительных сил различных технологических укладов
в экономике США и России в 2010 г., % [5, с. 2]**

<i>Технологический уклад</i>	<i>США</i>	<i>Россия</i>
Шестой	5	–
Пятый	60	10
Четвёртый	20	более 50
Третий	15	33
Первый и второй	–	около 5

Основу четвёртого технологического уклада, массовое применение которого пришлось на вторую половину XX в., составили ядерная энергетика, электроника и зелёная революция, основанная на массовом применении машин, химических удобрений и ядохимикатов в сельском хозяйстве. Лидерами внедрения четвёртого уклада стали Франция, Германия, Япония. Пятый уклад обеспечил радикальную модификацию средств связи, а также сферы хранения и обработки информации, фактически уничтожил множество профессий в обрабатывающей промышленности на базе робототехники. Его основу составили компьютеры на чипах, стекловолоконные кабели, космическая телефония и биотехнологии. Его массовое применение пришлось на последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI в., а к привычным лидерам присоединились малые азиатские страны, именуемые азиатскими драконами.

В отношении шестого уклада Е.Н. Каблов говорит следующее: «Сегодня мир стоит на пороге шестого технологического уклада. Его контуры только начинают складываться в развитых странах мира, в первую очередь в США, Японии и КНР, и характеризуются нацеленностью на применение наукоёмких, или, как теперь говорят «высоких технологий». У всех на слуху сейчас био- и нанотехнологии, геновая инженерия, мембранные и квантовые технологии, фотоника, микро-механика, термоядерная энергетика – синтез достижений на этих направлениях должен привести к созданию, например, квантового компьютера, искусственного интеллекта...» [7, с. 124]

Соотношение производительных сил шести технологических укладов, представ-

ленное в таблице 2, доказывает, на наш взгляд, на необходимость скачка российской экономики от четвёртого к шестому укладу, а как раз актуальность реиндустриализации, т. е. сокращение масштабов применения технологий четвёртого и третьего укладов и роста применения технологий пятого уклада. Российская история решительно предостерегает от скачков: петровский скачок с применением промышленных технологий в производстве металлов позволил России в короткое время сравняться по выплавке металлов с Великобританией, но обернулся почти вековой промышленной стагнацией из-за применения крепостного (рабского) труда. Сталинский индустриальный скачок породил эпоху застоя из-за преимущества оборонительного направления развития индустриальных технологий. Скачок в освоении ядерных и космических технологий, пришедшийся на 1960-е гг., не принёс России экономического процветания из-за отсутствия гражданской и коммерческой составляющих в амбициозных проектах освоения космического пространства (аппараты беспроводной телефонии и компьютеры, а также программное обеспечение этих устройств мы продолжаем приобретать за рубежом).

Но и реиндустриализация в эпоху экономических санкций превращается в трудно разрешимую проблему для России. Если российский бизнес не сумеет развернуть применение пятого технологического уклада на базе отечественных возможностей образовательной и научной сфер в короткие сроки, то рост отечественного хозяйства станет осуществляться по привычному для страны догоняющему типу. Последний тезис требует особого развёрнутого доказательства, изло-

жение которого выходит за рамки заявленной темы.

Итоговым **заключением** нам представляется следующее обобщение вышеизложенного:

- только формальные количественные показатели (масштабы занятости и доля сферы услуг в ВВП) позволяют рассматривать российскую экономику в качестве постиндустриальной;

- качественные показатели, а именно отраслевая структура сферы услуг и структура сформировавшихся в России технологических укладов, индицируют не постиндустриальное, а только индустриальное состояние отечественной экономики;

- главным стратегическим ориентиром социально-экономического развития в современной России становится поэтому не вторичная модернизация, не построение современного общества знаний и реиндустриализация или сокращение масштабов применения четвёртого и третьего технологических укладов, а расширение масштабов использования пятого технологического уклада на базе интенсификации деятельности отечест-

венного инновационного бизнеса, образовательной и научной сфер.

1. The world bank. – URL : <http://www.data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 25.11.2014).

2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина. – М. : Весь мир, 2011. – 256 с.

4. В помощь бухгалтеру. – URL : <http://www.mvf.klerk.ru/spr/spr70.htm> (дата обращения: 25.11.2014).

5. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. – М., 1989. – 526 с.

6. *Каблов Е. Н.* Шестой технологический уклад (беседу ведёт Б. Руденко) // Наука и жизнь. – 2010. – № 4. – С. 2–7.

7. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. – М., 1982. – 456 с.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

INFORMATIZATION OF THE SOCIAL SPHERE IN THE CONDITIONS OF MODERN MODERNIZATION PROCESSES

Е.Б. Архипова, С.Н. Панкова

E.B. Arhipova, S.N. Pankova

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
Ural Federal University n.a. the first Russian President Boris Yeltsin, Ekaterinburg

Статья поступила в редакцию 7 июля 2015 г.

В статье рассматривается актуальное состояние и проблемы процесса информатизации социальной сферы в условиях современных социально-экономических модернизационных процессов. На основе исследования, проведенного в Екатеринбурге в 2014 г., представлена попытка оценить уровень информатизации социальных учреждений, степень принятия ИКТ специалистами и руководителями социальных организаций, а также их готовность реализовывать новую социальную политику согласно принципам Стратегии 2020. Подчеркивается незавершенность процесса информатизации, выделяются положительные аспекты и сложности внедрения информационных технологий в практическую деятельность социальных учреждений. Положительное влияние ИКТ выражается в экономии времени, возможности систематизировать необходимую информацию и хранить её в одном месте, облегчении доступа к информации, ее созданию, редактированию и обмену, контроле деятельности всех специалистов по созданию документации и ведению баз данных и обеспечении надежной защиты персональных данных клиентов. Сложности обусловлены несовершенством государственного регулирования информатизационных процессов, отсутствием образовательно-методической поддержки, социально-психологическими особенностями сотрудников социальных служб. Раскрываются различия в динамике внедрения ИКТ в зависимости от профиля и функционала учреждений, которые заключаются в приоритетности информатизации организаций, выполняющих административные и управленческие функции в ущерб учреждениям, непосредственно оказывающим социальные услуги населению. Результаты работы могут найти практическое применение в совершенствовании государственного регулирования процессов информатизации социальной сферы, в актуализации проблем внедрения новых ИКТ в деятельность специалистов социального обслуживания населения.

The article contains the analysis of an actual state and problems of process of the social sphere informatization in the conditions of modern social and economic modernization processes. The article presents an attempt to estimate the level of informatization of social establishments, extent of acceptance of ICT by employees and heads of the social establishments, and also their readiness to realize new social policy according to the principles of Strategy 2020, based on the research conducted in Yekaterinburg in 2014. The author emphasizes incompleteness of process of informatization, allocates positive aspects and difficulties of introduction of information technologies in practical activities of social establishments. Positive influence of ICT is expressed in saving of time, opportunity to systematize necessary information and to store it in one place, simplification of access to information, its creation, editing and an exchange, control of activity of all specialists in creation of documentation and maintaining databases and ensuring reliable protection of personal information of clients. Difficulties are caused by imperfection of state regulation of processes of informatization, lack of educational and methodical support, social and psychological features of employees of social services. The article shows distinctions in dynamics of introduction of ICT depending on a profile and functionality of establishments. Distinctions consist in priority of informatization of the organizations which are carrying out administrative functions to the detriment of the establishments which are directly rendering social services to the population. Results of work can find practical application in improvement of state regulation of processes of the social sphere informatization, in updating the problems of introduction of new ICT in technologies of social service of the population.

Ключевые слова: социальная сфера, социальное обслуживание, информатизация, информационно-коммуникационные технологии, неоиндустриализация, модернизация

Key words: social sphere, social service, informatization, informational and communication technologies, neoindustrialization, modernization.

Введение. В рамках «Стратегии – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика» декларируется курс на возрождение социально-экономического потенциала страны, базируясь на принципах неоиндустриализации, под которой понимается формирование новой экономики, основанной на вы-

соких технологиях, компьютеризации, информатизации, интеллектуализации всех отраслей производства.

Однако возрождение социально-экономического потенциала страны невозможно без обеспечения достойного качества жизни ее населения (трудового потенциала для бу-

дущих изменений). Обеспечение высокого качества жизни населения выступает предпосылкой для мотивации на развитие, на должное отношение к инновациям, на готовность тратить ресурсы. Следовательно, общество в условиях обеспечения социального благополучия должно стать опорой для новых преобразований. Это понимают разработчики данной стратегии и делают курс на общесистемную модернизацию, на всемерное укрепление самого государства, на становление нового социального государства, на формирование основ нового общества, для которого на первом месте будет стоять воспроизводство человека и поднятие качества жизни, а не на получение прибыли.

Поэтому, помимо экономического роста и поддержания макроэкономической стабильности, укрепления рыночных институтов и денежной политики, Стратегия-2020 направлена и на развитие социальной сферы: обеспечение социальной стабильности посредством развития рынка труда, сокращения неравенства и преодоления бедности, развития общественных институтов, улучшения среды обитания человека [1].

Функционирование и развитие социальной сферы в современных условиях невозможно без прямой и обратной связи с социумом, без обмена информацией. Информация и коммуникации представляют собой ключевые моменты процесса управления социальной сферой и ее развития. В современном мире ни одна организация, а тем более социальное учреждение, не может функционировать без полноценного информационного сопровождения своей деятельности, без использования современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Информационное сопровождение деятельности учреждения социального обслуживания населения подразумевает сбор и распространение социальной информации через коммуникационные каналы, доведение ее до населения, налаживание постоянной взаимосвязи социальных учреждений и их реальных (или потенциальных) клиентов с целью повышения эффективности и результативности социального обслуживания.

В связи с этим перспективной видится цель отслеживания динамики процессов информатизации социальной сферы в условиях интенсивных модернизационных процессов, связанных с повышением эффективности системы социальной поддержки населения. Оценка уровня развития информацион-

ных технологий в социальной сфере и степень принятия их специалистами социальных учреждений важны для планирования дальнейшего развития системы социальной поддержки населения в условиях неоиндустриализации. В данной статье будут представлены результаты исследования, направленного на диагностику уровня информатизации учреждений социальной сферы с целью оценки их готовности реализовывать новую социальную политику согласно принципам Стратегии-2020.

Обзор литературы. Процесс информатизации социальной сферы попадает под предметную область сразу нескольких дисциплин, таких как социология, философия, социальная информатика. Первые работы, в которых осмыслились проблемы информатизации, отсылают нас к таким классикам теорий постиндустриального и информационного общества, как Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс, З. Бжежинский, А. Турен, Ю. Хабермас. Российская концепция постиндустриального общества представлена в трудах В.Л. Иноземцева. Процесс информатизации в России изучали А.Д. Урсул, А.И. Ракитов, Р.Ф. Абдеев, И.С. Мелюхин, А.В. Коротков, С.С. Рябинская и др.

Анализу социальных аспектов информатизации современного российского общества посвящены работы Е.В. Воронцовой, Ф.М. Махниной, Н.И. Мельниковой, Н.С. Онокой, О.Л. Софроновой, И.В. Юшкиной.

Вопросы информатизации социальной сферы рассмотрены в трудах С.Е. Гасумовой, А.Р. Даниловой, А.Н. Жердева, И.Л. Семакиной, В.И. Клеиной, Л.И. Клеиной, А.С. Корчевой, Л.В. Ермолаевой, Н.В. Стрелковой. В них проводится анализ технической оснащенности учреждений социальной сферы, в зависимости от типа учреждения [2], предлагаются гипотезы о развитии ИКТ [3], описывается опыт внедрения новых информационных технологий [4], анализируется потенциал использования современных информационных технологий при формировании социальной политики, управлении социальной защитой [5–8].

Однако до сих пор мы не можем сказать, что проведен детальный, целостный, системный анализ процесса информатизации социальной сферы, возможностей использования ИКТ в социальном обслуживании населения и управлении социальной сферой.

Гипотезы и методы исследования. В качестве основной гипотезы мы использу-

ем предположение о том, что процесс информатизации социальной сферы еще не завершился: уровень технического и программного оснащения социальных учреждений зависит от их профиля и функционала.

Двумя вспомогательными гипотезами являются предположения о том, что специалисты и руководители учреждений социального обслуживания не в полной мере используют возможности ИКТ в своей профессиональной деятельности, а также нуждаются в специализированных образовательных курсах, которые бы формировали у них навыки эффективной работы со специализированными программами и другими ИКТ.

Эмпирической основой статьи послужили данные исследования, проведенного в сентябре-декабре 2014 г. совместно с магистрантами 1-го года обучения в рамках освоения учебной дисциплины «Информационное обеспечение деятельности специалистов социальной сферы».

Методология исследования предполагала использование как количественных, так и качественных методов, что позволило нам обеспечить и глубину, и широту эмпирических данных.

Общая схема исследования включала в себя следующие методы: анализ web-сайтов учреждений социального обслуживания, проведение неструктурированного наблюдения, глубинное интервью с руководителями учреждений и начальниками подразделений, опрос специалистов учреждений социальной сферы

Анализ web-сайтов учреждений социального обслуживания проводился с целью оценки их актуального состояния и соответствия требованию полноценного информационного сопровождения деятельности социальных учреждений.

В качестве объекта для анализа мы выбрали сайты учреждений различного типа и профиля работы: Комплексный центр социального обслуживания населения (3 учреждения из различных районов города), Центр помощи семье и детям (2 учреждения), Управление социальной политики (2 учреждения), Министерство социальной политики Свердловской области. Итого наша выборка составила 8 сайтов социальных учреждений Екатеринбурга.

Используемая нами методика анализа web-сайтов предусматривала детальный анализ интернет-ресурсов (текстовое и стилистическое оформление страниц, анализ структу-

ры и дизайна сайта, а также его содержания) с целью оценки их потенциала и возможностей по организации взаимодействия с социумом и по обеспечению открытости и доступности информации об учреждениях социального обслуживания.

Невключенное структурированное наблюдение проводилось с целью анализа реального уровня технического оснащения учреждений и отношения специалистов к ИКТ, выражающегося во внешних поведенческих реакциях. Выборка составила 8 учреждений. В рамках наблюдения фиксировалась обеспеченность персонала всеми необходимыми техническими устройствами, а также особенности использования ИКТ специалистами в своей профессиональной деятельности.

Глубинное интервью с руководителями учреждений и начальниками подразделений проводилось с целью выявления роли ИКТ в административно-управленческом процессе и оценки готовности учреждения к новой волне процесса информатизации. Общее число интервью – 8 (по 1 человеку в каждом учреждении).

Опрос специалистов учреждений социальной сферы проводился с целью анализа степени принятия ими новых информационных технологий и способности эффективно использовать их в своей профессиональной деятельности. Общее число опрошенных – 49 человек (по 6–7 ключевых специалистов в каждом учреждении).

Таким образом, согласно исследовательской логике, в отобранных для исследования учреждениях сначала проводилось наблюдение и анализировалась работа сайта, а затем, с учетом уже полученной информации, проводилось интервью с представителем администрации и ключевыми специалистами. Данная схема исследования позволила нам получить комплексную информацию, которая практически полностью характеризует состояние процесса информатизации учреждений социальной сферы в Екатеринбурге, поскольку мы отбирали для нашего исследования наиболее типичные социальные организации.

Результаты исследования. Результаты нашего исследования свидетельствуют о достаточно высоком уровне технического оснащения социальных учреждений. Рабочие места специалистов оборудованы компьютерной и прочей офисной техникой на 90 %, что, с одной стороны, может свидетельствовать о хороших темпах информатизации данной сферы. Но, с другой стороны, возраст дан-

ной техники и ее возможности не всегда отвечают современным требованиям. По словам руководителей, сейчас идет процесс обновления техники в учреждениях, но он достаточно длительный. Так, например, в Управлениях социальной политики уже в 2013 г. заменили все компьютеры на новые, и их количество на 100 % соответствует числу сотрудников. Очевидно, что очередность обновления компьютерного парка находится в прямой зависимости от функционала учреждения.

Основываясь на полученных данных, мы выделили 2 типа социальных учреждений, различающихся по своему функционалу и, как следствие, по динамике информатизационных процессов:

1. Учреждения, выполняющие административные и управленческие функции (Управление, Министерство).

2. Учреждения, оказывающие основные социальные услуги (КЦСОН, ЦПСИД).

Уровень развития ИКТ в учреждениях первой группы характеризуется следующим:

- была проведена (или проводится) полная замена компьютерной техники и программного обеспечения;

- активно используется электронный документооборот как внутри организации, так и между другими организациями. «...Программа СЭД (система электронного документооборота) является своеобразным электронным контролем деятельности. Она собирает данные об активности пользователя... ликвидирует дистанцию между начальником и подчиненным, позволяет передавать распоряжения и выполненные работы...» (Старший специалист отдела обеспечения социальных гарантий Министерства социальной политики Свердловской области);

- повышенное внимание уделяется вопросам информационной безопасности в связи с тем, что сотрудники часто работают с персональными данными клиентов. А именно: на каждом компьютере установлен уникальный пароль, имеется запрет на пользование съемными носителями и электронной почтой (и в целом Интернетом, кроме сайта учреждения), у всех сотрудников есть электронная цифровая подпись;

- используются защищенные каналы передачи данных;

- регулярно проводятся курсы и обучение персонала работам в новых специализированных программах;

- имеется IT-отдел, который оказывает работникам учреждений техническую помощь и поддержку.

Таким образом, процесс информатизации органов управления социальной сферой на данный момент демонстрирует положительную динамику и характеризуется достижением высоких результатов.

Сложнее обстоит дело с внедрением ИКТ в социальные учреждения, которые непосредственно оказывают услуги населению. Во-первых, стоит отметить, что уровень их информатизации варьирует в зависимости от профиля работы и территориальной принадлежности. Во-вторых, наблюдение и интервью с руководителями позволили выявить ряд общих проблем, которые могут негативно влиять на качество работы специалистов и учреждения в целом:

- наличие старой техники и программного обеспечения;

- предпочтение физическому обмену документами (между отделениями, филиалами, другими учреждениями) по причинам отсутствия программ электронного документооборота и в силу устоявшейся традиции (привычки);

- игнорирование требований информационной безопасности (на компьютере может отсутствовать пароль или использоваться один пароль на нескольких компьютерах);

- незнание основ работы с компьютером и с программным обеспечением многими специалистами, следовательно, часть рабочего времени неизбежно тратится на выяснение/устранение/объяснение возникших проблем.

Однако, несмотря на выявленные сложности, работа с компьютером составляет важную часть в деятельности сотрудников и в данных социальных учреждениях. Например, исполнение профессиональных обязанностей требует от специалистов ведение документов в электронной форме (в том числе и работа с базами), в которые заводятся данные о клиентах и социальных услугах.

Помимо высокого уровня технического оснащения современные реалии требуют от социальных учреждений всех типов создания собственных интернет-страниц или сайтов, которые выступают как средство связи и обмена информацией с социумом в целом, а также с реальными и потенциальными клиентами.

Объективно web-страницы появились у учреждений социального обслуживания населения уже достаточно давно, но отличались слабой презентабельностью и не проработанностью. Однако социальные организации за последние 3–5 лет существенно улучшили дизайн, содержание и наполняемость своих

сайтов, которые все больше выглядят как индивидуально разработанные программистами с учетом фирменного стиля, логотипа и сферы деятельности. Но до сих пор остается достаточно большое количество социальных учреждений, которые создают свои сайты по готовому шаблону и на готовых платформах.

В нашем исследовании мы смогли выделить общие достоинства и недостатки, которые присущи web-сайтам современных социальных учреждений Екатеринбурга. В таблице приведены выявленные нами достоинства и недостатки проанализированных сайтов.

Достоинства и недостатки web-сайтов социальных учреждений Екатеринбурга

<i>Общие достоинства</i>	<i>Наиболее часто встречаемые недостатки</i>
Актуальные новости учреждения	Отсутствие карты сайта и поиска по сайту (или расположение его в неудобном месте)
Приятная (в основном, одинаковая) цветовая гамма	Отсутствие версии для слабовидящих людей
Наличие иллюстративного материала (фото, видео)	Неактуальность (или вообще отсутствие) информации на отдельных страницах сайта
Быстрая загрузка страниц сайтов	Неравномерность наполняемости страниц
Наличие полезной информации и ссылок на другие государственные учреждения	Наличие посторонней информации на страницах сайта
Понятная и логичная структура сайта	Неполная контактная информация, а также информация о структуре организации, ее отделах.
Удобное навигационное меню	Очень мало ключевых слов на страницах, что уменьшает «видимость» данных сайтов в поисковых системах

В целом на данный момент мы все еще наблюдаем вариативность представлений о том, как должен выглядеть официальный сайт социального учреждения, каков должен быть его дизайн и контент, но можно предположить, что в самое ближайшее время сложившаяся ситуация претерпит изменения.

В декабре 2013 г. был принят федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 января 2015 г [9], 13 статья которого гарантирует населению возможность быстрого доступа к унифицированной информации о деятельности всех функционирующих в стране социальных служб (и государственных, и негосударственных). Конкретный перечень обязательной информации уже закреплен в данном законе. Соответственно, со временем структура сайтов будет примерно однотипной, информация (в том числе контактная) более актуальной и содержательной, что позволит повысить уровень обслуживания социально незащищённых слоёв населения в РФ.

Заключение. Подводя итог, необходимо отметить, что у процесса информатизации социальной сферы все-таки наблюдается больше положительной динамики, чем отрицательной. Внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в практику деятельности учреждений социальной сферы уже произошло и, более

того, этап принятия и адаптации к новым условиям и технологиям работы специалистами уже пройден.

В целом и руководители, и специалисты положительно относятся к возрастающей роли информационных технологий в их профессиональной деятельности. Современные ИКТ существенно экономят время, позволяют систематизировать необходимую информацию и хранить её в одном месте, облегчают доступ к данной информации, ее созданию, редактированию и обмену, а также позволяют контролировать деятельность всех специалистов по созданию документации и ведению баз данных и обеспечивать надежную защиту персональных данных клиентов.

Но имеются и сложности с освоением новых технологий, особенно у сотрудников старших возрастов. Прослеживается потребность в организации специализированных курсов, посвященных основам работы с новыми ИКТ и с базами данных, в том числе, специализированными. Была выявлена тенденция, что в тех учреждениях, в которых данные курсы были проведены, степень освоения ИКТ и эффективность их использования в профессиональной деятельности значительно выше.

Таким образом, все гипотезы в той или иной степени подтвердились нашим исследованием. Действительно, процесс информатизации социальной сферы еще не завершился.

ся, но мы наблюдаем явную положительную динамику, особенно в учреждениях, выполняющих административные и управленческие функции.

Уровень информатизации учреждений, которые непосредственно оказывают услуги социально незащищенным слоям населения, и степень использования в них всех возможностей современных ИКТ значительно ниже. Вследствие этого мы можем сделать вывод, что социальные учреждения данного типа не совсем готовы к организации своей деятельности в русле современных глобальных модернизационных процессов и испытывают потребность в ряде коррекционных мероприятий, таких как организация специализированных образовательных курсов, замена устаревшей техники и программного обеспечения, внедрение электронного документооборота и систем безопасности данных, усиление штата ИТ-специалистами и т. д.

В заключение стоит подчеркнуть, что только в едином и целостном информационном пространстве всем слоям населения будет предоставлена равная доступность к определенным благам и услугам социальной поддержки вне зависимости от места проживания, социального статуса и уровня доходов, что будет способствовать преодолению регионального, имущественного и информационного неравенства. На данный момент данное информационное пространство еще окончательно не сформировалось.

1. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьмина. – М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – Кн. 1. – 430 с.

2. Клемина В. И., Клемина Л. И. Развитие информационных технологий социальной сферы в России // Человеческий капитал. – 2012. – № 12 (48). – С. 131–136.

3. Корчевая А. С., Ермолаева Л. В. Роль информационных технологий в социальной сфере // Информационные технологии и математическое моделирование в экономике, технике, экологии, образовании, педагогике и торговле. – 2012. – № 5. – С. 112–114.

4. Стрелкова Н. В. Информатизация социальной сферы и опыт применения технологии «единого окна» в системе социальной защиты населения // Наука – промышленности и сервису. – 2011. – № 6-1. – С. 259–276.

5. Гасумова С. Е. Информационная открытость системы социальной защиты в России и Великобритании // Власть. – 2015. – № 1. – С. 66–73.

6. Гасумова С. Е. Формирование единого информационного пространства в социальной сфере России: обзор практики // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. – 2013. – № 8-1(35). – С. 534–542.

7. Гасумова С. Е. Информатизация социальной работы: методологические аспекты, российский и зарубежный опыт // Человеческий капитал. – 2011. – № 4. – С. 34–38.

8. Гасумова С. Е. Процесс информатизации социальной сферы современного российского общества: социологический анализ: монография. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. – 180 с.

9. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // PG.RU. Документы. – URL : <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html> (дата обращения: 25.11.2014).

**МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**MATERIAL WEALTH AS AN INDICATOR OF THE LIFE QUALITY OF POPULATION
(ON THE EXAMPLE OF THE ASTRAKHAN REGION)**

Д.П. Ануфриев, Е.В. Каргаполова, И.И. Потапова

D.P. Anufriev, E.V. Kargapolova, I.I. Potapova

*Астраханский инженерно-строительный институт
Astrakhan Institute of Civil Engineering*

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

В статье материальное благополучие рассматривается как индикатор качества жизни населения Астраханской области, а также одна из важнейших социальных целей и результатов новой индустриализации. Материальное благополучие астраханцев идентифицируется через такие статистические индикаторы, как реальные денежные доходы населения, реальная начисленная зарплата, реальный размер пенсий, доля населения с доходом ниже прожиточного минимума, качество потребления, а также на основе результаты мониторинговых социологических исследований (самоидентификация материального положения и самоидентификация с социальным слоем). Выявляется некоторое несоответствие статистических показателей материального положения и результатов мониторинговых опросов населения: статистические показатели однозначно свидетельствуют о росте материального благополучия. Но анализ результатов социологического мониторинга области выявляет увеличение условного слоя «бедных» и «нищих» за счет «обеспеченных». Кроме того, разница в оценке количества бедных в регионе по статистической информации и данным опросов населения различается более чем в два раза. По стране и по региону около половины населения не имеет достаточных доходов, чтобы удовлетворить долговременные потребности. И только каждый шестой-седьмой не ограничен в средствах. Самоидентификация с высшим слоем несколько ниже самоидентификации по материальному благополучию со слоем «зажиточных» и «богатых»; со средним слоем – несколько выше по сравнению со слоем «обеспеченных», с низшим слоем – практически идентичная слоям «нищие» и «бедные». Таким образом, в регионе наблюдается ситуация социальной дисгармонии по материальному благополучию как критерию качества жизни, а также результату новой индустриализации.

The article discusses the material well-being as an indicator of the life quality of population of the Astrakhan region, and also as one of the most important social goals and outcomes of the new industrialization. Material well-being of population of the Astrakhan region is revealed through such statistical indicators as real cash income, real accrued wages, real pensions, the share of population with income below the subsistence minimum, the quality of consumption, and also on the basis of the results of sociological research (self-identification of the financial position and self-identification with a social layer). The article reveals some inconsistency of statistical indicators of financial position and results of monitoring surveys: statistical indicators clearly indicate the growth of material well-being, but the analysis of the results of sociological monitoring of the area reveals the increase of the conditional layer of the "poor" and "destitute" due to the "secured". In addition, the difference in the estimated number of poor in the region on the basis of statistical information and according to surveys of the population varies more than twice. Around the country and in the region about half of the population does not have sufficient revenues to meet long-term needs. And only every sixth-seventh is not on a tight budget. Self-identification with the higher layer is somewhat lower identity of material well-being with a layer of "wealthy" and "rich". Self-identification with the middle layer is slightly higher compared to the layer of "secured". Self-identification with the lower layer is almost identical to layers "poor" and "destitute". Thus, in the region there is a situation of social disharmony in the field of material well-being as the criterion of quality of life, as well as the result of new industrialization.

Ключевые слова: качество жизни, материальное благополучие, новая индустриализация, регион.

Key words: quality of life, material well-being, new industrialization, the region.

Введение. Качество жизни как степень удовлетворения материальных и духовных потребностей – это интегральный индикатор благополучия общества. Повышение уровня и качества жизни населения является целью и одновременно одним из критериев эффективности новой индустриализации, направленной на социально-экономическое разви-

тие страны и ее регионов. Высокое качество жизни включает в себя продолжительность жизни и поддерживающее ее качественное медицинское обслуживание, доступ к знаниям (качество образования), уровень материального благополучия, обеспечение безопасности личности [1, с. 12]. Рассмотрим уровень материального благополучия как

индикатор качества жизни населения Астраханской области.

Методы исследования. Основным источником информации стал анализ статистических показателей, а также результатов конкретных мониторинговых социологических исследований, проведенных Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского инженерно-строительного института в Астраханской области. Первое исследование было проведено под руководством Е. В. Каргаполовой и А. Ю. Арясовой методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России» [2–6]. Первый этап был проведен в декабре 2009 г. (N = 1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура» региона. Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ собранных данных проведены с использованием специализированного статистического пакета социологической информации SPSS (17-я версия). Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Второе исследование было проведено под руководством Д.П. Ануфриева методом анкетирования и посвящено вопросам функционирования жилищно-коммунального хозяйства региона [3, 7–9]. Первая волна мониторинга была проведена в декабре 2012 г. (N = 700), вторая – в марте 2013 г. (N = 690), третья – в ноябре 2013 г. (N = 700), четвертая – в апреле 2014 г. (N = 700), пятая – в ноябре 2014 г. (N = 700), шестая – в марте 2015 г. (N = 1200). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ собранных данных проведены с использованием специализированного статистического пакета социологической информации SPSS (17-я версия). Анализ данных включал изучение линейных распределений. Кроме того проведен вторичный анализ результатов всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2010 г., N = 1163). Доступ к массиву данных разрешен членом-корреспондентом Российской академии наук Н. И. Лапиным. Осуществлен сопоставительный анализ общероссийских и региональных данных.

Результаты. Показателями материального благополучия населения являются реальные денежные доходы населения, реальная начисленная зарплата, реальный размер пенсий, доля населения с доходом ниже прожиточного минимума, качество потребления.

Реальные денежные доходы населения в 2012 г. в регионе качественно не отличаются от показателей по Российской Федерации и Южному федеральному округу и составили 106 % к предыдущему году (см. табл. 1). Этот показатель вырос в 1,3 раза с 1995 по 2012 г., что демонстрирует устойчивую тенденцию опережения роста номинальных денежных доходов над ростом цен. Максимальное увеличение реальных денежных доходов наблюдалось в 2000 г. и составило 122,2 %. В 2001–2004 гг. и 2009–2012 гг. происходило снижение темпов роста денежных доходов, а в 2005–2008 гг. этот показатель стабильно рос. Как говорится в аналитической записке Астраханьстата «Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2009 году», этому способствовали: реформы в области пенсионного обеспечения, индексация базовой и трудовой частей пенсий, монетизация льгот, государственная поддержка малообеспеченных слоев населения, развитие индивидуального предпринимательства, повышение минимального размера оплаты труда. В 2008–2009 гг. рост реальных денежных доходов населения области превысил средние темпы роста по Российской Федерации» [10, с. 2]. Динамика денежных доходов населения в регионе за период 1995–2012 гг. практически повторяет общероссийский тренд.

Показатели реальной начисленной зарплаты по региону, округу и стране в целом в 2012 г. находились примерно на одном уровне и составили 109,5, 109,4 и 108,4 % соответственно. Необходимо отметить, что этот показатель стабильно снижался с 2000 г. и в 2009 г., в период финансово-экономического кризиса, достиг критически низкого уровня – 102,1, 101 и 96,5 % к предыдущему году соответственно. При этом в абсолютных величинах среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций регион уступает средним показателям по стране и федеральному округу (19 522,1, 26 628,9 и 19 822,7 руб. соответственно). Среди субъектов Южного федерального округа Астраханская область по этому показателю находится на втором месте после Краснодарского края (21 409,2 руб.) [11].

Таблица 1

Денежные доходы населения (в % к предыдущему году) [11]

Показатель	Год	Российская Федерация	Астраханская область
Реальные денежные доходы населения	1995	83,9	84,2
	2000	113,4	122,2
	2005	111,7	107,6
	2008	103,8	111,8
	2009	101,0	105,1
	2012	105,8	106,0
Реальная начисленная заработная плата	1995	72,0	80,9
	2000	120,9	125,1
	2005	112,6	108,5
	2008	111,5	108,6
	2009	96,5	102,1
	2012	108,4	109,5
Реальный размер начисленных пенсий (на конец года)	1995	87,3	78,1
	2000	131,4	135,1
	2005	112,9	109,4
	2008	108,9	107,1
	2009	124,9	124,4
	2012	103,3	103,2

Реальный размер начисленных пенсий в Астраханской области, Южном ФО и России в целом составил 103,2, 102,8 и 103,3 % соответственно. Динамика этого показателя в регионе за период 2009–2012 гг. практически повторяет общероссийский тренд. Так, рост этого показателя в 2009 г. обусловлен всероссийской индексацией пенсий практически в четыре раза. Таким образом, судя по статистическим данным, уровень жизни «среднего» пенсионера в Астраханской области неуклонно повышается. Хотя в абсолютных величинах среднемесячной пенсии (8162,1 руб.) область занимает 75-е место среди субъектов РФ и уступает средним показателям по стране (9153,66 руб.) и федеральному округу (8445,4 руб.) [11].

Доля населения с доходом ниже прожиточного минимума в Астраханской области качественно не превышает уровень общероссийского и федерально-окружного тренда (12,5, 10,9 и 11,4 % от общей численности населения соответственно) [11]. Необходимо отметить снижение доли населения с доходом ниже прожиточного минимума за период 2000–2012 гг. в России и в Астраханской области на 62 %. Масштабы бедности в 2000 г., судя по статистической информации были значительно выше и составляли в среднем по стране 29 %, в Астраханской области – 33,4 % (337,6 тыс. человек).

Качество потребления характеризуется статистическими показателями потреб-

ления мяса и молока. При этом «в рационе россиян мясо, а еще чаще колбаса уступают по важности в семейном рационе только хлебу и картофелю... Колбасу можно считать своеобразным барометром благополучия населения» [12, с. 54]. Потребление мяса и мясопродуктов в 2012 г. составило 78 кг в год на душу населения, несколько превышает среднероссийские показатели и показатели по Южному ФО (74 и 76 кг соответственно). При этом темпы роста этого показателя за период 2000–2012 гг. в регионе не превышают общероссийские и средние по Южному ФО (37,2, 39,2 и 46 % соответственно) [11].

Потребление молока в области составило в 2012 г. 214 кг на душу населения, что существенно уступает в количественных значениях средним показателям по РФ и Южному ФО (249 и 237 кг на душу населения соответственно). При этом динамика потребления молока в регионе несколько ниже средних значений по Южному ФО, но существенно превышает средние показатели по стране (20,5, 23,2 и 13,7 % соответственно) [11].

Критерием качества жизни населения является субъективная самооценка своего материального положения, которая в условиях нестабильной экономической ситуации может рассматриваться как адаптационное средство, часть культурного капитала населения. По замечанию Е.М. Власовой, «материальное благополучие и информационно-культур-

ный потенциал являются взаимно конвертируемыми капиталами» [13].

По субъективной самооценке жителей Астраханской области самым многочисленным материальным слоем в регионе являются «бедные» и «нищие» (26–36 % выборов) (табл. 2). Пик значений данного показателя приходится на два замера 2013 г. и ноябрь 2014 г. Если в целом по РФ преобладающим по численности в 2010 г. являлся слой «бедных» и «нищих», то в Астраханской области эта прослойка занимала в 2009–2012 гг. только второе место, уступая «обеспеченным».

На втором месте слой «обеспеченных», имеющих социально приемлемый уровень потребления (24–41 % опрошенных). Этот слой в регионе превышал показатели в среднем по России в декабре 2009 и мае-июне 2012 г. Далее этот показатель стал снижаться, в марте 2015 г. достиг своего минимума и приблизился к значениям слоя «зажиточных» и «необеспеченных» и уступил слою «бедных» и «нищих».

Далее, как и в среднем по стране, следует слой «необеспеченных» (14–22 % опрошенных), занимающих неустойчивое промежуточное положение между «обеспеченными» и «бедными».

Самым малочисленным, как и в среднем по России, выступает слой «зжиточных» и

«богатых» (13–28 % опрошенных). Но при этом, по самооценке астраханцев, этот слой превышает общероссийские показатели.

Сравнение данных опросов с данными статистики обнаруживает несоответствие реальных и «официальных» масштабов бедности: по статистическим данным в 2012 г. численность «бедного» населения Астраханской области, живущего ниже прожиточного минимума, составляет всего 12,5 % населения региона, по данным проведенного опроса 2012 г. – 27,4 %. То есть практически каждый третий-четвертый астраханец не имеет достаточных доходов для покрытия повседневных затрат. По стране и по региону около половины населения не имеет достаточных доходов, чтобы удовлетворить долговременные потребности. И только каждый шестой-седьмой не ограничен в средствах.

Анализ динамики самооценки населением уровня своего материального положения в Астраханской области выявляет увеличение условного слоя «бедных» и «нищих» за счет «обеспеченных». Следует отметить также значительную амплитуду в самоидентификации материального положения, а также рост количества затруднившихся и отказавшихся ответить, что свидетельствует о нестабильности качества жизни и развития социально-экономической сферы региона.

Таблица 2

Самооценка материального благополучия (в % от опрошенных)

Вариант ответа	Российская Федерация		Астраханская область							Условные слои	
	2006 г.	2010 г.	декабрь 2009 г.	май – июнь 2012 г.	декабрь 2012 г.	март 2013 г.	ноябрь 2013 г.	апрель 2014 г.	ноябрь 2014 г.		март 2015 г.
Денег не хватает на повседневные затраты	11,0	12,4	13,0	13,6	9,4	14,3	12,6	14,0	16,2	9,0	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	22,0	19,0	15,7	13,8	20,8	21,3	21,9	15,4	19,5	16,8	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	21,0	21,6	21,9	16,8	14,1	18,6	14,4	18,1	14,0	20,2	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	29,0	30,2	35,2	40,9	28,4	28,7	29,9	28,7	29,2	23,6	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	9,0	10,7	11,3	11,5	17,9	10,1	12,4	14,9	14,7	19,5	«Зжиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	2,0	2,9	2,9	2,9	3,8	3,2	3,9	3,6	2,5	6,2	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	6,0	3,1	0	0,5	5,6	3,8	4,9	5,3	4,1	4,7	

Результаты анализа самооценки материального положения не противоречат полученным результатам опроса по самоидентификации с социальным слоем (табл. 3). К высшему слою и слою «выше среднего» причисляют себя 8–14 % опрошенных, что несколько ниже по самоидентификации по материальному благополучию со слоем «зажиточных» и «богатых».

Со средним слоем идентифицируют себя 46–59 % опрошенных, что, наоборот, превышает оценку своего материального благополучия как «обеспеченное». Налицо в дан-

ной ситуации причисление себя к более высокодоходной группе не только по материальным причинам.

26–38 % причисляют себя к слою «ниже среднего» и нижнему слою. Здесь мы наблюдаем практически полное совпадение с идентификацией по материальным соображениям как «бедность» и «нищету». Обращает на себя внимание рост с декабря 2012 г. количества идентифицировавших себя с нижним слоем, пик которого приходится на март 2015 г. (9,3 %).

Таблица 3

Самоидентификация с социальным слоем (в % от опрошенных)

Ответ респондентов на вопрос «К каким социальным слоям Вы относите себя?»	Астраханская область					
	Декабрь 2012 г.	Март 2013 г.	Ноябрь 2013 г.	Апрель 2014 г.	Ноябрь 2014 г.	Март 2015 г.
Высший слой	1,5	1,7	1,9	3,0	3,2	2,8
Слой выше среднего	8,7	6,8	7,7	6,7	9,0	11,1
Средний слой	50,3	49,0	55,3	58,3	59,2	45,8
Слой ниже среднего	25,8	26,2	22,1	22,4	18,8	23,0
Нижний слой	0	7,0	5,7	3,7	5,7	9,3
Не знаю, отказ от ответа	13,7	9,3	7,3	5,9	4,1	8,0

Заключение. Таким образом, налицо ситуация социальной дисгармонии среди астраханцев по материальному благополучию как критерию качества жизни. При этом причисление себя астраханцами к более высокодоходной группе повышает их адаптационный потенциал «здесь» и «сейчас», но будет ли этот потенциал возможностью, будущим ресурсом в потенциале модернизации региона как социокультурного сообщества – вопрос, на который нет однозначного ответа. Кроме того, в современной России существующий разрыв между уровнем доходов большинством населения воспринимается как несправедливый, нелегитимный. Концепт справедливости, существующий в сознании населения, в данном контексте необходимо воспринимать как элемент национальной безопасности. Несоответствие реальности данному концепту повышает социальную напряженность и в перспективе отрицательно воздействует на потенциал устойчивого, бесконфликтного социального развития.

1. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Исследование качества жизни в российских городах». – М., 2014. – 162 с.

2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Н. И. Лапин, Хэ Чуаньци, Л. А. Беляева и др. / под общ. ред.

Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М.: Academia, 2013. – 416 с.

3. Регион: пространство смыслов и содержание / А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, Н. В. Дулина и др.; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2013. – 294 с.

4. Социокультурный портрет Астраханской области: опыт социологического, экономического и политического анализа / Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина и др. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2010. – 307 с.

5. Каргаполова Е. В. Тридцатый регион: потенциал социального развития: монография. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2011. – 375 с.

6. Anufriev D., Kargapolova E., Aryasova A., Boronina L. Modern Region: The Problem Of Sustainable Development // Advanced Materials Research. – 2015. – Vols. 1073–1076. – P. 1438–1441.

7. Ануфриев Д. П. Жилище как элемент социально-экономической системы региона (опыт прикладного исследования) // Вестник МГСУ. Научно-технический журнал по строительству и архитектуре. – 2014. – № 2. – С. 187–196.

8. Ануфриев Д. П. Жилищно-коммунальный комплекс в социально-экономической

системе Юга России (на примере Астраханской области) // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2014. – Т. 19. – № 24 (151). – С. 98–101.

9. *Anufriev D., Kargapolova E., Boronina L., Svintsov V., Muhanov R.* Transformation of Housing and Communal Services of Modern Russia // *Advanced Materials Research*. – 2015. – Vols. 1073–1076. – P. 2602–2605.

10. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2009 г. Аналитическая записка. – Астрахань : Астраханьстат, 2009.

11. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2013 г. – URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/04-01.htm (дата обращения: 11 января 2015 г.).

12. *Потапова И. И., Минёва О. К.* Теоретические и практические аспекты анализа и прогнозирования потребительского спроса на рынке продовольственных товаров // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2004. – № 3. – С. 52–57.

13. *Власова Е. М.* Нематериальные капиталы и адаптационный потенциал социальных групп в современной России // Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии. К 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина и 20-летию факультета социологии СПбГУ : материалы Междунар. науч. конф. Первых Санкт-Петербургских социологических чтений 16–17 апреля 2009 г. / отв. ред.: А. О. Бороноев, Н. Г. Скворцов: в 2 т. – СПб., 2009. – Т. 1. – С. 329–332.

**ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КРУПНОГО СИБИРСКОГО РЕГИОНА
(НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2010–2014 ГГ.)¹**

**THE DYNAMICS OF SOCIAL WELL-BEING OF POPULATION
IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF A LARGE SIBERIAN REGION
(ON THE BASIS OF EMPIRICAL RESEARCH IN THE KRASNOYARSK TERRITORY IN 2010–2014)**

В.Г. Немировский

V.G. Nemirovskiy

*Сибирский федеральный университет, Красноярск
Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

А.В. Немировская

A.V. Nemirovskaya

*Высшая школа экономики, Москва
Higher School of Economics, Moscow*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

В статье показана динамика субъективного социального благополучия населения крупного Сибирского региона (Красноярский край) в 2010–2014 гг. При этом процессы социокультурной модернизации региона рассматриваются как совокупность условий, которые влияют на изменения субъективного социального благополучия населения. В ряде наших предшествующих работ, посвящённых модернизационным процессам в Красноярском крае, показаны их в целом позитивные результаты. Поэтому логично выдвигается гипотеза, в соответствии с которой за пятилетний период субъективное социальное благополучие населения региона повысилось. Эмпирической базой исследования являются опросы населения Красноярского края, проведённые в 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 г. по репрезентативной выборке методом формализованного интервью. При этом использовалась стандартизированная методика ЦИСИ ИФРАН, дополненная разработанными нами индикаторами уровня жизненной энергии населения. В результате анализа установлено, что в условиях роста социокультурной модернизованности региона произошло существенное усиление субъективного социального благополучия его населения, измеряемого по различным индикаторам. Тем самым подтверждается гипотеза о росте субъективного социального благополучия у населения региона за исследуемый период. При этом негативные социокультурные, экономические и другие факторы, тормозящие модернизационные процессы в регионе, существенным образом не снижают исследуемого нами показателя.

The article shows the dynamics of subjective social well-being of population of a large Siberian region (The Krasnoyarsk Territory) in 2010–2014. Herewith the processes of social and cultural modernization of the region are seen as a set of conditions that affect the change of subjective social well-being of the population. It had been shown in a number of our previous works that, in overall, the modernization processes in the Krasnoyarsk Territory led to positive results. Therefore, it is logical to put forward a hypothesis, according to which the subjective social well-being of the population in the region has increased in the 5 years period. The empirical basis of the research is the surveys of the population of the Krasnoyarsk Territory, conducted in 2010, 2011, 2012, 2013, 2014. by the method of a formalized interview, using a representative sample. A standardized methodology, developed by the Center for the Study of Socio-cultural Change of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, has been employed for this research. It was supplemented by newly introduced indicators for the study of level of vital energy of the population. The analysis has showed that, under conditions of the development of socio-cultural modernization of the region, the subjective social well-being of its population, measured by various indicators, also increased significantly. This confirms the hypothesis about the growth of subjective social well-being of the population in the region during the analyzed period. At the same time, the negative socio-cultural, economic and other factors, hampering the processes of modernization in the region, do not substantially reduce subjective social well-being.

Ключевые слова: социальное благополучие, социокультурная модернизация, Сибирский регион, уровень жизненной энергии.

Key words: social well-being, socio-cultural modernization, Siberian region, vital energy level.

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

Цель и методика исследования. Как известно, социальное благополучие населения выступает интегральным социологическим показателем. Он включает совокупность индикаторов, отражающих различные аспекты социальной жизнедеятельности человека и его отношение к ним. Цель работы – анализ динамики субъективного социального благополучия населения крупного сибирского региона в контексте происходящих в нём модернизационных процессов. Феномен социального благополучия достаточно широко анализируется в современной литературе, например, широкое обсуждение эта тема получила на круглом столе «Социальное благополучие и счастье» в рамках IV Очередного Всероссийского социологического конгресса [1].

В статье мы опираемся на социокультурный подход, в рамках которого была разработана типовая методика «Социокультурный портрет региона», включающая соответствующие показатели, которые, по нашему мнению, в комплексе характеризуют субъективное социальное благополучие респондентов:

- эмоциональное отношение населения к своему региону;
- мнение респондентов о качестве жизни в своём регионе в сравнении с их представлением о том, как живут люди в соседних регионах Сибири;
- мнение респондентов о привлекательных и непривлекательных чертах жизни в регионе;
- удовлетворённость своей жизнью;
- социальное самочувствие населения.

Рассмотрим элементы этого социального феномена. Одной из важнейших характеристик социокультурных и социально-экономических процессов в любом регионе, как и в более крупных социально-территориальных общностях, является социальное самочувствие. В отечественной литературе широкое распространение получил подход Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой, используемый при разработке «социокультурных портретов» регионов и учитывающий прежде всего такие социоэмоциональные феномены, как общую удовлетворённость жизнью респондента, уровень его социального оптимизма и защищённости от различных опасностей. На наш взгляд, чувство защищённости человека от тех или иных опасностей есть не что иное, как эмоциональный феномен, противоположный чувству страха [2]. Соответственно,

чувство страха является одним из элементов социального самочувствия.

Изменение репертуара социальных страхов, их объектов, по мнению Д.Н. Баринова, свидетельствует о влиянии на социальное самочувствие объективных условий жизнедеятельности людей, определяемых макросоциальными факторами [3]. Анализ чувства (эмоции) страха в структуре социального самочувствия населения имеет давнюю традицию. Более того, само понятие социального самочувствия определяется посредством социоэмоциональных категорий. Как справедливо отмечает Н.В. Дулина, в определении термина «социальное самочувствие» важно указать на то, что это реально функционирующее общественное сознание и поведение, «в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением... уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами...» [4, с. 89].

Напрашивается вывод, что социальное самочувствие индивида в значительной мере относится также и к проблемному полю социологии эмоций [5]. Тем самым мы переходим к такому важному показателю социального самочувствия, как общая удовлетворённость жизнью. Подобная традиция имеет давнюю историю. Более 20 лет назад американский учёный Э. Кэмпбелл выявил ряд представлений респондентов о хорошей жизни [6].

Е.И. Головаха, Н.В. Панина, А.П. Горбачик создали социологический тест «Интегральный индекс социального самочувствия», который позволяет оценивать эффективность социальной политики [7]. Методика, разработанная Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой, с помощью интервью измеряет «...три составляющие социального самочувствия населения: степень защищённости от 10 социальных опасностей; степень удовлетворённости своей жизнью в целом; степень социального оптимизма – сравнение уровня жизни с прошлым годом, ожидания в ближайшем году, уверенность в своем будущем» [8]. На этой основе авторами создан обобщенный Индекс социального самочувствия (Исс).

Мы полагаем, что для адекватного и целостного описания феномена «социальное самочувствие» следует учитывать и его эмоционально-энергетические составляющие. «Энергетический компонент, – по справедливому мнению Н.Л. Баталовой, – выражает уровень реализации жизненных сил личности, соци-

альной группы как способность воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в разных сферах, проявляя социальную субъектность...» [9, с. 8]. Инструментарий Н.И. Лапина и Л.А. Беяевой этим автором был дополнен «коэффициентом социально-энергетического потенциала, который отражает уровень актуальной и потенциальной социальной активности молодого человека. Данный показатель строится на учете самооценки респондентом своего здоровья, а также на степени его социальной активности» [9, с. 11].

В нашем исследовании жизненная энергия человека измерялась с помощью шкалы, включающей девять вербальных описаний уровня жизненной энергии человека. Варианты оценок: «практически постоянно», «иногда», «редко» «не испытываю» [10].

Статья опирается на результаты эмпирических исследований, проведенных в 2010–2014 гг. в Красноярском крае по репрезентативной региональной выборке в соответствии с Типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона» ЦИСИ ИФ РАН [11]. Опросы населения осуществлены методом формализованного интервью по месту жительства респондентов, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края.

1. В 2010 г. $n = 1000$ респондентов, исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00001а «Особенности социокультурного портрета Красноярского края».

2. В 2011 г. $n = 1250$ респондентов.

3. В 2012 г. $n = 1300$ респондентов, оба исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00250а «Особенности формирования социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае».

4. В 2013 г. полуформализованные интервью с населением Красноярского края – 520 чел.

5. В 2014 г. $n = 1000$ респондентов, оба исследования проведены при финансовой

поддержке РГНФ, проект № 13-03-00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

Результаты исследования. Отвечая на вопрос об общем эмоциональном отношении к своему региону, большинство респондентов выбрали вариант ответа «в целом я доволен, но многое не устраивает» (46 % – 2010 г., 44 % – 2012 г., 35 % – 2014 г.). Несколько выросла доля ответивших «я рад, что живу здесь»: соответственно 24, 22, 31 %. Безразличное отношение к Красноярскому краю в 2010 г. выразили 12 %, в 2012 г. – 14 %, в 2014 г. – 15 % респондентов. Варианты ответа «мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать», как и «хотел бы уехать в другой регион России», ежегодно выбирали около 6 % опрошенных жителей региона. Наметилась слабая тенденция роста доли жителей, высказавших намерение уехать из России: 2010 г. – 4 %, 2012 г. – 6 %, 2014 г. – 7 %.

Таким образом, можно сделать вывод, согласно которому отношение жителей к своему региону является амбивалентным: усилилось как позитивное, так и безразлично-критичное отношение жителей региона к Красноярскому краю.

Мнение респондентов из Красноярского края о качестве жизни в своём регионе в сравнении с их представлением о том, как живут люди в соседних регионах Сибири, за последние годы резко изменилось: если в 2010 г. вариант ответа «в нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах» выбрали 10 % опрошенных, в 2012 г. – 11 %, то в 2014 г. – уже 20 %. Несколько снизилась доля респондентов, которые предпочли неоднозначный вариант ответа: «по сравнению с одними регионами, у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже» (2010 г. – 62 %, 2012 г. – 59 %, 2014 – 58 %). При этом не изменилась доля опрошенных, которые придерживаются противоположной позиции: «в нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах». Как видим, более половины жителей края продолжают придерживаться нейтральной позиции.

Привлекательной чертой региона, которая доминирует в массовом сознании жителей Красноярского края, является «красивая природа» – этот вариант ответа поддержали в 2010 г. 84 % опрошенных, в 2012 г. – 82 %, в 2014 г. – 84 %.

в 2014 г. – 79 %. Мнения, что Красноярский край – «это регион, перспективный для жизни», в 2010 г. придерживались 23 % опрошенных, в 2012 – 18 %, в 2014 г. – 21 %. Резко возросла доля ответивших, что в крае проживают «душевные, добрые люди»: с 18 % в 2010 г. до 23 % в 2012 г. и до 30 % в 2014 г. Несколько увеличилось число респондентов, по мнению которых здесь много возможностей для инициативных людей.

Непривлекательные черты Красноярского края, доминирующие в массовом сознании его жителей, несмотря на определённые и неоднозначные изменения, произошедшие в этих представлениях в 2010–2014 гг., сохранили прежнюю иерархию: слишком суровый климат – 48 %, здесь жизнь заглохла – 24 %, неприветливые люди – 20 %. Эти три варианта ответа являются наиболее распространёнными. Согласно полученным данным, в 2014 г. в крае, по мнению опрошенных, стало несколько больше душевных и добрых людей, перспектив для жизни и возможностей для самореализации своих инициатив.

Чувство защищённости от различных опасностей в стандартной методике «Социокультурный портрет региона» включает десять индикаторов. Мы можем объединить их в две основные группы опасностей и, соответственно, «...чувства незащищенности/защищенности от них на основе разграничения двух основных источников таких опасностей (угроз): во-первых, внешних объективных условий, которые индивид хотел бы изменить, изолироваться от них и т. п. Во-вторых, внутренних, субъективных характеристик человека, которые он не в силах изменить или вообще не желает менять, поскольку они, например, разрушают его социокультурную самоидентификацию, самосознание, внутреннее "Я"» [12].

Остановимся на первой группе угроз. Так, чувство страха перед экологической угрозой уменьшилось в 2,5 раза, перед произволом чиновников – в 2,0 раза, произволом правоохранительных органов – в 1,5 раза, бедностью – в 1,3 раза, преступностью – в 1,9 раза, одиночеством и заброшенностью осталось прежним.

Относительно второй группы угроз укажем: страх перед притеснением из-за возраста или пола уменьшился в 1,2 раза, ущемлением из-за национальности – в 0,9 раза, перед притеснениями преследованиями за политические убеждения, как и за религиозные убеждения, практически остался на прежнем уровне.

Можно сделать вывод, что за 2010–2014 гг. в Красноярском крае среднем в два раза уменьшилось чувство незащищённости (страха) респондентов перед внешними объективными факторами и порождёнными ими угрозами. Это отчасти можно объяснить улучшением условий жизни как в данном регионе, так и в стране в целом. При этом вторая группа страхов, выходящая за пределы социетального уровня, уменьшилась незначительно, поскольку существование этих страхов во многом определяется микросредой индивида, которая отличается большей инертностью.

Удовлетворённость индивида жизнью выступает неотъемлемым элементом его субъективного социального благополучия. Рассмотрим оценки полярных групп респондентов. Согласно результатам проведённых нами исследований доля респондентов, «полностью удовлетворённых» своей жизнью, в Красноярском крае с 2010 по 2014 г. увеличилась в 2,2 раза. Причём в сельской местности несколько выше, чем в городах края: соответственно в 2,5 и 2,1 раза. Это может свидетельствовать об успехах в реализации ряда государственных и региональных программ, направленных на улучшение жизни в сельской местности и развитие сельского хозяйства. В целом доля «не очень удовлетворённых» своей жизнью за эти годы в крае снизилась в 1,9 раза, «совсем не удовлетворённых» – в 3 раза. Как видим, и данный индикатор социального самочувствия жителей края свидетельствует о его улучшении на протяжении последних четырёх лет.

Анализ степени уверенности респондентов в своём будущем как показатель социального оптимизма населения региона демонстрирует аналогичную картину. Доля жителей региона, «вполне уверенных» в своём будущем, увеличилась в 1,9 раза, «совершенно не уверенных» – уменьшилась в 1,5 раза.

Во многом субъективное социальное благополучие людей определяется степенью оптимистичности их социальных ожиданий. Рассмотрим полярные группы респондентов. Доля опрошенных, высказавших мнение «будем жить значительно лучше», за четыре года выросла в 2,1 раза. Напротив, доля выбравших вариант ответа «будем жить несколько хуже» уменьшилась в 1,9 раза, «будем жить значительно хуже» выросла в 1,2 раза и составила 1,7 %. Таким образом, социальные ожидания населения Красноярского края характеризуются высокой степенью оптимизма.

Индекс социального самочувствия населения, рассчитанный по методике, разработанной под руководством Н.И. Лапина [13], заметно увеличился: с 0,62 в 2010 г. до 0,68 в 2014 г. Наиболее возросли «Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)» и «Социальный оптимизм (Ко)», что, соответственно, повлияло и на их уровень субъективного социального благополучия.

Согласно результатам исследований, оценка респондентами любых индикаторов, характеризующих их высокую жизненную энергию, выросла, например «испытываю практически постоянно»: *огромный прилив сил, вдохновение* – 14 и 24 % соответственно, *состояние умиротворения и гармонии* – 15 и 25 %. Напротив, что касается показателей, отражающих упадок жизненной энергии, они снизились или остались без изменения: вариант ответа «испытываю практически постоянно»: *особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию* – 24 и 19 %; вариант ответа «иногда»: *сил не хватает, чувствую усталость* – 38 и 31 %, *особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию* – 45 и 37 %.

Как видим, у респондентов региона в течение трёх лет произошло заметное увеличение показателей, характеризующих их жизненную энергию. Иными словами, улучшилась эмоционально-энергетическая составляющая социального самочувствия жителей региона [14].

Нашими исследованиями выявлено более высокое субъективное социальное благополучие в высокостатусных группах и социально-экономических слоях, обладание ими более обширными жизненными ресурсами и более значительным социальным капиталом [14, с. 116].

Выводы. Улучшение субъективного социального благополучия населения Красноярского края по всем анализируемым индикаторам связано не только с общим улучшением условий жизни в данном регионе при достаточно успешном процессе осуществления его социокультурной модернизации. С одной стороны, на социальную арену вышли возрастные группы населения, представителями которых глубоко интернализированы существующие в настоящее время в социуме социальные нормы и ценности. За 23 года, прошедшие с периода распада СССР, выросли новые поколения сибиряков, люди более старших возрастов в своей массе сумели приспособиться к изменившимся условиям

жизни. Также нельзя не учитывать что немалая часть тех, кто недоволен условиями жизни в данном Сибирском регионе, особенно молодёжь, мигрируют в западные регионы страны, в первую очередь в Москву, а также за рубеж. Иными словами, происходит утечка наиболее квалифицированных и активных жителей региона. Напротив, население Сибири «разбавляется» мигрантами различных национальностей из других государств СНГ, часть из которых получает здесь гражданство. Для них условия жизни в данном регионе представляются значительно лучшими, нежели там, где они жили ранее. Таким образом, субъективное социальное благополучие – сложный социокультурный феномен, на который влияют и негативные социокультурные, экономические и политические процессы как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

1. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012.

2. Немировский В. Г., Немировская А. В. Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 1(107). – С. 113–127.

3. Баринев Д. Н. Региональная специфика социальной тревожности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – 2008. – № 8. – С. 165–170.

4. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. – Смоленск : Универсум, 2009. – С. 89–95.

5. Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 210 p.

6. Campbell A. The sense of well-being in America: Recent patterns and trends. – New York : McGraw-Hill Book Company, 1981.

7. Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочув-

ствия // Социология: 4М. – 1998. – № 10. – С. 45–72.

8. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М. : МФРАН, 2010. – 135 с.

9. *Баталова Н. Л.* Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень, 2009. – 24 с.

10. *Немировский В. Г., Немировская А. В.* Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010–2014 гг.) : монография. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – 244 с.

11. Методические требования по организации и проведению эмпирического исследования в регионе // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М., 2009. – С. 796–807.

12. *Немировский В. Г., Немировская А. В.* Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 1(107). – С. 113–127.

13. *Лапин Н. И.* Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». – Тюмень : ТюмГУ, 2006. – Ч. II : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. / под ред. В. А. Давыденко, В. В. Малыгина, Г. Ф. Ромашкиной. – С. 5–40.

14. *Немировский В. Г., Немировская А. В.* Жизненная энергия и другие ресурсы социальных субъектов (на материалах социологических исследований в Красноярском крае) // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 4. – С. 104–118.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ КЛУБОВ В РАЗВИТИИ СФЕРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНА **ROLE OF SOCIAL CLUBS IN DEVELOPMENT OF THE SPHERE OF REGION LIFE SUPPORT**

Т.Г. Кульсеева

T.G. Kulseeva

*Курский государственный медицинский университет
Kursk State Medical University*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Статья посвящена актуальной проблеме организации досуговой деятельности пожилых людей и инвалидов в сфере социального обслуживания типичного региона России – Курской области. Выявляется значение социальных клубов в вопросах социальной реабилитации, адаптации и социальной помощи разных групп населения. Проявлен опыт организации в регионе университетов пожилого человека, позволяющих вывести из социальной изоляции многочисленную группу жителей региона. Данный областной социальный проект по оказанию помощи слаботзащищенным категориям граждан получил всероссийское признание и приобрел последователей в других регионах России. Статья анализирует также вопросы организации деятельности социальных клубов региона в таких учреждениях социального обслуживания, как «Курский дом-интернат ветеранов войны и труда», Центр социального обслуживания населения «Участие». Проявлены проблемы пожилых граждан и инвалидов: дефицит востребованности, нехватка общения с родственниками, друзьями и представителями младшего поколения. В качестве одного из инструментов решения указанных проблем показана организация социальных клубов, различных учреждений сферы социального обслуживания. Клубная работа рассматривается как один из методов социально-психологической помощи гражданам. Проведенное полевое социологическое исследование указало на необходимость организации досуга лиц пожилого возраста и инвалидов в форме социальных клубов для поддержания их позитивного эмоционального состояния. Подобная совместная форма проведения досуга служит своеобразным профилактическим средством для изменения личностных установок, утверждения оптимистических позиций, удовлетворения социокультурных потребностей и получения психологической поддержки. В работе предложены практические рекомендации по повышению эффективности организации социальных клубов. Отмечено, что проблемы пожилых людей и инвалидов важно решать в рамках установления межсекторного партнерства, в которое вовлекаются органы власти, бизнес, общественные организации и отдельные граждане.

The article is devoted to an actual problem of the organization of leisure activity of elderly people and disabled people in the sphere of social service of the typical region of Russia – Kursk region. The value of social clubs in questions of social rehabilitation, adaptation and the social help of different groups of the population is revealed. The experience of the organization in the region of the universities of the elderly person allowing to bring numerous group of inhabitants of the region out of social isolation is shown. This regional social project on assistance to vulnerable categories of citizens gained the All-Russian recognition and got followers in other regions of Russia. The article analyzes questions of the organization of the activity of social clubs of the region in such establishments of social service as "The Kursk care home of veterans of war and work", the Center of social service of the population "Participation". Problems of elderly citizens and disabled people – deficiency of a demand, shortage of communication with relatives, friends and representatives of younger generation are shown. As one of tools of the solution of the specified problems the organization of social clubs of various establishments of the sphere of social service is shown. Club work is considered as one of methods of social psychological care to citizens. This sociological research indicated the need of the organizations of leisure of elderly people and disabled people in the form of social clubs for maintenance of their positive emotional state. The similar joint form of carrying out leisure serves as a peculiar prophylactic for change of personal installations, the statement of optimistic positions, satisfaction of sociocultural requirements and receiving psychological support. Practical recommendations about increase of efficiency of the organization of social clubs are offered in work. It is noted that it is important to solve problems of elderly people and disabled people within establishment of intersectoral partnership where authorities, business, public organizations and certain citizens are involved.

Ключевые слова: пожилые граждане и инвалиды, социальные клубы, культурно-досуговая деятельность, университет пожилого человека.

Key words: elderly citizens and disabled people, social clubs, cultural and leisure activity, university of the elderly person.

Введение. В настоящее время происходит увеличение численности пожилых людей и численности людей с ограниченными возможностями. Возрастание их доли в населении страны – это влиятельная социально-демографическая тенденция, проявляющаяся

в жизнедеятельности практически всех развитых стран.

Поскольку данные процессы присущи всем странам определенного этапа развития и проявляют признаки достаточной устойчивости, органам государственного управления

следует внимательно проследить закономерности этих явлений, уточнить их влияние на современное состояние жизнедеятельности страны, а также прогнозировать их последствия на ближайшую и отдаленную перспективу. Современным институтам власти, общественным организациям и самим гражданам страны предстоит учиться жить и действовать в стареющем социуме, максимально используя преимущества граждан старшего возраста и решая неизбежно возникающие проблемы.

Пожилое население неминуемо испытывает значительные трудности, вызванные как возрастными психофизиологическими изменениями, так и социальными трансформациями, связанными с выходом на пенсию, утратой прежнего социального статуса, материально-экономическими ограничениями. Тревожащими личностными особенностями граждан старшего поколения являются изменение системы ценностей, отказ от норм и представлений, с которыми они прожили всю свою жизнь, дефицит востребованности, ограниченность общения как с членами собственных семей, так и с ближайшим социальным окружением, избыток свободного времени, неумение его организовывать. Кроме того, в России происходит все большая коммерциализация услуг культурно-досуговой сферы, что затрудняет доступ к ней людей с ограниченным достатком. Именно поэтому социальная работа, получающая свою институализацию в разных формах, в частности в виде социальных клубов, становится все более востребованной, являясь собой неотъемлемую составную часть реализации государственной социальной политики. Представляется важным обратиться к вопросу об организации культурно-досуговой деятельности для лиц пожилого возраста и инвалидов в типичном регионе современной России, которым является Курская область.

Обзор литературы. Следует отметить, что проблемы социальной реабилитации пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями здоровья в советский, а особенно в постсоветский период нашей страны привлекают самое пристальное внимание исследователей. Вопросы социальной реабилитации, адаптации, социальной помощи и обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов отражены в работах С.Н. Белясова [1], Р.Н. Жаворонкова [2], Е.Р. Ярской-Смирновой [3]. Теоретические основы изучения проблем формирования

личности, самореализации в сфере досуга глубоко исследованы М.А. Ариарским [4], В.Е. Триодиным [5].

Анализу психолого-педагогических проблем организации досуга, раскрывающих принципы детерминации развития личности в системе общественных отношений, в которые она включена, посвящены труды Л.П. Буевой, Г.Л. Тульчинского, В.Я. Ядова и др. Указанными исследователями разработан соответствующий категориально-понятийный аппарат, всесторонне раскрыты понятия «свободное время», «досуг», «отдых» и др. Г.А. Евтеевой предложена квалификация культурно-досуговых занятий, обусловленных возрастом, образованием, характером профессионально-трудовой деятельности и содержанием интересов и потребностей личности [6].

И.А. Григорьева в своих исследованиях проблем социального обеспечения и досуговой занятости пожилых отмечает, что методология и методика изучения досуговых форм деятельности исходит из того, что досуг – это деятельность, осуществляемая в свободное время, когда каждый вправе использовать его по своему выбору и усмотрению. Но вместе с тем, подчеркивает она, это и время, от характера заполнения которого зависит готовность личности к общественно-полезному труду, к выполнению своих гражданских, социальных, нравственных, семейных, профессиональных и иных обязанностей. А это, в свою очередь, означает, что оно не может быть свободно от социальной оценки [7].

Для нас важно, что досуг можно рассматривать как совокупность действий, не связанных с профессиональной деятельностью, тем самым подразумевается включение его в систему ценностей самореализации. В таком случае он может рассматриваться как созерцание, связанное с высоким уровнем культуры и интеллекта, отражающее состояние ума и души, характер человека, а также его образ жизни. В соответствии с данной установкой обратимся к вопросу о тех возможностях, которые предоставляют сегодня социальные клубы для пожилых людей и инвалидов региона.

Гипотезы и методы исследования. Организация работы социальных клубов в современных условиях способствует восстановлению социальных контактов граждан пожилого возраста и инвалидов, а также повышает их психологическую адаптивность

к изменившимся условиям жизни и усиливает творческую активность, ведет к раскрытию творческих способностей, способствует процессу социализации пожилых людей и инвалидов.

В работе использовались такие общенаучные методы, как анализ научной литературы и источников, сравнительный анализ, обобщение. В качестве социологического метода применен социологический опрос (анкетирование).

Результаты исследования. Одной из форм культурно-досуговой деятельности в регионах современной России являются клубы по интересам или социальные клубы. Клубная работа при этом предстает одним из методов оказания социально-психологической помощи стареющим людям. Нравственный долг общества состоит в том, чтобы как можно более активно включать пожилых людей в социальную жизнь, помочь им приспособиться к ней. Задача любого клуба в целом – в удовлетворении разнообразных духовных потребностей его членов, где проблема общения выступает на первом плане. Вовлечение пожилых людей в клубную деятельность может принести оздоровительный эффект: восстанавливаются навыки и интерес в процессе общения, в процессе взаимодействия создается своя социальная среда, изменяются личностные установки, утверждается позиция оптимизма для себя и других. В результате клубных занятий пожилые люди смогут обрести новые жизненные позиции, пересмотрят свои ценности, начнут ощущать свою полезность обществу и молодому поколению, станут более адаптированными и готовыми к изменениям в окружающем мире.

Людям, тяжело переживающим чувство одиночества, проявляющим потерю интереса к жизни и даже склонность к асоциальному поведению, необходимо, помимо социально-бытового и социально-медицинского обслуживания, оказывать содействие в укреплении духовных и душевных сил, переосмыслении жизненных целей и идеалов, повышении психологического и социального статуса.

Одной из наиболее острых проблем пожилых и инвалидов, проживающих как в семьях, так и в условиях интерната, является дефицит общения с родственниками, друзьями, младшим поколением. Одним из эффективных инструментов решения этой проблемы становится создание специальных центров – клубов пожилых людей – как в самом

стационарном учреждении, так и за его пределами, на базе действующих культурных и образовательных учреждений (филармоний, библиотек, музеев, культурно-информационных центров, домов культуры и т. д.). Эти учреждения, оснащенные оборудованием, связью с Интернетом, локальными телестанциями, создают совершенно новые ресурсы для расширения возможностей старшего поколения пользоваться культурными, информационными и другими ресурсами, а значит, и самому активизировать культурные потребности, создавая мотивацию к деятельности.

Такие возможности представляют пожилым людям курские социальные клубы. Так, в Курском доме-интернате ветеранов войны и труда в настоящее время действуют различные клубы по интересам: песенный клуб «Звездочка», клуб шитья и вышивки «Мастерица». Периодически проводятся состязательные турниры по шашкам и шахматам. Как отмечают сами члены этого дома-интерната, в процессе творческой деятельности они создают удивительно красивые вещи, радуют своим талантом окружающих, получают заряд позитивной энергии и положительных эмоций, самоутверждаются в собственных глазах, забывают о жизненных трудностях и проблемах, расширяют круг общения и находят новых друзей. Поэтому реабилитационный эффект от проводимых мероприятий всегда является ощутимым и наглядным: счастливый блеск в глазах, активное желание раскрыть свои способности, действовать и двигаться дальше с новыми идеями.

В доме-интернате действует также «Клуб вечера отдыха» для пожилых людей. В нем постоянно проходят ретро-вечера разнообразной тематической направленности: «Вечер вальса», «Вечер танго», «Вечер фокстрота», «Вечер русских народных танцев», «Вечер романса», «Вечер эстрадных песен прошлых лет». Отметим также, что технологии развития самостоятельной активности проживающих в доме-интернате предусматривают организацию праздников, развлекательных программ, проведение концертов, вечеров, экскурсий.

Все эти мероприятия призваны компенсировать круг потерь, с которыми сталкиваются оказавшиеся в этом доме-интернате постояльцы. Одной из наиболее серьезных проблем выступает психологический дискомфорт, испытываемый пожилыми людьми из-за нарушения социальных связей, ограничения общения и изменения его содержания

ния. Среди форм социального обслуживания этой категории людей наиболее эффективной представляется библиотечный клуб, в котором осуществляется неофициальное общение, компенсируются связи, утраченные с прекращением трудовой деятельности. Обращение к интеллектуальным темам позволяет расширить кругозор участников подобных объединений, стимулирует их память, содействует систематизации накопленных за жизнь знаний и сведений.

Общение как главная ценность библиотечных клубов для пожилых людей способствует сохранению их интереса к жизни, дает возможность высказать свое мнение, получить квалифицированный ответ специалиста, найти единомышленников, является действенным средством разрядки, «погашения» раздражительности, свойственной пожилому возрасту. В учреждении образована домовая церковь. Реализуется программа «Духовное возрождение», направленная на системное взаимодействие с православными приходами, в рамках которой проводятся службы, религиозные праздники, обряды, исповеди и причастия, фотовыставки к православным праздникам, акции милосердия по сбору вещей для пожилых людей, демонстрируются фильмы православной тематики.

На протяжении ряда лет в Курской области реализуется социально-значимый проект – организация образовательных клубов – «университетов пожилого человека». Обучение ведется на факультетах духовного возрождения православной культуры, физической культуры и спорта, здоровья, информатики и информационных технологий, культуры и искусства, домоводства. Руководитель университета пожилых в Курской области И.Ф. Жуков отмечает, что данная форма работы позволяет вывести из социальной изоляции не менее 5,5 тысяч пенсионеров [8]. Услуги университетам пожилых предложили все вузы Курской области, техникумы, колледжи, библиотеки. В городах и селах области на сегодняшний день открыто 55 филиалов университета. Столь массовое привлечение пенсионеров к обучению – инициатива курских общественников, опыт которых сегодня перенимают и другие регионы страны. В 2014/2015 учебном году «Университет пожилого человека» в Курской области закончили более 3000 студентов-пенсионеров. Из проекта таких народных университетов в регионе выросли новые социальные проекты: «Пожилые помогают по-

жилым», «Молодые обучают пожилых» и др. Считается, что именно из Курска пошел термин геронтовоонтерство – помощь пожилым людям [9].

Тем самым мы можем назвать обучение пожилых людей важным условием успешной адаптации пожилого человека, складывающееся из следующих составляющих: удовлетворение образовательных потребностей в рамках концепции непрерывного образования личности, направленной на самопознание и познание мира; преодоление жизненных и личностных проблем; мобилизацию внутренних ресурсов; формирование активной жизненной позиции и позитивной временной перспективы. В ходе клубных занятий пожилые люди и инвалиды обретают новые жизненные позиции, пересматривают свои ценности, учатся ощущать свою полезность обществу и молодому поколению, становятся более адаптированными и готовыми к изменениям в окружающем мире.

Нами было проведено социологическое исследование, цель которого – выявить значимость социальных клубов в глазах граждан пожилого возраста и инвалидов. Исследование было осуществлено на базе Центра социального обслуживания «Участие» Курска, а также «Курского дома-интерната ветеранов войны и труда». В его проведении приняли участие 120 граждан пожилого возраста и 60 инвалидов в возрасте от 55 до 75 лет.

В ходе опроса было выявлено, что 94 % пожилых и 100 % респондентов-инвалидов посещают клубные учреждения с целью расширения сферы коммуникации и проведения отдыха. 86 % опрошенных указали, что наличие социальных клубов является важной частью их жизни, так как активное участие в культурно-массовых мероприятиях, проводимых в данных клубах, способствует, полагают они, увеличению продолжительности жизни. Кроме того, было установлено, что 72 % респондентов желали бы сами принимать участие в организации и проведении мероприятий, а 60 % выразили желание осуществлять руководство социальными клубами, 40 % – непосредственно вести в качестве организаторов сами мероприятия. Тем самым мы получили подтверждение нашей гипотезы о том, что социальные клубы способствуют восстановлению социальной активности пожилых людей и инвалидов.

Заключение. Таким образом, наше исследование на эмпирическом материале показало, что организация работы социальных

клубов решает главные проблемы пожилых граждан – проблемы дефицита востребованности и общения. Достаточно весомой в настоящее время становится и образовательная политика таких клубов. Что касается непосредственного участия пожилых и инвалидов в организации сфер деятельности социальных клубов, то здесь мы выявили, что оно способно привести как к повышению социальной активности, так и, по мнению самих опрошенных, к увеличению их продолжительности жизни.

В настоящее время инвалиды и пожилые граждане с удовольствием и даже энтузиазмом посещают социальные клубы, участвуют в различных мероприятиях. Работа социальных клубов эффективно влияет на жизнь и адаптацию данной категории граждан к окружающей среде. Наличие социальных клубов решает проблемы отдыха, преодоления одиночества, общения, повышает образовательный уровень пожилых людей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что организация клубной работы позволяет регулировать такие вопросы, как привлечение лиц пожилого возраста и инвалидов к социальному взаимодействию, усиление их независимости, адаптации к постоянно меняющимся условиям.

Мы полагаем, что дальнейшая организация работы социальных клубов региона должна быть связана с повышением эффективности деятельности психологических служб, повышением информативности о направлениях данной работы. Помимо того, при организации деятельности социальных клубов целесообразно исходить не только из потребностей узко профессиональной направленности социальной работы по оказанию помощи нуждающимся, но также из перспективной социальной задачи установления взаимовыгодного межсекторного партнерства, в которое вовлекаются органы власти,

бизнес, общественные организации и отдельные граждане. Такое взаимодействие может в существенной мере оптимизировать систему жизнеобеспечения не только пожилых и инвалидов, но и всех жителей региона.

1. *Белясов С. Н.* Социальная защита инвалидов как обязанность государства // Государство и право: теория и практика. – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 76–80.

2. *Жаворонков Р.Н.* Сравнительно-правовой анализ федерального законодательства РФ в области реабилитации и социальной защиты инвалидов. – М. : Изд-во «Папирус», 2009. – 351 с.

3. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 38–45.

4. *Ариарский М. А.* Прикладная культурология как область научного знания и социальной практики. – СПб. : СПбГУКИ, 1999. – 530 с.

5. *Триодин В. Е.* Социально-культурная деятельность: pro et contra // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 40–45.

6. *Евтеева Г. А.* Психолого-педагогический вопросы клубной работы. – Л., 1976. – 253 с.

7. *Григорьева И. А.* Социальное обслуживание пожилых: новый (старый) приоритет социальной политики // Вопросы социального обеспечения. – 2007. – № 7. – С. 26–30.

8. Университеты пожилого человека распахнули свои двери в Курской области. – URL : <http://www.industry60plus.ru/news/detail.php?id=772> (дата обращения: 01.06.2015).

9. *Огорокова Г. П.* Российские регионы подхватили тренд на поддержку пожилых людей. – URL : <http://www.club-rf.ru/opinions/946> (дата обращения: 05.06.2015).

**УТВЕРЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В ТАТАРСТАНЕ:
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

**ADOPTION OF PUBLIC HEALTH IN TATARSTAN:
INTERREGIONAL AND INTERNATIONAL DIMENSIONS**

В.М. Ловчев

V.M. Lovchev

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
Kazan National Research Technological University*

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

В статье представлены достижения региона Республика Татарстан в сфере профилактики потребления легальных и нелегальных наркотиков, утверждения трезвого и здорового образа жизни. Рассматриваются социально ценные традиции, установившиеся в конце позапрошлого века. У их истоков находится Казанское общество трезвости (1892–1917 гг.), чьи многообразные проекты были столь эффективны, что были отмечены даже Большой премией на Всемирной промышленной выставке в Турине в 1911 году. К взаимодействию с Казанским обществом трезвости тяготели социально активные граждане различных регионов: от Дальнего Востока до Петербурга. Многие дореволюционные профилактические наработки оказались безвозвратно утраченными в годы советской власти. С 1976 года в столице Татарстана возрождается трезвенническое движение. Первой его организованной ячейкой стал клуб трезвости «Маяк». В постсоветском Татарстане социально ценные традиции развиваются и укрепляются. Международные и межрегиональные связи трезвенников сыграли важную роль в оздоровлении региона. Они способствовали возрождению в 1995 году праздников трезвости, появлению в 2005 году улицы, носящей имя трезвенника Н.Ф. Катанова, закреплению с 2003 года практик регулярных выставок символики общественного здоровья в казанских музеях. Межрегиональное взаимодействие помогло устранить из жизни Татарстана одиозные «праздники пива» в 2002 году. Международные и межрегиональные связи оснащают татарстанские силы общественного здоровья передовым опытом, информацией, уникальными методическими материалами. С другой стороны, сама постсоветская Казань уже уверенно заявила себя в масштабах России как уникальная экспериментальная площадка по внедрению трезвого здорового образа жизни.

The article examines the achievements of the Republic of Tatarstan in the field of prevention of consumption of legal and illegal drugs, approval of a sober and healthy lifestyle. There are considered socially valuable tradition, established in the late nineteenth century. Their origins are Kazan temperance society (1892–1917 years.), whose diverse projects have been so effective that even were awarded the Grand Prize at the World Industrial Exhibition in Turin in 1911. Socially active citizens of different regions from the Far East to St. Petersburg interact with the Kazan Society of sobriety. Many of the pre-revolutionary preventive developments appeared irretrievably lost during the Soviet era. Since 1976, in the capital of Tatarstan the temperance movement was reborn. There was organized the sobriety club "Mayak". In post-Soviet Tatarstan socially valuable traditions developed and strengthened. International and interregional relations of abstainers has played an important role in improving the region. They contributed to the revival of the sober holidays in 1995, the emergence of the street that bears the name of teetotaler N. F. Katanov in 2005, the consolidation of the practices of the regular exhibitions of the symbolism of public health in Kazan museums since 2003. Inter-regional cooperation has helped to eliminate from the life of Tatarstan odious "beer festivals" in 2002. International and interregional communication equip Tatarstan force of public health with best practices, information, unique teaching materials. On the other hand, the post-Soviet Kazan with confidence manifested itself in the scale of Russia as a unique experimental platform for the introduction of sober, healthy lifestyle.

Ключевые слова: регион, алкоголь, профилактика, опыт, традиция, праздник, музей.

Key words: region, alcohol, prevention, experience, tradition, holiday, museum.

Введение. Татарстан – один из успешных регионов в современной Российской Федерации. Его власть позиционирует Казань как «Мировую столицу татар», «Спортивную столицу России», «Третью столицу России» и т. п. И хотя данные устремления порой встречают критику местных скептиков, есть сфера, где положительные социальные достижения по праву выделяют часть России, называемую некогда Царством Казанским,

Казанской губернией, Татарской Автономной Советской Социалистической Республикой, а ныне – Республикой Татарстан. Достижения региона в сфере профилактики потребления легальных и легальных наркотиков, утверждения трезвого и здорового образа жизни действительно велики. Опыт трудолюбивой, благополучной Республики, находящейся на перекрестке путей между Западом и Востоком, Севером и Югом, заслужи-

вает изучения и распространения по всей необъятной России.

Обзор литературы. В прямой постановке проблема не представлена ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Цивилизационные аспекты утверждения общественного здоровья изучены С.Н. Шeverдиным (Московская область) [1]. Взаимодействие сибирских и казанских трезвенников в начале XX в. отражено в фундаментальной монографии томского историка А.Л. Афанасьева [2]. В многочисленных статьях и монографиях И.Е. Алексева, посвященных право-монархическими силам Казанской губернии, отражены отношение последних к проблемам алкоголизации населения [3–5]. Кульминация международного признания казанских проектов – премирование на Всемирной промышленной выставке 1911 г. – освещена в статье М.М. Соловьева [6].

Гипотезы и методы исследования. Основная гипотеза заключается в оценке международных и межрегиональных связей как важнейшего фактора внутрирегиональной политики в сфере общественного здоровья. Для проверки гипотезы используются следующие подходы и методы. Диалектический подход в двух его ипостасях: представление о непрерывной изменчивости (отражено в эволюции сил общественного здоровья) и о всеобщих связях (воплощено в тесной взаимосвязи внутренней и внешней политики в регионе). Сравнительный метод позволял сопоставлять особенности трезвеннического движения Татарстана и дальнего зарубежья. Культурологический подход акцентировал внимание на деятельности культпросветучреждений региона.

Результаты исследования. Силы общественного здоровья, консолидировавшиеся в регионе, заявили о себе как общеимперская величина, в конце XIX в. В 1892 г. было зарегистрировано Казанское общество трезвости (далее – КОТ), на четверть века охватившее своими успешными социальными проектами целый ряд регионов нынешней Российской Федерации. Опубликованная на заре бурного XX в. карта «Казанское общество трезвости и его 61 отдел» [7] показывает представительство социальной деятельности казанских трезвенников на территории как минимум трех будущих регионов Российской Федерации: Татарстане, Республики Мари Эл и Чувашии. «Общество, – сообщалось в одном из годовых отчетов о деятельности КОТ, – известно во всех концах России не только своею благотворительною деятельностью,

но и просветительною, так как никто из обращающихся к нему не получал отказа в изданиях Общества, и они рассылаются по всей России и Сибири. К Обществу обращаются за советами со всех концов России – об устройстве больниц, так как первая в России больница для лечения пьяниц была открыта Казанским Обществом Трезвости. Почти все благотворительные общества в Казани, кроме детских приютов, открыты при содействии Казанского Общества Трезвости и отделы Общества существуют не только в Казанской губернии, но и в других городах России, включительно до Сибири» (цит. по: [5, с. 9]).

Современные ученые установили наличие отделов КОТ в Волынской, Вятской, Симбирской, Таврической, Томской и Уфимской губерниях, изучают судьбу инициатив по открытию отделов КОТ в губерниях Московской и Нижегородской [5, с. 9–10]. Индивидуальные члены КОТ имелись на территории от Читы до Петербурга и Кавказа [5, с. 11].

Еще шире была просветительская работа КОТ, его печатный орган – журнал «Деятель» – обменивался в начале XX в. почти на полторы сотни газет и журналов Российской империи. Достигал он и дальнего зарубежья. «Деятель» рассылался в Берлин, Лозанну, Нью-Йорк, Париж, Софию, Токио и другие города [4, с. 10].

Такие усилия пользовались признанием российской и международной общественности. В 1909 г. КОТ участвовало в Московской выставке комитета грамотности и получило почетный отзыв. В 1911 г. деятельность общества была представлена на Всемирной промышленной выставке в Турине, там оно получило «большую премию», а председатель общества Александр Титович Соловьев был награжден именной серебряной медалью [6].

После 1917 г. надолго наступил разрыв связей между адвокатами общественного здоровья. Во время «Большого террора» был казнен руководитель одного из казанских отделов КОТ священник Николай Михайлович Троицкий. Организатору самой первой трезвеннической ячейки в губернии (еще в 1889 г., т. е. до создания КОТ), священнику Владимиру Ивановичу Веселицкому в ходе гражданской войны оторвали голову. Туринскую медаль потомки А.Т. Соловьева несколько десятилетий прятали под крыльцом на даче среди мусора.

Многие социальные наработки оказались безвозвратно утраченными.

Возрождение традиций общественного здоровья в регионе началось в 1976 г., когда в пригороде Казани был создан клуб трезвости «Маяк». Значимость события подчеркивается его датой. Большинство россиян уверены, что организованные трезвенники появились в ходе горбачевской антиалкогольной кампании 1985 г. Национал-патриотическое крыло трезвеннического движения ведет отсчет возрожденного антиалкогольного движения с 1981 г. (так называемое «Пятое трезвенническое движение»). Казанское возрождение произошло на девять лет раньше первой и на пять лет раньше второй даты.

С 1976 г. в изучаемом регионе существует непрерывная трезвенническая традиция. Клуб «Маяк» передал клубу «Феникс» (1983), а тот в свою очередь Казанскому отделению МНАТ часть своего актива, символов и успешных наработанных социальных проектов. Перечисленным организациям удалось возродить традиции межрегионального и международного сотрудничества. Представитель Казани был избран председателем Международной независимой ассоциации трезвости (МНАТ). С 1996 г. центральным органом МНАТ является информационный бюллетень «Феникс», своим названием подчеркивающий укорененность в региональной трезвеннической традиции. Со второго года своего существования «Феникс» обрел двуединую форму: собственно бюллетень и приложение к нему, названных «Эйфория» (к лету 2015 г. вышло более 250 номеров первого и 125 номеров второго). Ведущими темами «Эйфории» стали историко-культурные аспекты отрезвления и творческое самовыражение трезвеннического актива. Начинали создавать приложение к «Фениксу» казанцы, при поддержке коллег из Киева и Петрозаводска. Позднее к работе подключились представители других регионов. С 1996 г. авторами отдельных брошюр «Эйфории» выступили трезвенники Абакана, Ельца, Запорожья, Иршавы (Закарпатская Украина), Киева, Краснокаменска (Читинская область), Москвы, Нижнего Новгорода, Нижнекамска, Петрозаводска, Орла, Твери, Томска, Череповца [4].

С 2001 по в 2005 г. был осуществлен проект, объективизировавший одно из наиболее сильных влияний трезвеннической традиции на столицу Татарстана. Весной 2001 г. представитель Казани был ознакомлен с достижениями сил общественного здоровья в легендарном городе Бремене, где две улицы были названы в честь руководительниц «Жен-

ского союза Германии за безалкогольную культуру», а одной из них – Оттилии Гофман – был установлен памятник в центре вольного города. По аналогии в тот же год была развернута кампания в Казани по переименованию «Школьного переулка» в «Катановский переулок». Успех акции вдохновил ее участников на инициативу, выходящую за пределы одного населенного пункта. В 2005–2010 гг. трезвенники двух крупнейших городов Республики Татарстан выдвинули лозунг «Казани – улицу Соловьева, Нижнекамску – улицу Морозова!», обозначивший начало общерегионального проекта, продолжающегося в настоящее время.

Дореволюционные силы общественного здоровья оставили нашим современникам неформальный завет: возродить успешное профилактическое мероприятие начала XX века: праздники трезвости. В Российской империи проходили с 1911 г. региональные, а с 1913 г. Всероссийские праздники трезвости. Данное мероприятие разрывало эмоциональную связь между употреблением алкогольных изделий и радостными впечатлениями, которые обычно несут нам праздники. Данная форма работы была органично вписана в систему профилактических и реабилитационных мероприятий КОТ.

Не случайно, что именно в годы наивысшего подъема праздников трезвости в России был установлен так называемый «сухой закон». Показательно, что решительные антиалкогольные запреты 1914 г. были встречены доброжелательно большей частью россиян, в том числе жителей Казанской губернии (по сравнению со значительно более робкими мерами 1985 г., которым изначально стало оказываться массовое противодействие).

К концу советского периода данная форма работы была настолько прочно забыта, что стала восприниматься согражданами и сотрудниками СМИ как нелепая лингвистическая конструкция.

Впервые на постсоветском пространстве в 1995 г. в Казани были возрождены праздники трезвости. Дальнейшее развитие проекта присвоило им определение «осенние», ибо с 1999 г. они были дополнены праздниками весенними.

К концу первого десятилетия возрожденных праздников трезвости была осознана острая необходимость утверждения красоты трезвого образа жизни. Ответ был найден в привлечении к профилактической работе казанских музеев.

Перечень выставок профилактической символики в казанском музее Е.А. Боратынского (2003–2015 гг.).

2003 – выставка обобщающего характера (отечественная и зарубежная символика) «Возродим добрые казанские традиции»;

2004 – выставка трезвеннических календарей;

2005 – выставка, посвященная Казанскому обществу трезвости 1892–1917 гг.;

2006 – выставка трезвеннических значков;

2007 – выставка трезвеннических открыток;

2008 – выставка профилактических ручек;

2009 – выставка профилактических брелоков;

2010 – выставка, посвященная трезвеннической книжной культуре;

2011 – выставка профилактических наклеек;

2012 – выставка, посвященная культуре трезвого застолья;

2013 – выставка, посвященная истории возрожденного Праздника трезвости в Казани [8, с. 154–155];

2014 – выставка, посвященная трезвенническим портфелям, рюкзакам, сумкам, пакетам.

На 2015 г. запланирована новая выставка. Она отразит трезвенническую одежду (футболки, куртки, регалии, шевроны и т. д.).

Выставки пользуются неизменным успехом у социально активной аудитории. Однако прохладное отношение общественного мнения к сохранности отечественной символики общественного здоровья позволяет накопить очень скромную местную базу экспонатов. На помощь приходят межрегиональные и международные связи, особенно большую роль играет сотрудничество с музеями Интернациональной организации гуманизма и трезвости из Берлина и Милдштедта. Например, на выставке трезвеннических значков в Казани в 2006 г. старейшим экспонатом являлся значок 1926 г. из Германии. Старейший отечественный материал, представленный значком казанского клуба «Феникс», был почти на шестьдесят лет моложе. Лучше складываются судьбы печатных изданий, на выставках можно было увидеть российские книги, журналы, газеты и почтовые открытки более чем столетней давности. Однако перечисленные экспонаты являются плоскостными и производят меньшее влияние на публику, чем объемные артефакты: посуда,

брелоки, авторучки и т. п. Здесь неопределима дружеская помощь зарубежных коллег.

По имеющейся у автора данной статьи информации, именно казанские музеи опережают своих коллег из других городов СНГ в систематической деятельности по пропаганде трезвого образа жизни.

Краткое и точное резюме проекта составила Надежда Дружинина из Калуги, постоянный корреспондент казанского бюллетеня «Феникс»:

Славной дорогой сегодня идет

Город Казань, Татарстана столица.

«Празднику» пива объявлен бойкот,

Праздником трезвости будем гордиться!

Международные и межрегиональные связи сыграли важную роль не только в позитивных (т. е., утверждающих некое социально ценное явление), но и в негативных (стремящихся устранить отрицательные явления) действиях. 25 мая 2002 г. под давлением общественности был отменен так называемый «Праздник» пива, массовый рекламный ход питейного капитала, направленный на охват сотен тысяч казанцев, в первую очередь молодежи. Устранение социально опасного мероприятия в Казани не было само собой разумеющимся. Аналогичные действия проходили в Москве еще в 2010 г.

Исключительно важную роль в победе сил общественного здоровья в Казани в 2002 г. сыграли межрегиональные связи: обмен информацией, идеями, опытом.

Существенным материалом, разоблачающим опасности «пивных праздников», стала страстная статья абаканского публициста Е. Батракова «Никто не виноват!» о событиях в Минске [10]. С тех пор она регулярно распространялась в электронном виде в пресс-релизах, выпускаемых казанскими мнатовцами, в том числе в пресс-релизе к празднику пива.

Значительный вклад в антипивное просвещение внесла брошюра Т. Андреевой и К. Красовского «Все, что вам НЕ нужно знать о пиве, если вы собираетесь его пить» (2001 г., вскоре понадобилось и второе издание).

Очень существенную роль сыграли информация, предметы и образы, характеризующие зарубежный опыт профилактики. В решающие дни мая 2002 г. питейный капитал через электронные СМИ попытался раскрутить сильный пропагандистский ход: «Молодежь и прогрессивная местная власть мечтают подарить городу праздник и веселье. Твердолобые мусульманские фундаменталисты хотят лишить нас радости. Возьмем

пример с Запада, там такие праздники проходят на широкую ногу, и никто ими не возмущается». Западнические антипивные аргументы и образы были взяты на вооружение мнатовцами, они распространялись в непосредственном общении, через пресс-релизы, увидели свет в большой печати, в том числе изображение закладки с английской надписью «Это только пиво» (подробнее [8, с. 157–161]). Особенно хорошо работал образ Праздника цветов, проведенного трезвенниками Берлина в самом начале мая 2002 г. [11].

Существенную моральную поддержку казанцам оказали письма президенту Республики Татарстан, пришедшие из других регионов. В.Д. Прохоров (Петрозаводск) возобновил издание машинописного журнала «Антабус», где в числе других материалов были опубликованы и тексты писем, отправленных из столицы Карелии в поддержку казанских мнатовцев. К.С. Красовский (Киев) внес замечания в текст письма, которые были учтены при новых изданиях обращений в адрес городской и республиканской власти. Из Хакасии пришли письма как из столицы республики – Абакана, так и из районного центра Аскиз. Р.М. Лазарев (Нижний Новгород) увязал проблему с деятельностью Гражданского форума. Н. Январский отправил М.Ш. Шаймиеву письмо, подписанное десятками граждан Удмуртии и т. д., и т. п.

В эти годы руководству республики во главе с президентом М.Ш. Шаймиевым был дорог образ Татарстана как центра российского федерализма, голоса «из-за границы Татарстана» чутко улавливались властью. В результате так называемый «Праздник» пива был отменен.

Успешный опыт борьбы казанцев с пивным капиталом изучался в дальнейшем в других регионах.

Накопившийся материал о межрегиональном сотрудничестве начинает требовать своего обобщения, взаимодействие со швейцарскими трезвенниками уже стало предметом специального доклада на ежегодных научно-практических чтениях, проходящих в рамках осенних праздников трезвости [12].

Международную значимость совместных усилий сил общественного здоровья подчеркнул один из активных читателей бюллетеня МНАТ, проживающий за пределами татарстанского региона.

Заключение. Изученный материал дает основание сделать вывод о диалектическом единстве двух сторон проблемы. С одной стороны, международные и межрегиональные

связи оснащают татарстанские силы общественного здоровья передовым опытом, информацией, уникальными методическими материалами. С другой стороны, сама постсоветская Казань уже уверенно заявила себя в масштабах России как уникальная экспериментальная площадка по внедрению трезвого, здорового образа жизни. Поэтому силы общественного здоровья Татарстана с уверенностью смотрят в будущее.

1. *Шевердин С. Н.* Питейная традиция и цивилизация (драма взаимности и перспективы «развода»). – Париж : ВОЗ, 1995. – 92 с.

2. *Афанасьев А. Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 гг.: опыт оздоровления общества. – Томск : ТУСУР, 2007. – 196 с.

3. *Алексеев И. Е.* «Во имя Христа и во славу Государеву (история «Казанского общества трезвости» и Казанского отдела «Русского Собрания» в кратких очерках, документах и комментариях к ним)». – Казань, 2003. – Ч. 1. – 304 с.

4. *Алексеев И. Е.* Неутомимый «Деятель» : вторые традиционные чтения // Эйфория. – 2011. – № 2 (122). – С. 6–13.

5. *Алексеев И. Е.* «Пьянство закрывает небо и разверзает ад». Томский след «Казанского Общества Трезвости» : пятые традиционные чтения // Эйфория. – 2014. – № 1(125). – С. 7–32.

6. *Соловьев М. М.* Награда Казанского общества трезвости и ее использование в наши дни : вторые традиционные чтения // Эйфория. – 2011. – № 2 (122). – С. 23–26.

7. Казанское общество трезвости и его 61 отдел // Деятель. – 1901. – № 4. – С. 200.

8. Словарь Международной независимой ассоциации трезвости. – 5-е изд. – Казань, 2007. – 254 с.

9. *Ловчев В. М.* Знаки и символы в сфере потребления алкоголя: конструирование, развертывание, противодействие (наркоконфликтологический аспект). – Казань : КНИТУ, 2014. – 178 с.

10. *Батраков Е. Г.* Никто не виноват! // Феникс. – 1999. – № 6.

11. *Lovchev W.* Wie das Berliner Guttempler Blumenfest geholfen hat, ein Bierfest in Kazan zu besiegen // Contact aktuell. – 2002. – № 80. – S. 12.

12. *Ловчев В. М.* Трезвость в зеркалах: 120 лет Казанскому обществу трезвости и 120 лет ИОГТ Швейцарии : третьи традиционные чтения // Эйфория. – 2012. – № 1(123). – С. 31–36.

РОССИЙСКИЕ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

RUSSIAN SCIENCE AND EDUCATION AND THE COUNTRY'S DEVELOPMENT PROSPECTS

Е.Б. Мостовая, Ю.А. Дьячкова

E.B. Mostovaya, Y.A. Dyachkova

Новосибирский государственный университет

Novosibirsk State University

Статья поступила в редакцию 3 июля 2015 г.

В статье с целью анализа стратегических перспектив российского социума сопоставляются количественные и качественные характеристики важнейших отраслей социальных и интеллектуальных услуг – образования и науки. Проводится сравнительный анализ затрат на образование студентов и школьников в России и развитых странах. Сравнивается также уровень компьютеризации и количество интернет-пользователей, сопоставляется заработная плата школьных учителей в США, Великобритании, Канаде, Германии, Франции, Италии и России. Анализируются масштабы и удельный вес в составе ВВП внутренних затрат на научные исследования и опытно-конструкторские разработки, а также динамика публикаций российских авторов и параметры изобретательной активности населения за период с 2000 до 2013 г. Фиксируется отставание России в научно-техническом отношении от развитых стран и Китая. Проанализированные характеристики двух важнейших подсистем современного общества знаний – науки и образования в России свидетельствуют о значительном отставании страны от лидеров постиндустриального мира. Данное обстоятельство существенно ограничивает для России перспективы социально-экономического движения в информационном направлении.

In the article compares qualitative and quantitative characteristics of the major branches of social and intellectual services for analyzing the strategic prospects of the Russian society formation and sciences. The comparative analysis of expenses for formation of students and school-children in Russia and industrial countries is held. The level of computerization and quality of the internet users is compared and the wage of school-teachers in the USA, Great Britain, Canada, France, Italy and Russia is also compared. There is given the analysis of the social scale and proportion in GNP amount for scientific investigations and the dynamics of publications of Russian authors and the parameters of inventive activity of population in 2000-2013 years. Russia' lag behind industrial countries and China in science and technology is recorded. The gradual worsening in qualitative characteristics of cultural wealth of the nation is shown. The characteristics of the two major sub-systems of the modern knowledge society – science and education in Russia show a significant lag from the leaders of the country's post-industrial world. This fact significantly limits the prospects for the Russian social and economic movements in the information area.

Ключевые слова: индикаторы вторичной модернизации, услуги образовательной и научной подсистем социума.

Key words: indicators of the second modernization, services of educational and scientific subsystems of society.

Введение. Для определения ближайших социально-экономических перспектив российского социума недостаточно выявить удельный вес сферы услуг в структуре занятости населения и определить вклад этой сферы в производство валового национального продукта, как это предлагает методика Центра исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН), одобренная исследовательским коллективом Института философии под руководством Н.И. Лапина [1; 2]. Важнейшими составными элементами постиндустриальной сферы обслуживания, как показывает, выполненный в данном тексте сравнительный анализ, являются такие её подсистемы, как наука и образование.

Гипотеза. Качественные и количественные характеристики российской науки и образования не позволяют рассматривать Россию как социум, находящийся на высшей – постиндустриальной – стадии социально-экономического движения.

Стратегические перспективы российского социума связаны с развитием сферы услуг, и прежде всего услуг социальных и интеллектуальных [3; 4]. В составе первых решающую роль играет образовательная подсистема социума. Качество интеллектуальных услуг (консалтинговых, деловых, профессиональных) определяется в первую очередь состоянием отечественной науки. Анализ количественных и качественных показателей

науки и образования в России выявляет негативные тенденции и вызывает тревожные вопросы [5; 6].

Обратимся к статистическим данным.

Сравнительная характеристика сферы образования в России и развитых странах мира.

Уровень профессионализма работника, его творческий потенциал, креативность, личностно-деловые качества – это именно те черты, к которым предъявляются повышенные требования в современной экономике. Сфера образования является тем звеном, в котором происходит становление будущего работника и накопление культурного капитала социума, и поэтому она является стратегически важной в постиндустриальной экономике [7]. Ее характеристики, масштаб и развитость непосредственно воздействуют на уровень конкурентоспособности страны. Дальнейшее развитие технологий, повышение качества товаров и услуг требует постоянного обновления знания. Для того чтобы претендовать на лидерство в мировом масштабе, необходимо развивать эту отрасль услуг. Вместе с усиливающейся ролью образования возрастает значимость расходов на данную сферу. В развитых странах затраты на образование составляют 7–5 % ВВП, в РФ данный показатель равняется 4,6 % (2011). К тому же годовые расходы на студента и школьника в России в 2–3 раза ниже [8]. Все это предопределяет общее отставание образовательного уровня страны в сравнении с развитыми странами.

При этом динамика расходов на студента в России и в странах членах ОЭСР также различаются. Несмотря на финансовый кризис расходы на студента и школьника в ОЭСР росли. В России же уровень расходов имел незначительные колебания с тенденцией к уменьшению расходов на школьников и студентов.

Уровень образования российских граждан остаётся достаточно высоким. Процент взрослых, имеющих высшее образование в России в 2012 г. составлял 53,5 %. Это боль-

ше, чем в любой из стран ОЭСР в том же году. Например, в Германии идентичный показатель был равен примерно 30 %. Но если рассматривать другие данные, то картина будет менее оптимистичной. По уровню грамотности среди взрослого населения, имеющего высшее образование, Российская Федерация имела самый низкий показатель среди стран большой восьмерки. Еще одним негативным показателем служит то, что получение высшего образования не повышает в среднем уровень грамотности. Этим Россия также отличается от ведущих мировых держав [9]. Для того чтобы выпускники были востребованы на рынке труда, а экономика и общество получали реальную отдачу, необходимо добиться повышения качества результатов образования на различных уровнях.

Негативный эффект для развития образовательного потенциала страны несет в себе недостаточная компьютеризация страны. В России число автономных компьютеров, предназначенных для использования одним человеком, в пересчете на 100 человек составляет 71 единицу, тогда как в Японии 78, во Франции 81, в Канаде 85, а в Германии 87. Соответственно, и пользователей Интернета (т. е. лиц, имеющих доступ к всемирной сети) в пересчете на 100 человек в сравнении с зарубежными странами несколько меньше: в 2013 г. доля российских интернет-пользователей составляла 61,4 %, что в 1,3–1,5 раз ниже, чем в среднем по развитым странам, в большинстве которых доля интернет-пользователей составляла около 80–90 %.

Качество образовательных услуг в решающей степени зависит от компетентности и грамотности учителей. Но профессия учителя обладает низким престижем в России и в последние годы в стране происходит отток молодых, талантливых специалистов из школ.

Падение престижа учительской профессии напрямую связано с уровнем оплаты труда учителей. Как видно из таблицы 1 заработная плата учителя в России в среднем в 5–6 раз ниже, чем в развитых странах.

Таблица 1

**Минимальная зарплата учителя в школе в год
(в \$ к паритету покупательной способности), 2012 г.**

США	58793
Великобритания	28321
Канада	58495
Германия	66396
Франция	50127
Италия	40851
Россия	9090

В целом сфера образования нуждается в проведении масштабных структурных реформ. Без этого нельзя говорить о том, что Россия может стать лидером мирового социально-экономического развития постиндустриального типа.

Снижение результативности научной деятельности в России.

Наиболее активным элементом общества, основанного на знании, является наука. Она задает вектор и ритм развития общества, вводит новые, ранее невиданные идеи в культуру, открывает новые частные онтологии («миры»), новые виды энергии и ресурсов, предлагает целые классы новых потребностей и даже видов деятельности и творчества.

На данный момент в современном мире сложилось четыре мировых научных центра – США (29 % мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский Союз (24 %), Япония (10,2 %) и Китай (17,5 %). Доля расходов на науку в

этих странах в совокупности составляет более 50 % мировых расходов на НИОКР. У ведущих стран Запада расходы на НИОКР составляют 2–3 % ВВП, в том числе у США – 2,8 %, а у таких стран, как Япония даже 3,5 % ВВП. Очень высокими темпами наращивает расходы на НИОКР Китай (2 % ВВП).

Научно-технический прогресс, технические преимущества страны зависят от средств, выделяемых на НИОКР, и масштабов их использования. В России, как и в среднем в мире, расходы на НИОКР составляют 1,1 % от ВВП. Рассмотрим тенденцию изменения расходов на НИОКР более подробно.

Как видно из табл. 2 и рис. 1, затраты на научные исследования и разработки в фактических ценах неуклонно растут, но если рассматривать долю затрат на исследования и разработки в ВВП, то ясно видно, что за последние десять лет она практически не меняется. Небольшой подъем уровня затрат был в 2003 и 2009 г., но за этим периодом подъема снова приходил спад.

Таблица 2

Внутренние затраты на научные исследования и разработки по Российской Федерации (млн руб.)

Показатель	Год								
	2000	2003	2005	2007	2009	2010	2011	2012	2013
В факт. ценах	76 697,1	169 862,4	230 785,2	371 080,3	485 834,3	523 377,2	610 426,7	699 869,8	749 797,6
В процентах в ВВП	1,05	1,29	1,07	1,12	1,25	1,13	1,09	1,13	1,13

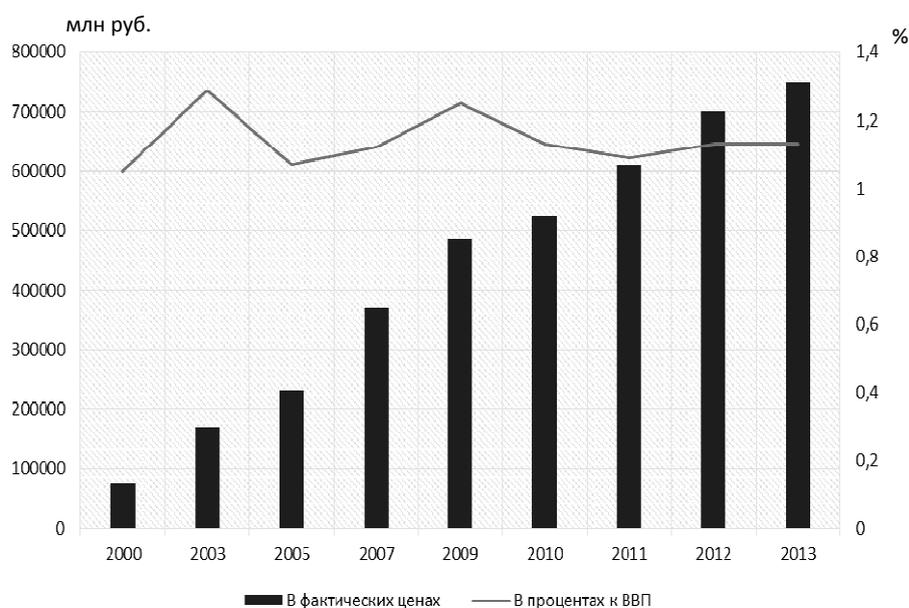

Рис. 1. Внутренние затраты на НИОКР

В странах, которые являются лидерами в научно-техническом прогрессе, растут не только затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, но и удельные веса затрат на НИОКР в ВВП. Это относится в первую очередь к Японии, которая увеличила долю затрат на НИОКР с 2000 до 2013 г. почти на 0,5 %. Это же касается Германии, увеличившей свою долю на 0,6 %. В меньшей степени это коснулось США и Франции, которые смогли увеличить свою долю всего на 0,2 %. Но самым большим увеличением доли затрат на НИОКР может похвастаться Китай. С 2000 г. они сумели увеличить их на 1 % и являются абсолютными лидерами среди представленных стран. Великобритания стала единственной страной, где доля расходов на науку несколько уменьшилась за рассматриваемый период. Россия же, как уже отмечалось, не смогла увеличить долю затрат на НИОКР, несмотря на десятикратный рост средств, выделяемых на науку.

Не удивительно, что публикации российских авторов за последние 15 лет остались примерно на одном уровне, то увеличиваясь, то уменьшаясь в течение ряда лет. Но если рассматривать вклад научных публикаций российских авторов в мировые массивы публикаций, представленные в базах данных системы Web of science, мы увидим, что доля российских работ неуклонно сни-

жается на протяжении последних 13 лет. На 2012 г. доля публикаций российских авторов составила всего примерно 2 % от всего мирового количества публикаций, т. е. массив публикаций российских ученых относительно незначим в общемировом сообществе. Это говорит нам о низкой результативности научной деятельности в России.

Важным показателем, характеризующим уровень развития науки, является количество патентов, выданных на территории страны. Этот показатель служит характеристикой уровня изобретательской активности, интенсивности распространения национальных научно-технических достижений и степени технологической зависимости страны и её инновационного статуса.

Количество патентов, выданных на территории Российской Федерации, фактически не менялось на протяжении последнего десятилетия и составляло 25–32 тысячи патентов в год. Основной спад пришелся на начало 2000-х гг., затем их количество росло и снова начало тормозить на рубеже 2010 г. (см. рис. 2). Лидерами являются: Япония – 238 323 патентов, США – 224 505, Китай – 172 113 патентов. Мы отстаем практически в 8 раз от Японии и от США, которые на данный момент являются основными лидерами в получении патентов.

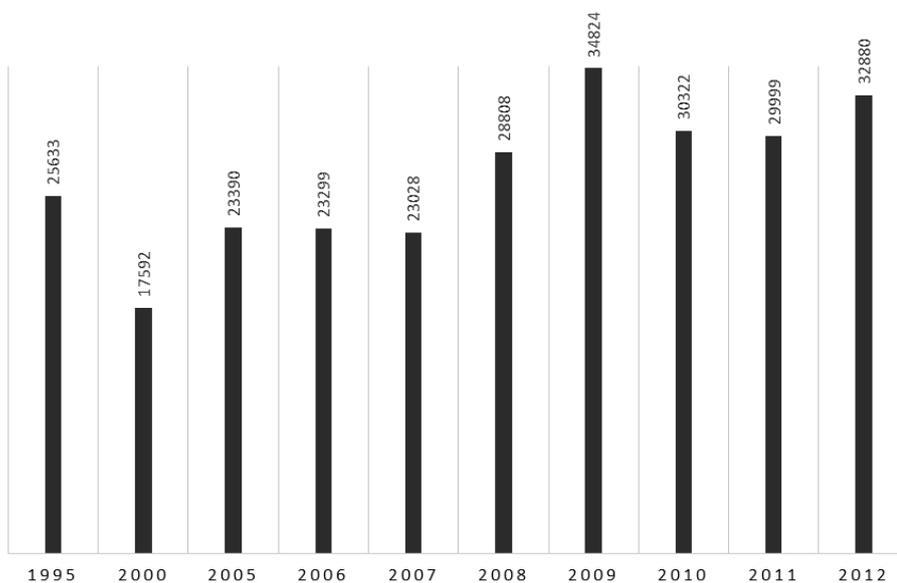

Рис. 2. Количество патентов, выданных в РФ

Источник: [11].

Уровень выдачи патентов говорит нам о результатах научной деятельности, ведь сейчас крайне важны не только фундаменталь-

ные разработки, но и их прикладные результаты. Низкий интерес к получению патентов может быть обусловлен недостаточным фи-

нансированием научной деятельности в России. Как было показано, наукоемкость ВВП России имеет тенденцию к сокращению, а это будет в дальнейшем негативно отражаться как на фундаментальных исследованиях, так и на прикладных результатах.

Отставание России в научно-техническом прогрессе также определяется недостаточным финансированием данной сферы общества. На протяжении ряда лет удельные расходы на науку и разработки падают. Более того, финансированием науки у нас в стране занимается в основном государство. Бизнес практически совсем не заинтересован в расширении научного потенциала страны, не замечая очевидный факт: население уже сегодня предпочитает более качественные, т. е. интеллектуальные продукты.

Заключение. Проанализированные характеристики двух важнейших подсистем современного общества знаний – науки и образования в России очевидным образом свидетельствуют о значительном отставании страны от лидеров постиндустриального мира. Данное обстоятельство существенно ограничивает для России перспективы социально-экономического движения в информационном направлении.

1. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина. – М. : Весь мир, 2011.

2. Лапин Н. И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 4–24.

3. Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инноваци-

онный потенциал населения в контексте модернизации : кол. монография / отв. ред. В. И. Игнатьев; науч. ред. Е. Б. Мостовая. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. – 264 с.

4. Белова Ю. Ю., Алиева Н. З., Шевченко Ю. С. Роль науки в современном обществе знания: эпистемологические и социальные аспекты // Философские науки. – 2012. – № 5. – С. 32.

5. Пашинцева Н. И., Зиновьева И. В. Наука и образование в национальной экономике: статистический анализ // Вопросы статистики. – 2014. – № 10. – С. 57–66.

6. Сильвестров С. Н. Тематическая структура национального массива публикаций ученых России в изданиях, регистрируемых в системе Web of Science // Вопросы статистики. – 2014. – № 10. – С. 75–84.

7. Ярушкина Е. А. Сфера образования как первое подразделение экономики знаний // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 4.

8. Образование в Российской Федерации: 2014 : стат. сб. / кол. авторов. – М. : НИУ ВШЭ, 2014. – С. 464.

9. OECD at a Glance 2014: OECD Indicators.

10. OECD (2014). Education at a Glance 2014: OECD Indicators, OECD Publishing. – URL : http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2014_eag-2014-en (дата обращения: 25.11.2014).

11. Индикаторы науки 2014: стат. сб. / ред. колл.: Л. М. Гохберг, Я. И. Кузьминов, К. Э. Лайкам и др. – М. : НИУ ВШЭ, 2014. – С. 400.

РАЗВИТИЕ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ¹

THE DEVELOPMENT OF SCIENCE IN THE CONTEXT OF NEW INDUSTRIALIZATION

Н.А. Касавина

N.A. Kasavina

Институт философии РАН, Москва
The Institute of Philosophy of RAS, Moscow

Статья поступила в редакцию 11 июня 2015 г.

В статье рассматриваются особенности развития науки в современном обществе в контексте процессов индустриализации. Наряду с признанием сфер науки и образования важнейшим фактором и приоритетом развития современного общества, их состояние в российском обществе оценивается как кризисное. Число созданных передовых производственных технологий в России увеличивается незначительно, имеет место значительное превышение импорта технологий над экспортом, в то время как ведущие страны мира получают существенный доход от экспорта технологий. Количество разработанных и освоенных конкурентоспособных технологий мало и продолжает сокращаться, что противоречит общемировым экономическим тенденциям. Основными причинами кризиса выступают недостаточность финансирования, потеря большого количества квалифицированных технических кадров и отсутствие необходимого взаимодействия науки и производства. Повышение технологической эффективности науки и ее влияния на модернизацию экономики требует новой научно-технической политики в контексте формирования и реализации общей стратегии социально-экономического развития страны. Необходимыми факторами, которые определяют развитие науки и ее роль в современных процессах индустриализации, являются: пересмотр системы финансирования, качественное управление наукой с активным привлечением самих ученых, восстановление связи между производством инноваций и ее технологическим выражением (продуктом). Особым (исключительно важным) фактором выступает развитие новых научных направлений, в которых проявляется роль научной элиты и ученых разных возрастных групп. Кроме того, важнейшим механизмом формирования новых кадровых ресурсов является профессиональная мобильность. Таким образом, чтобы научное сообщество могло реализовывать свой потенциал, необходимо создание благоприятных внешних и внутренних условий, описанных в статье.

In the article shows the role and position of science in the contemporary society as well as its problems, specific features and the prospects for its development in Russia. Along with the acknowledgement of the sphere of science as important factor and as the priority of the development for the contemporary society, the state of science and formation at Russian society is evaluated as crisis. The number of domestically created advanced production technologies in Russia increases poorly, the significant exceeding of the export of technologies over the export takes place, while leading world countries obtain essential profit from the export of technologies. A quantity of the developed and mastered competitive technologies is low and continues to cease, that contradicts world-wide economic tendencies. As the basic reasons for this degradation, one notes the following reasons: the insufficiency of financing, the loss of a large quantity of qualified technical cadres and the absence of necessary interaction of science and production. The progress in the technological effectiveness of science and its influence on modernization of Russian economy requires a new scientific and technical policy in the context of formation and realization of general strategy of the social and economic development of the country. The necessary factors that determine the development of science and its role in modern processes of industrialization are: revision of the funding system, quality science management with active involvement of scientists themselves, restoring the link between the production of innovation and its technological expression (product). Special (extremely important) factor is the development of new scientific areas that reflect the role of the scientific elite and scholars of various age groups. Furthermore, the most important mechanism for the formation of new human resources is a professional mobility. So that the scientific community could realize their potential, it is necessary to create favorable external and internal conditions described in the article.

Ключевые слова: наука, инновации, технология, современное российское общество, кризис науки, сокращение научных организаций и персонала.

Key words: science, innovation, technology, contemporary Russian society, the crisis of science, the reduction of scientific organizations and personnel.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00421а по теме «Социокультурные факторы несбалансированности модернизации как цивилизационного процесса»).

Введение. Новая индустриализация как этап модернизации общества является переходом к информационному обществу с приоритетом знания; демонстрирует в качестве важнейшего направления развитие в области науки и инноваций. Как отмечает Н.И. Лапин, «барьеры входа в фазу перехода к вторичной модернизации высоки: они предполагают эндогенное восприятие обществом требований вторичной, информационной стадии модернизации – преобразование экономики и всего общества в экономику и общество знаний, качественное повышение роли образования, науки, и инноваций» [1].

Последние десятилетия ознаменовались усилением внимания к роли науки в обществе и ее комплексному влиянию на культуру, которое далеко не исчерпывается обеспечением прогресса производства и технологического развития. Современные социальные исследования науки рассматривают ее в широком контексте, обнаруживая связи и отношения между наукой и различными формами общественной жизни и практики. Наука, образование, интеллектуальный труд обеспечивают научно-технологический прогресс и становятся основными приоритетами государства. Создание и использование новых технологий сегодня – практическая задача развитых стран, способная обеспечить качество труда, повысить его производительность. В связи с этим наука все теснее связывается с ее технологическим применением, развитие технологии превращается в непрерывный процесс генерирования инноваций.

Связь науки с технологией, однако, нередко затемняет для определенной части населения значимость фундаментальной науки. Понятны опасения, связанные с тенденцией рассматривать науку, а вместе с ней и образование, преимущественно в плане экономической целесообразности, что становится препятствием к развитию фундаментальных научных исследований и способно привести к «стратегическим потерям» в будущем [2]. Кроме того, становится очевидным, что такой взгляд на науку сужает ее культурную значимость.

Отношение государства к фундаментальной науке является примером противоречия, диссонанса между декларируемыми целями и реальными действиями правительства. С одной стороны, имеет место рассмотрение властью фундаментальных исследований в качестве национального достояния страны, с другой – финансовые ограничения и фор-

мальные трудности в отношении исследовательской деятельности.

В XX в. существенно расширилась социальная роль науки, которая превратилась в один из ведущих общественных институтов. «...Без развитой национальной науки не может быть действительно независимого современного государства, тем более претендующего на заметную роль на мировой арене» [3, с. 10]. Организация научной деятельности, в сущности, на современном этапе развития общества является важнейшей функцией государства, без которой затруднительна реализация других его функций. Она должна основываться на обоснованной политике и стратегии развития. «Без присутствия научной деятельности ослабевает способность населения региона к восприятию новаций, снижаются возможности формирования грамотного слоя администрации, уменьшается и способность региона к разработке и реализации целевых программ, эффективному использованию предоставляемой экономической помощи» [4, с. 324].

Особую культурно-направляющую роль выполняет социально-гуманитарное знание. Связь между состоянием общества и уровнем развития социогуманитарной науки очевидна. Ее значение нечасто упоминается в научных дискуссиях, а если и упоминается, то в основном ее представителями. Сосредоточенность как управленцев, так и ученых на инновационном развитии производственной сферы приводит к нивелированию таких аспектов институтов социализации, как формирование языковой культуры, становление социальной позиции и ценностных ориентаций. Эти задачи реализуют именно социально-гуманитарное знание.

Наука и российская действительность.

Подчеркивая неоспоримую значимость развития науки для государства, общества, культуры, приходится признать, что в России инновационный вектор развития с опорой на науку еще очень слаб. Это подтверждают специальные исследования. Состояние науки и образования в российском обществе не входит в число реальных государственных приоритетов. Абсолютным приоритетом российской государственной политики является экспорт минеральных ресурсов. Последнее часто упоминается в научных и публицистических работах как факт отставания России от инновационного движения, являющегося одним из главных трендов мирового сообщества.

Как отмечает В.Ж. Келле, стратегическое решение о вступлении России на путь инновационного развития на государственном уровне было принято, однако в действительности для реализации этого пути сделано было мало. Ему препятствует «сырьевая альтернатива», делающая Россию зависимой во многих отношениях от развитых государств [5, с. 44]. Подтверждений того, что российская сырьевая экономика стоит на пороге серьезного кризиса, к настоящему моменту немало. В особенности это стало ясно сейчас, во время истории с санкциями против России и с ощущениями ее зависимости от экспорта.

Инновационное развитие в России зачастую имеет формальный характер. Т.Б. Тенникова, обращаясь к деятельности академического института, отмечает, что институты РАН должны выдавать гарантированные инновации. Непосредственно от Академии наук начинают требовать технологических решений, хотя она не располагает ресурсами проведения научной идеи по всем технологическим стадиям и доведения ее до продукта. Разработки, которые могли бы стать продуктом, требуют серьезных инвестиций, и их поиск часто оказывается бесплодным. В свое время «функцию доведения высокой фундаментальной научной идеи хотя бы до промышленного полупродукта» выполняли прикладные институты. Их утрата означает потерю важного звена в цепочке получения научных результатов. Научная идея должна идти рука об руку с инженерными науками, с практиками, которые были бы в этом заинтересованы [6].

Инновации являются завершающим этапом цикла исследований и разработок, а также процесса производства новейших технологий, приносящих коммерческую выгоду. Технологические инновации представляют собой конечный результат нововведений в виде новых или усовершенствованных продуктов, внедренных на рынке, новых или усовершенствованных процессов или способов производства, а также услуг. Инновационная деятельность, таким образом, представляет собой комплекс исследований и разработок, с одной стороны, способность экономики эффективно использовать научно-технические достижения – с другой.

Отдельный вопрос, характеризующий условия развития науки в разных странах – доля науки в ВВП, расходы на науку. На фоне увеличения расходов на науку в развитых

и развивающихся странах, сокращение финансирования науки в России является фактом, не соответствующим потребностям общества, особенно если иметь в виду новую индустриализацию с привлечением технологий.

Доля расходов на науку в ВВП страны является четким индикатором социально-экономического курса страны и той роли, которую ее руководство отводит науке в своих планах развития. В наиболее динамично развивающихся странах мира доля расходов на науку составляет примерно 2–3 % ВВП. В России доля расходов на науку всего ~0,3 % ВВП и продолжает снижаться. Она на порядок ниже, чем в большинстве развитых стран, а ее динамика резко контрастирует с общемировой тенденцией. В федеральном бюджете доля расходов на науку многие годы остается на уровне всего 1,7 %, что очень отличается даже от когда-то законодательно установленного 4-процентного рубежа [5].

Сравнительный анализ внутренних затрат на исследования и разработки в России и странах ОЭСР за 2005 г. (в расчете по паритету покупательной способности) показал, что Россия (17 095,2 млн дол.) сильно отстает от пятерки лидеров по этому показателю: США (312 535 млн дол.), Япония (118 026 млн дол.), Китай (115 196 млн дол.), Германия (61 711,5 млн дол.), Франция (40 363 млн дол.) [7].

Развитие российской науки зависит и от системы ее организации. Низкий уровень финансирования, неразвитость грантовой системы, не вовлеченность ученых в управление наукой, дефицит кадров, отсутствие системы поддержки конкурентоспособной части ученых, низкий уровень адаптации ученых к новым условиям, несформированность внутрироссийских научных коммуникаций – далеко не все проблемы, которые можно назвать.

Наука в России в статистических показателях.

В связи с вопросом об отрицательной динамике показателей науки в России мы обратились к данным Росстата.

Прежде всего необходимо отметить сокращение организаций, выполняющих научные исследования и разработки, и численности занятого в них персонала. Так, в период с 2000 г. до конца 2012 г. организаций стало меньше на 533: вместо 4099 действуют 3566 [8, с. 786].

В Центральном федеральном округе их число сократилось с 1631 по 1318. Уменьше-

ние наблюдается по всем федеральным округам России, исключая Северо-Кавказский ФО, в котором число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, увеличилось с 74 по 99. Данное сокращение в большей степени связано с отраслевой наукой. По разным оценкам, с 1990-х гг. прекратили свое существование около 1500 отраслевых НИИ, было ликвидировано большинство межотраслевых научно-технических комплексов и научно-производственных объединений, конструкторских бюро, проектных и проектно-изыскательских организаций. И несмотря на то, что с 1995 г. финансирование науки стало увеличиваться, ее внедренческий потенциал не был восстановлен [9, с. 54].

Качественные изменения более всего проявились в изменении структуры внутренних затрат по видам выполняемых работ, а именно в сокращении доли прикладных исследований и разработок, что сопровождалось сокращением численности исследователей и особенно специалистов, занятых в технических науках.

За 1994–2010 гг. количество исследовательского персонала в науке уменьшилось на 149,8 тыс. человек, и в их числе 114,1 тыс.

(76 %) составили технические специалисты. Уход высококвалифицированных технических кадров сократил не только физические объемы прикладных исследований и разработок, но и возможность накопления технологического задела – результатов прикладных работ для разработок перспективных и конкурентоспособных технологий и технических средств [9, с. 55].

Если посмотреть на период с 2000 по 2012 г., уменьшение численности персонала в России, занятого научными исследованиями и разработками, следующее: с 887 729 до 726 318 чел. Следует отметить, что в ряде областей численность персонала уменьшилась вдвое и более чем вдвое. Например, в Брянской, Костромской, Орловской, Тульской, Омской областях и др. Положительная динамика данного показателя за этот период наблюдалась в Ненецком автономном округе, Ленинградской, Псковской, Тюменской, Томской, Иркутской областях, Республике Адыгее, в Ставропольском крае, Камчатском крае и др. [8, с. 788–789].

Сокращение персонала конкретизируется по категориям: исследователи, техники, вспомогательный персонал и пр. (см. табл.).

Динамика численности научных работников в Российской Федерации, чел.

Год	Категории научных работников			
	Исследователи	Техники	Вспомогательный персонал	Прочие
2000	425 954	75 184	240 506	146 085
2012	372 620	58 905	175 790	119 003

По нашим подсчетам, в целом по России произошло повышение численности исследователей с учеными степенями прежде всего за счет увеличения докторов наук. Так, с 2000 по 2012 г. численность докторов наук увеличилась с 21 949 до 27 784 чел. Кандидатов наук за этот период уменьшилось с 83 962 до 81 546 чел. Эти цифры показывают сложности закрепления молодых ученых в науке, так как с их приходом в научную сферу проблем нет.

Численность аспирантов, напротив, выросла: с 117 714 чел. в 2000 до 146 754 чел. в 2012 г. Однако показатели приема и выпуска аспирантуры сильно отличаются. Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации в 2012 г. по России составляет 9195 чел., в то время как прием в аспирантуру – 45 556 чел. [8, с. 808].

Если смотреть по федеральным округам, то уменьшение кандидатов наук по сравнению с докторами касается только Централь-

ного и Северо-Западного федеральных округов, обнаруживая их специфику, которая объясняется влиянием двух крупнейших городов (Москва, Санкт-Петербург) с развитыми бизнес-структурами, притягивающими молодых специалистов. Так, в Москве и Московской области занятых с высоким уровнем образования больше, чем в других округах и регионах России. В Москве их доля, включая лиц с послевузовским образованием, составляет 49,3 %; в Московской области – 38 %; сравним: в Ярославской области – 23,5 %, в Тверской области – 22,7 %, в Ленинградской области – 26,1 %, в Томской области – 31,3 % [8, с. 112–113].

В этой связи отдельной значимой проблемой развития науки является положение молодых ученых. Факторами ее решения являются повышение престижа научной деятельности в обществе, обеспечение институтов реальными ставками для молодых ученых, местами в аспирантуре; увеличение ко-

личества и объема грантов для научных школ; создание условий для улучшения жилищной ситуации, дополнительной занятости в сфере науки и высшей школы, повышение стипендий аспирантам [10].

Число созданных передовых производственных технологий в России увеличилось с 2000 по 2012 гг. почти вдвое (с 688 до 1323), что кажется незначительным за такой большой период в условиях современного быстрого развития технологий [8, с. 816–817]. Число используемых передовых производственных технологий выросло с 2000 по 2012 г. более чем вдвое (2000 г. – 70 069, 2012 г. – 191 372) [8, с. 818–819].

Практически по всем видам технологий, кроме двух, небольших по объему позиций – «прочие и НИОКР», наблюдается превышение импорта над экспортом. Структура закупаемых технологий по видам показывает, что приобретение наиболее значимых для модернизации образцов – патентов и ноу-хау – незначительно и продолжает снижаться. В 2000 г. их доля от всего импорта не превысила 0,06 %; в 2005 – 0,03; в 2008 – 0,02 %.

Основную часть зарубежных технологий составляют второстепенные виды – инжиниринговые услуги и товарные знаки: 55 и 19 % соответственно. При этом затраты на приобретение инжиниринговых услуг за рассматриваемый период выросли в 7 раз, а на товарные знаки – в 20 раз.

Как пишет И.В. Шульгина, наиболее крупными потребителями импортных технологий являются две отрасли: добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства (по 43 % каждая). В отрасли транспорта и связи закупки технологий не превысили 4 %. Отрасли, производящие наукоемкую продукцию, среди приобретаемых зарубежных технологий отсутствуют вообще [9].

Число использованных западных (импортных) технологий многократно превышает количество технологий российского производства. Использование созданных в РФ передовых производственных технологий касается следующих видов работ: 43 % – производство, обработка и сборка, 20 % – проектирование и инжиниринг, 11 % – аппаратура автоматизированного наблюдения, 8 % – связь и управление, 2 % – информационные системы, 5 % – аппаратура интегрированного управления (2008). Такое малое количество создаваемых в России передовых технологий никакого влияния на модернизацию страны оказать не может. Неэффективно в

данном случае и применение большого числа «вчерашних образцов зарубежной техники, состоящих... из второстепенных видов, поскольку их использование не улучшает, а консервирует имеющуюся техническую отсталость» [9].

Эти данные еще раз убеждают в том, что проблема повышения технологической эффективности науки и ее влияния на модернизацию страны не может быть решена без адекватной стратегической политики.

Роль государства в развитии науки.

Важным аспектом специальных публикаций о развитии науки и переходе к инновационному обществу является роль государства в данном процессе. Влияние государства усматривается, с одной стороны, в подготовке научно-технологической базы, с другой – в формировании социальной составляющей инновационного процесса, создании социально-экономических условий для инноваций. Как пишет А.В. Юревич, адекватная стратегия развития науки должна охватывать перестройку ее взаимоотношений с обществом и включать выработку четкого и максимально конкретного социального заказа [11]. При этом важными принципами государственной научной политики должны стать максимальная публичность при подготовке и реализации новых проектов, последовательность действий, учет возможных негативных последствий нововведений и разработка мер по их устранению.

Заключение. В заключение зафиксируем некоторые необходимые факторы, без которых сегодня невозможно мыслить развитие науки и ее роль в современных процессах индустриализации. Помимо пересмотра системы финансирования, особую важность имеет качественное управление наукой с активным привлечением самих ученых. Важно восстановление связи между производством инноваций и ее технологическим выражением (продуктом).

Особое место в системе факторов повышения эффективности науки занимает развитие новых научных направлений, в которых проявляется роль научной элиты и ученых разных возрастных групп. Профессиональная мобильность является важнейшим механизмом формирования новых кадровых ресурсов. По словам С.А. Кугеля, современные представления о взаимодействии науки и общества исходят из признания социальной природы науки, взаимосвязи общества и науки [12]. Это положение относится как к

науке в целом, так и к научному направлению. Чтобы научное сообщество могло реализовать свой потенциал, необходимо создание благоприятных внешних и внутренних условий. В этом состоит главная проблема организации научной деятельности.

1. *Латин Н. И.* Стадии, уровни и фазы модернизации регионов России, их модернизационные типы и кластеры // *Цивилизация и модернизация : материалы российско-китайской конф.* Москва, 29–31 мая 2012 г. – М., 2013. – С. 124–139.

2. *Садовничий В. А.* Стратегические вопросы развития науки и образования // *Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации.* – М., 2004. – Вып. 4. – С. 153–163.

3. *Арутюнов В. С., Стрекова Л. Н.* Судьба науки в России: истоки кризиса // *Социология науки и технологий.* – 2011. – Т. 2. – № 2. – С. 10–20.

4. *Андреев Ю. Н.* Потенциал взаимодействия регионов и федеральных органов власти в научно-технической сфере // *Наука. Инновации. Образование.* – М. : Парад, 2006. – С. 320–335.

5. *Келле В. Ж.* Состоится ли инновационная модернизация России? // *Социология*

науки и технологий. – 2010. – Т. 1. – № 1. – С. 40–51.

6. Научоведческий семинар в Петербурге // *Социология науки и технологий.* – 2013. – № 1. – С. 120–140.

7. *Индикаторы науки, 2007: стат. сб.* – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – С. 304–305.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. / Росстат. – М. : Росстат, 2013. – 990 с.

9. *Шульгина И. В.* Российская наука в технологиях и инновациях (по материалам анализа статистики науки) // *Социология науки и технологий.* – 2013. – Т. 4. – № 2. – С. 54–63.

10. «Управлять наукой – это значит создавать условия для ее развития». Интервью директора СПИИ РАН, чл.-корр. РАН Р. М. Юсупова // *Социология науки и технологий.* – 2012. – № 3. – С. 128–139.

11. *Юревич А. В.* Стратегии развития российской науки // *Социология науки и технологий.* – 2010. – Т. 1. – № 1. – С. 52–66.

12. *Кугель С. А.* Человеческий фактор новых научных направлений: пути становления. Роль научной элиты // *Социология науки и технологий.* – 2013. – Т. 4. – № 2. – С. 43–53.

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН¹

SCIENTIFIC POTENTIAL AND ITS CURRENT STATUS ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

А.Р. Мажитова

A.R. Mazhitova

Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, Уфа
The Institute of Socio-Political and Legal Research of the Republic of Bashkortostan, Ufa

Статья поступила в редакцию 25 июля 2015 г.

Рассмотрены проблемы развития региональной науки. В информационном обществе информация, знания являются наиболее ценными ресурсами. От уровня развития научного потенциала региона и его использования в значительной степени обусловлено «качество жизни» человека, её перспектива и устойчивое развитие. Современный Башкортостан, обладая огромным природно-ресурсным, экономическим, научно-техническим, трудовым потенциалом и занимая высокий удельный вес в экономике (производство промышленной и сельскохозяйственной продукции), существенно отстает от других субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития. Регион демонстрирует готовность вхождения в глобальное информационное общество. По результатам исследований Института развития информационного общества индекс готовности Республики Башкортостан к информационному обществу на уровне Российской Федерации определяется 47-м местом и Приволжского федерального округа – 10. Согласно исследованиям, индексы вторичной модернизации (информационная стадия развития общества) республики имеют позитивную динамику. А в рейтинге регионов по развитию науки и новых технологий, подготовленном на основе данных Росстата, республика занимает 28 место. Автор полагает, что для устойчивого функционирования региона, повышения экономического и социального потенциала, разработки стратегии развития необходимо активное сотрудничество региональных органов государственной власти и научного сообщества. Автор считает, что главная задача сегодняшнего дня – сделать научно-исследовательские и образовательные учреждения реальным механизмом и эффективным инструментом инновационного развития региона. Статья основана на материалах официальной статистики и социологических исследований.

The article considers problems of the regional science development. In the information society, information and knowledge are the most valuable resources. An important component of a society based on knowledge is *science*. The level of development of scientific potential of the region largely depends on the quality of life, its perspectives and sustainable development. Modern Bashkortostan, having a huge natural resource, economic, scientific, technical, labor potential and occupying a high share in the economy (the production of industrial and agricultural products), lags far behind other regions of the Russian Federation on the level of socio-economic development. The region demonstrates the willingness of joining the global information society. According to the results of researches of Institute of the information society, the readiness index of the Republic of Bashkortostan to the information society at the level of the Russian Federation 47 is determined by the place and the Volga Federal district – 10. According to research, the secondary indexes of modernization (information stage of the society development) of the Republic have positive dynamics. In the ranking of the regions on the development of science and new technologies, based on the data of Rosstat, the Republic occupies the 28th place. The author believes that the sustainable functioning of the region, the improvement of the economic and social potential and the designing of the development strategy is possible only with the active cooperation of the regional authorities and the scientific community. The author believes that the main task today is to make the research and educational institutions the real mechanism and an effective tool for innovative development of the region. The article is based on materials of official statistics and sociological research.

Ключевые слова: научный потенциал, регион, региональная наука, индекс модернизации, информационное общество, устойчивое развитие, молодежь, научные кадры.

Key words: scientific potential, region, regional science, index of modernization, information society, sustainable development, youth, scientific personnel.

Введение. Благополучие и процветание России зависит от научного и инновационного потенциала ее регионов. Как отмечают исследователи, «перспектива научно-технического развития регионов во многом зависит от их возможности и способности создавать и использовать новые технологии» [1].

Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. нацелена на «обеспечение высокого уровня благосостояния населения и закрепление геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня» [2]. Достижение этих целей

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержки РГНФ № 14-13-02019 «Современные лингвокультурные процессы в полинациональном регионе (на примере Республики Башкортостан)».

возможно при решении таких важных задач, как развитие отечественной науки, т. е. «возвращение России в число ведущих мировых научных держав, создание сектора исследования и разработок, способного проводить фундаментальные и прикладные исследования по актуальным для мировой экономики и науки и приоритетным для России направлениям, востребованным российскими и международными компаниями» [2].

Главной компонентой для осуществления инновационной деятельности, создания инноваций и их внедрения в экономику является научный потенциал. Научный потенциал региона является одним из важных факторов, определяющих инновационное развитие современной России. Поэтому уровень и качество региональных научных кадров, результативность их деятельности, а также ориентированность молодежи на генерацию новых инновационных идей это основа для развития России.

По результатам исследований Института развития информационного общества индексе готовности Республики Башкортостан к информационному обществу на уровне Российской Федерации определяется 47-м местом и Приволжского федерального округа – 10 [1]. Согласно исследованиям, индексы вторичной модернизации (информационная стадия развития общества) республики имеют позитивную динамику [2]. А в рейтинге регионов по развитию науки и новых технологий, подготовленном на основе данных Росстата, республика занимает 28 место [3].

Обзор отечественной литературы показывает, что проблему научного потенциала начали исследовать с 1960-х гг. Системному анализу научного потенциала современного общества посвящены работы Г.М. Доброва, В.В. Киселевой и др. Известны работы В.З. Гатауллина, В.В. Иванова, Г.В. Монастырской, Г.Г. Лыскова, которые исследуют вопросы стимулирования и оценку научного потенциала. В трудах Д.А. Кузина, А.М. Мухамедьярова и др. регион исследуется через призму научного потенциала. Однако, несмотря на значительное количество публикаций, многие аспекты изучения научного потенциала региона являются недостаточно изученными. Определение, данное Н.А. Беловой, на наш взгляд, наиболее удачно раскрывает суть понятия научного потенциала региона, «это система функционирующих в регионе образовательных и научно-исследовательских учреждений с соответствующим уровнем организации научно-исследовательских и опытно-

конструкторских работ, профессионально-кадровый состав этих учреждений, численность получающих образование, повышающих квалификации и защищающих диссертации, а также продуцируемые ими новые знания, технологии и другие результаты обучения и проведения научных исследований» [6].

Несмотря на развитие новых технологий и региональное финансирование научных исследований, внедрение инноваций происходят в российских регионах неравномерно. Согласно оценке РИА, специализирующегося на оценке состояния компаний, регионов, банков, отраслей и кредитных рисков, Республика Башкортостан среди регионов России по развитию науки и новых технологий занимает 28 место (разница от городов-лидеров, Москва, Санкт-Петербурга и Нижегородской области составляет более 30 баллов) [5].

Распад СССР стал переломным моментом для нашей страны и новым испытанием для отечественной науки. До сих пор не определены векторы для её устойчивого развития. По этому поводу Л. Миндели, С. Черных пишут, что «наука почти перестала быть востребованной государством... Несмотря на суровые испытания, отечественная наука сумела сохранить свой потенциал, и в этом огромная заслуга научного сообщества и, в первую очередь, тех, кто продолжал в то трудное время работать в научно-исследовательских институтах» [7].

Результаты социологических исследований «20 лет реформ в России глазами жителей Республики Башкортостан» (объем выборки – 2014 человек, 2011 г.), «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Башкортостан» (объем выборки – 1018 человек, 2014 г.) показывают, что опрошенные больше обеспокоены проблемами, связанных с падением уровня жизни, морали, хаосом в стране, ростом коррупции, образовавшейся пропасти между бедными и богатыми. Развал отраслей промышленности, основанных на науке и высоких технологиях, в этом списке оказался в последних рядах (см. табл. 1). Необходимо отметить, что в условиях кардинальных перемен интерес к науке как со стороны государства, так и общества пропал.

Действительно, развитие и повышение уровня жизни населения имеет неустойчивый характер. По официальным материалам, доходы населения увеличиваются, но если учесть рост цен на продукты и жизненно необходимые товары, то повышение уровня жизни вовсе не ощущается.

Таблица 1

Что, с Вашей точки зрения, стало самой большой потерей, которую понесли россияне в результате реформ для общества в целом?*

Вариант ответов	%
Снижение уровня жизни большинства населения	16,1
Падение морали	11,3
Отсутствие должного порядка в стране, рост коррупции	10,8
Резкое деление общества на богатых и бедных	9,5
Утрата стабильности, чувства безопасности	8,4
Отход от идеи социализма	7,5
Человеческие жертвы в войнах, вооруженных конфликтах	7,3
Снижение авторитета России в мире	7,3
Распространение в России такого явления, как теракты	5,7
Утрата уверенности в завтрашнем дне	5,6
Развал передовых отраслей промышленности, основанных на науке и высоких технологиях	4,8
Отсутствие социальной справедливости	3,5
Другое	0,2
Не вижу никаких потерь	2,0
Итого	100,0

* Источник: Социологическое исследование «20 лет реформ в России глазами жителей Республики Башкортостан» / ИС РАН, ИСППИ АН РБ, рук. Р.М. Валиахметов (апрель-май 2011 г.).

К сожалению, современное правительство не может полностью удовлетворить запросы науки. Оно склоняется к идее, что ученые должны сами себя обеспечивать. Из-за этого отечественная наука теряет кадры, в особенности молодые. Молодежь, если видит, что в других странах их образование ценится, работа достойно оплачивается, легче решаются вопросы с приобретением жилья

и проблемы с медицинским обслуживанием, то в перспективе легко может поменять место жительства (см. табл. 2). Получается, что направленные государством бюджетные средства зачастую не оправдываются, поскольку многие выпускники устраиваются на работу не по специальности, уезжают за границу, не хотят ехать в регионы.

Таблица 2

Если бы у Вас появилась такая возможность, то куда бы Вы переехали? (в %)*

Вариант ответов	Возраст, лет							Итого
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65–74	74 и более	
Никуда бы не переезжал из своего город (села)	13,2	18,5	32,2	40,4	65,7	68,4	81,0	36,8
Сменил бы место жительства в пределах Башкортостана	16,7	18,5	28,7	18,4	14,7	5,3	4,8	18,1
Уехал бы в Москву	13,2	7,5	10,4	8,1	3,9	5,3	0	8,0
Уехал бы в другой регион России	21,1	28,1	15,7	19,1	6,9	15,8	4,8	18,0
Уехал бы в другую страну	36,0	27,4	13,0	14,0	8,8	5,3	9,5	19,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

* Источник: Социологическое исследование «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Башкортостан» / ИС РАН, ИСППИ АН РБ, рук. Р.М. Валиахметов (апрель-май 2011 г.).

В обществе образовалась острая нехватка в талантливой молодежи. Поэтому необходимо привлекать молодежь к науке. А как привлекать молодых людей к науке и исследованиям? Только доведя зарплату молодых кадров до достойного уровня, можно остановить «утечку умов», потерю молодых кадров.

«Воспроизводство научного потенциала общества зависит от сохранения у людей позитивного отношения к научной карьере, к ориентации выпускников вузов на защиту кандидатских, в будущем докторских диссертаций» [8, с. 137].

Согласно материалам официальной статистики, показатели уровня образования в Республике Башкортостан являются достаточно высокими [9]. Что касается регионального научного потенциала, то он представлен 276 докторами и 826 кандидатами наук [10, с. 13].

Подготовку научных кадров в республике осуществляют аспирантура и докторантура. Динамика количества аспирантов и организаций, готовящих научные кадры, с 1995 по 2013 г. в регионе увеличилось в 3 раза. Однако только каждый третий аспирант за-

канчивает с защитой диссертации в срок (см. табл. 3).

Ориентация на научную карьеру у аспирантов по окончании аспирантуры значительно ниже, чем при поступлении. Основными причинами поступления являются отсрочка от службы в армии и облегчение устройства на работу с дипломом кандидата наук. Главная причина слабого интереса к научной работе является низкая оплата труда в России.

Эффективность аспирантуры в регионе по Приволжскому ФО можно оценить как среднюю [11, с. 721].

Таблица 3

Подготовка аспирантов и докторантов организациями Республики Башкортостан*

Показатель	Год							
	1995	2000	2005	2009	2010	2011	2012	2013
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	11	16	18	29	30	31	31	33
Численность аспирантов, чел.	828	2025	2329	2963	3156	3259	2867	2612
Выпуск из аспирантуры, чел.	129	438	514	603	561	645	686	696
Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации, чел.	42	206	161	237	222	236	218	240
Число организаций, ведущих подготовку докторантов	3	6	8	8	9	12	11	13
Численность докторантов, чел.	49	94	80	59	61	66	77	75
Выпуск из докторантуры, чел.	7	25	31	19	18	20	16	25
Выпуск из докторантуры с защитой диссертации, чел.	2	10	8	6	5	8	6	6
Исследователи с учеными степенями – всего, чел.	1176	1160	997	3195	1015	1093	1166	1102
в том числе – кандидаты наук, чел.	1035	948	769	786	770	831	892	831
– доктора наук, чел.	141	212	228	241	245	262	274	276

* Источник: [11, с. 706–707, 718–725].

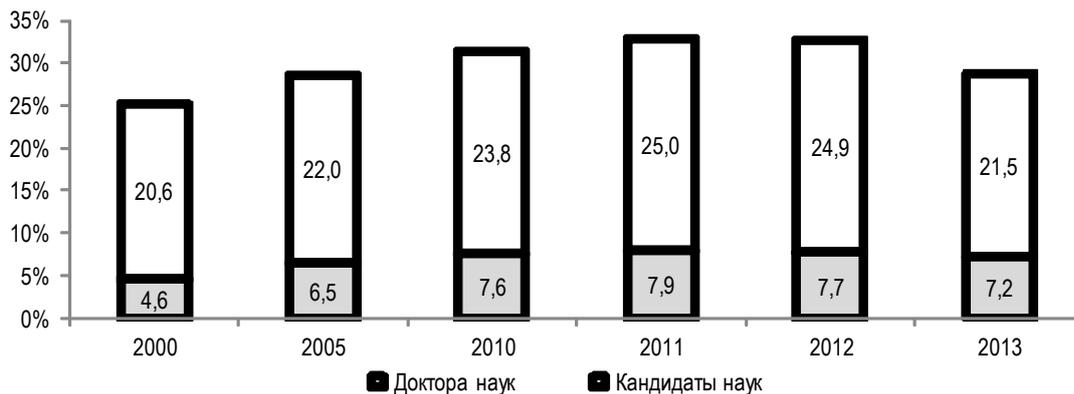
С 1995 по 2013 г. число учреждений по подготовке докторантов увеличилось в 4 раза, а численность докторантов в 1,5 раза. Однако тенденция такова, что из года в год лишь каждый четвертый докторант защищает диссертацию в установленное время.

Несмотря на то, что Башкортостан в Приволжском федеральном округе по числу организаций, готовящих докторов наук, находится на первом месте, а по подготовке аспирантов – на втором после Республики Татарстан, эффективность как аспирантуры, так и докторантуры достаточно низкая.

Численность исследователей с учеными степенями сокращается. Резкий подъем в

численности исследователей в 2009 г. был прерван финансово-экономическим кризисом. И такой показатель, как удельный вес исследователей с учеными степенями в общей численности, начиная с 2011 г., снизился (см. рис.). По показателю «исследователи с учеными степенями» регион в 2012 г. (1166 чел.) достиг уровня 2000 г. (1160 чел.).

Интересно складывается половая структура исследователей. Из 3847 исследователей 1704 составляют женщины, из них 73 доктора 370 кандидаты науки, соответственно 26,4 и 44,8 %. Несмотря на то, что рост численности женщин в мире науки растет, региональная наука имеет «мужское лицо».

Удельный вес исследователей с учеными степенями в общей численности*

* Источник: [10, с. 16].

Заключение. Положение современной региональной науки драматичное. Дело не только касается уровня жизни работников, проблема в возрасте научных кадров. Согласно официальным данным, средний возраст исследователей составляет 42 года, при этом средний возраст кандидатов наук – 43, докторов наук – 58, т. е. региональная наука стареет [10, с. 16]. Учитывая это обстоятельство, образовательным учреждениям необходимо работать над повышением мотивации молодежи к участию в научной жизни.

Ситуация в сфере науки региона в ближайшем будущем радикально не изменится. Полагаем, чтобы усилить позиции, необходимо поддержка со стороны государства, активизация сотрудничества региональных органов государственной власти и научного сообщества. Считаем, что сотрудничество является одним из наиболее действенных механизмов социально-экономического развития и преобразования региона.

1. Ермашкевич Н. И., Щеликова Н. Ю. Развитие научно-инновационного потенциала региона // Вестник БГУ. – 2012. – № 3. – С. 117–122.

2. О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. : Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. – URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/#ixzz3fkIHf9MF> (дата обращения: 25.11.2014).

3. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2010–2011. Анализ информационного неравенства

субъектов Российской Федерации / под ред. Т. В. Ершовой, Ю. Е. Хохлова, С. Б. Шапошника. – М., 2012. – 462 с. – URL : <http://www.eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2010-2011.pdf> (дата обращения: 25.11.2014).

4. Информационная система «Модернизация». – URL : <http://www.mod.vscs.ac.ru/> (дата обращения: 25.11.2014).

5. Рейтинг регионов по развитию науки и новых технологий. 2015. – URL : http://www.riarating.ru/regions_rankings/20150324/610650317.html (дата обращения: 25.11.2014).

6. Белова Н. А. Методика оценки научного потенциала региона // Управление экономическими системами. – URL : <http://www.uecs.ru/logistika/item/2047-2013-03-22-06-13-14> (дата обращения: 11.07.2015).

7. Миндели Л., Черных С. Проблемы финансирования Российской науки. – URL : http://www.issras.ru/papers/sciec01_2009_Min deli.php (дата обращения: 13.05.2015).

8. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 г. / под общ. ред. С. Н. Бобылева. – М. : Весь Мир, 2004. – 160 с.

9. Образование и культура в Республике Башкортостан: стат. сб. – Уфа : Башкортостанстат, 2014. – 96 с.

10. Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан: стат. сб. – Уфа : Башкортостанстат, 2014. – 90 с.

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

НАУКА И ИННОВАЦИИ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

SCIENCE AND INNOVATIONS IN TULA REGION IN MODERN CONDITIONS

В.И. Мосин

V.I. Mosin

*Тулский социологический центр, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
Tula sociological center, TSPU of L.N. Tolstoy*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Основным условием усиления политической и экономической роли России и повышения благосостояния ее населения является обеспечение роста конкурентоспособности страны. В современном мире, идущем по пути глобализации, способность быстро адаптироваться к условиям международной конкуренции становится важнейшим фактором успешного и устойчивого развития. Главное конкурентное преимущество высокоразвитой страны тесно связано с возможностью развития ее человеческого потенциала, которая во многом определяется состоянием науки и инновационных разработок. Именно в этой сфере находится источник обеспечения устойчивого экономического роста страны в средне- и долгосрочной перспективе. В статье рассмотрены вопросы состояния науки и инновационных исследований в Тульской области во втором десятилетии XXI в., структура организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками на региональном уровне, анализируется профессиональная структура и численность научных кадров, формы подготовки научных кадров, показатели величины внутренних затрат на исследования и разработки и их доли в валовом продукте региона. Рассматриваются состояние и развитие инновационной деятельности и уровень инновационной активности крупных и средних организаций, осуществлявших технологические инновации, перечислены основные источники финансирования инновационной деятельности. При анализе форм подготовки научных кадров послевузовского профессионального образования, большое внимание в статье уделяется анализу структуры аспирантуры и докторантуры в регионе. В статье делается вывод, что осуществление инновационной деятельности в крупных и средних организациях Тульской области тесно связано с экономическими и производственными факторами, перечислены основные экономические факторы, препятствующие инновациям на региональном уровне.

The main condition of strengthening of political and economic role of Russia and increase of welfare of its population is ensuring growth of the country's competitiveness. In the modern world involved in globalization ability to adapt quickly for conditions of the international competition the factor of a successful and sustainable development becomes the most important. The main competitive advantage of the advanced country is closely connected with possibility of development of its human potential which in many respects is defined by a condition of science and innovative development. In this sphere there is a source of ensuring sustained economic growth of the country in an average and long-term outlook. In article questions of science and innovative researches in Tula region in the second decade of the XXI century are considered, the structure of the organizations which are engaged in scientific researches and development at the regional level. There is analyzed the professional structure and number of scientific personnel, forms of preparation of scientific personnel, indicators of size of internal costs of researches and development and their shares in a gross product of the region. The state and development of innovative activity and level of innovative activity of the large and average organizations which were carrying out technological innovations are considered, the main sources of financing of innovative activity are listed. In the analysis of forms of preparation of scientific frames of postgraduate professional education, much attention in article is paid to the analysis of structure of postgraduate study and doctoral studies in the region. In the article the conclusion is drawn that implementation of innovative activity in the large and average organizations of Tula region is closely connected with economic and production factors, listed the major economic factors interfering innovations at the regional level.

Ключевые слова: наука, подготовка научных кадров, инновационная деятельность.

Key words: science, preparation of scientific personnel, innovative activity.

Введение. Тульская область является одним из старейших регионов России, который располагает сложившимся развитым научно-техническим потенциалом, способным решать различные проблемы в экономике области. Чтобы поддержать конкурентное преимущество региона, необходимо активно развивать его человеческий потенциал, который во многом определяется состоянием науки и инновационных разработок.

Обзор литературы. В рамках программы «Проблема социокультурной эволюции России и ее регионов» наиболее перспективным является применение инструментария, используемого учеными Китайского центра исследования модернизации, разработанного группой исследования модернизации Китая (Китайский центр исследования модернизации Китайской академии наук) под руководством профессора Хэ Чуаньци [1]. Со-

гласно их методике, в Тульской области закончился этап первичной модернизации и происходит переход к вторичному её этапу.

Гипотезы и методы исследования. В Тульской области, как и в соседних регионах, наблюдается неравномерный характер развития науки и инновационных разработок [2]. Наиболее перспективный инструментарий, применяемый в подобных исследованиях, как показала практика, является анализ данных региональной и федеральной статистики. Поэтому мы использовали этот опыт в своём исследовании и анализировали данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области [3]. При конкретизации выводов использовались Программа и типовой

инструментарий «Социокультурный портрет региона России», разработанные Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой [4].

Результаты исследования. Результаты нашего исследования мы разделили по отдельным показателям.

Научными исследованиями и разработками в 2013 г. занимались 18 организаций (без учета субъектов малого предпринимательства). Доминирующая доля в структуре организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, принадлежит промышленным организациям (почти треть), удельный вес научно-исследовательских организаций составляет 22 %, конструкторских бюро и образовательных учреждений высшего профессионального образования – по 17 % [5].

Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки

Организации	Год					2013 в % к	
	2000	2005	2011	2012	2013	2000	2012
Всего	34	22	21	19	18	52,9	94,7
из них:							
научно-исследовательские	22	15	3	3	4	18,2	133,3
конструкторские бюро	3	1	4	3	3	100,0	100,0
промышленные	–	–	8	8	5	–	62,5
образовательные учреждения высшего профессионального образования	3	–	4	4	3	100,0	75,0
проектные и проектно изыскательские	–	3	–	–	–	–	–
опытные организации	–	–	–	–	1	–	–
прочие	6	3	2	1	2	33,3	200,0

В 2013 г. численность научных кадров составила 3499 человек, что на 2,3 % меньше, чем в 2012 г., и в 2,9 раза меньше, чем в 2000 г. Процесс продолжающегося сокращения численности научных кадров отражается и на структуре персонала, занятого исследованиями и разработками. С 2000 г. наблюдается увеличение доли исследователей с 39 до 73 % в 2013 г. и уменьшение доли вспомогательного персонала с 34 до 14 % соответственно.

Сокращение научного персонала сопровождалось и изменением возрастной структуры исследователей.

В 2013 г. в возрастной структуре исследователей наблюдалось незначительное снижение (на 1,3 процентного пункта) по сравнению с предыдущим годом как доли всех исследователей до 29 лет, так и доли кандидатов наук этой возрастной категории (на 0,7 процентных пункта).

В общей численности исследователей, в сравнении с 2012 г., увеличилась доля исследователей в возрасте 30–39 лет на 1,1 про-

центных пункта, в возрасте 40–49 лет – на 1,6 процентных пункта. Вырос удельный вес докторов наук в возрасте 40–49 лет на 11,3 процентных пункта, кандидатов наук – на 4,8 процентных пункта.

Профессиональная структура – одна из наиболее стабильных характеристик научных кадров. Доминирующее положение в профессиональной ориентации ученых занимают технические науки (98,1 % общего числа исследователей). На долю сельскохозяйственных наук приходится 0,7 %, на общественные науки – 0,5 %, на естественные науки – 0,4 %, на гуманитарные науки – 0,3 %.

Все исследователи имели высшее образование, из них 36 человек (1,4 %) – ученую степень доктора наук, 146 (5,7 %) – кандидата наук.

Кадры – основной элемент научного потенциала Тульской области. Формой подготовки научных кадров послевузовского профессионального образования по-прежнему остается аспирантура. На конец 2013 г. подготовка научных кадров проводилась в двух

аспирантурах на базе высших учебных заведений.

Численность обучающихся в аспирантуре в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уменьшилась на 24,6 %, по сравнению с 2000 г. – на 4 %. В 2013 г. численность аспирантов, обучающихся по наукам о Земле, сохранилась на уровне 2012 г., по сравнению с 2000 г. уменьшилась на 31 %. Снижение численности аспирантов по сравнению с 2012 г. наблюдалось по историческим наукам на 51,4 % (против 2000 г. рост на 12,5 %), в политологии на 50,1 % (против 2000 г. снижение на 30 %), психологии – на 44,4 % (против 2000 г. снижение в 6 раз), биологическим наукам – на 40 % (против 2000 г. рост в 3 раза), юридическим – на 34,6 % (против 2000 г. снижение на 13,2 %), химическим – на 28,6 % (не изменилась), филологическим и экономическим – по 25 % (против 2000 г. снижение на 28,3 и на 64,4 % соответственно), педагогическим – на 24,1 % (против 2000 г. рост на 1,5 %), техническим – на 21,1 % (против 2000 г. рост на 14,4 %), философским наукам – на 15,8 % (по сравнению с 2000 г. численность не изменилась) [6].

В структуре подготовки аспирантов по областям науки основную долю занимают технические науки (43,6 %). На долю педагогических наук приходится 11,3 %, филологических – 6,5 %, физико-математических – 5,7 %, экономических – 5,5 %, медицинских – 3,4 %, исторических и биологических – по 3,1 %, юридических – 2,9 %, философских – 2,7 %, наук о Земле – 1,9 %, химических – 1,7 %, политологии – 1,2 %, социологических – 1,1 %, психологических – 0,8 %, прочих отраслей наук – 5,5 %.

В 2013 г. выпуск из аспирантуры квалифицированных специалистов увеличился по сравнению с 2012 г. на 4 % и составил 286 человек (по сравнению с 2000 г. – рост в 2 раза). Выпуск аспирантов с защитой диссертаций в общем выпуске аспирантов в 2013 г. составил 27,6 %, в 2012 г. – 26,5 %, 2000 г. – 62 %. Из числа обучавшихся с отрывом от производства закончили аспирантуру с защитой диссертации 33 %, без отрыва от производства 17 %.

В числе обучающихся в аспирантуре преобладают молодые люди до 30 лет (93,1 %). Численность аспирантов до 30 лет в 2013 г. уменьшилась по сравнению с 2012 г. на 24,1 %, по сравнению с 2000 г. увеличилась на 1,1 %. По сравнению с 2012 г. удельный вес этой возрастной категории увели-

чился на 0,6 процентных пункта, по сравнению с 2000 г. – на 4,6 процентных пункта.

Кроме лиц, защитивших диссертации во время обучения в аспирантуре, в 2013 г. защитили кандидатские диссертации 34 человека, окончившие аспирантуру до отчетного года, и 31 соискатель ученой степени кандидата наук (в число соискателей включаются лица, самостоятельно, вне аспирантуры, работающие над диссертацией).

В докторантуру в 2013 г. было принято 7 человек. На конец 2013 г. докторантов насчитывалось 20 человек, из них 9 женщин. По сравнению с 2012 г. численность докторантов увеличилась на 5,3 %. Закончили докторантуру в 2013 г. 6 человек, из них с защитой диссертации – 1 человек [7].

Важнейшими характеристиками уровня развития научной сферы являются показатели величины внутренних затрат на исследования и разработки и их доли в валовом продукте региона. За 2000–2013 гг. внутренние затраты на исследования и разработки в фактических ценах увеличились в 5,6 раза, а их удельный вес в валовом региональном продукте сократился в 1,5 раза.

Определенные сдвиги произошли в составе источников финансирования внутренних затрат на исследования и разработки. По сравнению с 2012 г. доля средств федерального бюджета в общем объеме затрат на исследования и разработки уменьшилась с 65,7 до 36,9 % в 2013 г., доля средств предпринимательского сектора уменьшилась с 11,2 до 9,7 %, при одновременном увеличении собственных средств организаций с 22,3 до 51,8 %.

Одним из индикаторов результативности научных исследований и разработок выступает патентная активность организаций.

Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок, поданных заявителями области, в расчете на 10 000 человек населения) в 2013 г. составил 2,0 (в 2012 г. – 1,6, в 2011 г. – 2,0), по РФ – 3,1 [8].

В 2013 г. использовались 2123 передовые производственные технологии, что на 40 % меньше предыдущего года, на 3,9 % больше 2000 г. Из всей совокупности используемых технологий 92 % приходилось на обрабатывающие производства, 2 % – на производство и распределение электроэнергии, газа и воды, 0,4 % – на научные исследования и разработки.

В 2013 г. коммерческий обмен технологиями осуществлялся с 21 зарубежной страной, включая государства-участники СНГ.

Суммарная годовая стоимость предметов соглашений от экспорта технологий (838,6 млн руб.) превысила стоимость предметов соглашений от импорта технологий (576,5 млн руб.), образовав положительное сальдо платежей в размере 262,1 млн руб.

Важнейшим условием успешной конкурентоспособности организаций, обеспечения высокого экономического роста, повышения качества продукции является эффективное использование научных исследований и разработок в реальном секторе экономики. В этих условиях большое значение имеет развитие инновационной деятельности.

Инновационной деятельностью в 2013 г. занималась 61 организация (12,9 % обследованных крупных и средних организаций), из них к обрабатывающим производствам относится 45 организаций, 4 организации – по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, 3 организации связи, 3 организации, деятельность которых связана с использованием вычислительной техники и информационных технологий, 2 организации, занимающиеся научными исследованиями и разработками и 4 организации – предоставлением прочих видов услуг (трудоустройство и подбор персонала, деятельность, связанная с техническими испытаниями, исследованиями и сертификациями, а также деятельность в области архитектуры).

По данным обследования малых предприятий, инновационной деятельностью в сфере промышленного производства занимались 27 организаций (6,4 % от общего числа обследованных).

Уровень инновационной активности крупных и средних организаций, осуществлявших технологические инновации, составил 12,1 %, маркетинговые инновации – 2,3 %, организационные – 3,4 % [9].

Активно внедряют инновационные процессы организации, занимающиеся научными исследованиями и разработками (половина обследуемых организаций), производством электрооборудования, электронного и оптического оборудования (42 %), химическим производством (24 %). Показатель уровня инновационной активности организаций указанных видов деятельности превысил средний по области в 1,5–3,9 раза.

В 2013 г. самый низкий уровень инновационной активности отмечался в крупных и средних организациях производства и распределения электроэнергии, газа и воды (5,7 %), производства пищевых продуктов, включая

напитки и табак (5,9 %), текстильного и швейного производства (7,1 %).

Среди крупных и средних организаций, осуществлявших различные виды инновационной деятельности, наибольшую долю составляют организации, приобретавшие машины и оборудование, связанные с технологическими инновациями. Их доля в общем числе организаций, осуществлявших технологические инновации, составила 63,2 %, у малых предприятий этот показатель чуть ниже – 62,7 %. Актуальность данного вида инновационной деятельности связана с продолжающимся обновлением производственного оборудования.

Удельный вес организаций, осуществлявших научные исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства снизился с 37,3 % в 2012 г. до 33,3 % в 2013 г., приобретавших программные средства соответственно с 39,2 до 29,8 %.

Увеличилось по сравнению с 2012 г. количество и доля организаций, осуществлявших производственное проектирование и дизайн новых продуктов, новых производственных процессов и маркетинговые исследования, связанные с инновациями.

Среди малых предприятий удельный вес организаций, осуществлявших исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов, снизился с 37 % в 2012 г. до 29,6 % в 2013 г.

По данным статистического наблюдения за инновационной деятельностью крупных и средних организаций в 2013 г. 63 организации в течение последних трех лет имели завершенные технологические инновации, из них 51 организация занималась промышленным производством. Общее число организаций с завершенными технологическими инновациями по сравнению с 2012 г. увеличилось на 12,5 %.

Почти половина организаций разрабатывали технологические и чуть больше половины – маркетинговые инновации самостоятельно, почти треть – кооперировались с другими организациями, для 22 % организаций технологические инновации разрабатывались в основном другими организациями. Самостоятельно разрабатывали организационные инновации 67 % организаций, 11 % – путем изменения или модификации продукции, разработанной сторонними организациями.

Половина малых предприятий разрабатывали технологические инновации само-

стоятельно, 16,7 % – кооперировались с другими организациями, треть – пользовались услугами сторонних организаций.

В 2013 г. организации Тульской области принимали участие в технологическом обмене следующим образом: 20 крупных и средних организаций приобрели новые технологии и программные средства в количестве 337 единиц (в 2012 г. – 185), 3 организации осуществляли их передачу (передали 133 технологии, в 2012 г. – 85) [10].

Удельный вес затрат на технологические инновации в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг в целом по крупным и средним организациям в 2013 г. составил 2,6 %, по сравнению с 2012 г. увеличился на 0,1 процентных пункта. В 2013 г. удельный вес затрат у малых предприятий на технологические инновации к объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг по сравнению с 2011 г. сократился на 0,3 процентных пункта и составил 0,3 %.

Наиболее высокая степень затрат на технологические инновации характерна для организаций химического производства и производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования, где их доля в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг составляла соответственно 25,7 и 6,8 %.

К видам экономической деятельности с низким уровнем инновационных затрат относятся: текстильное и швейное производство (0,1 %), целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность, производство машин и оборудования (по 0,2 %), металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (0,4 %). По остальным видам деятельности этот показатель колебался от 1,1 до 4,6 %.

Затраты на технологические инновации крупных и средних организаций в 2013 г. составили 9520,9 млн руб. и увеличились в сопоставимых ценах по сравнению с 2012 г. на 11,9 %.

Основным источником финансирования инновационной деятельности по-прежнему остается самофинансирование. В 2013 г. за счет собственных средств организаций было профинансировано две трети всех затрат на технологические инновации. С привлечением кредитных и заемных средств профинансировано 16,6 % общих затрат организаций на технологические инновации.

В структуре затрат на технологические инновации 37,2 % приходилось на исследование и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов. В организациях отдельных видов экономической деятельности эти затраты колебались от 0,9 % (производство прочих неметаллических минеральных продуктов) до 83 % (производство материалов и веществ, не включенных в другие группировки).

Доля затрат на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, в общей структуре затрат на технологические инновации составляла 35,5 %. В организациях по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования этот показатель был выше и составил 58,4 %.

Затраты, связанные непосредственно с подготовкой производства инновационной продукции, составляли незначительную часть общих затрат: маркетинговые исследования – 5,6 %, другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрения новых услуг или методов их производства – 4,7 %, приобретение программных средств – 0,8 %, приобретение новых технологий – 0,3 %, обучение и подготовка персонала – 0,1 %.

Структура затрат на технологические инновации по сравнению с 2012 г. несколько изменилась. По таким видам затрат, как производственное проектирование, дизайн и другие разработки новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов отмечался рост удельного веса на 13,9 процентных пункта, приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, – на 9,2, маркетинговые исследования – на 3,1 процентных пункта.

Доля затрат на исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов и других видов подготовки производства для выпуска новых продуктов снизилась на 15,4 и на 10,4 процентных пункта соответственно.

Удельные веса затрат на приобретение новых технологий, обучение и подготовку персонала, связанного с инновациями, остались на уровне 2012 г.

Не менее важной является группировка затрат по типам инноваций, отражающая их целевое использование (процессные и про-

дуктовые). В 2013 г. по сравнению с 2012 г. структура затрат по типам инноваций в крупных и средних организациях несколько изменилась. Удельный вес процессных инноваций, включающих в себя разработку и внедрение технологически новых или значительно усовершенствованных производственных методов, составил 52,7 % (в 2012 г. – 39,2 %). Так, в организациях производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака собственные средства на технологические инновации полностью использованы на нововведения, вносимые в технологические процессы выпуска продукции.

Удельный вес продуктовых инноваций, включающих в себя технологически новые и технологически усовершенствованные продукты, чьи технологические характеристики или предполагаемое использование являются принципиально новыми либо существенно отличаются от ранее производимых продуктов, уменьшился по сравнению с 2012 г. на 12,9 процентных пункта и составил 47,3 %.

Затраты на технологические инновации малых предприятий в 2013 г. уменьшились по сравнению с 2011 г. в 2 раза и составили 51,2 млн руб.

Основным источником финансирования инновационной деятельности малых предприятий является самофинансирование. В 2013 г. за счет собственных средств организаций профинансировано 65,5 % (в 2011 г. – 73,6 %) всех затрат на технологические инновации. Средства федерального бюджета в общей сумме затрат на технологические инновации составляли 12,3 %, средства бюджета субъекта Российской Федерации и местных бюджетов – 3,9 %.

Конечным результатом инновационной деятельности является внедрение в производство более эффективных видов технологий, сырья, материалов, создание новых и совершенствование действующих видов продукции. В 2013 г. крупными и средними организациями, занимающимися промышленным производством, отгружено инновационной продукции на сумму 33 697,3 млн руб. (20,9 % от общего объема отгрузки инновационно-активных организаций), в 2012 г. – 33 046,2 млн руб. (23,3 %). Малыми предприятиями в 2013 г. отгружено инновационной продукции на сумму 194,9 млн руб., что на 14,3 млн руб., или на 7,9 % больше, чем в 2011 г.

Основная доля (77,8 % – в крупных и средних организациях, 100 % – на малых предприятиях) в общем объеме отгружен-

ных инновационных товаров, работ и услуг приходилась на вновь внедренную продукцию или подвергавшуюся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет. Удельный вес инновационной продукции, подвергавшейся усовершенствованию в течение последних трех лет, у крупных организаций составил 22,2 %.

Заключение. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ представленных данных показывает, что осуществление инновационной деятельности в крупных и средних организациях тесно связано с экономическими и производственными факторами. По оценке организаций, не осуществляющих инновационную деятельность, основными и значительными экономическими факторами, препятствующими инновациям, являются недостаток собственных денежных средств (57,4 %), высокая стоимость нововведений (48,9 %) и высокий экономический риск (40,4 %). Среди производственных факторов по 29 % организаций назвали низкий инновационный потенциал и недостаток квалифицированного персонала в организации [11].

2. В 2013 г. численность научных кадров продолжала сокращаться, но это происходило за счёт вспомогательного персонала. Доля исследователей, наоборот, увеличилась, что сохраняет надежду на дальнейшее поступательное развитие науки и инноваций в регионе.

3. Наиболее активно в регионе внедряют инновационные процессы организации, занимающиеся научными исследованиями и разработками, производством электрооборудования, электронного и оптического оборудования, химическим производством. Показатель уровня инновационной активности организаций указанных видов деятельности превысил средний по области в 1,5–3,9 раза [12]. Такая поддержка, наряду с традиционной инновационной активностью в оборонной отрасли, даёт все основания утверждать, что наука и инновации в Тульской области будут развиваться.

1. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Весь Мир, 2011. – 256 с.

2. Социокультурный потенциал развития Тульской области в условиях финансово-экономического кризиса : монография /

В. И. Мосин, М. А. Загibalова, Ю. В. Назарова и др.; под общ. ред. В. И. Мосина. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. – 180 с.

3. Тульский статистический ежегодник. 2013: стат. сб. / Туластат. – Тула, 2014. – 397 с.

4. *Латин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). – М. : ИФ РАН, 2010. – 111 с.

5. О науке и инновациях в Тульской области, 2013 : аналитическая записка / Туластат. – Тула, 2014. – 29 с.

6. Молодежь в Тульской области. 2013 : стат. сб. / Туластат. – Тула, 2014. – 103 с.

7. Профессиональное образование в Тульской области : аналитическая записка / Туластат. – Тула, 2014. – 51 с.

8. Тульская область в XXI веке. (Экономический обзор) / Туластат. – Тула, 2014. – 153 с.

9. Научно-технический потенциал Тульской области, 2013 : стат. сб. / Туластат. – Тула, 2014. – 38 с.

10. Иностраннные инвестиции в экономику Тульской области в 2013 г. : аналитическая записка / Туластат. – Тула, 2014. – 45 с.

11. Экономическая безопасность как основа устойчивого развития Тульской области : аналитическая записка / Туластат. – Тула, 2014. – 51 с.

12. Тульская область. 2013 : стат. сб. / Туластат. – Тула, 2014. – 254 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИННОВАЦИИ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ, КОРПОРАЦИИ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 277–284.

УДК 332.1; 316, 453

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЗАВИСИМОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

INNOVATIVE ACTIVITY OF ORGANIZATIONS IN TERMS OF DEPENDENT MODERNIZATION

Д.М. Шабунин

D.M. Shabunin

*Самарский государственный университет
Samara State University*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

В статье рассматриваются процессы модернизации российской экономики и ее регионов. Модернизация является стратегическим направлением развития общества и экономики. Главным фактором современного этапа модернизации являются инновации. В самих инновациях основой современной модернизации является их интеллектуальный потенциал. Россия по основным показателям социально-экономического развития является среднеразвитой страной, которая, в целом завершив стадию первичной модернизации, находится только в самом начале вторичной модернизации, основанной на информационных технологиях и экономике знаний. Процессы модернизации в России носят характер зависимой модернизации, который оказывает влияние на инновационную активность организаций, характер ее осуществления. Исследована инновационная активность организаций России и ее субъектов на основе статистических и социологических данных. На основании официальных статистических данных можно сделать вывод, что инновационная активность организаций находится на крайне низком уровне. Организации в большей степени используют передовые промышленные технологии, чем их разрабатывают, что свидетельствует о наличии на предприятиях отсталой технологической и исследовательской базы, недостаточном финансировании и отсутствии долгосрочной стратегии инновационного развития. Предприятия в основном осуществляют внедрение и использование новых продуктов, техники и технологий, но не их разработку. В своем стремлении осуществить техническое перевооружение они ориентируются на быстрый экономический эффект, что свидетельствует о неспособности предприятий создать и использовать собственную научно-исследовательскую базу и отсутствие связи предприятий с научными организациями. Как следствие – низкий уровень патентной активности в организациях и на предприятиях России и ее регионов. С помощью социологического метода (глубинное интервью) изучались причины низкой активности предприятий химической, автомобильной и космической отраслей Самарской области в области патентной деятельности. Эксперты выделили организационно-технологические и социокультурные причины низкой патентной активности на предприятиях региона, без решения которых осуществление современной модернизации представляется крайне затруднительной, а вся деятельность на предприятиях по инновационному развитию может быть сведена к ее имитации.

The article examines the processes of modernization of the Russian economy and its regions. Modernization is a strategic direction of development of society and the economy. The main factor of the modern phase of modernization is innovation. The foundation of the modern innovation is intellectual potential. According the main indicators of socio-economic development Russia is a moderately developed country, which generally completed primary stage of modernization, and it is only at the beginning of the secondary modernization, based on the information technology and the knowledge economy. The processes of modernization in Russia are dependent on the nature of modernization, which has an impact on the innovation activities of organizations, the nature of its implementation. The paper studies the innovation activity in Russia and its subjects on the basis of statistical and sociological data. Based on official statistics, we can conclude that the innovative activity of organizations is extremely low. Organizations increasingly use advanced manufacturing technologies than their developing that indicates the presence of backward technology enterprises and research facilities, inadequate funding and lack of long-term strategy of innovative development. Companies mainly engage in the implementation and use of new products, equipment and technology, but not their development. In an effort to realize modernization, they are guided by the rapid economic effect as evidenced by the inability of companies to create and use their own research base and a lack of communication enterprises with scientific organizations. A consequence of this is the low level of patent activity in the organizations and enterprises of Russia and its regions. With the help of sociological method (depth interview) there were studied the causes of the low activity of the chemical, automotive and space industries of the Samara region in the field of patent activity. Experts have identified the organizational, technological and socio-cultural causes of low patent activity at the enterprises of the region, without which the implementation of contemporary modernization is extremely difficult, and all activity at the enterprises of the innovative development are imitation.

Ключевые слова: модернизация, инновация, передовые промышленные технологии, патентирование.

Key words: modernization, innovation, cutting-edge industrial technology, patenting.

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Волжские земли в истории и культуре России» (грант № 15-13-630004 и грант № 15-12-63006).

Введение. Россия стоит перед историческим вызовом, ответ на который определит ее будущее на длительное время. Вызов связан с необходимостью осуществления технологической и социальной модернизации общества, производства и экономики на современной инновационной основе.

История России свидетельствует, что путь модернизации для нее не закрыт и общество способно его осуществить, только с определенными особенностями. Они заключаются в том, что для России характерен тип догоняющей, зависимой модернизации с заимствованием технологий и образцов с последующим их освоением и развитием. Такая модернизация в России начиналась со скачка, ускоренного рывка, требующего сильной мобилизации власти и общества [1].

Все процессы модернизации в России начинались по инициативе государства. Ведущая роль государства в процессе индустриализации – это не историческая особенность России, а характерная черта всех стран «второго эшелона» мирового развития, попытавшихся в конце XIX – начале XX вв. ответить на вызов Запада и перейти к модели «догоняющего развития». Их модернизация носит неорганичный характер и оказывается возможной благодаря форсированному заимствованию готовых форм организации производства и социальной жизни у более развитых стран.

Зависимый характер российской модернизации проявлялся на стадии первичной и проявляется на стадии вторичной модернизации [2]. Более того, на стадии перехода к экономике, основанной на знаниях и высоких технологиях, российское общество столкнулось с масштабным политическим, экономическим и геополитическим кризисом, который привели к деиндустриализации страны, потере отдельных отраслей экономики, разрушению научно-технического потенциала.

В начале XXI в. в России поставлен вопрос об инновационной модернизации экономики и общества. При президенте России была создана специальная комиссия по модернизации, ориентирами деятельности которой стали обозначенные в Послании Федеральному Собранию пять приоритетных направлений: внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности. Были созданы госкорпорации, которые должны были взять

на себя задачу инновационного развития отраслей, где бизнес не видел привлекательности для инвестирования своих средств. Однако декларируемые задачи так и не были решены, а в деятельности госкорпораций по развитию инноваций все больше стали проявляться имитация и формализм [3].

В настоящее время страна живет за счет экспорта сырьевых ресурсов, а не за счет производства и экспорта высоких технологий и высокотехнологичной продукции. Для сравнения: в США экспорт высокотехнологичных производств и самих технологий составляет 95 % от общего объема экспорта. А поступления в бюджет от прогрессивных технологий, особенно высокотехнологичных производств, продажи наукоемких продуктов на внутренних и внешних рынках, составляют около 90 %.

Состояние инновационного развития, уровень разработок и распространения высоких технологий в России находятся в крайне неудовлетворительном состоянии и по данным показателям страна и ее регионы значительно отстают не только от развитых экономик, но и даже развивающихся стран.

России еще раз предстоит преодолеть данное отставание, если она хочет остаться конкурентноспособной страной. Причем это отставание нужно осуществить при неблагоприятных для России внутренних и внешних факторах.

Экономические факторы – потеряны целые отрасли экономики и их восстановление уже вряд ли возможно, может быть, даже и не нужно в силу их глобального отставания. Экономическое пространство значительно сузилось. В результате деиндустриализации окончательно сформировалась ресурсно-экспортная модель экономики. Экономическое и финансовое состояние страны сильно зависит от мировой финансовой и экономической системы, преобладает вывоз капитала, сильна офшоризация экономики.

Технологические факторы – страна завершила первичную модернизацию на старой индустриальной базе с высокой долей ручного труда и низкой его производительностью.

Социальные факторы – произошла атомизация населения, сильное социальное расслоение, элитарные слои общества полностью оторваны от основной массы населения и слабо мотивированы на процессы модернизации.

Политические факторы – геополитическая неопределенность, тенденция к изоля-

ции страны, санкции, отсутствие институтов гражданского общества, авторизация режима.

В настоящее время уровень инновационной активности организаций предприятий остается крайне низким, несмотря на увеличение объема финансирования. Одной из причин такого положения является отсутствие объективного понимания состояния общества, состояния процессов модернизации и причин, тормозящих инновационные процессы в России и ее регионах.

Обзор литературы. Проблемы модернизации и инновации поднимаются в многочисленных статьях и монографиях, обсуждаются на уровне правительства Российской Федерации.

Для нашего исследования практический характер имеет концепция модернизации, разработанная Китайской Академией наук, в которой рассматриваются три стадии модернизации: первичная (индустриальное общество), вторичная (информационное общество) и интегрированная. Каждая из стадий имеет свой уровень развития [2].

Данная методика была применена к России и ее регионам, и рассматривается в работах Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой и др. [2–5]. На основе анализа процессов модернизации в России авторы делают вывод, что Россия относится к среднеразвитому государству, находящемуся на начальной стадии перехода ко вторичной модернизации.

Ученые отмечают, что значительную роль в современных процессах модернизации играют инновации. В решение проблемы инновационного развития страны и ее регионов значительный вклад внесли С.Д. Валентей, В.А. Гневко, В.П. Горегляд, А.Г. Гранберг, М.А. Гусаков, П.А. Минакир, В.Е. Рохчин, А.А. Румянцев, А.И. Татаркин и ряд других ученых.

Исследования институциональной экономики в работах Д.С. Львова, В.А. Маевского, В.М. Полтеровича и др. дали толчок эффективности управления инвестиционными процессами и прогнозированию социально-экономического развития переходной экономики. Фундаментальные исследования условий регионального экономического роста и перехода России к устойчивому развитию представлены в трудах Л.А. Аносовой, А.Г. Гранберга, В.А. Гневко, В.В. Кулешова, Л.С. Кабир, П.А. Минакира, О.С. Пчелинцева, А.И. Татаркина и др.

Инновационные процессы в регионах в рамках теории модернизации изучались в

работах Н.И. Лапина [6; 7], И.А. Поплавской [8], Е.А. Когай, С.А. Горчаковой [9], Н.В. Ижиковой, В.М. Пивоева [10], Н.В. Борисовой, И.А. Германова, Н.А. Несевря [11], Е.Б. Плотниковой [12], Е.В. Каргаполовой [13], М.М. Захваткиной [14]. В работах анализируются инновационные процессы и инновационная активность регионов России.

Уделяя большое внимание изучению процессов инновационного развития, выработке стратегии инноваций, в литературе мало внимания уделяется изучению тех факторов, которые мешают инновационному развитию регионов, практически не изучена проблема запроса на инновации.

Гипотезы. Инновационные процессы в России, связанные с потребностью технико-технологической модернизации предприятий по выпуску новой продукции, отрицательно влияют на интеллектуальную составляющую инновационного процесса.

Методы исследования. В исследовании мы опирались на анализ данных российской статистики, результаты глубинных интервью, проведенных с ведущими специалистами нескольких крупных предприятий Самарской области, которые выступили экспертами по проблемам инновационного развития организаций, а также результаты уже проведенного исследования по Самарской области в 2011–2012 гг. [15].

Результаты исследования. Официальные статистические данные свидетельствуют о кризисном состоянии инновационных процессов. Количество организаций, которые выполняют научные исследования и разработки остается на низком уровне. В 2005 г. в Российской Федерации таких организаций насчитывалось 3566, в 2010 – 3492, в 2013 г. – 3605. В Приволжском федеральном округе только Республика Татарстан показывает увеличение таких организаций с 83 в 2005 г до 127 в 2013 г. Их незначительное увеличение произошло в Самарской области (51/62), Республике Башкортостан (63/67) и Пермском крае (55/59), а в Нижегородской области наблюдается их сокращение (101/96). Два субъекта в Приволжском ФО лидируют по количеству организаций, выполняющих научные исследования и разработки: Республика Татарстан и Нижегородская область.

Продолжает снижаться численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками как в целом по России, так и во всех регионах (см. табл 1).

Таблица 1

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел. [16]

Регион	Год		
	2005	2010	2013
Российская Федерация	813207	736540	727029
Приволжский федеральный округ	140592	116285	114013
Самарская область	24506	20189	16721
Республика Татарстан	14352	13175	13079
Нижегородская область	49797	40636	41513
Республика Башкортостан	8415	7655	8238
Пермский край	7103	6220	5583

Примечание: по [16, табл. 21.2].

Для стран, проходящих путь зависимой модернизации, характерно заимствование новых продуктов и технологий, а также их дальнейшая эксплуатация, что становится одним из факторов их настоящего выживания и технологического отставания в будущем. Используемые предприятиями новые продукты и технологии были созданы на определенной базе научно-технического потенциала, что становится важнейшим фактором их дальнейшего развития или коренного изменения. Страны, которые заимствуют новые технологии, как правило, не обладают соответствующим ей научно-техническим потенциалом и сами технологии не становятся сти-

мулирующим фактором развития. Их внедряют и используют до полного морального устаревания, что закрепляет отставание этих стран в технологическом плане.

Россия не является исключением. Количество используемых передовых технологий в 2013 г. составило 193 830, а разработано аналогичных технологий за этот же период всего 1429. В инновационных процессах преобладает практическая, внедренческая стадия, а не интеллектуальная составляющая, благодаря которой и происходит приращение нового знания в форме нового продукта или технологии на собственной научно-технической и интеллектуальной базе (см. табл. 2, 3).

Таблица 2

Используемые и разработанные передовые производственные технологии [16]

Регион	Год					
	2005		2010		2013	
	используемые	разработанные	используемые	разработанные	используемые	разработанные
Российская Федерация	140 987	637	203 330	864	193 830	1429
Приволжский федеральный округ	50 086	145	57 394	142	57 076	249
Самарская область	4727	33	6189	19	7291	21
Республика Татарстан	1999	6	4076	17	5280	24
Нижегородская область	18 812	55	14 837	37	11 440	64
Республика Башкортостан	5223	6	5673	4	6612	–
Пермский край	3843	8	5182	15	4395	14

Примечание: по [16, табл. 21.13].

Таблица 3

Инновационная активность организаций, % [16]

Регион	Год		
	2005	2010	2013
Российская Федерация	9,7	9,5	10,1
Приволжский федеральный округ	10,8	12,3	11,7
Самарская область	15,1	12,1	5,4
Республика Татарстан	12,7	14,9	21,0
Нижегородская область	14,7	17,7	15,4
Республика Башкортостан	8,0	11,1	12,3
Пермский край	33,2	21,3	11,4

Примечание: по [16, табл. 21.14].

Как следствие инновационная активность организаций остается на крайне низком уровне. Удельный вес инновационных организаций в среднем по России составляет 10 %, существенно отличаясь по регионам.

Самарская область продолжает утрачивать свои позиции по данному показателю. В 2013 г. Самарская область по удельному весу инновационно активных предприятий в общей численности всех организаций занимала в Приволжском федеральном округе последнее место (14), а в Российской Федерации 74, хотя затраты на технологические инновации в Самарской области выросли с 7683,5 млн руб. в 2005 г. до 65 842 млн руб. в 2013 г. По данному показателю Самарская область вышла на первое место в Приволжском ФО.

Существенное снижение доли инновационно активных предприятий в Самарской области происходит на фоне увеличения объема инновационных товаров, работ и услуг (см. табл. 4). В 2013 г. их доля составила 22,9 %, что является самым высоким показателем в Приволжском ФО и превышает в 2,4 раза аналогичный показатель по Российской Федерации. Во многом это связано с изменениями в автомобильном кластере, в котором благодаря организационно-правовым факторам появились новые продукты. Они являются новыми для России, но не для мировой экономики, что является отражением прямой зависимости инновационных процессов от внешних факторов.

Таблица 4

Объем инновационных товаров, работ, услуг, % [16]

Регион	Год		
	2005	2010	2013
Российская Федерация	5,0	4,8	9,2
Приволжский федеральный округ	10,5	10,2	14,2
Самарская область	26,5	14,2	22,9
Республика Татарстан	20,8	15,6	21,1
Нижегородская область	1,9	10,2	18,1
Республика Башкортостан	3,7	5,5	6,2
Пермский край	8,0	10,9	16,7

Примечание: по [16, табл. 21.16].

Одной из возможных причин снижения доли инновационно активных организаций стал экономический кризис 2008–2010 гг., в результате которого серьезно пострадали базовые отрасли Самарской области: автомобилестроение и машиностроение. Еще одной причиной, возможно, стали структурные и организационные изменения в автомобильном кластере Самарской области, которые привели к его существенной зависимости от иностранных технологий и организаций, что, вероятно, не могло не сказаться на инновационном потенциале Самарской области. В результате выросло число используемых технологий и снизилось количество разработанных передовых промышленных технологий [17].

Поступление патентных заявок и выдача патентов в Российской Федерации остается на низком уровне. Причем нет никакой корреляции между количеством персонала, занятом научными разработками и количеством патентных заявок. Например, в Нижегородской области самая высокая численность научных исследователей, но в то же время патентная активность такая же, как в Пермском крае, где численность персонала, занятого

научными исследованиями и разработками ниже практически в семь раз. В данном случае количество не переходит в качество. Существуют системные причины низкой патентной и инновационной активности для всех регионов и всей России в целом.

Половина всех патентных заявок и выдача патентов приходится на Центральный Федеральный округ, а в нем более половины (64 %) на Москву. Доля Москвы в патентной активности – 30 % от всех поданных заявок и выданных патентов в Российской Федерации. В этом отношении Москва остается ведущим инновационным центром и обладает значительным научным потенциалом.

В каждом федеральном округе можно выделить регионы лидеры по патентной активности. В Центральном федеральном округе: Москва, Московская, Воронежская и Ивановская области. В Приволжском федеральном округе: Республика Татарстан, Самарская область, Республика Башкортостан, Нижегородская область и Пермский край. В Северо-Западном федеральном округе: Санкт-Петербург. В Сибирском федеральном округе: Новосибирская область, Красноярский край и

Томская область. В Уральском федеральном округе: Свердловская и Челябинская области. В Дальне-Восточном федеральном округе

все субъекты проявляют низкую патентную активность и сложно выделить кого-либо из них (см. табл. 5).

Таблица 5

Поступление патентных заявок и выдача патентов [16]

Регион	Год	
	2010	2013
Российская Федерация	72 293	75 886
Центральный федеральный округ	34 867	36 631
Приволжский федеральный округ	12 208	13 384
Северо-Западный федеральный округ	6162	6668
Сибирский федеральный округ	6617	6423
Уральский федеральный округ	4115	4296
Южный федеральный округ	4245	4249
Северо-Кавказский федеральный округ	2744	2635
Дальне-Восточный федеральный округ	1330	1590
Республика Татарстан	2190	2691
Самарская обл.	1719	1908
Республика Башкортостан	1449	1624
Нижегородская обл.	1269	1395
Пермский край	1260	1220

Примечание: по [16, табл. 21.12].

Инновационную и патентную активность демонстрируют те регионы России, в которых сосредоточены высоко- и средне-технологичные отрасли промышленности, связанные с обрабатывающей промышленностью, авиастроением, машиностроением и информационными технологиями и системами. Низкую патентную активность показывают добывающие регионы, которые являются основными бюджетобразующими регионами страны.

Констатация факта неудовлетворительного состояния инновационной активности организаций является только первым шагом к пониманию и изучению инновационных процессов в организациях, предприятиях и отраслях экономики. Необходимо понимание причин и механизмов, блокирующих инновационную активность. Необходимо ответить на главный вопрос: а существует ли вообще запрос на инновационное развитие и внедрение инноваций на предприятиях страны, и что необходимо сделать, чтобы его сформировать и создать механизмы внедрения и производства новых инновационных технологий, моделей, и услуг.

Для ответа на поставленный вопрос весной 2015 г. в рамках осуществления гранта РГНФ «Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона» было проведено несколько глубинных интервью с представителями промышленных предприятий (химическая, автомобилестроение, космическая отрасли) Самары

и Тольятти, так или иначе связанных с инновационным развитием и внедрением новой техники, которые выступили в роли экспертов. В ходе интервью была сделана попытка выявить основные причины низкой патентной активности на промышленных предприятиях региона.

Сейчас можно сделать только предварительные выводы. Проведение опроса необходимо продолжить, расширяя круг респондентов, имеющих отношение к изобретательской и исследовательской деятельности на предприятиях и осуществляющих внедрение новых технологий и новой техники.

На характер инновационной активности предприятий оказывают влияние сфера деятельности, особенности технологических процессов и выпускаемой продукции. В этой связи причины низкой инновационной активности отличались в разных отраслях промышленности. Ответы экспертов представлены в обобщенном виде.

Причины низкой инновационной активности, которые называли эксперты можно разделить на две сферы: организационно-технологические и социокультурные.

В качестве организационно-технологических причин низкой патентной активности эксперты выделяли:

- устаревшая технологическая и техническая база предприятия;
- отсутствие свободных финансовых средств;

- незаинтересованность самих предприятий и его руководства;
- отсутствие системы мотивации и стимулирования работников к изобретательской и новаторской деятельности;
- недостаточный профессиональный уровень работников, их неготовность и неумение к изобретательской и новаторской деятельности;
- низкая правовая грамотность по оформлению патентов, длительные сроки патентирования, отсутствие информационной среды и каналов патентирования;
- высокая степень зависимости предприятия от иностранных технологий и процессов.

Кроме технологических причин, были названы и социокультурные причины индифферентного отношения к патентной деятельности:

- изменение социального положения работника в коллективе, превращение его в инструмент по осуществлению распоряжений начальства и руководства;
- отсутствие уверенности в завтрашнем дне, необходимость сохранения места работы, угроза сокращений.

В ходе интервью эксперты выражали обеспокоенность, что инновационная активность может представлять собой определенную форму имитации. Количество поданных заявок на патенты не всегда отражает их производственную и технологическую ценность и не всякое нововведение представляет из себя настоящую инновацию, которая может дать экономический и технологический эффект.

Заключение. Россия в настоящее время в целом завершила первичную модернизацию на индустриальной технико-технологической основе. Индустриализация осуществлялась на протяжении всего XX в. с существенными отклонениями от «нормы», если за эталон брать путь западно-европейской индустриализации.

Индустриальная база в России в настоящее время нуждается в новой индустриализации, с применением современной техники и новых технологий [18]. Вторичная модернизация, основанная на широком применении информационных технологий, научных знаний находится только на начальной стадии своего становления. Для Самарской области, как впрочем и для других регионов России, основными проблемами модернизации являются: низкий валовой региональный продукт и низкий уровень научных исследований и инноваций.

Преодоление технического и технологического отставания на предприятиях и в организациях происходит за счет заимствования новых продуктов, техники и технологий, что, с одной стороны, ведет к их модернизации, осуществлению новой индустриализации, с другой стороны, не стимулирует на предприятиях и организациях собственные научно-технические разработки, что негативно отражается на интеллектуальной составляющей инновационной активности. В современных условиях крайне важным становится интеллектуальное, научное и исследовательское развитие, сохранение и укрепление элементов инновационной инфраструктуры.

Инновационная активность предприятий и организаций не изменилась даже в период экономического подъема 2000–2008 гг., оставаясь на низком уровне, хотя абсолютные объемы финансирования постоянно повышались. Количество организаций, которые выполняют научные исследования и разработки, остается на низком уровне. Снижается численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками как в целом по России, так и во всех регионах [18].

Как следствие такой ситуации – поступление патентных заявок и выдача патентов в Российской Федерации остается на низком уровне. Количество поданных заявок на патенты не всегда отражает их производственную и технологическую ценность, и не всякое нововведение представляет из себя настоящую инновацию, которая может дать экономический и технологический эффект.

Для осуществления сбалансированной модернизации необходимо не простое заимствование, внедрение и использование новых продуктов и технологий, а формирование собственной научно-технической основы для их дальнейшего развития и создания новых продуктов, что затруднительно сделать в рамках отдельного предприятия и организации. Необходимо создание связей между наукой, образованием и производством, а также кооперационные связи между самими предприятиями.

1. *Гранин Ю. Д.* Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. – 2014. – № 4. – С. 14–24.

2. *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян.* – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.

3. *Беляева Л. А.* Социокультурные вызовы российской модернизации // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сба-

лансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 12–24.

4. *Лапин Н. И.* К поэтапной интегрирующей модернизации регионов России // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 25–42.

5. *Лапин Н. И.* Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» 22–25 октября 2012 г. / Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. – Уфа : АН РБ: Гилем, 2012. – С. 6–23.

6. *Лапин Н. И.* Теория и практика инноватики. – М. : Логос, 2008. – 328 с.

7. *Лапин Н. И.* Природа инноваций и их региональные условия // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары : ЧГИГН, 2008. – С. 220–229.

8. *Поплавская И. А.* Стратегии инновационного развития: социологический взгляд // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. – Уфа : АН РБ: Гилем, 2012. – С. 446–450.

9. *Козай Е. А., Горчакова С. А.* Инновационный потенциал Курского края // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары : ЧГИГН, 2008. – С. 230–235.

10. *Ижикова Н. В., Пивоев В. М.* Инновационная деятельность населения республики Карелия (К результатам исследования «Социокультурный портрет региона») // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации : сб. материа-

лов IV Всерос. науч.-практ. конф. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары : ЧГИГН, 2008. – С. 236–241.

11. Социокультурные традиции в условиях политико-административных инноваций в пермском крае / Н. В. Борисова, Е. Б. Плотникова, И. А. Германов и др. // Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. 18–22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары : ЧГИГН, 2008. – С. 242–251.

12. *Плотникова Е. Б.* Инновационный потенциал в Российских регионах: условия и факторы развития // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 октября 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 177–179.

13. *Каргаполова Е. В.* Региональная инновационная система Астраханской области // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф., 7–9 октября 2010 г., Ульяновск. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2010. – С. 117–123.

14. *Захваткина М. М.* Инновационное развитие Новосибирской области // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф., 7–9 октября 2010 г., Ульяновск. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2010. – С. 222–228.

15. Самарская область. Социокультурный портрет : монография / А. М. Исупов, И. В. Карпов, С. А. Мартышкин и др.; под ред. С. А. Мартышкина, Д. М. Шабунина. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара : Изд-во «Глагол», 2014. – 326 с.

16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 : стат. сб. / Росстат. – М. : Росстат, 2014. – 990 с.

17. *Шабунин Д. М.* Процессы инновации и модернизации Самарской области: этапы и стадии // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.: в 3 ч. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. III. – С. 734–745.

18. Инновационное развитие – основа модернизации России: национальный доклад. – М. : ИМЭМО РАН; ГУ ВШЭ, 2008. – 168 с.

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

STATE AND DYNAMICS OF INNOVATIVE POTENTIAL OF REGIO

Е.А. Плеханов

E.A. Plekhanov

*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President of Russian Federation*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В статье проанализированы состояние и изменения регионального инновационного потенциала, определены индексы инновативности экономики Владимирской области, позволяющие установить материально-экономические и интеллектуальные возможности для осуществления успешной реиндустриализации территориального производственного комплекса. На основе статистической информации установлена положительная динамика таких региональных показателей, как число работников в сфере НИОКР, число заявок на патенты и их выдача, объем текущих и капитальных затрат на осуществление инновационных видов деятельности, а также затраты самих организаций на выполнение научных исследований и разработок. Вместе с тем фиксируется ухудшение количественных показателей и структурных характеристик региональной системы подготовки научно-технических кадров, снижение числа защит кандидатских и докторских диссертаций, уменьшение использования в производстве технологий, разработанных региональными научными центрами. Обнаруженная асимметричность инновационного потенциала обладает значительной временной пролангированностью и оценивается как серьезное препятствие на пути современной индустриализации. Для оценки содержания индекса региональной инновативности прослежена динамика его значений на протяжении последнего десятилетия, а также осуществлено сопоставление с показателями инновационного потенциала соседних регионов. «Срединное» положение Владимирской области в составе Центрального федерального округа позволяет рассматривать специфические условия производственной модернизации конкретной территории как отражение общей ситуации, в которой сегодня находится большинство регионов европейской части России.

The article analyzes the status and changes of regional innovation potential and defines the indexes of innovativeness of the economy in the Vladimir region, allowing to establish the material-economic and intellectual resources for the successful implementation of reindustrialization of the territorial production complex. On the basis of statistical information there was revealed the positive dynamics of regional indicators such as the number of employees in R & D, the number of patent applications and issuance, the amount of current and capital expenditures on innovation activities, as well as the costs organizations to perform research and development. However, there is also the deterioration of the quantitative indicators and structural characteristics of the regional system of training scientific and technical personnel, reducing the number of candidate's and doctoral theses, with reduction in the production technologies developed by the regional research centers. There was detected the asymmetry of innovative potential, that is estimated as a serious obstacle to modern industrialization. In order to evaluate the content of index of regional innovativeness, the author has traced the dynamics of its values over the past decade and made a comparison with indicators of innovative potential of neighboring regions. The "middle" position of the Vladimir region in the Central Federal district allows us to consider the specific conditions of the modernisation of production specific territory as a reflection of the general situation, which is typical for most regions of the European part of Russia.

Ключевые слова: регион, инновационный потенциал, индекс инновативности.

Key words: region, innovation potential, innovativeness index.

Введение. В условиях глобальной конкуренции инновационная модель развития является единственной альтернативой для нашей страны. Поэтому в программах социально-экономического развития регионов тема модернизации неразрывно связана с задачами наращивания и реализации инновационного потенциала территорий. При этом, помимо общего отставания страны от мировых лидеров, в последнее десятилетие в этой сфере наметились неблагоприятные тенденции,

которые затронули большую часть субъектов Российской Федерации.

Во-первых, за последние четверть века оказался полностью исчерпанным научно-технический и технологический потенциал, созданный страной в советский период. Сегодня физическая и моральная изношенность основных фондов в промышленности и сельском хозяйстве достигла критических значений. Российские федеральные ведомства оценивают данный показатель по России в 45–

65 %, а исследовательские центры РФ – минимум в 60–65 % [1].

Во-вторых, специфика реиндустриализации XXI в. в том, что «догоняющее» развитие разворачивается как интегральная модернизация: для сохранения конкурентоспособности в глобальной экономике страны, находящиеся на ступени индустриального общества, вынуждены активно импортировать и внедрять в промышленное производство инновационные технологии, компьютерную технику и программно-информационное обеспечение. Поэтому, как и другие развивающиеся страны, Россия стоит сегодня перед острой необходимостью осуществления «новой индустриализации», основой которой должны быть современные постиндустриальные технологии.

Наконец, для оценки возможностей индустриальной модернизации важно учитывать не только материальные факторы: объемы финансовых инвестиций, размеры основных фондов, обеспеченность сырьевыми ресурсами, но и человеческий капитал, одной из важнейших характеристик которого является инновационный потенциал страны, т. е. способность экономики производить наукоемкую продукцию мирового уровня, готовность субъектов экономической деятельности к созданию и технологическому внедрению интеллектуальных, информационных и организационных продуктов.

Стратегия модернизационного развития России должна реализовываться на уровне субъектов Федерации и всемерно учитывать их особенности, потребности и стартовые позиции. Поэтому изучение инновационных возможностей каждого из регионов страны приобретает столь важное значение.

Обзор литературы. Социальная потребность в переходе страны на инновационный путь развития породила труднообозримый массив научных публикаций по данной проблеме. Автор разделяет точку зрения, согласно которой инновации характеризуются как внесение новых, ранее неизвестных видов, элементов, способов в различные виды человеческой деятельности с целью повышения результативности этой деятельности [2]. Благоприятные условия и возможности для развития инновационной деятельности выражаются понятием «инновационный потенциал». Чаще всего под инновационным потенциалом понимают совокупность научно-технических, технологических, материальных финансовых, кадровых, институциональных и других ресурсов, непосредственно исполь-

зуемых для инновационной деятельности [3]. Терминологически-понятийный и теоретико-методологический анализ присутствует в большинстве работ, посвященных инновационному потенциалу [4]. Что касается изучения инновационного потенциала российских регионов, то эта задача в течение ряда лет решается в рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Социокультурные портреты, выполненные к настоящему времени, дают детальное представление о возможностях «новой индустриализации» в 24 регионах страны [5]. Представленная статья вносит определенный вклад в создание атласа региональной инноватики.

Гипотезы и методы исследования.

Оценка инновационного потенциала – непростая методологическая и методическая задача. Анализ зарубежных [6] и отечественных [7] разработок убеждает в том, что методики определения инновационного потенциала региона во многом определяется практическими целями экспертных оценок.

Типовой инструментарий подготовки социокультурных портретов [8] предусматривает определение единого для регионов индекса инновационности, который отражает состояние инновационного потенциала и рассчитывается на основе пяти показателей: численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в % от общей численности занятых в экономике; численность учащихся вузов, на 10 тыс. чел. населения; количество зарегистрированных патентов, на 1000 чел., занятых в экономике; затраты на технологические инновации, руб./чел.; уровень интернетизации. Показатели нормируются по формуле линейного масштабирования, а индекс инновативности вычисляется как их среднее арифметическое значение.

Поскольку важно отличать возможности региона от результата, методика вводит дополнительный критерий – индекс инновационности региональной продукции (Иип), показывающий долю инновационной продукции в общем объеме продукции, отгруженной предприятиями данной территории. Имеется в виду продукция, подвергшаяся технологическим изменениям в течение последних трех лет. Поэтому индекс доли инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции региона за один год можно вычислить по формуле:

$$\text{Иип} = (\text{Иип1} + \text{Иип2} + \text{Иип3}) : 3,$$

где Иип1 означает долю инновационной продукции в последний учитываемый год, а Иип2 и Иип3 – в два предшествующих года.

Для характеристики инновационности региона важен уровень научно-технической и предпринимательской активности населения, который определяется на основе как статистических показателей, так и социологических опросов. При оценке коэффициента инновационной активности (Ки) нельзя принимать за норму участие всех занятых. Социологии известно, что авторы собственно новых идей и проектов составляют около 2,5 % активного населения, а их последователи, продвигающие и реализующие инновации – приблизительно 13 %. Поэтому норма активного участия в инновациях составляет всего 15 % от числа всех занятых.

В отдельных случаях важную роль может играть индекс инновационной активности малого бизнеса (Иимб) – удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных малых предприятий.

Таким образом, инновационный потенциал является одним из элементов инновационной деятельности в регионе и тесно связан с показателями инновационности выпускаемой продукции и креативностью представителей территориального сообщества.

Результаты исследования. Динамика основных показателей, на основе которых рассчитывается индекс инновационной деятельности, свидетельствует о том, что начиная с 2010 по 2013 г. инновационная ситуация во Владимирской области постепенно улучшалась. Так, число работников в сфере НИОКР увеличилось (табл. 1) [9], а также заметно выросло число заявок на патенты и их выдача (табл. 2). Хотя численность исследователей и техников в 2013 г. не достигла показателей 2005 г., тем не менее, результативность НИОКР выросла. В 2013 г. патентов на изобретения и полезные модели было выдано в два раза больше, чем в 2005 г.

Таблица 1

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками по категориям

Исследователи					Техники				
2005	2010	2011	2012	2013	2005	2010	2011	2012	2013
2686	1449	1698	1674	1729	394	373	393	416	460
0,37	0,205	0,241	0,240	0,248	0,055	0,053	0,056	0,060	0,066

Таблица 2

Поступление патентных заявок и выдача патентов

Год											
2010				2012				2013			
Подано патентных заявок		Выдано патентов		Подано патентных заявок		Выдано патентов		Подано патентных заявок		Выдано патентов	
на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели
190	80	109	83	228	102	120	74	207	93	209	100

В течение анализируемого периода значительно выросли текущие и капитальные затраты на осуществление инновационных видов деятельности. В абсолютном выражении (без учета уровня инфляции) они увеличились по сравнению с 2005 г. в семь раз и достигли в 2013 г. 4,7 млрд руб.

Значительным ростом характеризуются затраты самих организаций на выполнение научных исследований и разработок. Если в 2005 г. они составляли 1463,1 млн руб., то в 2013 г. сумма составляла уже 3647,8 млн руб.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что на протяжении 2010–2013 гг. индекс инновативности Владимирской области оставался стабильным, демон-

стрирующим небольшой рост. Что же касается его количественных значений, то в эти годы он составлял всего 0,22 [10], что заметно ниже общероссийского и общегосударственного уровней. Эта величина характеризует регион как «относительно неразвитый», располагающийся в рейтинге территорий между 45 и 68 местами.

Инновационный потенциал во многом определяется не только материальными и финансовыми инвестициями, но эффективностью системы подготовки научно-исследовательских работников. Однако эффективность послевузовского образования является чрезвычайно низкой. В результате объединения двух вузов областного центра в регионе к

2012 г. осталось 5 организаций, осуществляющих подготовку кандидатов и докторов наук. При этом в связи с реформированием системы высшего образования на федеральном уровне произошло резкое снижение численности аспирантов. Если в 2010 г. в аспирантуре проходило подготовку 718 человек, то к 2013 г. их число уменьшилось до 533 человек. Сократился прием в аспирантуру с 280 человек в 2010 г. до 158 в 2013 г., при этом из 183 окончивших обучение в аспирантуре диссертацию защитило лишь 48 выпускников. Еще большую тревогу вызывает подготовка научных кадров высшей квалификации. За последние четыре года в научных центрах области не было ни одной защиты докторской диссертации. Отдельной проблемой является качество выполненных диссертационных исследований.

Инновационный потенциал реализуется в разработанных и внедряемых в производство новых технологиях, позволяющих повышать производительность труда и науко-

емкость продуктов и услуг. Количественные и качественные показатели в этой сфере позволяют судить о темпах технико-технологической модернизации экономики региона, об уровне инновационной активности субъектов производственной деятельности. Статистические данные показывают, что по сравнению с 2005 г. в 2013 г. число используемых технологий выросло в два раза, но при этом в течение последних трех лет практически не менялось (табл. 3).

Результативность использования новых технологий выражается в объеме инновационных изделий, работ, услуг, т. е. товаров, ранее не производившихся или подвергшихся в течение тех последних лет разной степени технологическим изменениям. Индекс инновационности продукции региона находится на уровне среднего по России и составлял в 2013 г. 9,4 %. По данному показателю Владимирская область занимает 33 место среди субъектов Федерации (табл. 4).

Таблица 3

Разработанные и используемые производственные технологии

2005		2010		2011		2012		2013	
разрабо- танные технологии	использу- емые техно- логии								
11	1653	–	2972	9	3239	7	3211	–	3310

Таблица 4

Индекс инновационности продукции (в % к общему объему отгруженных товаров)

Регион	Год				
	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	5,0	4,8	6,3	8,0	9,2
Центральный федеральный округ	5,6	4,3	5,5	10,2	11,4
Владимирская область	4,0	2,3	7,4	10,6	9,4

Последний из анализируемых показателей характеризует степень участия организаций в осуществлении инновационной деятельности в целом или отдельных ее видов в период с 2005 по 2013 г. Уровень инновационной активности организаций выражает отношение числа организаций, практикующих технологические, организационные или иные маркетинговые нововведения к общему чис-

лу обследованных в регионе организаций. Во Владимирской области этот показатель является таким же, как и средний по федеральному округу, и составляет 10,7 % (табл. 5). При этом инновационная активность государственных и муниципальных учреждений и организаций значительно выше, чем в сфере малого бизнеса, где нововведения практикуются только 4 % предприятий.

Таблица 5

Инновационная активность организаций, %

Регион	Год				
	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	9,7	9,5	10,4	10,3	10,1
Центральный федеральный округ	10,3	8,6	10,2	10,9	10,7
Владимирская область	10,7	9,5	10,8	12,8	10,7

Заключение. Таким образом, последние 3–4 года инновационный потенциал региона находится в состоянии стагнации: не показывает снижения индексов, но при этом и не демонстрирует сколь-либо значимого роста. Отчасти это связано с тем, что в области не осуществляются масштабные инвестиционные проекты, которые могли бы оказать стимулирующее влияние на экономику региона в целом. Хотя наш регион вместе с Вологодской, Челябинской, Омской, Ульяновской и некоторыми другими областями России можно отнести к числу «хорошо развитых», инновационная пассионарность населения и бизнес-сообщества находится на низком уровне. При планировании показателей инновационного развития органам региональной власти следует учитывать не только объективные факторы экономической модернизации, но и степень восприимчивости населения к технологическим и социальным нововведениям.

1. Российская газета. – URL : <http://www.rg.ru/2011/07/05/iznos.html> (дата обращения: 25.11.2014).

2. Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. – М. : Логос, 2008. – 328 с.

3. Руколеева Р. Т. Социокультурные основания инновационного потенциала модернизации в регионе // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. – Уфа : АН РБ: Гилем, 2012. – С. 455.

4. Герасимов В. В., Минина Л. С., Васильев А. В. Управление инновационным потенциалом производственных систем : учеб. пособие. – Новосибирск : Новосибирский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2003; Инновационный потенциал: современное со-

стояние и перспективы развития / В. Г. Матвейкин, С. И. Дворецкий, Л. В. Минько, и др. – М. : Машиностроение-1, 2007; Кеворков В. В., Леонтьев С. В. Инновационная деятельность предприятия. – М. : Эксмо, 2001; Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент. – СПб. : Питер, 2003.

5. См.: Социологические исследования и публикации участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / сост. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Изд-во «Канон+», 2014. – 138 с.

6. Давыдов А. А. Глобализация и инновационное развитие: гипотеза для России. – URL : http://www.ssa-rss.ru/files/File/info/Globalization_Innovation.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

7. Корж А. С., Сахаровский С. А. Современные методики оценки инновационного потенциала региона // Вестник Омского государственного университета. Серия «Экономика». – 2015. – № 2. – С. 151–154.

8. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). – М. : МФРАН, 2010. – 136 с.

9. Таблицы составлены на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005, 2010, 2011, 2012, 2013. – М., 2006–2014; URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 25.11.2014).

10. Германов И. А. Инновационная деятельность и структура ценностей населения в регионах России // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. – Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – С. 148–155.

**ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ
ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА**

**PREPARATION AND ADVANCED TRAINING OF MANAGERIAL PERSONNEL
OF INNOVATIVE PROJECTS IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF THE REGION**

С.Н. Апенько

S.N. Apenko

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky*

Е.И. Еременко

E.I. Eremenko

*Центр делового образования, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Center of Business Education, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky*

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Исследуются вопросы подготовки и повышения квалификации управленческих кадров, иницирующих и реализующих инновационные проекты. При этом главной идеей статьи является положение о необходимости реализации данной подготовки с учетом особенностей социокультурной среды региона. Дается обоснование важности развития проектно-ориентированных программ подготовки управленческих кадров, приведено определение сущности таких программ. Предложено обобщение анализа публикаций по вопросам подготовки управленческих кадров. Сделан вывод о том, что, несмотря на обилие разных исследований, аспекты, связанные с анализом взаимосвязи подготовки управленческих кадров и социокультурной среды региона, изучены недостаточно. Высказана гипотеза о выраженной тенденции развития проектного управления, сформированных потребностей у предприятий в подготовке для инновационных проектов кадров управления. Данная гипотеза подтверждена в ходе исследования авторов, проведенного на предприятиях Омска методом анкетного опроса и интервью. Результаты показали наличие интереса со стороны омских предприятий к управлению проектами и к подготовке соответствующего кадрового состава. Сделан вывод о важности реализации именно проектно-ориентированных программ подготовки и повышения квалификации проектных менеджеров. Авторы приводят аргументы в подтверждение вывода о взаимном влиянии подготовки управленческих кадров и социокультурной среды региона. Даны трактовки сущности социокультурной среды региона. Для более детального рассмотрения выбран вопрос влияния ценностей предпринимательства на формирование в ходе обучения актуальных компетенций кадров управления инновационными проектами. Приведены выводы о том, что предпринимательские ценности не всегда совпадают с ценностями населения регионов России и с провозглашаемыми ценностными ориентирами в государственной политике. Делается заключение о важности снижения конфликтности в ценностях разных субъектов и необходимости выстраивать программы подготовки и повышения квалификации кадров управления с учетом предпринимательских ценностей, а также сложившихся ценностей в обществе.

The authors examine the issues of preparation and advanced training of managerial personnel, initiating and implementing innovative projects. The main idea of the article is the need for the implementation of this training taking into account the peculiarities of the socio-cultural environment of the region. The importance of the development of project-oriented management training programs, defining the essence of such programs is given. The generalization of the analysis of publications on management training proposed. It is concluded that, despite the abundance of different studies, the aspects related to the analysis of the relationship between management training and socio-cultural environment of the region, has not been studied completely. The hypothesis of project management development trend, formed by the needs of the enterprises in preparation for innovative projects of managerial personnel is given. This hypothesis is confirmed by the study of authors conducted at the enterprises of Omsk by questionnaire and interview. The results showed the presence of interest from Omsk enterprises in the management of projects and the training of relevant personnel. The conclusion about the importance of the realization of that project-oriented training programs and qualification of project managers was made. Next, the authors present arguments in support of the conclusion on the mutual influence of management training and socio-cultural environment of the region. The interpretation of the essence of the socio-cultural environment of the region is given. For a more detailed review was selected question of the influence of business values on the formation of the training of relevant personnel competencies for the management of innovative projects. Conclusions about what business value do not always coincide with the values of the population of regions of Russia and with the declared values in public policy are made. It is concluded that the importance of reducing conflicts in values of different actors and the need to build a program of preparation and retraining of personnel management based on entrepreneurial values and the prevailing values in society.

Ключевые слова: управленческие кадры, руководители проектов, инновационные проекты, программы подготовки и повышения квалификации.

Key words: managers, project managers, innovation projects, training and professional development.

Введение. Профессиональный уровень управленческих кадров, по общепризнанному мнению ведущих ученых и успешных практиков, выступает в наше время определяющим фактором успешности любого вида деятельности. Поэтому в государственной и региональных кадровых политиках такое пристальное внимание уделяется программам подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководителей [1]. Так, в соответствии с Указом Президента России от 25 августа 2008 г. № 1252 в России реализуется Программа формирования резерва управленческих кадров, которая направлена на кадровое обеспечение государственного, муниципального управления, а также на развитие профессионального управления бизнесом [2]. На данный момент такие комплексные программы формируются и реализуются на федеральном, региональном и местном уровнях [3].

Основным трендом этих программ является их проектная ориентация, которая связана с интенсивным внедрением в практику управления во всех областях и сферах, во всех отраслях деятельности методологии и инструментов проектного управления. Поэтому сейчас важнейшей задачей образовательных структур и учреждений, включенных в систему формирования кадров управления, перейти к проектно-ориентированной подготовке руководителей. Особенно это важно для обеспечения управленческими кадрами инновационных проектов, так как в этом виде проектов любые риски, а тем более риски, связанные с недостаточным профессионализмом менеджеров проектов, повышенные и тяжелые по своим последствиям. Проектно-ориентированная подготовка руководителей инновационных проектов – это «образовательная деятельность, в которой доминирующей технологией развития компетенций выступает процесс работы менеджера над реальным проектом конкретной организации, а результативность проекта служит критерием результативности подготовки» [4, с. 7]. При этом на этапе отбора слушателей в группу для подготовки приоритет отдается инициаторам инновационных проектов [5].

Обзор литературы. В связи с такой высокой практической значимостью задачи формирования кадров управления в науке активно исследуются различные аспекты этой задачи. В частности, теоретические, методологические и методические основы деятельности по формированию профессиональных управленческих кадров организации доста-

точно полно исследованы и представлены в работах таких известных зарубежных и российских ученых и практиков, как Н.Б. Акатов, М. Армстронг, Т.Ю. Базаров, Н.П. Беляцкий, И. Брайн, Х.Т. Грэхем, А.Я. Кибанов, М.М. Кустова, Ю.А. Лукаш, У.Р. Монди, С.К. Мордовин, С.И. Самыгин, А.У. Шерман и др. При этом тема проектно-ориентированной подготовки и повышения квалификации управленцев для инновационных проектов пока еще изучена слабо. К недостаточно изученным мы относим и вопрос факторов, определяющих специфику такой подготовки. В частности, авторы данной статьи поднимают такую важную проблему, как влияние социокультурной среды региона на подготовку менеджеров инновационных проектов.

Гипотезы и методы исследования. Основной гипотезой исследования сформулировано предположение о том, что выраженной тенденцией является нарастание интереса к проектному управлению и, как следствие, формирование потребности в подготовке и повышении квалификации руководителей проектов. При этом данная подготовка зависит от социокультурной среды, которая предопределяет компетенции, формируемые в процессе обучения проектных менеджеров.

Кафедра «Инновационное и проектное управление» Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского в период 2011–2014 гг. провела многоэтапное исследование по вопросам развития управления проектами в омском регионе [6]. В исследовании с помощью методов анкетного опроса и интервью приняли участие: в 2011 г. – 123 предприятия (массовый опрос), в 2012–2014 гг. – 53 предприятия и организации Омска, использующих методологию проектного менеджмента (углубленный экспертный опрос).

Результаты исследования. Исследование подтвердило гипотезу о том, что общей тенденцией в омском регионе следует назвать формирование объективных предпосылок реализации предпринимательской инновационной активности компаний в проектной форме, что постепенно приводит к необходимости профессионального управления проектной деятельностью. Нарастание интереса к проектам со стороны предпринимателей связано, во-первых, с заложенными в этом подходе преимуществами, независимо от того в каких условиях и в какой среде он используется [7]. Во-вторых, происходящие в социально-экономической сфере процессы также приводят предпринимателей к поиску

новых эффективных форм организации деятельности [6]. В частности, зарубежные и российские бизнес-аналитики единодушны во мнении, что в условиях экономического кризиса, а также следующих за ним социальных процессов деформации ценностей, динамики потребностей населения, трансформации норм предпринимательской этики, многократно увеличиваются возможности для использования проектного управления и демонстрации его позитивных возможностей.

По результатам исследования 2011 г. из 123 предприятий 69 % используют проектные форматы деятельности, а в исследовании 2012–2014 гг. все 53 предприятия не просто реализуют проекты, но и могут считаться экспертами в области проектного менеджмента.

Зафиксировав тенденцию расширения проектного управления в омском регионе, тем не менее, необходимо признать некоторое отставание внедрения технологий проектного менеджмента и профессионального подхода к управлению проектами в Омске. Среди прочих причин на темпы внедрения и содержание проектного управления влияет как экономическая среда, так и производный от неё социокультурный фон региона. В частности, следует отметить, что состояние рынка труда в Омской области можно классифицировать как фактор, сдерживающий интенсивный рост числа организаций, которые на качественном уровне используют проектное управление [6]. Омская область относится к регионам с низкой экономической активностью. В частности, в одном из исследований по особенностям региональных рынков труда проведена процедура кластерного анализа методом *k*-средних, в результате которой все регионы РФ разбиты на четыре группы, характеризующиеся относительной однородностью определенных характеристик [7, с. 96]. Наряду с наличием трех кластеров регионов с разной степенью успешности, выделен четвертый проблемный кластер, в котором сосредоточено максимальное количество регионов: Центрального, Южного, Приволжского федеральных округов, а также Тыва, Республика Алтай, Алтайский край, Курганская, Омская области. Характерная для этого кластера низкая экономическая активность не позволяет достичь таких же темпов внедрения проектного управления, какие наблюдаются в успешных регионах. Этот факт делает задачу подготовки и формирования менеджеров проектов, с одной стороны, отягощенной недостаточным пониманием

бизнес-среды, важности профессионального управления проектами, с другой стороны, еще более актуальной, так как обучение руководителей проектного менеджменту и демонстрация его позитивных возможностей может ускорить обращение руководителей к методологии управления проектами.

Важным выводом для развития проектно-ориентированных программ подготовки и повышения квалификации проектных менеджеров стало понимание, что в Омске еще до конца не сформировано адекватное отношение к менеджеру проекта. Деятельность, связанная с управлением проектами, не идентифицируется пока официально как профессия. На обследованных омских предприятиях управлением проектами занимаются в основном не специализированные субъекты. Лишь 19 % предприятий из всех вошедших в выборку имеют специально созданную службу, как правило, это проектный отдел или проектный офис. Но, учитывая, что в опросе участвовали самые прогрессивные в данной области предприятия, то в целом в Омске таких коллективных субъектов крайне мало. О том, что постепенно деятельность по управлению проектами приобретает черты профессиональной, говорит то, что почти половина опрошенных организаций назначает на проект менеджера (42 %). Чаще проектами управляет высшее руководство (92 %) и руководители, специалисты подразделений, которые совмещают текущую деятельность и работу в проекте (84 %) [6; 8].

То есть практически все руководители предприятий занимаются в том или ином виде управлением проектами, что еще раз доказывает необходимость их подготовки к этому виду деятельности.

В ходе исследования изучались вопросы о том, есть ли у предприятий потребность в обучении своих руководителей проектного управлению и в какой форме они предпочитают развивать свой потенциал. Как видно из таблицы, в группу предпочитаемых форм вошли многие, начиная от вузовской подготовки и заканчивая получением практического опыта проектной деятельности. За два года видна и некоторая динамика предпочтений. Интерес к продолжительной подготовке в вузах возрос, сокращенные программы подготовки с выдачей диплома также представляют интерес, усилилось внимание к повышению квалификации. Разовые мастер-классы, тренинги, стажировки несколько снизили свою привлекательность.

Распределение ответов на вопрос «Какие формы подготовки и развития специалистов по управлению проектами Вы предпочитаете?»

<i>Предпочтительная форма подготовки и развития специалистов по управлению проектами</i>	<i>Кол-во предприятий, %</i>	
	<i>2011 г.</i>	<i>2013 г.</i>
Углубленная подготовка в вузе с получением диплома (очная форма бакалавриата, магистратуры)	61	65
Ускоренная форма подготовки в вузе с получением диплома (сокращенные программы)	46	47
Краткосрочное повышение квалификации с выдачей сертификата	42	59
Разовые учебные мероприятия (семинары, тренинги, вебинары, мастер-классы и т. п.)	50	42
Стажировки на другие предприятия, использующие проектное управление	53	37
Индивидуальные консультации со специалистами по управлению проектами	19	24
Собственный проектный опыт специалиста	57	44

Большая часть предприятий (72 %) предпочитает целевую форму подготовки, при которой обучение осуществляется с учетом особенностей предприятия, выполняются проекты по актуальной тематике предприятия. Отрицают необходимость в такой подготовке только 12 % предприятий, еще 16 % затрудняются точно определить свое мнение. Вместе с тем следует признать проблему программ подготовки специалистов по управлению проектами, реализуемых вузами, в частности, недостаточность методов обучения, которые бы позволяли не только давать знания, формировать начальные навыки и умения, но и развивать всю совокупность компетенций, включая поведенческие компетенции и способности к практической деятельности.

Для преодоления этой проблемы предлагаются проектно-ориентированные программы подготовки. В частности, в Центре делового образования Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского накоплен положительный опыт реализации проектно-ориентированных программ подготовки управленческих кадров. Кроме того, что слушатели на протяжении всего периода обучения выполняют выпускной проект, используя формируемые на программе компетенции, в помощь слушателям предлагается цикл специализированных дисциплин по проектному управлению. Плодотворным экспериментом стала организация проектных мастерских, на которых слушатели обосновывают свои проекты, презентуют и отстаивают проектные разработки, учатся принимать решения по проекту в условиях командного взаимодействия.

Отвечая на запросы практики, в регионах России, включая и Омск, предлагаются различные программы подготовки и повы-

шения квалификации менеджеров проектов с упором на инновационные проекты. При этом авторы выдвигают положение о том, что данная подготовка находится в тесной взаимосвязи с социокультурной средой региона. Эта связь обусловлена тем, что руководители инновационных проектов выступают в роли предпринимателей. В современной трактовке предприниматель – это тот, кто создает новое, тем самым принося экономические и социальные эффекты. От уровня развития социальных норм и ценностей, а также предпринимательской этики зависит запрос предприятий на те или иные профессиональные компетенции менеджеров проектов, следовательно, это влияет на содержание программ подготовки и повышения квалификации проектных менеджеров. С другой стороны, образовательные структуры и учреждения способны выступить в роли инициаторов развития новых норм предпринимательской этики, формируя на своих программах прогрессивные ценности предпринимательства.

Под социокультурной средой, например, А.С. Ахиезер, понимает уровень творческого потенциала окружающих субъекта людей, их рефлексии, характеризуемую масштабом частной инициативы, сложившимся шагом новизны, мощностью инноваций, содержанием господствующих ценностей, нравственных идеалов [9]. Социокультурная среда региона складывается в процессе взаимодействия людей, формируясь под воздействием социально-экономических, культурных, природно-климатических и прочих факторов, и представляет собой условия, создающие мотивацию людей для повседневной жизни. Соответственно, она предопределяет выбор предпочтений, устремлений, жизненной позиции для обеспечения самореализации, удовле-

творения потребностей и при смене вектора развития может быть подвержена трансформации [10].

Многие исследователи говорят о том, что осуществляемые в России реформы, в том числе с помощью инновационных проектов, зачастую не учитывают социокультурный аспект. В результате значительная часть проектов терпит неудачу, так как в них не были учтены социокультурные факторы.

Обратимся к такому вопросу в общей проблематике влияния социокультурной среды на успешность реализуемых инноваций, как влияние ценностей предпринимательства на формирование профессиональных компетенций менеджеров инновационных проектов. Проектные менеджеры действуют в условиях определенной предпринимательской этики, являются теми, кто, с одной стороны, вынужден принимать сложившиеся ценности и нормы ведения бизнеса, с другой стороны, способен влиять на эти ценности, закладывая новые более прогрессивные нормы предпринимательской этики.

Следует признать, что в результате воздействия различных факторов (низкий уровень правосознания, коррупция, чрезмерное социальное расслоение) в российском обществе формируется слой предпринимателей со специфической ценностной системой, не всегда соответствующей стандартам современного общества или провозглашаемым государством нормами предпринимательского поведения. К примеру, руководители многих проектов и программ склонны ориентироваться на ценности, исходя из собственного опыта и рыночных реалий, а не из провозглашаемых государством идеальных ориентиров модернизации и инновационности. Эта группа руководителей-предпринимателей, как и общество в целом, в большей степени разделяет ценности семьи, жизни и общения. При этом не менее значимы и ценности, которые не характерны для большей части населения регионов России, например: независимость, инициативность и свобода занимают высшее положение в системе ценностей предпринимателей и срединное место у населения регионов [11–13]. То есть существует противоречие между, с одной стороны, ценностями руководителей инновационных проектов, предпринимателей и, с другой стороны, ценностями общества, а также декларируемыми ценностями государства.

Развивая тему конфликта ценностей, исследователи отмечают, что к профессиональным ценностям предпринимателей относят-

ся рациональность, инициативность, независимость, свобода, социальная ответственность [11]. В то время как среди населения регионов России преобладают ценности, не согласующиеся с ценностями предпринимательства, например коллективизм в противовес индивидуализму и конкуренции, социальные блага в противовес экономически целесообразным действиям и пр. [14]. Поэтому формирование кадрового потенциала инновационных проектов оказывается в ситуации выбора: как сформировать такие компетенции руководителей проектов, которые бы соответствовали ценностям предпринимательства, но при этом позволяли адаптироваться в сложившейся социокультурной среде региона и России.

Многие исследователи говорят о неоднородности структуры предпринимателей, аналогично структура руководителей инновационных проектов также неоднородна и противоречива. Например, в структуре предпринимательского слоя выделяют два типа хозяйствующих субъектов. Это «обычный» предприниматель (бизнесмен) и предприниматель в узком понимании (инноватор). Первым движет стремление к получению максимальной прибыли, второй стремится к самореализации через решение проблем и удовлетворение потребностей общества. Для инновационных проектов наиболее подходит по своей системе ценностей предприниматель второго типа. Однако в России преобладают предприниматели первого типа, которые также возглавляют проекты и программы. В этой связи еще раз подчеркнем важность задачи формирования ценностей именно инновационного типа предпринимательства через программы подготовки и повышения квалификации управленческих кадров. Различные методы обучения предпринимательству способствуют повышению предпринимательской активности только в том случае, если обучаемые разделяют ценности предпринимательства. Предпринимательская активность как управленцев, так и общества в целом, зависит от ценностей, интернализированных в процессе социализации через основные социальные институты (образования, семьи, религии), а также политические и экономические институты [10]. В этих институтах, как нами обозначено, находятся и образовательные структуры, занимающиеся подготовкой кадров управления для инновационных проектов.

Заключение. Подводя итоги, необходимо отметить, что реализуемые на разных уровнях и в разных сферах инновационные

проекты требуют адекватного кадрового обеспечения. Руководители инновационных проектов должны обладать всеми качествами, присущими предпринимателям-инноваторам, включая структуру ценностей. При этом данные ценности не всегда совпадают с ценностями и нормами общества, населения регионов. Поэтому организации, осуществляющие подготовку и повышение квалификации, должны участвовать, наряду с другими субъектами, в процессе ослабления ценностных конфликтов. Тем более, что, как показано авторами, сегодня высока потребность со стороны экономики регионов в профессиональных менеджерах проектов и сложились потребности в обучении проектных менеджеров. Проблема заключается в том, чтобы найти ответ на вопрос, как в программах подготовки и повышения квалификации учесть специфику и давление социокультурной среды России и её регионов. Без решения проблемы снижения противоречия ценностей разных слоев населения предпринимательская активность проектных менеджеров будет явно недостаточной. Для повышения эффективности инновационных проектов сегодня нужны не только компетентные руководители и профессионально грамотные бизнесмены, сколько нравственно зрелые личности, способные вести проекты на основе одновременно принципов предпринимательской этики и сложившихся в обществе моральных ценностей и взглядов.

1. *Антропов В. А.* Инновационные подходы к построению региональных систем резерва управленческих кадров // Инновационное развитие регионов России: теория, практика, управление / под общ. ред. А. И. Татаркина. – М. : Экономика, 2010. – 241 с.

2. Указ Президента России № 1252 от 25 августа 2008 г. – URL : <http://www.bestpravo.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

3. *Базаров Т. Ю.* О федеральном резерве управленческих кадров // Управление персоналом. – 2009. – № 14. – С. 20–23.

4. *Акатов Н. Б., Кустова М. М.* Учебно-методический комплекс развития компетенций лидеров по управлению инновационными проектами в рамках проектно-ориентированных программ подготовки. – Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2011. – С. 68.

5. *Кустова М. М.* Проблемы реализации проектно-ориентированных программ

управленческой подготовки // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Красноярск, 2009. – С. 143–148.

6. *Апенько С. Н.* Региональные тенденции развития управления проектами как профессионального труда: результаты исследования в Омске // Вестник СибАДИ. – 2013. – № 4(32). – С. 124–130.

7. Управление проектами: основы профессиональных знаний, Национальные требования к компетентности специалистов. – М. : ЗАО «Проектная ПРАКТИКА», 2010. – 256 с.

8. *Апенько С. Н.* Проектно-ориентированное управление на российских предприятиях в процессе интеграции в мировое экономическое пространство // Восемнадцатые апрельские экономические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 23 апреля 2013. – Омск : Омская обл. тип., 2013. – С. 70–72.

9. *Ахмезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. II. (Теория и методология): словарь. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2005. – 203 с.

10. *Шабунова А., Окулова Н.* Оценка населением социокультурной среды региона // СОЦИС. – 2011. – № 6. – С. 36–43.

11. *Позняков В. П.* Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН / отв. ред. В. С. Степин. – М. : Наука, 2007. – С. 513–528.

12. *Пирогова Ю. С.* Ценностные ориентации населения региона: эмпирический и теоретический анализ. – Тюмень : Изд-во «Вектор Бук», 2003. – 116 с.

13. *Васянин М. С., Кошарная Г. Б.* Предпринимательство в системе ценностей российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 58–65.

14. *Васянин М. С.* Ценности предпринимательского слоя современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1(21). – С. 87–97.

ДЕЙСТВЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И КОРПОРАЦИИ В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

THE ROLE OF STATE AND CORPORATIONS IN DEVELOPING THE INNOVATIVE ECONOMY

Т.А. Чилимова, В.П. Иваницкий

T.A. Tchilimova, V.P. Ivanitckiy

*Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург
Ural State University of Economics, Yekaterinburg*

Статья поступила в редакцию 15 июня 2015 г.

Наличие государственной собственности и государственной инициативы в развитии национальной экономики определяют специфику России как страны с эндемичной постцентрализованной экономикой. Одним из основных ключевых факторов эффективного инновационного развития в такого рода экономике является участие государства. В настоящее время общая доля государственного сектора варьирует в пределах 25 % и включает в себя государственный контроль, в первую очередь в сфере разработки природных ресурсов, транспорта, коммуникаций, оборонных предприятий, космоса. Участие государства в крупных интегрированных бизнес-структурах, обеспечивающих значительную долю российского производства, позволяет воздействовать на инновационные процессы не только в самих компаниях, но и в экономике в целом. Первоочередное «принуждение» к инновациям предполагается в тех отраслях и сферах российской экономики, где реализуются функции обороноспособности страны, заложены основы развития высокотехнологичной промышленности и оказывают значительное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране. По мнению авторов, особую роль в обеспечении поступательного инновационного развития в стране играют хозяйствующие субъекты, реализующие стратегические функции государства и действующие на национальном уровне. Прежде всего к этой группе относятся субъекты хозяйствования, не только реализующие функцию обеспечения обороноспособности страны, но и являющиеся основой развития высокотехнологичной промышленности, а также оказывающие значительное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране. Также авторы полагают, что основные методы воздействия должны иметь принудительный характер со стороны государства, а механизм реализации должен включать такие инструменты, как налоги и налоговые льготы, оплата плановых инноваций, дивидендная политика и ряд других.

The paper deals with the role of state in the post-centralized economy, state property and state initiative being endemic to Russia. Being involved in big integrated businesses controlling most of the Russian production, the state stimulates innovative processes both in corporations and in the national economy. Currently the total share of the public sector varies between 25% and includes state control in industries connected with defense, hi-tech projects, social and economic development of the country. State involvement in large integrated business structures, providing a significant share of Russian production, can influence the innovation processes, not only in companies but also in the economy as a whole. The enforcement to innovate is expected in those sectors of the Russian economy, which implement the functions of the defense of the country, lay the foundation for the development of high-tech industry and have a significant impact on the socio-economic situation in the country. According to the authors, a special role in ensuring sustained innovation development in the country is played by the entities that implement the strategic function of the state and operating at national level. First of all, this group includes companies, which not only implement the function of ensuring the country's defense, but which are the basis for the development of high-tech industry and have a significant impact on the socio-economic situation in the country. The authors comment on regulation tools used, such as: taxes, tax benefits, payment for planned innovations, dividend policy, etc.

Ключевые слова: постцентрализованная экономика, инновационное развитие, интегрированные структуры с государственным участием, государственное регулирование экономики, государственная собственность.

Key words: post-centralized economy, innovative development, integrated businesses with state participation, state regulation of economy, state property.

Введение. В кризисных условиях все более актуальными становятся вопросы, связанные с безопасностью российской экономики и перспективами её развития. Структурные преобразования, которые продекларированы Стратегией развития Российской Федерации до 2020 г., основываются на необходимости минимизировать высокую степень монополизации и сырьевую направленность национальной экономики путем ее

диверсификации в инновационные сферы деятельности.

Во многих публикациях в пределах четверти столетия все еще рассматривается механизм перехода России от централизованно управляемой экономики к рыночной. Эта модель трансформации строится на экономическом либерализме, автаркии и протекционизме [1, с. 63], при этом участие государства в регулировании экономических отноше-

ний минимальное. Но такой подход не учитывает специфику России как страны с постцентрализованной экономикой. В связи с этим речь должна идти о переходе от индустриальной к постиндустриальной экономике, которая по своей природе является плано-регулируемой и основывается на инновационном развитии. В пользу этого тезиса говорит тот факт, что сегодня государство разрабатывает прогнозы и целевые программы планирования, в том числе в виде национальных проектов. Крупные компании с государственным контролем создают инновационные и инвестиционные проекты, которые становятся основной формой стратегического планирования. Поэтому особую ставку в планах развития инновационной деятельности российское государство делает именно на крупные госкомпании и корпорации с государственным участием. Это объясняется тем, что такие компании продолжают занимать значительную долю влияния в целом ряде базовых отраслей. Следовательно, запуск инновационных процессов в них даст толчок к инновационным преобразованиям в данных отраслях и экономике в целом. Так, начиная с 2011 г. более 46 компаний с государственным участием, на которые приходится примерно 23 % создаваемого в России ВВП, работают по программам инновационного развития.

Таким образом, снова встает вопрос об этатизме, т. е. принципе, когда государство является главной силой, определяющей процессы в обществе [1, с. 64]. В экономике «этатистскими» называются концепции и модели, построенные на государственном регулировании экономики

Результаты исследования. Оценка возможностей постцентрализованного развития России обязательно должна учитывать тот факт, что ее экономика, с одной стороны, имеет признаки рыночной, а с другой – несет в себе по принципу финансовой генетики [2, с. 67] особенности экономики директивной. Это проявляется в достаточно четком выделении двух отраслевых сегментов: сырьевая и топливно-энергетическая ориентация экспорта и сохранившаяся научно-техническая база высокотехнологичной промышленности, куда преимущественно входят отрасли оборонно-промышленного комплекса.

Быстрое развитие в сырьевых отраслях, в первую очередь нефтегазовом секторе, опирается на растущую внешнеэкономическую конъюнктуру, которая позволяет получать

дополнительные доходы от экспорта. Вторым сегментом – это внутреннеориентированные отрасли, такие как машиностроение и металлообработка, химическая и нефтехимическая промышленность и т. д.

Такая поляризация двух сфер сформировала длительно существующую структуру экспортно-импортных операций, где преобладающую часть экспорта составляют нефть и газ и продукты их переработки, а также продукция горно-металлургической промышленности. В 2009 г. экспорт машин, оборудования и вооружения составил 5,9 % общего объема экспорта, а уже в 2014 г. доля технологического сегмента уменьшилась до 3 %. В то же время доля экспорта сырья за этот же период выросла до 82,8 %. Что касается структуры импорта, то в Россию ввозятся в основном машины, оборудование и автомобили, составляющие примерно 43,4 % ввозимой продукции [3].

Как показывает современная российская практика в наибольшей степени признаки этатизма проявляются в отношениях государства и крупного бизнеса, основной организационно-правовой формой которого являются корпорации. Несмотря на то, корпорации составляют не более 10 % общего количества фирм, зарегистрированных в мире, они производят большую часть мирового ВВП. Доля корпораций в российском ВВП еще выше, так как малый и средний бизнес в России в настоящее время в большинстве своем находится в эмбриональном состоянии.

Одной из особенностей крупного бизнеса является его способность изменять экономические условия определенных секторов экономики, обеспечивая планомерность, т. е. сознательно поддерживаемую пропорциональность развития национальной экономики. В России уже к середине 2000-х гг. осуществлен значительный подъем корпоративного этатизма. Так, государство сначала полностью определило свои позиции в «Газпроме», параллельно был практически полностью взят под контроль уникальный титановый бизнес, затем произошло объединение в государственный агломерат крупнейших авиакомпаний. Кроме этого, было создано несколько крупных госкомпаний, объединивших государственные активы целых отраслей российской экономики: корпорация «Росатом», концерн ПВО «Алмаз-Антей», «Объединенная судостроительная компания» и др.

При этом правительство считает, что появление госкорпораций в российской эко-

номике не означает переход к госкапитализму. Основная цель их создания – крупные и долгосрочные инвестиции в инновационное развитие данных отраслей, к которым частный бизнес подготовлен недостаточно.

К тому же, кроме создания государственных корпораций и других субъектов хозяйствования, государство активно участвует в деятельности отдельных компаний через закрепление за ним значительных пакетов ак-

ций. Как правило, это происходит в тех отраслях, которые по мнению государства имеют стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства либо оказывают значительное влияние на социально-экономическую стабильность общества.

В таблице представлены результаты анализа позиции государства в различных отраслях.

Позиции государства в различных отраслях [4–6]

<i>Отрасль</i>	<i>Контроль государства, %</i>	<i>Тенденции изменения контроля в отрасли на современном этапе приватизации</i>	<i>Компании с государственным участием</i>
Транспорт	73	↑	ОАО РЖД, ОАО «Транснефть», ОАО «Аэрофлот»
Транспортная обработка грузов и организация перевозок	19	↓	Газпром ПХГ, Росморпорт, Международный аэропорт Шереметьево
Производство судов, летательных и космических аппаратов	57	↑	РСК МиГ, Объединённая авиастроительная корпорация, Объединённая судостроительная корпорация
Газодобыча	48	↑	ОАО Газпром
Электроэнергетика	35	↓	Росатом, ФСК ЕЭС, МРСК, РусГидро
Производство электронных компонентов, оборудования для радио и телевидения	27	↓	Корпорация аэрокосмического оборудования, Каменск-Уральский завод «Октябрь», Омское ПО «Иртыш»
Добыча нефти	23	↓	Роснефть Газпромнефть
Добыча руд и металлургия	3	↓	ВСМПО-АВИСМА
Производство автомобилей	17	↓	КАМАЗ АвтоВАЗ
Производство машин и оборудования	15	↓	НПЦ газотурбостроения «Салют», Объединённая двигателестроительная корпорация, Уралвагонзавод
Телекоммуникации	14	↑	Ростелеком
Целлюлозно-бумажная	12	↓	ФГУП «Госзнак»
Строительство	9	↓	Строительные структуры РЖД, Газпрома, ФСК ЕЭС

Из таблицы можно сделать вывод о том, что контролирующая роль государства в различных отраслях может принципиально отличаться. Так, наибольшая доля государственного участия представлена в транспорте, где основную роль играют железные дороги, газо- и нефтепроводы (более 90 % общероссийского грузооборота). Железнодорожный транспорт контролируется ОАО «Российские железные дороги», находящимся в 100%-й собственности государства, нефтепроводы – компанией АО «Транснефть» (доля государства более 78 %), магистральные газопрово-

ды – ОАО «Газпром» с участием государства более 50 %.

Достаточно значима доля государства и в отрасли, напрямую связанной с транспортом, а именно транспортной обработкой грузов и организации перевозок. Основными предприятиями здесь являются система подземных хранилищ газа «Газпрома ПХГ», Новороссийский морской торговый порт, международный аэропорт Шереметьево и ряд других компаний.

Существенное влияние по уровню наличия государственной собственности реал-

лизуется в производстве судов, летательных и космических аппаратов. Это объясняется наличием в этой отрасли ведущих компаний, активно использующих высокие технологии и имеющих современное наукоемкое производство. В то же время в основных отраслях машиностроительного комплекса – производстве автомобилей и производстве машин и оборудования – степень государственного участия составляет всего 17 %.

Государство, владея более 50 % ОАО «Газпром», контролирует около 48 % газодобывающей промышленности. При этом «Газпром» не только добывает около 80 % российского газа, но и обладает монополией на его экспорт. В добыче же нефти степень огосударствления, как видно из таблицы, значительно снижается. Большая часть отрасли находится у частного бизнеса, тогда как государственный контроль над отраслью осуществляется через активы АО «Роснефти» и АО «Газпромнефти».

Велика доля государства в электроэнергетике, где обеспечивается его участие в таких федеральных структурах, как МОЭС, ФСК ЕЭС, «РусГидро», Холдинг МРСК, которые, в свою очередь, владеют контрольными или крупными пакетами акций в большинстве региональных ОГК и ТГК.

В производстве электронных компонентов, оборудования для радио и телевидения – 27 % государственного участия. Это объясняется в том числе и тем, что в этой области функционирует ряд предприятий оборонно-промышленного комплекса, 100 % принадлежащих государству.

Доля участия государства в телекоммуникациях, в целлюлозно-бумажной промышленности, в строительстве, в производстве алкогольных напитков колеблется от 9 до 14 %. В остальных отраслях уровень огосударствления еще меньше. Позиции государства в таких отраслях, как добыча руд металлов и металлургия, совсем незначительны. Лишь в цветной металлургии степень огосударствления достигает 3 % за счёт приобретения государственной корпорацией «Ростехнологии» крупного пакета акций ВСМПО-АВИСМА, что позволяет государству контролировать титановый бизнес [4].

Таким образом, по оценке специалистов общая доля государственного сектора варьирует в пределах 25 % и включает в себя государственный контроль, в первую очередь в сфере разработки природных ресурсов, транспорта, коммуникаций, оборонных пред-

приятий, космоса. По данному показателю Россия сравнима с другими рыночными странами богатыми ресурсами. Так, например, несколько лет назад в Норвегии в руках государства было сосредоточено около 32 % компаний, участвующих в торгах на фондовой бирже. Сегодня под контролем норвежского государства остается от 10 до 15 % промышленных предприятий, включая контрольные пакеты акций в нефтедобывающей отрасли, в сфере телекоммуникаций и авиаперевозок [7]. В Мексике государство полностью контролирует добычу нефти, газа и ядерную энергетику и имеет значительный резерв в сфере телекоммуникаций, авиаперевозок и почты. Доля государственной собственности в США оценивается в размере до 20 %, при этом – 75 % в почтовой службе и всего 1 % – в промышленном производстве. Интересно, что в США правительство является собственником примерно 24,8 % земли, при этом на территории Аляски – доля государственных земель возрастает примерно до 75 % [8].

К сожалению, по этому вопросу нет систематизированной статистики ни за рубежом, ни в России, что затрудняет оценку реальной роли государства в национальной экономике. Но даже имеющиеся данные позволяют говорить о возможности планового подхода государства к построению модели дальнейшего развития национальной экономики, в том числе через системообразующие компании. При этом планомерность достигается на основе контрактов с хозяйствующими субъектами, а не с помощью централизованных административных распоряжений.

Выше было отмечено, что особую роль в обеспечении поступательного инновационного развития в стране играют хозяйствующие субъекты, реализующие стратегические функции государства и действующие на национальном уровне. Прежде всего к этой группе относятся субъекты хозяйствования, не только реализующие функцию обеспечения обороноспособности страны, но и являющиеся основой развития высокотехнологичной промышленности, а также оказывающих значительное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране. Исходя из этого такие компании (предприятия) можно разделить на две группы:

– федеральные государственные унитарные предприятия и государственные корпорации, осуществляющие производство продукции (работ, услуг) и обладающие техно-

логиями, имеющими важное социально-экономическое значение или важное значение для обороноспособности страны и безопасности государства;

– акционерные общества с государственным участием, осуществляющие производство продукции (работ, услуг) и обладающие технологиями, имеющими важное социально-экономическое значение или важное значение для обороноспособности страны и безопасности государства.

Проблема создания таких интегрированных структур встала еще в начале 2000-х гг. Так, в Федеральной целевой программе «Реформирование и развитие ОПК (2002–2006 гг.)» рассматривалась возможность создания 75 интегрированных структур в форме концернов и других организационно-правовых форм [9].

Современный взгляд государства на создание и функционирование интегрированных структур представлен в одном из разделов «Стратегии национальной безопасности России до 2020 года», где предусматривается объединение предприятий вокруг какой-то товарной группы (диверсифицированная группа), технологической цепочки (вертикально-интегрированная компания) или общей группы собственников и высших менеджеров (интегрированная бизнес-группа) [10]. Например, таким ядром могут быть или уже являются государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростехнологии», созданная на базе активов «Рособоронэкспорта», ОАО «Объединенная судостроительная корпорация», в состав которой вошли 41 судостроительное и судоремонтное предприятие, государственный агломерат ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», объединивший более 10 российских авиакомпаний.

При формировании и развитии госкорпораций и интегрированных структур с государственным участием традиционно возникает вопрос о степени влияния государства и инструментах государственного управления, которые могли бы быть наиболее эффективно использованы в целях инновационного развития.

В современных научной литературе имеет место точка зрения о необходимости «принуждения» государством к инновационному развитию. Методами такого принуждения могут выступать налоговые льготы, государственные заказы, льготное государ-

ственное кредитование. Но поскольку речь идет об интегрированных бизнес-структурах с государственным участием, то наиболее интересным представляется использование такого инструмента, как дивиденды.

С целью усиления роли государства в регулировании инновационных процессов в корпорациях можно использовать такую меру дивидендной политики, как использование направленных акционерным обществом дивидендов на собственное развитие вместо расчетов по ним с государством по согласованию с последним. Неуплата причитающейся к выплате доли капитала (дивидендов) дает возможность государству как акционеру в будущем получить дополнительный капитал с учетом ранее вложенного. А само перераспределение дивидендов в пользу корпорации должно способствовать инновационному развитию производства. Особенно это актуально в условиях недостаточно интенсивного потока банковского кредита в реальный сектор экономики.

Заключение. Участие государства в управлении системообразующими корпорациями и контроль за их инновационной деятельностью является отдельной проблемой, потребность решения которой тесно связана с общей задачей пересмотра приоритетов в сфере управления государственной собственностью. Сохранение в собственности государства значительного пакета акций и активов стратегически значимых компаний, как основного принципа финансовой генетики, может оказать существенное влияние на состояние инновационного климата в стране. Необходимо учитывать тот факт, что российская экономика эндемична прежде всего тем, что аналогов «огосударственности» такого масштаба не имеет ни одна страна в мире. Именно эта «огосударственность» позволила России на определенных этапах истории занимать передовые позиции в таких сферах и отраслях, как космос, атомная энергетика, ОПК. Поэтому организация инновационных процессов в постцентрализованной экономике России должна проходить под контролем государства и при непосредственном его участии.

1. *Маюров В. Г.* Общее и особенное: феодализм, капитализм и новое индустриальное общество // Новая экономика: монография / под ред. Е. Ф. Авдокушина, В. С. Сизова; ВСЭИ. – М.: Магистр, 2009. – С. 42–71.

2. *Смирнов А. В.* «Финансовая генетика» организации инвестиционных процессов

в постцентрализованной экономике России // Управленец. – 2011. – № 1–2. – С. 66–69.

3. Таможенная статистика внешней торговли. – URL : <http://www.customs.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

4. *Волосов И.* РБГ представляет рейтинг участия власти в ключевых отраслях. – URL : <http://www.rbg.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

5. Государственные компании России. – URL : <http://www.newsru.com/doc/index.php> (дата обращения: 25.11.2014).

6. Отчет о выполнении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества 2014–2016 гг. в 2014 г. – URL : <http://www.rosim.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

7. «The Economist» : официальный сайт журнала. – URL : <http://www.economist.com> (дата обращения: 25.11.2014).

8. *Баляцкий Е. В., Коньшев В. А.* Российская модель государственного сектора экономики. – URL : <http://www.capital-rus.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

9. Реформирование и развитие ОПК (2002–2006 гг.) : Федеральная целевая программа. – URL : <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

10. Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. – URL : <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS FACTOR OF RUSSIAN SOCIETY MODERNIZATION

К.А. Петухов, И.А. Германов

K.A. Petukhov, I.A. Germanov

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Perm State National Research University

Статья поступила в редакцию 20 июня 2015 г.

В работе исследуются практики корпоративной социальной ответственности (КСО) крупного российского бизнеса, а также направления взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами в контексте задач поддержки модернизационных процессов в России. С помощью метода формализованного контент-анализа корпоративных сайтов и страниц компаний в социальных сетях выделены ключевые сферы и доминирующие практики КСО, методы взаимодействия компаний с локальными сообществами, потребителями и гражданским обществом. Установлено, что к сфере социальной ответственности современных российских компаний относится деятельность, влияющая на качество жизни населения и возможности развития человеческого потенциала: социальная поддержка работников и членов их семей, содержание объектов социальной инфраструктуры, благотворительная помощь социально-уязвимым категориям населения, экологические инициативы. Однако эта деятельность в большинстве случаев не является комплексной и системной; процесс институционализации КСО находится на начальном этапе; влияние внешних и внутренних субъектов – заинтересованных сторон – является ограниченным, что свидетельствует о слабом развитии в России принципов корпоративного гражданства. Основным результатом исследования является разработка методологии и количественная оценка уровня развития практик КСО и корпоративного гражданства. Предложена методика расчета индекса, отражающего показатели экономической деятельности компаний, их активность в освещении социально-ориентированной деятельности в Интернете, а также заинтересованность интернет-аудитории в соответствующей информации; характер взаимодействия с пользователями. Сформулирован ряд выводов о возможных путях развития корпоративной социальной ответственности в контексте тренда к ускоренной модернизации российского общества, укрепления и развития механизмов межсекторного взаимодействия.

This paper investigates the practice of corporate social responsibility (CSR) of Russian big business, as well as areas of cooperation with stakeholders in the context of support tasks of modernization processes in Russia. Using the method of formalized content analysis of corporate sites and pages of companies in social networks there were highlighted the key areas and dominant CSR practices, methods of interaction with local communities, companies, consumers and civil society. It is established that the scope of the social responsibility of modern Russian companies include activities affecting the quality of life and opportunities of human development: social support of workers and their families, the maintenance of social infrastructure, social care to some categories of the population, environmental initiatives. However, these activities in most cases are not comprehensive and systematic; the institutionalization of CSR is at an early stage; the impact of stakeholders is limited. All this indicates the weak development the principles of corporate citizenship in Russia. The main result of the study is to develop a methodology and a quantitative assessment of the level of development of CSR practices and corporate citizenship. The author formulates a number of conclusions about the possible ways of development of corporate social responsibility in the context of the trend to the rapid modernization of the Russian society, strengthening and development of mechanisms for inter-sectoral collaboration.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, корпоративное гражданство, модернизация, социальные сети, гражданское общество.

Key words: corporate social responsibility, corporate citizenship, modernization, social networks, civil society.

Введение. Поиск механизмов поддержания и развития модернизационных процессов является одной из наиболее актуальных тем современного отечественного научного дискурса. Особый интерес представляют вопросы развития социальных институтов, обеспечивающих модернизационные процессы. В качестве одного из них можно назвать

корпоративную социальную ответственность. Опыт зарубежных компаний и социальная деятельность крупных промышленных предприятий советского периода демонстрирует широкие возможности этого института в обеспечении развития человеческого потенциала, повышении качества жизни населения территории присутствия таких компаний.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №13-03-00170).

Это дает основание рассматривать КСО как один из факторов модернизационного развития страны и ее регионов.

Несмотря на богатый исторический опыт, развитие КСО в России обычно характеризуется как догоняющее. В связи с этим представляется необходимым изучение практик социально-ориентированной деятельности ведущих зарубежных и российских компаний, для того чтобы более эффективно использовать потенциал социальной ответственности бизнеса в обеспечении модернизационных процессов. Дополнительным аргументом в обоснование актуальности заявленной темы является то, что распространение практик КСО и развитие гражданского общества являются взаимосвязанными процессами, в рамках которых формируются новые механизмы взаимодействия общества, государства и бизнеса. Особенно ярко эти особенности проявляются в странах с развивающейся экономикой. Они оказывают значительное влияние на развитие демократии и определение справедливого баланса интересов бизнеса и общества. Кроме того, КСО может стать ключом к разрешению противоречий, возникающих в связи с усилением мощи крупных корпораций, их возрастающего влияния на жизнь людей и на состояние окружающей среды. В этой связи представляется важным ответить на вопрос о том, может ли развитие практик КСО в России оказать существенное влияние на рост общественного самосознания, на формирование гражданского общества и стать толчком к усилению процессов модернизации в целом.

Обзор литературы. Впервые дал формальное определение корпоративной социальной ответственности и сформулировал принципы ее исследования Х. Боуэн [1]. В дальнейшем изучение КСО всегда находилось на стыке нескольких научных дисциплин (философии, социологии, политологии, экономики и менеджмента). Это привело к формированию обширного перечня научных концепций, расширяющих академические представления об этом феномене [2].

К середине 1980-х гг. были разработаны важнейшие теории взаимодействия бизнеса и общества: теория акционерной стоимости (см., например: М. Фридман [3]); теория заинтересованных сторон, (Э. Фриман, Д. Лидка, Л. Дунхам, Р. Филипс, Дж. Гилберд, А. Викс и др. [4–8]); концепция корпоративной социальной эффективности (Р. Акерман, С. Сеси, Л. Престон, а также Дж. Пост

[9–11]); бизнес-этика, которая хотя и не являлась частью академического дискурса о КСО, тем не менее позволила сформулировать широкий перечень нормативных требований к поведению бизнеса в обществе (Ю. Хабермас, Дж. Роулз, Р. Нозик [12; 13]).

Формирование теории корпоративного гражданства во многом определило современное понимание феномена корпоративной социальной ответственности, заложило фундамент ее концептуализации применительно к бизнес-практике, позволило преодолеть противоречие между интерпретацией бизнеса как автономного экономического субъекта и предъявление к нему особых социальных требований. Авторы этой теории (Д. Маттен и А. Крейн [14]) определили в качестве краеугольного камня процесс взаимодействия компаний с теми, кто оказывает на нее воздействие, и теми, на кого компания оказывает влияние в ходе своей деятельности.

Особого внимания исследователей требуют разработки международных организаций (ООН, ОЭСР, Всемирный банк, ЕС), негосударственных организаций по добровольной стандартизации, а также аналитическим отчетам крупнейших аудиторских и консалтинговых агентств (например, Прайс-суотерхаузкуперс, Эрнст энд Янг, КПМГ и Долодье). Благодаря их усилиям сформировались устойчивые принципы реализации социальной ответственности, стандарты нефинансовой отчетности и механизмы независимого аудита достижений компаний в сфере ответственности перед обществом и по защите окружающей среды.

Гипотезы и методы исследования. Основной целью исследования является определение доминирующих практик социальной ответственности и деятельности в сфере защиты окружающей среды крупнейшими российскими корпорациями, представленными в Интернете и/или в социальных сетях (Вконтакте, Facebook, Tweeter). Это позволит определить степень влияния феномена социальной ответственности корпораций на обеспечение задач модернизации, развитие гражданского общества и формирование открытого и равноправного диалога государства, бизнеса и общества.

Задачи исследования:

– выявить существующие практики социальной и экологической ответственности с использованием метода контент-анализа и применением техники облака тегов на материалах корпоративных сайтов крупнейших

российских компаний, размещенных в Интернете;

– дать оценку процесса институционализации практик КСО;

– определить уровень развития КСО на основе специально разработанного интегрального индекса.

Основной гипотезой стало предположение о том, что потенциал корпоративной социальной ответственности используется в очень ограниченном масштабе, что не соответствует его месту среди факторов поддержки модернизационных процессов. Необходимы дополнительные усилия со стороны государства для стимулирования компаний к расширению практик социально-ориентированной деятельности. Кроме того, важно, чтобы само общество смогло формировать запросы к бизнесу в деле налаживания публичного, равноправного и эффективного диалога для реализации потребностей общества, снижения негативных последствий деятельности компаний на окружающую среду, а также обеспечения интересов государства.

Методологической основой исследования является количественный анализ эмпирической информации, размещенной на корпоративных сайтах компаний и в социальных сетях. Эмпирическую базу исследования составили три группы источников:

- информация о деятельности крупнейших российских компаний (данные журнала «Эксперт» [15]) в сфере корпоративной социальной ответственности, размещенной на сайтах компаний и страницах социальных сетей Вконтакте, Facebook и Twitter;

- данные о востребованности у пользователей Интернета ресурсов компаний о деятельности в сфере КСО;

- статистическая, финансовая и правовая информация о крупнейших российских компаниях, включенных в исследование.

В ходе контент-анализа Интернета было проанализировано 869 702 слов, связанных с деятельностью в сфере КСО 500 крупнейших российских компаний. Количество ссылок на сайты о социальной ответственности российского бизнеса составило по данным исследования 5 797 949 ед. Значительный объем информации потребовал применения компьютерных методов обработки данных. При этом использовались такие программные пакеты, как IBM SPSS Statistics, Microsoft Access 2013, Visual Basic for Applications, TreeMap, Wordle, Yandex stemmer, поисковая система Google и др.

Результаты исследования. В ходе проведенного анализа были выделены три основные сферы социальной деятельности российских компаний.

Благотворительная деятельность, направленная на финансовую поддержку организаций здравоохранения, учебных и научных учреждений, спортивных мероприятий и команд, учреждений культуры и искусства, а также религиозных объединений.

Мероприятия в области социальной политики. К ним относятся инициативы компаний, направленные на собственных сотрудников и членов их семей: адресная поддержка молодежи, ветеранов, семей с детьми. Широкое распространение имеют программы добровольного медицинского страхования, дополнительные пенсионные выплаты, бесплатные программы обучения и переподготовки кадров, организация досуга, финансовая поддержка в приобретении и найме жилья, различные компенсационные выплаты.

Экологические инициативы также являются важным направлением деятельности российских компаний в сфере социальной ответственности. Они включают программы сокращения загрязняющих веществ в воде, атмосфере и почве; использование энергосберегающих технологий, внедрение систем мониторинга состояния окружающей среды, изучение экологических угроз и рисков, а также участие в международных проектах борьбы с глобальным потеплением.

Установлено, что две трети крупнейших российских компаний публикуют на своих сайтах информацию о своей деятельности в сфере КСО. При этом 38 % обследованных объектов фокусируют внимание интернет-аудитории на своих благотворительных инициативах. Еще 28 % компаний сообщают о своих социальных программах в отношении персонала. Менее 15 % информируют посетителей своих сайтов о проектах по сохранению и восстановлению окружающей среды.

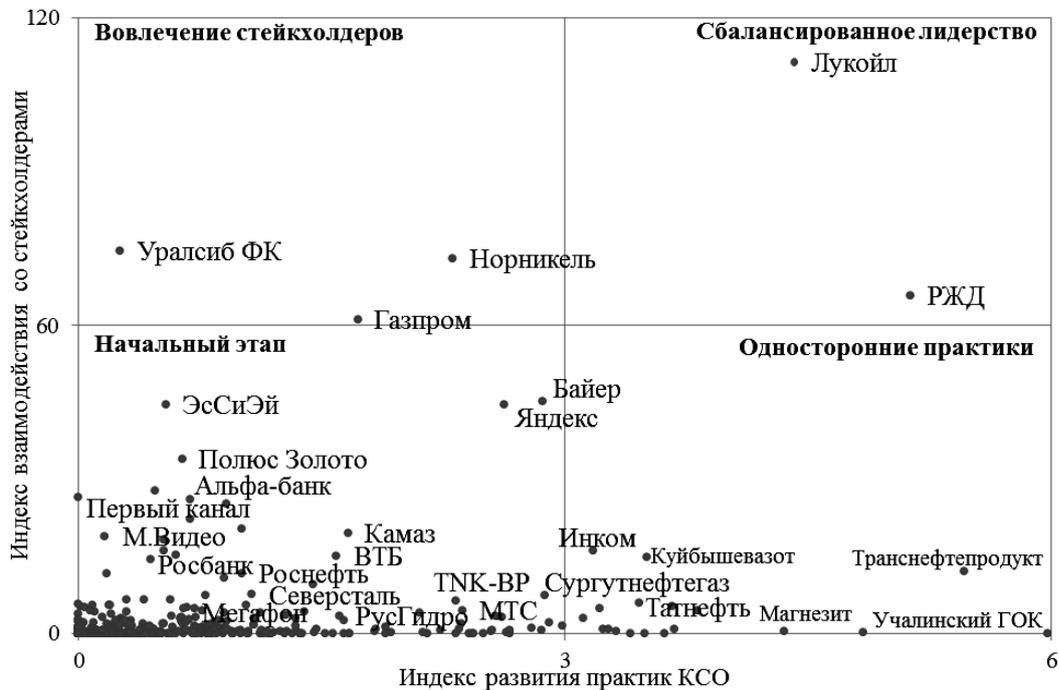
Эти данные дают лишь самое общее представление о специфике социально-ориентированной деятельности отечественных компаний. Для более детального анализа, необходимо обратиться к анализу нефинансовой отчетности. Именно публикация отчетов о социально-ориентированной деятельности может свидетельствовать о полноценной интеграции принципов КСО и корпоративного гражданства в повседневную бизнес-деятельность.

Оказалось, что лишь 13 % российских компаний публикуют нефинансовые отчеты о КСО и только 9 % крупнейших российских компаний занимаются публикацией отчетности на регулярной основе. Отчеты, отражающие, несколько направлений КСО были обнаружены всего лишь у 12 компаний (2 %). Столь значительный разрыв между числом компаний, заявляющих о себе как о социально ответственных экономических субъектах, и количеством корпораций, занятых подготовкой нефинансовой отчетности, указывает на следующее:

- большинство практик социальной ответственности российского бизнеса не подкреплены устойчивыми механизмами, что свидетельствует о незавершенности процесса институционализации КСО в России;
- деятельность компаний в анализируемой сфере отличается непоследовательностью, отсутствием стратегии и регулярности в её реализации;
- решения относительно социально ответственного поведения компаний принимаются бизнес-лидерами без учета мнений и потребностей заинтересованных сторон, а также без попыток найти оптимальный баланс их интересов.

Основным результатом проведенного исследования стало создание индексов развития КСО и корпоративного гражданства. Для их расчета использовался обширный перечень количественных показателей, отражающих особенности присутствия российских экономических субъектов в Интернете и социальных сетях, степень развития различных практик КСО по трем выделенным ранее сферам, частоту употребления ключевых слов, степень интереса аудитории к страницам компаний, уровень взаимодействия компаний с пользователями сети и др. Кроме того, индексы учитывают и ряд экономических показателей деятельности компаний. В силу использования индикаторов с различной размерностью, их значения взвешивались, а также линейно нормировались. Коэффициенты взвешивания определялись по экстремальным значениям индикатора в выборочной совокупности.

В результате расчета индексов был сформирован граф, в разных точках которого отражается положение конкретной компании по двум индексам (рис.). Диаграмма разделена на четыре квадранта: начальный этап, вовлечение стейкхолдеров, односторонние практики и сбалансированное лидерство.

Положение компаний в двухмерном пространстве индексов оценки практик КСО и коммуникации со стейкхолдерами

Подавляющее число изученных компаний находятся в квадранте «Начальный этап». Это свидетельствует о том, что большинство лидеров российской экономики прилагают

недостаточные усилия к внедрению политики КСО. Лишь две компании (ОАО «Лукойл» и ОАО РЖД) сбалансированно реализуют как практики КСО, так и механизмы взаимодей-

ствия со стейкхолдерами. Крупный отечественный бизнес предпочитает самостоятельно принимать решения в сфере КСО, не вступая во взаимодействие с заинтересованными сторонами. Об этом свидетельствует превышение числа компаний в квадранте «Односторонние практики» над числом компаний в квадранте «Вовлечение стейкхолдеров».

Заключение. Анализ индексов развития КСО и корпоративного гражданства показал, что большинство крупных российских компаний, в той или иной мере вовлечены в реализацию благотворительных и экологических практик, а также осуществляют меры социальной поддержки своих работников и членов их семей. Однако вся эта деятельность в большинстве случаев отличается фрагментарностью и непоследовательностью, что не дает оснований рассматривать ее в качестве системного фактора воздействия на условия развития человеческого потенциала и повышения качества жизни. Кроме того, мероприятия КСО осуществляются без учета интересов заинтересованных сторон. Стейкхолдеры не имеют достаточных возможностей ни выразить свое мнение, ни повлиять на их решения. В этой связи следует сделать вывод о том, что принципы корпоративного гражданства в России развиты слабо. Оценка влияния государства на уровень внедрения практик КСО и механизмов взаимодействия компаний со стейкхолдерами подтвердила гипотезу исследования. Чем выше доля собственности государства в капитале корпораций, тем больше практик социальной ответственности ими реализуется. При этом доля государственной собственности не оказывает существенного влияния на процесс взаимодействия компаний со стейкхолдерами. У российского бизнеса отсутствует потребность в диалоге с заинтересованными сторонами, что вызвано низким уровнем развития гражданского общества в России. Государство создало среду, стимулирующую развитие практик социальной ответственности бизнеса, но оно не может обеспечить развитие корпоративного гражданства. Как показывает опыт стран Запада, лишь наличие зрелой, сформировавшейся общественной позиции в отношении бизнеса способно принудить компании к реализации полноценного диалога со стейкхолдерами, и в перспективе – к воплощению принципов корпоративного гражданства.

1. *Bowen H. R.* Social Responsibilities of the Businessman. – New York : Harper and Row, 1953.

2. *Gladwin T. N., Kennelly J. J., Krause T. S.* Shifting Paradigms for Sustainable Development: Implications for Theory and Research // *Academy of Management Review*. – 1995. – 20. – P. 874–907.

3. *Friedman M.* Capitalism and Freedom: Fortieth Anniversary Edition. – Chicago : University of Chicago press, 2002.

4. *Freeman R. E., Liedtka J.* Corporate social responsibility: a critical approach // *Business horizons*. – 1991. – 34. – P. 92–99.

5. *Dunham L., Freeman R. E., Liedtka J.* Enhancing Stakeholder Practice: A Particularized Exploration of the Community // *Business Ethics Quarterly*. – 2006. – 16. – P. 23–42.

6. *Freeman R. E., Phillips R. A.* Stakeholder Theory: A Libertarian Defense // *Business Ethics Quarterly*. – 2002. – 12. – P. 331–349.

7. *Freeman R. E., Gilbert Jr. D. R.* Corporate Strategy and the Search for Ethics. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1988.

8. *Freeman R. E., Wicks A. C., Parmar B.* Stakeholder Theory and The Corporate Objective Revisited // *Organization Science*. – 2004. – 15. – P. 364–369.

9. *Ackerman R. W.* How Companies Respond to Social Demand's // *Harvard Business Review*. – 1973. – 51. – P. 88–98.

10. *Sethi S. P.* Dimensions of Corporate Social Performance: An Analytical Framework // *California Management Review*. – 1975. – 17. – P. 58–64.

11. *Preston L. E., Post J. E.* Private Management and Public Policy. The Principle of Public Responsibility. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1975.

12. *Rawls J.* A theory of justice. – Cambridge, MA: Belknap Press, 1971.

13. *Nozick R.* Anarchy, state and utopia. – New York : Basic books, 1977.

14. *Matten D., Crane A.* Corporate Citizenship: Toward an Extended Theoretical Conceptualization // *Academy of Management Review*. – 2005. – 30. – P. 166–179.

15. Эксперт-400 – рейтинг ведущих российских компаний. – URL : <http://www.expert.ru/dossier/rating/expert-400/> (дата обращения: 20.05.2015).

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 307–312.

УДК 1; 304

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КИТАЕ THE PROBLEM OF PERSONAL MODERNIZATION IN CHINA

О.Б. Бальчиндоржиева
O.B. Balchindorzhieva

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ
Buryat State University, Ulan-Ude

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Статья посвящена проблеме личностной модернизации китайского общества, и в особенности одному из важнейших аспектов данной проблемы – трансформации системы ценностей китайской молодежи. В качестве основного содержания модернизации китайского общества рассматриваются такие процессы, как трансформация общественного сознания, воспитание «нового человека», строительство новой культуры социализма. Главная особенность идеи о строительстве новой духовной культуры социализма в том, что она выдвигает на первый план «цивилизацию» китайской культуры, внедряет идеи о возрождении национального духа, о необходимости воспитания патриотизма, трудового воспитания, а самое главное приверженности идеям социализма. Также среди основных ее задач – воспрепятствовать падению нравственного уровня молодежи и утверждению ценностей потребительского общества. Не менее важной представляется задача формирования правового сознания граждан. В статье проанализировано влияние среды (урбанизации, глобализации, информатизации и т. д.) на трансформацию китайского общества, формирование «потребительского общества». Нынешнее поколение молодых людей, рожденных в период политики регулирования рождаемости, поколение «маленьких императоров» более эгоистично, ориентировано на комфортные условия проживания. Большое значение, если не решающее, придается проблеме формирования инновационного мышления. В китайском обществе четко осознается, что для осуществления вторичной модернизации необходимы: высокий уровень образованности населения, стремление к инновациям, способность создавать нечто новое. Показано, что в процессе китайской модели модернизации происходит взаимовлияние традиционной и современной, китайской и западной культур. Сдвиги в системе ценностей, изменения в сознании людей признаются решающим фактором дальнейшей модернизации Китая.

This article is devoted to the problem of personal modernization in Chinese society, and in particular to the one of the most important aspects of the problem – the transformation of the value system of the Chinese youth. The author identifies that the main content of the modernization of Chinese society is connected with such processes as: the transformation of social consciousness, bringing up of “new man”, the construction of a new culture of socialism. The main feature of the idea of building a new culture of socialism is that it highlights the “civilization” of Chinese culture, introducing the idea of the revival of the national spirit, the need of education of patriotism, labor education, and most importantly, adherence to the ideas of socialism. Also its main objective is to prevent a come-down in moral standards of young people and the promotion of values of the consumer society. There is also an important problem of formation of legal consciousness of citizens. The article analyzes the influence of the environment (urbanization, globalization, information technology, etc.) on the transformation of Chinese society, the formation of “consumer society”. The generation of young people, who were born in the period of the policy of birth control, usually called “little emperors” are more selfish, focused on the comfortable living conditions. The article also represents the problem of formation of innovative thinking. The Chinese society clearly recognized that the implementation of the secondary modernization is needed: a high level of education of the population, the pursuit of innovation, the ability to create something new. It is shown that in the process of China’s modernization model there is the interaction of the traditional and modern, Chinese and Western cultures. Changes in the system of values, changes in people’s consciousness are the main factors for further modernization of China.

Ключевые слова: китайское общество, личностная модернизация, молодежь, система ценностей.

Key words: Chinese society, personal modernization, young people, the system of values.

Введение. Модернизация китайского общества является комплексным, динамическим, неравномерным, длительным процессом. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение китайского опыта идейно-теоретического обоснования и реализа-

ции успешной стратегии развития в условиях сложнейших социально-экономических и политических проблем имеет большое теоретическое и практическое значение. Стремительное экономическое развитие Китайской Народной Республики, переход китай-

ского общества от первичной модернизации к вторичной, а также то, что современный Китай стремится не только к экономическому, но и к культурному процветанию заставляет нас обратиться к анализу одной из ключевых сфер модернизации китайского общества – личностной модернизации. При осуществлении модернизации общества в Китае во главу угла ставится человек. В конце концов, именно человек как субъект модернизации принимает саму идею модернизации. Сдвиги в системе ценностей, изменения в сознании людей признаются решающим фактором дальнейшей модернизации Китая.

Полагаем, что для исследования результатов личностной модернизации на современном этапе полезнее всего будет обратиться к рассмотрению изменений, произошедших в картине мира, в системе ценностей китайской молодежи, так как это социальная группа, наиболее быстро адаптирующаяся к трансформациям последних десятилетий, происходящих в Китае. У китайской молодежи формируются основные черты, характерные для современной личности: достижение, опора на собственные способности и силы, а не только на личные связи, мобильность и т. д.

Обзор литературы. Авторы научных публикаций последних лет, посвященных китайской молодежи, утверждают о снижении значимости ценностей труда, солидарности, дружбы и брака, и ориентации современной молодежи больше на потребительские ценности. В одном из опросов (в Южно-Китайском нормальном университете) выявлено: половина респондентов считает, что деньги важны настолько же, насколько дружба и идеалы [1, p. 160–162].

Авторы статьи «После 70-х, 80-х и 90-х: разрыв между поколениями» раскрывают стереотипы, существующие в Китае относительно поколений семидесятых, восьмидесятых, девяностых годов. Приведенные в статье высказывания хорошо демонстрируют, каким образом отражаются происходящие в обществе изменения в общественном и индивидуальном сознании. Хотя различия между основными ценностями поколений есть не только в Китае, однако в связи с быстрыми изменениями, происходящими в китайском обществе, данные различия становятся особенно заметными.

Первое высказывание отражает стереотип, касающийся изменения ориентации на производительный труд как базовую цен-

ность жизнедеятельности человека, согласно которому: «Люди, рожденные в 70-е годы – трудоголики; рожденные в 80-е годы отказываются работать сверхурочно; а рожденные в 90-е годы – эгоисты, не желают работать вообще» [2]. Авторы статьи сразу оговариваются, что сказанное касается больше городского населения. Деревенские же жители вынуждены упорно трудиться, иначе они просто не выживут.

Другой особенностью, является то, что в 1990-е гг. потребительство становится более избирательным и осознанным, появляется сфера «интернет-шопинга». Так, «70-е – если у них есть ноутбук, то они рады возможности использовать его на публике; 80-е – не хотят носить на своих плечах такую тяжесть; 90-е – не будут пользоваться на публике, если это не Apple» [2]. С одной стороны, те поколения, о которых речь идет в статье, представляют различные возрастные категории. Во-первых, сорокалетние – те, кто уже имеют семью и детей, тридцатилетние – только начинают взрослую жизнь, и наконец, двадцатилетние – недавно получившие образование, только начинают задумываться о взрослой жизни. С другой стороны, проблема отказа от традиционных ценностей бережливости и накопления действительно имеет место.

Вообще специфика Китая в том, что поколение 90-х, это наследие политики контроля над рождаемостью, так называемое поколение маленьких императоров (кит. 小皇帝). Политика одного ребенка привела к тому, что наиболее распространенная формула современной китайской семьи выглядит так – «4-2-1» (4 – это 2 бабушки и 2 деда; 2 – это родители; 1 – ребенок). Такое положение, как известно, часто приводит к тому, что многочисленные родственники начинают баловать ребенка, по мере возможностей, стараются предоставить ему лучшие условия жизни. С другой стороны, на единственного наследника возлагается большая ответственность и надежда, что в будущем он будет заботиться о своих родителях. Юй Сюань, сотрудник Политико-правового университета Китая, пишет в своей статье «Анализ недостатка чувства долга у современной молодежи», что в настоящее время появляется все больше негативных понятий для описания современной молодежи: юэгуанцзу (кит. 月光族, кэньлаоцзу (кит. 啃老族), баомуцзу (кит. 保姆族) и т. д. Отмечается, что данные понятия отражают негативные тенденции в трансформации ценностей современной молодежи, вы-

зывающие беспокойство за успешное развитие во всех сферах общества [3]. Например, термином «кэнъялаоцзу», обозначается социальная группа в среде молодежи, к которой относят обычно молодых людей не желающих искать стабильный заработок, привыкших к тому, что родители их обеспечивают всем необходимым.

Старшее поколение очень волнует феномен получивший название юэгуанцзу (кит. 月光族), т. е. люди, которые тратят весь месячный заработок, не привыкли экономить и откладывать средства на «черный день» [3]. Их волнует скорее то, что юэгуанцзу не умеют экономить. Средняя месячная заработная плата многих из них считается достаточно высокой, позволяющей не только иметь все необходимое, но и делать сбережения. Существуют другая разновидность юэгуанцзу – те, кто живет не только от зарплаты до зарплаты, но и тратит больше, чем может себе позволить, часто используя кредитную карту.

Очевидно, что изменения, происходящие в современном мире, порождают и многие негативные тенденции, которые в философии обозначались такими терминами, как «инструментальная рациональность» (Ю. Хабермас), «одномерный человек» (Г. Маркузе) и др. Не обошли стороной данные процессы и Китай, что также отразилось в общественном сознании. В китайской прессе, например, в последнее время часто встречается термин «цзяньбинжэнь» (煎饼人), обозначающий человека, не способного сосредотачивать свое внимание на одном, или того, кто мыслит поверхностно, вместо того, чтобы развиваться творчески, он рассредоточивает свои усилия во многих направлениях, но не достигает значительных результатов ни в одном деле. «Как тесто для блинов растекается тонким слоем по поверхности сковороды, так же и «цзяньбинжэнь» живет очень поверхностной жизнью» [4]. К феномену «цзяньбинжэнь» можно относиться как к локальному проявлению более глобального явления. Однако ожесточенная социально-экономическая конкуренция в китайских реалиях, а также резкие социальные трансформации последних десятилетий в Китае обостряют данную проблему, делая ее специфической особенностью китайской городской среды. Китайские подростки ищут все более быстрые способы достижения успеха, приобретения желаемого преимущества в профессиональной сфере. Спрос рождает предложение, и в китайских городах появляется много частных курсов

по получению различных полезных навыков, предлагаются консультации для успешной сдачи экзаменов и т. д.

В XXI в. возникла острая необходимость в формировании инновационного типа мышления, который позволит дальше продвигать модернизацию страны. Но китайская традиция воспитывала ориентацию на воспроизведение традиции, а не на создание нового. Одно из самых известных высказываний Конфуция гласит: «Передаю, но не создаю».

Вот что рассказывает английский писатель Нил Гейлман в своей лекции «Почему наше будущее зависит от чтения». «В 2007 году я был в Китае, на первом одобренном партией конвенте по научной фантастике и фэнтези. В какой-то момент я спросил у официального представителя властей: Почему? Ведь НФ (научная фантастика. – О.Б.) не одобрялась долгое время. Что изменилось? Все просто, сказал он мне. Китайцы создавали великолепные вещи, если им приносили схемы. Но они ничего не улучшали и не придумывали сами. Они не изобретали. И поэтому они послали делегацию в США, в Apple, Microsoft, Google и расспросили людей, которые придумывали будущее, о них самих. И обнаружили, что те читали научную фантастику, когда были мальчиками и девочками» [5]. Чтение помогает нам утвердиться в чем-то очень важном: миру не обязательно быть именно таким, все может измениться.

Основываясь на вышеизложенном, мы утверждаем, что главной проблемой модернизации любого общества является воспитание человека, формирование новых ценностей, но не через полный слом старых, а через их развитие и приспособление к современности, и наконец, формирование инновационного типа мышления. Хотя среди нобелевских лауреатов пока всего четыре китайца, но каждый год Китай тратит десятки миллиардов долларов на научные исследования (например, в 2007 г. – 30 млрд долл.) [6]. Осталось ожидать результатов такой политики, хотя уже сейчас в Китае ежегодно регистрируется десятки тысяч изобретательских патентов. «В 2011 г. в Китае было зарегистрировано 526 тыс. патентных заявок против 502 тыс. в США» [7]. Большинство патентов регистрируется в сфере компьютерных технологий, на втором месте – разработки в сфере альтернативных методов получения энергии.

Гипотезы и методы исследования. Современная китайская молодежь более индивидуалистична, традиционные ценности

коллективизма, солидарности для нее менее значимы, чем для предыдущих поколений. У молодых китайцев наблюдается отход от традиционных установок на упорный труд, терпеливость, бережливость, рождение большого количества детей и т. д. Основными факторами изменения системы ценностей в Китае стали: открытость; индустриализация, вызвавшая миграцию огромного количества людей из деревни в город; усилившаяся вследствие этого урбанизация; политика контроля над рождаемостью, которая оказала едва ли не большее влияние на трансформацию институтов в области семьи, брака в Китае, нежели влияние западных ценностей. Руководство КНР четко осознает опасность одностороннего индивидуализма и эгоцентризма, старается одновременно продвигать процесс модернизации и не допускать размывания традиционных ценностей (по меньшей мере этических). Данная цель достигается попытками современного прочтения традиционной китайской и западной философии. Традиционная культура, предлагала в качестве основания морали – стремление к постоянному совершенствованию. Еще Конфуций выдвинул принцип «кэцзи фули» (кит. 克己复礼), означающий, что люди должны быть сознательными и добровольно практиковать ритуал («фули»), «кэцзи» означает самоотречение, сдерживать желания, постоянно следить за своими словами, мыслями, поступками. Так взращивается гуманность, а значит, возможна и социальная гармония. Традиционные идеи часто используются в Китае, для концептуального обоснования проводимых реформ, в продвижении модернизации. Однако и они дополняются новым содержанием (например, идеями о свободе, демократии, научности) и адаптируются к современности.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод, используемый для понимания дихотомии «традиционного – современного» как некоего единства, находящегося в положении неустойчивого равновесия противоположностей.

Результаты исследования. Быстрая социальная трансформация, усложнение общественных отношений, проблематизируют для человека выработку и усвоение новых норм, усложняют процесс включения в новую социальную реальность и как следствие порождают состояние оторванности и дезинтеграции. Общий образовательный и культурный уровень населения пока остается невысоким. В современном Китае идеи индиви-

дуализма, научности, свободы, демократии пока еще не стали сущностными для индивидуального сознания, для общества или, говоря другими словами, еще не вызрели. Поэтому важнейшее значение в китайской модели модернизации отводится человеческому фактору. Воспитание «нового человека» проводится в рамках курса на создание новой духовной культуры социализма, охватывающего идеологию, поведение, мораль, право. Цель подобного курса – формирование такой культурно-цивилизационной среды, без которой невозможна подлинная модернизация.

Содержание проблемы всестороннего развития человека раскрывается в китайском обществе в следующих двух аспектах.

Во-первых, это свободное развитие личности как возможность самореализации, когда человек именно свою человеческую сущность делает целью своей жизнедеятельности.

Как известно, К. Маркс выделял три этапа эволюции человеческой личности: «Отношения личной зависимости, – писал К. Маркс, – (вначале совершенно первобытные) таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивида и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень» [8, с. 100–101]. Конечно, Маркс рассматривает развитие человека в экономическом измерении. Но нам хотелось бы отметить другое: то, что в качестве важнейшей черты человека будущего Маркс выделил свободу. Его позиция может быть выражена следующими словами: эволюция человека есть развитие свободы человека. Свобода как ценность носит абстрактно-общий, неопределенный характер. Но именно она, которая не может ни накормить, ни обогреть человека, оказывается главной ценностью человека, без которой вся его жизнь теряет смысл.

Во-вторых, многостороннее развитие личности, развитие его способностей. Всестороннее развитие человека в этом смысле

означает развитие его физических и интеллектуальных способностей, его духовных качеств. Общая структура личности состоит из многих взаимосвязанных и взаимодействующих психофизических факторов: темперамента, воли, памяти, идеалов, убеждений, интеллекта, самосознания и т. д. Избавляясь от узких кровнородственных, профессиональных, этнических, национальных ограничений и вступая в самые различные общественные отношения, человек может осуществить полное всестороннее развитие собственной природы. Всестороннее развитие человека также означает развитие его потребностей. С одной стороны, потребности есть источник и движущая сила нашей деятельности, с другой стороны, в процессе деятельности появляются новые потребности. Но всестороннее развитие предполагает гармонию между разнообразными потребностями – природными и социальными, духовными и материальными, индивидуальными и коллективными и т. д.

Для перевода понятия «модерн» в китайском языке используется слово «现代» что означает «нынешнее поколение». Оно не передает полного значения понятия «модерн». Для Китая в прошлом столетии понятие «модернизация» рассматривалось в аспекте экономического развития. На уровне государства основной задачей было развитие производительных сил, а для простого китайца модернизация означала возможность приобрести велосипед, холодильник, телевизор и т. д. Однако ученые, занимающиеся проблемами развития, четко осознают, что модернизация не ограничивается только инновациями в научно-технической сфере. Более важными нам представляются изменения в глубоких слоях культуры, включая систему ценностей. Под влиянием модернизации складывается новый способ мышления, основанный на новых знаниях, идеях, теориях, которые способствуют развитию производительных сил и в целом социальному прогрессу. Модернизация в Китае требует постоянного обновления в экономике, политике, науке и т. д. Это инновационный процесс, но он находится в зависимости от процесса обновления традиционного способа мышления.

Заключение. Квинтэссенцией модернизации является модернизация человека. Осуществление модернизации в Китае происходит на основе национальной идентичности, через обращение к традиционной культуре и поиск внутренних ресурсов для успешного

осуществления модернизации. В XX в., в процессе модернизации Китая, актуальной становится проблема взаимодействия традиционной и современной, национальной и зарубежной культур. Это не первый раз, когда китайская культура сталкивается с необходимостью межкультурного взаимодействия. Первым опытом можно считать проникновение и становление буддизма в Китае, и его китаизация. А в период династии Мин в Китай проникали западные науки и культура, в результате взаимодействия и взаимовлияния культур произошел «рост гражданской литературы, и появились первые просветительские мысли» [9, с. 248]. Но только в период модернизации начинается полномасштабная трансформация китайской культуры. Во-первых, в Китай хлынули западные учения о прогрессе, о демократии, совершенно новые идеи о человеке, его правах и свободах. Западный индивидуализм вступает в явное противоречие с традиционной китайской культурой.

Модернизация китайской экономики способствовала выдвиганию Китая на второе место в рейтинге мировых экономик, усилилось международное влияние Китая. Но одновременно с этим она порождает и целый ряд существенных проблем. «Болезнь нищеты» почти излечена индустриализацией, но на смену ей пришла болезнь «быстрого обогащения». При ускоренной модернизации экономики характерными чертами были высокий уровень производства и потребления, высокий уровень загрязнения окружающей среды, низкий уровень инноваций, опора на дешевую рабочую силу. Индустриализация во многих районах Китая все-таки наступила, но за это пришлось заплатить немалую цену.

Можно назвать много факторов, влияющих на сегодняшние проблемы Китая, и факторы духовного порядка не на самом последнем месте. В общественном сознании китайского народа образовался вакуум, вследствие того, что традиционные нормы и ценности постепенно разрушаются, а новые еще не до конца сформировались, – утверждает китайский философ Фан Нин [10, с. 45]. В связи с вышеизложенным особое значение приобретают попытки создания новой духовной культуры социалистического Китая, важное место в данном процессе уделяется обновлению традиционной культуры, воспитанию патриотизма и возвышению национального духа. О необходимости патриотического воспитания высказывались многие лидеры КНР. Выдающийся китайский философ Фан Литянь по-

лагают, что основу национального духа китайского народа составляют: почитание «Дэ», прагматизм, самосовершенствование, толерантность и патриотизм [11].

Однако часто звучат призывы не вспахивать только «конфуцианское поле», и, что содержание «новой культуры социализма» должно опираться на обновленное понимание науки, демократии, развития. Большое значение уделяется воспитанию таких качеств личности, как готовность к инновациям и реформам, к изменению образа жизни; открытость, уважение к воззрениям, убеждениям других людей; ориентация на настоящее и будущее, ценность каждого момента времени; вера в возможности общества и в собственные возможности индивида; сознательное планирование будущего; ориентация на получение новых знаний; понимание необходимости развития своих способностей и собственного творческого потенциала.

1. *Rosen S.* The state of youth in early 21st – century China // *State and society in 21st – century China: Crisis, contention a. legitimation* / Ed. by Gries P.H., Rosen S. – N.Y.; L.: Routledge Curson, 2005.

2. После 70-х, 80-х и 90-х: разрыв между поколениями : *Thinking Chinese*. – URL : <http://www.thinkingchinese.com/70hou-80hou-90hou-the-enhanced-chinese-generation-gap> (дата обращения: 20.10.2014).

3. Юй Сюань. 当代青年责任心缺失探析 (Анализ недостатка чувства ответственности у современной молодежи) // 中国优秀硕士学位论文全文数据库 (Собрание выдающихся сочинений аспирантов Китая). – 2008. – № 9 // Информационный портал научной информации Китая (Cnki.net) – URL : <http://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?QueryID=14&CurRec=2&recid=&filename=2009067406.nh&dbname=CMFD0911&dbcode=CMFD&pr=&urlid=&yx=&v=MTg1Mzh2TFYxMjdGN08rR2RYTXFaRWJQSIV4>

ZVgxTHV4WVM3RGgxVDNxVHJXTTFGckNVUkw2ZVp1ZHBGeTdrVnI= (дата обращения: 11.11.2014).

4. Jianbing Ren, «pancake people» – A Chinese version of a global phenomenon (Человек-блин – китайская версия глобального феномена): *Thinking Chinese*. – URL : <http://www.thinkingchinese.com/jianbing-ren-pancake-people-chinese-version-global-phenomenon> (дата обращения: 20.10.2014).

5. *Гейлман Н.* Почему наше будущее зависит от чтения // Сайт Русской православной церкви за границей. – URL : <http://www.rpczmoskva.org.ru/k-svedeniyu/pochemu-nashe-budushhee-zavisit-ot-cteniya.html> (дата обращения: 03.05.2014).

6. *Онил Ф.* Китай: возникающая держава, великая держава или возникающая великая держава? // *Восточная и Южная Азия в современном мире (внутриполитические и внешние факторы развития)* : реферативный сб. – М. : Изд-во Ин-та науч. информации по общественным наукам РАН, 2010. – С. 57.

7. Китай вышел в мировые лидеры по количеству изобретательских патентов // *Современный Китай*. – URL : <http://www.chinamodern.ru/?p=15156> (дата обращения: 20.11.2014).

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 100–101.

9. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М. : Весь мир, 2011.

10. *Фан Нун.* 现代中国的新政治哲学 (Философия политики современного Китая). – Пекин : Вэньхуа, 2002.

11. 中国民族精神 (Китайский национальный дух) // Информационный портал Baidu. – URL : <http://www.baik.baidu.com/link?url=LUNrztZnPS86colFv4JhBgbArfaaC4hyJkDZQ72WilHnoKaEIIIM6LF118Dr5mLtG> (дата обращения: 05.11.2014).

**ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ:
НРАВСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ**

TYUMEN INDUSTRIAL EXPERIMENT: MORAL HISTORY AND SOCIAL RECONSTRUCTION

М.Г. Ганопольский

M.G. Ganopolsky

*Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень
Institute of North Development Problems Siberian Branch of RAS, Tyumen*

Статья поступила в редакцию 10 июня 2015 г.

Новое индустриальное освоение Тюменской области рассматривается как уникальный крупномасштабный социальный эксперимент. Он стал не только мощным фактором развития производительных сил страны, но и преобразил ландшафт этих мест, создал совершенно особую духовную ситуацию, привел к формированию крупных поселенческих образований. В статье сделана попытка исследовать эти моменты в социально-нравственном аспекте. Увидеть в нравственности не одни лишь высоты человеческого духа и глубины личностных исканий, но и тот добровольный массовый порыв, который привлек на некогда безлюдные земли не энтузиастов-одиночек, а сотни тысяч людей. Экспликация нравственной истории становления региональной общности тесно связана с реконструкцией скрепляющих ее социальных институтов, организаций и технологий. Это позволяет рассматривать их в качестве социальных репрезентантов динамично меняющейся канвы нравственных отношений. Нравственность выступает в этом случае как незаметное, но незаменимое «вещество сплочения», которое первоначально объединило этих людей в общем деле на новом месте, а затем позволило им почувствовать себя *на своем месте* не только в географическом, но и в социальном смысле. В связи с этим в работе затронуты различные аспекты проблемы *Человек-Место*: антропологический, онтологический, социологический, ценностный, утопический. Они представлены в качестве проекций этоса, который выступает как доставшийся людям в наследство нравственный код совместной жизни, как *первичный организатор жизни человеческого сообщества*, как образ жизни человека на своем (в данном случае – новом) месте. В этом же контексте поставлен вопрос о региональной миссии проектирования, об ответственности проектантов и культивировании проектной деонтологии.

New industrial development of Tyumen region is considered as a unique huge social experiment. It became not only a powerful factor in the development of the productive forces of the country, but also transformed the landscape of these places, have created a very special spiritual situation, led to the formation of the large settlement formations. The article is an attempt to explore these aspects in the socio-moral aspect. The author of this article tried to research these moments in social and moral aspect, to see in moral not just "high" of human's spirit and deepness of a person's searches but this mass voluntary impulse which attracted not only single enthusiasts but hundreds of thousands to live on deserted lands. Explication of moral history of establishment of the regional community is closely connected with reconstruction of fastening it of social institutes, organizations and technologies. It allows to consider them in a capacity of social representatives of dynamically changing foundation of moral relations. Moral is considered as a unnoticeable but irreplaceable "ingredient of rallying" which originally united these people in this common cause and made them feel themselves *on their place* not only geographically but in a social plan. In this way, the author of this article considers different aspects of problem "Human – Place" – anthropological, ontological, sociological, evaluative and utopian. They represented in a capacity of ethos's projection which acts as the people inherited a legacy of the moral code of life together, as the *primary organizer of the life of the human community* as a way of life at its (in this case – new) place. In the same context, it raised the question of regional mission design, the responsibility of designers and design culture of ethics.

Ключевые слова: Тюменская область, новое индустриальное освоение, этос, организация, региональная общность, проектная деонтология.

Key words: Tyumen region, new industrial development, ethos, organization, regional community, project deontology.

Введение. Территория современной Тюменской области на протяжении последних четырех столетий неоднократно являла собой арену крупных социальных экспериментов. С нарастающей частотой они не столько повторяли, сколько предвосхищали поворотные моменты отечественной истории. Во второй половине двадцатого века таким поворотным моментом стал Тюменский индустриальный эксперимент. Освоение уни-

кальных по своим запасам месторождений углеводородного сырья вызвало настоящую индустриальную экспансию огромных труднодоступных территорий, занимающих около одного процента мировой суши, привело к их массовому заселению в течение двух-трех десятилетий.

Тюменский индустриальный эксперимент был осуществлен как неповторимое совпадение целого ряда обстоятельств исто-

рического, географического, социального и культурного порядка. У этих обстоятельств, кажущихся поначалу разнородными, обнаруживается общая порождающая основа. Имеется в виду *нравственная история* региона, сформировавшегося в ходе нового индустриального освоения. Не история нравов и даже не история нравственной жизни во всем ее эмпирическом многообразии и географическом своеобразии, а процесс становления и развития региона под воздействием вполне определенного нравственного импульса, имеющего к тому же специфическую родовую словную.

Результаты исследования. Попытка эксплицировать данный импульс в его генезисе была в свое время сделана [1]. Предложенный подход, несмотря на расширительную трактовку нравственной детерминации индустриального освоения, имеет определенные методологические основания. Они связаны с началами рационального мышления и рациональной культуры в целом. Историко-философский анализ убеждает, что системный характер индустриального действия подготовлен системностью рационального знания. А эта системность, в свою очередь, выростала из *этических синтагм* – всеобъемлющих жизнеучений, где «первоначала бытия оказываются не стихиями сущего, предданного предметного мира, а стихиями и бытия, и логоса, и номоса, и этоса» [2, с. 124]. Определенная аналогия развития: от этических синтагм – к рациональным программам действия прослеживается и в социологической программе Макса Вебера («Протестантская этика и дух капитализма» [3]. Как известно, в сходном ключе рассуждал Лев Толстой. «Только кажется, – писал он, – что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно, и одно только дело оно делает – оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет. Нравственные законы уже есть, человечество только уясняет их себе, и уяснение это кажется неважным и незаметным для того, кому не нужен нравственный закон, кто не хочет жить им. Но это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества» [4, с. 210].

Характер послевоенного освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, почти полностью уместяющейся в границах Тюменской области, склоняет к тому, чтобы не только увидеть здесь определен-

ную аналогию, но и реконструировать нравственную канву уникального индустриального эксперимента.

Правда, иногда данный эксперимент изымается из исторического и географического контекста развития страны, лишаясь той уникальности, которая ему присуща прежде всего в силу совпадения *очередной индустриализации* и *очередного освоения*. Ведь ко времени начала промышленной эксплуатации Тюменских месторождений нефти и газа страна пережила целую серию индустриализаций, испытала себя в войне как индустриальная держава, индустриальными методами осуществляла ядерную и космическую программы. Сибирь в эти годы стала своеобразным инженерным центром по проведению индустриального эксперимента в натуральных условиях. Не на локальных, специально для этой цели созданных объектах, окутанных дымкой военной и государственной тайны, а в массовом порядке на огромных территориях. Впервые в отечественной истории индустриальное развитие соответствовало критериям естественного процесса, по крайней мере с точки зрения преимущественно ненасильственного характера и относительной самобытности.

В свою очередь, история России в соответствии с позабытым, а теперь возрожденным парадоксальным тезисом – это во многом ее география, это история колонизационных освоений. Колонизация, выступая вначале как присоединение территорий, как расширение пространства страны (идеологемой такого привычного захвата «ничьих» земель в отечественном варианте стало *протирание*), всегда предполагала их адекватное культурное и хозяйственное присвоение. Уникальность же крупномасштабного наступления на слабозаселенные территории к северу от Транссиба в том, что здесь впервые географический фактор естественным образом (и без социальных опосредований) обретал индустриальные черты.

Может показаться, что настаивая на такого рода уникальности, а следовательно, и на «бессоциальности» освоения, мы удаляемся от проблемы формирования региона в его человеческом измерении. Но это не так. Для отечественной культуры индустриальный импульс, как бы к нему не относиться, был решающим, определившим ее дальнейшую трансформацию. Однако при исследовании индустриализации предметом рассмотрения, как правило, становилось внедрение

индустрии в социальное пространство и лишь затем – в географическое. Это в какой-то мере оправдано для сложившегося уклада жизни, для обжитых районов, и прежде всего для фабрично-заводской индустрии, где главным является процесс (время), а не место. С определенной натяжкой такой подход может быть применен и к двум предыдущим периодам индустриального освоения Сибири, поскольку возведение в относительно короткие сроки промышленных объектов на востоке страны в 1930-е гг. и развертывание эвакуированных производств во время войны не могут быть в полной мере отнесены к категории *нового индустриального освоения*. В первом случае это было, скорее, не освоение, а «точечная» индустриализация методами народной стройки с преобладанием неквалифицированного труда. Для этих целей соответствующим образом готовился «строительный материал» – огромные массы людей, сорванные с земли, приведенные в «атомарное» состояние. Во втором – происходило усиление уже сформировавшихся промышленных центров в Поволжье, на Урале, в Сибири.

В настоящее время итоги уникального послевоенного совпадения индустрии и освоения известны и уже не выглядят столь впечатляющими. Но практически неотрафлексирован и теоретически трудно вычленим человеческий смысл недавних событий. Иной раз кажется, что он утерян в безличной схеме индустриального действия на новом месте. Тем более, что несмотря на массовый и во многом стихийный приток людей, индустриальная основа предшествовала обживанию территории. При этом она не вырастала из социальной среды естественным образом, не имплантировалась в нее извне, не становилась (на этот раз) системой внешнего насилия, а выступала как утопическая программа-призыв и одновременно как мощная адаптационная машина. По сути дела, речь может идти об особом механизме послойного формирования социального пространства с одновременным становлением полиэтнических сообществ, способных интегрироваться в региональные общности индустриального типа.

Уникальность непосредственного внедрения индустрии в географическую среду предопределяет и ту познавательную традицию, на которую можно в данном случае опереться. Тема индустриального освоения в качестве проекции колонизации продолжает

обсуждаться на страницах печати. Злободневность сделала свое дело, поэтому нет недостатка в смелых историософских (а значит, и геософских) построениях. Однако эвристический потенциал выдвигаемых при этом идей не слишком велик. Многие из них представляют различного рода интерпретации упомянутого тезиса о колонизационном факторе русской истории, о ее географической сущности. Впрочем, данный тезис вносит хоть какое-то упорядочивающее начало во множество географически ориентированных концепций, пришедших на смену марксистской доктрине о закономерности исторического процесса и его движущих силах.

Таким образом, тезис о географичности, об истории как смене мест можно рассматривать как своеобразную синтагму отечественной культуры, проявляющуюся в парадигмах крупных колонизаций-освоений (в этом смысле – и в освоении космического пространства). Понятно, что игнорировать этот тезис не могла общественная мысль России, в том числе и зарождавшаяся отечественная социология. Поэтому, с одной стороны, так же, как и на Западе, «социология в России возникает в процессе перехода к индустриальной стадии социальной эволюции в силу потребности модернизируемого общества в достаточно строгом социальном познании» [5, с. 220], а с другой – наиболее авторитетным направлением ее самобытного развития становится географическая концепция Л.И. Мечникова [6].

Традиция географической детерминации социального познания оказалась довольно прочной. Поэтому и в советский период основные импульсы в изучении территориальных сообществ поступали со стороны географической науки. В дальнейшем попытка усилить социологический аспект рассмотрения привела к определенному междисциплинарному компромиссу, о чем и свидетельствует появление термина «социально-территориальная общность». В итоге в современной отечественной литературе более или менее проявлены три основные проекции изучения локальных сообществ: географическая (с точки зрения территории) [8], демографическая (с точки зрения населения) [8] и социологическая (с точки зрения скрепляющих общность социальных институтов, организаций и коммуникаций) [9].

Ясно, что нравственное измерение процесса формирования общности, как бы расширительно оно не трактовалось, не может

быть всеобъемлющим и включать в себя все три проективных ракурса, не говоря уже об их комбинациях. Неверно было бы рассматривать нравственную составляющую в качестве производной какой-либо из проекций. Кроме того, существуют определенные препятствия для сочетания нравственного аспекта освоения с территориальным, а это предполагает хотя бы минимальную расчистку проблемного поля в границах по крайней мере двух наук – географии и этики. Существующий между ними разрыв все еще не преодолен совместными усилиями наук, не сделавших ожидаемых шагов навстречу друг другу. Выяснение же того, какими могут быть эти шаги, требует не просто отступления от текста, а смещения контуров проблемы от характеристики объекта исследования к возможностям различных систем знания. Поэтому, чтобы не удаляться в область методологии, поясним суть предлагаемого подхода (который может быть назван этосным) применительно к осевой проблеме исследования региональной ситуации – проблеме *человека на своем месте*.

Так обычно называют человека, занятого делом, соответствующим его склонностям и способностям. Но так можно сказать и о том, кто выбрал место жизни и работы сознательно и считает это место своим. В обоих случаях нравственный смысл отношения «человек – место» не афишируется, он предполагается свободой волеизъявления. Но такого рода нравственное измерение не исчерпывает всех аспектов проблемы, а лишь организует их. И антропологический (человек), и онтологический (место), и социологический (место как деятельность), и ценностный (освоение и присвоение человеком места) аспекты представимы в качестве проекций этоса, который выступает как доставшийся людям в наследство нравственный код совместной жизни, как первичный организатор жизни человеческого сообщества, как образ жизни человека на своем (в данном случае – новом) месте.

Необходимо сказать еще об одном аспекте проблемы – утопическом. Ведь утопия – это не только «место, которого нет», это и люди без места. Люди, не укорененные в одной среде и готовые сыграть соответствующую роль в индустриальной утопии. В таком случае утопическая программа предопределяет последовательность этапов индустриального освоения региона, ибо как справедливо заметил Л. Сарджент: «В классической

утопии нравственный идеал трансцендентен, первичен, а социальная организация вторична, она служит только реализации этого трансцендентного идеала. В современной утопии главное – разумная организация. Она и есть нетрансцендентный утопический идеал» [10, с. 8]. Данное высказывание можно рассматривать как определенный ключ к этическому измерению процесса индустриального освоения, к экспликации его парадигм.

Дело в том, что весь тот комплекс человеческих усилий, который и превратил территорию в регион, может быть представлен как территориально-индустриальный, сочетающий целый ряд организационных структур различного уровня сложности. Понимание же этоса как доорганизационного порядка, а организации как социального репрезентанта этоса позволяет дать этическую интерпретацию этих структур на основе предложенной и апробированной в рамках концепции регионального этоса типологии. Речь идет о трех типах оргструктур: иерархическом (властном), реляционном (поселенческом), алгоритмическом (производственно-технологическом).

Можно предположить, что данные организационные типы существуют в теле нерасщепленного этоса в свернутой, дорациональной форме. В состоянии «индустриальной зрелости» они обладают четко выраженной, геометрически представимой структурой и вполне адекватно описываются в терминах теории графов. Это графы различной геометрии: «дерево» (модель властной иерархии) и два вида сети – ориентированная, или «сетевой график» (модель алгоритма, или разветвленного технологического процесса), и обычная (аналог структуры вещественных, энергетических или же информационных потоков некоторой рядоположенной совокупности объектов). С другой стороны, различие этих структур интуитивно ясно, поскольку известны типические социальные объекты, в которых они наиболее полно воплощены (армия, промышленное производство, поселение). Предложенная типология удобна не только с точки зрения геометрической иллюстрации, визуального представления моделей соответствующих структур – она облегчает их социально-этическую интерпретацию.

Если с этих позиций обратиться к анализу территориально-индустриального комплекса, то можно отметить, что в начальный период освоения в производственно-техно-

логическом и территориальном отношении он представлял собой единое целое. Что же касается оргструктур властного типа, то они были вмонтированы в него на различных ярусах многослойного пространства, но оказались в большинстве случаев дробными и обособленными. Это было обусловлено целым рядом факторов. Назовем лишь наиболее очевидные: динамизм производственных и социальных процессов в регионе, преобладание добывающей промышленности, ее привязка к конкретному месту и в то же время ее экстерриториальный (общесоюзный) ведомственный статус, утилитарное отношение к ландшафту, проявившееся в тотальности объекта деятельности, многослойный индустриальный характер нефтегазового комплекса, прописанного в геолого-географических координатах единого объекта, особая практика проектирования и сооружения нефтегазопромысловых предприятий.

Такое положение, когда власть технологии в какой-то степени подавляла и дробила технологию власти, сказалось не только на характере трудовых взаимоотношений людей, но и естественным образом закладывалось в формы их внепроизводственной жизни, предопределяя современное корпоративно-ячееистое состояние региона. Для него характерно, с одной стороны, «испарение» прежних административных ценностей (при сохранившемся административно-территориальном делении области). А с другой – ослабление тотальной власти технологии (по причине диверсификации собственности). Это приводит к расфокусировке социальных подпространств, тяготеющих к несовпадающим ресурсным, деловым, образовательным, рекреационным и иным центрам. В итоге в нормативно-ценностном комплексе региона, подогреваемом имущественными конфликтами и политическими амбициями, происходит постепенное испарение не только административных, но и привычных географических ценностей. А без них, да еще при расфокусированной организационно-технологической матрице региона, данный комплекс не в состоянии «держат» популяцию.

Но когда не срабатывают ни общностные (контактные), ни договорные (контрактные) формы привычного объединения людей, массовое сознание, как правило, апеллирует к внешним способам сдерживания. В интересующем нас аспекте – это прежде всего изменения в «организационном пространстве» региона.

Заключение. Укрепление властных (иерархических, древовидных) оргструктур может происходить в двух измерениях – территориальном и производственном. В территориальном – это соответствует усилению административной власти над территориями с ее последующей централизацией. В производственном – корпоративному обособлению организаций, хозяйствующих на территории. Понятно, что данные структуры являются конфликтующими, и общностная интеграция в поле их конфликта возможна только как результат компромисса.

Что же касается технологического (алгоритмического, сетевого) типа оргструктуры, то его авторитет в скреплении популяции был подорван распадом некогда единой организационно-технологической матрицы освоения на отдельные фрагменты. Вместе с тем проявляющаяся подчас ностальгия по тотальности технологии не является столь уж беспочвенной, поскольку даже при фрагментарности объекта деятельности она способна возродиться как единая региональная техническая политика. И здесь важен не столько заказчик этой политики, сколько ее реальный идейный носитель.

Еще недавно в качестве такового могла бы выступить научно-техническая интеллигенция региона, и прежде всего та ее часть, которая непосредственно занята в сфере проектирования. Речь идет об изменении роли проектирования в ситуации, когда разделены функции недровладельца (им продолжает оставаться государство) и недропользователя (он представлен добывающими компаниями). В идеале в подобных условиях должна была бы значительно возрасти ответственность проектантов не только за качество отдельных проектных решений, но и за стратегию недропользования в целом. Именно проектанты способны стать независимыми и квалифицированными экспертами в определении такого рода стратегии или по крайней мере в регламентации взаимоотношений между заинтересованными сторонами. Но их экспертная позиция не может быть непосредственно редуцирована из понимания своего гражданского долга или же из общих требований законодательства. Но она может опираться на дух профессии, а точнее, на проектную деонтологию, трактуемую (по аналогии с медицинской деонтологией) как профессиональная этика в сфере проектного труда [11].

1. *Ганопольский М. Г.* Региональный этос: истоки, становление, развитие. – Тюмень, 1998. – 160 с.
2. *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. – М., 1988. – 256 с.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. – М., 1990. – 810 с.
4. *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. – М., 1983. – Т. 16.
5. История социологии. – Минск, 1993. – 300 с.
6. *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. – М. : Айрис-Пресс, 2013. – 320 с.
7. Проблемы территориальной организации общества : тез. докл. науч. конф. (январь 1993 г.). – Пермь, 1993. – 168 с.
8. Социально-демографическое развитие села. Региональный анализ / Т. И. Заславская, И. Б. Мучник, М. Б. Мучник и др. – М. : Статистика, 1980.
9. *Ткаченко А. А.* Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995. – 156 с.
10. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной лит. – М., 1991. – 410 с.
11. *Ганопольский М. Г.* Устойчивое развитие региона: вопросы методологии и социокультурный контекст : учеб. пособие. – Тюмень : ИПОС СО РАН, 2001. – 64 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

EDUCATIONAL POTENTIAL AS A BASIS OF MODERNIZATION OF THE SOCIO-ECONOMIC SYSTEM IN THE SAMARA REGION

А.М. Исупов

A.M. Isupov

Самарский государственный университет
Samara State University

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

Предпринята попытка выявления особенностей образовательного потенциала Самарской области. Показаны степень грамотности населения региона, динамика числа обучающихся в образовательных организациях области по различным уровням образования. Выявлено, что Самарская область обладает высоким образовательным уровнем занятого населения по сравнению с близкими по основным социально-экономическим показателям регионами Приволжского федерального округа. Отмечена положительная тенденция роста численности воспитанников детских дошкольных организаций, уровня охвата детей дошкольными образовательными организациями, а также обучающихся в общеобразовательных организациях. Однако есть и негативные тенденции: уменьшение показателя динамики образования; снижение числа выпускников профессиональных образовательных организаций, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих; невысокая эффективность аспирантуры и докторантуры. Рассмотрены меры, предпринимаемые органами государственной власти Самарской области в сфере образования: создание новых мест в дошкольных образовательных организациях; реструктуризация сети образовательных организаций; формирование многоуровневых полипрофильных организаций; применение государственного задания на обучение; выплата стипендий и премий студентам и молодым ученым за особые успехи; увеличение расходов областного бюджета на отрасль «Образование». Рассмотрен вопрос развития информационных технологий в Самарской области: выявлены различия в использовании компьютера и Интернета среди городов и районов области. Предложено расширение практики учета кластерной составляющей экономики Самарской области в процессе подготовки компетентных кадров, способных осуществлять процесс модернизации социально-экономической системы региона. Так, предложены мероприятия по организации авиационных музеев и иных объектов культуры и рекреации, а также формирование кафедр в вузах, специализирующихся на кластерной тематике.

The article attempts to identify the characteristics of the educational potential of the Samara region. The degree of literacy of the population of the region, the dynamics of the number of students in educational institutions in the region on different levels of education are shown. It is revealed that the Samara region has a high educational level of the employed population compared to the regions of the Volga Federal district, which are close to it by the main socio-economic indicators. There is a positive trend of growth in the number of children of pre-school organizations, the level of coverage of children by pre-school educational organizations, as well as students in secondary organizations. However, there are some negative trends: a decrease in the rate of the dynamics of education; reducing the number of graduates of professional educational institutions enrolled in programs of training of qualified workers and employees; low efficiency of postgraduate and doctoral studies. There are reviewed measures taken by the state authorities of the Samara region in the sphere of education: the creation of new places in preschool educational institutions; restructuring of the network of educational institutions; the formation of multi-level poly-profiled organizations; use of state job for training; scholarships and awards to students and young scientists for outstanding achievements; increase in regional budget expenditures on education. The question of information technology development in the Samara region is considered: the differences in the use of computer and the Internet among the cities and districts of the region are identified. The proposed extension of the practice of accounting for the clustered component of the economy of the Samara region in the process of preparing competent professionals capable to realize the process of modernization of the socio-economic system of the region is proposed. Thus, there are proposed such activities as organization of air museums and other facilities of culture and recreation, as well as the formation of departments in universities, specializing in the cluster theme.

Ключевые слова: Самарская область, образовательный потенциал, дошкольное образование, общее образование, профессиональное образование, кластер.

Key words: Samara region, educational potential, pre-school education, general education, professional education, cluster.

Введение. Система образования является одним из важнейших факторов новой индустриализации такого промышленно развитого субъекта РФ, как Самарская область. Реализация задачи ускорения модернизации экономической системы и социальной сферы

региона во многом зависит от наличия высококвалифицированных кадров, способных овладеть новыми знаниями и на практике осуществлять инновационную деятельность. Фундаментом кадрового обеспечения такой деятельности является образование, которое

¹ Выполнено при поддержке РГНФ, грант № 15-13-63004 «Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона».

готовит высококвалифицированных специалистов и отвечает за увеличение изобретательской активности выпускников. Человеческий капитал становится самым ценным ресурсом постиндустриального общества, гораздо более важным, чем природное или денежное богатство. Выраженный в образовании работников, он непосредственно связан с производительностью труда и экономическим ростом.

Обзор литературы. Отдельные аспекты образовательного потенциала Самарской области рассмотрены в работах Л.М. Альбитера, С.В. Данилова, Е.Н. Кононовой, Н.И. Прытковой (образовательный кластер, [1, с. 243–273]), В.И. Гусарова (инновационные проекты в образовании на территории Самарской области [2]), Е.В. Болговой (научно-образовательная основа экономических функций региона [3]). Вместе с тем исследования образовательного потенциала Самарской области в связи с ролью образования в модернизации социально-экономической системы данного субъекта федерации, с учетом особенностей развития различных уровней образования и в сравнении с другими регионами не были выявлены.

Гипотеза и методы исследования. Приступая к исследованию, мы делаем предположение, что уровень развития образования в Самарской области свидетельствует о высоком образовательном потенциале региона, способном вывести область на лидирующие позиции в процессе модернизации социально-экономической системы. В данной работе будут использоваться следующие общенаучные методы исследования: анализ и синтез, компаративный метод.

Результат исследования. Население Самарской области характеризуется высоким уровнем грамотности и образованности. Так, 99,8 % жителей области являются грамотными, около 33 % имеют среднее профессиональное и более 23 % – высшее образование [4, с. 90]. Самарская область опережает средние показатели Российской Федерации и Приволжского федерального округа (ПФО) по числу лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. Это характеризует высокий образовательный уровень занятого населения области по сравнению с близкими по уровню развития регионами ПФО – Нижегородской областью и Пермским краем (табл. 1).

Таблица 1

Состав занятого населения по уровню образования в 2013 г., % [5]

Регион	Уровень образования					
	Высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее полное	Основное общее	Не имеют основного общего
Российская Федерация	31,7	25,8	18,5	20,2	3,5	0,3
Приволжский федеральный округ	28,5	25,5	21,9	20,4	3,6	0,2
Самарская область	37,4	28,4	16,1	16,0	2,0	0,1
Пермский край	24,8	25,9	28,5	16,0	4,5	0,3
Нижегородская область	28,4	27,9	21,6	18,5	3,6	0,2

Одной из составляющих потенциала модернизации социально-экономической системы региона является уровень развития сферы образования. Жителям Самарской области предоставляется возможность получения образования на всех уровнях, начиная с дошкольного и заканчивая высшим.

В период 1990–2010 гг. в Самарской области, как в целом по России, наблюдалась тенденция снижения числа обучающихся в образовательных организациях всех видов, кроме обучающихся в высших учебных заведениях. Затем ситуация изменилась: численность воспитанников в дошкольных организациях и охват детей дошкольными ор-

ганизациями, количество обучающихся в общеобразовательных организациях возросло, а количество студентов, бакалавров и магистров организаций среднего и высшего профессионального образования, напротив, начало снижаться (табл. 2).

Наименьший охват детей дошкольными организациями наблюдался в 1995 г. Это связано как с уменьшением численности самих детских дошкольных организаций, так и возможностями для матерей воспитывать детей в домашних условиях. Соответственно, уменьшилось число обучающихся в дошкольных организациях в 2010 г. по сравнению с 1990 г. на 75,6 тыс. чел. В общеобразова-

тельных организациях число обучающихся уменьшилось на 142,6 тыс. чел., в организациях начального профессионального образования – на 24,9 тыс. чел., среднего профессионального образования – на 5,0 тыс. чел. Численность студентов вузов, напротив, в 2010 г. стала выше на 87,4 тыс. чел., чем в 1990 г. (в 2013 г. – на 55,4 тыс. чел.). Несмотря на возникновение тенденции роста численности воспитанников дошкольных организаций, обучающихся в дневных общеобразова-

тельных организациях, по данным показателям не удалось достичь значений 1990 г. Однако как положительный результат политики органов власти Самарской области и органов местного самоуправления на территории Самарской области необходимо отметить превышение уровня охвата детей дошкольными образовательными организациями в 2013 г. значения данного показателя 1990 г. на 1,4 процентных пункта.

Таблица 2

Число обучающихся в образовательных организациях Самарской области [5; 6]

Показатель	Год						
	1990	2000	2005	2008	2010	2012	2013
Охват детей дошкольными организациями (% от численности детей соответствующего возраста)	67,2	64,2	62,4	60,7	61,9	66,0	68,6
Численность воспитанников в дошкольных организациях, тыс. чел.	190,3	102,4	102,5	113,3	114,7	130,2	141,2
Численность обучающихся в дневных общеобразовательных организациях, тыс. чел.	423,2	435,2	318,9	282,3	280,6	284,7	287,2
Численность студентов, обучающихся по программам специалистов среднего звена, тыс. чел.	56,6	58,8	65,4	53,1	51,6	54,1	49,4
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, тыс. чел.	74,9	111,4	179,0	180,1	162,3	147,7	130,3

Существенно уменьшился по всем видам образования, кроме высшего, показатель динамики образования – количество обучающихся на 10 000 чел. населения региона. На 10 000 человек населения в Самарской области приходится 406 студентов (табл. 3).

Начиная с 1990 г. и до 2008 г. уменьшалось количество детей в дошкольных об-

разовательных организациях, так как снижалась рождаемость, закрывались и перепрофилировались дошкольные детские организации. С 2008 г. росло число дошкольников, соответственно увеличились очереди на устройство детей в детские сады.

Таблица 3

Число обучающихся в образовательных организациях Самарской области (на 10 000 человек населения), человек [5; 6]

Вид образовательных организаций	Год							
	1990	2000	2005	2008	2010	2012	2013	РФ 2013
Дневные общеобразовательные	1303	1328	1000	890	873	886	894	950
Среднего профессионального образования	174	176	190	159	150	157	145	129
Высшего профессионального образования	231	340	561	568	505	441	406	393

Расчет по дневным общеобразовательным организациям 10 000 человек населения выполнен автором.

Проблема дефицита мест в детских садах – одна из наиболее значимых в образовании, и Правительство Самарской области предпринимает серьезные усилия для ее решения. В 2011 г. из областного бюджета было направлено 340,7 млн руб. субсидий городским округам и муниципальным районам на проведение капитального ремонта и ос-

нащение оборудованием зданий и помещений, пригодных для создания дополнительных мест детям, обучающимся по основным общеобразовательным программам дошкольного образования. В 2011 г. было открыто 310 дополнительных групп с общим количеством мест – 6055, что позволило увеличить охват детей в возрасте от 1,5 до 6 лет до

64,4 %, т. е. 121,7 тысяч детей посещали дошкольные образовательные организации. Всего за 2011–2014 гг. в Самарской области было создано 34,9 тыс. новых мест в детских садах [7, с. 18].

Численность учащихся в дневных общеобразовательных организациях, в организациях начального и среднего профессионального образования, начиная с 2000 г., резко сокращалась, что связано с демографической ситуацией, характерной для всех регионов Российской Федерации, а также с падением престижности начального и среднего профессионального образования. Снижалось количество подготовленных квалифицированных рабочих образовательными организациями начального профессионального образования. Так, число выпускников профессиональных образовательных организаций, обучавшихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, с 2005 по 2013 г. снизилось с 14 до 8 тыс. чел.

Сохранялась тенденция сокращения числа школ в регионе: за 5 лет (с 2005 по 2011 г.) их количество уменьшилось на 80 единиц, т. е. на 9,6 %, что было обусловлено снижением численности детей и сопровождалось реорганизацией малокомплектных сельских школ, созданием образовательных центров в муниципальных районах области. В 2011–2013 гг. число школ еще больше сократилось: с 742 до 728, т. е. на 2 %.

На начало 2013/2014 учебного года число учащихся в общеобразовательных организациях по сравнению с началом 2005/2006 учебного года сократилось на 9,9 % и составило 287,2 тыс. чел. Количество образовательных организаций снизилось за данный период на 12 %. Однако это значительно меньшее сокращение по сравнению с другими субъектами РФ. За указанный период времени сеть дневных общеобразовательных организаций в Нижегородской области уменьшилась на 23 %, количество учащихся в них – на 13 %; в Пермском крае – на 27 и 7,1 % соответственно, по Приволжскому федеральному округу – на 35 %, а число обучающихся в них – на 15 % [8, с. 214–223; 5, с. 216–221].

В Самарской области один из самых высоких показателей в России за 2013 г. по количеству студентов на 10 тыс. человек населения – 406 человек (19-е место по России; Пермский край – 53-е, Нижегородская область – 28-е) [5, с. 285].

В 2009 г. в Самарской области приступило к учебе на 9,5 % студентов меньше, чем

в предыдущем 2008 г. [8, с. 286]. Это обусловлено снижением численности учащихся в общеобразовательных заведениях, появлению так называемой «демографической ямы». Согласно официальному прогнозу, «дно» «демографической ямы» будет достигнуто в 2016 г. [9].

Система образования области в 2013 г. была представлена: 357 дошкольными образовательными организациями; 708 государственными и муниципальными, 20 частными дневными общеобразовательными организациями; 11 организациями, осуществляющими подготовку квалифицированных рабочих, служащих; 63 государственными и муниципальными и 4 частными организациями, осуществляющими подготовку специалистов среднего звена; 53 организациями высшего профессионального образования, в том числе 28 базовыми вузами и 25 филиалами.

Свыше 141 тыс. детей посещают дошкольные образовательные организации области. Очередность на поступление в детские сады в 2010 г. превышала 63 тыс. человек. Важно отметить, что до 2013 г. новые детские сады в Самарской области практически не строились. За 2011–2012 гг. в области был построен всего один детский сад, а в 2013–2014 гг. – 22 детских сада [7, с. 19].

В общеобразовательных учебных заведениях области обучается 287,2 тыс. школьников, более 90 % из них – в первую смену.

В целях рационализации использования ресурсов в регионе осуществляется реструктуризация сети образовательных организаций. Одним из направлений реструктуризации является расширение парка школьных автобусов, осуществляющих подвоз детей в сельской местности. В 2010 г. школьные перевозки осуществлял 571 автобус на 613 региональных маршрутах. Подвозом было охвачено около 13 тыс. учащихся. В 2011–2014 гг. их количество возрастало. Так, в 2014 г. в Самарской области в школьных перевозках было задействовано 644 автобуса, на 702 маршрутах перевозилось около 14 тыс. учащихся [10; 11].

В системе профессионального образования активно идет процесс оптимизации сети организаций начального и среднего профессионального образования в форме создания многоуровневых полипрофильных организаций, успешно применяется практика государственного задания на обучение, что позволяет демонстрировать положительную динамику трудоустройства выпускников.

В настоящее время свыше 9 % выпускников организаций довузовского профессионального образования получают по результатам итоговой аттестации повышенный квалификационный разряд. Среди выпускников организаций начального профессионального образования в 2010 г. были трудоустроены или продолжали обучение 81,2 % (в 2009 г. – 79,0 %), среднего профессионального образования – 75,7 % (в 2009 г. – 72,6 %).

Организация процесса преподавания и качество получаемых знаний в организациях профессионального образования Самарской области неоднократно признавались на уровне Российской Федерации. Так, в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» 12 организаций становились победителями конкурса по реализации инновационных образовательных программ.

Высшее профессиональное образование на территории региона получают свыше 162 тыс. чел. Подготовка студентов осуществляется более чем по 250 специальностям и направлениям и охватывает 19 отраслей экономики.

В 2009 г. один из крупнейших вузов региона – Самарский государственный аэрокосмический университет им. Королёва – получил статус «национальный исследовательский университет» [12].

В целях поддержки талантливой молодежи, в 2011 г. 200 студентов получали стипендию губернатора, 100 студентов – стипендию им. П.В. Алабина, 17 человек – премию им. Д.И. Козлова. Лауреатами областного конкурса для студентов, аспирантов и молодых ученых, ведущих активную научно-исследовательскую работу, признаны 77 человек из 16 вузов и научных организаций Самарской области [10].

Расходы консолидированного бюджета на отрасль «Образование» постоянно увеличивались и составляли в 2008 г. – 22 126,8 млн

руб.; 2009 г. – 22 233,7 млн руб.; 2010 г. – 23 524,1 млн руб. [8, с. 212–285, 836–845].

Интенсивное развитие сферы образования основывается на широком использовании информационных и телекоммуникационных технологий. Число персональных компьютеров в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях на 1000 обучающихся в Самарской области растет. На начало 2007/2008 учебного года их число в регионе было 46 единиц, на начало 2010/2011 учебного года – 55 единиц [8, с. 287].

В настоящее время все общеобразовательные организации области имеют в наличии не менее одного подключения к Интернету по выделенным каналам связи.

Население области активно использует современные средства связи и коммуникации – мобильный телефон, компьютер, Интернет. По данным опроса взрослого населения области, мобильный телефон используют 88,6 %, компьютер – 62,4 %, Интернет – 58,5 % жителей области.

Наблюдается определенная разница в использовании компьютера и Интернет среди городов и районов области. Наиболее активно используют современные средства коммуникации в областном центре – Самаре, наименее активно – в районах области. В Тольятти использование компьютера и Интернет уступает Самаре почти на 10 процентных пунктов и немного опережает районы [4, с. 96].

Образовательный потенциал способствует модернизации социально-экономической системы по мере его использования в практической деятельности. Это прежде всего подготовка научно-педагогических кадров. В области действует система подготовки кадров высшей квалификации через аспирантуру и докторантуру вузов и научных организаций. Масштабы такой подготовки в 2000–2010 гг. имели устойчивую тенденцию к росту, а далее стали снижаться (табл. 4).

Таблица 4

Подготовка аспирантов и докторантов организациями Самарской области [8; 5]

Показатель	Год				
	2000	2005	2010	2012	2013
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	18	22	25	28	27
Численность аспирантов, чел.	1669	2209	3125	3147	2904
Выпуск из аспирантуры, чел.	338	516	636	736	698
Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации, чел.	136	243	228	246	197
Число организаций, ведущих подготовку докторантов	8	11	12	13	12
Численность докторантов, чел.	67	70	99	110	111
Выпуск из докторантуры, чел.	26	16	24	37	31
Выпуск из докторантуры с защитой диссертации, чел.	6	8	9	10	4
Исследователи с учеными степенями – всего, чел.	592	594	535	512	557
в том числе – кандидаты наук, чел.	542	482	434	407	443
– доктора наук, чел.	50	112	101	105	114

Количество организаций, ведущих подготовку аспирантов в регионе, увеличилось с 1995 по 2013 г. на 80 %, а численность аспирантов – в четыре раза. Из выпускаемых аспирантов только 28 % защищают диссертации в установленные сроки. Это свидетельствует о невысокой эффективности аспирантуры в регионе, однако показатели по региону выше, чем в среднем по стране. Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации по России в целом составляет 26 % [8, с. 801].

За рассматриваемый период показатель выпуска из докторантуры в процентах от числа докторантов составлял от 10 % в 1995 г. до 34 % в 2012 г. Из выпускаемых докторантов только 13 % защищают диссертации в установленные сроки. Следовательно, эффективность докторантуры также недостаточно высокая.

В Самарской области уже проводится политика в сфере образования, учитывающая кластерную составляющую экономики региона. Так, в 2014 г. в рамках модернизации систем профессионального образования было приобретено 1440 электронных образовательных ресурсов, необходимых для осуществления подготовки специалистов, востребованных предприятиями авиационно-космического кластера Самарской области. Кроме того, на базе предприятия аэрокосмического кластера были организованы стажировки педагогических и управленческих кадров региональной системы профессионального образования [11]. Однако в Самарской области, помимо аэрокосмического, уже получающего государственную поддержку, функционируют и другие кластеры: автомобильный, нефтедобывающий, химический [13]. С целью развития образовательной составляющей самарского аэрокосмического инновационного территориального кластера, по нашему мнению, целесообразно организовать интерактивный авиационный музей на территории базирования кластера. Тем самым вместо утилизации части вышедшей из эксплуатации авиационной техники будут созданы предпосылки для получения дополнительной прибыли. Передачу списанной авиационной техники в музей надо производить при взаимодействии органов государственной власти, местного самоуправления – собственников объектов культуры и отдыха, – предприятий-изготовителей, организаций-эксплуатантов воздушных судов, полностью выработавших свой летный ресурс. Компетентным участникам кластера предлагается

осуществлять предварительные маркетинговые исследования проектов, учитывать выгоду хозяйствующих субъектов в цепочке «разработчик – производитель – авиакомпания (эксплуатант) – собственник музейного комплекса». Предлагаем воспользоваться успешным опытом музеев техники в городах Зинсхайм (Sinsheim) и Шпайер (Speyer) (Германия). В российских условиях, характеризующихся более низким уровнем финансовой обеспеченности организаций социокультурной сферы, чем в развитых странах, органы государственной власти могут оказать поддержку в виде компенсации расходов на доставку и сборку экспонатов. В рамках учебного процесса с целью профориентации можно предусмотреть экскурсии учащихся общеобразовательных учреждений, а также учреждений среднего и высшего профессионального образования в созданный музей авиационной техники. При эффективной ценовой политике указанный объект будет востребован представителями разных социальных групп. При наличии соответствующих расчетов организация музея авиационной техники имеет смысл в непосредственной близости от Самары, в районе Смышляевки, аэропорта «Смышляевка» и учебного аэродрома Самарского государственного аэрокосмического университета (национальный исследовательский университет). Кроме непосредственно авиационной техники, которая будет экспонироваться в указанном комплексе, для привлечения посетителей необходимо строительство объектов инфраструктуры: зон рекреации, общественного питания; организация бесперебойной доставки людей автомобильным и железнодорожным транспортом.

Как отдельное направление, связанное с предыдущим, мы рассматриваем установку памятников самолетам и другой авиационной технике, которые будут совмещать функции объекта культуры и объекта рекреации. Здесь полезно обратиться к российскому опыту прошлых лет, который широко применялся в 1970–1980-е гг. В парках культуры и отдыха городов СССР, в том числе Куйбышева (Самары), Ростова-на-Дону, всего около 20 населенных пунктов, были организованы кинотеатры, тир, детские кафе на базе выведенной из эксплуатации авиационной техники. Опыт оказался положительным, новые объекты были весьма популярны. Однако их работа прекратилась в 1980–1990-е гг. по причине финансово-экономического кризиса. В настоящее время организация объектов

социокультурной сферы на базе вышедшей (выведенной) из эксплуатации авиационной техники позволила бы привлечь внимание населения, деловых кругов к территории базирования кластера и его участникам, создать новые рабочие места и дополнительную налоговую базу для бюджетов всех уровней.

Следует формировать отдельные кафедры, специализирующиеся на развитии авиастроительных кластеров, в высших учебных заведениях, наиболее компетентных в соответствующих вопросах [1, с. 209, 216–218; 14; 15, с. 88–89, 91].

Представляется, что дальнейшее развитие образовательной составляющей не только аэрокосмического, но и других кластеров Самарской области будет способствовать комплексному развитию территории, более гибкому реагированию населения на изменения в конъюнктуре рынка труда, росту уровня благосостояния людей.

Заключение. Таким образом, Самарская область обладает значительным образовательным потенциалом, по ряду показателей опережая Приволжский федеральный округ и Российскую Федерацию в целом. Однако для региона характерна нехватка квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена, что во многом будет препятствовать процессу неоиндустриализации с точки зрения внедрения новых технологий в производственный процесс.

1. Агаева Л. К., Анисимова В. Ю., Безлепкина Н. В. Новая концепция развития региональной экономики: кластерная основа : монография / под общ. ред. Н. М. Тюкавкина. – Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 2014. – 308 с.

2. Гусаров В. И. Инновационные проекты в управлении образованием: опыт Отраденского образовательного округа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 4-4. – С. 842–847.

3. Болгова Е. В. Научно-образовательный каркас региона: статистическая оценка потенциала экономических функций // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2010. – № 6 (68). – С. 5–10.

4. Самарская область. Социокультурный портрет : монография / А. М. Исупов,

И. В. Карпов, С. А. Мартышкин и др.; под ред. С. А. Мартышкина, Д. М. Шабунина. – Самара : Изд-во «Глагол», 2012. – 320 с.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 : стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 999 с.

7. Три года работы: цифры и факты // Волжская коммуна. – 2015. – 15 мая.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.

9. Концепция формирования объединенного национального исследовательского университета. – URL : <https://www.yadi.sk/i/D1VIcq83fCMje> (дата обращения: 25.11.2014).

10. Доклад заместителя министра образования и науки Самарской области В. А. Пылева об исполнении бюджета по отрасли «Образование» за 2011 г. – URL : http://www.educat.samregion.ru/activity/publ_slush/5219/ (дата обращения: 25.11.2014).

11. Об исполнении бюджета по отрасли «Образование» за 2014 г. – URL : http://www.educat.samregion.ru/activity/publ_slush/10102/ (дата обращения: 25.11.2014).

12. Образование. – URL : http://www.economy.samregion.ru/econmic/social_naja_sfera_regiona/edu/ (дата обращения: 25.11.2014).

13. Стратегия социально-экономического развития Самарской области до 2020 г. Утверждена постановлением Правительства Самарской области от 9 октября 2006 г. № 129. – URL : http://www.economy.samregion.ru/social_no_ekonomicheskoe_razvi/9178/ (дата обращения: 25.11.2014).

14. Исупов А. М. К вопросу о совершенствовании механизма функционирования авиастроительных кластеров Российской Федерации // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 5 (275). – С. 721–734.

15. Исупов А. М. Применение программно-целевого метода государственного регулирования кластеров авиационной промышленности как фактор повышения уровня социально-экономического развития территории // Материалы конференций: сб. ст. / под ред. В. К. Семенычева. – Самара : САГМУ, 2013. – Т. 1. – С. 85–92.

**ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ФАКТОР НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ**

**FOREIGN TRADE OF NOVOSIBIRSK REGION
AS A FACTOR OF NEW INDUSTRIALIZATION IN RUSSIAN REGIONS**

В.В. Крупчатникова

V.V. Krupchatnikova

*Новосибирский государственный технический университет
Novosibirsk State Technical University,*

Статья поступила в редакцию 8 июля 2015 г.

Представлено исследование региональной внешней торговли в современных условиях жестких ограничений торговых отношений с Россией со стороны западных стран. Дана характеристика современной структуры внешней торговли Новосибирской области. В ходе анализа выявлены ее особенности: высокий удельный вес и в экспорте, и в импорте продукции машиностроения и небольшой – топливно-энергетических продуктов. Экспорт продукции машиностроения стимулирует повышать конкурентоспособность продукции предприятий-экспортеров, а импорт машин и оборудования способствует обновлению производственной базы новосибирских предприятий на современном уровне. Таким образом, внешняя торговля Новосибирской области способствует структурной модернизации важнейшего объекта новой индустриализации – промышленного производства региона, становится фактором перестройки индустрии на новой высокотехнологической основе. В статье рассмотрено влияние на международную торговлю Новосибирской области таких факторов, как вступления России в ВТО, санкций западных стран и ответных мер России. Сделано заключение о том, что их влияние на экономику региона нуждается в тщательной оценке, требующей учета региональной специфики, а для ликвидации их негативных последствий необходимо активное государственное вмешательство, комплексное использование инструментов государственной внешнеторговой политики разных типов: экспортно-ориентированной политики, внутренне-ориентированной политики и инновационно-ориентированной внешнеторговой политики.

A study of the regional foreign trade in the modern conditions of severe restrictions of trade relations with Russia from Western countries is presented in this paper. Characteristics of the modern structure of foreign trade of the Novosibirsk region are given in the article. The analysis revealed the following features: high proportion in exports and imports of machinery and small – the fuel and energy products. Exports of engineering products stimulates the production of enterprises to improve the competitiveness of exporters, while imports of machinery and equipment stimulates the renewal of the production base of the Novosibirsk enterprises, corresponding contemporary to world standards. Thus, the foreign trade of Novosibirsk Region promotes the structural modernization of the most important object of new industrialization – Industrial production in the region, becoming a factor in the restructuring of the industry based on the new high-tech. The article examines the impact of Russia's accession to the WTO, sanctions of Western countries and the Russian response on the international trade of the Novosibirsk region. It is concluded that the impact on the economy of the region need to be assessed carefully and should be tailored to regional specificities, and to eliminate their negative effects need active government intervention, the integrated use of the instruments of government foreign trade policy of different types: export-oriented policy, internally-oriented policy and innovation-oriented foreign trade policy.

Ключевые слова: экспорт, импорт, внешнеторговый оборот, внешнеэкономические санкции, отраслевая структура внешней торговли, таможенные пошлины, инновационное производство, политика импортозамещения, экспортноориентированная внешнеторговая политика, инновационно-ориентированная политика.

Key words: export, import, foreign trade turnover, foreign economic sanctions, the sectoral structure of foreign trade, customs duties, innovative production, import substitution policy, export-oriented foreign trade policy, innovation-oriented policy.

Введение. Для любой страны роль внешней торговли трудно переоценить. Так, по определению Дж. Сакса, «...экономический успех любой страны мира зиждется на внешней торговле. Ещё ни одной стране не удалось создать здоровую экономику, изолировавшись от мировой экономической системы» [1, с. 87]. В полной мере эта зависимость от мировой экономики относится и к крупным регионам страны. Наличие ряда общих

внешнеэкономических законов, приемлемых для всех территорий, не только предполагает, но и обуславливает наличие специфических закономерностей, вызванных существенными различиями регионов. Актуальными становятся исследования специфики отраслевой структуры производства, географического положения, удельного веса региона в ВВП страны и т. д., определяющие особенности региональной внешней торговли и ее влия-

ния на экономику региона. Цель данной работы – показать конкурентные преимущества Новосибирской области и возможности их использования для формирования прогрессивной структуры внешней торговли региона, способной позитивно воздействовать на жизнеобеспечение и качество жизни жителей Новосибирской области. Для достижения этой цели необходимо:

- проанализировать и оценить современное состояние внешней торговли региона;
- выделить основные направления внешней торговой политики, отвечающие поставленной цели;
- обосновать перенос акцента на инновационную внешнеторговую политику.

Очевидно, что эффект от внешнеторговой деятельности в значительной степени зависит от согласованности действий региональной власти, власти федерального уровня и самих участников внешнеторговых операций (экспортеров и импортеров). Однако реальный результат этих совместных действий может существенно отличаться от ожидаемого по причине того, что выход России на международную торговую арену усилил зависимость от ряда внешних факторов, таких как деятельность международных экономических организаций, динамика валютного курса рубля и, наконец, ограничительная торговая политика западных стран в 2014–2015 гг. В представленной статье предложена оценка влияния названных факторов на внешнюю торговлю региона на основе анализа официальной статистики внешней торговли НСО.

Обзор литературы. Среди современных работ по исследованию влияния внешней торговли на экономику региона и анализу основных направлений государственной внешнеторговой политики необходимо отметить теоретические и прикладные разработки Т.В. Миролобовой, сформулировавшей концептуальные подходы к развитию внешнеэкономической деятельности региона [2], С.Н. Растворцевой, определившей внешнеэкономическую деятельность фактором развития российских регионов [3], Г.Д. Ковалевой, работа которой легла в основу Стратегии развития внешнеэкономической деятельности Новосибирской области до 2025 г. [4], Е.А. Степановой [5], Т.О. Аслановой [6], В. Оболенского [7] и др. Обобщая результаты этих исследований, отметим, что все они получены на базе эмпирического и статистического материала, охватывающего период до 2014 г., т. е. без учета

самых современных событий и процессов в области внешнеторговых отношений.

Гипотезы и методы исследования.

В исследовании были использованы методы анализа динамических рядов, составление аналитических таблиц, сравнительный и структурный анализ. Основная гипотеза: конкурентные преимущества Новосибирской области позволяют в современной ситуации (экономических санкций) продолжать внешнеторговую деятельность, которая способствует модернизации промышленного сектора региона, минимизирует негативные последствия отказа от ввоза продовольствия и т. д. При этом акцент на инновационную внешнеторговую политику в Новосибирской области может усилить позитивное влияние внешней торговли на экономику региона.

Результаты исследования. Основными конкурентными преимуществами региона являются: выгодное географическое положение области, мощный научно-образовательный комплекс и диверсифицированная структура экономики. Новосибирская область – одна из наиболее индустриально развитых областей Сибирского ФО, где производится более 10 % промышленной продукции и 13,8 % сельскохозяйственной продукции округа [8].

Экспортный потенциал Новосибирской области определяется в целом продукцией перерабатывающих отраслей; область не относится к регионам страны, специализирующимся на добыче и экспорте сырья. Тем не менее у нее есть природные ресурсы, которые она поставляет на внешний рынок. Импортирует Новосибирская область в основном продукцию отраслей машиностроения, продовольствие, одежду и обувь.

Доля области в валовом региональном продукте (ВРП) РФ в 2013 г. составляла 1,4 %. Несмотря на то, что торговые отношения Новосибирская область поддерживает более чем со 120 странами мира и экспортно-импортные операции осуществляют около 1 800 предприятий и организаций, зарегистрированных в Новосибирской области, ее доля во внешней торговле РФ гораздо меньше доли в ВРП: в экспорте – 0,2 % и в импорте – 0,7 % [9].

В современной внешнеторговой политике принято выделять три основных типа: внутренне-ориентированная (импортозамещение), экспортно-ориентированная и инновационно-ориентированная [6, с. 100]. До 2014 г. внешнеторговая политика в России была преимущественно экспортно-ориенти-

рованной, а два других направления имели эпизодические проявления лишь по отношению к некоторым отраслям. Отметим, что применение того или иного типа внешнеторговой политики приводит к перераспределению факторов производства в приоритетные отрасли экономики, что сокращает возможности для развития других отраслей. По этой причине примеры применения смешанных типов внешнеторговой политики очень редки [7, с. 89].

Программным документом, определяющим государственную внешнеторговую политику на региональном уровне, стала Концепция развития международных и внешнеэкономических связей Новосибирской области на период до 2013 г. [10]. В ней были сформулированы цели, конкретные задачи и количественные ориентиры развития внешнеэкономических отношений области и участия государства в этом развитии. Основная цель, поставленная в Концепции была достигнута – сформирован положительный международный имидж Новосибирской области как региона с динамично развивающейся инновационной экономикой.

Рассмотрим те изменения, которые произошли во внешней торговле Новосибир-

ской области в 2014–2015 гг. В 2014 г., после введения санкций странами Запада, Россия предприняла ответные меры, которые означали отказ от ввоза продовольственной продукции. В результате, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области [11], внешнеторговый оборот Новосибирской области за 2014 г. сократился по сравнению с 2013 г. на 3,6 % и составил 3157,1 млн дол.

Торговыми партнерами в 2014 г. являлись 120 стран, из них 112 – это страны дальнего зарубежья и 8 стран СНГ. Во внешнеторговом обороте Новосибирской области доля стран СНГ была довольно высокой и составляла в 2014 г. 20 %, однако область постепенно переносила акцент на рынки дальнего зарубежья, увеличивая прежде всего импортозависимость от них, в январе-апреле 2015 г. доля стран СНГ в товарообороте Новосибирской области сократилась до 12,4 %.

Экспорт Новосибирской области в меньшей степени, чем российский экспорт в целом, зависит от конъюнктуры мировых рынков товаров «сырьевой» группы (табл. 1).

Таблица 1

Товарная структура экспорта Новосибирской области

Товарная группа	2013 г.		2014 г.	
	Стоимость, тыс. дол.	Уд. вес, %	Стоимость, тыс. дол.	Уд. вес, %
ВСЕГО	1 351 554,4	100	1 540 603	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	81 323,3	6	52 035,1	3,4
Топливо-энергетические товары	482 831,1	35,7	494 753,8	32,1
Продукция химической промышленности, каучук	80 977,2	6	75 129,3	4,9
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	588,2	0	1577,1	0,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	24 131,9	1,8	22 459,5	1,5
Текстиль, текстильные изделия и обувь	282,8	0	293	0
Металлы и изделия из них	18 941,2	1,4	16 896,8	1,1
Машины, оборудование, транспортные средства	644 362,2	47,7	796 903,4	51,7
Другие товары	18 100,4	1,3	80 488,9	5,2

Источник: по [11].

В структуре экспорта области продукция топливно-энергетического комплекса составила 32 % в 2014 г., тогда как в российском экспорте – 65 %. Преобладающей группой товаров в экспорте Новосибирской области были машины, оборудование и транспортные средства, которые составили 51,7 % от всего экспорта Новосибирской области.

Структура экспорта Новосибирской области является недостаточно диверсифицированной: две основные экспортные товарные группы (машины, оборудование и транспортные средства и топливно-энергетические товары) в 2014 г. составили почти 84 % стоимостного объема экспорта. По сравнению с 2013 г. в структуре экспорта на 3,7 процентных пунк-

та уменьшилась доля продукции топливно-энергетических продуктов и увеличилась на 4 процентных пункта доля машин, оборудования и транспортных средств. Новосибирская область отличается экспортом технологичной и высокотехнологичной продукции. Характерной особенностью экспортной деятельности является участие во внешней торговле генерирующих инновационных центров области (города Новосибирск, Бердск, поселок Краснообск, наукоград Кольцово, Советский район Новосибирска). Согласно данным Рейтинга, составленного региональным издательством «Эксперт-Сибирь», в число 200 крупнейших экспортеров Сибирского ФО вошли две новосибирские компании:

«Катод» (электронно-оптические преобразователи и приборы ночного видения) и Институт ядерной физики СО РАН (высококлассное оборудование и научная аппаратура, в том числе ускорители частиц и электромагниты) [12]. В числе экспортеров области появились новые предприятия малого и среднего бизнеса, резиденты техно- и биопарков. Для поддержки экспорта малого и среднего бизнеса в Новосибирской области создан специальный фонд. Для работы этого фонда из областного бюджета было направлено около 4 млн руб.

Импорт в Новосибирскую область традиционно более диверсифицирован по продуктам, чем экспорт (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Товарная структура импорта Новосибирской области

Товарная группа	2013 г.		2014 г.	
	Стоимость, тыс. дол.	Уд. вес, %	Стоимость, тыс. дол.	Уд. вес, %
ВСЕГО	1 913 780,3	100	1 616 468,70	100
Продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье	140 867,5	7,4	134 559,2	8,3
Минеральные продукты	12 291,6	0,6	13 857,1	0,9
Топливо-энергетические товары	10 929,6	0,6	13 379,5	0,8
Продукция химической промышленности, каучук	27 793,4	14,5	225 080,4	13,9
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	9274,3	0,5	8117,9	0,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	40 359,4	2,1	28 026,5	1,7
Текстиль, текстильные изделия и обувь	254 289,2	13,3	235 875,1	14,6
Металлы и изделия из них	130 613,9	6,8	138 255,4	8,6
Машины, оборудование и транспортные средства	936 528,4	48,9	722 651,2	44,7
Другие товары	111 622	5,8	110 045,8	6,8

Источник: по [11].

Основные группы товаров, ввозимые в область: машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, текстильные изделия и обувь. Высокая доля продукции машиностроения в структуре импорта во многом связана с техническим перевооружением хозяйства области на современном этапе развития. Развитие импорта машин и оборудования Новосибирской области связано с постепенным переводом оптовых закупок для нужд Западной Сибири в Новосибирскую область в связи с закреплением статуса области как логистического распределительного центра на юге Западной Сибири. Однако эта доля в 2014 г. сократилась до 44,7 %. При общем снижении импорта на 16 % поставки машин и оборудования уменьшились почти на 23 % в анализируемом пе-

риоде. Импорт других важных для Новосибирской области товаров – продовольствия, продукции химической промышленности, текстиля и обуви – не претерпел в 2014 г. существенных изменений. Под запрет из продуктов питания в Новосибирской области попали груши из Бельгии, польские яблоки, семенной картофель из Германии, семена из США, пищевые добавки из ЕС и Канады. Но, несмотря на отказ России от импорта этих продуктов питания, в Новосибирской области импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья сократился только на 4,5 %. Отчасти это связано с тем, что для регионов Сибири, и Новосибирской области в частности, поставщиком этой товарной группы являются еще и страны Азии.

Оценка влияния тарифного регулирования на региональный импорт имеет свою специфику. Уменьшение некоторых импорт-

ных пошлин было связано с вступлением России в ВТО. Ожидаемое снижение импортных пошлин в основном не затрагивает продукцию, которую производят предприятия Новосибирской области, поэтому можно надеяться, что этот факт положительно скажется на их конкурентоспособности. А вот ожидаемого положительного влияния снижения импортных пошлин на потребителей не произошло: падение курса рубля привело к росту потребительских цен на импортную продукцию, который погасил положительный эффект от снижения импортных тарифов на легковые автомобили с 30 до 25 %, на импорт новых грузовых автомобилей с 25 до 10 %; на импорт сельхозтехники, не производимой в области, с 15 до 5–10 %, на текстиль с 10 до 7 %, на одежду с 20 до 10 % на фрукты с 0,1–0,2 евро за кг до 0,03–0,06 евро за кг и т. д. Для окончательного вывода о влиянии вступления в ВТО на региональную экономику требуется время, стабилизация валютного курса рубля и оценка степени монополизации регионального рынка.

Для того чтобы внешняя торговля Новосибирской области стала реальным фактором новой индустриализации, есть все предпосылки, особое место среди которых занимает уникальное сосредоточение в Новосибирской области всех ресурсов, необходимых для инновационной деятельности и ее продвижения на мировой рынок. Для успешной реализации Стратегии развития внешнеэкономической деятельности Новосибирской области, разработанной до 2025 г. [4], необходимо акцентировать внимание при разработке общегосударственной внешнеторговой политики на том, что для Новосибирской области оптимальным вариантом внешнеторговой политики было бы сочетание всех трех типов внешнеторговой политики при доминировании инновационной внешнеторговой политики.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что структура внешней торговли Новосибирской области, несмотря на относительную стабильность, в 2014–2015 гг. претерпела изменения, обусловленные политическими и экономическими событиями. Эти изменения подчеркнули прогрессивный, индустриальный и инновационный характер структуры экспорта и импорта Новосибирской области. Для укрепления эффективных мирохозяйственных связей Новосибирской области необходимо сделать акцент на роли местных органов власти, которая может обеспечить сочетание нескольких направлений внешне-

торговой политики. На уровне региона администрация должна занимать активную позицию по вхождению предприятий области на мировой рынок, по формированию оптимальной структуры экспорта и импорта. Успешное решение этих задач невозможно без включения государственной власти в лоббирование внешнеэкономических интересов области на мировой торговой арене.

Для стимулирования экспорта наукоемкой продукции, услуг и технологий в компетенции областной власти обеспечить их организационную поддержку в районных центрах области (Бердск, Кольцово, Краснообск) и Советском районе Новосибирска, создать там посреднические центры, обеспечивающие внешнеторговую деятельность инновационными товарами и благоприятные условия для решения кадровых вопросов в производстве высокотехнологичной продукции. В области оптимизации импорта – обеспечить постепенный переход от европейских импортеров к производителям из Средней Азии, Китая, Республики Корея; в долгосрочной перспективе – сократить импорт оборудования и товаров народного потребления за счет роста собственного производства высококачественных товаров.

1. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. – М.: Экономика, 1994. – 332 с.

2. Миролюбова Т. В. Концептуальные подходы к развитию внешнеэкономической деятельности региона // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2010. – № 3. – С. 44–54.

3. Растворцева С. Н. Внешнеэкономическая деятельность как фактор развития российских регионов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2013. – № 22-1(165). – С. 17–29.

4. Ковалева Г. Д. Мониторинг внешнеэкономической деятельности Новосибирской области. – URL : <http://www.authorstream.com/Presentation/lisienkoolga-1712174/02/06/15/> (дата обращения: 25.11.2014).

5. Степанов Е. А. Влияние внешней торговли на экономическое развитие страны // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 5. – С. 73–82.

6. Асланова Т. О. Регулирование внешнеэкономической сферы: некоторые проблемы совершенствования // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 2. – С. 90–104.

7. Оболенский В. Внешнеэкономические связи России: некоторые уроки глобального кризиса // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 87–98.

8. Ковалева Г. Д. Экономико-статистические подходы к разработке политики отраслевого экспорта // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А. С. Новоселова; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2012. – Гл. 7. – С. 200–222.

9. Россия в цифрах. (Аналитические материалы). – URL : <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

10. О Концепции развития международных и внешнеэкономических связей Ново-

сибирской области на период до 2013 года : Постановление губернатора Новосибирской области № 103 от 24 марта 2008 г. – URL : <http://www.docs.cntd.ru/document/5404622.040615/> (дата обращения: 25.11.2014).

11. Федеральная таможенная служба. Сибирское таможенное управление. – URL : http://www.stu.customs.ru/index.php?id=182&Itemid=257&option=com_content&view=category (дата обращения: 25.11.2014).

12. Журнал Эксперт Сибирь. – URL : <http://www.expertsib.ru/top-kompanij-sibiri/top-200-eksporteryi-sibiri/> (дата обращения: 25.11.2014).

**СОСТОЯНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ:
ПОИСК ОТВЕТОВ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ¹**

**THE BUSINESS ENVIRONMENT IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION:
THE SEARCH FOR ANSWERS TO NEW CHALLENGES**

Н.В. Кубикова

N.V. Kubikova

Курский государственный университет

Kursk State University

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

Статья посвящена актуальной проблеме развития малого и среднего предпринимательства в регионах России. Целью данного исследования является получение целостной картины состояния бизнес-среды в Центральном Черноземье. В рамках проведенного исследования на основании работ, получивших признание в области предпринимательства, раскрыты теоретико-методологические основания изучения современных форм и способов поддержки предпринимательства. Выявлены основные подходы к разработке программ стимулирования бизнес-среды. Автор высказывает предположение о том, что предпринимательская среда макрорегиона в условиях новых вызовов сталкивается с серьезными препятствиями и что политика поддержки малого и среднего предпринимательства не отвечает современным реалиям. В работе проанализированы результаты комплексной оценки предпринимательской среды типичного региона Центрального Черноземья «Деловая среда Курской области – 2015», осуществленной в марте-апреле 2015 г., на основании социологического опроса представителей малого и среднего бизнеса. Раскрыты основные условия существования и развития предпринимательства в этом регионе. Проанализирована совокупность рейтинговых оценок, полученных в результате исследований состояния предпринимательской среды и делового климата в Российской Федерации, проводимых различными агентствами в 2014–2015 гг. Раскрыта связь между государственными программами поддержки малого и среднего предпринимательства, призванными повышать эффективность бизнес-системы, и реальным состоянием предпринимательской среды. В результате исследования выявлены основные проблемы развития бизнес-среды Центрального Черноземья. Представлена в контексте компаративного анализа отрицательная результативность программ государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Предложены рекомендации по совершенствованию состояния деловой среды в макрорегионе.

Article is devoted to an actual problem of development of small and medium business in regions of Russia. An objective of this research is receiving a complete picture of a business environment in the Central Chernozem region. The theoretic and methodological bases of studying of the modern forms and ways of support of business are defined within the conducted research on the basis of the works which gained recognition in the field of a business. The main approaches to development of programs of stimulation of a business environment are revealed. The author suggests that the enterprise environment of the macroregion in the conditions of new challenges faces serious obstacles and the support policy of small and medium business doesn't answer modern realities. The results of a complex assessment of the enterprise environment of the typical region of the Central Chernozem region "The business environment of Kursk region – 2015", carried out in March-April, 2015, on the basis of sociological poll of representatives of small and medium business are analyzed in this paper. In the article the basic conditions for the existence and development of entrepreneurship in the region are defined. The author analyzed a set of ratings resulting from research on the state of the business environment and business climate in the Russian Federation carried out by various agencies in 2014–2015, and also showed the relationship between the state programs of support of small and medium businesses, designed to increase the efficiency of business systems, and real business environment. As a result of research the main problems of development of a business environment of the Central Chernozem region are revealed. Negative productivity of programs of the state support of small and medium business is presented in the context of the comparative analysis. Recommendations about improvement of a condition of the business environment in the macroregion are offered.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, поддержка малого и среднего предпринимательства, экономика, деловая среда, бизнес рейтинг, индикаторы состояния.

Key words: small and medium enterprise, support of small and medium enterprise, economy, business environment, business rating, state indicator.

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья», № 15-03-00506).

Введение. Предпринимательство как элемент системы общественного производства является одним из условий социально-экономического развития российского общества, оно играет важную роль в процессах становления и развития рыночных структур, особенно в период кризиса. В связи с этим в последние годы наблюдается повышение научного интереса к вопросам функционирования данного элемента как в России, так и за ее пределами. Вместе с тем, несмотря на широко признанное мнение о том, что предпринимательство является двигателем экономики, механизм взаимодействия между развитием предпринимательства и социально-экономическим развитием остается не полностью изученным. В последние десятилетия отмечен повышенный интерес исследователей к вопросам развития бизнеса в России в целом и в ее регионах, в частности. Отметим также, что среди последних поручений Президента Российской Федерации немаловажную роль занимают поручения по созданию программ поддержки и развития малого и среднего бизнеса [1], что говорит о заинтересованности государства в лице его лидера в развитии данного сектора хозяйства. В условиях новых вызовов – потребностей осуществления новой индустриализации страны в режиме санкций и давления Запада – российская экономика находится в состоянии замедленного развития, а порой, по сути, стагнации. И только выверенная стратегия по управлению процессами в экономике и социальной сфере способна привести к росту числа предприятий реального сектора экономики и ускорению темпов развития. Представляется важным обратиться к вопросу о состоянии предпринимательской среды в российских регионах, в частности, в таком макрорегионе, коим является Центральное Черноземье.

Обзор литературы. Следует отметить, что теме развития бизнеса, предпринимательской деятельности к настоящему времени посвящено довольно значительное количество исследований российских и зарубежных авторов. К данной проблематике обращаются такие западные исследователи, как М. Кастельс, Х. Бреннер, И.М. Кирцнер, С. Шейн и Д. Стори. Объектами их изучения являются предпринимательство, предпринимательские открытия, инновации. Так, М. Кастельс последовательно раскрывает связь между изобретателями, предпринимателями, финансовыми корпорациями и государством в хо-

де информационно-технологической революции [2]. Среди западных исследователей следует особо отметить И.М. Кирцнера [3], который в своих работах рассматривает во все не характер способности людей, приводящих к предпринимательскому успеху, а раскрывает сущность рыночных процессов, приводимых в движение как успешными, так и не очень, предпринимательскими решениями. Д. Стори, директор Центра малого и среднего предпринимательства (CSME) Университета Уорика, говорит о неэффективности имеющихся оценок социального управления в сфере малого бизнеса в связи с экономической неэффективностью вовлечения в предпринимательство [4].

Среди современных российских исследователей следует отметить А.Ю. Чепуренко [5], В.В. Радаева [6], Н.Н. Зарубину [7], Т.И. Заславскую [8]. В.В. Радаев, специалист в области экономической социологии, социологии рынков, неформальной экономики, стал одним из первых, кто обратился к изучению процесса становления нового российского предпринимательства. Н.Н. Зарубина подробно рассматривает социокультурные основания предпринимательской деятельности, акцентирует внимание на этической составляющей российского предпринимательства. Т.И. Заславская акцентирует внимание на месте бизнес-слоя в социальной структуре постсоветского общества.

Вместе с тем одним из существенных препятствий для глубокого изучения состояния предпринимательской среды является недостаток эмпирических данных о развитии этой среды в российских регионах. Соответственно целью нашего исследования стало получение целостной картины состояния и динамики развития бизнеса в таком макрорегионе, как Центральное Черноземье.

Гипотеза и методы исследования. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что предпринимательская среда макрорегиона в условиях новых вызовов получает определенные стимулы для развития, но вместе с тем сталкивается с серьезными препятствиями в осуществлении своей деятельности.

Методы исследования. Основным методом исследования стал метод анкетирования субъектов малого и среднего предпринимательства Курской области «Деловая среда Курской области – 2015», проведенного Некоммерческим партнерством «Областной центр поддержки малого и среднего пред-

принимательства» при участии автора данной работы в марте-апреле 2015 г. В качестве компаративистики дан вторичный анализ данных по социологическим исследованиям предпринимательского климата. Помимо того, в работе задействован анализ теоретических и документальных источников, а также анализ данных рейтинговых агентств.

Результаты исследования. Отметим, что макрорегион, в рамках которого рассматривается состояние деловой среды, предстает крупным экономическим и территориальным районом Центрального федерального округа, в который входят регионы юго-запада Российской Федерации: Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Липецкая и Белгородская области.

Характер предпринимательской среды этого макрорегиона во многом обусловлен сложившейся экономической и политической обстановкой, правовой, социально-культурной, технологической, географической средой, экологической ситуацией, а также состоянием институциональной и информационной систем. Картина общего состояния предпринимательской среды в данном макрорегионе в основном схожа с общероссийской, но при этом имеет свои особенности. Данные особенности обусловлены прежде всего природо-ресурсными и социально-экономическими факторами.

Основными отраслями промышленности макрорегиона являются черная металлургия, химическая промышленность, машиностроение, пищевая промышленность, а также сельское хозяйство. Черная металлургия в макрорегионе основана на крупнейших месторождениях Курской магнитной аномалии – Лебединском, Стойленском, Михайловском. Машиностроительный комплекс макрорегиона составляют авиационные производства в Воронеже, энергетические в Белгороде, сельскохозяйственное машиностроение в Липецке, станкостроение и электротехнические производства в Курске. Одной из основных отраслей экономики Центрального Черноземья является пищевая промышленность. На его территории существует более 40 сахарных заводов. Также развиты крупяная, мукомольная, мясная, масложировая и консервная отрасли. Химическая промышленность Центрального Черноземья представлена предприятиями по изготовлению азотных и фосфатных удобрений, синтетического каучука, синтетических красителей и волокна. Основными представителями энергетической

отрасли макрорегиона являются Курская и Нововоронежская АЭС. Топливная промышленность в макрорегионе практически отсутствует. Высокую степень развития имеет агропромышленный комплекс, который набирает силу. В структуре сельского хозяйства преобладает растениеводство, в то же время активно развивается мясомолочная отрасль. В макрорайоне хорошо развиты все виды транспорта, выгодное географическое расположение обеспечивает большой транзитный грузопоток, при этом наибольшее значение имеет железнодорожный транспорт.

Важно отметить также тот факт, что зачастую крупные предприятия регионов, входящих в состав макрорегиона, находятся в федеральной юрисдикции и, соответственно, лишь косвенно влияют на состояние экономики и социальной сферы. Степень развития малого и среднего бизнеса в регионе оценивается на уровне среднероссийских показателей.

Для нас представляется важным показать, как оценивают состояние деловой среды в макрорегионе сами представители бизнеса. Покажем это на примере типичного региона Центрального Черноземья – Курской области. В социологическом исследовании субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) данного региона «Деловая среда Курской области – 2015», осуществленном в марте-апреле 2015 г., приняли участие 510 представителей бизнеса. Согласно полученным данным, в регионе преобладает микробизнес (76 % опрошенных), малый бизнес занимает всего 18 %, средний – 6 %. При этом основная часть (около 42 %) предприятий сосредоточены в торговле, 27 % организаций ведут производственную деятельность, 15 % – в сельском хозяйстве, остальные отрасли представлены незначительными долями. Эти данные свидетельствуют о невысокой занятости МСП в реальном секторе экономики. Кстати, как было отмечено на Среднерусском экономическом форуме, состоявшемся в июне 2015 г. в Курске, более 30 % малых и средних предприятий в Курской области являются производственными компаниями, в отличие от других регионов, где доминируют торговля и сфера услуг. Всего в малом и среднем бизнесе, как было отмечено на форуме губернатором области А.Н. Михайловым, работает 44 % занятых в регионе, а к 2017 г. эта доля должна вырасти до 60 %. В регионе на протяжении ряда лет действует программа поддержки МСП, в ко-

торой главный акцент делается на поддержке начинающих предпринимателей и компаний, обращающихся к инновациям в реальном секторе экономики [9].

Вместе с тем следует признать, что в предпринимательской среде отсутствуют действенные стимулы для развития производства. Правда, успешно в регионе развивается строительный сектор. Похожая картина складывается и во всем макрорегионе. 29 % опрошенных определили деятельность своей компании как успешную, а 51 % – как среднюю, что в настоящее кризисное время является хорошей оценкой бизнеса. Среди острых проблем, мешающих предпринимательской деятельности в регионе, отмечены избыточно высокие налоги (34 %), сложность с доступом к кредитным ресурсам (26 %), высокие административные барьеры (15 %). Помимо того, следует также указать на снижение активности по расширению бизнеса, связанное со снижением спроса. При этом стоит также заметить, что, согласно исследованиям Д. Стори, микропредприятия имеют непродолжительный срок жизни и тем самым, вопреки сложившимся представлениям, не столь существенно влияют на состояние экономики. Соответственно при отсутствии государственной финансовой поддержки развития регионов их экономика чаще показывает несущественные, а порой и отрицательные результаты.

Обратимся к результатам исследования «Индекс качества условий для малого и среднего бизнеса в 2012–2013 гг. Региональные диспропорции», проведенном МСП-банком в 2014 г. [10]. В данном исследовании анализируется потенциал внешней для субъектов МСП среды, а также выявляются риски, к которым наиболее чувствительны предприятия малого и среднего бизнеса. Воронежская, Курская, Липецкая и Белгородская области вошли в число регионов-лидеров, которые отличаются высокой покупательной способностью населения и достаточной обеспеченностью факторами производства. Тамбовская область – в группу «догоняющих» регионов с показателями интегрального индекса выше средних по стране, а Орловская область – в группу отстающих регионов. Эти данные свидетельствуют о благоприятной внешней среде для бизнеса. Наше исследование подтверждает эти данные, высокий процент респондентов говорит о благоприятной обстановке для ведения бизнеса.

«Рейтинг "Пульс бизнеса"», разработанный Фондом общественного мнения (ФОМ)

совместно с Агентством стратегических инициатив (АСИ), который базируется главным образом на мнениях компетентных жителей регионов о том, каковы условия для развития бизнеса там, где они живут, не подтверждает вышеперечисленные работы. Тамбовская область в данном рейтинге, наряду с другими регионами России, получила высокую оценку бизнес-климата. Липецкая, Белгородская, Орловская области – среднюю оценку, и наконец, Воронежская и Курская области вошли в группу с низкой оценкой бизнес-климата [11].

Исследование, проведенное общественной организацией «Опора России», «Предпринимательский климат: Индекс ОПОРЫ» базируется на опросах предпринимателей из 40 регионов России. Индекс PSBI (PSB Small Business Index) рассчитан на основе данных ежеквартального опроса руководителей компаний в сегменте малого и среднего бизнеса [12]. Индекс отражает настроения и ожидания российского бизнеса на временном отрезке в 3 месяца. Отметим, что макрорегион в полученном на основе проведенного опроса рейтинге занимает среднюю позицию и, наряду с остальными регионами России, показывает отрицательную тенденцию развития. Условия для ведения бизнеса ухудшаются – вот основной тезис исследования, осуществленного в первом квартале 2015 г. Показатели прибыли и продаж фиксируют сжатие малого и среднего бизнеса. Компании не готовы инвестировать и расширяться, замораживаются новые инвестпроекты. В разрезе отраслей чуть лучшее состояние с деловой активностью в производстве, где отражено, в том числе, влияние эффекта импортозамещения. Отмечается снижение доступности краткосрочного и долгосрочного финансирования. Обслуживание кредитов находится под угрозой, доля «плохих» долгов увеличивается. Наше социологическое исследование подтверждает эти результаты. О снижении финансирования и о недоступности долгосрочных кредитов в Курской области заявляют большинство респондентов – 59 %. Средне оценивают ситуацию лишь 36 %.

Согласно инвестиционному рейтингу «Инвестиционная привлекательность регионов – 2014: бремя управления», составленному рейтинговым агентством «Эксперт РА» на 1 января 2015 г., впервые за 4 года риски возросли и продолжили рост в текущем году [13]. Вместе с тем факторы, вызвавшие рост рисков, благоприятно повлияли на развитие

некоторых отраслей экономики. При этом предприятия макрорегиона в 2015 г. поневоле стали конкурентоспособнее. Девальвация рубля резко снизила издержки в экономике Центрального Черноземья. Упали цены, по сравнению с европейскими, на перевозки, электроэнергию и рабочую силу, что дало подъем производства в конце 2014 – начале 2015 г. Кроме того, к настоящему времени уже заявлено значительное количество новых инвестиционных проектов. Так, в Тамбовской, Курской и Липецкой областях планируются новые вложения в свиноводство. Белгородская область уже на сегодняшний день имеет крупное производство мяса свинины и курицы, Тамбовская – мяса птицы, включая индейку, Липецкий регион – центр промышленных производств.

Лидером в макрорегионе по привлечению инвестиций является Белгородская область. Курская, Воронежская, Липецкая и Тамбовская области на 2014 г. имеют пониженный потенциал и минимальный риск инвестиционной привлекательности, в то время как Орловская область показывает незначительный потенциал и умеренный риск в рейтинге привлекательности, составленном агентством «Эксперт РА». Но в то же время, один из лидеров прошлых лет – Белгородская область – к началу 2015 г. просела в рейтинге по уровню рисков сразу на шесть позиций. В регионе выросли финансовые, экономические и управленческие риски. Доля убыточных предприятий достигла в 2014 г. четвертой части всех организаций области (24,2 %), в результате чего доля налога на прибыль сократилась до 18 % с 24,6 % в 2012 г. И это при том, что налог на прибыль наряду с НДСФЛ составляет основу доходной части регионального бюджета.

Заключение. Таким образом, мы видим что фундамент, сформированный сырьевой рентой и государственными мегапроектами последнего десятилетия, больше не является драйвером развития макрорегиона. В Центральном Черноземье в 2015 г. отмечена отрицательная динамика розничной торговли. Кумулятивный эффект от ликвидации внешних стимулов развития уже остро ощущается в регионе. Проведенное нами исследование подтверждает тезис о том, что государственная политика последних лет была направлена не столько на поддержку малого и среднего бизнеса, сколько на вовлечение в предпринимательство, что на деле не способствует росту предприятий и экономики в це-

лом. Все респонденты подтверждают, что после регистрации их бизнеса никакие государственные службы не интересовались развитием организации. Предприниматели макрорегиона сталкиваются с многочисленными препятствиями, которые замедляют развитие бизнес-активности в стране. Среди этих барьеров следует особо выделить высокий уровень коррупции в России и недоступность долгосрочных кредитных ресурсов. Существенными проблемами являются налогообложение, высокие расходы на оплату социальных и пенсионных взносов. Препятствием для развития предпринимательства является нехватка квалифицированных менеджеров. Отталкиваясь от концептуальных идей И.М. Кирцнера, С. Шейна и Д. Стори [14], мы позволим себе предположить, что государственная поддержка должна быть адресной, ее следует оказывать только уже существующим предприятиям, которые показали свою эффективность и перспективность. Изменение вектора государственной поддержки со «стартовых» на работающие предприятия, на наш взгляд, должно коренным образом изменить предпринимательскую среду. Следует учитывать, что только незначительный процент стартапов может перерасти в средний и крупный бизнес. Важно понять, что именно существующие малые и средние предприятия, заинтересованные в развитии и уже доказавшие общественности свое стремление, нуждаются в поддержке. Между тем, учитывая все вышесказанное, мы можем предположить, что в настоящее время задачей научного сообщества является убеждение законодателей в том, что в их интересах следует проводить долгосрочную политику, адекватную современным научным представлениям о предпринимательстве. Российская действительность только подтверждает тот факт, что государственная политика в области предпринимательства в ее нынешнем виде не способствует экономической стабильности и социальному росту.

1. Утвержден перечень поручений по итогам заседания госсовета по развитию малого и среднего бизнеса. – URL : <http://www.asi.ru/news/35272> (дата обращения: 10.06.2015).

2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

3. *Кирцнер И. М.* Конкуренция и предпринимательство: пер. с англ. / под ред.

А. Н. Романова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 239 с.

4. Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010): пер. с англ. / под науч. ред. А. Ю. Чепуренко. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2013. – 526 с.

5. Чепуренко А. Ю. Социология предпринимательства. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 386 с.

6. См.: Радаев В. В. Экономическая социология. – 2-е изд. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 608 с.; Радаев В. В., Добряков М.С. Анализ рынков в современной экономической социологии. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 423 с.

7. См.: Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. – М. : Магистр, 1998. – 360 с.; Зарубина Н. Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 96–105.

8. Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М. : Дело, 2004. – 400 с.

9. Итоги форума. – URL : <http://www.sef-kursk.ru/resume.jsp> (дата обращения: 01.07.2015).

10. Индекс качества условий для малого и среднего бизнеса в 2012–2013 гг. Региональные диспропорции. – URL : http://www.mspbank.ru/userfiles/files/researches/index_kach_2012-2013_reg.pdf (дата обращения: 10.06.2015).

11. Рейтинг «Пульс бизнеса». – URL : <http://www.fom.ru/pulse/> (дата обращения: 10.06.2015).

12. Индекс «ОПОРЫ РОССИИ». – URL : http://www.new.opora.ru/images/files/index_215.pdf (дата обращения: 10.06.2015).

13. Инвестиционная привлекательность регионов – 2014: бремя управления. – URL : <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2014> (дата обращения: 10.06.2015 г.).

14. См.: Kirzner I. Perception, Opportunities and Profit: Studies in the Theory of Entrepreneurship. – Chicago, 1975. – 110 p.; Shane S. The Illusions of Entrepreneurship – The Costly Myths The Entrepreneurs, Investors and Policy Makers Live By. – New Haven, CT and London : Yale University Press, 2008. – 224 p.; Storey D. Understanding the Small Business Sector, Routledge, 1994. – 347 p.

ФОРСАЙТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ В ПРОЦЕССЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

FORESIGHT OF RUSSIAN-CHINESE CROSS-BORDER AREA SOCIOCULTURAL SPACE IN THE PROCESS OF REGIONAL MODERNIZATION

Т.Н. Кучинская

T.N. Kuchinskaya

*Забайкальский государственный университет, Чита
Transbaikal State University, Chita*

Статья поступила в редакцию 16 июля 2015 г.

В процессе региональной модернизации современной России особое значение приобретают приграничные социокультурные пространства и их трансграничный потенциал. Формируемый на границе России и Китая трансграничный регион, как пространство взаимодействия культурно-цивилизационной специфики обеих стран, обуславливает необходимость его постоянного мониторинга, анализа и прогнозирования с целью формирования модернизационной региональной стратегии с учетом «приграничной» специфики. Для решения поставленной задачи автор предлагает применение методики форсайт-исследования. В статье представлены результаты форсайта регионального развития российско-китайского трансграничного социокультурного пространства в территориальном ареале Байкальский регион РФ – Северо-Восточный регион КНР. Автором разработана оригинальная программа форсайт-исследования, основанная на комплексной методологии сценарно-парадигмального моделирования и практических методиках (соотношение трансграничных градиентов, SWOT-анализ факторов). В результате выделены два основных сценария регионального развития. Первый сценарий (инерционный) – реализация парадигмы «лимитрофа» – предполагает смещение «мнимой» социокультурной границы и буферного пространства в сторону российских территорий, обнаруживая угрозу «вымывания» (лимитрофности) российского социокультурного пространства. Второй сценарий (инновационный) – реализация парадигмы «соразвития» – предполагает освоение и воспроизводство самобытной модели социокультурного пространства, основанного на принципах транскультурализма, диалога культур, взаимовыгодного трансграничного обмена инновациями при большей интегрированности в общероссийское национальное пространство и внутренней сплоченности в рамках макрорегионального пространства Байкальского региона РФ. Для инновационного сценария разработаны принципы реализации и возможные формы. Предложенные рекомендации могут быть полезны для формирования интегрированной модернизационной политики РФ в восточных приграничных регионах в условиях их взаимодействия с КНР.

In the process of regional modernization of contemporary Russia border regions' sociocultural space and its cross-border potential are of particularly importance. Being formed on Russian-Chinese borderline the cross-border region as a space of interaction of cultural and civilizational specificity of both countries conditions confirms the necessity of its constant monitoring, analysis and forecasting in order to develop regional modernization strategy that will take into account its "border" specificity. To solve this problem the author proposes the use of foresight methods. The article describes the results of the foresight research for regional development of Russian-Chinese cross-border sociocultural space framed by the territory of Russia's Baikal region and China's North-East. The author elaborated an original program of foresight, based on comprehensive methodology of scenario-paradigm modeling and practical methods (correlation of cross-border gradients, SWOT-analysis of factors). As a result, the author produced two main scenarios of regional development. The first scenario (inertial) – implementation of "limitrophe" paradigm – presupposes a shift of "imagined" sociocultural boundaries and buffer space toward Russian territory, revealing the threat of "wash-out" (limitrophe) of Russian sociocultural space. The second scenario (innovative) – implementation of the "co-development" paradigm – suggests the development and reproduction of the original model of sociocultural space, based on the principles of transculturalism, cultural dialogue, mutually beneficial cross-border exchange of innovation with greater integration into Russian national space and internal cohesion within the framework of macro-regional area of Baikal region. Implementation guidelines and possible forms for the innovative scenario are developed. The proposed recommendations may be useful for the formation of Russia's integrated modernization policy in eastern border regions in conditions of their interaction with China.

Ключевые слова: Россия, Китай, трансграничный регион, социокультурное пространство, форсайт, региональная модернизация.

Key words: Russia, China, cross-border region, sociocultural space, foresight, regional modernization.

Введение. Региональная модернизация в России протекает крайне неравномерно в большей мере ввиду высокой региональной дифференциации национального пространства, разности специфических социокультур-

ных факторов и их игнорирования при формировании региональных модернизационных стратегий. На современном этапе ориентиры модернизационной политики предполагают фазовый анализ состояния модернизации в

каждом регионе. В результате можно будет надежнее прогнозировать эффективность использования финансовых ресурсов страны, возможности повышения их участия в процессах модернизации России и ее регионов [1, с. 12].

Особенно остро обозначенная проблема проявляется в приграничных регионах, где стандартный набор социокультурных факторов регионального развития дополняется все возрастающим (в период перехода к информационной фазе модернизации) многофакторным инокультурным влиянием. В этой связи «для России особую актуальность имеет проблема соотношения условий жизни ее населения с условиями в других странах того мегарегиона человеческого сообщества, который можно назвать Европейско-Российским мегарегионом (от Атлантического до Тихого океана). Острый характер этой проблемы – вызов, адресованный современной России» [1, с. 12].

Взаимодействие инокультурных приграничных пространств, опосредованное границей, порождает новую метагибридную форму организации социокультурного пространства – трансграничный регион, характеризующийся полиядерностью, где центрами-ядрами выступают национальные культуры, региональные и локальные социокультурные образования стран-участниц. Трансграничное пространство, являясь системой открытого динамического типа, конструируется на основе взаимодействия, представляющего специфический интеграционный потенциал его развития. Социокультурные практики, реализуемые в пространстве трансграничья, определяют специфику формируемых региональных стратегий.

Возможности и вызовы трансграничного взаимодействия в Восточной России в большей степени связаны с динамично развивающимся соседом по «мегарегиону» – Китаем. Российско-китайское трансграничное взаимодействие приобретает все большую актуальность, повышается значимость так называемого «китайского фактора» для развития восточных приграничных регионов России (Дальний Восток, Байкальский регион).

В условиях трансграничья российские регионы оказываются в поле интенсивного инокультурного (китайского) воздействия. Появление в КНР модернизационных социокультурных практик – наращивание культурной «мягкой силы», построение «гармоничного общества», «гармоничного мира», «мо-

гущественного культурного государства» и их глобальное и региональное проецирование, усиливает подобные тенденции [2]. Это обуславливает необходимость постоянного мониторинга и прогнозирования развития обозначенного социокультурного пространства в целях формирования инновационных практических решений и поиска новых парадигмальных форм преодоления дисбаланса в уровне модернизации территорий по разные стороны границы и достижения подлинного соразвития Россия и Китая в регионе.

Обзор литературы. Представленный в работе форсайт-проект развития трансграничной региональной пары РФ и КНР предпринимается впервые и основывается на глубоком анализе мирового и отечественного опыта прогнозирования и моделирования социокультурной динамики с выработкой оригинальной программы исследования.

В философско-гносеологических практиках моделирование взаимодействия больших цивилизационных пространств связано с теорией мир-системного моделирования, основа которого была заложена Ф. Броделем и получила дальнейшее развитие в работах А.Г. Франка, С. Амино, И. Валлерстайна. Мир-системное моделирование чаще оперирует экономикоцентричными понятиями и категориями социальной модернизации. Современная парадигма трансформации глобализирующегося мира строится из взаимообусловленности культуры и развития, составляющих социокультурной динамики, что требует существенных преобразований в самой гносеологической парадигме моделирования, соответствующей современной социокультурной картине мира.

Многофакторное влияние, многоаспектность процессов, происходящих в социокультурном пространстве трансграничного региона, определяют необходимость сочетания системного подхода с применением когнитивных методов сценарно-парадигмального моделирования, которые позволяют выявить логику развития модели при значительном количестве взаимозависимых факторов. Методология применения когнитивного подхода в управлении слабоструктурированными системами была предложена американским исследователем Р. Аксельродом и в настоящее время активно развивается в Институте проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН.

Особого внимания заслуживает предпринятое А.С. Панариным сценирование трансформирующейся социокультурной динами-

ки России. Исследование основывается на сценарной парадигме, предполагающей рассмотрение пространства мира в рамках теорий транснациональной активности С. Тарроу и транснационального участия Дж. Кларка с учетом комплекса геополитических и социокультурных факторов. Для России как «гетерогенного западно-восточного образования» А.С. Панарин разработал два сценария: «атлантический» – в ответ на вызовы Запада и «евразийский» (наиболее предпочтительный) – освоение Россией самобытной цивилизационной модели, где устойчивость социокультурного пространства предполагает сдвиг на Восток и переориентацию общества на активный диалог с дальневосточными соседями [3]. Предложенные автором 16 коммуникативных стратегий взаимодействия России в евразийском пространстве, представляются значимыми для определения общей теоретической модели социокультурного пространства российско-китайского трансграничья.

Актуальным для моделирования и прогнозирования социокультурной динамики региона остается вопрос о наборе структурообразующих элементов регионального социокультурного пространства и критериев социокультурного районирования. Наиболее комплексно данные проблемы разработаны в рамках синергетического подхода в исследованиях Г.А. Аванесовой, О.Н. Астафьевой [4] и оригинальной методики создания «социокультурного портрета» региона, разработанной коллективом авторов Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина [5; 6].

Исследованию сущности трансграничного регионообразования и специфики российско-китайского трансграничья способствовали работы ученых-дальневосточников М.Ю. Шинковского, В.Л. Ларина, П.Я. Бакланова, С.С. Ганзея, А.А. Киреева и др. Значимый вклад в исследование китайских социокультурных практик и их трансляции в российско-китайское трансграничье внесли работы научного коллектива «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая», под руководством профессора Н.А. Абрамовой¹.

Несмотря на значительное количество работ по теме, её концептуализация, применительно к Байкальскому региону РФ, далека от завершения. Социокультурные факторы модернизации приграничных субъектов, входя-

щих в Байкальский макрорегион, и конкретные региональные практики этого взаимодействия до сих пор не подвергались системному анализу и прогнозированию в рамках комплексного форсайт-исследования.

Гипотезы и методы исследования. Прогнозирование социокультурных процессов и явлений, происходящих в пространстве трансграничного региона, актуализирует поиск методологического инструментария, отвечающего их гетерогенности, многоаспектности и неустойчивости факторов формирования. Современные когнитивные технологии долгосрочного прогнозирования и проектирования позволяют сформировать инновационные модели, которые будут способствовать учету разнообразия факторов, усилению потенциала регионального развития, обеспечения его конкурентоспособности в мире. Одним из таких инновационных инструментов выступает форсайт², применяемый в России в немногочисленных научных и управленческих практиках [7; 8].

Авторская программа форсайта социокультурного пространства российско-китайского трансграничья основывается на комплексной методологии, объединяющей социокультурный, герменевтический, структурно-функциональный подходы; факторный анализ, сценарно-парадигмальное моделирование; и практические методики – соотношение трансграничных градиентов наполненности социокультурного пространства, SWOT-анализ факторов формирования социокультурного пространства, который позволит разработать основные принципы и рекомендации по реализации модернизационной стратегии России в обозначенном пространстве.

Значимым условием осуществления форсайт-проекта является определение алгоритма исследования (дорожной карты), который позволит обозначить объект и выявить основные этапы реализации программы.

В качестве объекта исследования выступил трансграничный регион в территориальном ареале Байкальский регион РФ – Северо-Восточный регион КНР. Выбор данной региональной пары не случаен и обусловлен, во-первых, отсутствием подобных исследований относительно данного объекта; во-вторых, наличием острой очевидной асимметрии и асинхронности развития приграничных территорий, складывающихся в пользу приграничных провинций Северо-Востока КНР. Трансграничное взаимодействие в ре-

гионе, хотя и имеет прослеживаемую структуру с обозначившимися направлениями и формами, но в отсутствии концептуального видения его роли с российской стороны все чаще становится «объектом более зрелой и комплексной политики китайских властей» [9, с. 135].

Цель и задачи проекта обуславливают необходимость включения в алгоритм исследования нескольких этапов, последовательно реализуемых в работе: 1) сценарно-парадигмальное моделирование, нацеленное на выявление базовых сценариев развития социокультурного пространства; 2) структуризация парадигмальных факторов и условий развития для каждого сценария; 3) количественная и качественная оценка сценариев (параметризация сценарных условий, разработка показателей оценки трансграничных градиентов, расчет показателей); 4) выбор и обоснование перспективного сценария развития трансграничного социокультурного пространства; 5) SWOT-анализ факторов каждого сценария с целью выявления инновационных стратегий развития России и Китая в социокультурном пространстве трансграничья.

Результаты исследования. На первом этапе реализации форсайта авторский опыт анализа трансформации архитектоники социокультурного пространства Китая, выявления специфики китайского регионализма и оценки его многофакторного влияния на приграничные российские территории [10; 11] позволяет сформировать два основных сценария, определяющих гипотетические парадигмы развития социокультурного пространства Байкальского региона РФ в условиях трансграничного взаимодействия с Северо-Восточным регионом КНР.

Первый сценарий (инерционный) – сценарий реализации парадигмы «лимитрофа» – подразумевает дальнейшее углубление асинхронности и асимметрии развития трансграничного социокультурного пространства и воспроизводство Байкальским регионом функций транзитно-буферной зоны, выступающей своеобразной пространственной прослойкой межцивилизационного взаимодействия России и Китая.

Ключевым понятием данной парадигмальной формы выступает понятие «лимитроф» (лат. *limitrophus* – пограничный) – пограничные области Римской империи с особым режимом, статусом, иногда – двойным подчинением. Нами термин используется в значении «межцивилизационного пояса»

(В. Цымбурский), «окраинной территории, потенциально связанной с угрозой отторжения от национального пространства под воздействием инокультурного влияния (В. Живенко). К лимитрофам относят территории, занимающие промежуточное положение между различными цивилизациями, где «происходит постепенное угасание качеств материнской цивилизации». Для России – это обширные пространства Дальнего Востока, Сибири, Севера РФ [12, с. 13].

Социокультурный лимитроф, по мнению И.Г. Яковенко, представляет собой одну из промежуточных ступеней, где формируется самостоятельная жизнь, детерминирующая факторы зарождения «новой» цивилизации. Идентичность лимитрофа в российском контексте обозначает самосознание не тождественности, «другого», не равного ни Западу, ни Востоку. «В то же время лимитроф исполнен напряженного стремления получать значимые инновации, возделанные товары, идеи и т. д.» [13, с. 24]. В любом случае пространство лимитрофа представляет неустойчивое социокультурное образование с межцивилизационным противостоянием культур. В цивилизационной перспективе лимитрофный регион поглощается соседней доминантной цивилизацией или образует новую социокультурную общность в результате межцивилизационного взаимодействия.

Байкальский регион РФ как погранично-цивилизационное пространство-лимитроф является зоной активного влияния инокультурных полей и особого «внимания» Китая. Ослабление экономических и культурных связей в системе макрорегионального пространства, «центр-периферия», утрата геополитических ориентиров или их раздвоенный характер, размывание основ самоидентификации – духовно-цивилизационного самосознания многих россиян привело к разному в определении приоритетов межрегионального приграничного взаимодействия и как следствие ослаблению их роли и участия в трансграничном региональном строительстве.

В целях отображения вероятности реализации сценария «лимитрофа» для Байкальского региона РФ осуществлена сравнительная качественная и количественная оценка наполненности социокультурного пространства по обе стороны российско-китайской границы, выраженной в трансграничных градиентах – «индикаторах, характеризующих динамику и соотношение идентичных процессов по обе стороны границы» (методика,

разрабатываемая П.Я. Баклановым, С.С. Ганзеем для расчета показателей устойчивого развития приграничных территорий России и Китая) [14].

Наполненность социокультурного пространства представляет собой совокупность социокультурного потенциала и региональных практик, выраженных в специфических показателях и программных индикаторах регионального развития. Результаты оценки трансграничных градиентов наполненности социокультурного пространства продемонстрировали трансграничный дисбаланс (см. подробнее: [15, с. 108–109]). Уплотнение (наполненность) социокультурного пространства Северо-Восточного региона КНР накапливает его энергоизбыточный потенциал, что ведёт к смещению «мнимой» социокультурной границы и буферного пространства в сторону Байкальского региона РФ. Сравнительно низкие темпы развития Байкальского региона РФ, обезлюживание, низкая плотность населения, миграционный отток, сравнительно низкий уровень жизни, отставание по уровню культурного потенциала, низкое развитие социальной и культурной инфраструктуры, неразработанность культурно-туристических ресурсов образуют слабые стороны развития Байкальского региона. Смещение социокультурной квазиграницы представляет угрозу целостности национального социокультурного пространства России. Внешняя и внутренняя угроза «вымывания» социокультурного пространства (угроза лимитрофности), связанная с высоким культурно-цивилизационным давлением китайского социокультурного пространства в совокупности с преимущественно технократическими действиями по развитию российских приграничных территорий со стороны государства, углубление сырьевой направленности в экономическом развитии и экспортно-импортной структуре, отставание по основным демографическим показателям представляют угрозы и вызовы развитию Байкальского региона РФ.

На основе данных делается вывод о том, что наращивание Китаем потенциала своей «мягкой силы» и ее активная проекция в трансграничное пространство при пассивной роли России не исключает такой сценарий. Преодоление слабых сторон, угроз и вызовов может быть достигнуто кооперацией усилий при взаимовыгодном трансграничном взаимодействии, что обуславливает необходимость разработки альтернативного сценария.

Второй сценарий (инновационный) – реализация парадигмы «соразвития» – предполагает освоение и воспроизводство самобытной модели социокультурного пространства, основанного на принципах транскультурализма, диалога культур, взаимовыгодного трансграничного обмена инновациями при большей интегрированности в общероссийское национальное пространство и внутренней сплоченности в рамках макрорегионального пространства Байкальского региона РФ.

Для определения инновационных методик соразвития в социокультурном пространстве трансграничья РФ и КНР на основе анализа работ М.Ю. Осипова [16], Г.Б. Клейнера [17], Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова [18], И.П. Гетманова [19], Б.Н. Кузюка, М.Л. Титаренко [20] раскрыты сущность парадигмы соразвития, ее принципы и возможные формы.

Парадигмальная сущность модели соразвития социокультурного пространства Байкальского региона РФ и Северо-Восточного региона КНР предполагает наличие двух равнозначных, устойчивых, но неидентичных социокультурных ядер, связанных со своими национальными пространствами по принципу неделимой целостности и образующих социокультурную метаобщность, метагибридность на основе принципа открытости и комплементарности трансграничных социокультурных практик.

Принцип комплементарности в отношении Байкальского региона РФ может быть достигнут при эффективной реализации его социокультурного трансграничного потенциала. Сильными сторонами Байкальского региона РФ выступают выгодное географическое положение, высокий природный и культурно-туристический потенциал, прослеживаемая структура трансграничных межрегиональных связей, расширение форм гуманитарного сотрудничества.

Реализация модели соразвития для Байкальского региона РФ представляет значительные возможности: углубление интеграции как внутри регионального, национального пространства, так и в трансграничном пространстве с целью наращивания социокультурного потенциала; расширение и диверсификация сотрудничества с китайскими приграничными регионами, повышение транзитной функции внутри России и включение в международные транзитные коридоры; позиционирование устойчивого международного культурно-туристического бренда, раз-

витие международного сотрудничества научных и образовательных практик.

Выделенные в ходе исследования слабые стороны, угрозы и вызовы (сценарий «лимитрофа») и сильные стороны и возможности (сценарий «соразвития») сведены в матрицу SWOT-анализа, позволившую выявить стратегии реализации модели соразвития (см. подробнее: [15, с. 118–120]).

Обобщенные результаты SWOT-анализа, проведенного в рамках перспективного модернизационного сценария, позволили выявить ряд практических рекомендаций для его реализации в социокультурном пространстве Байкальского региона РФ, которые сводятся к необходимости: 1) на основе эффективного использования выгодного географического положения региона, имеющихся культурно-ландшафтных сходств российских и китайских приграничных территорий, опыта взаимодействия, достижения углубления интеграции при формировании устойчивой связанности внутри макрорегионального и национального социокультурного пространства; 2) диверсификации направлений и форм трансграничного взаимодействия на основе достижения комплементарности природного, демографического, культурного, научно-образовательного, инфраструктурного, инвестиционного и др. трансграничного потенциалов приграничных регионов РФ и КНР; 3) преодоления технико-гуманитарного дисбаланса в развитии приграничных пространств, предполагающее разработку и включение в программы развития региона индикаторов социального и культурного развития; 4) разработки комплексных стратегий развития российских приграничных регионов с учетом возрастающего культурного влияния Китая и масштабов «расширения» его социокультурного пространства; 5) развития культурных индустрий и позиционирование культурных брендов на основе эффективного использования этнокультурного, природно-экологического, информационного потенциалов и пр.

Заключение. Парадигмальный сценарий «соразвития» с Северо-Восточным регионом КНР является перспективным для Байкальского региона РФ, предоставляя значительные возможности реализации его социокультурного потенциала в трансграничном взаимодействии. При условии упущения возможности и недостаточного учета «китайского фактора» дальнейшее развитие региона с большой вероятностью может пойти по сценарию «лимитрофа», представляя угрозу

целостности и неделимости российского социокультурного пространства.

Выявленные в ходе форсайт-исследования вариативные сценарии будущего развития социокультурного пространства российско-китайского трансграничья и предложенные рекомендации имеют значение для российских управленческих практик формирования модернизационных стратегий развития приграничных пространств и решения проблем трансграничного взаимодействия с КНР, а также определяют положения, которые требуют дальнейшей разработки. Предложенная инновационная парадигма «соразвития» требует конкретизации путем разработки региональных проектов и их внедрения в региональные стратегии развития. Дальнейшего усовершенствования требует представленная программа форсайт-исследования социокультурного пространства российско-китайского трансграничья. Перспективным является дополнение количественных и качественных характеристик компьютерными методиками реализации расчетов трансграничных градиентов и построения графических моделей, которые значительно ускорят мониторинг и прогнозирование развития инновационной модели.

Примечания.

¹ Школа интерпретаций региональных практик современного Китая. Кафедра востоковедения Забайкальского государственного университета, руководитель – д-р филос. наук, проф. Н.А. Абрамова. Подробная информация о научном направлении представлена на официальном сайте кафедры: <http://rk.zabgu.ru/index.php/nauchno-isledovatel-deyat/nauchn-school>.

² *Форсайт* (от англ. *foresight* – предвидение, видение будущего) – это новейшая методика создания научных образов будущего с целью выявления механизмов его корректировки, творение будущего.

1. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина; предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. – М. : Весь Мир, 2011. – 256 с.

2. Абрамов В. А., Абрамова Н. А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. – М. : Восточная книга, 2014. – 256 с.

3. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М. : ИФ РАН, 1994. – 262 с.

4. Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регио-

нов: механизмы самоорганизации и региональная политика. – М. : РАГС, 2004. – 424 с.

5. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: сб. материалов конф. «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» (27 июня – 1 июля 2005 г., г. Москва) / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М. : ИФ РАН, 2006. – 372 с.

6. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М. : ИФ РАН, 2010. – 135 с.

7. Форсайт-исследования Центра стратегических исследований и разработок Сибирского Федерального университета. – URL : <http://www.foresight.sfu-kras.ru/projects> (дата обращения: 25.06.2015).

8. Форсайт-проекты Международного научно-образовательного Форсайт-центра НИУ ВШЭ. – URL : <http://www.foresight.hse.ru/about/> (дата обращения: 01.07.2015).

9. Киреев А. А. Трансграничное культурное взаимодействие России и Китая на Дальнем Востоке в 1988–2010 гг.: социально-экономические факторы и государственное регулирование // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 2. – С. 126–138.

10. Кучинская Т. Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР : дис. ... д-ра филос. наук. – Чита, 2013. – 413 с.

11. Кучинская Т. Н. Социокультурное пространство трансграничья как ресурс развития России и Китая (региональные практики Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР). – М. : Восточная книга, 2012. – 232 с.

12. Живенок Н. В. Региональное социальное пространство: проблемы конструирования и трансформации (на примере Калининградской области). – СПб. : Наука, 2005. – 160 с.

13. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы и перспективы. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. – 363 с.

14. Ганзей С. С. Трансграничные градиенты юга Дальнего Востока России и провинции Хэйлунцзян КНР // Региональная экология. – 2005. – № 3–4. – С. 74–80.

15. Кучинская Т. Н. Сценарно-парадигмальное моделирование российско-китайского трансграничного пространства (на примере Байкальского региона РФ и Северо-Восточного региона КНР) // Трансграничье России и Китая: региональные практики соразвития : монография / под общ. ред. Н. А. Абрамовой; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2014. – С. 91–125, 161–165.

16. Осипов М. Ю. Опыт философии хозяйства. – М. : МГУ, 1990. – 382 с.

17. Клейнер Г. Б. Диалог культур и коэволюция социально-экономических систем. – URL : <http://www.kleiner.ru/argpab/dialog.html> (дата обращения: 15.02.2012).

18. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетические принципы коэволюции сложных систем. – URL : <http://www.spkurdyumov.narod.ru/D1KnyazevaKurdyumov.htm> (дата обращения: 15.02.2012).

19. Гетманов И. П. Принципы коэволюции : дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д. : РГУ, 2005. – 304 с.

20. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. – М. : Ин-т эконом. стратегий, 2006. – 656 с.

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ BASIC CONDITIONS AND STAGES OF FORMATION THE ECONOMICS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Л.А. Мочалова
L.A. Mochalova

Уральский государственный горный университет, Екатеринбург
Ural State Mining University, Yekaterinburg

Статья поступила в редакцию 28 мая 2015 г.

В статье обосновывается антиустойчивость нынешней социально-экономической парадигмы развития, ориентированной на поощрение потребительского поведения по отношению к природе. Приводятся высказывания известных экологов, философов и экономистов относительно хищнического отношения человека к природе и его последствий. Среди многих выделяются проблемы взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами, которые связаны с возможностями удовлетворения материальных и нематериальных потребностей их населения. Рассматриваются условия формирования экономики устойчивого развития, которая характеризуется автором как система ведения хозяйственной деятельности в условиях экологических и социальных ограничений. Приводятся основные международные и национальные документы, определяющие направления и этапы перехода к устойчивому развитию. Подробно рассматриваются этапы перехода к устойчивому развитию РФ, представленные в Концепции, утвержденной Указом президента в 1996 г. Изучаются особенности основных структурных преобразований в экономике, технологического обновления, экологизации процесса социально-экономического развития в стране.

The article explains anti-persistence of the current socio-economic paradigm of development, focused on the promotion of consumer behavior in relation to nature. There are given the statements of well-known ecologists, philosophers and economists about the predatory attitude of man to nature and its consequences. There are considered the problems of relations between developed and developing countries that are associated with the capacity to satisfy the material and non-material needs. The article discusses the conditions of designing of economy of sustainable development, which is characterized by the author as the system of economic management in terms of environmental and social constraints. The article presents the key international and national documents defining the directions and stages of transition to sustainable development. The author details the stages of transition to sustainable development of the Russian Federation presented in the Concept, approved by presidential decree in 1996. The fundamental structural change in the economy, technological innovation, greening process of socio-economic development in our country are presented in the article.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономика устойчивого развития, экологический кризис, экологизация экономики, экологически чистое производство.

Key words: sustainable development, economics of sustainable development, ecological crisis, greening of the economy, cleaner production.

Введение. Серьезные исследования состояния окружающей среды и жизни общества показывают, что человечество живет в условиях нарастающего экологического и социального кризиса, превращающегося в кризис всей цивилизации, который может привести к её гибели [1–3]. Данный кризис характеризуется как нарушение равновесия в экологических системах и во взаимоотношениях общества и природы, являющееся закономерным результатом неразрешенного пока противоречия между утвердившейся в истории цивилизации практикой потребительского отношения человека к окружающей среде и способностью биосферы поддерживать систему естественных биогеохимических процессов самовосстановления. Если проводить аналогии между прошлым и на-

стоящим, то можно констатировать внутреннее перерождение современной цивилизации, испытывающей глобальный техногенный кризис, охватывающий социальную, экологическую и экономическую сферы жизни.

В преамбуле «Повестки дня на XXI век», принятой на Второй конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) отмечается следующее: «Человечество переживает решающий момент своей истории. Мы сталкиваемся с проблемой увечивания диспропорций как между странами, так и в рамках отдельных стран, обостряющимися проблемами нищеты, голода, ухудшения здоровья населения и неграмотности и с продолжающимся ухудшением состояния экосистем, от которых зависит наше благосостояние» [4]. Экономисты-экологи

рассматривают современный кризис цивилизации как следствие доминирования парадигмы социально-экономического развития, базирующейся на неоклассической теории, которая основана на модели рационального (максимизирующего) человека в равновесном мире и поощрении его потребительского поведения по отношению к природе. Они говорят о необходимости смены парадигмы развития.

Обзор литературы. Учёные Т.А. Акимова и Ю.Н. Мосейкин обращают внимание на то, что в экономике развиваются две противоположные тенденции: глобальный валовой доход растёт, а глобальное богатство (ресурсы жизнеобеспечения) уменьшаются... Современная цивилизация имеет очень низкую материальную эффективность при бессмысленной милитаризованности и колоссальном потенциале самоуничтожения [5].

О.В. Афанасьева [6] указывает, что начавшийся в 2008 г. глобальный экономический кризис показал поверхностность докризисного интеллектуального «мейнстрима» при осмыслении противоречий современного развития, а также фундаментальную проблему современной эконоцентрической цивилизации. Она ссылается на высказывания американского философа, социолога и экономиста К. Поланьи по поводу того, что «промышленная революция XIX в. создала небывалый тип общества, в котором не экономика встраивается в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему, и в результате рыночная экономика «пересоздаёт общество под себя».

В этом обществе производство фактически является побочным результатом с точки зрения получения дохода, общественная структура превращается в бесформенное желе, а наша униженная зависимость от материального, которую человеческая культура, всегда стремилась смягчить, намеренно усилена и возведена в ранг главенствующей. О.В. Афанасьева также отмечает, что страны, создавшие социальные государства, несколько продвинулись в адаптации индустриальной цивилизации к требованиям человеческого существования, однако фундаментальная проблема осталась: неолиберальный рыночный фундаментализм очень многое сделал для нового обожествления экономики.

В.Д. Кальнер [7] констатирует тот факт, что действующая в развитых странах управленческая и экономическая политика, дав гигантский рост объемов товарного производ-

ства (примерно в семь раз за последние 50 лет), удовлетворила текущую потребность менее одной четверти населения Земли. При этом ресурсное потребление подошло к критической точке возможных необратимых процессов в биосфере. Ссылаясь на результаты проведенного Всемирным банком исследования экологического состояния современной России по воздействию 17 отраслей на биосферу, учёный говорит о наглядной иллюстрации, высказанной когда-то писателем и философом Марком Твенном мысли о том, что «... цивилизация – это машина по производству потребностей, в которых нет потребностей».

Безудержное потребление современного общества подпитывается механизмом «быстрой моды», или «запланированного устаревания», который стимулирует желание потребителя купить чуть более новый товар, чуть ранее, чем это необходимо. В своем фильме [8] режиссер К. Деннорицер объясняет действие данного механизма на примере обыкновенной лампы накаливания. Речь идет о том, что в 1924 г. в Женеве был создан первый всемирный картель, который объединил всех ведущих производителей электроламп в мире и создал «Комитет 1000 часов», который преднамеренно старался уменьшить срок службы электроламп (до 1000 часов), так как картелю было экономически нецелесообразно продавать лампочки с долгим сроком службы. Организаторы картеля решили производить менее качественный товар, чтобы он быстрее выходил из строя и заменялся новым. Был создан целый бюрократический аппарат для слежения за входящими в картель компаниями. Если их ежемесячные отчеты не соответствовали нормативам, с них взимались штрафы. Эти меры привели к неуклонному снижению срока службы ламп. В течение двух лет он сократился с 2500 до 1500 тысяч часов. К 40-м годам 20 века картель достиг своей цели: срок службы электроламп сократился до 1000 часов.

«Запланированное устаревание» является элементов маркетинга и стимулирует продажи продукции, обогащая производителей. Однако производители забывают о том, что для создания «новой» продукции необходимо дополнительное использование природных ресурсов, количество которых на земном шаре ограничено. В соответствии же с расчетами, произведенными организацией *Global Footprint Network*, экологический след человечества, который является

мерой количества земли и акватории, необходимых человеческой популяции для получения потребляемых ресурсов и поглощения ее отходов с использованием существующих технологий, уже в настоящее время равен 1,5 планетам. Это значит, что: 1) мировая экономика каждый год потребляет на 50 % больше ресурсов, чем способна регенерировать Земля; 2) нужен один год и шесть месяцев, чтобы восстановить то, что мы потребляем за один год [9].

Т.А. Акимова и Ю.Н. Мосейкин среди признаков кризиса современной парадигмы экономического развития выделяют её неспособность решать новые задачи, встающие на пути развития человеческого хозяйства в пределах биосферы. Критикуя традиционную неоклассическую теорию, они обращают внимание на следующее: «Традиционная экономика не отвечает на важнейшие вопросы практики. Какова реальная цена, которую платит человечество, увеличивая человеческие блага? Чем измерить качество экономического роста? Означает ли рост товаров и услуг улучшение качества жизни? Как соизмерить темпы развития экономики с возможностями природных систем?» [5]. По мнению учёных, современная ситуация требует, чтобы традиционная экономика сменилась экономикой устойчивого развития, которая представляет собой науку о поведении человека и человеческих общностей в условиях ограниченных природных ресурсов и лимитированной окружающей среды.

Гипотезы и методы исследования. Автор статьи рассматривает экономику устойчивого развития не только как науку, но и как систему ведения хозяйственной деятельности с учётом экологических и социальных факторов. В процессе своего исследования он изучает особенности текущей ситуации и экономической политики в нашей стране и во всем мире для того, чтобы понять, какие нужны условия для перехода к экономике устойчивого развития и какие меры со стороны общества, государства и хозяйствующих субъектов при этом являются более эффективными.

В процессе исследования автор применяет: системный подход, который выявляет структуру и организацию социальной, экономической и экологических систем; основные принципы управления ими и предполагает учёт особенностей их совместного функционирования; аксиологический подход, ориентированный на учёт интересов всех за-

интересованных сторон при формировании экономики устойчивого развития.

Результаты исследования. Изучение экономики устойчивого развития базируется на рассмотрении одноименной концепции, появление, развитие и признание которой связано с деятельностью ООН в области охраны окружающей среды. Само понятие «устойчивое развитие» (англ. *sustainable development*) вошло в обиход с момента опубликования в 1987 г. доклада «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию, возглавляемой премьер-министром Норвегии Гро Харлем Брундтланд, в котором прозвучал призыв к «новой эре экономического развития, безопасного для окружающей среды» [10].

Экономика устойчивого развития – это экономика, в рамках которой удовлетворение потребностей людей текущего и будущих поколений происходит в условиях уважительного отношения к природе и её богатствам. О многочисленности проблем, возникающих при этом, говорят дискуссии, которые возникают между участниками конференций ООН, посвящённых окружающей среде и устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 1992; Йоханнесбург, 2002; Рио-де-Жанейро, 2012).

Данные проблемы, в частности, связаны с тем, что различные страны вносят разный по величине вклад в развитие концепции устойчивого развития. Представители развитых стран утверждают, что они предпринимают больше усилий в этом направлении: внедряют экологически чистые технологии, финансируют международные и национальные инвестиционные природоохранные проекты, занимаются экологическим просвещением и т. д. Бесспорно то, что развитые страны располагают большими возможностями в реализации экологически ориентированной деятельности за счёт более высокого уровня научно-технического прогресса, накопленных за время экономического процветания финансовых средств и др. Однако экологической чистоты и ресурсосбережения на своей территории они достигают зачастую за счёт развивающихся стран, перенося в них свои «грязные» производства и военные базы, размещая различные отходы, скупая дешёвые природные ресурсы, обеспечивая тем самым своим гражданам статус представителей «золотого миллиарда» (это часть населения мира, которая в настоящее время получает 75 % мировых доходов, потребляет 70 % мировой энергии, 75 % металлов, 85 % древесины).

В отличие от развитых стран многим развивающимся, бедным странам приходится двигаться к модели устойчивого развития в условиях голода и нищеты подавляющего числа граждан. Среднедушевые доходы граждан Индии, Индонезии или Нигерии более чем в десять раз ниже, чем аналогичные показатели граждан богатых стран Западной Европы [11].

Существуют проблемы перехода к гармоничному социо-эколого-экономическому развитию и в развитых странах. У представителей бизнеса, науки и общественности от года к году наблюдается рост разочарования в нынешней экономической модели развития, а также чувство усталости, порождённое сбоями рыночного механизма и многочисленными экономическими кризисами, вызванными нерациональным распределением совокупного капитала (накоплением физического, финансового и человеческого капитала за счёт истощения природного капитала). Однако при всем желании изменить ситуации к лучшему возникает вопрос о выгоды экологически ориентированных управленческих решений и возможности получения экономических, экологических и социальных выгод одновременно.

По мнению представителей Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), подготовившим к конференции РИО+20 доклад [12], достижение экологической, экономической и социальной устойчивости возможно в условиях так называемой «зелёной» экономики, которая характеризуется как экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и её обеднение. Она призвана заменить «коричневую» экономику, которая функционирует в условиях высокой зависимости от энергии, извлекаемой из ископаемого топлива, истощения ресурсов и социальной маргинализации.

Доклад ЮНЕП развенчивает ряд мифов о больших затратах при переходе к «зеленой» мировой экономике; он даёт своевременные и практичные рекомендации представителям власти относительно того, какие реформы необходимы для раскрытия потенциала «зеленой» экономики в области производства и занятости. Относительно самого распространенного мифа о существовании неизбежного противоречия между экологической устойчивостью и экономическим прогрессом говорится, что сегодня имеется дос-

таточно доказательств того, что «озеленение» экономики отнюдь не препятствует созданию материальных благ или рабочих мест, и что многие «зеленые» сектора являют собой прекрасные объекты для инвестирования и источники роста финансового благополучия и занятости. При переходе к «зеленой» экономике создаются новые рабочие места в количестве, которое со временем превышает число рабочих мест, исчезнувших в «коричневой» экономике, обеспечиваются более высокие темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП). Однако на определенном этапе перехода сокращение рабочих мест и приостановка или даже снижение роста ВВП неизбежно, так как требуются вложения средств в новые сферы деятельности, технологии и профессиональную переподготовку рабочей силы.

В качестве второго мифа ЮНЕП выдвигает утверждение, что «зеленая» экономика – это роскошь, которую могут позволить себе лишь богатые страны, или то, что развитые страны навязывают развивающимся, чтобы последние навсегда остались бедными. В докладе [12] приводятся некоторые из множества опровергающих это представление примеров. Доказывается, что при таком переходе все страны получают целый ряд новых возможностей. Если какие-то страны достигли высоких уровней развития человеческого потенциала, однако за счет их природных ресурсов, качества окружающей среды и роста выбросов парниковых газов, то в настоящее время перед ними стоит задача уменьшения их воздействия на окружающую среду, приходящегося на душу населения, без снижения качества жизни. Если страны по-прежнему оказывают относительно небольшое воздействие на окружающую среду в расчете на душу населения, то они должны повысить качество предоставляемых услуг и материальное благополучие своих граждан без значительного увеличения воздействия на окружающую среду.

В докладе отмечается, что для перехода к «зеленой» экономике требуются срочные действия правительств всех стран мира, так как предполагается, что рост доходов и занятости обеспечивается государственными и частными инвестициями, уменьшающими выбросы углерода и загрязнение, повышающими эффективность использования энергии и ресурсов и предотвращающими утрату биоразнообразия и экосистемных услуг. Для перехода к «зеленой» экономике долж-

ны быть созданы соответствующие национальные нормативно-правовые документы, политика, субсидии и стимулы, мировой рынок, юридическая инфраструктура, протоколы о товарообороте и финансовой помощи. Таким образом, речь идёт о формировании необходимых институтов, способствующих поддержанию развития «правильной» экономики, которую можно назвать «зеленой» или устойчивой в развитии. Термин «экономика устойчивого развития» автору нравится больше по причине того, что он показывает связь экономики с концепцией устойчивого развития и даёт возможность учитывать не только экологическую («зелёную», природную), но и экономическую, и социальную устойчивость.

О многих из перечисленных институтов устойчивого развития говорится в Концепции перехода РФ к устойчивому развитию, утвержденной Указом президента в 1996 г. Остановимся на основных этапах перехода к устойчивому развитию, которые названы в Концепции.

Начальный этап перехода РФ к устойчивому развитию – решение острых экономических и социальных проблем.

В 1990-е гг., когда принималась Концепция, была очень тяжелая социально-экономическая ситуация, выражающаяся в спаде производства, закрытии предприятий, высоком уровне структурной и циклической безработицы, невыплате заработной платы работникам, падении уровня и качества жизни населения страны. Конечно, логично, что переход к устойчивому развитию должен был начаться с нормализации производственного процесса, обеспечения занятости трудоспособного населения и удовлетворения хотя бы элементарных потребностей людей. В данном случае речь идёт о формировании институтов прав собственности на природные ресурсы, государственной финансовой поддержки.

Второй этап перехода РФ к устойчивому развитию – основные структурные преобразования в экономике, технологическое обновление, экологизация процесса социально-экономического развития. В данном случае речь идёт об основных направлениях экологизации экономики, подразумевающей формирование хозяйственной деятельности, адекватной закономерностям окружающей среды.

Структурные преобразования в экономике предусматривают экореструктуризацию экономики, представляющую собой процесс перестройки отраслевой структуры нацио-

нальной экономики в направлении смягчения существующих в ней деформаций путем сокращения спроса на продукцию «грязных», ресурсо- и материалоемких производств либо модернизации отраслей-потребителей данной продукции. Экореструктуризация имеет долгосрочный характер и в конечном итоге приводит к достижению такого структурно-технологического уровня экономики, который обеспечивал бы минимальное интегральное воздействие на окружающую среду процессов производства и потребления экономических благ в расчете на единицу валового выпуска.

Структурные изменения, приводящие к сокращению удельного веса экологически грязных, ресурсо- и материалоемких видов деятельности в ВВП, в настоящее время наблюдаются в ряде развитых стран, в частности Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Италии, Ирландии, Канаде, Норвегии, США и Франции. К сожалению, на этом фоне в России ситуация со структурной деформацией экономики не улучшилась. Экономика России до настоящего времени также остается весьма природоемкой (энергоемкой) с ярко выраженной индустриальной структурой. По-прежнему велик отрыв от ведущих развитых стран по эффективности использования важнейших видов материальных и топливно-энергетических ресурсов. Положение усугубляется еще и тем, что в структуре экономики продолжает сохраняться высокий удельный вес базовых отраслей, наносящих существенный вред окружающей среде, а динамика технологических укладов по оценке специалистов свидетельствует о начале технологической деградации народного хозяйства. Обобщение и анализ полученных данных показывают, что в ведущих отраслях экономики России в основном используются технологии, характерные для развитых стран в 1930–1960-е гг. Что касается агропромышленного комплекса, то в нем находят применение около трети реликтовых технологий, унаследованных от прошлых веков.

Технологическое обновление предусматривает экологическую модернизацию производства, касающуюся внутриотраслевых изменений, происходящих в результате коренного технико-технологического обновления производства. Важнейшими индикаторами такой модернизации выступают следующие: показатель сокращения расхода энергии, воды и других ресурсов на единицу произ-

водимой продукции; степень развития рециклирования (переработки отходов). Технико-технологическое преобразование производства, основанное на новейших достижениях научно-технического прогресса, подразумевает следующее: разработку и внедрение малоотходных, ресурсо- и энергосберегающих технологий; преимущественное развитие технологий замкнутого цикла и комплексную малоотходную переработку сырья; использование неисчерпаемых видов первичной энергии; существенное повышение технологической безопасности потенциально опасных производств.

Конечным результатом экологической модернизации производства должно стать его превращение в экологически чистое (сокращенно «чистое»), рассматриваемое как логическое завершение многоэтапного процесса преобразований в системе мер по охране окружающей среды: технологии «на конце трубы» – малоотходные, ресурсосберегающие технологии – чистое производство, ориентированное на предотвращение образования отходов. Основным технологическим принципом чистого производства является сокращение отходов в технологическом процессе и повторное использование отходов в местах их возникновения (в том же технологическом процессе или в другом, но внутри предприятия). В идеале в чистом производстве должны отсутствовать очистные сооружения и места складирования отходов. Еще одной стороной чистого производства является то, что оно предусматривает выпуск экологически чистой продукции, т. е. такой продукции, которая по возможности производится из возобновляемого сырья и вторичных материалов, не содержит посторонних вредных примесей, отличается низким уровнем энергопотребления при эксплуатации, не загрязняет окружающую среду.

С 1 января 2015 г. в Федеральном законе [13] используется термин «наилучшая доступная технология», который характеризуется как «технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения». Данное определение было введено Федеральным законом [14], предлагающим создание отечественной базы НДТ (подобно европейской), позволяющей контро-

лировать загрязнение окружающей среды промышленными предприятиями на основе технологических нормативов, которые представляют собой «нормативы выбросов, сбросов загрязняющих веществ, нормативы допустимых физических воздействий, которые устанавливаются с применением технологических показателей». Последние выступают «показателями концентрации загрязняющих веществ, объема и (или) массы выбросов, сбросов загрязняющих веществ, образования отходов производства и потребления, потребления воды и использования энергетических ресурсов в расчете на единицу времени или единицу производимой продукции (товара), выполняемой работы, оказываемой услуги».

Экологизация процесса социально-экономического развития, по мнению автора, подразумевает три основных момента: включение экологических условий, факторов и объектов в число экономических категорий как равноправных с другими категориями богатства; формирование экологически безопасной модели рыночной экономики, корректировка рыночных провалов в экологической сфере; модификацию ценностных и целевых приоритетов макроэкономической политики, внедрение и обеспечение действия механизмов экологического регулирования.

Для устранения случаев неэффективности рынка в экологической сфере требуется государственное вмешательство, заключающееся в реализации продуктивной экологической политики, с одной стороны, способствующей стимулированию хозяйствующих субъектов на осуществление природоохранных инвестиций и инноваций, с другой – ориентированию потребителей на следование экологически направленной системе предпочтений. При этом одной из труднейших проблем выступает изменение структуры и стереотипа потребностей людей. Безграничность и неутолимость материальных потребностей очень трудно преодолеть. Но к этому необходимо стремиться, иначе экологизация экономики будет не только мучительной, но и невозможной. Необходим отказ масс людей от части наиболее факультативных потребностей, обеспечение которых, начиная с производства, обладает высокой природоемкостью. Так, только прекращение производства и «переплавка» тяжелых вооружений – военных кораблей, самолетов, танков, орудий, ракет и т. п. – может, по оценкам специалистов, «облегчить» мировую эконо-

мику на 15–18 %. Почти такой же эффект может быть достигнут за счет 50%-го сокращения производства и эксплуатации легковых автомобилей, которые крайне антиэкологичны, неэффективны и становятся все большим излишеством в эпоху совершенствования средств связи. Заметный резерв сокращения масштабов экономики содержится и в отказе от избыточных ассортиментов вторичных средств потребления, которые приносят больше вреда, чем пользы. Некоторые авторы видят выход в добровольном отказе от излишеств, в подобию потребительского аскетизма, в принятии принципа «добровольной простоты». Однако в большинстве случаев ограничение потребностей связано не столько с внутренними независимыми побуждениями людей и с пропагандой, сколько с экономическими обстоятельствами [15].

Третий этап перехода РФ к устойчивому развитию – решение проблемы гармонизации взаимодействия с природой всего мирового сообщества, формирование сферы разума (ноосферы).

В данном случае речь идёт о представлениях о «светлом будущем» русского учёного В.И. Вернадского, который в начале 1920-х гг. пришел к мысли, что изменение природы «силой культурного человечества» становится явлением геологического масштаба. Человек как часть биосферы своим трудом многократно усиливает планетарную функцию живого вещества, она все больше становится управляемой человеческим разумом. Этот процесс естественно и неизбежно приводит к постепенному преобразованию земной биосферы в «мыслящую оболочку», сферу разума – ноосферу. Ноосфера, по В.И. Вернадскому, – высший этап развития земной природы, результат совместной эволюции природы и общества, направляемой человеком; будущее биосферы состоит в том, что она благодаря разумной деятельности и могуществу человека приобретает новую функцию – функцию гармоничной стабилизации условий жизни на планете. Эпохе ноосферы должна предшествовать глубокая социально-экономическая реорганизация общества, изменение его ценностной ориентации [16].

Заключение. На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Современная экономика ориентирована на удовлетворение всё большего количества материальных потребностей. Этому способствуют: господствующая научная эко-

номическая парадигма, базирующаяся на модели рационального человека, стремящегося максимально удовлетворить свои потребности; образ жизни людей, особенно в развитых странах, связанный с получением большого количества удовольствий в виде экономических благ; а также стремление производителей стимулировать объемы продаж с целью получения большей прибыли.

2. Большие объемы производства и потребления продукции приводят к использованию значительного количества природных благ, которые близки к истощению. К сожалению, экономический рост не приводит к обеспечению всех людей на Земном шаре необходимыми благами и создает ситуацию неравенства в получении ресурсов и благ как внутри стран, так и между развитыми и развивающимися странами, между поколениями.

3. Возникшая ситуация может быть устранена за счет формирования и развития экономики устойчивого развития, ориентированной на ведение хозяйственной деятельности в условиях экологических и социальных ограничений. Её сущность определяется положениями концепции устойчивого развития, принятой представителями стран на Конференции ООН в 1992 г.

4. Важными направлениями формирования экономики устойчивого развития являются: основные структурные преобразования в экономике, технологическое обновление, экологизация процесса социально-экономического развития.

5. Структурные преобразования в экономике предусматривают экореструктуризацию экономики, представляющую собой процесс перестройки отраслевой структуры национальной экономики в направлении смягчения существующих в ней деформаций путем сокращения спроса на продукцию «грязных», ресурсо- и материалоемких производств либо модернизации отраслей-потребителей данной продукции.

6. Технологическое обновление предусматривает экологическую модернизацию производства, касающуюся внутриотраслевых изменений, происходящих в результате коренного технико-технологического обновления производства. Конечным результатом экологической модернизации производства должно стать его превращение в экологически чистое, ориентированное на предотвращение образования отходов и производство безопасной продукции.

7. Экологизация процесса социально-экономического развития, подразумевает:

включение экологических условий, факторов и объектов в число экономических категорий как равноправных с другими категориями богатства; формирование экологически безопасной модели рыночной экономики, корректировку рыночных провалов в экологической сфере; модификацию ценностных и целевых приоритетов макроэкономической политики, внедрение и обеспечение действия механизмов экологического регулирования.

1. *Forrester F. W.* World dynamics. – Cambridge (Mass.), 1971.

2. *Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W. III.* The limiting to growth. – N. Y. : Potomac, 1972.

3. *Mesorovic V., Pestel E.* Manking at the Turning Point. – N. Y. : Dutton, 1974.

4. Повестка дня на XXI век. – URL : <http://www.un.org> (дата обращения: 25.11.2014).

5. *Акимова Т. А., Мосейкин Ю. Н.* Экономика устойчивого развития : учеб. пособие. – М. : Экономика, 2009. – 430 с.

6. *Афанасьева О. В.* Информационная открытость и проблема устойчивого развития // Вопросы философии. – URL : http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=535 (дата обращения: 25.11.2014).

7. *Кальнер В. Д.* Экологическая парадигма глазами инженера. – М. : Калвис, 2009. – 400 с.

8. Эффект лампочки. Тайная история запланированного устаревания (2010). – URL :

<http://www.youtube.com/watch?v=AD-eVGFnTqk> (дата обращения: 25.11.2014).

9. Global Footprint Network. – URL : <http://www.footprintnetwork.org/en/index.php/GFN/> (дата обращения: 25.11.2014).

10. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. – М. : Прогресс, 1989. – 376 с.

11. *Мэнкью Н., Тейлор М.* Макроэкономика. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2013. – 560 с.

12. Навстречу «зелёной» экономике: путь к устойчивому развитию и искоренению бедности: доклад Программы ООН по устойчивому развитию. – URL : http://www.un.org/ru/development/sustainable/ger_synthesis.pdf (дата обращения: 25.11.2014).

13. Об охране окружающей среды : Федеральный закон № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. – URL : <http://www.consultant.ru/popular/okrsred> (дата обращения: 04.10.2015).

14. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 219-ФЗ от 24 июля 2014 г. – URL : <http://www.base.garant.ru/20700466/> (дата обращения: 04.10.2015).

15. Добровольная экологическая деятельность: неиспользуемые возможности / Т. В. Гусева, А. Е. Хачатуров, С. В. Макаров и др. – М. : Социально-экологический союз, 1999. – 76 с.

16. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 575 с.

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В ОПРЕДЕЛЕНИИ
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

**THE ROLE OF REGIONAL MYTH CREATION IN STRATEGY OF TERRITORIAL DEVELOPMENT'S
DEFINITION (CASE OF REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Д.Ш. Мурзина

D.Sh. Murzina

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
Kazan National Research Technological University*

Статья поступила в редакцию 13 июля 2015 г.

Определение целей в политике территории входит в число обязанностей политической элиты. В условиях демократического государства это должно происходить при участии и с учетом интересов членов гражданского общества. Федеративное государственное устройство России обуславливает необходимость осуществления целеполагания со стороны правящего класса как на уровне федерального центра, так и на уровне субъектов Федерации. Политические процессы, протекающие в российских регионах, свидетельствуют о приоритете интересов правящего класса, находящих отражение в региональных мифологиях. Мифосюжеты, наряду с реализацией иных функций, выступают в субъектах Российской Федерации в качестве средства обоснования избранного региональной элитой политического курса. Исследование кейса, в качестве которого был выбран политический процесс в Республике Татарстан, показало, что в большинстве своем мифотворчество осуществляется с целью дезориентации массового сознания и легитимации принимаемых региональной элитой политических решений. При этом позитивная сторона не принимается во внимание функционирования регионального мифа, например, маркетинг территории и противодействие централизации власти. Смена приоритетов в деятельности региональной политической элиты России, а также изменение качества взаимоотношений с федеральным центром находят свое отражение в процессе мифотворчества, а впоследствии и в выборе стратегии развития региона. Исследование динамики мифологизации массового сознания жителей Республики Татарстан в 1990-е и 2000-е гг. продемонстрировало наличие изменений в задачах мифотворческой деятельности правящего класса региона, отразившееся в появлении новых и депопуляризации прежних мифосюжетов. Несмотря на это, цели мифотворчества – захват и удержание власти – остались неизменными.

Definition of goals in territorial politics is one of the duties of political elite. In democratic state it should include civic society's activity and take into account its interests. Russian federal state structure necessitates target settings by federal and regional elites. Political processes in Russian regions demonstrate the priority of the ruling elite interests that are reflected in regional mythologies. Myth topics simultaneously with other activities validate elite's policy. Case study of political process in Republic of Tatarstan showed that myth creation is aimed to disorient mass consciousness and legitimate elite's policy decisions more often. At the same time positive side of myth functioning is ignored, for example, region's marketing or opposition to power's centralization. The change of priorities in regional political elite's activity and of quality in relations with federal center is reflected in the myth creation process and after – in the strategy of regional development selection. An analysis of dynamics of myth expansion in mass consciousness in Republic of Tatarstan in 1990-es and in 2000-es showed changes in myth creation's objects which were reflected in occurrence of new myth plots and in unpopularity of previous ones. Despite of these facts the main goal of myth creation which is assumption and keeping of power remained the same.

Ключевые слова: регион, правящая элита, региональный миф, мифотворчество, стратегия развития.

Key words: region, ruling elite, regional myth, myth creation, the strategy of development.

Введение. Распад Советского Союза и крах коммунистической идеологии спровоцировали острый социокультурный кризис конца XX в., нашедший свое отражение в массовом политическом сознании жителей России. В этот период началось создание новой государственности с качественно иным содержанием ее территориально-государственного устройства, что способствовало рождению мифологических сюжетов, способных выступить средством психологической

компенсации как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов.

В субъектах Российской Федерации широкое распространение получила деятельность правящей элиты, направленная на иррационализацию массового сознания средствами региональной мифологии. Последствия целенаправленной мифологизации сознания населения российских регионов в 1990-е гг. оказались значимыми в политическом процессе субъектов Федерации и страны в целом.

Субъект Федерации является точкой роста в развитии всей страны. Стратегия развития региона должна выстраиваться с учетом его потенциала, а также интересов и потребностей ее жителей. Одной из важнейших функций политической элиты традиционно считается определение приоритетов развития территории. На этой основе впоследствии выстраивается политический курс правящего класса. Реализация данной функции в политическом пространстве современной России, находя преломление через специфические интересы правящего класса, зачастую связанные с удержанием собственной власти и конвертацией ее в материальные благосостояния, значительно искажается.

В условиях проведения политики демократизации в 1990-е гг. возникла необходимость в легитимации нового политического руководства со стороны электората, избранной им стратегии развития страны и ее регионов. В данных обстоятельствах правящая элита как на уровне федерального центра, так и на уровне субъектов федерации, не имея возможности рациональным путем обосновать непопулярные среди большинства населения решения, зачастую стала обращаться к мифотворчеству как технологии манипуляции общественным сознанием.

Обзор литературы. Проблеме политического мифа, а также его использованию со стороны властных акторов посвящены работы ряда зарубежных и отечественных исследователей. Ж. Сорель впервые рассматривает политический миф как средство мобилизации масс [1]. Роль мифа в процессе политической коммуникации также рассматривает Г. Лассвелл [2]. Политический миф как средство манипуляции сознанием рассматривался в трудах немецкого философа Э. Кассирера [3]. Ритуально-символические аспекты политики стали предметом анализа американского исследователя М. Эдельмана [4].

Среди современных политологических работ отечественных авторов, посвященных проблематике политического мифа, следует особо отметить работы Н.И. Шестова [5], в которых он рассматривает миф как фактор политического процесса. Роль мифа в процессе политической идентификации рассматривает С.П. Поцелуев [6]. Анализ структуры мифологического сознания представлен в работе В.С. Полосина [7]. Место мифа в рамках процесса формирования сакрального образа власти рассматривают А.А. Вилков и Т.И. Захарова [8].

Особую научную проблему представляет производство и использование политических мифов региональными политическими элитами. Теоретическое понимание отдельных сущностных сторон регионального мифа представлено в работе В.Д. Нечаева [9], где он рассматривает роль мифа в процессах легитимации власти региональной элиты, а также в исследованиях А.К. Магомедова [10], В.М. Назукиной [11], В.А. Ачкасовой [12] и др.

Особенности мифологизации сознания в отдельных российских регионах рассмотрены в работах Л.Е. Бляхера [13], Н.С. Шкурко [14], И.С. Башмакова [15], Д.Ш. Мурзиной [16].

Гипотезы и методы исследования. В ходе исследования нами была выдвинута гипотеза, согласно которой мифотворчество региональных политических элит России детерминирует выбор стратегии развития региона в сознании электората и в большинстве своем отвечает интересам правящего класса.

В работе использовались сравнительно-исторический, структурно-функциональный методы, метод case-study и метод контент-анализа. Сравнительно-исторический метод позволил рассмотреть динамику мифологизации сознания жителей субъектов Российской Федерации в 1990-е и 2000-е гг., выявить факторы, обуславливающие изменения в региональной стратегии развития. Использование структурно-функционального метода способствовало рассмотрению процесса мифотворчества в его целостности, выявлению объекта и субъекта мифотворчества, их целей и задач.

В качестве кейса была выбрана Республика Татарстан, что обусловлено ее особой ролью в процессах федерализации страны и высокой активностью правящего класса в мифологизации массового сознания. При написании статьи было проведено исследование дискурса региональной политической элиты Татарстана, а также материалов республиканских печатных и электронных СМИ.

Результаты исследования. Как и во многих российских регионах, в период формирования российской государственности в начале 1990-х гг. в Республике Татарстан не произошло кардинальной смены политической элиты, налицо лишь замена ее политических ориентиров, что потребовало новых факторов легитимации власти правящего класса.

В условиях авторитарной власти и слабости гражданского общества в 1990-е гг.

республиканская политическая элита Татарстана становится единственным субъектом, участвующим в процессе принятия политических решений, что, в свою очередь, позволяет ей единолично определять вектор стратегического развития субъекта федерации. Налицо монополия в постановке проблем, стоящих перед регионом, и в определении путей их решения. Мифотворчество региональной элиты в этих условиях обеспечивает ей вотум доверия со стороны республиканского населения. Центральным сюжетом региональной мифологии выступает проблема взаимоотношений по линии «центр – регионы». Последующие мифологемы, конструируемые правящей элитой этого региона, непосредственно с ней связаны.

В 1990-е гг. политическая элита Татарстана намеренно обостряет в сознании общественности кризисные настроения. Эффективным инструментом здесь выступает планомерное формирование образа «врага», в лице которого выступает федеральная власть, чьей деятельности приписываются неудачи внутренней политики региональной власти, актуализируются исторические обиды. Обретение максимальной независимости от Москвы и федеральных чиновников воспринимается как способ решения проблем жителей республики и выступает центральной основой в стратегии деятельности правящего класса и дальнейшего развития региона в целом. Как оказалось впоследствии, получив самостоятельность в решении ряда вопросов, общая масса населения Татарстана столкнулась с ростом социального расслоения, несправедливыми итогами приватизации республиканской собственности, отсутствием у рядовых граждан возможности попасть в ряды республиканской политической элиты и получить доступ к вытекающим из властного положения привилегиям и т. д.

В 2000-е гг. с началом проведения федеральным центром политики по укреплению «вертикали власти» стратегия деятельности элиты и приоритеты развития Республики Татарстан претерпевают изменения. Главной тактикой татарстанской элиты становится демонстрация лояльности политическому курсу Москвы, а центральным направлением стратегии развития республики – демонстрация ее передовой роли в разных областях федеральной политики.

В кризисный период 1990-х гг. региональная мифология в Татарстане отличалась повышенной эмоциональностью, конфрон-

тационностью, порой даже «воинственностью». В дальнейшем в эпоху стабилизации политического процесса и усиления зависимости от федерального центра меняются приоритеты республиканских идеологов. В нулевые годы XXI в. Татарстан демонстрирует свою приверженность решениям, принимаемым федеральным центром, за исключением редких случаев противостояния с ним по вопросам, тесно связанным с особым статусом республики, полученным ею в конце XX в. При этом стоит отметить, что данные конфликтные взаимодействия отличаются умеренным характером, меньшей масштабностью, редкой частотой и кратковременностью, и в большинстве своем заканчиваются принятием позиции центра. Складывается ощущение, что для руководства республики – как инициатора противостояний – скорее важен не результат, а демонстрация своей деятельности. Это можно объяснить желанием татарстанской элиты сохранить «лицо» региона-пионера в процессах суверенизации 1990-х гг., нежелающего расставаться с прежней политической самостоятельностью и остерегающегося вмешательства федерального центра во внутренние дела республики.

Новшества в региональной мифологии в 2000-е гг. зачастую становятся связанными с продолжением федеральной политики на местах, являются данью федеральной «моде», а нередко и средством получения федеральных вливаний в местный бюджет. У центра перенимались такие инициативы, как проведение Универсиады летом 2013 г. в качестве «генеральной репетиции» грядущих XXII зимних Олимпийских игр в Сочи, создание вслед за инновационным центром Сколково «умного» города Иннополиса в Верхнеуслонском районе Татарстана, сюда же можно причислить претензии на лидерство в инновационном развитии регионов России и др.

Зарубежный опыт показывает, что региональная мифология способна выполнять весьма позитивные политические функции, такие как интеграция местного сообщества, психологическая компенсация комплекса провинциализма, маркетинг территории. Реализация этих функций может сыграть весомую роль в выборе стратегии развития региона, отвечающей вызовам времени, и способна адекватно реализовать его потенциал. Однако политические процессы в регионах России, в частности в Республике Татарстан, демонстрируют, что в настоящее время глав-

ным приоритетом деятельности правящего класса субъектов Федерации становится реализация его узкогрупповых интересов, что находит отражение в региональной мифологии, выступающей важнейшим обоснованием выбора определенной стратегии развития региона. Таким образом, политический процесс в России демонстрирует высокий спрос среди представителей региональной правящей элиты на использование мифа в качестве средства манипуляции сознанием, при этом в политической практике не уделяется внимание позитивной значимости мифа. Так, в нулевые годы XXI века оказание правящей элитой воздействия на массовое сознание средствами регионального мифа протекает наряду с забвением такой его важной функции, как способность препятствовать процессам чрезмерной централизации власти, осуществляемым в рамках политики федерального центра.

Региональное мифотворчество политической элиты регионов России влечет за собой создание препятствий для формирования развитого гражданского общества, состоящего из индивидов, способных на основе объективного анализа и, вероятно, критики существующей власти осуществлять общественный контроль над правящим классом субъектов федерации, участвовать в определении приоритетов развития регионов России. Умаление ряда гражданских и политических прав населения приводит к лишению его политической субъектности.

Заключение. Проведенное нами исследование политического процесса в Республике Татарстан показало, что на протяжении новейшей истории России республиканская политическая элита активно использовала мифы в арсенале механизмов управления. В 1990-е гг. региональный миф служил созданию позитивного образа представителей республиканской власти для победы на выборах и дальнейшей легитимации избранного политического курса. С этой целью активно выстраивался образ «врага» в лице органов федеральной власти, и впоследствии это нашло отражение в региональной стратегии развития, суть которой свелась к демонстрации политико-экономической независимости республики.

В 2000-е гг. мотив завоевания власти сменяется задачей ее удержания в условиях долговременного присутствия одних и тех же лиц на вершине властной иерархии либо низкой результативности проводимой поли-

тической элитой политики. Стратегия развития региона выстраивается в русле общефедерального курса.

Таким образом, несмотря на смену задач процесса мифотворчества, его цель оставалась неизменной. Мифотворчество правящего класса Республики Татарстан отвечало прежде всего его интересам, позволяло сохранить властные позиции и в соответствии с этим объясняло изменения в выборе региональной стратегии развития.

Сегодня можно спрогнозировать очередные новации в процессе мифотворчества региональных политических элит России в связи с переходом к процедуре избрания глав субъектов Федерации и необходимостью выстраивания доверительных взаимоотношений как с избирателями, так и с органами федеральной власти. Эти изменения, возможно, лягут в основу новой стратегии развития регионов России.

1. *Сорель Ж.* Социальный миф и революция. – URL : <http://www.anarh.ru/anarch/9/socmif.html> (дата обращения: 04.06.2015)

2. *Лассвелл Г.* Язык / пер. М. В. Толмачева // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – С. 264–279.

3. *Cassirer E.* The Myth of the State. – URL : <http://www.bookfi.org/book/1254371> (дата обращения: 14.06.2015).

4. *Edelman M.* Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. – Chicago, 1971. – 143 p.

5. *Шестов Н. И.* Политический миф теперь и прежде. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 409 с.

6. *Поцелуев С. П.* Символические средства политической идентичности: к анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т. Г. Стефаненко. – М., 2001. – С. 106–159.

7. *Полосин В. С.* Миф. Религия. Государство. – Ладомир, 1999. – 440 с.

8. *Вилков А. А., Захарова Т. И.* Сакральные основания власти в политической жизни России. – Саратов : Издат. центр «Наука», 2010. – 200 с.

9. *Нечаев В. Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. – М. : Изд-во Ин-та Африки РАН, 1999. – 158 с.

10. *Магомедов А. К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «сни-

зу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М. : Московский общественный науч. фонд; ООО «Издат. центр научных и учебных программ», 2000. – 224 с.

11. *Назукина М. В.* Конструирование политических мифов как способ формирования позитивной известности регионов России. – URL : http://www.fondedin.ru/dok/04_Nazukina_v.pdf (дата обращения: 02.06.2015).

12. *Ачкасова В. А.* Политическое мифотворчество как способ выражения региональных интересов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. V. – № 3. – С. 96–107.

13. *Бляхер Л. Е.* Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 28–39.

14. *Шкурко Н. С.* Интерпретация социальной памяти регионального сообщества в политических мифах Якутии // Регионоведение. – 2011. – № 1. – URL : <http://www.regionsar.ru/node/645?page=0,1> (дата обращения: 17.06.2015).

15. *Башмаков И. С.* Региональная мифология как инструмент символической политики в формировании территориальной общности Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 2. – URL : <http://www.teoria-practica.ru/-2011/politika/bashmakov.pdf> (дата обращения: 13.06.2015).

16. *Мурзина Д. Ш.* Роль региональных мифов в сознании россиян // Власть. – 2013. – № 7. – С. 102–104.

ЗДОРОВЬЕ БЕЗ ДЕНЕГ – МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА?

HEALTH WITHOUT MONEY – MISSION IMPOSSIBLE?

С.И. Нестерова

S.I. Nesterova

Международный институт рынка, Самара
International Market Institute, Samara

Статья поступила в редакцию 1 июля 2015 г.

На современном этапе социально-экономического развития нашей страны ситуация, сложившаяся в российском здравоохранении, может быть охарактеризована как кризисная. Похожее положение дел существует в большинстве стран постсоветского пространства. Действующая система финансирования здравоохранения не может быть названа эффективной, так как ресурсы расходуются не оптимально, население не удовлетворено работой лечебно-профилактических учреждений, медицинский персонал – условиями труда и заработной платы, государство – слишком затратной отраслью, постоянные вложения в которую не приносят значимого результата. В статье представлено положение России в сравнении с другими странами мира по уровню развития системы здравоохранения. Проводится анализ российской системы финансирования здравоохранения в сравнении с передовыми зарубежными странами, даются рекомендации относительно возможных путей решения проблем, накопленных в медицине.

At the present stage of socio-economic development of our country the situation in the Russian health sector can be characterized as a crisis. A similar situation exists in most countries of the former Soviet Union. The current health financing system cannot be called effective because resources are not spent optimally, the population is not satisfied with the work of medical institutions, medical personnel – with the labor conditions and wages, the state – with too costly industry, permanent investment in which do not bring significant results. The article presents the position of Russia in comparison with other countries in terms of development of the health system. The analysis of the Russian system of health care financing in comparison with foreign advanced countries is given, possible solutions of the problems accumulated in medicine are recommended.

Ключевые слова: финансирование здравоохранения, лекарственное страхование, государственная программа, медицинские услуги, превентивная медицина, тарифная ставка, лекарственная безопасность, ленивая монополия.

Key words: health funding, medical insurance, government program, health services, preventive medicine, tariff rate, drug safety, lazy monopoly.

Введение. В настоящее время проблема финансирования здравоохранения становится все более актуальной. Множественные реформы, проводимые в данной отрасли экономики, вследствие отсутствия в них системности привели к кризису здравоохранения, о чем свидетельствует существенное увеличение смертности как на дому, так и в медицинских учреждениях, зафиксированное в 2014 г. Существующая в настоящая время система финансирования отрасли неспособна в достаточной степени обеспечить ресурсные потребности медицинских учреждений. Нехватка денежных средств с возрастающей потребностью населения в качественных медицинских услугах повышает значимость решения задачи более эффективного распределения имеющихся ресурсов и нахождения дополнительных источников финансирования.

Обзор литературы. Проблемы оптимизации финансирования здравоохранения исследуются в России не один десяток лет, что подтверждается большим количеством публикаций по данной теме. Так, можно выделить работы А.М. Афанасьева, И.Т. Балабанова, Н.И. Вешнякова, Ф.Н. Кадырова, В.Н. Моккина, Ю.П. Лисицына, А.В. Решетникова, К.П. Янковского и др. В публикациях в основном уделяется внимание зарубежным системам финансирования здравоохранения, которые сравниваются с отечественной, вопросам функционирования обязательного медицинского страхования, оценивается возможность приватизации государственных лечебно-профилактических учреждений. Большую значимость имеют работы С.А. Банина (см., например: [1]), доказавшего на российском примере идею Marc Suhrcke, Martin McKee,

Logenzo Rosso о том, что в здравоохранении так же, как и в промышленности, действует закон убывающей предельной отдачи [2]. Кроме того, он подтверждает идею академика Ю.М. Комарова о наличии перекоса в финансировании медицины в сторону «третьего здравоохранения».

Гипотезы и методы исследования. Приступая к исследованию, мы выдвинули гипотезу о том, что проводимые крупномасштабные реформы в здравоохранении не способствовали улучшению ситуации. В сравнении с зарубежными странами Россия существенно отстает в уровне развития системы здравоохранения. Действующие программы медицинского финансирования не были должным образом продуманы и не носят системного характера, что выливается в неудовлетворен-

ность населения качеством оказываемых медицинских услуг.

В ходе работы применялись методы статистических и социологических исследований, системного анализа, диалектический и компаративный методы.

Результаты исследования. Здоровье является важнейшей составляющей качества трудовых ресурсов, от которых зависит устойчивость социально-экономического развития государства. Обобщающими показателями состояния здоровья населения являются смертность и ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Если обратиться к данным Росстата, то можно наблюдать положительную динамику как одного, так и другого показателя.

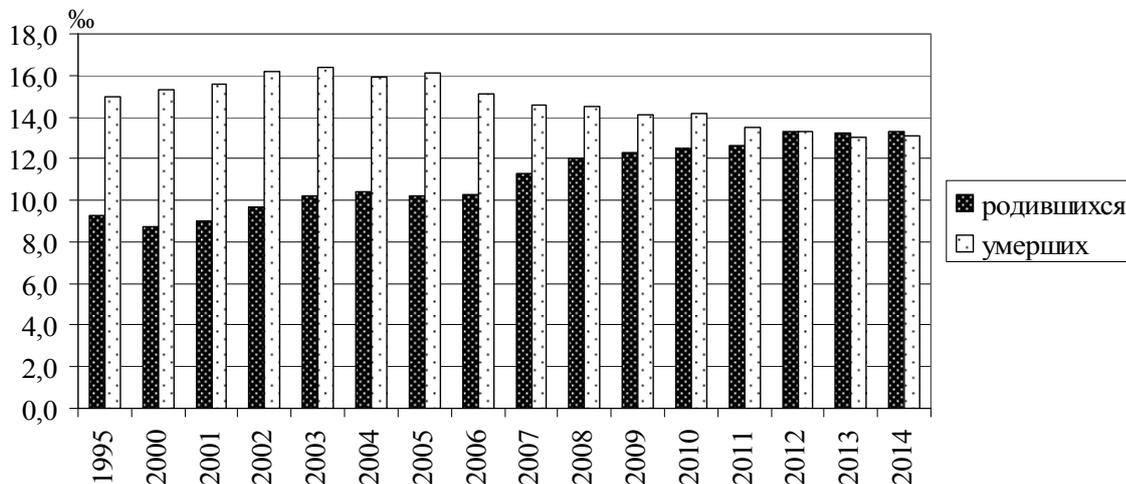

Рис. 1. Динамика численности родившихся и умерших на 1000 человек населения, чел. [3]

Как видно из рис. 1, за период с 2000 г. по 2014 г. количество родившихся на 1000 человек населения увеличилось с 8,7 до 13,3, а количество умерших снизилось с 15,3 до 13,1 человека. В 2013 г. впервые с 1992 г. наблюдается положительный естественный прирост населения, составивший 24 тыс. человек. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 1990 г. по 2014 г. на 1,74 года – с 69,19 до 70,93 года.

Вместе с тем демографический кризис в стране не преодолен, о чем свидетельствуют прогнозы Росстата (см. рис. 2). Даже при самом оптимистическом сценарии развития событий, начиная с 2021 г. в России все равно будет отрицательный естественный прирост населения. При более пессимистичном варианте результаты будут, соответственно, еще хуже.

Кроме того, несмотря на произошедшие позитивные изменения, России есть куда

стремиться, так как в соответствии с рейтингом продолжительности жизни, составленном Программой развития ООН, наша страна занимает лишь 129 место среди 191 возможных со средней продолжительностью жизни 68 лет [4]. При этом нашими соседями по списку являются Узбекистан (128 место) и Соломоновы Острова (130 место). Если же обратиться к рейтингу стран мира по уровню развития здравоохранения, то ситуация видится еще более печальной: наша страна здесь занимает последнее место среди 51 возможных. Данный рейтинг, составляемый агентством Bloomberg, базируется на трех ключевых показателях, которые определяют эффективность системы здравоохранения: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, государственные затраты на здравоохранение в виде процента от ВВП на душу населения, стоимость медицинских услуг в пересчете на душу населения [5].

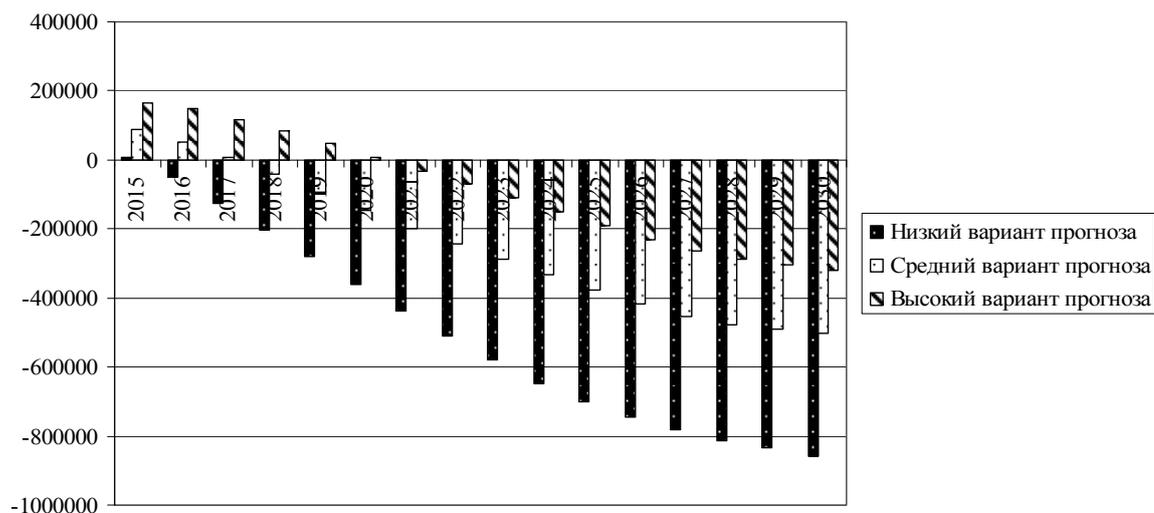

Рис. 2. Прогнозируемый естественный прирост населения России, чел. [3]

Как показал проведенный корреляционный анализ, наиболее значимым компонентом, влияющим на место в рейтинге, является средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (коэффициент корреляции составил 0,76), вторым по значимости показателем стали государственные затраты на здравоохранение (коэффициент корреляции составил $-0,41$), а это именно те показатели, по которым Россия наиболее сильно отстает от других стран-участниц исследования. Так, например, лидер рейтинга – Сингапур имеет среднюю ожидаемую продолжительность жизни 82,1 года, что на более чем 14 % выше, чем в России. В то же время стоимость медицинских услуг в пересчете на душу населения в нашей стране на 43,5 % больше чем в Мексике, занимающей 12 строчку списка.

Проблема недостаточности финансирования системы здравоохранения является не новой в экономике современной России. В нашей стране по данным ВОЗ на медицину

тратится около 6–7 % ВВП, что соответствует нормам, рекомендуемым данной организацией [6]. Однако при сравнении этих цифр с данными Росстата оказывается, что первые завышены в 1,5 раза.

Как бы то ни было, большинство стран мира, особенно развитые государства, вкладывают в медицину гораздо больше, помня о том, что здоровые люди – это важнейший фактор конкурентоспособности государства. Так, например, в соответствии с рейтингом стран мира по уровню расходов на здравоохранение лидером является Тувалу, чьи затраты составляют 20 % от ВВП; США, Маршалловы Острова тратят по 17 %, Нидерланды и Микронезия – по 13 % от ВВП [7]. В целом же в развитых странах расходы на медицину составляют около 10 %. Причем, как показывает корреляционный анализ (см. табл.), расходы на медицину не зависят ни от размеров ВВП, ни от удельного валового национального дохода.

Результаты оценки тесноты связи между расходами на медицину, размером ВВП и валовым национальным доходом на душу населения

	<i>Расходы на медицину</i>	<i>Размер ВВП</i>	<i>Валовый национальный доход на душу населения</i>
<i>Расходы на медицину</i>	1		
<i>Размер ВВП</i>	0,077614	1	
<i>Валовый национальный доход на душу населения</i>	0,033549	0,168694	1

Неудивительно, что данные опросов населения однозначно свидетельствует о том, что жители нашей страны не удовлетворены состоянием системы здравоохранения. Так,

например, по результатам Всероссийского репрезентативного опроса населения НИУ ВШЭ и ВЦИОМ, проводимого в 2009 г., 53 % респондентов отметили, что система здраво-

охранения находится в плохом состоянии и 40 % – в удовлетворительном. Только 5 % опрошиваемых отметили ее хорошее состояние [8]. В 2013 г. ситуация мало изменилась: количество респондентов, отметивших, что здравоохранение находится в плохом состоянии, составило 55 %, в удовлетворительном – 37 %, в хорошем – 6 % [9]. Результаты собственного опроса, проведенного в июне 2015 г., оказались практически такими же: по мнению 58 % респондентов здравоохранение находится в плохом состоянии, 34 % – в удовлетворительном, 4 % – в хорошем.

Очевидно, что ухудшение социально-экономической обстановки, наблюдаемое в настоящее время, еще больше усложнит ситуацию в здравоохранении. С увеличением безработицы и снижением реальных доходов населения все больше граждан нашей страны будет вынуждено обращаться в бесплатные клиники, где и без того нагрузка на медицинский персонал чрезмерна. Предполагается, что ситуацию позволит исправить государственная программа «Развитие здравоохранения», рассчитанная до 2020 г. В ее рамках на финансирование медицины планируется выделить 26 620 873 019,5 тыс. руб., в том числе: из федерального бюджета – 2 451 185 163,2 тыс. руб.; из консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации – 11 079 448 074,3 тыс. руб.; из Федерального фонда обязательного медицинского страхования – 13 090 239 782 тыс. руб. [10]. Авторы программы утверждают, что ее реализация позволит существенно сократить потребление алкоголя и табака, увеличить продолжительность жизни до 74,3 года, повысить заработную плату врачам, среднему и младшему медицинскому персоналу в 2–3 раза. Однако текущее состояние экономики ставит под сомнение реальность выполнения заявленной программы, поскольку в последнее время наблюдается снижение доходов экономических агентов, что ведет к сокращению налоговых платежей в бюджеты разных уровней, а также уменьшению отчислений в Фонд обязательного медицинского страхования. Перевод же финансирования здравоохранения с муниципального уровня на уровень субъектов РФ и ФОМС еще больше способствовал дефициту средств на оказание бесплатной медицинской помощи. Все это вместе с масштабной оптимизацией системы здравоохранения уже привело к печальным последствиям.

Так, в 2014 г. наблюдается сокращение медицинских работников на 90 тыс. чел., ко-

личество больничных коек – на 33 757 шт., из 359 медицинских организаций, участвовавших в оптимизации, закрыто 26, а 330 потеряли свою самостоятельность. Невозможность оказать качественную медицинскую помощь в нужный срок привела к увеличению внутрибольничной летальности, которая была отмечена в 61 регионе, большая часть из которых – дотационные территории. Всего в медицинских учреждениях в 2014 г. умерло на 17,9 тыс. чел. больше, чем в предшествующем году. Вместе с этим отмечается и увеличение смертности на дому [11]. Несмотря на ужасающие последствия проведенных мероприятий, останавливаться на достигнутом никто не собирается. К концу 2018 г. планируется уменьшить количество больниц на 11,2 %, а поликлиник – на 7,2 % по сравнению с 1 января 2014 г. Возникает два вопроса: почему это происходит и что делать?

На наш взгляд, для ответа на первый вопрос достаточно понять, как воспринимается медицинская отрасль. В большинстве развитых стран в этом секторе экономики производится около 10,5 % ВВП. У нас же традиционно медицина считается непродуктивным и затратным сектором экономики. В то же время передавать здравоохранение в частные руки государство также не хочет: на сегодняшний день объем услуг, оказываемый частными медицинскими учреждениями, составляет только 5 % [12].

Если обратиться к передовому опыту зарубежных стран, то можно увидеть, что там организация оказания медицинских услуг совершенно другая. В развитых странах и клиника, и врач являются коммерческими субъектами, оказывающими услуги, которые оплачивает клиент. Например, во Франции около 53 % всех медицинских работников приходится на частнопрактикующих врачей, поскольку большая часть медицинских услуг предоставляется именно частными врачами, а не клиниками [13]. Это позволяет не тратить на дорогое оборудование, а направлять биоматериалы пациента в специализированные, хорошо оснащенные лаборатории, что обеспечивает их загрузку и общее снижение издержек в данном секторе экономики. Все врачи сотрудничают с крупными клиниками, где проходят лечение их клиенты, поэтому медицинские учреждения заинтересованы в хороших специалистах, пользующихся спросом у пациентов, а врачи – в хороших клиниках, где клиенты могут получить комплексные услуги. Отсюда следует, что сис-

тема работает по рыночной модели: слабые, недостаточно подготовленные игроки уходят с рынка, поскольку не выдерживают конкуренции с сильными участниками.

Тарифная ставка по взносам на медицинское страхование для работодателей Франции более чем в 2 раза выше, чем для российских, однако и уровень оказания медицинских услуг там принципиально иной. Исследователи отмечают, что повышение взносов в России не приведет к положительным изменениям в здравоохранении, так как из-за увеличения страхового бремени предприниматели уйдут в тень или закроют бизнес. Для подтверждения утверждения можно привести в пример ситуацию, сложившуюся с самозанятыми гражданами, количество которых резко сократилось в 2013 г. после увеличения для них тарифов во внебюджетные фонды [14]. Однако следует отметить, что нежелание жителей нашей страны платить высокие взносы во многом объясняется тем, что они не видят от этого реальной пользы. Граждане не получают желаемого качества услуг, что, собственно, понятно, ведь в государственной клинике время, закладываемое на одного пациента, составляет 15 минут. За это время врач должен не только выслушать пациента, провести осмотр, дать рекомендации, но и заполнить документы. Рост зарплат медицинских работников, о которых с гордостью сообщают СМИ, достигается за счет того, что врачи вынуждены работать на 1,5–2 ставки, что неизбежно ведет к возрастанию риска ошибок. За счет объединения лечебно-профилактических учреждений увеличиваются и очереди, что вынуждает пациентов прибегать к платным медицинским услугам, которые зачастую оказываются в этой же поликлинике. По итогам 2014 г. объем платных услуг населению увеличился на 24 % [15]. Таким образом, получается, что бесплатными медицинскими услугами пользуются те, кто платить не в состоянии. Исходя из этого очевидно, что планируемое увеличение тарифов можно проводить только при росте эффективности медицинских услуг. Это возможно при повышении производительности труда медицинских работников, культуры обслуживания пациентов, конкуренции между лечебно-профилактическими учреждениями, которые в настоящее время ведут себя как «ленивые монополии».

Повышение конкуренции между лечебно-профилактическими учреждениями возможно за счет предоставления им большей

самостоятельности, что следует обеспечить с помощью смены их организационно-правовой формы. Существенным недостатком бюджетного учреждения является финансирование на основе сметы доходов и расходов, что не способствует оптимизации расходования ресурсов. При смене статуса на автономный организация получит свободу в решении хозяйственных вопросов, возможность самостоятельно распоряжаться денежными средствами, однако данная организационно-правовая форма будет востребована только эффективными хозяйствующими субъектами, поскольку предусматривает увеличение рисков операционной деятельности. В случае принятия соответствующего закона требуется проведение разъяснительной работы среди участников рынка, поскольку, как показывает проведенный опрос [16], они плохо понимают специфику работы автономных учреждений, что может вызвать социальную напряженность в обществе, поскольку смена организационно-правовой формы может быть воспринята как скрытая приватизация медицинских учреждений.

Необходимо сместить акценты с лечения на предупреждение и раннее диагностирование заболеваний. Это будет обходиться бюджету существенно дешевле главным образом за счет экономии на больничных, увеличении продолжительности трудовой активности граждан. Развитые страны это давно уже поняли и буквально заставляют человека заниматься своим здоровьем, в первую очередь за счет ценовой разницы страховок. Так, страховые компании устанавливают существенно выше тарифы для людей, которые отказываются от ежегодного скрининга [17].

Безусловно, в России наблюдаются положительные изменения в превентивной медицине. Особо следует здесь отметить национальный проект «Здоровье», самым существенным достижением которого является возрождение советской обязательной диспансеризации. Еще одним знаковым проектом можно назвать проект «Здоровая Россия», предполагающий открыть по всей стране центры здоровья, где любой желающий может пройти обследование и получить индивидуальную программу оздоровления. Однако результативность программ оказалась ниже ожидаемой. На практике обязательная диспансеризация превратилась в добровольную, так как никакой ответственности за уклонение от нее гражданин не несет. Многие люди отка-

зываются от диспансеризации, объясняя это нехваткой времени, невозможностью прервать рабочий процесс. Деньги, направленные на пропаганду превентивных мероприятий, были потрачены впустую. Центры здоровья и вовсе вызывают недоумение: что же это за центр здоровья, если там нет бассейна, тренажерного зала и прочих атрибутов здорового образа жизни, тем более, что подобные процедуры входят в рекомендуемые в выдаваемых индивидуальных программах оздоровления.

Полагаем, что подобные начинания для увеличения своей результативности должны сопровождаться более решительными действиями со стороны государства. Так, был бы целесообразен законодательно регламентированный обязательный медицинский осмотр при приеме на работу сотрудников, а также их ежегодное медицинское освидетельствование. Можно также обязать страховые компании отказывать в заключении договоров с работодателями, если те не предоставляют отчет о выполненных превентивных мероприятиях. В то же время страховщики должны иметь право увеличивать страховой тариф для людей, не следящих за своим здоровьем, как это делается, например, в США, поскольку самая действенная мотивация для россиян – денежная [18].

Кроме того, результативным способом заставить людей обращать внимание на свое здоровье стала бы дифференцированная шкала по налогу на доходы физических лиц в зависимости от того, как часто человек обращается за лечением в лечебно-профилактические учреждения по аналогии с дифференцированной шкалой страхования автомобилей. Так, например, если в течение года человек ни разу не брал больничный и при этом прошел все необходимые превентивные мероприятия, на следующий год ставка налога на доходы физических лиц для него должна быть понижена на 0,25 %. Данный налог был выбран, потому что он является индивидуальным и выплачивается непосредственно гражданином, а не переносится на работодателя.

Изменения в области страхования рекомендуется дополнить еще одним новшеством – введением лекарственного страхования, которое в последние годы является довольно обсуждаемым. Эта практика показала свою действенность и используется в большинстве развитых стран, хотя каждое государство применяет свою модель лекарственного стра-

хования. Так, например, в Германии и Англии используется фиксированная ставка доплаты пациентом за медицинский препарат. Во Франции соплатежи составляют от 0 % (лекарство полностью бесплатно для пациента) до 65 % [19]. Современная ситуация, сложившаяся в России с лекарственным обеспечением граждан, не может быть признана эффективной. Так, более 80 % жителей нашей страны покупает лекарства полностью за свой счет. При постоянном росте цен на лекарственные препараты, низкой платежеспособности населения, постепенной монополизации отрасли становится очевидным неспособность граждан получать в требуемом количестве необходимые лекарственные препараты. Вместе с тем вовремя начатое лечение позволяет снизить риск возможных осложнений, сокращает время нетрудоспособности, снижает затраты на содержание больных в лечебно-профилактических учреждениях. Среди внутренних причин смертности в России лидируют новообразования и болезни кровообращения, поэтому реализацию лекарственного страхования целесообразно начать именно с медикаментов, направленных на их лечение.

Претворение в жизнь лекарственного страхования невозможно без развития отечественной фармацевтической промышленности. На сегодняшний день удельный вес импортных лекарственных средств на российском рынке составляет 77 % в денежном и 56 % в натуральном выражении [20], что ставит под сомнение лекарственную безопасность России. Прогнозируется, что вследствие девальвации рубля и ухудшений взаимоотношений с зарубежными партнерами за первое полугодие 2015 г. по сравнению с июлем 2014 г. цены на лекарственные препараты будут увеличены как минимум на 10–15 %, многие зарубежные препараты уже сейчас пропадают с аптечных прилавков, так как их становится невыгодно привозить, исчезают лекарства из низкой ценовой категории. В этих условиях импортозамещение становится все более актуальным. Следует отметить, что еще в 2009 г. была утверждена Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 г., в соответствии с которой через шесть лет объем потребления отечественных фармпрепаратов на российском рынке составит 50 % в денежном выражении, произойдет увеличение доли реализуемых инновационных препаратов до 60 % в стоимостном

выражении [21]. Однако в силу ухудшения экономической ситуации в стране объемы финансирования целевой программы «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» постепенно сокращаются с заявленных 177 620 млн руб. [22]. В настоящее время объем финансирования по программе составляет 172 986 млн руб. [23].

Следующее направление, на которое стоит обратить более пристальное внимание – это высокотехнологичная медицинская помощь, которая может стать локомотивом развития данного сектора экономики. Государству следует выделять субсидии на оказание таких услуг, чтобы сформировать на них спрос со стороны населения. В настоящее время россияне для получения подобных услуг вынуждены выезжать за границу, тем самым происходит отток капиталов и деградация отрасли. Стимулируя развитие высокотехнологичной медицинской помощи, государство сможет пополнить бюджет, улучшить здоровье населения, снизить удельные затраты в отрасли и в целом повысить конкурентоспособность страны, поскольку одним из факторов, на нее влияющих, является социальный, важным критерием которого можно считать удовлетворительность развития системы здравоохранения [24–26].

Заключение. В заключение следует отметить, что существующая на сегодняшний день система финансирования здравоохранения не стимулирует хозяйствующих субъектов, в особенности бюджетные учреждения, работать эффективно. Это ведет к тому, что, по сути, они ведут себя как ленивые монополии, которые не стремятся оказывать качественные услуги, им скорее выгоден отказ клиентов от бесплатной медицины, поскольку те вынуждены прибегать к платным услугам, которые зачастую оказываются теми же учреждениями, или использовать теневые платежи.

Сложившаяся ситуация не может быть исправлена одномоментно, требуется целый комплекс мероприятий, претворение в жизнь которого заставит монополии не лениться, поскольку сформируется конкурентная рыночная среда. Такие масштабные преобразования потребуют вмешательства не только в систему обязательного и добровольного медицинского страхования, но и фармацевтический рынок, а также потребуют перераспределения бюджетных средств. Кроме то-

го, потребуется изменение законодательных норм и дополнительное разъяснение некоторых из них участникам рынка.

1. *Банин С. А.* Здравоохранение в России: вопросы финансирования и пути решения // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 3 (19). – С. 112–117.

2. *Suhrcke M., McKee M., Rocco L.* Инвестиции в здоровье: ключевое условие успешного экономического развития стран Восточной Европы и Центральной Азии / Европейская обсерватория по системам и политике здравоохранения. – ВОЗ, 2008. – 309 с.

3. Демография. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 25.11.2014).

4. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. – URL : <http://www.gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения: 25.11.2014).

5. Рейтинг стран мира по уровню здравоохранения. – URL : <http://www.nonews.co/directory/lists/countries/health> (дата обращения: 25.11.2014).

6. *Корчагин Ю.* Каковы реальные расходы на здравоохранение в РФ. – URL : <http://www.vrn.mk.ru/articles/2014/11/19/kakovy-realnye-raskhody-na-zdravookhranenie-v-rf.html> (дата обращения: 25.11.2014).

7. Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение. – URL : <http://www.gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-health/info#russia> (дата обращения: 25.11.2014).

8. Устойчивое развитие: вызовы Рио. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / под общ. ред. С. Н. Бобылева / Дизайн-макет, допечатная подготовка, печать: ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с.; URL : <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf> (дата обращения: 04.10.2015).

9. Результаты опроса ВЦИОМ. – URL : http://www.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=899&q_id=62513&date=17.03.2013 (дата обращения: 25.11.2014).

10. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294). – URL : <http://www.base.garant.ru/70643470/#help> (дата обращения: 04.10.2015).

11. Счетная палата сообщила, сколько врачей и больничных коек сократили в Рос-

сии. – URL : <http://www.doctorpiter.ru/articles/11538> (дата обращения: 25.11.2014).

12. Частная и муниципальная медицина: соперники или партнеры? – URL : http://www.labdiagnostic.ru/smi/private_medicine.shtml (дата обращения: 25.11.2014).

13. *Иноземцев В.* В анамнезе – СССР. – URL : <http://www.rusmedserver.com/?p=2590> (дата обращения: 25.11.2014).

14. *Горовцова М.* Дефицитный бюджет и здравоохранение: каких последствий опасаются медики. – URL : <http://www.garant.ru/article/502605> (дата обращения: 25.11.2014).

15. *Этле Н.* Медицина не проходит проверку работой по правилам. – URL : <http://www.rusmedserver.com/?p=2581> (дата обращения: 25.11.2014).

16. *Скляр Т. М.* Проблема ленивой монополии в российском здравоохранении. Научные доклады № 3(R). – 2007. – СПб. : НИИ менеджмента СПбГУ, 2007. – 24 с.

17. *Шароян С.* Здоровье в принудительном порядке: о перспективах превентивной медицины в России. – URL : http://www.zdravkom.ru/med_stress/lenta_1162/index.html (дата обращения: 25.11.2014).

18. *Горбунова О. А.* Согласованные экономические механизмы мотивационного внутрифирменного управления трудовой деятельностью коллектива (на примере сборочного производства) : дис. ... канд. экон. наук. – Самара, 2003. – 134 с.

19. *Невинная И.* Таблетка за полцены. – URL : <http://www.rg.ru/2012/03/22/lekarstva.html> (дата обращения: 25.11.2014).

20. *Колбина Л.* Прививка патриотизма. – URL : <http://www.expert.ru/ural/2015/14/privivka-patriotizma> (дата обращения: 25.11.2014).

21. Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федера-

ции на период до 2020 года (утв. приказом Минпромторга РФ от 23.10.2009 № 965). – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94066/ (дата обращения: 04.10.2015).

22. Федеральная целевая программа «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. постановлением Правительства РФ от 17 февраля 2011 г. № 91). – URL : <http://www.garant.ru/12183677/> (дата обращения: 04.10.2015).

23. Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2014 г. № 1165 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». – URL : <http://www.garant.ru/70788708/#help> (дата обращения: 04.10.2015).

24. Повышение конкурентоспособности муниципальных образований Самарской области: отчет о научно-исследовательской работе. – Самара : Междунар. ин-т рынка, 2007. – 572 с.

25. *Рамзаев В. М., Кукольникова Е. А., Нестерова С. И.* Прогнозирование динамики роста конкурентоспособности территорий на основе индикаторов опережающего развития // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL : <http://www.science-education.ru/120-16011> (дата обращения: 25.11.2014).

26. *Рамзаев М. В.* Модели и механизмы управления конкурентоспособностью муниципальных образований на основе инвестиционного развития (на примере малых городов Самарской области) : дис. ... канд. экон. наук. – Самара, 2010. – 153 с.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КУРСКОГО РЕГИОНА¹

SPECIFICITY OF VALUE PREFERENCES OF THE STUDYING YOUTH IN THE KURSK REGION

Т.Л. Прокопчук

T.L. Prokopcshuk

Курский государственный университет

Kursk State University

Статья поступила в редакцию 10 июля 2015 г.

В статье ставится задача рассмотреть особенности структуры ценностей региональной молодежи. Актуальность работы связана с усилением социокультурных трансформационных процессов, затрагивающих практически все сферы социальной жизни и приводящих к нарастанию нестабильности общества в целом. В такой ситуации ценности выступают важным инструментом диагностики состояния общества. В современной России ярко проявляется социокультурная дифференциация ее регионов, что дает основание для осуществления глубокого анализа ценностей именно на региональном уровне. Работа выполнена на основе эмпирических материалов, полученных в ходе полевого социологического исследования, проведенного в Курской области весной 2015 г. На основе методики Шварца составлен ценностный портрет региональной молодежи. По результатам проведенного анализа выявлены приоритетные ценности молодых людей региона, среди которых оказались семья, любовь, дружба, карьера. Особое внимание уделено компаративному анализу структуры ценностей на региональном и всероссийском уровне. Автор делает вывод о том, что в целом структуры ценностей молодежи на региональном и всероссийском уровнях несколько отличаются, причем уже на уровне интегрирующего ядра отмечается расхождение в количестве составляющих его ценностей. В работе выявляется и обосновывается динамика структуры ценностей региональной молодежи. Автором выявлено, что динамика ценностных предпочтений молодежи региона несколько запаздывает относительно всероссийского контекста. Вместе с тем в работе последовательно показано, что в сознании региональной молодежи осуществляется постепенный переход к утверждению современных ценностей. В работе отмечается повышение роли ценности инициативности, свидетельствующей об осуществлении модернизационных сдвигов в системе ценностных предпочтений молодежи.

In the article the task to consider the specificity of values structure of a regional youth is set. The relevance of the work is connected with strengthening of the sociocultural transformational processes affecting practically all spheres of social life and is leading to increase of instability of society in general. Values are the important instrument of diagnostics of a condition of society in that case. A sociocultural differentiation of regions is brightly shown in modern Russia, it gives the grounds for implementation of the deep analysis of values at the regional level. Work is performed on the basis of the empirical materials received during the field sociological research conducted in Kursk region in the spring of 2015. On the basis of Schwartz's technique the valuable portrait of regional youth is made. By the results of the analysis priority values of young people of the region among which appeared a family, love, friends, career are revealed. The special attention is paid to the comparative analysis of the values structure at the regional and All-Russian level. The author draws a conclusion that values structures of the youth at the regional level slightly different from All-Russian in general, and at the level of the integrating kernel the divergence in number of the values is noted. Dynamics of values structure of the regional youth comes to light and locates in work. It is revealed by the author that dynamics of valuable preferences of the regional youth is late rather All-Russian context. At the same time, it is consistently shown in work that in consciousness of the regional youth gradual transition to the statement of modern values is carried out. The increasing of a role of value of the initiative indicates to implementation of a modernization changes in the system of valuable preferences of youth is noted in the work.

Ключевые слова: ценности, молодежь, регион, терминальные ценности, инструментальные ценности, ценностная структура.

Key words: values, youth, region, terminal values, instrumental values, values structure.

Введение. Современное российское общество находится в состоянии нестабильности. Постоянные изменения в различных сферах жизнедеятельности меняют сознание и мировоззрение людей. При этом важным из-

мерением развития общества являются ценности. Несмотря на то, что тема ценностей является достаточно проработанной в ряде сфер научного знания, тем не менее, она не теряет своей актуальности.

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья», № 15-03-00506).

В условиях социально-экономической и политической нестабильности современного российского общества происходит смена ценностных приоритетов. Важно также отметить и то, что современная Россия находится в состоянии трансформационных изменений, в рамках которых мы сталкиваемся с ситуацией, когда новые ценности еще не утвердились, а старые еще не до конца себя изжили. В данной ситуации сложнее всего приходится молодежи, так как именно данная возрастная категория проявляет максимальную чувствительность к ценностным изменениям, поэтому именно молодежь чаще всего является объектом исследования. Выявив приоритетные ценности сегодняшней молодежи, мы можем предположить систему ценностей, которая будет сформирована в будущем, единственный минус при этом состоит в том, что мы не можем учитывать некоторые внешние факторы, которые могут коренным образом изменить эту систему.

Обзор литературы. Проблема изучения ценностей имеет древнюю традицию, она находит свое отражение еще в трудах древнегреческих философов. Классические работы, в которых закладывается основа понимания ценностей и дается им определение, принадлежат таким авторам, как М. Вебер [1], Э. Дюркгейм [2], У. Томас, Ф. Знанецкий [3], Т. Парсонс [4], П. Сорокин. Так, М. Вебер рассматривал ценности относительно их важности для социального субъекта, в связи с этим его относят к представителям утилитарного подхода. При этом он рассматривает ценности не только как мотивы человеческого поступка, но и как базовые нормы любых видов действий. Согласно Э. Дюркгейму, система ценностей общества являет собой совокупность ценностных взглядов отдельных индивидов. Люди, как полагает Дюркгейм, усваивают и приспосабливаются к уже сформировавшимся в обществе ценностям. Одним из первых, кто провел масштабные исследования по сопоставительности ценностей в 1970-х гг., стал Р. Инглхарт. В своем исследовании он проявил характерные особенности традиционных, модернистских и постмодернистских систем ценностей [5].

Детальную разработку методики изучения ценностей и ценностных ориентаций осуществили М. Рокич, Ш. Шварц, М. Шелер [6]. Так, американский социальный психолог М. Рокич создал как собственную классификацию ценностей, так и методику по их изучению. Данная методика сразу же получила

популярность и стала использоваться учеными из разных отраслей знания (социологии в том числе) [7]. В последующем «измерением» ценностей занялся другой социальный психолог – Ш. Шварц. Более детально проработав методику измерения, он выделил десять ценностей, которые, по его мнению, являются наиболее значимыми для индивида. Заметим, что методика Ш. Шварца является не менее популярной, чем методика Рокича [8].

В отечественной социологии изучение ценностной проблематики начинается с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Специфика данных исследований состояла в том, что она представляла собой своеобразный синтез теоретических основ марксизма и структурного функционализма.

Начало изучению ценностей в нашей стране положили работы таких авторов, как А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, Г.М. Андреева и др. Так, В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов [9] исследовали ценности личности по отношению к трудовой деятельности. Они полагали, что ценности должны являться одним из элементов мотивационной структуры личности. Все элементы данной структуры были выстроены ими в определенную последовательность: сначала у личности возникают определенные потребности, затем они преобразуются в интересы, а последние уже в ценности.

Важное место в изучении ценностей занимает диспозиционная концепция В.А. Ядова. Диспозиции представляют собой различные состояния предрасположенности или предуготовленности человека к восприятию условий деятельности (ситуаций), его поведенческих готовностей, направляющих деятельность. Основной смысл этой концепции состоит в том, что личность имеет очень сложную структуру различных диспозиций, которые выступают регулятором поведения и деятельности человека. Все диспозиции расположены в строго иерархической последовательности.

На современном этапе развития отечественных исследований по проблемам ценностей необходимо отметить таких авторов, как С.Н. Иконникова и В.Т. Лисовский, Н.И. Лапин, Л. Баева, Б.А. Грушин и др. Так, С.Н. Иконникова и В.Т. Лисовский в ходе проведенных ими многочисленных исследований, приходят к выводу о том, что ценности являются относительно устойчивым, социально обусловленным избирательным от-

ношением человека к совокупности материальных и духовных общественных благ [10].

С 1990 г. в нашей стране проводится всероссийское исследование «Наши ценности сегодня» под руководством Н.И. Лапина. В рамках данного исследования ценности представлены как обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества в целом [11]. Проведение данного мониторинга позволяет последовательно отследить динамику ценностных предпочтений населения постсоветской России.

На основе социокультурного подхода к изучению ценностей мы условимся взять за основу следующее определение ценностей: ценности – это относительно устойчивые свойства, присущие индивидам в конкретной жизненной ситуации и на определенном этапе развития общества. Представляется важным обратиться к вопросу об изменениях ценностных предпочтений молодежи отдельно взятого региона.

Гипотеза и методы исследования. Основной гипотезой исследования является идея о том, что в Курском регионе наблюдается постепенный переход от традиционных ценностей к современным. Мы также предполагаем, что темпы развития ценностных представлений региональной молодежи уступают темпам изменения ценностей на уровне среднероссийских показателей.

В проведении данного исследования применялся ряд общенаучных методов: системный и сравнительный анализ, обобщение, классификация. Эмпирические данные были получены методом анкетного опроса, выборочная совокупность которого составила 200 человек – представители учащейся молодежи Курской области. В работе также проведен вторичный анализ данных результатов всероссийского мониторинга «Наши ценности сегодня», проведенного под руководством доктора философских наук, члена-корреспондента РАН, руководителя Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН Н.И. Лапина в 2010 г.

Результаты исследования. В ходе проведения регионального социологического опроса «Ценности и стиль жизни региональной молодежи» (февраль-март 2015 г.) мы выявили следующее. Самое важное место в жизни молодежи занимают семья, любовь, друзья и карьера. На следующей ступени стоят цен-

ности денег, свободного времени, удовольствия, хобби. Третья группа ценностей – статус в обществе, внешняя привлекательность, развлечения. На последнем месте в ценностной иерархии оказались религия, личная выгода, политика.

При составлении ценностного портрета молодежи региона мы взяли за основу методику Шварца, а точнее, тот раздел, где дается портретное описание, в котором преобладает та или иная ценность. В нашем исследовании использованы десять портретных описаний, каждому из которых соответствует определенная ценность.

Мы обнаружили, что у молодых людей Курской области преобладающими качествами являются самостоятельность и доброта (4,72), достижения (4,47), универсализм (4,41). На втором уровне расположены ценности стимуляции (4,24), гедонизма (4,24) и власти (4,05). Отметим, что стимуляция главным образом описывает наличие у молодежи тяги к новизне, разнообразию, что служит основой для поддержания их активности в определенной сфере жизнедеятельности. Указание на ценность гедонизма говорит о том, что региональная молодежь в определенной мере стремится к получению удовольствия от жизни. Власть – это та ценность, которая дает основание судить о молодежи как о людях, для которых важно достижение социального статуса, престижа, контроля над людьми и др.

Третий уровень показывает те ценности, которые проявлены слабо у региональной молодежи, среди них: традиция (3,83), конформность (3,53) и безопасность (3,49). Первая ценность связана, скорее, даже не с качеством, а способом поведения в той или иной жизненной ситуации. Конформность проявляется еще меньше в молодежной среде, это значит, что минимизируется сдерживание действий, которые не соответствуют социальным ожиданиям. И последняя ценность – безопасность. Она также проявлена слабо, а это значит, что молодежь особо не обеспокоена собственной безопасностью и безопасностью окружающих их людей. Мы полагаем, что низкая оценка данной позиции может быть связана, с одной стороны, с характерной для данной возрастной категории тягой к риску и новизне, с другой – с патерналистическими установками. Помимо того, следует сказать о том, что у региональной молодежи довольно выразительно проявлено недоверие к другим людям: почти поло-

вина опрошенных отмечает, что большинству людей нельзя доверять (48 %), 23 % считают, что вообще никому нельзя доверять, лишь около трети опрошенных дали положительные ответы на данный вопрос (29 %).

Для проявления специфики структуры ценностей региональной молодежи мы осуществили компаративное сопоставление ценностных сдвигов, происходящих на уровне России в целом и отдельно взятого региона.

Данное сравнение мы провели на основе анализа материалов, полученных в ходе социологических исследований: на всероссийском уровне – всероссийского мониторинга «Наши ценности сегодня», под руководством доктора философских наук, члена-корреспондента РАН, руководителя Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН Н.И. Лапина в 2010 г., а на региональном – полевого исследования «Ценности и стиль жизни региональной молодежи», проведенного нами в 2015 г. на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета. Мы отдаем себе отчет в том, что по вре-

мени проведения данные исследования не совпадают, тем не менее, сравнение позволяет указать на некоторые особенности ценностных трансформаций, происходящих в Курской области.

Обратимся к таблице, в которой представлено распределение ценностей молодежи в Курской области и России по четырем уровням: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал, конфликтногенная периферия. Итак, интегрирующее ядро в структуре ценностей молодежи региона составляют жизнь человека, общительность и порядок, у российской молодежи ключевыми являются ценности семьи, общительности, порядка, жизни человека, благополучия, свободы, работы, независимости, инициативности. Данное распределение свидетельствует о том, что в иерархии доминирующих ценностей региональной и российской молодежи прослеживается сходство по двум показателям: общительность и порядок, в остальном же интегрирующее ядро ценностей российской молодежи компонентно представлено гораздо шире (см. табл.).

Ценностные предпочтения молодежи (взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале)

Ценность	Курская область, 2015		Россия, 2010		Ценности
	Баллы	Место	Баллы	Место	
Интегрирующее ядро					
Жизнь человека	4,6	1	4,78	1	Семья
Общительность	4,3	2	4,73	2	Общительность
Порядок	4,3	3	4,70	3	Порядок
			4,68	4	Жизнь человека
			4,55	5	Благополучие
			4,53	6	Свобода
			4,42	7	Работа
			4,41	8	Независимость
			4,30	9	Инициативность
Интегрирующий резерв					
Семья	4,2	4	4,2	10	Нравственность
Работа	4,1	5	4,2	11	Традиция
Инициативность	3,8	6	3,9	12	Жертвенность
Благополучие	3,8	7			
Независимость	3,7	8			
Свобода	3,7	9			
Оппонирующий дифференциал					
Жертвенность	3,6	10			
Традиция	3,6	11			
Нравственность	2,7	12			
Конфликтногенная периферия					
Властность	2,44	13	3,1	13	Властность
Своевольность	2,31	14	2,8	14	Своевольность

Касательно интегрирующего резерва можно отметить, что на региональном уровне его образуют ценности семьи, работы, инициативности, благополучия, независимости

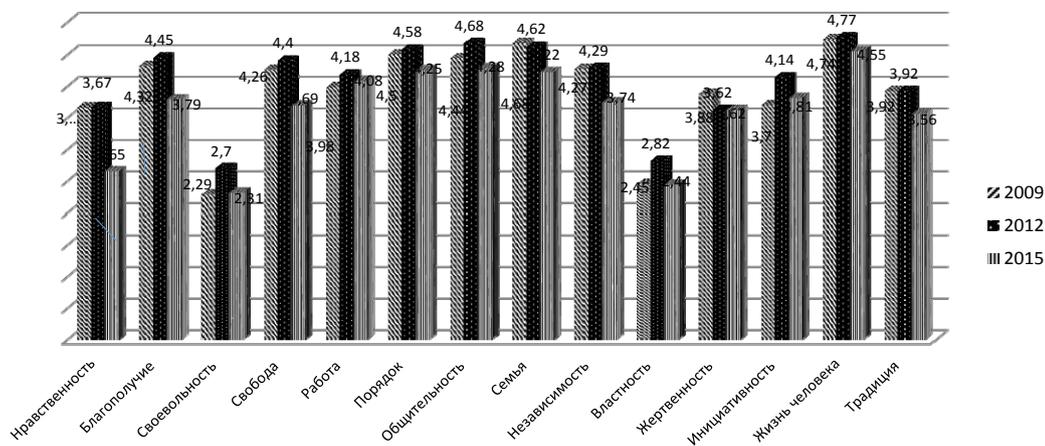
и свободы, на всероссийском, в свою очередь, выделяются нравственность, традиция и жертвенность. В оппонирующем дифференциале среди ценностей региональной мо-

лодежи оказались жертвенность, традиция и нравственность. Наконец, в конфликтогенной периферии как у региональной, так и у российской молодежи в целом находятся ценности властности и своевольности.

В целом структуры ценностных предпочтений молодежи на общероссийском и региональном уровнях отличаются: разброс оценок респондентов в России значительно ниже, чем в регионе, что проявляется в наиболее высоких средних взвешенных значениях общероссийских оценок.

Важно также отметить, что в 2009 и в 2012 г. в Курской области были проведены полевые исследования на основе типовой методики «Социокультурный портрет региона» [12; 13] позволяющие проследить некоторые изменения в ценностных предпочте-

ниях региональной молодежи (рис.). С учетом данных нашего исследования (2015 г.) мы видим, что с 2009 г. по 2015 лидировали одни и те же ценности, это позволяет судить о том, что кардинальных изменений в интегрирующем ядре, конфликтогенной периферии и интегрирующем резерве не произошло. Интегрирующее ядро включало в себя ценности: жизнь человека, общительность, порядок и семью. Конфликтогенная периферия является самой устойчивой, так как за указанный период она не изменяла свой состав ценностей, в ней обосновались ценности: властность и своевольность. Небольшие изменения происходили на уровне оппонирующего дифференциала, потому как некоторые ценности с 2009 по 2015 г. переходили из резерва в ядро и наоборот.

Распределение ценностных предпочтений молодежи Курской области с 2009 по 2015 г. (в средних взвешенных)

С опорой на классификацию ценностей по культурным типам, предложенную Н.И. Лапиным, мы проанализировали ценностные предпочтения молодежи Курского региона. Исследование показало, что среди терминальных ценностей у молодежи региона лидируют жизнь человека, порядок и семья, далее идут работа, благополучие и свобода, завершающей данный перечень является ценность традиции. Полученные данные свидетельствуют о том, что ценность традиции в современной молодежной среде постепенно теряет свое значение.

Если проследить динамику терминальных ценностей с 2009 г. по настоящее время, можно отметить, что в современной молодежной среде региона происходит увеличение разброса оценок по ряду оснований, что свидетельствует о снижении значения определенных ценностей в жизни молодых людей.

Так, например, в 2009 г. ценность «жизнь человека» составила 4,74, в 2012 г. – 4,77, а в 2015 г. снизилась до 4,55, ценность «традиции» в 2009 и 2012 г. принимала значение 3,92, а в 2015 г. снизилась до 3,56.

Среди инструментальных ценностей, по данным 2015 г., доминирующими стали общительность, инициативность, независимость, жертвенность. Самые низкие значения получили такие ценности, как нравственность, властность и своевольность. Следует отметить, что в период с 2009 по 2015 г. существенных изменений в структуре инструментальных ценностей не происходило, единственное, что можно заметить – повышение роли ценности «инициативность».

Также важно сказать, что продолжает оформляться в сознании региональной молодежи динамичное совмещение трех культурно различаемых типов ценностей, при

этом идет осуществление все большей стабилизации баланса культурно различных типов ценностей. Такое распределение показывает, что происходит минимизация роли традиционных ценностей в молодежной среде региона и все большее приобщение к современному типу ценностей. Следует отметить, что в среднем разрыв между типами ценностей в период с 2009 по 2015 г. ни разу не составил более единицы, а это говорит о том, что в молодежном сознании происходит балансирование различных культурных типов.

Заключение. Жизнь современной молодежи России протекает в условиях глобальных трансформационных изменений, которые затрагивают все сферы общества.

В контексте изучения структуры ценностей региональной молодежи наблюдается совмещение различных типов ценностей и их балансирование. Необходимо отметить и то, что на данном этапе общественного развития в молодежной среде региона появляется постепенный переход от традиционных ценностей к современным, что выражено в том, что в иерархии ценностей региональной молодежи занимают высокие позиции жизнь человека, порядок и семья, при этом все больший вес приобретают ценности свободы и инициативности.

В ходе исследования мы выявили, что в регионе довольно выразительно проявляется отставание в развитии ценностных представлений региональной молодежи относительно среднероссийских показателей. На основе анализа ценностных предпочтений в динамике (в период с 2009 по 2015 г.), можно сказать, что кардинальных изменений в структуре ценностей не произошло, при этом в структуре ценностей региональной молодежи прослеживается относительная устойчивость ценностной иерархии интегрирующего ядра и конфликтогенной периферии и неустойчивость иерархии ценностей интегрирующего резерва и опонирующего дифференциала.

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что постепенная трансформация системы ценностей региональной молодежи свидетельствует о направленности данного процесса в сторону социокультурной модернизованности, соответствующей среднероссийскому, а в будущем, надеемся, и средне-европейскому уровню, в тех позициях, в которых утверждаются ценности свободы, инициативности и независимости человека.

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: пер. с фр. / сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с.

3. Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America : Monograph of Immigrant Group. Vol. I. Primary Group Organization. – Boston : Richard G. Badger, The Gorham Press, 1918. – 526 p.

4. Парсонс Т. О социальных системах. – М. : Академический Проект, 2002. – 832 с.

5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (Политические исследования). – 1997. – № 4. – С. 6–33.

6. Шелер М. Избранные произведения / сост., науч. ред. А. В. Денежкина; пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; послесл. Л. А. Чухина. – М. : Гнозис, 1994. – 413 с.

7. Роквич М. Природа человеческих ценностей. – N.Y. : Свободная пресса, 1973. – 153 с.

8. Schwartz S. A theory of cultural values and some implications for work // Applied psychology: an international review. – 1999. – Vol. 48(1). – P. 23–47.

9. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. – Т. 2. – М. : Политиздат, 1966. – С. 187–215.

10. Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Тугариновские чтения: матер. науч. сессии. Серия «Мыслители». – СПб., 2000. – № 1. – С. 40–44.

11. Латин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Общественные науки и современность. – 2002. – № 2. – С. 3–23.

12. Курская область в динамике социокультурных измерений : монография / Е. А. Когай, Ю. М. Пасовец, Т. Г. Кульсеева и др. – Курск : ООО «Учитель», 2011. – 232 с.

13. Курская область на социокультурной карте России : монография / Е. А. Когай, Ю. М. Пасовец, А. А. Когай и др. – Курск : МУП «Курская городская тип.», 2015. – 236 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЧУВАШИИ

SOME ASPECTS OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION OF CHUVASHIA

Н.Г. Семедова-Полупан

N.G. Semedova-Polupan

*Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Cheboksary branch of the Russian under the President
of Russian Federation Academy of National Economy and Public Service*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

В статье дается анализ основных направлений функционирования региона. Приводятся статистические данные и результаты социологических исследований, проведенных в Чувашии. Отмечается, что в республике ведется целенаправленная работа по повышению заработной платы, обеспечивается ее рост для работников бюджетной сферы. Занятость населения способствует тому, что ситуация на рынке труда сохраняется как благополучная. Обращает внимание на себя факт высокого уровня трудоустройства граждан, обратившихся в органы службы занятости за содействием в поиске работы. Наблюдается рост количества граждан, которые получают профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям. Обосновываются показатели сокращения средней продолжительности регистрируемой безработицы. Приведены районы республики, в которых уровень безработицы ниже среднереспубликанского уровня. Анализируя демографические процессы, отмечается естественный прирост населения, рост продолжительности жизни. Обозначены предпосылки роста количества многодетных семей. Доступная и эффективная медицина позволила добиться того, что в Чувашии один из самых низких показателей младенческой смертности в России. Уменьшается показатель смертности населения. Вместе с тем обращает внимание на себя рост показателя смертности от дорожно-транспортных происшествий. Он остается выше среднероссийского уровня. Несмотря на огромные вложения средств, отдача от принятых мер ничтожно мала. Вызывает беспокойство отрицательная динамика роста показателя смертности от новообразований. Наблюдается рост статьи расходов на образование в консолидированном бюджете чувашской республики. На сегодня она самая крупная. Представлен спектр направлений работы по ликвидации очередности в детские сады. Выделены основные направления модернизации системы общего образования. Особое место отводится воспитательной функции школы. Выявлен рост популярности среди молодежи наркотиков. Приводятся данные социологических исследований среди жителей республики на предмет рейтинга проблем, требующих решение в первую очередь.

The article analyzes the main areas of the region functioning. It gives the statistical data and results of the sociological surveys conducted in Chuvashia. It is noted that in the Republic the work is focused on increasing the wages for public sector workers. Employment contributes to the fact that the labour market is still prosperous situation. The Republic has a high level of employment of citizens who applied to the employment service for assistance in finding the job. The number of citizens who receive professional training and additional professional education is increasing. The article explains the indicators of reduce the average duration of registered unemployment. The author describes the regions of the Republic, in which the unemployment rate is below the national average. The article analyzes demographic processes and natural population growth. The Republic has a growth in life expectancy. The article outlines the background of growth in the number of large families. Affordable and effective medicine permitted to achieve that Chuvashia has one of the lowest infant mortality rates in Russia. However, the death rate from road accidents remains above the national average. Despite huge investments, the impact of measures taken is negligible. Negative dynamics of growth of mortality from neoplasms causes anxiety. There is an increase of expenditure on education in the consolidated budget of the Chuvash Republic. The author shows the spectrum of directions of work to eliminate the priority order to kindergartens, notes the basic directions for modernization of the system of general education. A special place is given to the educational function of school. There is the growing spread of drugs among young people. The author gives the data of sociological research among the residents of the republic on ranking the problems to be solved first.

Ключевые слова: модернизация, здоровье, образование, срединный уровень, статистические данные, социологические опросы.

Key words: modernization, health, education, median level, statistical data, sociological surveys.

Введение. Проблемы модернизации на сегодня актуализированы и востребованы. Теоретическое и инструментальное обоснование модернизации в России на основе разработок Центра исследований модернизации Академии наук Китая дано Н.И. Ланиным,

руководителем Программы «Социокультурная эволюция регионов России», член-корреспондентом РАН, доктором философских наук [1].

В настоящее время в рамках реализации программы изучены и определены социо-

культурные факторы развития индустриальной (первичной) модернизации, описаны препятствия завершению зрелой индустриальной модернизации, предпринята попытка анализа проблем начала информационной (вторичной) модернизации.

Обзор литературы. Вопросам модернизации посвящен ряд трудов, в которых представлены результаты исследований, осуществляемых непосредственно под руководством Н.И. Ланина, Л.А. Беляевой. В 18 регионах России (в каждом из которых имеются научные коллективы) дан анализ социокультурной модернизации, проведены научно-практические конференции и круглые столы, по результатам которых опубликованы научные труды под руководством Е.А. Кочай, Ю.М. Пасовец, В.И. Мосина, М. Юсупова, Е.В. Каргаполовой, Р.М. Валиахметова, И.И. Бойко, Н.Г. Семедовой-Полупан, В.Г. Харитоновой, А.А. Шабуновой, В.Г. Немировского, А.А. Салагаева, В.А. Давиденко, Г.Ф. Ромашкиной, Е.Б. Плотноковой.

Гипотезы и методы исследования. На сегодня по уровню вторичной модернизации Чувашия по результатам исследований оказалась в нижней трети среднеразвитых регионов, т. е. ниже среднего уровня [2].

Предполагается, что процессы региональной модернизации протекают аналогично общероссийским тенденциям. Методы анализа вторичной информации и результаты социологических исследований позволяют предположить, что основные процессы региональной модернизации не способствуют снижению отставания республики от среднего уровня.

Результаты исследования. В ходе анализа статистических данных [3] и результатов социологических опросов [4] удалось выявить следующее.

Важнейшим показателем благосостояния населения республики является уровень денежных доходов, определяющий финансовые возможности граждан как для приобретения товаров и услуг, проведения досуга, создания дополнительного комфорта, так и для удовлетворения потребностей в области образования, поддержания здоровья и т. п.

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2013 г. составляла 16,0 %, в 2014 г., чуть меньше, – 15,9 % [5].

В республике ведется целенаправленная работа по повышению заработной платы. В 2014 г. среднемесячная заработная плата составила 20 950 руб., или 108,1 % к уровню

предыдущего года, реальная – 100,5 %. По размеру среднемесячной заработной платы Чувашия опережает республики Марий Эл и Мордовия.

Одной из основных задач в рамках реализации указов Президента Российской Федерации В.В. Путина от 7 мая 2012 г. является обеспечение роста заработной платы работникам бюджетной сферы. Чувашия выполняет эту задачу в полном объеме.

Анализируя обеспечение занятости населения, можно сказать, что ситуация в сфере занятости и на рынке труда Чувашии в текущем году сохраняется как благополучная. Численность безработных и уровень безработицы в республике продолжают снижаться в условиях положительной динамики развития ряда отраслей экономики и реализации инвестиционных проектов, способствующих созданию новых высокоэффективных рабочих мест. В Чувашской Республике численность занятых в экономике по сравнению с 2012 г. увеличилась на 2,7 %, в 2013 г. составила 633,4 тыс. чел., в 2014 г. – 662,8 тыс. чел. Уровень занятости населения возрос с 64,7 % за 2012 г. до 66,7 % за 2013 г. и до 70,3 % за 2014 г. (по России – 65,9 %, Приволжскому ФО – 66,4 %) [6].

На реализацию мероприятий в области содействия занятости населения в 2014 г. в Чувашской Республике направлено 438,2 млн руб., из которых 199,2 млн руб. (45,5 %) – средства федерального бюджета, 239,0 млн руб. (54,5 %) – средства республиканского бюджета Чувашской Республики. Участниками мероприятий государственной программы Чувашской Республики «Содействие занятости населения» на 2012–2020 гг. в 2014 г. стали более 82 тыс. чел.

Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации было отмечено, что «динамика данных, характеризующих доступность и качество государственных услуг в области содействия занятости населения, свидетельствует о достижении преимущественно высоких показателей в Республике Мордовия, Удмуртской, Чувашской Республиках».

Так, по итогам первого полугодия 2014 г. уровень трудоустройства граждан, обратившихся в органы службы занятости за содействием в поиске работы, в Чувашии составил 87,4 %, что обеспечило ей 2-е место среди субъектов России (по России – 63,6 %).

Профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование

по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям по направлению органов службы занятости ежегодно проходят около 3,5 тыс. чел. В 2014 г. на обучение направлено 3506 человек. Доля приступивших к профессиональному обучению безработных граждан в общей численности безработных граждан в Чувашской Республике составила 13,9 %, что позволило ей занять 2-е место среди субъектов России (по России – 5,6 %).

Реализуется комплекс мер («дорожная карта») по созданию условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью, а также содействие трудоустройству незанятых инвалидов. На обучение направлено 427 женщин, осуществляющих уход за детьми (по плану – 400 человек). По достигнутому уровню трудоустройства инвалидов в первом полугодии 2014 г. (66,4 %) Чувашия занимала 6-е место среди субъектов России (по России – 39,7 %).

За счет средств республиканского бюджета Чувашской Республики на опережающее обучение направляются работники организаций, осуществляющих модернизацию производства в соответствии с инвестиционными проектами. Так, в 2014 г. на обучение направлен 301 работник таких организаций, как ОАО «Промтрактор» (115 человек), ООО «Промтрактор-Промлит» (99 человек), АО «ЧПО им. В.И. Чапаева» (57 человек), ОАО «Яхтинг» (30 человек).

По итогам участия в общественных работах в Чувашской Республике многие безработные граждане трудоустроены на постоянные рабочие места. Доля граждан, приступивших к общественным работам, в первом полугодии 2014 г. в Чувашии составила 15,0 % от общей численности граждан, обратившихся в целях поиска подходящей работы (по России – 9,3 %).

Доля граждан, получивших государственную услугу по социальной адаптации, в общей численности безработных граждан в первом полугодии 2014 г. в Чувашской Республике составила 12,5 %, что обеспечило ей 4-е место среди субъектов Российской Федерации (по России – 7,1 %).

На конец первого полугодия 2014 г. в Чувашской Республике средняя продолжительность регистрируемой безработицы составила 4,2 месяца (по России – 5,8 месяца), доля безработных, состоящих на учете более одного года, – 2,1 % (по России – 12,6 %).

Активное сотрудничество с работодателями позволило прийти к росту количества заявленных вакансий и уровня обращаемости работодателей с целью подбора необходимых работников. Доля заявленных в органы службы занятости вакансий в общем обороте кадров в Чувашии (прием, увольнение работников) в первом полугодии 2014 г. составила 89,4 % (по России – 47,2 %), в результате чего коэффициент напряженности на рынке труда Чувашии снизился до 0,3 человека на одну вакансию (по России – 0,5 человека). На 1 января 2015 г. в 19 муниципальных образованиях республики уровень регистрируемой безработицы ниже среднереспубликанского показателя, среди них Аликровский, Батыревский, Ибресинский, Козловский, Красноармейский, Красночетайский, Мариинско-Посадский, Моргаушский, Урмарский, Цивильский, Шемуршинский, Ядринский, Яльчикский, Янтиковский, Канашский, Шумерлинский районы, города Алатырь, Шумерля, Новочебоксарск.

Уровень безработицы, рассчитываемый по методологии Международной организации труда, в Чувашской Республике снизился с 5,9 % в среднем за 2012 г. до 5,7 % в среднем за 2013 г., в среднем за 2014 г., он не превысил 5,0 % (для сравнения: во втором полугодии 2014 г. уровень безработицы в США достиг 5,8 %, Германии – 6,6, Англии – 7,1, Франции – 10,2, Италии – 13,2 %).

По уровню регистрируемой безработицы Чувашия три года занимает 3-е место в Приволжском федеральном округе.

Достигнутые результаты свидетельствуют о востребованности государственных услуг в области содействия занятости населения и высокой эффективности реализации мероприятий в данной сфере.

Проблемы демографии и укрепления института семьи в Российской Федерации и Чувашской Республике являются приоритетным направлением государственной политики.

В республике третий год подряд сохраняется естественный прирост населения, который за 11 месяцев 2014 г. составил 0,8 на 1000 населения. Благодаря целенаправленной работе по реализации государственной политики в интересах семьи и детей, решению вопросов их социальной поддержки в республике наблюдается рост рождаемости. Число родившихся превысило число умерших на 5,4 % (в январе-ноябре 2013 г. на 5,7 %), рождаемость составила 14,0 на 1000 человек.

За последние три года рождаемость выросла на 7,8 %.

В Чувашии увеличилась ожидаемая продолжительность жизни населения до 70,8 года (по итогам 2013 г.).

Так, растет количество многодетных семей. На 1 ноября 2014 г. их количество по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 7,4 % и составило 9990 (в них воспитываются 32 493 ребенка). Этому во многом способствовали меры социальной поддержки семей в виде государственных пособий, выплачиваемых семьям с детьми, федеральный и республиканский материнский (семейный) капитал, ежемесячная денежная выплата в связи с рождением третьего ребенка или последующих детей до достижения ими возраста трех лет, предоставление земельных участков многодетным семьям.

В республике продолжается работа по выделению земельных участков многодетным семьям. Органами местного самоуправления для бесплатного получения в собственность земельного участка поставлены на учет 5379 многодетных семей (55 % от имеющих право), по состоянию на 31 декабря 2014 г. предоставлено 3143 земельных участка общей площадью 369,1 га (58 % от общего количества поставленных на учет многодетных семей), из них в 2014 г. – 1321 участок общей площадью 147,4 га, что в 1,3 раза больше показателя за 2013 г.

Наличие доступной и эффективной медицины является одним из важных факторов благополучия граждан. В 2015 г. полностью завершится реализация Указа Главы Чувашской Республики от 2 ноября 2012 г. № 124 «О дополнительных мерах по совершенствованию оказания первичной медико-санитарной помощи сельскому населению в Чувашской Республике», в рамках которого предусмотрено строительство 100 фельдшерско-акушерских пунктов взамен ветхих и не удовлетворяющих современным требованиям. На сегодняшний день за время реализации Указа уже построено 60 фельдшерско-акушерских пунктов.

Ведется масштабная профилактическая работа со здоровыми людьми: за 2 года диспансеризацией охвачено 2/3 населения Чувашской Республики. Результаты скрининга здоровья населения свидетельствуют о сохранении тенденции роста распространенности хронических неинфекционных заболеваний, связанных с образом жизни и стереоти-

пами поведения. По данным опросов взрослого населения Чувашской Республики, среди факторов риска, оказывающих негативное влияние на здоровье, первое место занимает употребление алкоголя (65,9 %), второе – психозмоциональный стресс (31,4 %), третье – табакокурение (22,1 %).

В целях объединения усилий и разработки согласованных действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений и жителей республики принят Указ Главы Чувашской Республики от 31 июля 2014 г. № 108 «О дополнительных мерах по укреплению здоровья и повышению качества жизни населения Чувашской Республики», разработан «Профиль здоровья Чувашской Республики». Это документ, который определяет стратегию развития общества, направленную на улучшение здоровья и качества жизни населения на основе межсекторального взаимодействия, возрождение ответственного отношения к собственному здоровью. Отныне выполнение существующих, принятие новых государственных программ и реализация других общественных проектов и инициатив будут оцениваться с точки зрения их влияния на здоровье населения.

Охрана материнства и детства остается приоритетным направлением социальной политики республики. В Чувашии по-прежнему одни из самых низких показателей младенческой смертности в России, соответствующие лучшим мировым стандартам (11 месяцев 2014 г.: Чувашия – 4,3 ‰, Приволжский ФО – 7,1 ‰, Россия – 7,4 ‰).

Ежегодными медицинскими осмотрами охвачено все детское население республики. Острой медико-социальной проблемой, требующей поиска новых форм работы в первичном звене здравоохранения, является ухудшение состояния здоровья подростков, особенно в 13–17-летнем возрасте. В связи с этим принято решение о создании в 2015 г. на базе Городской детской больницы № 1 Минздравсоцразвития Чувашии Республиканского центра охраны здоровья подростков, где предусмотрено создание службы по охране репродуктивного, психического здоровья подростков, службы автоматизированного мониторинга состояния здоровья юношей допризывного возраста, социальной и юридической поддержки подростков.

Запланировано также переориентирование центров здоровья, открытых на базе медицинских организаций, на активное взаи-

модействие с общеобразовательными учреждениями. Совместные действия врачей, педагогов и психологов позволят использовать современные здоровьесберегающие технологии в ходе учебного процесса.

В 2014 г. удалось снизить показатели смертности населения от болезней системы кровообращения, туберкулеза, младенческой смертности.

В целом смертность населения сократилась с 2010 г. на 9,6 %, за 11 месяцев 2014 г. составила 13,2 на 1000 населения.

Вместе с тем уменьшение показателя общей смертности населения республики сопровождается ростом показателя смертности от дорожно-транспортных происшествий, который остается выше среднероссийского уровня. Несмотря на снижение в 2014 г. количества дорожно-транспортных происшествий на 5,7 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, регистрируется рост смертельных исходов на месте ДТП, более 80 % пострадавших погибает до приезда бригады «03». Сохраняется высокий показатель смертности в стационарах до 7 суток – 89,2 %, это свидетельствует об «утяжелении» дорожной травмы.

В службе скорой медицинской помощи в 2014 г. реализован целый комплекс мероприятий по обеспечению своевременного прибытия автомобилей к пострадавшим, продолжено обновление изношенного санитарного автотранспорта: на принципах государственно-частного партнерства функционируют 49 круглосуточных бригад в Чебоксарах, Новочебоксарске, Канаше, Цивильском, Янтиковском и Красноармейском районах. В течение года дооснащены электрокардиографами с дистанционной передачей ЭКГ все бригады скорой медицинской помощи Чувашской Республики, что дает возможность независимо от расстояния и места нахождения пациента получать удаленную квалифицированную консультацию, а также вести электронную базу данных. В рамках мероприятий, направленных на совершенствование организации медицинской помощи пострадавшим при ДТП, в травмоцентры республики в 2014 г. поставлено 115 единиц медицинского оборудования за счет федеральных и республиканских средств на сумму 157 468,3 тыс. руб. для оснащения противошоковых операционных и проведения высокотехнологичных операций пострадавшим в ДТП.

Но, несмотря на вложенные средства, отдача от принятых мер ничтожно мала, по-

скольку главные причины ДТП – это нарушение правил дорожного движения как водителями, так и пешеходами, превышение скорости и пьянство за рулем. Более 9,4 % ДТП совершено в состоянии алкогольного опьянения (рост по сравнению с 2013 г. на 33,3 %). При этом число погибших при ДТП, совершенных пьяными водителями, выросло в 2 раза. Необходимо актуализировать межведомственный план мероприятий по профилактике дорожно-транспортных происшествий, обратив особое внимание на повышение культуры вождения, воспитание дисциплинированных пешеходов, повышение качества дорожного покрытия.

Вызывает серьезное беспокойство и отрицательная динамика показателя смертности от новообразований. Абсолютное количество умерших от онкологической патологии увеличилось за 11 месяцев 2014 г. на 64 человека по сравнению с аналогичным периодом 2013 г., мониторируемый показатель из расчета на 100 тыс. населения вырос на 4,5 %, что не соответствует критерию, предусмотренному «дорожной картой». С учетом ежегодного роста распространенности злокачественных новообразований разработаны и активно внедряются программы целевого скрининга различных групп населения, направленные на выявление злокачественных новообразований на ранних стадиях, а также на обучение граждан методам самообследования. Серьезное внимание уделено обеспечению доступности паллиативной медицинской помощи онкобольным, с участием общественной организации «Чувашский республиканский совет женщин» на базе Республиканского клинического онкологического диспансера реализуется проект «Ради жизни».

Для своевременного оказания медицинской помощи пациентам с подозрением на онкологические заболевания продолжена работа межрайонных диагностических центров, увеличена в 2 раза пропускная способность поликлиники онкодиспансера для приема амбулаторных больных, организована работа выездных бригад врачей-онкологов для сельских районов республики, в работе онкологической службы применяются инновационные технологии радиологического, химиотерапевтического и хирургического лечения.

Вместе с тем для увеличения выживаемости пациентов со злокачественными новообразованиями, обеспечения доступности специализированной онкологической помо-

щи, расширения спектра применяемых высокотехнологичных методов лечения необходима современная инфраструктура. В 2012 г. начато строительство нового 6-этажного хирургического корпуса Республиканского клинического онкологического диспансера Минздравсоцразвития Чувашии на 104 койки. Указанный объект отнесен Минздравом России к приоритетным объектам региональных учреждений здравоохранения, оказывающих специализированную медицинскую помощь. Сметная стоимость объекта составляет 809,13 млн руб. (в ценах 2012 г.). По состоянию на 1 января 2015 г. техническая готовность объекта составляет около 50 %. В 2015 г. планируется завершить строительство первой очереди объекта.

Правительство республики продолжает выполнять все взятые на себя бюджетные обязательства по социальной защите граждан. В республике проживает более 400 тыс. получателей мер социальной поддержки по различным основаниям. Каждый четвертый житель республики пользуется мерами социальной поддержки по оплате жилищно-коммунальных услуг, это свыше 312 тыс. человек. Ежегодно на данные цели расходуются свыше 2 млрд руб. Около 23 тыс. граждан, имеющих большой трудовой стаж – не менее 40 лет для женщин и 45 лет для мужчин, – наравне с лицами, удостоенными государственных наград Чувашской Республики, пользуются правом на получение мер социальной поддержки, установленных для ветеранов труда Чувашской Республики. В 2014 г. Чувашия приступила к реализации подпрограммы «Доступная среда» государственной программы Чувашской Республики «Социальная поддержка граждан» на 2012–2020 гг. В республике проживает 88 тыс. лиц с ограниченными возможностями здоровья (7 % от общей численности населения). Общий объем финансирования подпрограммы в 2014 г. составил 170,0 млн руб., что позволило провести работы по адаптации к потребностям инвалидов и других маломобильных групп населения 27 объектов социальной инфраструктуры. Ведется работа по приспособлению транспорта общественного пользования и дорожной инфраструктуры к нуждам людей с ограниченными возможностями здоровья.

В 2014 г. Чувашская Республика приняла свыше 3,5 тыс. беженцев из Украины. Около 193 чувашских семей предложили вынужденным переселенцам свои дома для проживания, предприятия и организации пре-

доставили свои помещения для организации пунктов временного размещения. Жители Чувашии откликнулись и на сбор гуманитарной помощи для беженцев из Украины, вещевой и пищевой помощи собрано на общую сумму более 300 тыс. руб., на специально созданный благотворительный счет перечислено более 1,8 млн руб., из которых оказана материальная помощь на общую сумму более 900,0 тыс. руб. Сейчас в республике проживает около 1,3 тыс. граждан Украины, нашли работу 547 человек, 296 человек зачислены в образовательные организации.

Приоритетом государственной политики Чувашской Республики в сфере образования является достижение современного качества образования, обеспечивающего реализацию актуальных и перспективных потребностей личности, общества и государства. Одним из важнейших показателей стало усиление государственной поддержки развития системы образования, что говорит об особом внимании государства к этой отрасли. Сегодня статья расходов на образование остается самой крупной в консолидированном бюджете Чувашской Республики, ее объем составляет 33,7 %. По сравнению с 2009 г. он увеличился в 1,8 раза. Особое внимание было уделено повышению заработной платы педагогических работников всех уровней образования: по сравнению с 2009 г. в целом она увеличилась в 1,8 раза.

В системе дошкольного образования одной из основных задач является ликвидация очередности в детские сады.

За последние 4 года открыто дополнительно более 19,6 тыс. новых мест, в том числе в 2014 г. – более 5,7 тыс. мест, из них 2716 мест за счет ввода 15 новых детских садов. На эти цели из консолидированного бюджета Чувашской Республики за 4 года направлено более 3,2 млрд руб., в том числе в 2014 г. – более 1 млрд руб.

В 2014 г. в основном решена задача по охвату дошкольным образованием детей старше трех лет. На 1 января 2015 г. в 23 муниципальных образованиях местами в детских садах обеспечены все дети старше трех лет (кроме Алатырского, Ибресинского и Козловского районов).

Тем не менее очередность в дошкольные образовательные организации для детей данного возраста продолжает расти, поэтому для полной ее ликвидации в 2015 г. необходимо опережающе обеспечить местами детей более раннего возраста. На сегодня ох-

ват дошкольным образованием детей старше полутора лет по республике составляет 80,6 %, в сельской местности – 68,8 %.

Наряду с решением проблемы охвата детей дошкольным образованием активно формируется современная инфраструктура дошкольного образования. В детских садах появились бассейны, современные физкультурные и музыкальные залы, комнаты психологической разгрузки и логопедической помощи, оснащенные интерактивным оборудованием, соляные шахты, сауны, фитобары, автогородки и др. В детских садах республики реализуются инновационные развивающие и оздоровительные программы, у дошкольников появляется больше возможностей для раннего изучения иностранных языков, занятий музыкой, танцами.

Активная работа по модернизации системы общего образования привела к увеличению на 57 % числа победителей и призеров заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по сравнению с предыдущим годом (в 2014 г. – 22 чел., 2013 г. – 14 чел.).

В рейтинге лучших школ России 2014 г. в топ-500 вошли 6 школ Чувашской Республики, которые продемонстрировали высокие образовательные результаты в 2013/2014 учебном году, а именно результаты ЕГЭ и достижения школьников в предметных олимпиадах (лицей № 3, гимназия № 5, лицей № 4, гимназия № 4, гимназия № 1 г. Чебоксары и гимназия № 6 г. Новочебоксарска).

Кроме того, лицей № 3 г. Чебоксары занял 22 место в списке 200 российских образовательных учреждений, обеспечивающих высокие возможности развития талантов учащихся. В него также вошли 2 школы республики: гимназия № 5 г. Чебоксары и гимназия № 6 г. Новочебоксарска. В данном рейтинге победители определялись по итогам предметных олимпиад.

В список двухсот лучших сельских школ России вошли 5 школ республики. Это Аликовская школа им. И.Я. Яковлева, Ибресинская школа № 1, Батыревская школа № 1, Урмарская школа им. Г.Е. Егорова и Вурнарская школа № 2.

В 2014 г. победитель республиканского конкурса «Учитель года Чувашии» Екатерина Владимировна вошла в число 15 лучших учителей России.

Для оказания доступных и качественных образовательных услуг детям с ограниченными возможностями здоровья активно ис-

пользуются информационные образовательные ресурсы. В настоящий момент дистанционно обучается 246 таких детей. Сформирована республиканская сеть дистанционных муниципальных центров, включающая 109 общеобразовательных учреждений, ее работу координирует Республиканский центр дистанционного образования.

В современных условиях особое место отводится воспитательной функции школы. В целях формирования гражданских и социальных компетентностей, нравственных качеств личности, толерантного мировоззрения в республике ежегодно проводится более 1500 мероприятий разного уровня.

Одним из показателей качества воспитательной работы является состояние преступности среди несовершеннолетних. В республике наметилась стабильная динамика снижения преступности среди несовершеннолетних. По итогам 11 месяцев 2014 г. уровень детской и подростковой преступности сократился на 26 % (с 515 до 381) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Доля подростковой преступности составляет 4,6 % (аналогичный период 2013 г. – 5,4 %).

Вместе с тем существует проблема роста популярности среди молодежи психоактивных веществ, курительных смесей, наркотиков. В связи с этим принимаются меры по повышению качества профилактической работы, по обеспечению максимального занятия свободного времени детей интересными и разнообразными кружками и секциями [7].

Важнейшей задачей на ближайшие годы становится реализация в республике Концепции развития дополнительного образования детей, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014 г. № 1726-р.

Одним из приоритетов в воспитании современного гражданина является формирование патриотизма – важнейшего духовного достояния личности.

Усилия органов государственной власти, общества, семьи направлены на формирование у детей и молодежи высокого патриотического сознания, готовности к выполнению гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины с учетом опыта и достижений прошлых поколений и тенденций развития общества [8].

Одним из результатов этой работы является то, что Чувашская Республика ежегод-

но в полном объеме выполняет план по призыву и отправке юношей в Вооруженные Силы Российской Федерации для прохождения военной службы.

Из числа призывников Чувашии ежегодно отбираются наиболее физически подготовленные, грамотные, выносливые юноши для прохождения службы в Президентском полку Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации (в 2012 г. – 15 чел., 2013 г. – 15 чел.).

Эффективность проводимой в Чувашии работы по патриотическому воспитанию молодежи характеризует также положительная динамика поступления выпускников образовательных организаций республики в военные образовательные учреждения по программам высшего и среднего профессионального образования поступило 185 выпускников (в 2013 г. – 139, 2012 г. – 50).

В республике ведется целенаправленная работа по формированию здорового образа жизни среди молодежи. Основной акцент сделан на активном внедрении Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса (ГТО) в образовательных организациях. Итогом реализации проекта стало успешное участие во Всероссийской спартакиаде ГТО среди школьников команды Чувашии (школы № 6 г. Канаша), занявшей 3 место среди регионов Российской Федерации.

Для создания современных условий для занятий физической культурой и спортом в 2014 г. в рамках реализации проекта партии «Единая Россия» «Создание в общеобразовательных организациях, расположенных в сельской местности, условий для занятий физической культурой и спортом» был отремонтирован 41 спортивный зал. На эти цели было направлено более 35,0 млн руб.

В 2014 г. в республике полностью завершена работа по оптимизации сети государственных учреждений среднего профессионального образования. В настоящее время подготовку кадров для республики осуществляют 27 профессиональных образовательных организаций, находящихся в ведении Чувашской Республики.

В республике идет активный процесс создания многофункциональных центров прикладных квалификаций. В настоящее время действуют четыре центра по отраслям «Строительство», «Машиностроение», «Электротехника», «Жилищно-коммунальное хо-

зяйство». В 2015 г. будут созданы еще три центра по кластерам «Сельское хозяйство», «Транспорт» и «Сфера обслуживания». Создание подобных центров позволит совместно с ведущими предприятиями республики адресно осуществлять подготовку, переподготовку кадров для приоритетных высокотехнологичных отраслей экономики республики.

В Чувашии активно ведется целенаправленная работа среди молодежи по повышению мотивации к трудовой деятельности по прикладным профессиям, продвижению инновационных стандартов, форматов и ценностей профессионализма и предпринимательства. Подтверждением этому служит создание Центра развития компетенций по формату WorldSkills на базе Новочебоксарского политехнического техникума по компетенциям «Парикмахерское искусство» и «Сварочные технологии». Для подготовки кадров, соответствующих мировым стандартам по уровню квалификации, качеству труда и владению передовыми профессиональными технологиями, в дальнейшем планируется создать подобные центры по компетенции «Поварское дело» и по развитию компетенций специалистов строительной сферы и специалистов, информационных и коммуникационных технологий.

Многие выпускники не обладают достаточной самостоятельностью и осознанностью профессионального самоопределения, не полностью владеют знаниями и умениями эффективного определения своего дальнейшего трудового пути, не могут четко поставить цели создания успешной карьеры и найти пути их достижения. С учетом этого одним из наиболее важных вопросов развития образования и экономики является подготовка грамотного и активного молодого поколения. С этой целью в 2016 г. на базе Чебоксарского экономико-технологического колледжа планируется создать центр развития предпринимательских навыков и планирования карьеры.

Совместно с крупными предприятиями-партнерами продолжается процесс создания корпоративных центров прикладных квалификаций. Так, в 2014 г. на базе Чебоксарского электромеханического колледжа введена линия поверхностного монтажа ресурсного центра ОАО «ЭЛАРА», которая позволила максимально приблизить условия обучения в колледже к условиям реального производства на заводе, на базе Чебоксарского техникума строительства и городского хозяй-

ства открылся учебный центр повышения квалификации «ТехноНиколь: Строительная Академия» для обучения специалистов по коттеджному и малоэтажному строительству, технической изоляции, выполнению кровельных работ на основе мировых передовых технологий.

Сегодня подготовка профессиональных кадров невозможна без эффективного взаимодействия техникумов и колледжей с социальными партнерами.

Работодатель должен активно участвовать в разработке содержания и экспертизе программ техникума или колледжа, в стажировке мастеров производственного обучения и преподавателей спецдисциплин, укреплении материально-технической базы, социальном и материальном стимулировании учащихся и педагогов.

В Чувашии продолжается работа по совершенствованию системы выявления и поддержки талантливой молодежи. Стипендиаты Главы Чувашской Республики, лауреаты Государственных молодежных премий Чувашской Республики вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие Чувашии и достойно представляют республику на всероссийском и международном уровне.

Системная работа по вовлечению молодежи в добровольческую деятельность позволила увеличить количество добровольческих команд в Чувашии (в 2014 г. – более 1,6 тыс. команд с охватом более 43,5 тыс. волонтеров; для сравнения, в 2013 г. – более 1,5 тыс. команд с охватом более 42 тыс. волонтеров), оказывающих помощь людям с ограниченными возможностями, пожилым, ветеранам и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, осуществляющих деятельность по пропаганде здорового образа жизни и т. д. Один из наиболее успешных добровольческих проектов – молодежный образовательный проект «Школа волонтеров».

На качественно новый уровень вышло спортивное волонтерство Чувашии. Работа наших волонтеров высоко оценена организаторами спортивных мероприятий, таких как Эстафета огня Универсиады (Чебоксары), XXVII Всемирная летняя универсиада (Казань), Кубок мира по парашютному спорту (Чебоксары), Всемирные игры боевых искусств (Санкт-Петербург), Кубок Европы по каратэ (Чебоксары), Эстафета олимпийского огня (Чебоксары), V Командный чемпионат Европы по легкой атлетике и др. В проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI

Паралимпийских зимних игр в Сочи помогли 117 волонтеров, в организации проведения V Международного спортивного форума «Россия – спортивная держава», который состоялся 9–11 октября 2014 г. в г. Чебоксары, – более 1000 волонтеров, V Командный чемпионат Европы по легкой атлетике, который состоялся 19–20 июня 2015 г. в Чебоксарах, более 1000 волонтеров.

В современных условиях особое место отводится развитию проектной культуры молодежи. Молодые люди принимают активное участие в окружных и международных форумах и слетах, таких как Молодежный форум Приволжского федерального округа «iВолга» (в 2014 г. – 90 чел.), Международный молодежный слет «Таврида» (в 2014 г. – 10 чел.).

Наиболее значимые и актуальные молодежные инициативы получают финансовую поддержку. Так, за последние три года были поддержаны 74 проекта на общую сумму более 9,8 млн руб.

Вместе с тем, по результатам мониторингового исследования жителей республики, заметно изменился рейтинг проблем, требующих решения в первую очередь. Так, в 2012 г. на первом рейтинговом месте была безработица (53,4 %), на втором – алкоголизм (51,0 %), на третьем – качество дорог (45,7 %). Последнее из 8 заняла преступность (3,7 %). На сегодняшний день, учитывая те меры, которые предприняты органами государственной власти и местного самоуправления республики, первой определилась проблема качества дорог (85,1 %), на второе место вышло состояние жилищно-коммунальной сферы (79,6 %), третье рейтинговое место заняло качество медицинского обслуживания (75,7 %). Последнее место – преступность (25,2 %).

Невозможно не заметить, что оценки респондентов стали категоричнее, но вместе с тем они коррелируют с общими тенденциями в других субъектах и стране в целом. У населения возрастает уровень притязаний и требований к структурам, осуществляющим государственную и муниципальную политику в этих сферах.

Анализируя структуру жизненных ценностей населения Чувашии, нужно отметить, что она в целом носит позитивный характер. Доминирующую позицию, как и прежде, занимает здоровье (78,2 %), счастливая семейная жизнь (55,4 %), материальная обеспеченность (53,4 %), интересная работа (43,8 %).

Грамотно структурированное время проведения досуга способствует низкому уровню девиаций.

Заключение. Таким образом, представленный анализ направлений социокультурной модернизации Чувашии позволяет сказать, что в республике продолжается развитие и усложнение социокультурных процессов, способствующих дальнейшему эффективному развитию региона.

1. Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Уфа, 22–25 октября 2012 г.) / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. – Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. – 472 с.

2. Рост индустриальной модернизации в приволжском регионе (Чувашская Республика) / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. – М. : Ин-т философии РАН: Academia, 2013. – 416 с.

3. Официальный портал органов власти Чувашской Республики. – URL : <http://www.sar.ru/> (дата обращения: 25.11.2014).

4. Семедова-Полупан Н. Г. Отношение населения Чувашской Республики к проблемам наркотизации общества // Вестник Чебоксарского филиала РАНХиГС. – 2014. – № 1 (6). – С. 69–94.

5. Материалы к Посланию Главы Чувашской Республики М. В. Игнатъева Государственному Совету Чувашской Республики. – Чебоксары : Тип. Брындиных, 2013. – 84 с.

6. Лапин Н. И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 4–24.

7. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / ИФ РАН; сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2013. – 416 с.

8. Семедова-Полупан Н. Г. Социологическая оценка эффективности регионального управления (на примере Чувашской Республики) // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2013. – № 9(112). – С. 43–47.

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И СОСЕДНИХ РЕГИОНАХ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**HIGHER EDUCATION AND SCIENCE IN THE TULA REGION AND THE NEIGHBORING REGIONS:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

А.В. Слобожанин

A.V. Slobozhanin

*Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

В статье рассматриваются отдельные процессы в высшем образовании и науке Тульской области как основе социальной модернизации. Методологической основой исследования модернизации выступает теория Хэ Чуаньци, в которой особое внимание уделяется процессам вторичной модернизации (постиндустриализации). Ее неотъемлемые части: институты высшего образования и науки рассматриваются в сравнении показателей Тульской области и соседних областей (Московской, Рязанской, Липецкой, Орловской, Калужской) за 2007 и 2013 г. В качестве индексов рассматриваются: число студентов вузов на 1000 человек населения региона, число организаций высшего профессионального образования в регионах, доля специалистов с высшим образованием в общей численности занятых в экономике, доля лиц с ученой степенью среди профессорско-преподавательского состава вузов, число организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, количество патентов, полученных в регионах, затраты на научные исследования и разработки в валовом региональном продукте региона, доля персонала, занятого исследованиями и разработками среди занятого населения региона. Показана общая динамика спада отдельных характеристик исследуемой сферы при наличии роста некоторых показателей развития науки и высшего образования в Московской и Липецкой областях. Устанавливается, что в Тульской области изменения носят слабовыраженный характер и в целом повторяют динамику соседних регионов.

The article examines the individual processes in higher education and science of the Tula region as the basis of social modernization. Methodological basis of the research is the theory of He Chuanci, in which special attention is paid to the secondary processes of modernization (post-industrialization). Its integral parts include institutions of higher education and science, which are considered in the comparison of the Tula region and neighboring areas (Moscow, Ryazan, Lipetsk, Orel, Kaluga) for 2007 and 2013. This article discusses the following indexes: the number of university students per 1000 inhabitants in the region, the number of organizations of higher professional education in the regions, the share of specialists with higher education in total employment in the economy, the share of people with academic degrees among faculty members of universities, the number of organizations engaged in scientific research and development, number of patents received in the regions, the costs of research and development in the gross regional product of the region, the share of personnel engaged in research and development among the employed population of the region. The article shows the general dynamics of the decline of the individual characteristics of the studied areas, with the growth of some indicators of development of science and higher education in Moscow and Lipetsk regions. The author found that in the Tula region, the changes are mild and repeat the dynamics of the neighboring regions.

Ключевые слова: модернизация, высшее образование, наука, Тульская область.

Key words: modernization, higher education, science, Tula region.

Введение. Перед Россией стоит задача перестройки экономических, социокультурных и иных характеристик общества в соответствии с общемировыми тенденциями развития общества и культуры, тенденциями их модернизации. «История всемирной модернизации – часть цивилизационного процесса человечества» [1], но данная проблема может быть решена исключительно с учетом национальных и региональных особенностей. Необходим учет специфики Центрального ФО, заключающейся прежде всего в большом раз-

личии уровня развития отдельных областей при общем культурном единстве. Необходима концепция, качественно описывающая модернизацию регионов и страны в целом.

Обзор литературы. Нам кажется перспективным применение инструментария, используемого учеными Китайского центра исследования модернизации, разработанного Группой исследования модернизации Китая (Китайский центр исследования модернизации Китайской академии наук) под руководством профессора Хэ Чуаньци. Но к сожа-

лению, российская традиция представления статистических данных и отсутствие у нас нормативных показателей не позволяет использовать ее после 2011 г. В нашей предыдущей статье [2] мы реализовали данную методику в полной мере за период 2000–2011 г. и пришли к выводу об окончании первичной модернизации в регионе.

Напомним читателю, что «Первичная модернизация – переход от аграрной цивилизации к промышленной цивилизации и эре, она включает аналогичный переход от аграрной к индустриальной экономике, обществу, культуре и т. п. Вторичная модернизация – переход от промышленных к основанным на знаниях цивилизации и эре, в это время также наблюдается переход от промышленных к информационным экономике, обществу, культуре и т. п.; также наблюдается переход от материальной культуре к экологической», – пишет Хэ Чуаньци [3]. Таким образом, каждая стадия связана с соответствующей эрой цивилизационного процесса: первичная модернизация – с индустриальной эрой, вторичная – с информационной эрой, или эрой знаний. Поэтому логично, что сфера науки и высшего образования становится определяющей в данный период.

В методике Хэ Чуаньци вторичная модернизация характеризуется следующими индексами: инноваций в знаниях, трансляций знаний, качества жизни, качества экономики. Первые два индекса непосредственно связаны с состоянием сферы образования и науки. Нами совместно с В.И. Мосиным состояние указанных индексов в период 2000–2011 гг. проанализировано в коллективной монографии [4]. Ввиду вышеуказанных технических трудностей подсчета индексов, мы будем ис-

пользовать собственные относительные оценочные показатели динамики процессов в сфере высшего образования и науки. Проведем оценку Тульской и соседних (Московской, Калужской, Орловской, Липецкой и Рязанской) областей.

В рамках исследований, проводимых на базе ТГПУ им. Л.Н. Толстого, достаточно подробно рассмотрены процессы в сфере образования и науки Тульской области, инновационный потенциал ее экономики [5–7].

Приоритетность развития науки в Тульской области показана в работе В.И. Мосина «Социально-экономические приоритеты Тульской области в современных условиях [7].

Гипотеза и методы исследования. В Тульской области, как и в соседних регионах (кроме Московской области) наблюдается спад отдельных показателей, характеризующих научную и образовательную сферу регионов. Основным методом исследования стала работа со статистическими данными. Далее все статистические данные взяты с сайта Росстата [8].

Результаты исследования. Для оценки динамики образования за 2007–2013 гг. нами использовались следующие параметры.

1. Число студентов вузов на 1000 человек населения региона. Данный показатель особенно значим, так как используется во многих методиках расчета уровня модернизации, в том числе в рассмотренной нами ранее методике профессора Хэ Чуаньци (КНР). В характеристики первичной и вторичной модернизации включен индикатор «Уровень знаний (уровень грамотности населения и доля студентов среди молодежи 18–22 лет)». Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Число студентов вузов на 10000 человек

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	272	331,0	–59	Спад
Московская область	204	248,0	–44	Спад
Рязанская область	405	459,0	–54	Спад
Липецкая область	272	314,0	–42	Спад
Орловская область	485	565,0	–80	Спад
Калужская область	276	372,0	–96	Спад
Всего по регионам (среднее)	319	381,5	–63	Спад

По данному показателю наблюдается устойчивый спад как в Тульской области, так и во всех соседних регионах. С одной стороны, эта тенденция выступает как негативная.

Единственное предположение позволяющее рассматривать данную тенденцию с позитивно стороны – закрытие филиалов негосударственных вузов, которые, по сути, выполняли

функции «продавцов дипломов» из-за усиления контроля со стороны государства. В Тульской области спад наблюдался на среднем уровне.

2. Число организаций высшего профессионального образования в регионах. Данный показатель рассматривается нами как существенный ввиду того, что в рассматриваемый период Министерство образования и науки не проводило политики на закрытие

или слияние неэффективных образовательных учреждений. Заметим, что мы рассматриваем лишь самостоятельные образовательные учреждения, без учета филиалов. Это обусловлено нашим недоверием к качеству образования в филиалах вузов в рассматриваемый период. Результаты динамики числа организаций высшего профессионального образования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Число организаций высшего профессионального образования

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	9,0	6	-3,0	Спад
Московская область	38,0	33	-5,0	Спад
Рязанская область	9,0	9	0,0	Без изм.
Липецкая область	6,0	6	0,0	Без изм.
Орловская область	5,0	8	3,0	Рост
Калужская область	4,0	5	1,0	Рост
Всего по регионам (кол-во учреждений)	71	67	-4	Спад

Сокращение количества вузов не может рассматриваться как позитивное явление, так как уменьшение числа образовательных учреждений влечет за собой сокращение профессорско-преподавательского состава и отчасти студентов. Тульская область особенно выделяется в негативной динамике. Если закрытие вузов в Московской области практически не отразится на сфере образования и науки региона, то для Тульской области подобное сокращение весьма существенно, прежде всего для жителей периферии региона.

3. Доля специалистов с высшим образованием в общей численности занятых в эко-

номике. Данный показатель носит комплексный характер, так как соединяет высшее образование и экономику региона. Следует иметь в виду, что проявляет он себя отсроченным образом, так как не все выпускники устраиваются на работу сразу после окончания вуза. В методике Хэ Чуаньци данный индекс представлен косвенным образом, через развитие третичного сектора экономики, которое невозможно без повышения числа высокообразованных людей в экономике. Доля специалистов с высшим образованием представлена в таблице 3.

Таблица 3

Доля специалистов с высшим образованием в общей численности занятых в экономике

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	24,8	25,9	1	Рост
Московская область	33,4	40,8	7	Рост
Рязанская область	24,9	28,1	3	Рост
Липецкая область	19,2	29,2	10	Рост
Орловская область	25,2	30,6	5	Рост
Калужская область	22,8	28,70	6	Рост
Всего по регионам (среднее)	25,1	31	6	Рост

Здесь ситуация в Тульской области весьма типична. Во всех соседних регионах наблюдается схожий рост. Несколько выделяется Липецкая область, ввиду бурного роста зарубежного сотрудничества в сфере обрабатывающего производства и машиностроения [9].

4. Доля лиц с ученой степенью среди профессорско-преподавательского состава вузов. Характеризует, с одной стороны, качество преподавательских кадров, с другой – единство образовательной и научных сфер. Ввиду характера используемых статистических материалов показатель может быть не-

сколько завышен, так как не все исследователи с ученой степенью являются преподавателями вузов. Но поскольку нас интересуют

общие тенденции, а не абсолютные значения, то погрешность будет не очень большой (табл. 4).

Таблица 4

Доля лиц с ученой степенью среди профессорско-преподавательского состава вузов

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	0,11	0,09	-0,02	Спад
Московская область	1,27289	1,043565	-0,23	Спад
Рязанская область	0,060783	0,084732	0,02	Рост
Липецкая область	0,045455	0,072749	0,03	Рост
Орловская область	0,067652	0,062385	-0,01	Спад
Калужская область	0,553442	0,627312	0,07	Рост
Всего по регионам (среднее)	0,35	0,33	-0,02	Спад

Особой динамики здесь не наблюдается, что говорит об устойчивости структуры профессорско-преподавательского состава. Для роста данного показателя необходимо принятие мер по профессиональному ориентированию выпускников аспирантуры на работу в вузе. В настоящее время проблема решена, но скорее из-за сокращения штатов профессорско-преподавательского состава в контексте перехода на федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Был и остается проблемным низкий уровень защит кандидатских диссертаций. Многие аспиранты работают в сторонних организациях и практически не занимаются научной работой. Можно надеяться на то, что превращение аспирантуры

в ступень высшего образования решит и эту проблему.

Для оценки развития научного сектора регионов нами были выбраны следующие показатели:

1. Число организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками (табл. 5). Мы не стали использовать относительный показатель ввиду того, что доля данных организаций среди всех организаций окажется близкой к нулю.

2. Количество патентов, полученных в регионах (табл. 6). Мы рассматриваем индекс количества патентов на число исследовательских организаций, чтобы сгладить различия между регионами с большим и маленьким числом исследовательских организаций.

Таблица 5

Число организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	18,0	22	-4,0	Спад
Московская область	235,0	261	-26,0	Спад
Рязанская область	19,0	19	0,0	Без изм.
Липецкая область	12,0	11	1,0	Рост
Орловская область	14,0	15	-1,0	Спад
Калужская область	43,0	41	2,0	Рост
Всего по регионам (среднее)	341,0	369	-28,0	Спад

Таблица 6

Количество патентов, полученных в регионах

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	11,3	13	-1,7	Спад
Московская область	9,7	7	3,2	Спад
Рязанская область	22,4	12	-12,4	Спад
Липецкая область	8,5	8	0,0	Без изм.
Орловская область	10,7	17	-6,0	Спад
Калужская область	3,6	4	-0,8	Спад
Всего по регионам (среднее)	27,7	10,1	-17,6	Спад

Спад наблюдается во всех областях, кроме Калужской и Липецкой областей. Причина кроется в развитии автомобилестроения в Калужской области и машиностроения и обрабатывающего производства в Липецкой области. Спад обуславливается сокращением исследовательских организаций и персонала исследователей, низкой востребованностью инноваций в данных областях.

3. Затраты на научные исследования и разработки в валовом региональном продукте региона (табл. 7). Этот показатель характеризует экономическую сторону науки. (В методике Хэ Чуаньци используется схожий индекс «Доля инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг».)

Таблица 7

**Затраты на научные исследования и разработки
в валовом региональном продукте региона**

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	0,01	0,01	0,00	Без изм.
Московская область	0,04	0,04	0,00	Без изм.
Рязанская область	0,01	0,01	0,00	Без изм.
Липецкая область	0,00	0,00	0,00	Без изм.
Орловская область	0,00	0,00	0,00	Без изм.
Калужская область	0,03	0,05	-0,01	Спад
Всего по регионам (среднее)	0,01	0,0	0,00	Без изм.

Положение во всех регионах здесь печальное, затраты на науку в регионах практически отсутствуют. Незначительно выделяется лишь Московская область. Скорее всего, это обусловлено большим количеством исследовательских организаций и близости к Москве. Относительно параметра доли инновационных товаров, результаты практически идентичны [2]. В настоящее время появляется надежда на улучшение данного показателя, ввиду политики импортозамещения и принятых США и Евросоюзом технологиче-

ских санкций в отношении Российской Федерации. Это вынудит российскую экономику перестроиться на большие затраты в области научных разработок.

4. Доля персонала, занятого исследованиями и разработками среди занятого населения региона (табл. 8). Индекс показывает востребованность исследователей в региональной экономике. Отчасти этот индекс связан с предыдущими, так как исследователям необходима соответствующая база и выделение денег на проведение исследований.

Таблица 8

**Доля персонала, занятого исследованиями и разработками
среди занятого населения региона**

Регион	Данные за 2008 г.	Данные за 2013 г.	Разность показателей	Тенденция
Тульская область	0,46	0,7	-0,27	Спад
Московская область	0,03	2,9	-2,83	Спад
Рязанская область	0,00	0,7	-0,69	Спад
Липецкая область	0,00	0,1	-0,06	Спад
Орловская область	0,00	0,2	-0,23	Спад
Калужская область	0,02	2,2	-2,14	Спад
Всего по регионам (среднее)	0,09	1,1	-1,04	Спад

Хотя, результаты по всем регионам негативны, следует отметить, что Тульской области удалось сохранить достаточно высокий процент исследователей. Это обусловлено исключительной важностью оборонных исследовательских организаций, таких как НИИ «СПЛАВ» и КБ «Приборостроение». Одна-

ко для преодоления негативных тенденций мощным импульсом может оказаться лишь увеличение финансирования исследований в контексте импортозамещения.

Заключение. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Тульская область по тенденциям изменения в сфере науки и высшего образования не сильно отличается от соседних регионов.

2. По большинству исследуемых параметров наблюдается устойчивый спад в рассматриваемый период, причем в научной области спад наблюдается по всем 4-м критериям.

3. Динамика развития высшего образования опережает динамику развития науки в рассматриваемых регионах.

4. Наиболее стремительно развиваются образование и наука в Московской, Калужской и Липецкой областях.

1. *Хэ Чуаньци*. Соотношение между человеческой цивилизацией и модернизацией // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под ред. Н. А. Лапина. – М. : Весь Мир, 2011. – С. 33.

2. *Слобожанин А. В.* Особенности первичной и вторичной модернизации Тульской области в 2000–2011 гг. // Вестник МГИМО-университета. – 2013. – № 3(30). – С. 185–190.

3. Проблема социокультурной модернизации регионов России / Н. И. Лапин, В. И. Мосин, А. В. Слобожанин и др. – М. : Academia, 2013. – 416 с.

4. *Мосин В. И., Загibalова М. А., Назарова Ю. В.* Социокультурный портрет Туль-

ской области. – Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2009. – 125 с.

5. Социокультурный потенциал развития Тульской области в условиях финансово-экономического кризиса / В. И. Мосин, Ю. В. Назарова, А. В. Слобожанин и др. – Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. – 179 с.

6. Тульская область в условиях финансово-экономического кризиса / В. И. Мосин, Ю. В. Назарова, А. В. Слобожанин и др. – Тула : ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. – 179 с.

7. *Мосин В. И.* Социально-экономические приоритеты Тульской области в современных условиях // Общество и социология в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации: в 3 т. – 2015. – Т. 2. – С. 307–311.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 02.07.2015).

9. Экономика Липецкой области пошла в гору. – URL : <http://www.lrnnews.ru/news/full/18822/> (дата обращения: 02.07.2015).

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В СОЗНАНИИ НОВОСИБИРСКИХ ШКОЛЬНИКОВ (2007–2015 гг.)**

**SOCIOCULTURAL CHANGES
IN THE CONSCIOUSNESS OF NOVOSIBIRSK SCHOOLCHILDREN (2007–2015 YEARS)**

О.В. Скворцова

O.V. Skvortsova

*Новосибирский государственный педагогический университет
Novosibirsk State Pedagogical University*

Статья поступила в редакцию 3 июля 2015 г.

В статье представлено сравнение социокультурных характеристик школьников – учащихся выпускных классов разных лет. В основу исследования положены данные социологических опросов старшеклассников – учащихся средних школ разного статуса (включая лицеи и гимназии) Новосибирска, Новосибирской области, Барнаула и Алтайского края (2006 г.). Приводится сравнение социокультурных характеристик старшеклассников Гимназии № 11, заканчивающих школу в различные временные периоды (2007 и 2015 г.). Показаны основные изменения, произошедшие в сознании школьников в контексте начала информационной модернизации и текущих задач реиндустриализации российской экономики. Среди сравниваемых социокультурных характеристик рассматриваются: учебная, общественная и творческая активность старшеклассников; уровень образования их родителей; оценки старшими школьниками авторитетных качеств юношей и девушек; мотивы продолжения образовательной деятельности у старшеклассников, предпочитаемые ими сферы трудоустройства и модели личного поведения в условиях потери работы; оценки старшими школьниками экономического положения в России и факторов, влияющих на развитие экономики и процветание России, оценки причин и источников личного обогащения в современной России; жизненные цели и устремления старших школьников. Основным выводом заключается в том, что наметилась положительная динамика социокультурных характеристик молодого поколения в контексте новой индустриализации, проявляющаяся в первую очередь в мотивах выбора профессии, в оценке качеств личности, в формах проведения досуга, а также в акцентах жизненных целей и устремлений. В разы увеличилась для сибирских старшеклассников значимость образованности, начитанности и широкого кругозора среди качеств личности и несколько увеличилась ориентированность на информационные отрасли сферы труда.

The article compares the socio-cultural characteristics of the students – students of senior classes of different years. The research is based on the data of sociological surveys of senior – high school students of different status (including lyceums and gymnasiums) of the city of Novosibirsk, Novosibirsk region, Barnaul and Altai Territory (2006). A comparison of social and cultural characteristics of high school gymnasium №11, graduating from high school in a variety of time periods (2007 and 2015), shows the main changes that have taken place in the minds of students in the context of the beginning of the modernization of the information and the current challenges re-industrialization of the Russian economy. As a socio-cultural characteristics are considered the following: educational, social and creative activity of senior pupils, the level of education of their parents, older students authoritative assessment of the qualities of boys and girls, the reasons to continue the educational activities at the high school, their preferred model of employment and personal behavior in terms of job loss, senior evaluation schoolchildren economic situation in Russia and the factors influencing the development of the economy and prosperity of Russia, assess the causes and sources of personal enrichment in Russia today, life goals and aspirations of older students. The main conclusion is that there was a positive dynamics of socio-cultural characteristics of the young generation in the context of new industrialization, which manifests itself in the first place in the motives of choice of profession, in the assessment of personality traits, in the forms of leisure activities, as well as accents in the life goals and aspirations. For the Siberian high school students has increased the importance of education, erudition and broad outlook among personality traits, and slightly increased the focus on the information industry of work.

Ключевые слова: социологический опрос, сравнительный анализ, социокультурные изменения, информационная модернизация, реиндустриализация.

Key words: sociological survey, comparative analysis, socio-cultural changes, information modernization, reindustrialization.

Введение. Цель статьи – фиксация фактов, иллюстрирующих изменения, произошедшие в сознании школьников-выпускников в период с 2006 по 2015 г. Эти изменения позволяют, на наш взгляд, более детально обозначить реальные направления модернизационных процессов, или, иными слова-

ми, позволяют определиться в отношении реального содержания происходящих в стране перемен, а также глубины проникновения модернизационных процессов в сознание молодежи, т. е. в сознание выпускников лучших образовательных учреждений, к числу которых относится в Новосибирске гимна-

зия № 11, что подтверждается ее послужным списком. Гимназия дважды была победителем Всероссийского конкурса образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы (2006, 2008 г.), отмечена как «Лучшая школа – 2006» Новосибирской области. Имя гимназии внесено в Федеральный реестр «Всероссийская Книга Почёта», в который включены лучшие предприятия и организации, осуществляющие деятельность в Российской Федерации (2009 г.), гимназия занесена на Доску Почета за разработку и внедрение инновационных программ, создание благоприятных условий для развития интеллектуальных и творческих способностей учащихся (2010 г.), гимназия также стала дипломантом Всероссийского открытого конкурса достижений талантливой молодежи и VI итоговой Всероссийской конференции обучающихся «Национальное достояние России» (2011 г.). В 2013 г. по итогам Всероссийского рейтинга образовательных учреждений повышенного уровня Гимназия № 11 «Гармония» заняла III место среди гимназий Новосибирской области.

Основа исследования – данные социологических опросов старшеклассников – учащихся средних школ разного статуса (включая лицеи и гимназии) Новосибирска, Новосибирской области, Барнаула и Алтайского края (2006 г.), учащихся гимназии № 11 Новосибирска (2007, 2015 г.). Всего опрошено школьников выпускных классов в 2006 г. 2032 человека, в том числе выпускников гимназий и лицеев Новосибирской области и Алтайского края 350 человек, выпускников гимназии № 11 Новосибирска в 2007 г. опрошено 102 человека, а в 2015 г. – 115 человек. Результаты исследования сибирских старшеклассников 2006 г. частично представлены в трудах [1–5].

Актуальность нашего исследования обоснована тем, что ценности и стиль жизни населения регионов, человеческий потенциал и капитал в контексте начала информационной модернизации – одна из ключевых тем программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (1990–2015, рук.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), поскольку без качественного анализа ценностей, жизненных предпочтений и устремлений населения невозможно оценить глубину понимания изменений, происходящих в обществе [6–9].

Наша ориентация на изучение изменений в сознании старших школьников определяется задачами переориентации россий-

ского хозяйства с сырьевой модели развития на наукоемкую и высокотехнологичную модель, вариантами которой являются модели вторичной модернизации (Хе Чуаньци) [10] и новой индустриализации или реиндустриализации (Н. Лапин) [11]. Такая переориентация в решающей степени зависит от изменений в сознании молодежи, ведь как раз молодежь способна самыми быстрыми темпами накопить человеческий капитал нужного качества для осуществления ожиданий переориентации хозяйственной модели. Особенно важно проследить изменения в сознании лучшей ее части. В связи с этим **гипотезой** нашего исследования является предположение о том, что изменения в сознании школьников свидетельствуют об ускорении (замедлении) движения общества в направлении информационной модернизации и реиндустриализации российской экономики.

Результаты исследования. Если уровень активности школьников в учебной и общественной работе, а также доминирующее настроение остались почти без изменений, то выросла творческая активность выпускников: имели творческие работы (литературные, художественные, научные, музыкальные и т. д.) в 2007 г. 47 % опрошенных, а в 2015 – 57 %. Возможно этот результат вызван изменением удельного веса родителей с высшим и более высоким (наличие ученой степени) образованием: отцов – с 61 % (2007) до 69 % (2015), матерей – с 75 % (2007) до 83 % (2015).

Уровень материального положения семей и состояние здоровья старшеклассников по оценке опрошенных школьников остался без изменений, однако просматриваются положительные изменения в составе, качестве и доступности питания: доля тех, кто питается хорошо, кому доступны любые продукты, немного выросла с 78 до 82 %.

Лучшие выпускники по-прежнему планируют после окончания школы продолжать свое обучение в вузе (96 % (2015) против 91 % (2007)), но более половины выпускников 2015 г. намереваются совмещать учебу с работой, в то время как в 2007 г. таковых была только треть. Доля старшеклассников гимназии, уже участвующих в трудовой деятельности и работающих на постоянной основе не изменилась (6 %), однако несколько увеличилась доля подрабатывающих на временной основе (только летом или от случая к случаю): с 47 до 53 %, отмечается рост числа старшеклассников желающих подрабатывать с 50 % (2007) до 57 % (2015). Как видим, со-

временные выпускники более активно стремятся к финансовой независимости.

Продолжение своей образовательной деятельности выпускники 2015 г. в большей

мере, чем выпускники 2007 г., обосновывают желанием развивать свои способности, глубоко изучить предметы, получить знания, получить профессию, специальность (табл. 1).

Таблица 1

Мотивы продолжения образовательной деятельности у сибирских старшеклассников
Вопрос: Если ты собираешься учиться дальше, то для чего?

<i>Удельный вес в составе опрошенных лиц, % (ранжировано по первому столбцу)</i>	<i>Старшеклассники гимназии № 11, принявшие участие в анкетировании, 2007 г.</i>	<i>Старшеклассники гимназии № 11, принявшие участие в анкетировании, 2015 г.</i>	<i>Всего опрошено школьников выпускных классов, 2006 г.</i>	<i>В том числе выпускники гимназий и лицеев НСО и Алтайского края, 2006 г.</i>
Чтобы добиться успеха, сделать карьеру	68	66	53,5	60
Для получения высокой зарплаты, дохода	64	62	57	63
Чтобы развивать свои способности и себя как личность	48	65	30	41
Иметь высокое образование престижно	39	39	41	50
Хочу получить профессию, специальность	37	47	50	49
В будущем приобрести высокое положение в обществе	34	41	31	36
Чтобы стать полезным обществу	27	27	23	26
Глубоко изучить предметы, получить знания	19	33	11	16
Добиться уважения друзей, родных, знакомых	19	12	15	16
Хочу иметь диплом об образовании	11	11	18	21
Чтобы продолжить жизнь в роли учащегося (студента)	4	5	3,5	6
Другое	4	–	4	4
Не знаю	–	2	1	–

Таким образом, за рассматриваемый период мотивы выбора профессии остались прежними, но акценты несколько сместились в направлении профессиональной, а не предпринимательской ориентации. Для выпускников 2015 г. более значимыми, по сравнению с выпускниками 2007 г., мотивами выбора профессии являются: применение своих способностей (70 % против 56 %), стать высококвалифицированным специалистом (57 % против 42 %), приносить пользу своему народу, обществу (39 % против 28 %), а вот сделать карьеру или продвигаться по службе для них менее значимо (49 % против 58 %). Одним из самых значимых мотивов по-прежнему остается высокий доход, заработок, но среди современных выпускников доля отметивших его снизилась с 72 % (2007) до 64 % (2015). Значительно снизилась (почти в два раза) доля лиц, связывающих выбор профессии с возможностью организовать свое собственное дело – с 41 % (2007) до 22 % (2015).

Доля таковых среди учащихся лицеев и гимназий (2006) была значительно выше по сравнению со **всеми** опрошенными старшеклассниками (2006), старшеклассники 11-й гимназии в 2015 г. демонстрируют более низкий уровень ориентации на собственное дело, чем **все** опрошенные старшеклассники (2006).

На какие сферы трудовой деятельности ориентированы сегодняшние старшеклассники – выпускники элитного учебного заведения? По сравнению с 2007 г. заметно выросла ориентация старших школьников на базовые отрасли информационной сферы (образование и воспитание, наука и преподавание в высшей школе, печать, телевидение, кино, финансы) с 52 % (2007) до 70 % (2015), и на институты государственного управления с 33 % (2007) до 42 % (2015). Ориентация на отрасли индустриальной сферы осталась без динамики, а вот ориентация на институты рынка (предпринимательство, коммерция,

торговля, юридические службы) несколько снизилась с 66 % (2007) до 55 % (2015).

Предпочтения в выборе типа институциональной среды профессионального трудоустройства заметно отличают современных старшеклассников от их предшественников (см. табл. 2). 35 % (более трети) выпускни-

ков-2015 предпочитают работать на государственном предприятии, а еще 42 % – на частном (вероятно в качестве наемных работников). Среди выпускников-2007 таковых соответственно 24 и 11 %. Резко снизилась доля выбирающих собственное дело с 52 % (2007) до 33 % (2015).

Таблица 2

**Предпочитаемый тип институциональной среды профессионального трудоустройства для сибирских старшеклассников.
Вопрос: На предприятии какого типа ты предпочел бы работать?**

<i>Удельный вес в составе опрошенных лиц, %</i>	<i>Старшеклассники гимназии №11, принявшие участие в анкетировании, 2007 г.</i>	<i>Старшеклассники гимназии №11, принявшие участие в анкетировании, 2015 г.</i>	<i>Всего опрошено школьников выпускных классов, 2006 г.</i>	<i>В том числе выпускники гимназий и лицеев НСО и Алтайского края, 2006 г.</i>
Предпочитаю иметь собственное дело	52	33	40	43
Работать за границей	37	39	21	25
В акционерном обществе	30	16	14	12
В Российском филиале иностранной фирмы	26	30	17	25
На государственном предприятии, учреждении	24	38	29	25
На частном предприятии	11	42	37	49
Затрудняюсь в выборе	6	6	10	2
Безразлично, где работать	5	4	5	5
Хочу работать только в своем личном подсобном хозяйстве	3	4	1	–
Другие ответы	–	–	–	–

Предпочитаемые модели личного поведения в условиях потери работы остаются без динамики: будут искать работу по специальности (55 % (2007), 58 % (2015)), будут участвовать в конкурсах, собеседованиях, чтобы получить хорошую работу (54 % (2007), 55 % (2015)). Вообще по данным анкетирования 2006 г. намерение участвовать в конкурсах при потере работы отличало представителей лицеев и гимназий от остальных школьников весьма значительно (47 против 33 %).

При оценке причин и источников личного обогащения в современной России уменьшилась в 2,5 раза (с 46 до 18 %) значимость участия в криминальных группировках и в 1,5 раза увеличилась значимость присвоения государственной собственности и коррупции (с 40 до 62 %), но также несколько выросло (с 38 до 43 %) значение высокого уровня образования и профессионализм. По-прежнему высокие ранги сохранили высокая должность, власть (84 %), личная предприимчивость, стремление к успеху – 62 и 58 %, стартовый капитал родителей, их связи и

поддержка (50 и 49 %), а вот значимость выгодной женитьбы (замужества) упала с 50 до 40 %. Иными словами, источниками богатств лучшие школьники считают бюрократический статус и стремление к его обретению, но криминальные и коррупционные источники его получения, по видимому, уступили легальным (семейным и личным профессиональным) источникам, что диагностирует, на наш взгляд, разворот сознания лучшей части молодежи в направлении ценностей цивилизованного социума.

Тот же вывод следует и из сравнения различий при оценке старшеклассниками качеств личности, обеспечивающих авторитет юношам и девушкам. В разы увеличилось число лиц, признающих значительность широких познаний и начитанности для юношей (в три раза: с 21 до 60 %) и для девушек (в два раза: с 36 до 73 %). Это качество из второстепенных становится одним из самых предпочитаемых. К тому же лучшие школьники стали больше читать, и меньше смотреть телевизор. Доля «читающих книги, журналы»

увеличилась с 49 до 57 %, а «смотрящих телевизора» уменьшилась с 39 до 15 %.

Косвенным свидетельством того, что приоритеты вторичной модернизации российского социума постепенно уступают в сознании лучших школьников приоритетам новой индустриализации (реиндустриализации), являются и следующие обстоятельства.

Среди выпускников гимназии наблюдается снижение доли лиц, для которых является значимым мотив «работать творчески» с 47 % (2007) до 37 % (2015), однако по сравнению со всеми опрошенными старшеклассниками (2006) эта доля по-прежнему высока (37 против 20 %).

Значительно убавилась доля выпускников смотрящих на свое будущее с уверенностью и оптимизмом: с 57 % (2007) до 29 % (2015). Доля уверенных в своем будущем представителей 11-й гимназии снизилась даже в сравнении со всеми опрошенными старшеклассниками (2006) (39 %).

Около трети современных старшеклассников гимназии не видят или затрудняются оценить наличие новых жизненных возможностей, которых не было у их родителей.

Прослеживается изменение настроений старшеклассников применительно к их желанию заниматься исследовательской деятельностью. Доля, намеревающихся заниматься наукой, исследованиями выросла с 16 % (2007) до 26 % (2015).

По сравнению с 2007 г. выросла доля выпускников, показывающих положительное отношение к службе в армии (35 % против 22 %) и резко сократилась доля лиц намеренных уклониться от службы (7 % против 22 %).

Фиксируются изменения оценок старшеклассниками экономического положения в России и факторов, влияющих на развитие экономики и процветание России. Если в оценках экономического положения своей школы, семьи и своего личного динамики не наблюдается, то в оценке экономического положения России замечены существенные сдвиги: доля вполне удовлетворенных выросла почти втрое с 9 % (2007) до 24 % (2015).

У лучших школьников заметно выросла роль семейных ценностей и ценностей личностного развития (табл. 3). Эти ценности к тому же заняли наивысшие ранги, а вот роль больших заработков и славы резко снизилась (в 1,8–2 раза). О падении значимости собственного бизнеса, рыночных ценностей в сознании лучших школьников явно свидетельствует также некоторое снижение значимости богатства, развлечений, острых ощущений. Естественным результатом разочарования в возможностях современной школы является, на наш взгляд, снижение значимости ценности образования (с 84 до 69 %) и ориентации на обретение хороших и верных друзей в школе и в вузе (79 до 61 %).

Таблица 3

Жизненные цели и устремления сибирских старшеклассников
Вопрос: Каковы твои жизненные цели, устремления?

<i>Удельный вес в составе опрошенных лиц, %</i>	<i>Старшеклассники школы 11, принявшие участие в анкетировании, весна 2007 г.</i>	<i>Старшеклассники школы 11, принявшие участие в анкетировании, весна 2015 г.</i>	<i>Всего опрошено школьников выпускных классов, 2006 г.</i>	<i>В том числе выпускники гимназий и лицеев НСО и Алтайского края</i>
Получить хорошее образование	84	69	83	87
Иметь хороших и верных друзей	79	61	72	83
Создать семью, завести детей	69	75	60	65
Сделать карьеру	67	50	59	67
Материально помогать родителям, родным	66	66	57	64
Развивать себя как личность	63	71	47	63
Обеспечить достойную жизнь своей семье, детям	61	66	52	57
Жить в гармонии с любимым человеком	60	63	49	64
Заработать большие деньги	58	35	47	60
Найти хорошую работу	48	34	53	58
Много путешествовать, видеть мир	46	55	33	37
Стать хорошим специалистом, мастером своего дела	45	47	37	46

Окончание табл. 3

Удельный вес в составе опрошенных лиц, %	Старше-классники школы 11, принявшие участие в анкетировании, весна 2007 г.	Старше-классники школы 11, принявшие участие в анкетировании, весна 2015 г.	Всего опрошено школьников выпускных классов, 2006 г.	В том числе выпускники гимназий и лицеев НСО и Алтайского края
Всего добиться своим трудом	43	34	36	36
Развлекаться, приятно проводить время	41	34	26	42
Укреплять свое здоровье	38	36	33	33
Жить богато, ни в чем себе не отказывать	36	29	34	44
Основать свое дело, бизнес	36	25	31	35
Добиться славы, признания	33	18	17	24
Испытывать острые ощущения	29	18	14	17
Приносить пользу людям, обществу	28	33	17	18
Жить за границей	28	23	18	22
Уехать отсюда навсегда	15	8	9	12
Добиться власти	14	7	10	14
Приближаться к Богу	9	9	5	3
Затрудняюсь ответить	–	1	–	–
Другие ответы	–	1	1	–

Иными словами, опросы показали, что:

- школьники проявляют менее высокую ориентированность на рыночные ценности и отмечают более высокую ориентированность на ценности государственных регулирующих мероприятий;

- сократилась ориентированность на собственный бизнес и усилилась ориентированность на профессионально-исполнительские функции;

- материальные ориентиры не изменились, но для современных старшеклассников становится важнее профессиональное развитие, а не карьера. Доля желающих стать богатыми снизилась с 83 до 74 %; немного увеличилась доля тех, кто высказывает безразличное отношение к богатству, считает, что богатство не главное в жизни;

- в разы увеличилась значимость образованности, начитанности и широкого кругозора среди качеств личности;

- также несколько увеличилась ориентированность на информационные отрасли сферы труда.

В целом можно **заключить**, что наметилась положительная динамика социокультурных характеристик молодого поколения в контексте новой индустриализации, проявляющаяся в первую очередь в мотивах выбора профессии, в оценке качеств личности, в формах проведения досуга, а также в акцентах жизненных целей и устремлений.

1. *Мостовая Е. Б.* Социологическая индикация образовательных стратегий и характеристик ценностного сознания студентов и школьников : сб. ст. – Новосибирск : НГПУ, 2008. – 160 с.

2. *Харченко И. И.* Современная молодежь Сибири: образовательные и профессиональные стратегии. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2008. – 500 с.

3. *Скворцова О. В., Башкин Р. С.* Выявление факторов исследовательских ориентаций школьников-выпускников : материалы Всерос. социол. конф. «Образование и общество». – М. : ИС РАН, РОС, 2009; URL : http://www.ssarss.ru/abstract_bank/1252912824.pdf (дата обращения: 04.10.2015)

4. *Али Я. В.* Созидательная активность учащихся разных типов средних общеобразовательных школ // материалы III Всерос. социол. конгресса. – 2007. – URL : <http://www.isras.ru/vsf.html> (дата обращения: 04.10.2015).

5. *Али Я. В.* Сравнительная характеристика уровня созидательной активности в различных группах учащейся молодежи // Социально-экономические трансформации в России: взгляд в будущее / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2007.

6. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин,

Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2009. – С. 807; Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов / Ин-т философии РАН; сост. и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляева. – М. : Academia, 2009. – 416 с.

7. Проблемы модернизации в социокультурных портретах России : сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (22–25 октября 2012 г.) / Ин-т социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. – Уфа : АН РБ: Гилем, 2012. – 472 с.

8. Новосибирская область в зеркале социологии: культурный капитал и инновационный потенциал населения в контексте модернизации : колл. монография / отв. ред. В. И. Игнатьев; науч. ред. Е. Б. Мостовая. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. – 264 с.

9. Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модерни-

зации регионов России: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Пермь, 14–17 октября 2014 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 459 с.

10. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н. И. Лапина. – М. : Весь мир, 2011. – 256 с.

11. *Лапин Н. И.* К поэтапной интегрирующей модернизации регионов России // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Пермь, 14–17 октября 2014 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 459 с.

**ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ СРЕДНЕСРОЧНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ,
ИТОГИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)¹**

**EXPERIENCE AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MEDIUM-TERM PROGRAMS
OF DEVELOPMENT OF REGIONS AND FIRST RESULTS OF THEIR REALIZATION
(ON THE EXAMPLE OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT)**

**В.С. Юрина
V.S. Yurina**

*Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти
Volga region State University of service, Toliatti*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Анализируются основные задачи оценки разработки среднесрочных программ развития регионов, т. е. их социально-экономическая привлекательность. Раскрываются ключевые тенденции, обуславливающие динамику развития регионов и стратегические разработки, которые включают в себя меры по сохранению и поддержанию развития экономики регионов в положительном направлении. Для эффективного управления региональным развитием за основу принимается анализ и прогнозирование социально-экономического развития. Создание разработки стратегий роста эффективности реализации социально-экономического потенциала регионов базируется на прогностических моделях, которые раскрывают характер и потенциальную динамику главных макроэкономических показателей на средне- и долгосрочную перспективу. Основные механизмы реализации Стратегии определены в федеральных целевых программах, региональных и муниципальных программах, а также программах крупных компаний, направленных на комплексное развитие территории Приволжского федерального округа. Определение количественно измеряемых индикативных показателей социально-экономической привлекательности региона является основной целью решения поставленных задач. Отличительная черта в динамике роста индекса социально-экономической привлекательности определяется эффектом большой базы, которая сосредоточена в социально-экономических отношениях, относящихся к наиболее развитым регионам Поволжского федерального округа. При рассмотрении среднесрочной перспективы развития региона будут подвергнуты изменениям занимаемые позиции в рейтинге социально-экономической привлекательности регионов Поволжского федерального округа. В результате реализации мероприятий Стратегии к концу 2020 г. Приволжский федеральный округ займет одно из лидирующих мест по величине валового регионального продукта среди федеральных округов страны. В статье обобщаются результаты исследований социокультурных и эколого-экономических факторов новой индустриализации как основной способ развития первичной, индустриальной стадии и перехода к началу вторичной, информационной стадии модернизации большинства регионов (субъектов РФ) России.

This article analyzes the main objectives of the evaluation the development of medium-term programs of development (industrialization) regions, that is, their modernization, socio-economic attractiveness. It reveals the key trends determining the dynamics of development of regions, their modernization and strategic development, which include measures to conserve and sustain the development of regional economy in a positive direction. Effective management of regional development is based on the analysis and forecasting of socio-economic development. The development of growth strategies, the effectiveness of the implementation of socio-economic potential of regions, their modernization is based on predictive models that reveal the nature and potential dynamics of the main macroeconomic indicators for the medium and long term. The basic mechanisms of implementation of the Strategy are defined in the Federal programs, regional and municipal programs as well as programs of large companies aimed at integrated industrial development of the territory of the Volga Federal district. The definition of quantifiable indicative of socio-economic attractiveness of the region is the main purpose of the task. A distinctive feature in the dynamics of growth of the index of socio-economic attractiveness (EPAS) is determined by the effect of the large base, which is concentrated in the socio-economic relationships relating to the most developed regions of the Volga Federal district. When considering the medium-term development prospects of the region there will be changed the position in the ranking of socio-economic attractiveness of the regions of the Volga Federal district. As a result of the implementation of Strategy by the end of 2020 Volga Federal district will take one of the leading places on the value of the gross regional product among Federal districts of the country. In the end, the article summarizes the results of studies of the socio-cultural and environmental-economic factors of the new industrialization as the main way of development of primary, industrial stage and transition to the beginning of secondary information stage of modernization of the majority of regions in Russia..

Ключевые слова: стратегия развития, индустриализация, модернизация, социально-экономическая привлекательность, социокультурные, эколого-экономические факторы, методический инструментарий, регионы.

Key words: strategy of development, industrialization, modernization, socio-economic attractiveness, socio-cultural, ecological and economic factors, methodological tools, regions.

¹ Автор благодарен Российскому фонду фундаментальных исследований «Поволжье. Региональный конкурс» (грант № 14-06-97019); Российскому гуманитарному научному фонду «Волжские земли в истории и культуре России» (грант № 15-12-63006) за финансовую поддержку данной работы.

Введение. Для эффективного управления региональным развитием за основу принят анализ и прогнозирование социально-экономического развития. Цели социально-экономического развития регионов определены на основе прогнозов, также уточняются приоритеты в развитии регионального хозяйственного комплекса и программные мероприятия.

Создание разработки стратегий роста эффективности реализации социально-экономического потенциала регионов базируется на прогностических моделях, которые раскрывают характер и потенциальную динамику главных макроэкономических показателей на средне- и долгосрочную перспективу.

Проблемы разработки среднесрочных программ:

- увеличение мировой конкуренции, которая охватывает как традиционные рынки технологий, товаров, рабочей силы и капиталов, так и системы национального управления, т. е. содействие инновациям и формирования человеческого потенциала;

- технологические изменения ожидают новую волну, которая увеличивает роль инноваций в социально-экономическом развитии, но при этом уменьшает воздействие многих традиционных факторов роста;

- основным фактором экономического развития является увеличение роли человеческого капитала;

- экспортно-сырьевая модель экономического развития имеет исчерпывающий потенциал, который базируется на ускоренном наращивании сырьевого и топливного экспорта;

- заметен уровень социального неравенства, значительная доля населения, которая находится в состоянии бедности;

- значительные риски существования предпринимательской деятельности;

- на рынке товаров и услуг низкий уровень конкуренции, отсюда предприятиям нет стимулов к увеличению производительности труда;

- национальная инновационная система находится на низком уровне развития, координации бизнеса, науки и образования.

Для того чтобы определить социально-экономическую привлекательность региона, создается определенная система показателей. Система показателей в общем виде представляет собой совокупность единичных и комплексных параметров, которые характеризуют уровень социально-экономической привлекательности.

Социально-экономическая привлекательность отдельного региона включают в

себя измеримые (объективные) и неизмеримые (субъективные) данные [1].

Обзор литературы: для написания данной статьи рассматривалась «Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г.», которая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, научные труды других авторов.

Гипотезы и методы исследования. Для определения значений показателей в основном применяются статистический, расчетный и инструментальный методы. Экспертный и социологический методы применяются для качественных описаний неизмеримых показателей социально-экономической привлекательности региона.

Методологические подходы к обоснованию интегрального показателя социально-экономической привлекательности региона – теоретически обоснованные показатели, которые включаются в его состав. Раскрыты факторы, влияющие на индекс социально-экономической привлекательности региона. Это нашло разрозненное парирование в экономико-математической модели.

Определение количественно измеряемых индикативных показателей социально-экономической привлекательности региона является основной целью решения поставленных задач. Выделяют 12 блоков факторов, которые представляют интенсивное влияние на уровни экономики региона (уровень развития транспортной инфраструктуры, демографический потенциал регионов, степень развития трудовых ресурсов, развитие информационно-коммуникационных технологий, сельскохозяйственный потенциал, промышленный потенциал, степень развития энергетического комплекса, уровень развития рыночной инфраструктуры, инвестиционная привлекательность, научно-образовательный потенциал, криминогенный фактор, степень экологического благополучия). Данная группа индикаторов находят отражение в интегральных показателях [2].

Результаты исследования. Индикативные значения показаны при количественной оценке уровня социально-экономической привлекательности регионов Приволжского федерального округа (ПФО) по каждому блоку факторов. Была найдена доступная статистическая база, по которой осуществлялся выбор критериев для построения интегрально-

го показателя (индекса) социально-экономической привлекательности регионов. Таким образом, совокупность показателей не включает экспертных показателей и показателей, которые основаны на результатах опросов экономических хозяйствующих субъектов.

Методический инструментарий анализа факторов социально-экономической привлекательности базируется на оценке показателей уровня интегральных значений. Разрабатываются различные сценарии регионального развития при условии учета программирования динамики того или иного фактора. Рассмотрим такой фактор, как инерционность, который показывает конкурентоспособность регионов Поволжского ФО. Инерционность состоит из: уровня развития транспортной инфраструктуры; демографического потенциала регионов; степени развития трудовых ресурсов; развития информационно-коммуникационных технологий; сельскохозяйственного потенциала; промышленного потенциала; степени развития энергетического комплекса; уровня развития рыночной инфраструктуры; инвестиционной привлекательности; научно-образовательного потенциала; криминогенного фактора; степени экологического благополучия.

Отличительная черта в динамике роста индекса социально-экономической привлекательности (СЭП) определена эффектом так называемой большой базы, которая сосредоточена в социально-экономических отношениях наиболее развитых регионах Поволжского ФО. В связи с этим совершенно нелогичным является наличие у регионов низких показателей динамики роста. Но при этом менее развитые в социально-экономическом плане регионы должны были бы продемонстрировать на фоне малых базовых значений главных факторов производства более значительные темпы развития. Вышеизложенная гипотеза проявляет себя в действительности исключительно для регионов-лидеров.

При рассмотрении регионов-лидеров социально-экономическая привлекательность достигается при различных направлениях. Данный фактор свидетельствует о том, что в долгосрочной перспективе регионы-лидеры могут проконтролировать свои позиции в рейтинге социально-экономической привлекательности.

Абсолютно по всем регионам Поволжского ФО социально-экономическая привлекательность принимает положительный тренд, и это на перспективу до 2020 г. Но все равно

значения рейтингов подвергаются изменениям. К примеру, данные изменения характерны для регионов с более низкими значениями индекса социально-экономической привлекательности. А регионы-лидеры в оцениваемом прогнозируемом периоде демонстрируют более низкий уровень динамики роста индекса СЭП относительно регионов-аутсайдеров. Можно увидеть, что, наиболее высокий уровень динамики роста индекса СЭП прогнозируется у Пензенской области (5,44 %) и Республики Мордовия (5,48 %). В то же время динамика социально-экономического развития в Самарской области оценивается на уровне в 2,99 %, а в Саратовской и вовсе 2,4 % [3; 4].

По всей видимости, такие различия в динамике роста индекса СЭП обусловлены эффектом высокой базы в наиболее развитых в социально-экономическом отношении регионах ПФО. В связи с этим абсолютно логичным представляется наличие у данных регионов более низких значений динамики роста. И наоборот, менее развитые в социально-экономическом плане регионы должны демонстрировать на фоне низких базовых значений основных факторов производства более высокие темпы развития. Однако данная гипотеза находит свое подтверждение только для регионов-лидеров.

Регионы-аутсайдеры могут показывать разнонаправленную динамику роста индекса СЭП. Ранее названы регионы (Пензенская область, Республика Мордовия), у которых виден высокий уровень динамики роста индекса СЭП. Остальные регионы, которые далее следуют в рейтинговой таблице, демонстрируют достаточно низкие значения роста. Из-за этого обстоятельства будет в значимой степени ограничиваться конкурентоспособность регионов (Ульяновская область, Удмуртская Республика, Кировская область и Республика Марий Эл) в долгосрочной перспективе.

Экономическая система страны должна постоянно совершенствоваться. Отсюда следует, что основная задача состоит в модернизации экономических процессов. Для решения данной задачи основой является раскрытие более устойчивых характеристик, которые отражают изменение показателей социально-экономического развития.

Россия имеет возможности в ближайшее десятилетие трансформировать зрелость первичной модернизации в подготовку и начало вторичной. Но для такой трансформации

требуется научно обоснованная стратегия, дифференцированная по федеральным округам и регионам, поддерживаемая их населением и целеустремленно осуществляемая органами управления. При ее разработке и осуществлении немалое значение имеют социокультурные особенности регионов.

Модернизация в России еще не завершена. Наблюдается стремление к формированию общества знаний (информационного общества), что предполагает развитие сферы услуг, инноваций, всеобщую информатизацию, равновесие между урбанизированной и аграрной сферами, доступность общего высшего образования. В условиях незавершенности модернизации в обществе необходимо принимать меры, направленные на развитие человеческого потенциала [1; 3].

При рассмотрении социальной политики Поволжского ФО видно, что основной его целью является развитие человеческого потенциала. Этот фактор имеет две стороны:

- предполагает улучшение условий жизни населения округа и качества социальной среды, создание благоприятных условий для развития способностей каждого человека;
- увеличение конкурентоспособности человеческого капитала и формирование обеспечивающих его социальных секторов экономики.

На территории Поволжского ФО организована социальная инфраструктура, которая обеспечивает условия жизни населения, находящаяся на уровне наиболее развитых российских регионов. Основные направления модернизации затронули области образования, здравоохранения, культуры, а также обеспечение доступным жильем населения. При этом должно получаться качественное медицинское обслуживание и возможность получения образования. Не менее важно, что население должно быть обеспечено конкурентоспособными рабочими местами.

Реализация комплекса мер в сфере демографической политики имела последовательный характер, что привело к положительному влиянию на динамику демографических процессов. Совершенствование технологической базы отрасли, развития медицинской науки и образования, улучшение кадрового состава привело и будет приводить к улучшению показателей здоровья населения и деятельности организаций системы здравоохранения.

Модернизация системы образования необходима для формирования инновационной

экономики, которая является базой интенсивного экономического роста и социального развития общества, а также фактором безопасности страны и благополучия граждан. Основным проектом Поволжского ФО будет являться развитие федеральных государственных автономных образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Рассмотрим осуществление такой стратегической цели, как улучшение качества жизни населения, которое послужит формированию конкурентоспособной экономики и внесет значительный вклад в развитие науки. Сейчас имеются классические университеты с глубокими историческими традициями, которые дополняются массой профильных отраслевых университетов и научно-исследовательских институтов. Одним из главных конкурентных преимуществ округа является высокая плотность университетских и научно-исследовательских учреждений.

Еще одна цель государственной политики – это развитие культуры населения, личности, увеличение культурных услуг для социально незащищенных слоев населения на базе сохранения культурного наследия и развития культурного многообразия, повышения вовлеченности жителей Поволжского ФО в культурную жизнь.

Создание программ по развитию культурной жизни и получению образования в основном направленно на молодежь. В настоящее время в субъектах Поволжского ФО живет 8,1 млн молодых людей, что составляет существенную часть (более 27 %) от общего числа населения.

Основные проблемы молодежи это безработица, распространение алкоголизма и наркомании, отсутствие доступного жилья, ухудшение здоровья детей и подростков, а также высокий уровень преступности среди молодежи.

Для решения вышеназванных проблем среди молодежи создана Стратегия социально-экономического развития Поволжского ФО до 2020 г. [5]. В ней описано, как обеспечить разнообразные возможности для самовыражения молодых людей всех категорий, повышения социальной активности, предупреждения девиантного и деструктивного поведения. Еще один результат реализации Стратегии – это возвращение в общество и к созидательному труду молодых людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации. Активная жизненная позиция, кото-

рая будет подкрепляться действиями и достижениями, станет привлекательной в молодой среде [5].

Чтобы Стратегия успешно реализовывалась нужно системное, комплексное и синхронное сотрудничество государства, бизнеса и общества, которое будет основано на принципах государственно-частного партнерства в осуществлении основных инвестиционных проектов.

Достижению целей и приоритетов Стратегии будет содействовать реализация проектов, так называемых зон опережающего развития, таких как городские агломерации, территориально-производственные и туристско-рекреационные комплексы и будет происходить обеспечение их транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры.

Ключевые механизмы реализации Стратегии находятся в федеральных целевых программах, региональных и муниципальных программах, а также в программах крупных компаний, которые направлены на комплексное развитие территории Поволжского ФО.

В финансировании мероприятий принимают участие федеральные органы исполнительной власти, что происходит в пределах средств федерального бюджета, которые предусмотрены в последующем финансовом году.

Основной составляющей механизма реализации Стратегии является реализация крупнейших инвестиционных проектов, в том числе с использованием средств Инвестиционного фонда РФ.

Отраженные в Стратегии инвестиционные проекты и мероприятия не являются источником возникновения дополнительных расходов федерального бюджета. Они должны быть ориентиром для реализуемых на территории Поволжского ФО государственных программ, инвестиционных программ субъектов естественных монополий федерального значения на среднесрочную и долгосрочную перспективу [5].

Один из инструментов финансирования развития транспортной инфраструктуры в области автомобильных дорог будут являться созданные в составе федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации федеральный и региональные целевые бюджетные дорожные фонды. Объемы финансирования и сроки осуществления инвестиционных проектов развития автомобильных дорог, необходимых для реализации Стратегии, будут определяться с учетом инвестиционных возможностей указанных фондов.

Действенными мерами реализации Стратегии будет создание зон с определенными условиями ведения хозяйственной деятельности, которая включает в себя особые экономические зоны и зоны территориального развития. Ещё будет происходить развитие бизнес-инкубаторов, технопарков и территориально-производственных комплексов.

Важнейшим механизмом реализации Стратегии является план мероприятий [6].

Для повышения эффективности выполнения Стратегии и достижения поставленных целей создается система мониторинга реализации и хода выполнения ключевых мероприятий [7].

В группе регионов-лидеров также наблюдаются разнонаправленные тенденции развития социально-экономической привлекательности. Несмотря на схожую динамику роста индекса СЭП, все же наиболее низкие значения у таких регионов Поволжского ФО, как Самарская и Саратовская области. Это может свидетельствовать о том, что в долгосрочной перспективе данные регионы могут ослабить свои позиции в рейтинге социально-экономической привлекательности.

Ожидается, что в 2015 г. за счет более быстрой динамики развития индекса СЭП дифференциация между двумя рассматриваемыми группами регионов Поволжского ФО будет смягчаться. Конечно же, регионы-аутсайдеры не смогут добиться смыслов и значений, характеризующих социально-экономическую привлекательность, свойственную регионам-лидерам. Однако тенденция сведения регионов по анализируемому интегральному индексу СЭП имеет место быть в случае инерционности выработки и развития социальных и экономических процессов, протекающих в Приволжском федеральном округе [8].

Заключение. Итак, при рассмотрении среднесрочной перспективы развития региона будут подвергнуты изменениям позиции в рейтинге социально-экономической привлекательности регионов Поволжского ФО. Уже в 2015 г. Республика Татарстан уверенно закрепилась на лидирующей позиции (индекс СЭП составил 846,2 балла из 1200 возможных). Разница с ближайшим «преследователем» – Самарской областью – составил 140 баллов. Прогнозируется что остальная пятерка лидеров не изменится.

Естественно что во второй группе регионов (регионы-аутсайдеры) будут происходить изменения. Прогнозируется, что Чу-

вашская республика и Пензенская область смогут вплотную приблизиться по уровню индекса СЭП к группе регионов-лидеров. Кроме того, в регионах второй группы, а также в Республике Мордовия, ожидается повышение социально-экономической привлекательности. В трех регионах Поволжского ФО: Оренбургской, Ульяновской областях и Удмуртской Республике рейтинг, социально-экономической привлекательности снизится. И это несмотря на то, что безотносительные значения индекса СЭП в анализируемых регионах увеличатся. Однако динамика такого роста будет показывать значения темпов более низкие, чем в целом по другим регионам Приволжского федерального округа [7].

Условием успешной реализации Стратегии является комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства в осуществлении главных инвестиционных проектов.

Достижению целей и приоритетов Стратегии будет содействовать прежде всего исполнение проектов зон опережающего развития – туристско-рекреационных и территориально-производственных комплексов, городских агломераций и обеспечение их энергетической, социальной, транспортной инфраструктуры.

Основные механизмы реализации Стратегии определены в федеральных целевых программах, региональных и муниципальных программах, а также программах крупных компаний, направленных на комплексное развитие территории Приволжского федерального округа [6].

Федеральные органы исполнительной власти принимают участие в финансировании стратегических программ в пределах средств федерального бюджета, предусмотренных им в очередном финансовом году.

Главной составляющей механизма реализации Стратегии также является реализация крупнейших инвестиционных проектов, в том числе с использованием средств Инвестиционного фонда Российской Федерации.

Отраженные в Стратегии инвестиционные мероприятия и проекты должны быть ориентиром для реализуемых на территории Приволжского федерального округа государственных программ, инвестиционных программ субъектов естественных монополий федерального значения на среднесрочную и долгосрочную перспективу. И самое главное, нужно иметь в виду, что инвестиционные ме-

роприятия и проекты не являются источником возникновения дополнительных расходов федерального бюджета.

Одним из инструментов финансирования формирования транспортной инфраструктуры в части автомобильных дорог будут являться созданные в составе федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации федеральные и региональные целевые бюджетные дорожные фонды. Объемы финансирования и сроки осуществления инвестиционных проектов развития автомобильных дорог, необходимых для реализации Стратегии, будут определяться с учетом инвестиционных возможностей упомянутых фондов.

Эффективными мерами реализации Стратегии станет создание зон с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности, включая особые экономические зоны, зоны территориального развития, а также развитие технопарков, бизнес-инкубаторов, территориально-производственных комплексов.

Основным механизмом реализации Стратегии является план мероприятий по ее реализации. Для достижения установленных целей и увеличения результативности выполнения Стратегии вырабатывается система мониторинга ее реализации и хода выполнения главных мероприятий. В результате реализации мероприятий Стратегии к концу 2020 г. Приволжский федеральный округ займет одно из лидирующих мест по величине валового регионального продукта среди федеральных округов страны. Это будет округ с наиболее развитой по международным стандартам индустрией, диверсифицированным высокопроизводительным сельским хозяйством, одной из передовых цивилизованных научно-технических конгломераций, уровень внедрения инновационных технологий в которой достигнет 30–40 % [6].

Существенно сократится разрыв с ведущими странами мира по уровню благосостояния. К 2020 г. среднее по округу значение индекса развития человеческого потенциала – показателя, объединяющего продолжительность жизни, образовательный уровень и валовый внутренний продукт на душу населения, достигнет 0,86–0,88.

В итоге исполнения Стратегии темпы роста доходов населения Приволжского федерального округа завоюют лидирующее положение по Российской Федерации в целом [5].

Таким образом, обобщение результатов исследований социокультурных и эколого-

экономических факторов новой индустриализации – основной способ развития первичной, индустриальной стадии и перехода к началу вторичной, информационной стадии модернизации большинства регионов (субъектов) России [9; 10].

1. *Латин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3–18.

2. Социально-экономическое развитие и технологическая модернизация России – тенденции и перспективы развития / В. Г. Доронкин, Г. Э. Кудинова, В. С. Юрина и др. // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2013. – № 4. – С. 17–19.

3. *Тарасова Т. А.* Оценка процессов модернизации Самарской области // Самарский государственный университет. 2013. – URL : <http://www.socialphenomena.org/article/оценка-процессов-модернизации-самар/> (дата обращения: 25.11.2014).

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 : стат. сб. – М. : Росстат, 2014. – 900 с.

5. Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г. : Распоряжение Пра-

вительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р. – URL : <http://www.garant.ru/product/ipo/prime/doc/6648235/> (дата обращения: 04.10.2015).

6. Механизмы реализации Стратегии – Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р Стратегия социально-экономического развития. – URL : <http://www.pochit.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

7. *Юрина В. С., Кудинова Г. Э.* Анализ проблем устойчивого инновационного развития экономики регионов // Наука – промышленности и сервису. – 2013. – № 8-1. – С. 46–51.

8. Сценарии устойчивого развития / Г. Э. Кудинова, А. Г. Розенберг, В. С. Юрина и др. // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – Т. 8. – № 4. – С. 74–83.

9. Электронный экономический вестник Республики Татарстан. Академия наук Республики Татарстан, Центр перспективных экономических исследований. – 2013. – I кв. (4/5). – URL : <http://www.kpfu.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

10. Стратегия социально-экономического развития Чайковского муниципального района на период до 2027 г. – URL : <http://www.Pandia.ru> (дата обращения: 25.11.2014).

ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

THE POTENTIAL OF MODERNIZATION OF THE UNIVERSITIES IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION

Д.С. Яцкова

D.S. Iatskova

*Курский государственный университет
Kursk State University*

Статья поступила в редакцию 9 июля 2015 г.

Поднимается вопрос о роли университетского сообщества в реализации модернизационных программ в российских регионах. Проанализированы теоретико-методологические основания исследования модернизационных процессов и инноваций, определены их место и роль в социокультурной среде, выявлены основные подходы к разработке инновационных программ и их составляющих. Раскрыты условия для развития инновационного потенциала региональных вузов. Рассмотрены основные проблемы, оказывающие влияние на развитие инновационной активности вузов. Указаны механизмы модернизационных процессов, развития региональной инновационной деятельности, влияющие на повышение эффективности научно-производственной деятельности, её адаптацию к условиям рыночной экономики. Изучены основные условия среды для появления, успешного развития и коммерциализации инноваций. Проанализированы рейтинговые данные социально-экономического развития регионов Центрального Черноземья. Выделены особенности инновационного развития в Курском регионе. Представлены результаты полевого социологического исследования, посвященного оценке инновационной активности студентов вузов Курской и Воронежской областей. Исследование направлено на определение уровня развития модернизационных процессов в регионе и отношения к ним студенческой молодежи, выявляемое через их ориентацию на инновационную деятельность, включающую интересы, цели, мотивы, связанные с нововведениями. Раскрыто понимание инноваций молодыми респондентами. Представлена в контексте компаративного анализа вовлеченность студенчества этих регионов в научно-исследовательскую деятельность. Показано, что от уровня развития инновационного сознания, наличия установок к конструктивному инновационному поведению непосредственно зависит степень инновационной активности молодежи. Высказано предположение о том, что решение проблемы формирования инновационного поведения российской молодежи может способствовать привлечению данной социальной группы к осуществлению модернизации основных сфер жизнедеятельности современного российского общества.

The paper brings up the question of the role of the university community in the implementation of modernization programs in the Russian regions. The article analyzes the theoretical and methodological foundations of the study of modernization processes and innovations, determines their place and role in the socio-cultural environment, identifies the main approaches to the development of innovative programs and their constituents. The author reveals the conditions for the development of innovative potential of the regional universities and the main problems affecting the development of innovative activity of universities. The article shows the mechanisms of modernization processes, the development of regional innovation activities, which will enhance the efficiency of research and production activities, its adaptation to the market economy. The author has studied the main conditions for the emergence, development and successful commercialization of innovation. The article analyzes the rating data of socio-economic development of regions of the Central Chernozem region, as well as the features of innovative development in the Kursk region. The author presents the results of a field sociological research devoted to the assessment of innovative activity of students of higher educational institutions of Kursk and Voronezh regions. The study is aimed to determine the level of development of modernization processes in the region and the attitudes of students, identified through their focus on innovation, including interests, goals and motives associated with innovations. The article explores the understanding of innovation by young respondents, presents the involvement of students in these regions in research activities. The author suggests that the solution of the problems of formation the innovative behavior of Russian youth can contribute to the involvement of this social group of the society to the implementation of the modernization of the main spheres of life of modern Russian society.

Ключевые слова: инновационное развитие, региональная инновационная система, модернизация, научно-исследовательская деятельность, университет

Key words: innovative development, regional innovation system, modernization, research, university.

Введение. Перевод экономики на рельсы инновационного развития настоятельно требует предварительного глубокого осмысления сущностных основ модернизации, уточнения проблем ее ресурсного обеспечения, последовательного раскрытия базовых усло-

вий и этапов реализации данного процесса. Модернизация при этом может быть представлена комплексом экономических, социальных, политических и культурных преобразований, на основе которых общество подвергается существенной трансформации и пе-

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

реходит на качественно новую стадию развития. Несомненно, она требует мобилизации гигантских материальных и человеческих ресурсов, а также решения вопросов о повышении эффективности государственного регулирования социально-экономическими процессами.

Программы модернизации, реализуемые в стране, непосредственно затрагивают интересы жителей российских регионов. В стратегическом плане они нацеливают на формирование потенциала устойчивого развития региональных экономик. Потенциал устойчивого развития складывается из природно-сырьевых, промышленных, инфраструктурных и других ресурсов, но, помимо того, он включает в себя также образовательный, кадровый и научный потенциалы, обеспечивающие инновационный путь развития региональных экономик.

Следует отметить, что в последние десятилетия в нашей стране отмечается явная недооценка образовательного и научно-исследовательского потенциала. И это неудивительно, ведь до сих пор локомотивом социально-экономического развития страны и регионов выступают именно природные ресурсы. Однако в стратегическом плане такое развитие не имеет перспективы, а обращение к инновационному развитию предполагает серьезное наращивание ресурса интеллектуального. Такой ресурс в регионах страны способны предложить высшие учебные заведения.

Конечно же, деятельность высших учебных заведений напрямую зависит от социально-экономического развития региона, но в то же время она сама влияет на него, потому как вузы, включаемые в инновационную систему, становятся площадками для интеграции науки, практики и образования, зарождения научно-технологических проектов, ускоряющих модернизацию. Перед вузом в данном контексте стоит ряд задач: во-первых, повышение своей конкурентоспособности за счет качества образования, во-вторых, подготовка инновационно активных кадров для развития экономики страны, обеспечение условий для развития способностей производить инновации, освоение новых технологий их разработки и потребления.

Сам процесс модернизации системы высшего образования в регионах, в свою очередь, непосредственно связан с потребностями региональной экономической системы. Для выявления приоритетных направлений разви-

тия региональных вузов и, как следствие, уточнения ведущих направлений развития социально-экономического потенциала региона, важно выделить следующие условия модернизации региональной системы:

- выявление основных предприятий региона и потенциальных направлений формирования регионального экономического потенциала для приоритетной подготовки кадров;

- определение основных предпочтений работодателей относительно профессиональных компетенций выпускников, формируемых в вузе, а также их претензии к сформированным навыкам специалистов;

- анализ основных социально-экономических проблем региона и оценка перспектив их решения с помощью осуществления направленной модернизации региональных вузов;

- составление плана реализации модернизационной программы региональных вузов с учетом их ресурсного, научно-исследовательского и инновационного потенциала, а также разработка системы оценки качества проектно-исследовательской деятельности в вузе и степени индивидуального участия сотрудников вуза в ней;

- анализ степени заинтересованности потенциальных социальных и бизнес-партнеров в реализации конкретных проектов модернизации регионального вуза [1].

Обзор литературы. Проблемы модернизационного развития российских регионов в последнее десятилетие активно поднимают участники всероссийского научно-исследовательского проекта «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемого с 2005 г. под эгидой ЦИСИ ИФРАН, – Н.И. Лапин [2], Л.А. Беляева, В.А. Давыденко, Н.В. Дулина [3], Е.А. Когай [4], М.А. Ласточкина, В.С. Половинко, Г.Ф. Ромашкина и др. В исследованиях по измерению уровней и фаз модернизации России в целом и в ее регионах используются индикаторы и индексы модернизации, разработанные китайским профессором Хэ Чуаньци и адаптированные для оценки российских регионов Н.И. Лапиным [5]. Для нашей работы важно, что одной из сфер, выделенных в данной методике, является когнитивная (знаниевая) сфера, которая рассматривается в нашей работе. Исследованию особенностей формирования и развития инновационной деятельности высшего учебного заведения, изучения методики оценки образова-

тельной деятельности, научно-исследовательской деятельности в вузе посвящены работы А.М. Аронова [6], С.Н. Багаева, Н.И. Выхрушевой [7], В.С. Ефимивой [8], Л.М. Гохберга и др. Вместе с тем следует отметить, что к настоящему времени практически нет работ, посвященных выявлению модернизационного потенциала региональных вузов (в частности, вузов Центрального Черноземья), выстроенных на основательной эмпирической базе. Наша работа призвана восполнить данный пробел.

Гипотеза и методы исследования.

Наша работа выдвигает следующую гипотезу: модернизационный потенциал университетов Центрального Черноземья реализуется далеко не в полной мере в силу непроработанности инновационной политики как на уровне вузов, так и на региональном и федеральном уровне в целом. Помимо того, полагаем, что значительная часть студентов университетов Центрального Черноземья осведомлена о программах разработки и реализации инновационных проектов, реализуемых в вузах, но недостаточно активно участвует в их осуществлении.

В работе использованы общенаучные методы исследования: системный анализ, сравнение, обобщение и др. Сбор первичной социологической информации осуществлялся в марте-мае 2015 г. в университетах Курской и Воронежской областей методом раздаточного анкетирования. Общий объем выборочной совокупности составил 440 человек. Для формирования выборочной совокупности студентов применялась одноступенчатая выборка, которая реализовывалась при помощи неслучайного стихийного отбора. Основным методом обработки данных стал метод частотного распределения.

Результаты исследования. Обратимся вначале к рейтинговым данным инновационной активности регионов Центрального Черноземья. Эти данные за 2014 г. были представлены Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» [9].

В Индекс инновационного развития субъектов Российской Федерации включены 36 ключевых показателей, отражающих:

1) социально-экономические условия инновационной деятельности (экономический, образовательный и информационный уровни развития региона, репрезентирующие потенциал к созданию, адаптации, освоению и реализации инноваций);

2) научно-технический потенциал (развитие таких составляющих научно-технического потенциала, как уровня финансового и кадрового обеспечения научных исследований и разработок, публикационной и патентной активности, число создаваемых передовых производственных технологий, поступлений от экспорта технологий);

3) инновационную деятельность (интенсивность процессов создания, внедрения и практического использования технологических, организационных и маркетинговых инноваций);

4) качество инновационной политики (уровень проработанности нормативной правовой базы, наличие специализированного организационного обеспечения и масштаба бюджетных затрат на науку и инновации).

Отметим, что в первую двадцатку рейтинга не вошел ни один из регионов Центрального Черноземья. Тем не менее лидером инновационного развития в Центральном Черноземье в 2014 г. стала Липецкая область (22-е место в РФ), далее, с небольшим отрывом идут Белгородская (24-е место в РФ) и Воронежская (26-е место) области. Курская область вновь проявила себя «среднячком» – 43-е место. Тамбовская область оказалась на 55 месте, а Орловская – на 61-м.

Следует подчеркнуть, что для появления и потребления инноваций важна среда, в которой их можно будет успешно коммерциализировать. Для этого необходимы эффективно работающие технопарки, в том числе при вузах, с прозрачной и открытой системой поддержки инновационных проектов, налоговые и таможенные льготы для компаний, построенных вокруг венчурных проектов, наличие венчурных фондов с опытом поддержки успешных венчурных проектов и др. Отметим, что в Курской области полноценно функционирует только один центр трансфера технологий (ЮЗГУ), в то время как в Липецке инновационная инфраструктура представлена 17 объектами, включающими бизнес-инкубаторы, центры научно-технической информации, гарантийные фонды и др. Воронежская область представлена 12 объектами: 5 бизнес-инкубаторами, 5 технопарками и 2 центрами трансфера технологий. В Белгородской области к организациям инновационной инфраструктуры причислены НИУ БелГУ, БГУ им. В.Г. Шухова и технологические центры, созданные на их базе. В Орловской области 16 объектов отнесены к объектам инновационной инфраструктуры, из

них 2 созданы на базе ведущих высших учебных заведений Орловской области [10].

В Курской области инновационная деятельность, её формирование является задачей, объединяющей законодательную и исполнительную власть, бизнес, вузы и науку, общественные организации, некоммерческие организации, а также СМИ и постепенно вовлекающей в эту сферу людей из различных областей деятельности. Данный регион демонстрирует средние показатели по параметрам инновационной активности, а также возможности перехода в другую группу, более высокого уровня. Обратимся в контексте нашего исследования к вопросу о состоянии основных активных субъектов научно-инновационной деятельности в данной области, а конкретнее, обратимся к такому субъекту, как высшая школа.

Отметим, что на настоящем этапе социально-экономического развития университеты испытывают ряд проблем. Назовем лишь некоторые. Во-первых, при высокой концентрации исследователей они не являются лидерами генерации объектов интеллектуальной собственности, во-вторых, освоение уже созданных технологий сужает возможности инновационной активности вузов и заставляет искать либо уже занятые конкурентные ниши, либо обслуживать адаптацию этих технологий к региональным реалиям; в-третьих, имеет место недостаточное финансирование исследований и инноваций как в регионах, так и в целом в стране.

Вместе с тем представляет исследовательский интерес вопрос о степени осведомленности об инновационной деятельности в вузе студентов и аспирантов, об оценке научно-инновационного потенциала вузов. Изначально мы обратились к вопросу о понимании студентами фундаментальных терминов (инновации, инновационная деятельность, университет), ведь от смысла вкладываемого в них зависит оценка развития компонентов региональной инновационной культуры.

Как показали результаты опроса, большинство студентов могут дать какое-либо определение инновации (82 % – курских, 75 % – воронежских). В основном они понимают ее как нововведение в какой-либо сфере, иногда подразделяя его по функциональному применению на техническую или научную инновацию. Инновационная деятельность университета в основном определяется респондентами как «процесс получения нового научного результата» и/или «деятельность по

внедрению в практику/производство любого конкурентоспособного продукта или технологии». Если обратиться к соответствующим трактовкам, представленных в работах исследователей, то они указывают, что инновационная деятельность в вузе должна быть направлена на создание, реализацию и получение экономического, социального, экологического и иных видов эффектов от реализации инновационных продуктов. По сути, они не противоречат ответам респондентов, хотя позволяют расширить спектр изучения форм и механизмов инновационной включенности системы высшего образования в регионе.

Отметим, что по оценкам российских экспертов, только 15–20 % государственных вузов на сегодняшний день занимаются инновационной деятельностью, что связано прежде всего с нехваткой финансовых ресурсов, сложностью выстраивания сотрудничества с региональным бизнесом, а также противоречивостью правовых аспектов данного процесса. В рамках федеральной политики стимулирования инновационной деятельности в системе высшего образования в 2000-е гг. были реализованы специальные программы, благодаря которым были усилены элементы инновационной инфраструктуры вузов: студенческие бизнес-инкубаторы, центры передачи технологий, учебно-научно-инновационные комплексы.

В региональной инновационной инфраструктуре в настоящее время выделяется производственно-технологическая, консалтинговая, финансовая, кадровая, информационная и сбытовая составляющие. Наиболее значимой в данном аспекте является технологическая, так как именно она включает технопарки, инновационно-технологические комплексы и направлена на создание условий доступа для предприятий к производственным ресурсам. В то же время связь с властью обеспечивает информационная составляющая, объединяя элементы «тройной спирали». Создаваемые в вузе различные идеи и разработки требуют своей коммерциализации, выхода за пределы высшей школы, что обуславливает сотрудничество с бизнесом и властью (модель «тройной спирали»).

Научно-исследовательская работа, по мнению респондентов, наиболее привлекательна для предприятий и бизнес-организаций в качестве партнеров по реализации инновационных проектов (Курск), а также возможностью формирования будущего кадрового состава из числа студентов и аспи-

рантов (Воронеж). При этом информированность об уже имеющихся взаимодействиях невысока.

Обратимся к вопросу о включенности респондентов в научно-инновационную сферу их вузов. При достаточной высокой информированности о возможностях участия в различных сегментах научно-исследовательского сектора, а также при оценке «хорошо» составляющих учебно-образовательного процесса, студенты, а также аспиранты проявляют средний уровень активности. В основном они проявляют себя в научно-практических конференциях (56,8 %), участвуют в публикации результатов исследований, издании статей (44,5 %), а также конкурсах, олимпиадах, выставках (44,1 %). При этом активность воронежских студентов несколько ниже, чем курских (43,6; 24,1 и 32,7 % соответственно). Мы можем предположить, что включенность в инновационную деятельность в Воронежской области происходит в более зрелом и осознанном возрасте, уже после получения высшего образования. Проанализировав данные, свидетельствующие о включенности студентов в научно-инновационную сферу в зависимости от курса их обучения, мы можем сказать, что с каждым годом их активность увеличивается, и если разница между 2 и 3 курсом не столь заметна, то на старшие курсы приходится пик активности. При этом также отмечается положительная тенденция привлечения первокурсников к научной работе.

Полученные в ходе проведения полевого исследования результаты говорят нам о развитии в вузах информационной политики в научной сфере, о разработке методов по привлечению и активизации студентов для научно-исследовательской работы (НИР). При этом важно отметить, что не только с этим связана вовлеченность студентов в НИР. Основными мотивами занятия научно-исследовательской деятельностью, по мнению опрошенных студентов, является интерес в изучении нового, углублении знаний по какой-либо теме, также реализация сил, опыта и способностей в проведении научных работ. Для курских респондентов мотивацией также выступает повышение интереса к учебе и самообразованию, в то время как для воронежских – приобретение нового социального статуса среди сверстников и перед руководством. По мнению респондентов, для успешного участия в инновационном проекте нужно обладать такими качествами, как умение применять профессиональных знания в

производстве, а также обладать углубленными знаниями по специальности.

Как мы уже отмечали, инновационная активность студенчества в целом невысока. Препятствует проявлению инновационной деятельности студентов в образовательных учреждениях Курска и Воронежа прежде всего отсутствие материальных стимулов и недостаточная поддержка научных исследований в общественном сознании в целом, незаинтересованность в них. Для курских студентов проблемой также является финансирование инновационной деятельности (42 %), в то время как для воронежских – сложные условия жизни и учебы (37,3 %). И вовлеченные в научно-исследовательскую работу и не участвующие в ней указывают на отсутствие материальных стимулов, финансирования инновационной деятельности. При этом вовлеченная в НИР группа чаще отмечает сложные условия жизни и учебы, сложность отбора перспективных проектов и технологий, низкую коммерческую эффективность научных разработок, в то время как не участвующие в исследованиях респонденты отмечают недостаточную поддержку со стороны преподавателей, научных руководителей, а также указывают на неразработанную информационно-образовательную базу для проведения исследований.

Заключение. Полученные данные указывают на пробелы в информационной политике вузов, на недостаточную открытость и доступность сведений о возможном получении информации и педагогической поддержки. Они также акцентируют внимание на проблемах, с которыми сталкиваются участники НИР, включая отсутствие перспектив и возможностей в коммерциализации своей деятельности, её материальной отдачи.

Соответственно, инновационная политика региональных вузов должна формироваться с учетом локализации трудностей заинтересованных участников, т. е. ориентироваться на улучшение их финансовой составляющей, условий жизни и учебы, быть направленной на расширение взаимодействия с бизнес-предприятиями.

Мы можем также предположить, что возможности вуза реализуются не в полной мере из-за невозможности довести идею до внедренного/коммерциализованного продукта или услуги из-за тотального бюрократизма всех стадий инновационного процесса. Здесь актуально замечание О.Н. Смолина: «... в последнее время у меня лично всё боль-

шую и большую тревогу вызывает... нарастающий вал бюрократизации, который, с моей точки зрения, извращает сами основы всей образовательной, да, я думаю, что и научно-технической политики тоже» [11]. При повышении открытости к составляющим инновационной инфраструктуры, созданию условий для их взаимного сотрудничества, а также развитию экономической, правовой и инновационной культуры вузовской среды станет возможным увеличение активности участников такого рода деятельности на ранних стадиях инновационного процесса. Лишь в этих условиях можно будет вести речь о действительной роли вузов как модераторов модернизационных региональных программ.

1. *Ковцева И. П.* Региональный аспект модернизации высшего профессионального образования как фактор развития экономического потенциала региона // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 1. – С. 138–141.

2. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). – М. : ИФРАН, 2010. – 111 с.

3. *Дулина Н. В.* Проблемы модернизации регионов // Известия Волгоградского технического университета. – 2013. – Т. 13. – № 9 (112). – С. 183–185.

4. *Козай Е. А.* Социокультурная модернизация регионов Центрального Черноземья: возможности и ограничения // Вестник ВГУ.

Серия «История. Политология. Социология». – 2014. – № 4. – С. 74–80.

5. *Лапин Н. И.* Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. – Уфа : ГИЛЕМ, 2012. – С. 6–23.

6. *Аронов А. М., Белова Е. Н.* Принципы управления инновационной деятельности вуза // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2013. – № 4 (132). – С. 9–13.

7. *Выхрушева Н. И.* Образовательный кластер как фактор инновационного развития региона // Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Экономические науки. – 2009. – № 8(57). – С. 385–387.

8. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2012. – 181 с.

9. Высшая школа экономики: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации в 2014 г. – URL : <http://www.gtmarket.ru/news/2014/03/13/6628> (дата обращения: 01.06.2015).

10. *Иванова О., Сорокина А.* Рейтинг инновационных регионов. Для целей мониторинга и управления: версия 2013 – 2.0. – М., 2013. – 44 с.

11. *Смолин О. Н.* Образование и наука: дебюрократизация и концепция развития. – URL : <http://www.smolin.ru/duma/audition/2015-06-16.htm> (дата обращения: 20.06.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ануфриев Дмитрий Петрович – канд. техн. наук, доцент, ректор Астраханского инженерно-строительного института; e-mail: K474671@list.ru.

Апенько Светлана Николаевна – д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой Инновационного и проектного управления Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; e-mail: apenkosn@yandex.ru.

Арбуз Анна Владимировна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; e-mail: denezhkina1@mail.ru.

Архипова Елена Борисовна – канд. социол. наук, доцент кафедры социальной работы Уральского федерального университета, Екатеринбург; e-mail: dtjj@inbox.ru.

Бальчиндоржиева Оюна Баировна – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии Бурятского государственного университета, Улан-Удэ; e-mail: baoyu2008@yandex.ru

Беляев Владимир Александрович – д-р политич. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева; e-mail: vlad_belyaev@list.ru.

Беляева Людмила Александровна – д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Москва; e-mail: bela46@mail.ru.

Бойко Иван Иванович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник исторического направления; профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин Чувашского государственного института гуманитарных наук; Чувашский государственный университет, Чебоксары; e-mail: boyko2003@yandex.ru.

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна – д-р филос. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Московской финансово-юридической академии, внештатный научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Москва; e-mail: bulavka81@inbox.ru.

Винокуров Александр Иванович – канд. психол. наук, доцент, проректор по научной работе Смоленского государственного института искусств; e-mail: alvinocurov@yandex.ru.

Вылегжанина Анастасия Олеговна – канд. экон. наук, доцент кафедры математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета; e-mail: a.o.vylegzhanina@utmn.ru.

Галактионова Нелли Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тюменского государственного института культуры; e-mail: nelli.galaktionova@yandex.ru.

Галкина Елена Петровна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета; e-mail: pyh2000@mail.ru.

Ганопольский Михаил Григорьевич – д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень; e-mail: gmichaelg@mail.ru.

Германов Игорь Анатольевич – канд. соц. наук, доцент, проректор по внеучебной работе Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: germanov1973@yandex.ru.

Давыденко Владимир Александрович – д-р социол. наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Финансово-экономического института Тюменского государственного университета; e-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Дергунова Нина Владимировна – д-р полит. наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета; e-mail: comm3@yandex.ru.

Драчева Мария Викторовна – аспирант кафедры социологии и социальной работы Керченского государственного морского технологического университета; e-mail: dracheva-mariya@mail.ru.

Дьячкова Юлия Александровна – студент направления «Экономика» Новосибирского государственного университета; e-mail: Julia-Dyachkova2015@yandex.ru.

Еременко Елена Ивановна – директор Центра делового образования Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; e-mail: director@cdo.omsu.ru.

Иваницкий Виктор Павлович – д-р экон. наук, профессор кафедры финансовых рынков и банковского дела, главный советник Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург; e-mail: ivr@usue.ru.

Исупов Андрей Михайлович – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Самарского государственного университета; e-mail: a-isupov@yandex.ru.

Кадничанская Марина Ивановна – канд. социол. наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета; e-mail: m-i-kad@yandex.ru.

Каргаполова Екатерина Владимировна – д-р социол. наук, профессор кафедры философии, социологии и лингвистики Астраханского инженерно-строительного института; e-mail: K474671@list.ru.

Касавина Надежда Александровна – канд. филос. наук, старший научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Москва; e-mail: kalyuznaya@bk.ru.

Когай Евгения Анатольевна – д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета, председатель комиссии по вопросам культуры, науки и образования Общественной палаты Курской области; e-mail: eakogay@mail.ru.

Коломенская Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета; e-mail: nastazi19@mail.ru.

Колпакова Татьяна Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета, Чита; e-mail: tataktv@mail.ru.

Котельникова Ольга Вячеславовна – зав. учебной лабораторией «Социолог» Ульяновского государственного университета; e-mail: kotelnikova.91@mail.ru.

Кох Иван Адамович – д-р социол. наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Екатеринбург; e-mail: kia4@mail.ru.

Крупчатникова Вера Витальевна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики Новосибирского государственного технического университета; e-mail: premiera_vera@mail.ru.

Кубикова Наталья Владимировна – аспирант кафедры социологии и политологии Курского государственного университета; e-mail: Nata-kubikova@mail.ru.

Кудинова Галина Эдуардовна – канд. экон. наук, доцент, старший научный сотрудник, зав. группой «Экономика природопользования» Института экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти; e-mail: GKudinova@yandex.ru.

Кульсеева Татьяна Гавриловна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной работы Курского государственного медицинского университета; e-mail: kulsi@rambler.ru.

Кучинская Татьяна Николаевна – д-р филос. наук, профессор кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета, Чита; e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru.

Лавренюк Наталья Михайловна – канд. соц. наук, доцент, докторант Башкирского государственного университета, зав. сектором социального проектирования Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, старший научный сотрудник Башкирского филиала Института социологии РАН, Уфа; e-mail: nmlavr@yandex.ru.

Лапин Николай Иванович – д-р филос. наук, руководитель Центра изучения социокультурных изменений, главный научный сотрудник, советник РАН Институт философии РАН, Москва; e-mail: lapini31@mail.ru.

Ласточкина Мария Александровна – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, Вологда; e-mail: mashkor@mail.ru.

Лебединцева Любовь Александровна – д-р соц. наук, доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: llebedintseva879@gmail.com.

Ловчев Владимир Михайлович – д-р истор. наук, профессор кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета; e-mail: v.lov4ev@yandex.ru.

Мажитова Альфира Раисовна – канд. филос. наук, ученый секретарь Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, Уфа; e-mail: karagai-kipsak@yandex.ru.

Маркова Юлия Сергеевна – ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: julyamarkova@gmail.com.

Мартышкин Сергей Алексеевич – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Самарского государственного университета; e-mail: martyshkin@bk.ru.

Мосин Василий Иванович – канд. филос. наук, доцент, генеральный директор Тульского социологического центра; e-mail: mosin55@bk.ru.

Мостовая Елена Борисовна – д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии Новосибирского государственного университета; e-mail: 3304146@mail.ru.

Мочалова Людмила Анатольевна – д-р экон. наук, доцент, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Уральского государственного горного университета, Екатеринбург; e-mail: lyudmila.mochalova@m.ursmu.ru.

Мурзина Диляра Шамилевна – канд. полит. наук, доцент кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета; e-mail: MulyukovaDi@yahoo.com.

Немировский Валентин Геннадьевич – д-р социол. наук, профессор Сибирского федерального университета, Красноярск; e-mail: valnemirov@mail.ru.

Немировская Анна Валентиновна – канд. социол. наук, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; e-mail: annanemirov@hse.ru.

Нестерова Светлана Игоревна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Международного института рынка, Самара; e-mail: nesvig@mail.ru.

Панкова Светлана Николаевна – канд. соц. наук, доцент кафедры социальной работы Уральского федерального университета, Екатеринбург; e-mail: pankova99@gmail.com.

Пасовец Юлия Михайловна – канд. соц. наук, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета; e-mail: yulia_rasovets@mail.ru.

Петросян Дмитрий Ильич – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: ilyich87@yandex.ru.

Петухов Константин Алексеевич – канд. полит. наук, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: soccntr@psu.ru.

Плеханов Евгений Александрович – д-р пед. наук, канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: eaplekhov@gmail.com.

Плотникова Елена Борисовна – канд. истор. наук, доцент, зав. кафедрой социологии Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: Plotnikova1958@yandex.ru.

Попова Ольга Васильевна – канд. экон. наук, доцент кафедры инновационного и проектного управления Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; e-mail: popovaolga75@mail.ru.

Потапова Ирина Ивановна – канд. экон. наук, доцент, декан факультета экономики, управления недвижимостью Астраханского инженерно-строительного института; e-mail: ipotapova@list.ru.

Прокопчук Татьяна Леонидовна – студент Курского государственного университета; e-mail: prokopchuk.tatyana@mail.ru.

Прохоров Денис Викторович – канд. социол. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского государственного университета; e-mail: devipr@yandex.ru.

Романенко Михаил Алексеевич – канд. юрид. наук, генеральный директор ООО «Угольные инновационные технологии», УК «Сберинвест», Москва; e-mail: apenkosn@yandex.ru.

Ромашкина Гульнара Фатыховна – д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике Тюменского государственного университета; e-mail: gr136@mail.ru.

Салахутдинова Резида Халяфутдиновна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: rezeda_soc@mail.ru.

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – канд. социол. наук, доцент, зав. кафедрой социальных технологий Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Чебоксарский филиал); e-mail: ninapolupan63@rambler.ru.

Сергеев Сергей Алексеевич – д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета; e-mail: Sasergeev1@rambler.ru.

Скворцова Оксана Васильевна – канд. пед. наук, доцент кафедры математического анализа Института физико-математического и информационно-экономического образования Новосибирского государственного педагогического университета; e-mail: skv-ok@yandex.ru.

Слобожанин Алексей Вячеславович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; e-mail: Tiaen@rambler.ru.

Тарасов Владимир Тимофеевич – канд. экон. наук, профессор кафедры экономики и корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Чебоксарский филиал); e-mail: taranet@orionet.ru.

Харитонов Валентина Григорьевна – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, Чебоксары; e-mail: val1957@rambler.ru.

Цлаф Виктор Михайлович – канд. техн. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Самарского государственного университета; e-mail: sbs@samaramail.ru.

Чигрин Виктор Александрович – д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальной философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Симферополь; e-mail: sociochigrin@mail.ru.

Чилимова Татьяна Анатольевна – доцент кафедры финансовых рынков и банковского дела Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург; e-mail: tachil77@mail.ru.

Шабунин Дмитрий Михайлович – канд. социол. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин и психологии Самарского государственного университета (Тольяттинский филиал); e-mail: dmitri_tlt@mail.ru.

Юрина Владлена Сергеевна – канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Поволжского государственного университета сервиса, Тольятти; e-mail: vlada_tlt@mail.ru, v.iurina@yandex.ru.

Юсупов Муса Мовлиевич – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социальной работы Чеченского государственного университета, Грозный; e-mail: musa_y17@hotmail.com.

Яцкова Дарина Сергеевна – студент факультета философии, социологии, культурологи Курского государственного университета; e-mail: darina22.07@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"» выходит 4 раза в год (ежеквартально) объемом около 200 страниц и состоит из разделов «Менеджмент и маркетинг: теория, методология, практика», «Региональная экономика и управление публичной сферой», «Экономика и финансовая политика». Перечень разделов каждого номера определяется тематикой поступивших и публикуемых материалов.
2. Статьи, обязательно подписанные автором, сдаются или присылаются ответственному редактору в электронном и распечатанном варианте по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, ОмГУ, Экономический факультет (редакция журнала «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"»), – или пересылаются на e-mail: vestnik@omesc.ru.
Кроме статьи автор отдельным файлом предоставляет сведения о себе, которые должны содержать: Ф.И.О. (полностью), место работы (учебы), должность, ученую степень (если есть), адрес, контактный телефон, адрес эл. почты.
3. Объем статьи для докторантов, кандидатов и докторов – до 1 п. л., для других авторов – до 0,8 п. л. Плата за публикацию с авторов не взимается.
4. Каждая статья проходит обязательное рецензирование специалистами той отрасли знания, по которой она предложена. Автор предоставляет две рецензии, желательно – из числа рецензентов, рекомендованных редакционной коллегией журнала (см. список на сайте экономического факультета ОмГУ www.omesc.ru в рубрике «Журнал»). В случае необходимости редколлегия может направить статью на внешнее рецензирование. Статьи, получившие отрицательные рецензии, возвращаются авторам (вместе с рецензией).
5. Статья должна быть тщательно выверена автором. Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также корректность использования материалов из других источников несет автор. Точки зрения автора(ов) и редакционной коллегии могут не совпадать.
6. Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с автором. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. Статьи с превышением норм технических погрешностей и ошибок (от 5 ошибок) в номер не включаются.
7. Редакция не вступает в переписку и объяснения по поводу отклонения статьи к публикации. Рукописи и дискеты авторам не возвращаются.
8. **Требования к оформлению предоставляемых материалов:**
Текст набирается в MS Word гарнитурой Times New Roman 12 кеглем через 1,5 интервала, поля – 20 мм со всех сторон.
В верхнем левом углу листа ставится УДК. Название статьи – прописными буквами (жирным шрифтом, по центру). Ф.И.О. автора(ов) (жирным шрифтом, по центру), место работы автора (курсивом по центру). Ниже через строку – реферат на русском и английском языках (объемом до 250 слов, 11 кегль), затем ключевые слова на русском и английском языках.
Ссылки оформляются цифрами в квадратных скобках (например, [1]) по тексту и приводятся в конце статьи в порядке их упоминания в тексте. Для иноязычных статей допускается оформление ссылок по гарвардскому стилю.
Примечания оформляются в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты примечаний относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ (до списка литературы) и нумеруют числом в виде верхнего индекса.
В основном тексте допускается не более трех таблиц и рисунков.
Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми (цветные – не принимаются) и четкими. При необходимости используется черно-белая (но не серая) штриховка.
Буква Ё употребляется в тех случаях, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова или указать произношение малоизвестных слов и терминов. Во всех иных случаях допускается замена Ё на Е.
Статьи, оформленные с нарушением настоящих требований, приниматься к публикации не будут.

ЖДЕМ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!